История

Самарканда

ИСТОРИЯ САМАРКАНДА

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИСТОРИЯ САМАРКАНДА

В ДВУХ ТОМАХ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
И. М. МУМИНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
В. А. АБДУЛЛАЕВ, М. У. АМИНОВ, Р. Х. АМИНОВА, М. А. АХУНОВА, К. А. АКИЛОВ, Я. Г. ГУЛЯМОВ, Х. З. ЗИЯЕВ, Х. Ш. ИНОЯТОВ, Т. Н. КАРЫ-НИЯЗОВ, Б. В. ЛУНИН, М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Г. Р. РАШИДОВ, И. И. УМНЯКОВ, А. Ф. ЯЦЫШИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Самарканд — один из древнейших городов и центров цивилизации — внес большой вклад в сокровищницу мировой культуры и науки. Узбекский народ, народы всей Средней Азии вправе гордиться Самаркандом, имеющим богатую и славную историю, городом, игравшим крупную роль в материальной и духовной жизни народов Средней Азии.

В годы Советской власти Самарканд стал важным промышленным и культурным центром Узбекской ССР.

В соответствии с решением ЦК КПУз Институт истории и археологии АН УзССР совместно с Самаркандским государственным университетом им. Алишера Навои подготовил двухтомное издание истории Самарканда, посвященное 2500-летию города.

В написании первого тома принимали участие следующие авторы.

«Самарканду 2500 лет» — акад. АН УзССР И. М. Муминов. Глава I — канд. ист. наук А. Аскаров и доцент Д. Н. Лев. Глава II: раздел 1 — акад. АН УзССР Я. Г. Гулямов и канд. ист. наук Г. В. Шишкина; раздел 2 — канд. ист. наук А. Мухамеджанов; разделы 3 и 4 — д-р. ист. наук В. А. Лившиц; раздел 5 — кандидаты ист. наук С. К. Кабанов и Ш. С. Ташходжаев. Глава III: раздел 1 — Я. Г. Гулямов; разделы 2, 3 и 4 — канд. ист. наук Т. Кадырова; раздел 5 — А. Мухамеджанов; раздел 6 — канд. ист. наук Л. И. Альбаум. Глава IV: раздел 1 — канд. ист. наук М. Н. Федоров; раздел 2 — канд. ист. наук Б. А. Ахмедов; раздел 3—чл.-корр. АН УзССР Р. Н. Набиев, чл.-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский.

Глава V: раздел 1 — И. М. Муминов; раздел 2 — профессор И. И. Умняков; раздел 3 — канд. ист. наук Р. Г. Мукминова; раздел 4 — акад. АН УзССР Т. Н. Кары-Ниязов; раздел 5 — акад. АН УзССР В. А. Абдуллаев и д-р филол. наук В. Валиходжаев; раздел 6 — чл.-корр. АН УзССР Г. А. Пугаченкова. Глава VI: разделы 1 и 3 — Р. Г. Мукминова; разделы 2, 4 и 6—канд. ист. наук М. М. Абрамов, Г. А. Пугаченкова; раздел 5—А. Мухамеджанов. Глава VII: раздел 1—кандидаты ист. наук М. Аминов и Т. Саидкулов; разделы 2 и 3 — канд. ист. наук С. А. Акрамов; раздел 4 — кандидаты ист. наук Т. Саидкулов и М. Фаттаев; раздел 5 — д-р ист. наук Х. Т. Турсунов; раздел 6 — д-р ист. наук Х. Ш. Иноятов. Глава VIII и библиографический указатель литературы по истории Самарканда — д-р ист. наук Б. В. Лунин; именной и географический указатели — М. Ю. Усманова, М. Ю. Усанова и С. Саибов.

САМАРКАНДУ 2500 ЛЕТ

Самарканд известен всем труженикам великой земли Советов и далеко за ее пределами. Как и другие города страны, Самарканд хорошеет изо дня в день. Это город рабочих, инженеров, техников, служащих пятидесяти промышленных предприятий и многочисленных строящихся заводов и фабрик, профессоров и преподавателей шести вузов и многочисленных средних учебных заведений; работников государственных и общественных организаций, энергосистем, коммунальных предприятий, кооперативных учреждений.

Широкая улица им. К. Маркса, красивый проспект, носящий имя Ленина, Ташкентская улица, университетский бульвар имени Горького с могучими арчевниками, высокими тополями и вековыми дубами украшают древний город. Изящное здание Государственного театра оперы и балета с прилегающей к нему обширной площадью — одно из излюбленных мест горожан. Недалеко от площади на возвышенности находится древний Регистан, где в ноябре 1917 г. трудящиеся Самарканда торжественно и твердо сказали Революции «быть», а реакции, помещичье-буржуазному колониальному строю — «не быть». С тех пор над Самаркандом во славу великого Союза Советских Социалистических Республик, Узбекской Советской Социалистической Республики реет алый флаг — символ мира и социализма, свободы и дружбы народов.

В Самарканде — частице страны Советов — расцветают материальные и духовные силы народа, в ожесточенной классовой борьбе завоевавшего государственную власть и совершающего поистине чудесные дела вместе со всем советским народом под руководством ленинской Коммунистической партии.

Празднование 2500-летия древнего и вечно юного Самарканда, воздвигнутого благодаря труду, искусному мастерству, таланту и гению трудовых масс,— один из ярчайших фактов нашей социалистической действительности.

* *
*

Со времени основания до наших дней Самарканд прошел сложный исторический путь: поселение на месте городища Афрасиаб — VII—VI вв. до н. э., Мараканда — V в. до н. э., Афрасиаб — V—VII вв. н. э., Самарканд—Симизкент — до XIII в. н. э. и Симизкент — Самарканд в XIV—XV вв. как столица Мавераннахра, Самарканд с конца XVI до середины XIX в. в составе Бухарского эмирата, Самарканд в колониальный период с 1868 г. по 1917 г. и Самарканд в советскую эпоху.

Каждый исторический период в жизни Самарканда имеет свои особенности, воплощает дух времени и аромат эпохи.

Подобно всем городам мира, Самарканд складывался и развивался как город на основе объективных законов исторического развития человеческого общества (развитие ремесла, торговли, централизация власти и возникновение крупных государственных образований).

С нашей точки зрения, в истории Самарканда можно выделить пять главных периодов: первый — становление города в эпоху родоплеменного строя и начала формирования рабовладельческих общественных отношений в виде крупного населенного пункта, по времени восходящего к VIII и VII вв. до н. э.; второй — в VI—IV вв. до н. э. в эпоху рабовладельческого общества и в период зарождения и развития феодальных отношений, вплоть до XIII в.

Судя по данным археологических раскопок на Афрасиабе, особенно 1965—1968 гг., территория города за это время почти не менялась.

В результате разрушительных завоевательных походов Чингиз-хана город в 1220 г. был стерт с лица земли и вновь возник на новом месте — вне границ Афрасиаба. Начало нового (третьего) периода жизни Самарканда относится к концу XIV в., когда Самарканд стал столицей обширного государства Тимуридов.

Четвертый период в жизни города связан с присоединением Средней Азии к России, появлением наряду со старым средневековым городом новой его части европейского типа.

Великий Октябрь открыл новую эру и в истории Самарканда, одного из центров революционного движения, одного из зачинателей социалистической экономики и социалистической культуры в Средней Азии.

* *
*

По древнейшей предыстории Афрасиаба, Мараканды, Самарканда богатые материалы добыты археологической экспедицией АН УзССР и СамГУ им. Алишера Навои под руководством Д. Н. Лева в 1958—1964 гг. на Самаркандской палеолитической стоянке, расположенной в центре современного города, на территории Комсомольского озера. По данным раскопок, самаркандская стоянка относится к эпохе верхнего палеолита и свидетельствует, что еще задолго до письменной истории на территории нынешнего Самарканда обитали древние люди, умеющие изготавливать орудия из кремня.

Д. Н. Лев писал: «На возвышенности Чупаната открыты каменоломни с огромным выходом зеленого кремня, из которого изготовлены многие орудия Самаркандской стоянки. Здесь в дальнейшем необходимо произвести земляные работы с целью подтверждения предположения о том, что обитатели стоянки добывали часть своего материала именно в этих местах».

Археологическими раскопками 1965—1968 гг., вскрывшими нижние культурные слои городища Афрасиаб, установлено, что еще в VII в. до н. э. здесь имелось развитое многоотраслевое ремесленное производство и разветвленная сеть ирригации.

К этому времени относятся также найденные при археологических раскопках 1965—1968 гг. типичные для того периода глиняные сосуды и другая домашняя утварь.

Афрасиаб — холм, окруженный рвами в соседстве с речкой Сиаб,— имел цитадель и был укреплен земляными стенами — валами с четырьмя воротами: северными, южными, восточными, западными. Возможно, указанный выше холм стал впоследствии одной из резиденций легендарного царя Турана Афрасиаба, воспетого поэтом Фирдоуси в его бессмертной поэме «Шах-Наме».

По сообщениям греческих историков, в том числе Квинта Курция, Самарканд при завоевании его Александром Македонским в 329 г. до н. э. был хорошо укрепленным благоустроенным городом (по окружности более 10 *км*), а народ его

мужественным, высококультурным и благородным. Очевидно, греческие историки называют Маракандой именно Самарканд, описывая героическую борьбу согдийцев против нашествия Александра Македонского, в частности, выступление согдийцев под предводительством Спитамена.

В 329 г. до н. э. штурмом овладев Маракандой — столицей Согдианы, Александр Македонский, как сообщают греческие историки, разрушил его, но затем восстановил цитадель для своего воинского гарнизона. Бабур, когда писал о постройке Самарканда Александром Македонским, видимо, имел в виду именно это обстоятельство.

В дальнейшем Самарканд, как и другие районы Средней Азии, входил сначала в состав государства Селевкидов, основанного одним из полководцев Александра Македонского — Селевком, а затем — Греко-Бактрийского царства, во главе которого стояла греко-македонская военщина в союзе с местными князьками-аристократами. Во II в. до н. э. это государство распалось под ударами местных, преимущественно кочевых племен, а позднее, уже в начале новой эры, на развалинах Греко-Бактрийского царства образовалось государство, организованное правителями из племени кушан и известное в исторической литературе как Кушанское царство, куда входил и Самарканд.

По данным последних исследований Г. А. Пугаченковой, центр этого царства находился в южной части современного Узбекистана.

Одним из развитых городов того времени, несомненно, был Самарканд. Хотелось бы привлечь внимание читателей к освещению истории Самарканда этого периода, сделанному В. А. Шишкиным. В северной части городища, над обрывом Сиаба, В. А. Шишкиным раскопано здание, построенное из крупного квадратного кирпича. Оно имело несколько помещений, в одном из которых сохранился очаг, вероятно, домашний алтарь огня. Много встречается посуды из глины прекрасной выделки и изящной, хорошо продуманной формы: кубки на высокой ножке и различной формы чаши и кувшины. По археологическим данным, город еще до новой эры и в первые столетия новой эры переживал эпоху значительного расцвета.

Богатое и могущественное в первые столетия своего существования Кушанское царство в III—IV вв. н. э., как пишет В. А. Шишкин, переживало глубокий упадок, вызванный непрерывными внутренними неурядицами и постоянными войнами. Но, вероятно, еще большее значение имели здесь изменения социально-экономического порядка.

Положение Самарканда как города изменилось в V—VI вв. н. э., когда произошло укрепление вновь образовавшихся государств-княжеств. В середине V в. господство в Средней Азии установили правители эфталитов, в следующем столетии — тюркские каганы. Но и те, и другие, видимо, мало вмешивались во внутренние дела среднеазиатских княжеств, предоставив им свободу внутреннего развития, что способствовало новому подъему хозяйственной и культурной деятельности народов Средней Азии.

Побывавший в Средней Азии в начале VII в. китайский посланник Вэй Цзе писал, что «все жители Самарканда искусные торговцы; когда мальчику исполняется пять лет, его начинают учить грамоте; когда он начинает читать, его заставляют учиться торговому делу». Купцы Самарканда проникали далеко в Семиречье и до границ Китая, где основывали свои торговые колонии.

Весной 1965 г. было сделано замечательное открытие — на городище Афрасиаб раскрыта часть руин большого жилого здания, датируемого VII в., принадлежавшего, несомненно, одному из богатых и влиятельных феодалов. В некоторых помещениях стены украшены сплошной росписью, от которой сохранились настолько значительные остатки, что позволяют по достоинству оценить искусство художников того времени.

В 650—655 гг. оживленный и богатый Самарканд стал объектом набегов арабских завоевателей, подчинивших себе ряд стран Востока. В 712 г. хорасанский наместник халифата Кутейба занял Самарканд. Завоеватели находились здесь под защитой мощных укреплений, что было особенно важно, так как восстания порабощаемого населения вспыхивали одно за другим.

В том же 712 г., когда Кутейба, оставив в городе свои войска, возвратился в Мерв, население Согда призвало из северных областей кочевых тюрок. Во власти арабов оставался только Самарканд. Страна вышла из повиновения и Кутейбе пришлось на следующий год снова завоевывать ее. Но и на этот раз территория Согда не была окончательно завоевана. Восстания продолжались и в последующие десятилетия, и не раз бывало так, что лишь Самарканд да отдельные хорошо укрепленные пункты сохранялись в руках арабов, а в 30-х годах VIII в. и Самарканд, хотя не надолго, был занят восставшим населением и пришедшими ему на помощь кочевыми тюрками.

Завоеватели пытались действовать не только военной силой. Одним из средств подчинения населения явилось распространение принесенной ими новой религии — ислама, воз-

никшей в первой половине VII в. в аравийских городах Мекке и Медине. Где силой и угрозами, где обещаниями различных мнимых благ, в частности, якобы освобождения от налогов, арабы стремились распространить ислам в Средней Азии. Они разрушили старые согдийские храмы, принадлежавшие огнепоклонникам — «магам», преследовали жрецов.

Знаменитый среднеазиатский ученый Беруни, живший в X—XI вв., сообщает: «И уничтожил Кутейба людей, которые хорошо знали хорезмийскую письменность, ведали их предания и обучали существовавшим у хорезмийцев наукам, и подверг их всяким терзаниям». Борьба с местной культурой, которая, несомненно, была значительно выше культуры завоевателей, происходила и в Согде.

Большое восстание вспыхнуло в Самарканде в начале IX в. На этот раз движение местных жителей возглавил один из арабских военачальников — Рафи ибн Лейс. Восстание продолжалось около четырех лет, но было подавлено.

В общей сложности больше полутора столетий продолжалась упорная борьба арабских завоевателей с нежелавшим покориться населением Согда, Ферганы и Шаша. Эта борьба тяжело отзывалась на состоянии страны, разоряемой почти непрерывными военными действиями, переживавшей разрушение, а то и уничтожение селений и городов, например, Пянджикента, жители которого были вынуждены оставить город и поселиться на новом месте.

Следы разрушений обнаруживаются и при раскопках на Афрасиабе. Украшенное стенной живописью здание, о котором сказано выше, оставалось, по-видимому, некоторое время пустым. Кто-то, возможно, арабы, смотревшие на изображение людей как на нечто запретное, недозволенное исламом, попортил живопись, перерезав изображения людей ножом или другим острым орудием. Можно предполагать, что город в целом пережил какой-то период запустения, если не полного, то на значительной его территории до того времени, пока он не был вновь заселен возвратившимися самаркандцами, а может быть и переселенцами из других разрушенных городов и селений.

Борьба за независимость от арабского халифата завершилась созданием государства Саманидов, столицей которого на некоторое время стал Самарканд, а затем с конца IX в. при Исмаиле Самани — Бухара. Однако и тогда Самарканд наряду с Бухарой оставался важным экономическим и культурным центром Мавераннахра.

Во второй половине IX — первой половине X в. население Мавераннахра, в том числе Самарканда, переживало новый

подъем экономической и культурной жизни. Город не только воскрес из руин, но расширился и украсился новыми зданиями. Он занимал весь холм городища Афрасиаб и был окружен мощными стенами с четырьмя воротами. К югу от него, за Кешскими воротами, находившимися недалеко от мечети Хазрат-Хызр, выросло торговое предместье (рабад) с базарами и мастерскими ремесленников. Жизненные центры города постепенно перемещались на юг, в район, где ныне возвышаются руины мечети Биби-Ханым, до Регистана и квартала Джакардиза включительно.

Но и старая часть города, на холме Афрасиаб, продолжала жить интенсивной жизнью. Она была хорошо орошена несколькими пересекающимися каналами, начинавшимися около мечети Хазрат-Хызр. Один из каналов шел прямо на север по направлению к современной аллее деревьев, пересекал по мощной дамбе широкую низину у подножия холма-цитадели и снабжал водой северную часть города по водопроводам из гончарных труб — кубуров. Два других магистральных канала шли в направлениях, по которым теперь проложены дороги на Ташкент.

Вдоль каналов проходили основные, магистральные улицы, начинавшиеся у Кешских ворот: западная шла к Бухарским воротам (к мосту через Сиаб по направлению к аэропорту), средняя — к цитадели, восточная — к воротам, находившимся в северо-восточном углу городища. Раскопками обнаружены остатки еще одного канала, шедшего в сторону Шахи-Зинда. От каналов отводилась мелкая распределительная сеть.

К голове распределительной сети (у мечети Хазрат-Хызр) вода подводилась с юга, видимо, каналом, проходившим через квартал Джакардиз. Поскольку местность между этим кварталом и стенами древней части города была низкой, древние ирригаторы возвели замечательное для своего времени сооружение, и вода проходила по аркаде, подобно знаменитым водопроводам древнего Рима. Сам канал, проложенный по аркадам, был обложен свинцом и известен под названием Джуи-арзиз («Свинцовый канал»). Время возведения этого сооружения, доказывающего высокое мастерство древних строителей, точно не установлено, вероятно, канал был построен еще до арабского нашествия.

В городе было много колодцев, очень глубоких, так как уровень грунтовых вод здесь находится далеко от поверхности.

Историки и географы средневековья сообщают, что улицы Самарканда были вымощены камнем. Это подтвердилось раскопками. Так, в 1965 г. в центральной части городища Афра-

сиаб открыт значительный участок, замощенный кусками ломаного сланца, добывавшегося из находящейся неподалеку возвышенности Чупаната. Приведенные выше выдержки из научных исследований В. А. Шишкина коротко, но ярко рисуют историю Самарканда того времени.

Историки и археологи, как указывает В. А. Шишкин, единодушны в суждении, что новое и, возможно, самое жестокое потрясение Самарканд испытал в марте 1220 г., когда к нему подошли полчища Чингиз-хана, захватившие уже в феврале того же года Бухару и значительную часть долины Зарафшана. Правивший в то время хорезмшах Мухаммед, объединивший под своей властью области Средней Азии, принял, как показывают исследования городских стен Афрасиаба, меры к укреплению города. Стены в значительной части были отремонтированы. В самом городе находилось много войск (по одним данным — свыше ста тысяч, по другим — около сорока). Однако господствовавшие в стране феодальные неурядицы, вражда между шахом и непокорными полководцами-феодалами не дали возможности организовать действенную оборону. Через несколько дней после того, как монголы осадили Самарканд, главари войска решили сдаться. Только в более укрепленной северной части города продолжала обороняться кучка храбрецов, но монголы взяли приступом и эту часть; последние ее защитники, около тысячи человек, укрывавшиеся в соборной мечети, были перебиты, а сама мечеть сожжена.

Как показали раскопки на месте мечети, она состояла из большого прямоугольного двора, окруженного галереей с деревянными столбами. Столбы и балки галереи были украшены резными узорами, и ныне хорошо заметными на кусках обуглившегося дерева.

Город подвергся жестокому грабежу. Тысячи искусных ремесленников, которыми так славился Самарканд, были уведены и розданы сыновьям и родственникам Чингиз-хана, у которых они должны были работать на положении рабов. На остальную часть населения наложили огромный выкуп.

После страшного разгрома в городе осталось, как сообщает побывавший в Самарканде китайский путешественник, не больше четвертой части населения. Оставшиеся в живых поселились в северной половине так называемого «старого города», где раньше находился рабад — торговое предместье. Древняя же часть города, на холме Афрасиаб, опустела навсегда, превратившись в груды развалин. Одной из важных причин того, что жизнь на Афрасиабе больше не возродилась, несомненно, послужило разрушение монголами такого замеча-

тельного сооружения, как «Свинцовый канал», снабжавшего город водой. Восстановление его оказалось не под силу опустошенному и разграбленному Самарканду.

Медленно и упорно восстанавливался Самарканд в XIII и XIV вв.

При Амире Тимуре в Самарканде велись большие строительные работы, тогда как за 150 лет до этого никакого крупного строительства не производилось. Об этом сообщают и Шарафуддин Али Йезди и Рюи Гонзалес де Клавихо — посол Испании при дворе Тимура в Самарканде (1403—1406 гг.). Как верно заметил В. В. Бартольд, Самарканд, по мысли Тимура, должен был стать первым городом в мире. Эта мысль отразилась и в постройке вокруг Самарканда ряда селений, получивших названия главных городов мусульманских стран: Багдада, Дамаска, Мисра (Каир), Шераза и Султании.

О Самарканде (Мараканде) писали историки, летописцы древней Греции, поэты и писатели слагали о нем песни и газели, им восхищались путешественники и ученые многих стран Востока и Запада как средоточием художественной и научной мысли, центром чудесных монументальных творений народных умельцев, искусных зодчих, прекрасных строителей, сумевших воплотить и запечатлеть в веках гений народа. Согласно сведениям Мирзы Бабура, Самарканд имел такие ворота, как Фируза, Аханин, Шейхзаде, Газуристан, Сузангаран и Чорраха, а внутренняя окружность крепостной стены Самарканда равнялась 10600 шагам.

Современные историки еще в 40-х годах нашего века писали о крайней необходимости всестороннего исследования социально-экономических отношений в феодальном государстве Тимура. С тех пор прошло более 25 лет, однако, к сожалению, еще не имеется опубликованных капитальных научных работ по данной проблеме. Исторические документы помогли бы вскрыть, в частности, глубокие классовые отношения и антагонистические противоречия, политические течения и борьбу между ними в государстве Тимура.

После захвата Средней Азии кочевниками во главе с Шейбани-ханом начинается новый этап в жизни Самарканда. Вследствие перевода столицы государства Шейбанидов в Бухару, он вошел в ее состав.

В XVIII в. в результате внутренних феодальных неурядиц, разорявших Мавераннахр, и похода в Среднюю Азию иранского Надир-шаха Самарканд еще раз опустел. Великолепные здания медресе и мечетей, возникшие на протяжении XIV—XVII вв., стояли заброшенными и пустыми. Только в городской цитадели ютилась кучка семей, которым, видимо, некуда

было податься. Но и после этого город вновь начал подниматься и к середине XIX в. заселился как возвращавшимися в него жителями, так и пришельцами из других областей и районов.

В начале 40-х годов XIX в. в описании Н. В. Ханыкова мы читаем: «Самарканд, про который поэты сказали, что он рай земли, должен был много потерять, чтобы дойти до настоящего своего положения, хотя оно не так плачевно как можно было думать из рассказов. Стена его находится в хорошем состоянии, она имеет вид довольно правильного четырехугольника, северная сторона коего впрочем шире. Наиболее неправильностей представляет она с западной стороны, где цитадель выдалась довольно далеко из городской стены, в ней также как и в бухарской стене, сделаны бойницы и бурджи, вышина и толщина ее те же, как и в Бухаре. Ворот в городе шесть. Они суть: 1) Деруазия Бухара; 2) Деруазия Пайкобак; 3) Деруазия Хазрияти Шахи-Зинда; 4) Деруазия Қаландар Хане; 5) Деруазия Сузангиран; 6) Деруазия Ходжа-Ахрар. Окружность города составляет 13 верст, а квадратная поверхность его равна 2280000 квадратным саженям или 2533,3 танапам, следовательно, более нежели 500 танапам, превышает пространство, занимаемое Бухарой, но это происходит от большого числа садов, находящихся в городе. В прежние времена пространство, занимаемое городом, было несравненно более, остатки стены, окружавшей его, находятся верстах в 4 от настоящей, с Западной стороны, с Северной же все пространство почти до самого Зарафшана, т. е. верст на 6, покрыто развалинами, называемыми Қалои Афрасиаб, впрочем надобно заметить, что такое протяжение город имел гораздо прежде Тимура, при нем же объем его был тот же, что и теперь, с той только разницей, что обработанность его окрестностей была несравненно более, чем ныне, потому что и доселе далеко за пределами обработанной земли попадаются остатки садов, бывших в соединении с садами окрестностей Самарканда. Город снабжается водой тремя ручьями, выходящими из Северных скатов Агалык-тау, первый выходит в город несколько восточнее ворот Ходжа-Ахрара и, обогнув восточную и северную стены цитадели, выходит на пашни, окружающие Самарканд, второй, втекая в город около ворот Сузангаран, выходит с восточной стороны городской стены и соединяется с третьим ручьем, омывающим ее с этой стороны и впадающим в Обибашарт или Обимашад, как называют ее простолюдины, обтекающим город с севера. Несмотря на такое богатство текущей воды, прорытых канавок, равно как и жаузов, в городе много, число сих последних в точности нам неизвест-

но. Караван-сараев каменных в городе два, бань три, две из них называют Хаммами Ходжа-Ахрар, третья же Хаммами Мири. Главные примечательности города состоят в остатках времен прошедших, настоящее поколение не только не создает ничего достойного описания. но и разрушает то, что было сделано прежде. Цитадель Самарканда весьма велика; она более Бухарской и даже более Каршинской, окружность ее равняется 3 верстам 100 саженям, поверхность же, занимаемая ею, есть 90000 квадратных сажень или 100 танапов. На этом пространстве расположены кладбище Кутби Чахар-духум, дворец Эмира, в коем находится тот знаменитый синий камень, на который всякий хан должен непременно воссесть, чтобы не оставить сомнений в своем Эмиратстве».

Так выглядел Самарканд, согласно сведениям Ханыкова, в 40-х годах XIX в. накануне завоевания его царизмом.

Завоевание Самарканда царскими войсками в 1868 г. довольно быстро изменило его облик. Стены, ворота крепости исчезли, появились новые европейского типа строения, составляющие основу новой части Самарканда. От древнего Самарканда остались лишь руины на Афрасиабе.

В этот период Самарканд становится одним из важных оплотов колониальной администрации царского самодержавия, подчиненных туркестанскому генерал-губернатору в Ташкенте. Колониальные власти все больше усиливают национальный и социальный гнет широких масс трудящихся.

Если в условиях античного мира Самарканд как столица Согдианы являлся средоточием различных форм эксплуатации рабов, ремесленников и крестьян, а во времена господства феодального способа производства служил важной базой притеснения крестьян и кустарей, то во второй половине XIX — начале XX в. Самарканд и его округа стали местом не только социального, но и национально-колониального гнета. В это время на новой основе развивалась и углублялась противоположность между Самаркандом и окружающими его сельскими поселениями.

До победы Октябрьской революции в Туркестане и до осуществления народных советских революций в Хиве и Бухаре, находившихся на положении колоний или полуколоний, страна насильственно удерживалась в роли поставщика различного сырья, которое обрабатывалось в центральных областях России. Это способствовало отсталости страны и мешало возникновению и тем более развитию промышленного пролетариата среди угнетенных народов Туркестана.

Эксплуататорская верхушка всячески разжигала вражду между трудящимися города и деревни, между представителя-

ми различных национальностей. Она «доказывала» горожанам, что крестьяне не такие полноценные люди, как горожане, что они сахроий музафахм—люди степи, простолюдины, «мало соображающие».

Невыносимым было положение трудящихся города. В ремесленных кварталах господствовали нищета и болезни. О широкой медицинской помощи народу и больницах для трудящихся не могло быть и речи.

Улицы города были узкие, кривые, лишенные зелени, дома глинобитные, без окон. Парки и другие места отдыха были недоступны народу. Одним из больных вопросов оставалось водоснабжение населения, хотя по многочисленным арыкам текли воды, загрязнение которых считалось страшным грехом. Хаузы-водоемы кишели бесчисленными микробами—носителями всевозможных болезней.

Многочисленные кладбища, расположенные в городской черте, придавали городам мрачный вид. Медресе и мактабы, мечети являлись рассадником невежества и мракобесия.

В 70—80-х годах XIX в. появилась новая часть города, в которой поселилась военно-колониальная администрация царизма, а в старом городе сосредоточились так называемые местные правители. В старом городе господствовало ремесленное производство (шелкоткацкое и др.), а в новом начали возникать заводы и фабрики, зарождался рабочий класс; в старом — господствовал ислам, а в новом, кроме культовых зданий христианской религии, стали появляться и такие просветительные учреждения, как русско-туземные школы, библиотеки, музей, кино и т. д.; в старом сохранялись дома старой архитектуры, а в новом возводились здания на основе европейской архитектуры, по новым принципам градостроительства.

Между старой и новой частями Самарканда существовала межа, установленная колониальной политикой царизма и направленная на усиление отчужденности между народами.

Антагонизм, существовавший еще при рабовладельческом, феодальном строе и царизме, выражался, с одной стороны, в том, что Самарканд был центром культуры, научной мысли Согдианы, Мавераннахра, Туркестана, а с другой стороны — военно-административным центром, важным узлом освободительных движений в Средней Азии (восстания Спитамена, Рафи ибн Лейса, сарбадаров, Намаза и 1916 года).

Главное и прогрессивное в развитии жизни Самарканда во второй половине XIX — начале XX в. заключалось в том, что Самарканд стал играть существенную роль в националь-

но-освободительном и рабочем движении, пропаганде европейской и передовой русской культуры и социал-демократических идей в Средней Азии. Этому прежде всего способствовало возникновение здесь заводов, фабрик, проведение железной дороги, возникновение светских школ, типографии. В Самарканде с течением времени сложились социал-демократические группы.

В дальнейшем соединение национально-освободительного движения с мощным революционным движением российского пролетариата, руководимого ленинской партией, привело к уничтожению ненавистного народным массам царского самодержавия, его военно-колониальной администрации и завоеванию трудящимися Туркестана свободы и независимости.

Великий Октябрь, открыв новую эру в истории всей нашей страны, открыл новую страницу и в истории Самарканда.

* *
*

Самарканду суждено было стать одним из первых опорных пунктов Советской власти в Средней Азии и одним из областных центров Туркестанской АССР, а после национального размежевания (1924 г.) — первой столицей Узбекской Советской Социалистической Республики (1925—1930 гг.).

Победа Октябрьской революции и успешное строительство социализма совершили коренной переворот и в социально-экономической жизни Самарканда, важнейшим итогом которого явилось всестороннее развитие духовных и материальных сил трудящихся страны Советов и ее органической части — Узбекистана, в том числе Самарканда.

Как столица республики Самарканд сыграл ведущую роль в разработке и осуществлении важнейших мероприятий по промышленному развитию Узбекистана, осуществлению в интересах дальнейшего развития сельскохозяйственного производства земельной и водной реформы, фактическому раскрепощению женщин из среды местных национальностей.

Велико значение Самарканда и в идеологической работе Коммунистической партии по воспитанию трудящихся в духе марксистско-ленинской теории, в духе социалистического интернационализма.

Некогда Самарканд славился как центр творчества титанов научной и художественной мысли средних веков. Через Самарканд держал путь в Бухару мудрый Рудаки. Великий Мухаммад Мирза Улугбек основал здесь свою школу астрономов, построил медресе и обсерваторию и создал всемирно

известное сочинение «Заджи Курагони» — квинтэссенцию научной и теоретической мысли своего времени. В Самарканде учились и творили некоторое время гениальные поэты-мыслители Абдуррахман Джами и Алишер Навои.

Самарканд и в советское время славится своими учеными, поэтами, художниками, народными умельцами, людьми, отдающими все силы и знания строительству коммунизма.

В годы Советской власти в Самарканде бывал и работал В. В. Бартольд, жил и трудился археолог-энтузиаст В. Л. Вяткин. Вложили весомый труд в духовное развитие города профессора А. М. Титов, С. А. Лясковский, Н. А. Миркулович, Силихонович, Парфенов, Факторович, Пулат Салиев, Абдурауф Фитрат Абдуррахман Саади, Атаджан Хашим, Миронов, Успенский, Савельев и многие другие.

Такие классики советской художественной литературы, как Хамза Хаким-заде Ниязи, Садриддин Айни, Хамид Алимджан также многие годы жили и творили в Самарканде. Здесь сформировалась плеяда выдающихся деятелей узбекской советской литературы: Миртемир, Уйгун, Айдын Сабирова и Амин Умари, Усман Насыр, Рано Узакова и многие другие.

Мы гордимся самаркандцами — борцами за власть Советов, героями Великой Отечественной войны, тружениками города, теми, кто своим творческим трудом вносит вклад во всенародное дело построения светлого здания коммунизма.

Самарканд встречает свой многовековой юбилей в расцвете сил. Благодаря неустанной заботе и вниманию Коммунистической партии и Советского правительства город растет с каждым днем, становится еще более красивым и благоустроенным городом нашего великого и любимого социалистического отечества.

ГЛАВА I

ДРЕВНЕЙШИЕ СЛЕДЫ ПРЕБЫВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ САМАРКАНДА

Местность, в пределах которой возник Самарканд, издавна заселена людьми. Следы их первоначального пребывания относятся к эпохе неандертальцев. Раннее заселение этой территории обусловлено природными условиями: обилием горных саев и ручьев, вытекающих из ущелий Зарафшанского хребта, многочисленными родниками в пойменных обрывах.

В 1947 г. открыта пещера Аман-Кутан в 43 *км* южнее Самарканда в районе перевала Тахта-Карача, в Бульбульзорсае, у нижнего селения Аман-Кутан. Эта типичная карстовая пещера являлась жилищем первобытного человека эпохи мустье.

Основным средством производства обитателей пещеры были каменные орудия, изготовленные из кварцита, диорита и кремня; массивные скребла со слегка изогнутым краем и грубые ножи с заостренными рабочими краями, листовидные орудия, обработанные с двух сторон, остроконечные и дисковидные нуклеусы.

В Аман-Кутане обнаружены очаги и ямы, заполненные мелкими обломками обгорелых костей животных, углями и золой. Для устройства очагов использовали естественные углубления в известковом туфе. В очагах найдены угольки и зола, а вокруг — каменные орудия.

Культурный слой пещеры насыщен обломками костей животных: кости расколоты вдоль, большая часть сохранила следы пребывания в огне. Судя по костным отбросам, люди в основном охотились на азиатского муфлана, а также бурого медведя, марала и других животных.

Другой памятник мустьерского времени — пещера Такалыксай расположена также в районе перевала Тахта-Карача

в 50 *км* к юго-востоку от Самарканда, на высоте около 2000 *м* над ур. м. Пещера Такалыксай карстового типа. Как и Аманкутанская, она образовалась в массиве мраморизованного известняка. При шурфовке на площадке пещеры на глубине 0,25—0,40 *м* обнаружены мелкие и раздробленные кости животных, угольки и несколько каменных изделий. Пещера Такалыксая была обжита первобытными охотниками намного позже, чем в Аман-Кутане.

Хозяйства древнейшего населения Самарканда были крайне примитивными. По словам В. И. Ленина, первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой.

В мустьерскую эпоху, как и в предыдущие, не было общественных групп, отсутствовала семья, население представляло собой однородный коллектив. Лишь в конце этой эпохи появляются первые зачатки родового строя и тотемистических представлений, развитие и формирование которых происходит на последующем этапе развития человечества.

Этот ранний период истории человечества Ф. Энгельс назвал «детством человеческого рода». Вслед за ним наступает пора возмужания, эпоха родового строя, материальные остатки которой исследованы и в черте нынешнего города. Появляются новые, более совершенные каменные орудия, улучшается техника их изготовления.

Самаркандская верхнепалеолитическая стоянка раннеродового общества открыта в 1939 г. Ее изучение ведется с 1958 г. по настоящее время.

Расположена стоянка в центре Самарканда на правом берегу древнего ручейка Сиабча, где ныне сооружено искусственное Комсомольское озеро, на небольшой трассе, хорошо сохранившейся у основания правого склона балки. Культурные остатки залегают в лессовидном суглинке, который геологически относится ко второй половине так называемого голодностепского цикла.

При раскопках обнаружено большое количество остатков ископаемой флоры и фауны, следы костров (места концентрации угольков), найдено около 7,5 тысяч экземпляров каменных орудий, изготовленных первобытным человеком (массивные каменные отбойники с характерными выбоинками от ударов, нуклеусы, от которых откалывались отщепы и пластины, и др.). Интересны кремневые и диоритовые «наковальни» различных размеров, на которых производилась вторичная и окончательная оббивка каменных изделий. Найдены незаконченные орудия (полуфабрикаты) и много осколков кремня. Орудия изготавливались в основном из кремня хорошего ка-

чества, а также халцедона, амфиболитового гнейса, роговика, диорита и иных горных пород, добываемых в районе Чупанаты, примерно в 8 *км* севернее стоянки.

Встречены также орудия, изготовленные из кремнистого сланца — «сырья», имеющегося в изобилии недалеко от места расположения остатков обсерватории Улугбека.

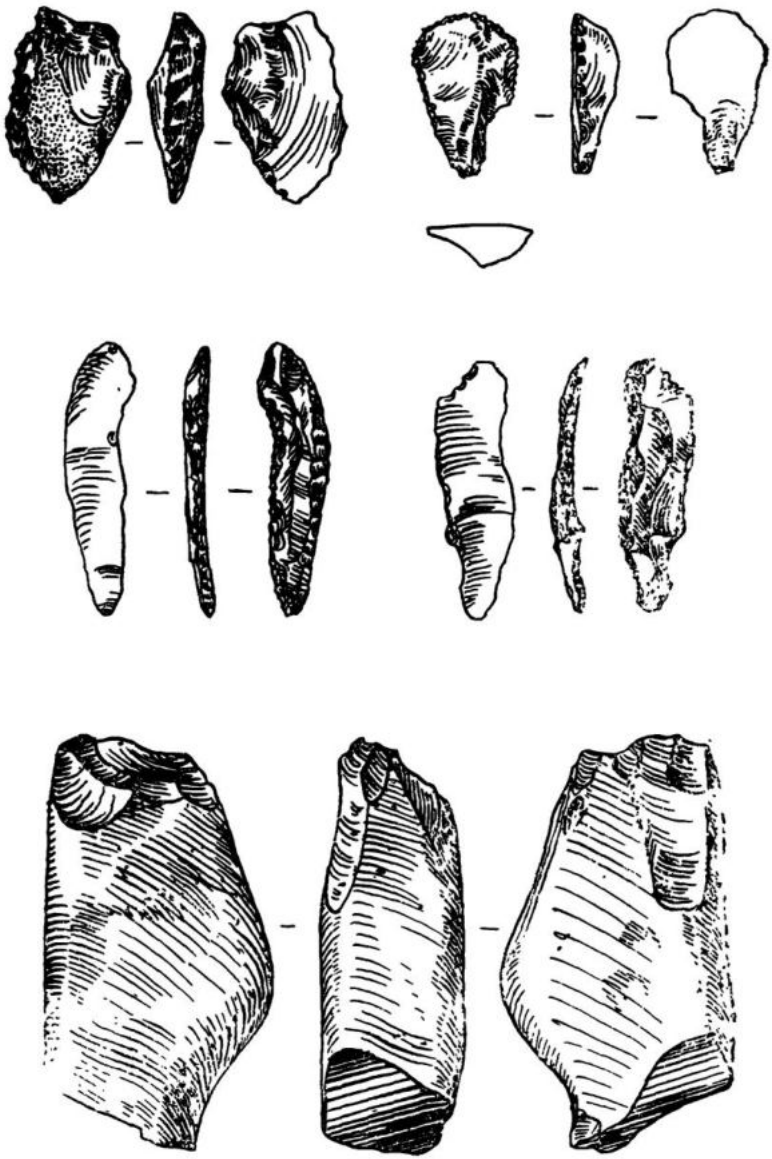
Найдены разнообразные орудия: скребки, резцы, острия, ножи, рубильца, скребла, орудия с выемками, нуклевидные, дисковидные остроконечники, отбойники, топоры, а также кремневые тонкие пластины с очень мелкой ретушью, предназначенные для раскройки шкур животных. Выразительна серия концевых скребков для обработки шкур животных и кремневых резцов для обработки костяных изделий.

Среди орудий выделяются пластины и пластинки с выемками по краям, которыми строгали деревянные предметы. Многие орудия самаркандской стоянки можно отнести к мустьерской эпохе. Особенно это относится к пластинам, отколотым от массивных нуклеусов, изготовленным из кремня, халцедона, диорита, имеющим широкие площадки и выпуклые ударные бугорки. С помощью этих «ножей» резали мясо.

Особый интерес представляют разнообразные кремневые и диоритовые топоры: от крупных (типа колунов) до небольших топориков. Некоторые кремневые топорики сходны с крупными топорами, изготовленными из галек. Лезвия топоров обработаны грубыми сколами с одной или двух сторон; лезвия крупных топоров, весом в несколько килограммов, оббивались тяжелыми кремневыми отбойниками на больших наковальнях. Такими топорами, прикрепленными к деревянной рукояти, свободно можно расколоть ствол дерева диаметром 10 *см* и более. Для изготовления топоров первобытные мастера выбирали крепкие и вязкие породы (амфиболитовый гнейс и др.). Один из таких топоров найден на месте изготовления, о чем свидетельствует обнаруженный рядом с ним осколок, полученный при оббивке асимметричного лезвия. Длина топора 16 *см*.

Из числа каменных орудий древних самаркандцев можно отметить тесла с хорошо оформленными овальными лезвиями, являющиеся прототипом тесел эпохи неолита.

И в других районах Самарканда сделаны находки, относящиеся к эпохе верхнего палеолита: на Овражной улице найден кремневый остроконечник мустьерской эпохи, на улице Войкова — многочисленные кремни-отщепы, по типу и материалу аналогичные отщепам самаркандской стоянки, на Дагбитской — скребло, изготовленное из отщепа зеленой кремневой гальки.

Каменные орудия из палеолитических стоянок Самарканда.

При раскопках самаркандской палеолитической стоянки встречались кости диких животных, большей частью расколотые и обожженные. Найдено много костей ископаемой лошади по типу близкой к лошади Пржевальского. Обнаружено большое количество костей дикого верблюда четвертичного периода, оленей различных видов (выявлены скопления рогов), а также плейстоценового кулана, еще и сейчас водящегося в районе каракумского Бадхызского заповедника по соседству с Ираном и Афганистаном. О занятии людей рыболовством свидетельствуют наконечники копий и дротики.

Встречаются следы искусственных жилищ. Убежищем первобытного охотника-неандертальца служили в основном естественные навесы, гроты и пещеры. Теперь первобытный человек «вышел из пещеры» и сам стал сооружать жилища, что привело к освоению им новых территорий не только в горных районах, но и на равнинах, вдоль небольших рек и озер.

Следы жилища на месте самаркандской стоянки охватывают площадь более 100 *м*². Жилище почти прямоугольной формы, земляного типа. Оно было расположено на берегу ручейка, возле которого и сосредоточивалась жизнь первобытного человека.

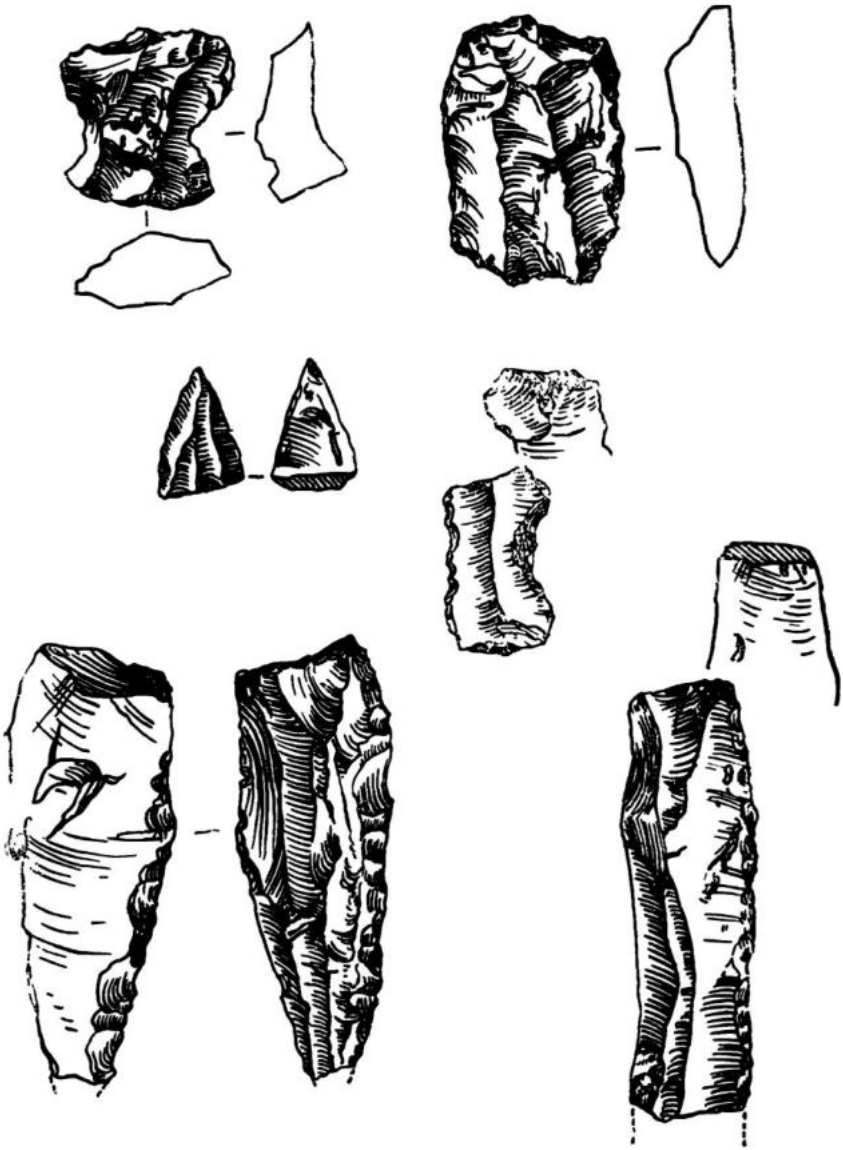
На месте жилища расположены остатки больших костров хозяйственного назначения, площадки для изготовления каменных орудий: сохранились остатки столбовых балок.

На смену неандертальскому человеку пришел кроманьонский — непосредственный предшественник человека современного физического типа. Костные останки людей кроманьонского облика обнаружены и на самаркандской стоянке.

Так, во время раскопок 1962 г. на глубине 3,2 *м* обнаружены зуб и фрагмент минерализованной нижней челюсти с хорошо сохранившимися девятью зубами и частью подбородочного выступа. Рядом лежал фрагмент плечевой кости человека. Антропологи полагают, что челюсть принадлежала женщине лет двадцати пяти.

В 1966 г. на месте стоянки на глубине 2,8 *м* найдена нижняя челюсть человека с десятью зубами. По предварительному заключению ученых, она близка по строению к первой челюсти и, видимо, принадлежала женщине лет тридцати пяти. При раскопках 1967 г. обнаружены коренной зуб ребенка и нижняя челюсть.

В 1964 г. найдено плохо сохранившееся ребро животного со специально сделанными первобытным человеком пятью насечками. Интересна встреченная в 1964 г. на глубине 2,55 *м* морская раковина с пробитым на ней отверстием, служившая предметом украшения. Эта раковина Poliviles of mammilla

Каменные орудия из палеолитических стоянок Самарканда.

(linne) происходит из тропической зоны Индийского океана, Красного моря и Персидского залива. В 1965 г. такая же раковина была найдена на глубине 6 *м* на Дагбитской улице Самарканда, где ранее встречались верхнепалеолитические кремневые изделия. Возможно, в те далекие времена племена Средней Азии поддерживали связь с племенами побережья Индийского океана и раковина попала на территорию Самарканда в результате обмена.

Украшения первобытного человека найдены при раскопках самаркандской стоянки в 1965 г.: восемь отполированных косточек в виде небольших овальных пластинок, одна из них с пробитым отверстием. При раскопках 1966 г. к ним прибавилась девятая плоская полированная косточка с просверленным с двух сторон отверстием. По определению специалистов, они служили подвесками ожерелья первобытного человека. В 1967 г. найдены две одинаковые по величине плоские белые галечки правильной округлой формы. В центре одной из них сохранились следы начатого просверливания. Это были заготовки для каменных подвесок украшений древних обитателей.

Интересная находка сделана при раскопках стоянки в 1967 г. В верхнем культурном слое обнаружена плоская, округлой формы галька со следами потертости в центре и правильными тонкими штрихами по окружности. Возможно, изображение на гальке связано с первобытным мышлением человека.

Геологические залегания культурных остатков стоянки изучали специалисты, по мнению которых суглинок, где расположены культурные слои, относится к так называемому голодностепскому ярусу — верхнему плейстоцену — 0,3, соответствующему в долине Зарафшана, Кашкадарьи и Амударьи позднечетвертичному отложению — II—III надпойменным террасам.

* * *

На территории самого Самарканда пока не найдено предметов следующего за палеолитом времени (мезолит-среднекаменный век, неолит — новый каменный век, эпоха бронзы), однако исследование его окрестностей показало, что и в более поздний период здесь жил человек. Известны две неолитические стоянки в селениях Тым и Сазаган, находящемся в 27 *км* к юго-западу от Самарканда на берегу Сазагансая. Здесь у отрогов Зарафшанского хребта найдена стоянка первобытных людей времени развитого материнского рода, занимавшихся

охотой, рыболовством и сбором съедобных диких растений. На стоянке обнаружено более 600 кремневых изделий (ножевидные пластинки, скребки, скобели, вкладыши серпов, проколки, нуклеусы, наконечники стрел и др.), имеющих микролитический характер. Они напоминают орудия, найденные на неолитических стоянках в низовьях Зарафшана (третье тысячелетие до н. э.), что указывает на существование связи между населением окрестностей Самарканда и других районов Средней Азии.

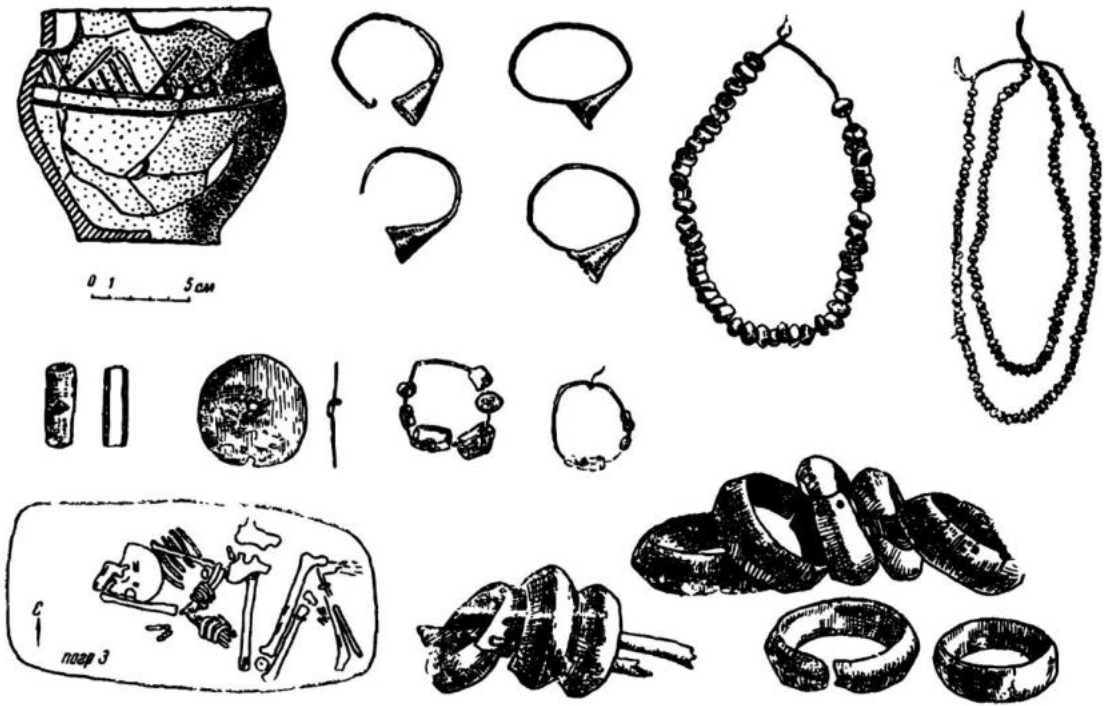
В эпоху бронзы (второе тысячелетие до н. э.) основные отрасли хозяйства, характерные для предшествующих эпох, утрачивают свою роль, возникают новые отрасли — земледелие и скотоводство, резко увеличившие производительность труда. Развитие скотоводства и земледелия значительно расширяет материальную базу общества и делает возможным регулярный обмен между различными племенами. Вследствие территориальной несовместимости этих двух отраслей хозяйства происходит первое крупное общественное разделение труда: выделяются пастушеские племена, изменяется и общественный строй. Совершается переход от матриархата к патриархату и появляются большие патриархальные семьи, ведущие обособленные самостоятельные хозяйства.

Памятники этого времени в Самаркандской области незначительны. В 1959 г. на бугре Навкатепа около Каттакургана была открыта стоянка. Навкатепа — небольшой останец искусственного холма, сильно разрушенного в более позднее время. Здесь найдено несколько обломков керамики (плоскодонные горшки со следами слабого обжига, украшенные «ёлочками» и рядами мелких треугольников, разделенных параллельными линиями).

Другой памятник эпохи бронзы — могильник, расположенный на берегу одного из саев предгорной полосы левобережного Зарафшана в селе Муминабад (под Самаркандом), исследованный в 1964 и 1966 гг.

На территории могильника вскрыто 5 могил с одиночными захоронениями людей в скорченном положении. В каждой могиле обнаружен глиняный сосуд, украшенный орнаментом в виде равнобедренных треугольников, ряда косых и коротких насечек, горизонтально расположенных зигзагов или ломаных линий, нанесенных часто гладким штампом. В отдельных могилах найдены обломки каменных зернотерок.

Захоронения производились в одежде, которую покойники носили при жизни. Одежда и головные уборы украшены многочисленными мелкими бусами, прикреплявшимися к ткани с помощью льняных нитей.

Комплекс археологических материалов из могильника в Муминабаде (бронза).

Возле погребенных оказались позолоченные серебряные височные кольца, бронзовые и золотые серьги с широкими раструбами и бубенчиками.

На руках покойников было по два, а иногда по три браслета, изготовленных из кованой полоски бронзы с желобчатой выпукло-вогнутой поверхностью; с одного конца браслеты напоминали голову змеи. В некоторых могилах находились небольшие круглые плоские зеркала с петелькой в центре, а однажды обнаружена костяная свирель.

Изучение краниологического материала могильника Муминабада указывает на генетическую преемственность антропологического типа населения эпохи бронзы с более древним населением Средней Азии, а параллели, выявленные на предметах материальной культуры, свидетельствуют о тесных культурных и этнических связях между оседлыми племенами Средней Азии и других районов.

Все это лишь первые находки предметов, характеризующих древнейшее прошлое Самарканда до зарождения здесь рабовладельческого общества.

ГЛАВА II

САМАРКАНД В ПЕРИОД РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДА

Земледельческо-скотоводческие племена древних согдийцев, выбирая места для военно-политической ставки, останавливались на урочище, известном впоследствии под названием Афрасиаб. Географическое положение урочища было выгодно и в оборонительных целях (естественная водная преграда с севера и востока, обрывистый западный край и т. п.).

Местность эта в те далекие времена представляла собой продолжение ската с юга на север. В результате накопления многовековых культурных наслоений и постройки в раннем средневековье южной оборонительной стены и городского рва здесь образовался бугор.

К середине первого тысячелетия до новой эры земледельческо-скотоводческие общества оазисов Средней Азии, находившиеся в тесном этническом, экономическом и военном контакте с кочевниками-скотоводами саками правобережных районов Сырдарьи, окончательно сложились в крепкие союзы, оказавшись под властью деспотических правителей и царей, какими являлись воевавшие с Мидией царь Хорезма и саков Аморг и царица Тамарис. Каждое доминирующее племя или союз племен, царство создавали оборонный пункт для ставки и защиты людей и скота от нападений, ибо в этот период родоплеменная военная аристократия ограбление соседних племен предпочла мирному труду, а тяжесть ведения хозяйства переложила на пленных.

Но посевы и пастбища прятать было невозможно. Возникла необходимость в создании мощных и обширных укреплений — «варов». Уже в первом письменном памятнике древних народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана Авесте содер-

жится сообщение, что бог Ахурамазда посоветовал легендарному царю древних персов Джемшиду построить вару для сохранения людей и скота. «И ийма (Джемшид) построил вару длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам и перенес туда семена, быков, людей, собак, птиц и огни красные, пылающие. Он сделал вару длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам жилищем для людей; вару длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам — загоном для скота. Туда он провел воду по пути длиной в хатр (около 1,5 км), там он построил жилище, дом, свод, двор — место, закрытое со всех сторон».

Крепости вокруг поселений оседлых земледельцев возникали и до авестийского периода (укрепленные поселения оседлых земледельцев конца II — начала I тысячелетия до н. э., т. е. финального этапа бронзового века на территории Ферганской долины). Это замечательные памятники так называемой чустской культуры, раскопанные в Чустском и Айимском районах. Густонаселенные, сплошь застроенные родовые поселения были обнесены оборонительными стенами из сырцового кирпича или пахсы. Они предшествовали варам, возникшим в результате перехода общин от использования ограниченных естественно-обводненных участков к интенсивному земледельческо-скотоводческому хозяйству с применением искусственного орошения на обширных равнинах. Это этап отделения кочевого скотоводства от оседлого земледелия, начало более организованного подхода к ирригационным мероприятиям при главенстве вождей союзов племен или царей. На данном этапе произошло расселение оседлых земледельцев на обширных, вновь осваиваемых просторах с постройкой обширных загонов типа варов (городища Эйлалатан в Ферганской долине, Кузали-Кир в Хорезме, Чирчик Робот на землях древнего орошения к востоку от Аральского моря). По времени им соответствует древнейший слой Афрасиаба.

На Афрасиабе у южного подножия стен городища около ворот Шахи-Зинда обнаружены остатки жилища VI в. до н. э. Они находились на материковом грунте, следовательно, это следы самого раннего поселения на Афрасиабе (слой «Афрасиаб I»).

Прослежены этапы обживания Афрасиаба с середины первого тысячелетия до н. э. и до XII—XIII вв. н. э. Следы древнейшего слоя отмечены в дальнейшем в нескольких пунктах Афрасиаба (в пяти — в юго-восточной части, пяти — на западе, а также на северо-западе и севере городища). Подобные следы не обнаружены в центре Афрасиаба, видимо, эта часть города была наиболее обжитой и на протяжении столетий

Городище Афрасиаб. Реконструкция. Худ. П. Д. Воронкин.

здесь произошло многократное перемещение культурных наслоений.

Следов обживания Афрасиаба в середине первого тысячелетия до н. э. много, но в раскопках, за исключением первого, остатков жилищ и иных сооружений не обнаружено. Это закономерно, так как Афрасиаб в то время был поселением типа авестийской вары. Основное население жило в ближайших окрестностях, а здесь со скотом и имуществом укрывалось от врагов. Осада обычно длилась недолго, и население, покидая укрепление, оставляло на его территории очаги, битую посуду и т. п. Судя по первой находке из слоя «Афрасиаб I», население жило к югу от современного Афрасиаба. Установить, где проходила южная стена древнейшего города, пока трудно, ибо эта часть Самарканда подвергалась многовековым изменениям и ныне занята жилыми кварталами.

Развитие городской жизни на Афрасиабе проходило в соответствии с подъемом и упадком политической и экономической жизни Согда, Мавераннахра и всей Средней Азии, так как Самарканд являлся важным узлом тогдашних мировых связей и через него проходили важнейшие пути дипломатических, торговых и культурных отношений стран Присредиземноморья и Ближнего Востока через Иран, страны Дальнего Востока, Центральной Азии, Индию, в города на нижнем течении Сырдарьи, оттуда в Сибирь и страны Восточной Европы. Положение одного из мировых торговых и культурных узлов Самарканд в полной мере, но с перерывами сохранил и в средние века.

Александр Македонский вынужден был вести вооруженную борьбу с отрядами Спитамена из-за Мараканды. Спитамен, не располагая равными силами, предпочел укрепиться в Мараканде и оттуда вести партизанскую войну против Александра, рассчитывая, очевидно, и на всеобщее выступление против завоевателя сакских племен засырдарьинских степей. Македонский, видимо, разгадал планы противника и вначале разрушил не Мараканду, а ее укрепления. Ученые пока не располагают материалами для установления размеров и топографии Мараканды к моменту прихода и господства македонян.

Археологический материал IV—I столетий до н. э. сосредоточен в северной части Афрасиаба. Это позволяет предположить, что именно здесь располагался греко-македонский гарнизон Мараканды.

Около середины III века до н. э. в Средней Азии произошли большие политические изменения. На грани IV—III вв. до н. э. из союза сакских племен на территории современного

Казахстана образовалось Кангское (в китайских источниках — Кангюйское) царство. Оно вытеснило союзы дайских (дахских), тоже сакских, племен, которые ушли на юг на территорию (современного Бактрии) Восточного Туркменистана и Северного Афганистана во владения преемников Александра — селевкидов. Эти же даидахи, или тохары по позднейшим источникам, в 250 г. в контакте с местной греко-македонской оппозицией свергли власть Селевкидов. Образовалось так называемое Греко-Бактрийское царство. Избегая межплеменных раздоров в борьбе за царскую корону, эти племена, видимо, согласились закрепить власть за греческой оппозицией, которая вела постоянную борьбу за независимость Бактрии с селевкидами Западной Азии.

Расположение Согда с Самаркандом между двумя царствами—Греко-Бактрийским на юге и Кангским на севере—не благоприятствовало развитию ни Самарканда, ни Согда в целом.

Обстановка резко изменилась при Кушанах. Новое царство, образовавшееся на развалинах Греко-Бактрийского государства на рубеже н. э. и успешно развивавшееся в первые века н. э. достигло больших размеров и могущества. Его владения простирались от Северной Индии до Кангского царства на нижней Сырдарье и от Каракумов до границ внутреннего Китая. Военная аристократия Кушанского царства и жрецы постепенно перестали рассчитывать на добычу путем ограбления чужих стран и искали более постоянную и надежную кормилицу—орошенную землю, которая находилась тогда в ведении общин. В этот период осуществлены грандиозные по тем временам ирригационные мероприятия, проложены крупнейшие оросительные каналы.

Расширяются мировые торговые, культурные и иные связи кушанских владений с соседними странами. Значительно оживляются города Средней Азии, появляются новые.

Судя по наблюдениям археологов, Самарканд в пределах Афрасиаба также заметно ожил и расширился. Раскопки на севере и юге Афрасиаба дали значительный материал о городской жизни кушанской эпохи.

Классификация археологического материала с городища Афрасиаб впервые разработана А. И. Тереножкиным. Дальнейшие работы подтвердили последовательность выявленных им слоев, но в то же время позволили дополнить, а иногда и изменить характеристику и датировку отдельных периодов:

I середина первого тысячелетия до н. э.
II III—II вв. до н. э.

III I в. до н. э. — I в. н. э.,
IV II—III в.,
V IV—первая половина V вв.,
VI V—VI вв.,
VII VII—середина VIII в.,
VIII конец VIII—начало IX вв.,
IX середина IX—X вв.,
X XI в.,
XI XII—начало XIII в.

Утвердившееся в науке мнение о древнем Самарканде времени походов Александра Македонского как о большом укрепленном городе все более подтверждается археологическими работами 1958—1965 гг. Значительно увеличилось число пунк-

Комплекс керамики V в. до н. э.

тов с залеганием непотревоженных слоев этого периода, выявились одновременные им остатки городских укреплений. Места с залеганием слоев середины первого тысячелетия до н. э. сконцентрированы на юге и северо-западе городища, но год от года благодаря новым данным границы этих районов расширяются. На западном и северном фасах городища на высоте 10 *м* и более от современного внешнего подножья холмов Афрасиаба прослежены вырытые в лессе горизонтальные площадки-террасы с лессовым вертикальным срезом со стороны городища. Сейчас они открыты во внешнюю сторону городища, но в древности, видимо, были защищены стеной, придававшей сооружению вид коридора, протянувшегося по пери-

метру города, и представляли собой древнейшие из известных оборонительных сооружений Самарканда. Время функционирования укрепления определяется скоплением на одном из участков террасы керамики середины первого тысячелетия до новой эры. Судя по распределению находок этого времени и расположению «террас», внутреннее укрепление занимало не менее четверти площади городища.

На обрывистом южном краю городища располагалась гончарная мастерская, в сохранившейся части которой найдены галечные шарниры от двух гончарных кругов. Севернее мастерской из одновременных ей слоев извлечены куски ошлакованного лесса. Следы гончарного производства выявлены и на севере городища — в большой низине в одном из слоев середины первого тысячелетия до новой эры. Низина заполнена натеками, насыщенными керамикой, попавшей сюда со склонов. Керамика представлена типичными для того времени сосудами.

Сильно пересеченная местность затрудняла водоснабжение города, куда вода могла быть подведена только с южной стороны возвышенности. Единственно возможными водными артериями города середины первого тысячелетия до новой эры представляются каналы, функционировавшие вплоть до разгрома города Чингиз-ханом. Существование каналов уже в первый период жизни города подтверждается системой водоемов в большой естественной низине, расположенной на северо-западе.

Небольшое плато Афрасиаба круто обрывается к руслам окружающих его протоков, и эта особенность рельефа местности, занятой городищем, способствовала включению расположенных на его территории поселений в единую систему обороны. На севере городища западнее остатков внутреннего укрепления («террасы») открыта пахсовая стена, возведенная на материковом лессе и по конструкции отличающаяся от упомянутых «террас». Поэтому стену следует отнести к другому оборонительному сооружению города, основанием для датировки которого служит примыкающий к внутренней поверхности стены двухметровой мощности зольник с керамикой, позволяющий определить период накопления зольника IV в. до н. э. и датировать стену не позднее этого времени.

Из сообщений Арриана и Квинта Курция Руфа известно, что в Мараканде имелась цитадель. Сведения Арриана об осаде Спитаменом македонского гарнизона в цитадели и Курция о том, что Спитамен заперся в стенах города, не покажутся противоречивыми, если представить первоначальную и более позднюю цитадели расположенными внутри города. Спи-

тамен, как пишет Квинт Курций, войдя в город, «заперся в стенах» его и осадил цитадель с загнанным туда гарнизоном.

Культурные слои следующих двух периодов (Афрасиаб II и III) прослежены по всей территории городища. Между пунктами залегания упомянутых слоев лежат значительные по площади пространства, на которых ранние наслоения уничтожены позднейшими земляными работами, но и там они фиксируются по находкам керамики в строительных материалах поздних сооружений. Наиболее четко стратиграфия наслоений II и III периодов выявлена на северо-западе городища, общая толща здесь около 3—4 *м*. В начале II периода этот район города обживался слабо и вскоре был занят кладбищем, могильные ямы которого прорезали незначительный (10—30 *см*) культурный слой. На следующих этапах в районе кладбища ведется интенсивное строительство, при котором нарушаются погребения и разрозненные кости скелетов попадают под полы разновременных (в пределах II периода) сооружений.

Гема — печать IV в. до н. э.

На северном краю Афрасиаба на протяжении около 40 *м* прослежена городская стена II периода с внутренним коридором, возведенная из квадратного сырцового кирпича. Керамика I периода, включенная в тело стены, зольники II периода, лежащие у ее основания и слой Афрасиаб I под стеной позволяют датировать ее возведение III в. до н. э. Стена строилась одновременно на значительном протяжении и проходила вдоль обрыва к протоку, следуя его естественным поворотам. Ни южного отрезка первого, ни двойного второго кольца стен, видимых в современном рельефе городища, в первые периоды развития города не существовало. Очевидно, структура города была простой и не включала других элементов обороны, кроме цитадели и внешней стены.

В начале III периода на северо-западе Афрасиаба возводятся новые постройки. В одном из раскопочных шурфов выявлены остатки ограды шириной 1,5 *м*, окружавшей двор жилища, и долго действовавший глинобитный очаг. Сооружение с принадлежавшим ему двором существовало длительное время, в течение которого ограда двора успела разрушиться и была отремонтирована. А спустя еще некоторое время двор превратился в мусорную свалку.

К концу III периода в жизни города происходят какие-то изменения. Городская стена не поддерживается, сплывает. Русла магистральных каналов заполняются керамикой III периода, что свидетельствует об обживании окружающей каналы территории и недостатке внимания к системе городского водоснабжения. По времени эти факты совпадают с наступлением кочевых племен, приведшим к образованию Кушанского государства и ослаблению власти и влияния Кангюйского царства.

Для III периода, как и для предшествующего, нет данных, определяющих размеры мощного укрепления III—I вв. до н. э., но собранные материалы позволяют с уверенностью говорить об освоении в это время всей территории Афрасиаба.

Выводы некоторых исследователей об отсутствии материалов первых веков новой эры на Афрасиабе и полном упадке жизни в Самарканде с переходом первенства в Согде к Кушании сейчас не подтверждаются. Судя по археологическому материалу, начавшийся еще в конце III периода упадок оказался кратковременным.

В начале IV периода на северо-западе городища возводится монументальное здание, характер которого не выяснен из-за малой площади вскрывшего его шурфа. О значительных размерах здания дает представление толщина стены в 3,2 *м*, сложенной из сырцового кирпича и блоков. Отремонтированное и расширенное после большого пожара, оно вскоре было оставлено, а его стены подверглись сильному воздействию атмосферных осадков. Все же полуразвалившееся здание сочли возможным использовать, прикрыв промоины в стенах тонкой пахсовой кладкой. Примерно в одно время с этим зданием на севере строятся жилища рядовых граждан с хозяйственными помещениями и домашней молельней. Здесь обнаружены алтарь из полукруглых керамических плит и терракотовые статуэтки, датируемые II—III вв. н. э.

Керамический комплекс, определяющий V период, на Афрасиабе пока не достаточно полный. Но уже есть материалы, иллюстрирующие преемственную связь слоев этого времени с предшествующим слоем Афрасиаб IV.

Объектом, характеризующим V период, остается пока только гончарная мастерская в районе мавзолея Ходжа Данияр. Облик керамического комплекса, полученного с полов мастерской, определяется сосудами типа вазы и кувшинами с шаровидным туловом и невысоким горлом.

В гончарной мастерской обнаружены явные признаки внезапно прерванной работы и бегства людей. Сопоставляя особенности керамического комплекса из мастерской с фактом

неожиданного прекращения ее деятельности, конец существования мастерской можно объяснить резкими изменениями в жизни города.

Период с конца III до середины V в. н. э. в жизни Самарканда не освещается выразительными данными. Обострение социально-политической борьбы между дехканской аристократией и свободолюбивыми общинами ослабило Кушанское царство, города переживали упадок, жизнь стала развиваться вокруг замков дехкан, вне старых городов.

Комплекс керамики первых веков до н. э.

На исследовавшихся участках городских укреплений стены IV в. не зафиксированы. Слои V—VI вв. на городище пока изучены слабо.

С конца V — начала VI в. в Согде развивается феодализм. Образуются самостоятельные земледельческие округи, базирующиеся на старых городах. Самарканд постепенно экономически крепнет и вокруг него воздвигается мощное двойное кольцо укреплений. Интенсивное заселение северо-западной части городища за пределами двойного кольца городских стен в VII—VIII вв. косвенно подтверждается значительным количеством согдийских монет с квадратным отверстием и мелкими фрагментами сосудов соответствующего им времени в кладках стен IX—X вв. Если учесть, что далеко не все монеты попадали вместе с землей в строительные растворы, то мощность слоя VII — начала VIII вв., нарушенного при строительных работах IX в., очевидно, была значительной. На юго-западе городища вскрыт слой, в котором обнаружены согдийские монеты V в. и фрагменты кружев с петлевидными ручками, горлышком и выпуклым туловом.

Строительный материал, система кладки и керамика не позволяют датировать отрезок южной городской стены временем более поздним, чем VII в. н. э. В том же районе горо-

дища близ мечети Хазрат-Хызр исследован погребок с обильными находками, в том числе согдийскими монетами с квадратным отверстием.

2. ВОДОСНАБЖЕНИЕ ДРЕВНЕГО САМАРКАНДА

В истории Самарканда важное значение имела проблема водоснабжения города. Без решения этого жизненно важного вопроса нельзя было обеспечить нормальное существование города в сложнейшей по рельефу местности на левобережье Зарафшана. Предгорная равнина левобережья долины Зарафшана (включая территорию Самарканда) издавна орошается Даргомской ирригационной системой, берущей начало в местности Раватходжа в 42 *км* к юго-востоку от Самарканда.

Для выяснения времени строительства канала Даргом группа археологов в 1967 г. провела исследования в верхней части Даргомской ирригационной системы. Как установлено, этот канал — главнейшая водная артерия левобережной части Самаркандского оазиса — построен на рубеже нашей эры, около двух тысяч лет назад. Следовательно, Даргом на несколько веков младше раннего Самарканда. Но откуда же древний Самарканд на Афрасиабе получал воду?

При проведении древнейших ирригационных систем города важное значение имело географическое положение местности. Самаркандский оазис состоит из двух частей: пойменной и надпойменной. Пойменная — эта аллювиальная равнина, т. е. древняя долина Зарафшана, а надпойменная — пролювиальная, предгорная. Самарканд расположен на пролювиальной равнине предгорной полосы левобережья Зарафшана, несколько возвышающейся над его древней (аллювиальной) долиной. Самаркандская равнина имеет падение с востока и юго-востока на запад и северо-запад, от предгорьев к долине Зарафшана. Средний уклон ее поверхности не превышает 0,004.

Стекающие с северных склонов отрогов Зарафшанского хребта саи в глубокой древности образовали многочисленные русла, прорезавшие предгорную равнину левобережья Самарканда. Вероятно, весенние селевые потоки этих саев доходили до Самарканда и впадали в Сиаб, левый берег которого на территории Самарканда прорезан глубокими и широкими каньонами древних русел, называемых в народе «джархо».

По мнению Г. В. Григорьева, одного из первых исследователей древнего Самарканда, система орошения города была связана с горными притоками — саями. Однако горные саи Самарканда не имели постоянного течения, носили временный

характер, весной превращались в бурные потоки, а летом высыхали.

Местность Самарканда богата грунтовыми водами, залегающими на глубине 1—20 *м*. С удалением от гор по мере понижения рельефа грунтовые воды приближаются к дневной поверхности, а в наиболее пониженных участках долины, особенно в глубоких ложах описанных выше саев, выклиниваются в виде родников с довольно значительным и постоянным дебитом. Несомненно, родники и служили основным водным ресурсом древнейших обитателей Самарканда. Об этом ярко свидетельствует верхнепалеолитическая стоянка, обнаруженная на территории Комсомольского озера в Самарканде и расположенная на правом берегу ручья Чашма-Сиаб, питающегося из родников. Многочисленные в окрестностях территории будущего города родники не могли не привлечь внимания и древних градостроителей Самарканда.

На территории города и сейчас имеются родники со значительным дебитом: на границе Афрасиаба на берегу Сиаба вблизи могилы Ходжи Данияра, в северо-восточном углу городища на левом берегу арыка Обимашхад (дебит родника до 0,001 *м*^{3}/*сек*), вблизи лимонадного завода у Ходжаахрарских ворот города, у Комсомольского озера и во многих других местах. Эти родники могли обеспечить водой не только древнейшее поселение, но и выросший на его основе древний Самарканд с многотысячным населением.

В глубокой древности родниковые водотоки, образовавшиеся в глубоких ложах саев, проложили естественное русло, прорезавшее в нескольких местах по меридиану территорию современного Самарканда и оставили на своем пути в ложбинах небольшие лужи и болота, покрытые зарослями и камышом. Родниковые водотоки впадали в Сиаб и через него в Зарафшан. Естественными ручьями родникового питания можно считать Обимашхад (Обимашад), Новадон, Чашма-Сиаб, или Сиабча, и др. Это подтверждается и сведениями, приведенными в исторических источниках: «Родник Обимашхад берет начало приблизительно в двух милях от Самарканда,— пишет Абу Тахир Ходжа,— подходит к городу с южной стороны с небольшим отклонением к востоку, протекает у основания городской стены и городища Афрасиаб и впадает в речку Сиаб».

Вероятно, древнейшая ирригационная система Самарканда, вначале снабжавшая водой главным образом население, сосредоточенное в пределах городища Афрасиаб, была проложена с учетом естественных ручьев родникового происхождения.

Самым многоводным из ручьев Самарканда был Новадон, общий дебит которого, по гидрологическим данным 1926 г., равнялся 0,072 *м*³/*сек* или 72 *л/сек,* что составляет более 6 млн. *л/сутки.* Такое количество воды могло удовлетворить бытовые нужды не только древнего Афрасиаба, но и густо населенного Самарканда эпохи Тимура и Тимуридов. По описанию Абу Тахира Ходжи, «родник Новадон входил в город Самарканд извне с южной стороны, протекая мимо городских ворот, называемых воротами Ходжа Ахрара. Пройдя по середине города, ручей этот впадал в Сиаб». Поэтому не исключена доля правды в сообщении автора исторического сочинения «Самарийа» о том, что «Новадон — тот самый родник, на котором был построен Самар».

Русла Новадона и другого естественного ручья родникового питания Обимашхада в древности были расположены гораздо выше, чем сейчас, и со временем углубились. Древнейшая же дневная поверхность территории Самарканда была ниже современной и постепенно поднималась за счет интенсивного накопления культурного слоя в результате активной городской жизни. Поэтому ирригаторы древнего Самарканда могли провести воду родниковых ручьев на территорию Афрасиаба.

Родниковые водотоки как основной водный источник, имеющийся на пролювиальной части долины Самарканда, играли важную роль в истории возведения древнейшего города на Афрасиабе. Об этом свидетельствует и тот факт, что воды Сиаба и Обимашхада почитались самаркандцами «благодатными...». С незапамятных времен на берегах этих «благодатных» вод ранней весной, накануне новогоднего праздника Навруз, проводились народные гуляния и торжества: «козонтулды» (котел наполнился пищей), «бойбулди» (стал богатым), «гунохтукилди» (смылись грехи) и другие, сопровождаемые церемониями и обрядами, связанными с местными домусульманскими культами.

Вода на Афрасиаб была проведена с южной стороны по трем магистральным руслам: центральному, западному и восточному. Центральный канал направлялся вначале на северо-восток, затем возле мазара Шейха Басира поворачивал на север — северо-восток и далее шел к цитадели. Остатки канала сохранились до наших дней: его следы хорошо прослеживаются на территории Афрасиаба на расстоянии около 1,5 *км.* По описанию В. Л. Вяткина, у входа в город от центрального канала выделялся левый — западный отвод, который от мечети Хазрат-Хызр направлялся на север к Бухарским воротам древнего города. У мазара Шейха Басира с правой стороны

центрального русла на восток — северо-восток отходил восточный канал. У мечети Хазрат-Хызр от центрального русла выделялся один из боковых отводов по направлению на восток, который орошал южную часть городища Афрасиаб. Ложе

Схема ирригационной системы древнего Самарканда (первые века до н. э. — первые века н. э.).

этого русла хорошо сохранилось в западной стороне ансамбля Шахи-Зинда.

Археологическими раскопками 1959—1965 гг. в нескольких пунктах по сухим ложам древней ирригационной системы Афрасиаба установлены не только размеры главных русел городского канала, но и относительное время их проведения и функционирования. Ценный материал дали шурфы и разрезы, заложенные в двух пунктах по центральному и трех пунктах по южному боковому руслам. На обоих участках обнаружены следы нескольких русел с отдельными слоями культурно-ирригационных наносов. Нижние слои относились к руслу античного времени, верхние — средневекового.

Древнее русло пролегало в материковой почве, было широким и мелким (ширина — свыше 6 *м*, глубина — не более 70—80 *см*). Поперечное сечение русла древнегородского канала Афрасиаба характерно для античных каналов, особенно хорошо изученных в древних земледельческих районах Хорезма. Как показали археологические раскопки, образовавшийся над первоначальным ложем канала за счет культурно-ирригационных наносов городской канал как в античном, так и в средневековом периоде имел несколько этапов существования.

От каждого из трех основных русел городского канала на территории Афрасиаба отходило несколько более мелких оросительных каналов, по которым вода поступала в большие водоемы. Остатки этих водоемов обнаружены в северной, северо-западной и южной частях Афрасиаба. Вероятно, эти древние водоемы играли исключительно важную роль в водоснабжении Афрасиаба, особенно во время осады города неприятелем, когда город лишался самоточной воды. На территории Афрасиаба и примыкающей к нему местности, кроме родника у мазара Данияра и речки Сиаба, не было другого надежного водного источника, способного обеспечить город водой в случае отвода городского канала или разрушения плотины и лишения обороняющегося города воды. Поэтому древние хаузы на Афрасиабе были необходимы, так как имели важное значение для обороны города.

Самый ранний керамический материал, извлеченный из нижних слоев русла канала, относится к первым векам до н. э. и к I—II вв. н. э. Это объясняется тем, что культурно-ирригационные наслоения обычно образуются с момента эксплуатации канала и особенно интенсивно увеличиваются в период запустения его, когда вся городская система водоснабжения по каким-то причинам остается без присмотра и регулярного ремонта. Вполне естественно, что древнейшая ирригационная система на Афрасиабе существовала и действовала задолго до образования культурно-ирригационных напластований на ее ложе. Возможно, она была сооружена в период основания Самарканда, т. е. на первом этапе жизни городища Афрасиаб. Однако общий дебит Новадона и Обимашхада был недостаточен для освоения больших земельных площадей вокруг городища Афрасиаба. Поэтому преобладающая часть окрестностей Самарканда в тот период была не орошена, а основные посевные площади располагались по аллювиальной равнине левобережного Зарафшана, т. е. в долине Сиаба, и орошались в основном многоводной речкой Сиаб, питающейся из многочисленных родников.

На рубеже новой эры в водоснабжении древнего Самарканда начался новый этап. В период господства Кушанской империи, когда рабовладельческий строй в Средней Азии достиг расцвета, по всей стране осуществлялось большое ирригационное строительство. В центре Согда в целях освоения предгорной равнины левобережья Зарафшана был прорыт магистральный канал Даргом, отведенный из Зарафшана. Благодаря этому каналу пролювиальная часть окрестностей Самарканда была полностью орошена и возделана. Специальный городской отводной канал, который питался ручьями Обимашхад и Новадон, переключал систему водоснабжения древнего Самарканда в Даргом. (Видимо, именно он получил впоследствии название Джакардиза или Чакардиза). Это исключительно важное ирригационное мероприятие, навсегда решившее проблему водоснабжения не только Самарканда, но и его пригородов, оставило следы на городище Афрасиаб, особенно отчетливо прослеживающиеся в разрезах центрального русла.

На рубеже новой эры в связи со строительством канала Даргом и переключением водоснабжения города в эту многоводную магистраль была восстановлена и древнейшая ирригационная система на Афрасиабе. Древнее русло почти не изменилось по ширине (6 *м*), но стало намного глубже (до 1 *м*), т. е. более многоводным. К концу IV — началу V вв. русло канала опять занесли наносы. К этому периоду дно и берега его поднялись еще на 40 *см*. Канал окончательно обмелел, его новое дно проходило на 1 *м* выше по сравнению с первоначальным.

Таким образом, древнейшая система водоснабжения Самарканда, основанная вначале на небольших ручьях родникового питания, переключенная затем в Даргомскую ирригационную систему, в античный период имела три этапа существования, которые хорошо прослеживаются в культурно-ирригационных слоях, образовавшихся над первоначальным ложем канала, проходившего по Афрасиабу. Древние ирригаторы Самарканда хорошо знали и учитывали естественную особенность каждого клочка местности и весьма удачно провели древнее русло канала в условиях сложнейшего рельефа территории Афрасиаба. Это подтверждается тем, что на протяжении всей истории, т. е. с момента образования Самарканда (с V в. до н. э.) и до разрушения его Чингиз-ханом, направление главных водных артерий Афрасиаба не изменилось. Со временем заброшенное русло или восстанавливалось, или вновь строившийся канал проходил, как показали археологические раскопки, по ложам античного канала Афрасиаба.

3. СОГД И ЕГО СТОЛИЦА САМАРКАНД

События, в связи с которыми античные авторы приводят название столицы Согда Мараканды, относятся к последней трети IV в. до н. э.— периоду вторжения войск Александра Македонского в Среднюю Азию (329—327 гг. до н. э.). История его похода в Среднюю Азию сохранилась в подробном изложении у грека Арриана (II в. н. э.) и римского писателя Квинта Курция Руфа (I в.).

Согласно источникам, Александр, достигнув Каспийских ворот, получил сообщение о том, что в лагере сторонников Дария III возник мятеж, возглавленный Бессом, сатрапом Бактрии и родственником Дария. Дарий был захвачен восставшими, низложен и убит. На сторону Бесса перешла большая часть ахеменидской армии, в том числе бактрийцы, и, по-видимому, саки и согдийцы. Среднеазиатские контингенты составляли значительную часть ахеменидских войск, активно участвовали в греко-персидских войнах V в. до н. э., а затем и в военных действиях против Александра.

В последней трети IV в. до н. э. в восточных областях державы Ахеменидов, в том числе в Бактрии и Согде, персидская администрация была представлена лишь сатрапом и его ближайшим окружением. Основную роль играла местная знать, подчинявшаяся в годы греко-македонского вторжения непосредственно сатрапу Бактрии Бессу и, видимо, в предшествующий период нередко вступавшая в конфликты как с центральной ахеменидской администрацией, так и с бактрийским наместником.

Уже в IV в. до н. э. Согдиана была страной развитого земледелия, основанного на искусственном орошении и использовании вод крупных рек, прежде всего Зарафшана. Археологические данные свидетельствуют о высоком уровне развития ремесленного, особенно гончарного, производства. Характерное для Средней Азии в первом тысячелетии до н. э. разделение труда, обусловленное сосуществованием оседло-земледельческого и кочевого скотоводческого укладов и развитием ремесла, в VI—IV вв. до н. э. приобретавшего уже товарный характер, способствовало развитию торговли. По сообщениям историков походов Александра, сельские поселения Согда в IV в. до н. э. представляли собой укрепленные деревни и крепости, расположенные обычно в долинах рек, на равнинах и окруженные глинобитными стенами. В горных местностях они могли иметь весьма сложные системы фортификаций. Среди крупных поселений Согда, известных по письменным источникам и археологическим данным, первое место занимала, не-

сомненно, столица Мараканда, обнесенная стеной и имевшая мощную цитадель.

Греко-македонцы, придя в Согд, должны были увидеть страну примерно такой, какой описал ее много позднее Истахри, изумлявшийся плодородию и богатству края: «Самаркандский Согд — я не знаю в нем и в Самарканде места, где, если подняться на что-нибудь возвышенное, то взор бы не упал на зелень и приятное место, и нет поблизости от него гор, лишенных деревьев, и пыльной степи... Самаркандский Согд — самое приятное из трех мест, которые мы называли, потому что он тянется, не прерываясь, вдоль реки Согда справа и слева от границы Бухары до границы Буттама, размеры его — восемь дней пути сплошь по зелени и садам. Это сплошные сады, окруженные каналами с постоянным течением, а среди лугов и полей — пруды (хаузы). Зелень деревьев и посевов тянется по обеим сторонам реки; по обе стороны зеленой (полосы) охраняемые посевы, а за этими посевами — пастбища для стад. Там крепость в каждом городе и селении, которая блестит в промежутках зелени как будто (зелень) — одежда из зеленой парчи, затканной руслами воды и украшенной блестками замков. Он (Согд), самая плодородная из стран Аллаха, в нем лучшие деревья и фрукты, во всех жилищах его сады, хаузы и проточные воды; редко, когда улица или дом не имеют канала с проточной (водой)».

Границами древнего Согда — Согдианы античных источников — были на юге Амударья, на севере — верхнее течение Сырдарьи. Таковы границы Согдианы в «Географии» Страбона, сведения которого можно считать достоверными. Подробное описание Согдианы содержится в сочинении географа Клавдия Птолемея, основанном на не дошедшем до нас труде Марина Тирского (начало II в. н. э.). Птолемей указывает, что южная граница Согдианы идет частью по Оксу (Амударья), частью проходит «около Кавказских гор, именуемых также Индийскими» (имеется в виду продолжение гор Паропамиса, т. е. Гиндукуша), по линии, проходящей от истоков Окса до точки, имеющей координаты 125° и 38°30′. На западе, согласно Птолемею, Согдиана отделялась Оксом от Маргианы. На севере «горы Окса» отделяли ее от «Скифии», на востоке Яксарт (Сырдарья) и горы комедов образовывали границу между Согдианой и саками.

Птолемей, как и Страбон, считал южной границей Согдианы Амударью, включая, следовательно, районы правобережной Бактрии (Тохаристан раннесредневековых источников) в состав Согдианы.

Древний Согд был, таким образом, более обширным, чем область, носящая это название в средневековой историко-географической литературе, в которой под Согдом понимаются прежде всего долины Зарафшана и Кашкадарьи.

Судя по ахеменидским надписям и данным античных авторов, в конце VI — начале V вв. до н. э. во времена Дария I, если уже не при Кире, Согд составлял, видимо, отдельную сатрапию. В списке податных округов ахеменидской державы, содержащемся у Геродота, Согд выступает в составе XVI округа вместе с Парфией, Хорезмом и Ареей (область современного Герата). Этот список, по мнению ряда исследователей, отражает политико-административное деление ахеменидского царства в период правления Ксеркса (486—465 гг.), и особенно Артаксеркса I (465—423 гг.), но, возможно, он отражает и более раннее деление.

В VI в. до н. э., при Дарии III, как явствует из сведений, сообщаемых Аррианом, Курцием Руфом и «Дорожником Александра», согдийцы, как и жители подвластной Ахеменидам части Индии, и «другие соседи Бактрии», входили в состав бактрийской сатрапии, возглавляемой Бессом. В битве при Гавгамелах Бесс командовал бактрийцами, согдийцами и индийцами (под последними, возможно, следует в данном случае понимать племена, жившие на северных границах Индии).

Многие из народов и племен, упоминаемых при описании персидской армии в битве при Гавгамелах, оказавшейся роковой для Ахеменидов, год спустя начали длительную самоотверженную борьбу с Александром. При Гавгамелах, как и много раньше, в период греко-персидских войн V в. до н. э., восточноиранские и среднеазиатские народы должны были защищать династию Ахеменидов, обложивших тяжелыми налогами и многочисленными повинностями все население державы (исключение составляли лишь персы, находившиеся в привилегированном положении).

По сведениям Геродота, ахеменидским царям Бактрия платила 360 талантов, Парфия, Хорезм, Согд и Арея — 300, саки и каспии — 250. Таким образом, три среднеазиатских сатрапии ежегодно платили Ахеменидам 910 талантов серебра — немногим меньше, чем Вавилония и Ассирия, самые богатые сатрапии державы «царя царей». Тяжелыми были и натуральные повинности, в том числе так называемые добровольные подношения продуктов и вина «царю царей» (очевидно, и сатрапам), о которых сообщается в Библии и античных источниках. Геродот рассказывает о существовании в Средней

Азии еще одного вида добавочного налога — платы за пуск воды на поля: за открытие шлюзов водохранилища персидский царь «взимает большие деньги сверх обычной дани».

Строительные надписи Дария I и эламские документы из Персеполя свидетельствуют о том тяжелом бремени, которое несли согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы и другие народы восточных областей державы.

Среднеазиатские контингенты вынуждены были участвовать в греческих походах Ксеркса, истощивших державу Ахеменидов. Пехота саков упоминается при описании боев при Фермопилах, а в битве при Платеях сражались бактрийцы и саки. Эсхил говорит о бактрийцах, павших в битве при Саламине (480 г. до н. э.): «Народ бактрийский совершенно погиб».

Поселения в западной части долины Зарафшана возникли очень рано, однако достоверных данных о существовании здесь городских центров в эпоху Ахеменидов нет. В письменных источниках прямых указаний на то, что в последней трети IV в. до н. э. в период похода Александра Македонского в Согд в нижнем течении Зарафшана существовал город, также не содержится. Название Трибактра в «Географии» Клавдия Птолемея, которое некоторые исследователи считают обозначением города Бухары, в других источниках не встречается и никаких следов в позднейшей топонимике этой области не оставило.

Упоминание Квинтом Курцием Руфом в рассказе о военных действиях на территории Согдианы в 329 г. до н. э. города Бактры, куда якобы отступил Спитамен из столицы Согда Мараканды, толкуется некоторыми исследователями как свидетельство существования на месте Бухары городского центра уже в IV в. до н. э. Однако сопоставление с данными других источников показывает, что название Бактры в данном случае Квинтом Курцием употреблено ошибочно.

Сами согдийцы свою страну в древности называли *Суғд*, более поздние фонетические варианты *Сғуд* и *Суғуд*. Прилагательное со значением «согдийский, согдиец» имело у них форму *суғдик* или *сғудик;* в том же значении известны варианты *суғдикане, суғдийане, суғде* и *судик,* восходящие к древнему прототипу *суғдийа* — «согдиец».

О столице области Самарканде в зороастрийской традиции существовало предание, связывающее основание города с эпическими героями Кей-Кавусом, сыном Кей-Кубада, и Сиявушем.

В современной топонимике долины Зарафшана древнее обозначение края сохранилось лишь в немногих названиях —

Согду, наименование летовки в долине р. Ягноб, и, возможно, *Сугут* (или *Сугут*) — селение в 75 *км* от Самарканда.

Таким образом, значение названия *Суғд*, прилагавшегося в древности к территории от Амударьи до Сырдарьи, неоднократно изменялось. Амударья считалась южной границей Согдианы, видимо, вплоть до середины II в. до н. э.— до падения Греко-Бактрийского царства, когда в результате завоевания Бактрии сакотохарскими племенами и оседания этих племен в районах к северу и югу от Амударьи образовалась область Тохаристан (упоминаемая в источниках с IV в. н. э.). Столицей этой области стал Балх, древние Бактры. В состав области вошла территория от «Железных ворот» до Бамиана, частью населенная согдийцами. Однако в связи с опустошением края греко-македонскими завоевателями, видимо, уже в конце IV в. до н. э. началось переселение части согдийцев из долин Зарафшана и Кашкадарьи на север и восток, продолжавшееся более тысячелетия. За пределами древнего Согда образовались многочисленные согдийские поселения. Так возник *Соғдак* в Семиречье — целая область с согдийским населением. Но в долине Зарафшана название *Суғд* стало постепенно употребляться в более узком значении и относилось только к самаркандскому Согду, а затем лишь к отдельным его волостям.

4. САМАРКАНД В ПЕРИОД ЗАВОЕВАНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ АЛЕКСАНДРОМ МАКЕДОНСКИМ И БОРЬБА СОГДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Правитель Бактрии Бесс имел огромную, самую мощную на Востоке бактрийскую сатрапию. Возглавляемые им при Гавгамелах отряды сохранили боеспособность и после отступления на восток. Вскоре после убийства Дария III в 329 г. Бесс принял царский титул, провозгласив себя Артаксерксом — «царем Азии», и начал собирать войско из бактрийцев, персов, бежавших в Бактрию, саков и других народов, «живущих по реке Танаис» (Сырдарья).

Между тем Александр, не без труда овладев Гирканией и прилегающими областями юго-восточного побережья Каспийского моря, вступил на территорию Парфии, где не встретил значительного сопротивления. После короткого отдыха греко-македонская армия устремилась к Бактрии. Авторитет Бесса, перса из рода Ахеменидов, видимо, сильно пошатнулся вследствие того, что он, приняв тронное имя Артаксеркса (древнеперсидское *Артахшаса* — обычное тронное имя Ахеменидов в V—IV вв.), объявил себя новым царем — и это в

период, когда династия Ахеменидов на востоке уже распавшейся империи была еще менее популярна, чем раньше.

Бессу удалось создать коалицию восточных областей (Бактрия вместе с Согдом, Арея, области южного Афганистана и юго-восточного Ирана) и привлечь к себе некоторых представителей местной, неперсидской знати, но он не смог сформировать достаточно мощной армии и противопоставить ее греко-македонской кавалерии, тяжелой пехоте (фаланги и гипастисты) и маневренным легковооруженным лучникам.

Подавив восстание в Арее, Александр направился в Дрангиану и овладел этой областью. Бактрия осталась без союзников. Попытки Бесса вновь поднять антимакедонское восстание в Арее оказались безуспешными. Александр весной 329 г., перевалив с основной частью армии через Гиндукуш (Кавказ античных историков), оказался на территории Бактрии и взял город Драпсаку (очевидно, современный Кундуз). К этому времени, согласно сообщению Арриана, в распоряжении Бесса находились «персы, принявшие участие в аресте Дария, около 7000 бактрийцев и дахи, народ, живущий за Танаисом», численность его войск была примерно в два раза меньше, чем у Александра. Основная масса бактрийцев не поддержала Бесса; бывшие его союзники были либо уничтожены (в частности, был убит Сатибарзан, сатрап Арея), либо покинули незадачливого «царя Азии».

Проиграв борьбу в Бактрии, Бесс решил переправиться через Окс (Амударью) и попытаться собрать силы на территории Согда. Вместе с ним через Окс перешли согдийские всадники во главе с согдийцем Спитаменом. «Бактрийские всадники, узнав, что Бесс решил бежать, разошлись в разные стороны к себе по домам». Вскоре после этого Александр почти без сопротивления овладел крупнейшими городами Бактрии — Аорном (современный Таш-Курган?) и Бактрами, столицей области. Так вся Бактрия оказалась в руках завоевателя и Александр мог готовиться к походу на Согд.

Война в Бактрии на несколько месяцев задержала вторжение греко-македонской армии в Среднюю Азию. Карательные экспедиции Александра в Арею, сопровождавшиеся массовыми казнями, показали местному населению, что греко-македонцы не только не избавляют от ахеменидского ига, но несут с собой не менее тяжелый гнет. Участники коалиции, возглавляемой Бессом, в том числе согдийцы и их предводитель Спитамен, в ходе разыгравшихся на территории Бактрии стычек и сражений, ближе познакомились с тактикой, боевыми порядками и вооружением армии Александра. События в Бактрии и действия Бесса помогли выиграть время, накопить опыт

боевых действий против грозной греческой фаланги и этим принести некоторую пользу народам Средней Азии в их борьбе против греко-македонских завоевателей. Но борьба в Бактрии и Арее была лишь прелюдией к будущим упорным сражениям с войсками Александра. Военные действия переместились на территорию Согда.

Исследование текстов античных авторов позволило довольно точно установить последовательность и ход событий, охарактеризовать цели и политику Александра и действия согдийцев и других народов Средней Азии, оказавших длительное героическое сопротивление греко-македонской армии. Но многие детали событий до сих пор остаются неясными.

Переправившись через Амударью, Бесс сжег суда «и ушел в согдийскую землю, в Наутаку». По мнению большинства исследователей, Наутаку следует искать в долине Кашкадарьи.

Александр, преследуя Бесса, переправился через Окс и вскоре получил известие, что Бесс взят в плен Спитаменом. Для захвата Бесса Александр отправил мощный отряд во главе с Птолемеем. Отряд прошел «за четыре дня расстояние, которое положено проходить за десять дней», но селение, где находился Бесс, располагалось еще дальше. Намерение местной знати выдать Бесса Александру преследовало, по-видимому, цель укрепить позиции и, возможно, предотвратить развертывание военных действий на территории Согда. Решение Спитамена и его сторонников покончить с персом Бессом было вполне естественным — бактрийский сатрап, объявивший себя «царем Азии», был политическим врагом Александра, но он отнюдь не являлся вождем, способным в случае необходимости возглавить борьбу с греко-македонской армией на территории Согдианы.

Александр, с армией и обозом, продвигался на север довольно медленно. Обязав местное население поставлять лошадей, он двинулся к Мараканде. Путь греко-македонских войск пролегал, вероятно, не через перевал, известный сейчас под названием Тахта-Карача, а по более легкой дороге — через нынешнее селение Джам. Эта дорога проходила по равнине, еще в конце XIX в. именовавшейся «степь Искандера» (дашт-и Искандер).

Мараканда сдалась Александру без боя в результате мирных переговоров. Оставив в Мараканде гарнизон, Александр «опустошил и сжег близкие деревни», очевидно, за то, что их жители участвовали в боях против греко-македонцев при их подступах к столице.

Из Мараканды Александр двинулся через Усрушану к Сырдарье. По дороге, как сообщает Арриан, македонцы-фу-

ражиры были уничтожены местными жителями, «которые затем бежали на гору, недоступную и со всех сторон отвесную. Было их тысяч 30». Александр пошел на них «с самыми легкими на ходу воинами». Македонцы несколько раз пытались взять штурмом возвышенность, но под стрелами укрывшихся там местных жителей вынужденно отступали, неся большие потери. Тяжелое ранение получил и сам Александр. Однако завоевателям удалось подняться на возвышенность. Многие из местных жителей, защищавших ее, погибли во время сражения, «многие погибли, бросаясь вниз со скал, так что из 30 000 уцелело не более 8 000 человек». Эти цифры показывают, что греко-македонцы встретились — впервые на территории Согдианы — с сильным сопротивлением со стороны местного населения. В. В. Бартольд полагал, что «македонцы уже здесь, очевидно, имели дело с организованным восстанием, а не со случайным столкновением при фуражировке». Район, где произошло сражение, можно локализовать в горах Усрушаны — «Согдийских горах», как, видимо, именует их в своей «Географии» Клавдий Птолемей.

На Сырдарье к Александру прибыли послы от «скифов-абиев» и «европейских скифов», т. е. сакских племен, живших за рекой.

Посольство от Александра к скифам было отправлено, как пишет Арриан, «под предлогом заключения дружбы; настоящая же цель этого посольства была в том, чтобы познакомиться с природой скифской земли и узнать, велико ли народонаселение, каковы его обычаи и с каким вооружением выходит оно на войну». А по сведениям Квинта Курция, посольство должно было передать «скифам», чтобы они без разрешения греко-македонцев не переходили Танаис (Сырдарью). Для защиты от набегов саков Александр решил построить на берегу Танаиса город, «назвав и его своим именем». Но в это время до него дошла весть о восстании «приречных варваров».

Из краткого сообщения Арриана о событиях того времени следует, что восставшие захватили и перебили расквартированные в их городах гарнизоны македонских солдат и, ожидая карательных экспедиций Александра, начали укреплять эти города. Одновременно подняли восстание и согдийцы, возглавляемые, как пишет Арриан, теми, «кто захватил Бесса», т. е. Спитаменом и его соратниками. К согдийцам примкнули и бактрийцы. По свидетельству Квинта Курция, ядро восставших составили 7 тысяч всадников (среди них было немало представителей согдийской и бактрийской знати). Александр пытался призвать к себе Спитамена и Кратера,

считая, что они «смогут привести к покорности восставших». Однако вожди восстания, справедливо полагая, что вызов в греко-македонский лагерь — лишь ловушка, не откликнулись на приглашение. «Они без труда побудили взяться за оружие людей, которые, боясь расправы, сами к этому стремились».

В сообщениях об этих событиях Спитамен впервые выступает как вдохновитель восстания. Представитель согдийской аристократии, он пытался предотвратить развертывание военных действий на территории его родины и вступал в переговоры с Александром. После занятия греко-македонцами столицы края Мараканды Спитамен трезво оценил создавшуюся обстановку. Жестокая расправа с горцами Усрушаны, как пишет К. В. Тревер, «открыла глаза не только населению, но и Спитамену и его сподвижникам на то, что готовил им македонский царь».

Александр двинул против восставших все свои войска. Лагерь его в это время находился, пожалуй, недалеко от Сырдарьи, в районе позднейшего Ходжента. Центром восстания были семь городов. Согласно Арриану, сам Александр направился к Газе — городу, который сопоставляют с Газаком (*Газак*) раннесредневековых географов и отождествляют с современным Нау. Подойдя к Газе, Александр приказал «с ходу брать город приступом, приставив повсюду кругом к его стенам, невысоким и сбитым из глины, заранее изготовленные лестницы. В то время, как пехота шла на приступ, пращники, стрелки из лука и дротометатели сбивали со стен бойцов; летели в них стрелы с машин. Очень скоро град стрел согнал со стены ее защитников; македонцы быстро приставили лестницы и взошли на стену». Так говорит Арриан о взятии Газы. По приказу Александра все мужское население города было истреблено; женщин, детей и добычу греко-македонцы взяли с собой. В тот же день, как сообщает Арриан, Александр захватил и соседний город, название которого в источниках не приводится. Подобно Газе, это поселение было взято штурмом, а «побежденных ждала та же участь». На следующий день войска Александра взяли и подожгли третий город.

Конница Александра окружила два других города. Когда жители этих поселений увидели «дым, поднимавшийся над соседними подожженными городами, и к ним прибежало несколько очевидцев штурма, спасшихся среди общего разгрома, тогда все как были толпой кинулись бежать из этих городов, наткнулись на стройные ряды всадников и были в большинстве своем изрублены».

Более значительное сопротивление оказал «город Кира», главный город древней Усрушаны, известный в античных источниках под названием Кирополь, Киры, Кирэсхаты. «Город Кира» скорее всего соответствует современному Ура-Тюбе.

Александр послал к Кирополю войско под командованием Кратера сразу же после получения первых известий о восстании. Отдавая распоряжение об осаде Кирополя, Александр рассчитывал на то, что «городское население будет поглощено мыслями о войне с Кратером и окажется не в состоянии подать помощь другим городам». Подойдя с армией к Кирополю, Александр осадил город, но взять его не смог. Усилив штурм стен, чтобы отвлечь внимание защитников города, Александр с небольшим отрядом проник по сухому руслу реки на территорию города и открыл ворота. Греко-македонцы ворвались в Кирополь, но защитники города продолжали обороняться. Завязалась жестокая схватка. Александр был тяжело ранен камнем в голову и шею, получили ранения Кратер и другие военачальники. Наконец, оттеснив защитников с центральной площади города, греко-македонцы полностью овладели стенами. Около 8 000 восставших погибло в этом сражении, остальные (около 15 000 человек) отступили к цитадели. «Александр окружил их и продержал там в течение одного дня; они сдались, так как у них не было воды».

В то время, как возглавляемые Александром и его полководцами отряды жестоко подавляли восстание в селениях Усрушаны, против греко-македонцев поднялись жители и других областей Согдианы. Спитамен осадил гарнизон, оставленный в цитадели Мараканды. К правому берегу Сырдарьи подошли войска «азиатских скифов», которые собирались поддержать восставших согдийцев. Арриан сообщает, что Александр вынужден был отправить часть войск против Спитамена; к этому отряду был прикомандирован переводчик Фарнух, уроженец Ликии, знавший язык местных жителей (т. е. согдийский). Очевидно, Александр, напуганный размахом восстания, хотел вступить в переговоры со Спитаменом.

Основной контингент греко-македонских войск оставался в Усрушане, вблизи Сырдарьи, чтобы сдержать возможный натиск саков («азиатских скифов»). Александр принял решение о постройке оборонительной крепости на Сырдарье — «Александрии Крайней» (Александрия Эсхата античных источников). Согласно Арриану, в течение 20 дней новый город был обведен стеной. Более подробно об основании Александрии Эсхаты рассказывают Квинт Курций и Юстин. Городская стена была возведена вокруг территории, ранее занимаемой македонским лагерем. Протяженность ее составляла, по Квин-

ту Курцию, 60 стадий (около 10—11 *км*), согласно Юстину — 6 тысяч «пар шагов» (около 9 *км*). В городе были поселены местные жители (переведенные сюда из трех других городов), эллинские наемники, выкупленные из рабства военнопленные, а также те из македонских солдат, которые «уже не годились для военной службы». Александрия Эсхата вскоре после смерти ее основателя была, видимо, разрушена саками и вновь восстановлена при Селевке. Большинство исследователей отождествляет этот город с территорией Ходжента (совр. Ленинабад), хотя археологические работы последних лет в районе Ленинабада пока не привели к открытию слоев IV или III вв. до н. э.

Саки, обитавшие за Сырдарьей, отлично понимали, что Александрия Эсхата послужит базой для дальнейшего продвижения греко-македонских армий на север. Согласно сообщению Квинта Курция, предводитель саков Картасис (или, по другим источникам, Сатракес), брат сакского царя, с большим отрядом всадников был послан, чтобы разрушить Александрию Эсхату и «далеко отогнать македонское войско от реки». Александр решил первым напасть на саков и стал готовиться к переправе через Сырдарью. Высадка на правый берег удалась благодаря действию метательных машин, осыпавших стрелами и камнями саков, пытавшихся помешать переправе. Саки были вынуждены отойти от берега.

Отряд греко-македонцев, насчитывавший 1,5—2 тысячи человек, первым вступил в бой с саками, но вскоре был окружен и понес тяжелые потери. Александру пришлось двинуть все имевшиеся в его распоряжении войска. Исход битвы решила македонская конница. Саки в беспорядке отступили и Александр преследовал их около 15 *км*. Потери саков были значительными — тысяча убитых и полтораста пленных. Согласно Квинту Курцию, греко-македонская армия потеряла убитыми 60 всадников и около 100 пехотинцев. 1000 человек было ранено. Преследуя саков, греко-македонцы углубились в безводную степь. Войско терпело жажду, многие заболели, в том числе и Александр. Он вынужден был повернуть назад — впервые за время своих походов.

Вскоре после описанных событий к Александру прибыли послы от сырдарьинских саков «с извинениями в том, что произошло»; их приняли благосклонно, и в результате переговоров им без выкупа были выданы все 150 пленников. Этим жестом Александр, очевидно, надеялся наладить мирные отношения с саками и обезопасить свои позиции на Сырдарье. Сделать это было тем более важно, что в долине Зарафшана положение греко-македонцев становилось тревожным.

Восставшие согдийцы во главе со Спитаменом овладели Маракандой. Гарнизон, занимавший цитадель столицы Согда, предпринял удачную вылазку. Приближение отряда, посланного Александром с берега Сырдарьи на выручку маракандского гарнизона, заставило Спитамена снять осаду цитадели и уйти из города. Отряд, согласно Арриану, включал 60 всадников из числа знатных «друзей» царя, 800 наемников, также конных и около 1500 наемников-пехотинцев. Во главе отряда стояли военачальники Андромах, Менедем и Каран; в качестве переводчика отряду был придан лициец Фарнух.

Решение Спитамена об уходе из города было вполне оправданным. В Мараканде его отряд находился под угрозой двойного нападения — из цитадели, занятой греко-македонским гарнизоном, и со стороны сильного отряда, приближавшегося к Мараканде. Спитамен счел за лучшее отступить на север Согдианы. Это сообщение Арриана многие исследователи истолковали неправильно, связав его с вопросом о местоположении древней столицы Согдианы. Остановимся на нем подробнее.

В «Анабасисе» Арриана первые издатели греческого текста этого сочинения читали: «(Спитамен оставил осаду цитадели и удалился) в басилейю (т. е. столицу) Согдианы». Это место текста должно было вызвать недоумения, так как столицей Согдианы, как сказано ранеее у того же Арриана, была именно Мараканда. По предположению многих исследователей, существовал второй «царский город» в древнем Согде и столицей Согдианы была «Басилейя», а не Мараканда, или же «Басилейя» являлась летней резиденцией правителей Согда, лежавшей в низовьях Зарафшана около Бухары. Делались многочисленные попытки исправления греческого текста Арриана, в результате чего вместо выражения «в столицу» читали «к границам» или «к пустыне» и др.

В последние годы сделана попытка сопоставить текст Арриана с упоминанием некоей местности Басисты в оглавлении к XVII книге «Исторической библиотеки» Диодора. Басисты в этом тексте сравнивают с Базайра у Квинта Курция — местностью недалеко от Мараканды, где находился парадис — заповедник, в котором охотился Александр. Предлагают читать и понимать текст таким образом, что Спитамен, оставив Мараканду, удалился «в Басисту Согдианы». Однако более вероятно чтение, уже давно предложенное одним из издателей «Анабасиса» Арриана: «(Спитамен удалился) на север Согдианы». Таким образом, в тексте Арриана никакого второго «царского города» не упоминается; в качестве столицы Согдианы он говорит только о Мараканде.

Греко-македонский отряд преследовал Спитамена до «границ Согдианы», стремясь «изгнать его совсем из страны». Спитамен вышел на равнину около «скифской пустыни». К

Фрагмент керамической формы — калыба с изображением всадника.

этому времени войско Спитамена усилилось — к нему примкнули саки (Арриан говорит о 600 «скифских всадниках»), уже ранее беспокоившие налетами греко-македонский отряд. Конница Спитамена обстреляла македонскую пехоту с флангов. Попытки македонской кавалерии изменить ход битвы не имели успеха: пользуясь преимуществом в быстроте, Спитамен вовремя выводил сакско-согдийские отряды из-под удара. Потери греко-македонцев становились все более значительными и, наконец, их войско, «выстроившись квадратом, отошло к реке Политимету (Зарафшан), где находился лес», преградивший путь коннице Спитамена. Упоминание Политимета

позволяет заключить, что под «равниной около скифской пустыни», где произошло сражение, следует понимать местность на правом берегу Зарафшана, возможно, в районе современного Зиаддина.

Между тем, среди командования греко-македонского отряда начались разногласия. Один из военачальников — гиппарх Каран, не предупредив Андромаха, начал переправлять через Зарафшан свой конный отряд. «Пехота пошла за конницей, не получив на то никакого приказа; воины спускались в реку по обрывистым берегам, перепуганные и в полном беспорядке». Спитамен, воспользовавшись этим замешательством, преследовал врагов на обоих берегах реки и загнал их в воду. «Македонцы, оказавшись в безвыходном положении, бросились к небольшому островку посреди реки. Скифы и воины Спитамена окружили их и всех перестреляли из луков; небольшое число, впрочем, взяли в плен, но и их всех убили».

Такова первая версия рассказа Арриана. Согласно второй, восходящей к Аристовулу, главную роль в исходе сражения сыграло нападение на греко-македонский отряд саков, сидевших в засаде в заповеднике («парадисе»). И по этой версии отряд был уничтожен почти целиком — спаслось не более 40 всадников и около 300 пехотинцев.

Несмотря на попытки историков похода Александра объяснить исход сражения у Зарафшана разногласиями среди командиров греко-македонского отряда и несогласованностью их действий, ни Арриан, ни Квинт Курций не смогли скрыть главного. Как пишет Б. А. Литвинский, Спитамену удалось добиться того, чего не смог до него сделать никто: уничтожить в битве македонские подразделения. Трудно переоценить значение этой победы. Дело не только в том, что был полностью истреблен крупный отряд врага и ослаблены силы захватчиков. Такое серьезное поражение должно было вообще ослабить боевой дух греко-македонских войск. Недаром Александр пытался воспрепятствовать распространению слухов об этой страшной для него катастрофе, но, конечно, войско узнало о ней. Вместе с тем разгром в открытом сражении крупного отряда Александра должен был развеять миф о непобедимости греко-македонской армии и еще более воодушевить народы Средней Азии на борьбу с захватчиками.

Стремясь развить достигнутый успех, Спитамен решил вернуться к Мараканде и возобновить осаду македонского гарнизона. Александр в полной мере оценил опасность, нависшую над его армией. Боясь утраты всей Согдианы, он поспешил закончить переговоры с сырдарьинскими саками и, оставив в своем лагере (в Александрии Эсхате) лишь небольшую

часть войск, двинулся с основными силами на юг, к Мараканду. За трое суток он преодолел около 300 *км* (1500 стадий) и на рассвете четвертого дня подошел к городу. Спитамен предпочел не принимать открытого боя и, как и в предыдущий раз, снял осаду цитадели и отступил от столицы.

Квинт Курций пишет, что Спитамен, узнав о приближении Александра, ушел в Бактры. По мнению некоторых исследователей, под Бактрами в данном случае надо понимать Бухару или какой-то другой город в западной части долины Зарафшана. Однако следует учитывать, что название Бухара в античных источниках не встречается, а город, носивший это имя, стал столицей западной части долины Зарафшана гораздо позднее.

Бактры у Квинта Курция в описании событий на территории Согдианы скорее всего ошибка автора (или переписчиков?), вызванная тем, что в дальнейшем изложении название столицы Бактрии действительно появляется. Как бы то ни было, у Арриана, основного нашего источника, упоминания Бактр в Согдиане не содержится. Арриан пишет: «Спитамен со своим войском при известии о приближении Александра не стал его ждать, а бежал из города. Александр преследовал его по пятам». Спитамен, отступив от Мараканды, двинулся в том же направлении, что и в предыдущий раз, надеясь, видимо, укрыться у саков. Александр, преследуя его, вышел к тому месту, где незадолго перед этим Спитамен разгромил греко-македонский отряд. Дойдя до границы песков, Александр прекратил преследование, не рискнув углубляться в пустыню. Повернув назад, греко-македонцы начали жечь укрепленные поселения, где укрылась часть восставших, опустошать поля и сады и уничтожать местных жителей.

Армия Александра прошла «по всей стране, которую орошает река Политимет», всюду сея смерть и разрушение. Согласно Квинту Курцию, Александр направил карательные экспедиции во все области Согдианы: «Чтобы все отпавшие от него в равной степени испытали на себе ужасы войны, Александр разделил свои военные силы и приказал жечь села и убивать всех взрослых». Об общем числе согдийцев, уничтоженных в долине Зарафшана и горных районах Усрушаны, можно судить по оглавлению к несохранившимся частям XVII книги «Исторической библиотеки» Диодора, где об этих событиях говорится: «Как Александр покоряет восставших согдийцев и умерщвляет более 120 тысяч человек».

Главный удар греко-македонских карателей обрушился на согдийцев — жителей долины Зарафшана. Именно в связи с рассказом об этих событиях у историков походов Александра

приводятся краткие описания реки Политимет, причем ничто в этих описаниях не противоречит отождествлению Политимета с Зарафшаном. Арриан говорит о Политимете как реке, орошающей обширную территорию и теряющейся в песках. О протяженности Политимета сказано только, что он больше Пенея—реки в Фессалии. Квинт Курций приводит некоторые детали, относящиеся к верхнему течению Политимета. Он пишет об узком русле реки, которая затем «уходит в пещеру и пропадает под землей. Направление скрытого течения указывает шум ее вод, однако почва, под которой течет столь большая река, совсем не испаряет влаги». Название Политимет, означающее по-гречески «многочтимый», является, как мы знаем об этом из свидетельства Страбона, греческим переводом местного названия. Страбон ссылается на Аристовула, участника походов Александра, и добавляет, что и «многие другие названия (македоняне) частью заменили новыми, а частично переделали». По-видимому, Политимет переводит согдийское название *Намич,* которое может быть реконструировано по данным китайских и арабских источников. В согдийском слово *намич* означало бы «знаменитый», «славный» (от *нам* — имя), что соответствует примерно значению греческого Политимет. *Намич,* предполагаемое местное название главной реки Согда, было забыто уже в первые столетия после арабского завоевания. Современное название Зарафшан встречается в письменных источниках начиная с XIII в.: «... употреблялось ли оно в народной речи, неизвестно; термин Руд-и Зер («Река золота») встречается только как название отдельного протока» (В. В. Бартольд).

В источниках по истории похода Александра о реке Политимет говорится прежде всего в связи с упоминанием событий, происходивших в районе столицы Согда Мараканды. Однако отождествление Политимета с Зарафшаном представляется несомненным и независимо от отождествления Мараканды с Самаркандом.

После варварского опустошения страны и массовых казней ее жителей, завершившихся к осени 329 г. до н. э., Александр, оставив в Согде 3000 пехотинцев под командованием Певколая, ушел на зимние квартиры в Бактрию. Так завершился первый этап борьбы народов Согда против греко-македонских завоевателей, длившийся всего около 8—9 месяцев (весна—осень 329 г.), но насыщенный бурными событиями. Эти события ярко охарактеризовал еще В. В. Григорьев. «Если Дарий,— писал он,— не умел отстоять от Александра своего царства, если презренным трусом оказался Бесс, зато здесь, в Туране, нашлись сердца, которые не могли прими-

риться с чувством покорности чужеземцу, нашлись руки, которые взялись за дело народной мести незваным пришельцам. Историки Александра не называют вспыхнувшего в Согдиане восстания иначе, как «бунтом», «изменою»; но это чересчур прусский взгляд на дело. Нахлынула волна на человека — он нагнулся; волна перекатилась — он не захлебнулся и опять поднял голову: значит он бунтовщик, он обязан был утонуть».

На первом этапе борьбы против Александра инициатива восстания исходила прежде всего от местного оседлого населения — согдийцев, усрушанцев (очень близких по языку и обычаям к согдийцам — жителям равнинных районов), бактрийцев, а также от их союзников — саков и дахов.

Зиму 329/328 г. до н. э. Александр Македонский провел в столице Бактрии. К нему подошли большие подкрепления с запада—из Европы и Передней Азии. Сатрап Парфии Фратаферн и другие представители восточноиранской знати, примкнувшие к Александру, оказали помощь в захвате нескольких сторонников Бесса, укрывавшихся на территории Парфии и Ареи. В Бактрах, в присутствии военачальников и эпархов, Александр судил Бесса. «Он обвинил его в измене Дарию, приказал отрубить нос и кончики ушей, отвезти его в Экбатаны и там казнить перед толпой персов и мидян».

Той же зимой 329/328 г., согласно сообщению Арриана, к Александру в Бактры прибыли послы от «европейских скифов» (т. е. саков, обитавших за Сырдарьей) с драгоценными дарами и предложением заключить союз и скрепить его браком Александра с дочерью «скифского царя». В это же время в Бактры прибыл и хорезмийский царь Фарасман в сопровождении 1500 всадников, также с предложениями дружбы, союза и помощи в случае похода Александра на причерноморских скифов. Хорезм был в это время сильным государством и союз с Фарасманом был выгоден Александру, ибо предотвращал открытое вступление Хорезма в антимакедонскую борьбу. От совместного похода на скифов Причерноморья Александр отказался, сославшись на то, что готовится к походу в Индию и воспользуется предложением Фарасмана позднее, когда покорив Индию, «он овладеет всей Азией; овладев же Азией, вернется в Элладу и оттуда уже через Геллеспонт и Пропонтиду со всеми сухопутными и морскими силами вернется на Понт».

Однако до похода в Индию было еще далеко. Весной 328 г. до н. э. пришло известие о том, что «множество согдиан собралось по укреплениям и отказалось повиноваться сатрапу, которого им поставил Александр». Кто был этот сатрап, остается неясным.

Вслед за согдийцами вновь восстало и население нескольких районов Бактрии. Александр оставил в Бактрии четыре батальона фаланги, а сам направился в Согдиану, поскольку греко-македонские гарнизоны, оставленные осенью 329 г. в Согдиане, оказались не в силах справиться с восставшими. Войска, двинувшиеся вместе с Александром, были разделены на пять колонн: четыре из них возглавляли полководцы Александра, пятую — он сам. Отряд Александра направился к Мараканде, «остальные действовали по своему усмотрению: покоряли силой собравшихся по укреплениям; склоняли других к добровольной сдаче». Пройдя значительную часть Согда, колонны подошли к Мараканде.

Судя по скупым сообщениям источников, восстание охватило несколько районов Согдианы, причем силы восставших были разобщены. Подробности военных действий неизвестны, но сопротивление восставших и жестокость греко-македонцев были настолько сильны, что согдийские города обезлюдели и Александр был вынужден принять меры. «Он отправил Гефестиона с приказом вновь заселить города Согдианы». Возможно, имелось в виду не только заселение опустевших поселений, но и основание новых (Страбон сообщает об основании Александром 8 городов в Согде и Бактрии; Юстин говорит о 12 городах).

Один из отрядов Александра направился к массагетам, в страну которых, как сообщает Арриан, отступил Спитамен, бывший, несомненно, и в этот раз главным вождем восстания. Сам Александр с остальным войском «прошел по той части Согдианы, которая была еще в руках восставших».

В это время Спитамен во главе отряда согдийцев и примкнувших к нему 600 массагетов, обманув преследователей, направился на юг в Бактрию. Ему удалось захватить одно сторожевое укрепление. Греко-македонский гарнизон, охранявший эту крепость, был застигнут врасплох и полностью истреблен. Ободренный успехом, Спитамен пошел к столице области — Зариаспе (Бактры), разгромил на подступах к городу небольшой отряд греко-македонцев, но штурмовать бактрийскую столицу не решился. Узнав о приближении к городу крупных неприятельских сил во главе с Кратером, Спитамен отступил к пустыне. Численность его отряда к этому времени возросла (Арриан говорит о тысяче конников-массагетов), однако ожесточенное сражение, развернувшееся на границе песков, принесло успех греко-македонцам. Спитамен потерял около 150 всадников и ушел в пустыню. Войска Кратера не осмелились его преследовать.

Александр не мог считать кампанию 328 г. до н. э. успешной — почти полгода ушло на усмирение Согдианы, а греко-македонцы контролировали не более половины территории области. Спитамен, совершая стремительные рейды, поднимал восстания на обоих берегах Амударьи. Сакские племена, прежде всего массагеты и дахи, активно помогали согдийцам и бактрийцам. Из-за сети сторожевых постов и укреплений, которыми завоеватели в 329—328 гг. покрыли значительную часть Согда и Бактрии, восставшие вынуждены были действовать разобщенно, но силы их не были сломлены.

Александр, проведя лето 328 г. до н. э. главным образом в долине Зарафшана, отправился зимовать из Мараканды в согдийскую Наутаку, а не в Бактры (Зариаспу), как это было в предыдущий год: из Наутаки было легче следить за ходом событий на обоих берегах Амударьи — в Согде и Бактрии. В северных и западных районах Согда он оставил на зимовку большие военные силы, чтобы, как пишет Арриан, «следить за страной и охранять ее; если же окажется, что зимой где-то бродит Спитамен, то устроить ему засаду и захватить его». В перечне отрядов, оставленных Александром в Согдиане, впервые упоминаются бактрийцы и согдийцы (видимо, из числа знати), включенные в состав греко-македонской армии; командовал ими Аминта — сатрап Бактрии.

По пути из Мараканды в Наутаку недалеко от Ксениппы — области, «граничащей со Скифией», произошло столкновение греко-македонского авангарда с бактрийскими повстанцами. Это событие отражено только у Квинта Курция, по словам которого в Ксениппе «много густо расположенных сел, так как плодородие почвы не только привязывает коренных жителей, но и привлекает пришельцев. Раньше там было убежище изгнанников-бактрийцев, отпавших от Александра». Местоположение Ксениппы определить трудно, очевидно, это перевод местного названия. Наиболее вероятна локализация этой области в Байсунской долине, предложенная В. В. Григорьевым. Население Ксениппы не поддержало бактрийских повстанцев (их было около 2500), которые ушли за пределы области и напали на отряд, возглавляемый сатрапом Бактрии Аминтой. В ходе сражения греко-македонцы потеряли 80 убитых и 350 раненых, но и бактрийцы, неся значительные потери, вынуждены были в беспорядке отступить.

Между тем Спитамен, выйдя из пустыни и обманув бдительность греко-македонских сторожевых постов, вновь проник на территорию Согдианы и обосновался около укрепления Баги, расположенного, как сообщает Арриан, «на границе между согдийской землей и скифами-массагетами». Здесь к

отряду Спитамена, состоявшему из согдийцев и бактрийцев, примкнуло 3000 массагетских всадников. Массагеты не впервые поддержали Спитамена. Арриан объясняет это тем, что «скифы эти жили в крайней бедности: не было у них ни городов, ни оседлого жилья; бояться за свои блага им было нечего, и потому склонить их на любую войну ничего не стоило».

Спитамен решил еще раз попытаться изменить ход событий на территории Согда и вопреки своей прежней тактике дал сражение греко-македонскому отряду, которым командовал Кен. Битва окончилась неудачно для Спитамена. Потеряв 800 человек, он отступил. Многие согдийцы и бактрийцы, составляющие ядро его отряда (большинство их были всадниками и принадлежали, видимо, к знатным родам), покинули вождя восстания и сдались Кену, а массагеты, разграбив обоз своих недавних союзников, ушли в пустыню. Спитамен вынужден был последовать за массагетами, но, видимо, уже не в качестве их предводителя, а пленника.

Как сообщает Арриан, массагеты, получив известие о том, что греко-македонские войска на этот раз намерены преследовать их в песках пустыни, отрубили голову Спитамену и отослали ее Александру, «чтобы отвратить его от этого намерения». Согласно другой версии, излагаемой у Квинта Курция, Спитамен погиб от руки своей жены, которая несколько раз пыталась уговорить Спитамена прекратить сопротивление и сдаться Александру и, наконец, отчаявшись и опасаясь за свою судьбу и троих детей, отсекла голову спящему Спитамену и сама отнесла ее в лагерь Александра. Страбон, основываясь, очевидно, на сведениях, почерпнутых из несохранившегося сочинения одного из историков похода Александра, сообщает, что Спитамен бежал к сакам-аугасиям и хорезмийцам (хорасмиям).

Трудно судить, какой из рассказов о гибели Спитамена соответствует действительности. Произошло это, видимо, осенью 328 г. до н. э. Историки походов Александра не дают достаточно четкой характеристики Спитамена как человека, воина и политика. Однако даже скупые сообщения источников позволяют воссоздать яркий образ талантливого полководца, вождя не только оседлого населения Согдианы, но и саков, поддерживавших восставших, мужественного и неутомимого борца за освобождение народов Средней Азии от ига иноземных захватчиков.

Гибелью Спитамена заканчивается второй этап борьбы Согда за независимость. К концу этого этапа начались колебания среди согдийской и бактрийской знати, часть которой хотела прекратить сопротивление. Свидетельством этому яв-

ляются рассказ Квинта Курция об убийстве Спитамена и особенно сообщение Арриана о том, что в отряде Александра были бактрийские и согдийские всадники.

В конце 329 — начале 328 гг. до н. э. Александр провел ряд мер с целью привлечения симпатии аристократии завоеванных областей Востока. Он ввел при дворе ахеменидские придворные обычаи (в том числе обряд простирания перед царем), местную одежду, приблизил к себе представителей местной знати. Эта политика, несомненно, привлекла на сторону Александра часть бактрийской и согдийской аристократии, что не могло не сказаться на военно-политической обстановке в Средней Азии к концу 328 г. до н. э.

Третий этап борьбы народов Средней Азии против греко-македонских завоевателей охватывает события весны 327 г. до н. э. После гибели Спитамена в среде местной, согдийской и бактрийской, знати не было, очевидно, человека, способного объединить вокруг себя силы для сопротивления врагу. Однако часть знати оставалась враждебной Александру и не хотела складывать оружия. Это были прежде всего владельцы труднодоступных горных замков, вокруг которых группировались их родичи, а также жители окрестных селений и население, бежавшее из соседних районов. Некоторые из этих горных твердынь (античные авторы именуют их «скалами») были, по-видимому, небольшими по размерам и напоминали замок на горе Муг (крепость *Абарғар* хроники Табари), где в начале VIII в. н. э. укрылся с отрядом своих сторонников владелец Пянджикента Девашти. Другие «скалы», о которых упоминают историки походов Александра, были более крупными укреплениями, вмещавшими отряды численностью иногда до 30 тысяч человек.

В начале весны 327 г. до н. э. Александр Македонский выступил из Наутаки и «пошел к Согдийской Скале, куда, как ему сообщили, собралось много согдийцев». Во главе собравшихся стоял Оксиарт, один из тех представителей бактрийской аристократии, которая еще в 329 г. участвовала в военных действиях против Александра на территории Бактрии и вместе со Спитаменом ушла в Согд. Греко-македонское командование придавало большое значение захвату «Согдийской Скалы». Крепость была взята с большим трудом. Локализация «Согдийской Скалы» Арриана вызвала большие споры среди исследователей. Наиболее вероятно, что она располагалась в юго-западных отрогах Гиссарского хребта.

Закончив военные действия в южной Согдиане, Александр направился в область Паретак к горной крепости «Скала

Хориена», в которой укрывались восставшие. И эта крепость была захвачена греко-македонцами.

Квинт Курций рассказывает также о восстании бактрийца Сисимитра, сатрапа области Наутака, отряд которого укрепился в местности, примыкающей к узкому ущелью. Здесь же протекала река. Тыл отряда прикрывала скала, выход на равнину был возможен лишь через «подземный ход, известный только местным жителям». Греко-македонское войско, пустив в ход тараны, сумело преодолеть предмостные укрепления и после переправы через реку приблизиться к скале.

После взятия крепостей Александр направился в левобережную Бактрию. Однако военные действия на юге Согдианы, в области Паретак, не были завершены. В источниках встречаются имена еще двух предводителей бактрийцев — Катена и Австана, которые летом 327 г. до н. э. пытались продолжить сопротивление греко-македонским захватчикам. Катен, упоминавшийся Квинтом Курцием еще в рассказе о захвате Бесса, был, видимо, одним из основных руководителей антимакедонской борьбы на территории Бактрии и южной Согдианы. Александр вынужден был направить против Катена отборные войска — 600 всадников из числа «друзей царя» и пехоту (в том числе пехотинцев, обычно сопровождавших самого царя), возглавляемые Кратером. Арриан не сообщает подробностей битвы. Известно лишь, что сражение было ожесточенным; сам Катен пал на поле брани, Австан попал в плен, 120 конных и 1500 пеших воинов-бактрийцев погибли в сражении.

Так закончился поход Александра Македонского в Среднюю Азию. Трехлетняя борьба в Согде и Бактрии привела к разрушению плодородных оазисов этого края. Захват греко-македонскими войсками долины Зарафшана — сердца Согда — и неоднократные военные действия поблизости от ее столицы, Мараканды, привели к тому, что часть согдийцев вынуждена была уже в 329—328 гг. до н. э. покинуть родные места и переселиться в соседние районы. Так началась «согдийская колонизация» Ферганы и Семиречья. Позднее она захватила и области Центральной Азии и привела к образованию обширной согдийской диаспоры — многочисленных поселений согдийцев за пределами самого Согда. В этих поселениях сосредоточивались главным образом ремесленники и торговцы, под контроль которых попали основные международные торговые трассы «Великого шелкового пути». О том, что уже в конце IV в. до н. э. в результате опустошения края войсками Александра Македонского часть согдийцев устремилась на восток, далеко за пределы родины, косвенно свиде-

тельствует и установление согдийцами уже в III в. до н. э. связи с Китаем.

Понадобились многие столетия, чтобы Согдиана оправилась от страшных ран, нанесенных ей походами Александра Македонского. Разрушение селений, уничтожение посевов, садов и лесов, покрывавших в IV в. до н. э. значительную часть территории Согда, массовые казни местного населения привели к опустошению края. Не могли изменить общей картины и немногие города, основанные Александром. В основном это были военные укрепленные поселения, предназначавшиеся прежде всего для подавления восстаний. Кроме того, сообщения античных авторов о количестве основанных Александром в Бактрии и Согдиане городов явно преувеличены. По имеющимся данным, в Средней Азии при Александре было основано всего три города — Александрия на Оксе, Александрия Эсхата на Яксарте и Александрия в Маргиане (последняя на месте уже существовавшего ранее поселения). В источниках почти нет сообщений о том, что греко-македонцы принимали действенные меры для восстановления городов и селений, разрушенных в ходе завоевания Согдианы и Бактрии. В Мараканде, столице Согда, дважды оказавшейся ареной военных действий и, по сообщению Страбона, разрушенной Александром, восстановительные работы, если и велись в 328—327 гг. до н. э., то только на территории цитадели, где располагался македонский гарнизон. Сообщения позднейших источников об «основании Самарканда» Александром не покоятся на сколько-нибудь достоверных данных.

5. АРХИТЕКТУРА, ИСКУССТВО, РЕЛИГИЯ

Памятники архитектуры и искусства древнего Самарканда можно отнести к трем периодам: древнесогдийскому (VI—IV вв. до н. э.), согдийско-эллинистическому (III—I вв. до н. э.), согдийско-кангюйскому (I—IV вв. н. э.).

Древнейшие наслоения городища Афрасиаб сильно разрушены развивавшимся в течение полутора тысяч лет на его территории городом. Из конструктивных остатков первого из названных периодов выявлены лишь остатки пахсовых стен помещения в южной части городища, к востоку от группы мавзолеев Шахи-Зинда. Кроме того, некоторые из исследователей полагают, что местами выявляются признаки оборонительных сооружений этого времени в виде насыпей поверх лессовых гребней естественного происхождения.

Из памятников изобразительного искусства древнейшими являются две геммы-печатки. На одной из них изображен

воин-лучник. Печатка с насечкой зубцов, возможно, имитацией клинописи. Вторая печатка двусторонняя: на лицевой стороне изображен козел в беге, с вонзающейся в его шею стрелой; на оборотной — крылатый бык с украшением (?) на голове в виде треугольника, расчерченного прямыми линиями; возможно, что это — орудие лова. Этими двумя геммами представлены два направления, два стиля в искусстве времени первых государственных образований в Средней Азии. Из них первое можно охарактеризовать как «мифологический реализм», свойственный искусству оседлых земледельческих народов, второе близко к памятникам «звериного стиля», больше известным в искусстве народов скотоводческой степи.

Прикладное искусство отражено в гончарном производстве, в формах коническо-цилиндрических сосудов. Из предметов украшения найдены мелкие бусинки цилиндрической формы из бирюзы.

Древнейшие идеологические представления, связанные с извечной идеей плодородия, отражены в находках произведений коропластики — искусства воссоздавать образы божеств, людей, животных в предметах скульптуры из обожженной глины — терракотах. Этот вид памятников прикладного искусства данного периода представлен отдельными находками изображений обнаженных или полуобнаженных женщин с подчеркнуто выраженными признаками материнства.

Во втором периоде, согдийско-эллинистическом, в искусстве народов Средней Азии отразились последствия завоевания Александра Македонского: в гончарстве, монетном деле, терракотах установлены признаки, причиной появления которых следует считать участие в производственной деятельности мастеров и художников, воспринявших некоторые эллинистические традиции.

Наиболее значительным памятником архитектуры этого времени, из обнаруженных до сих пор на городище Афрасиаб, является отрезок древней крепостной стены длиной 60 *м*, раскрытый в северной части городища. Стена была проложена по высокому обрыву над потоком Сиаб и следовала очертаниям обрыва.

Ширина и планировка крепостной стены на вскрытом участке неодинакова: в западной части стена одинарная, состоит из сплошного массива кирпичной кладки толщиной 2,8—4 *м*, в восточной части участка внутри стены был коридор, общая ее толщина здесь достигала почти 6 *м*. С внешней стороны стена, видимо, была укреплена башнями, на что указывают дверные проемы, ведущие из коридора к обрыву, и утолщение стены в западной части вскрытого участка; с внутренней

стороны на поверхности стен обнаружены выступы-пилястры, показывающие, что к ним не примыкали другие постройки города и вдоль них был оставлен проход.

Фундаментом стены служил слой толщиной 50 *см*, состоящий из глины с большой примесью галечникового камня; на этом фундаменте и воздвигалась стена из квадратного сырцового кирпича (длина сторон 35—37 *см*, толщина 13—16 *см*). Кладка велась на глиняном растворе, в перевязку. На нижних поверхностях почти каждого кирпича обнаружены особые знаки, выявленные в крепостных стенах и зданиях и других городов. Предполагают, что это — клейма отдельных работников или групп, нанесенные для учета труда, но не исключено, что они имели магическое значение.

Время существования описанной стены определяется II—I вв. до н. э.; в западной части под фундаментом обнаружены остатки еще более древней стены, сложенной из пахсы.

Остатки сооружений, современных стене, обнаруженной в северной части городища, раскрыты еще в западной и юго-западной частях. В западной обнаружена только одна стена древнего здания, а также часть ограды двора. Более значительные конструктивные остатки раскрыты в юго-восточной части городища. Здесь расчищено одно помещение здания, сложенного из сырцового кирпича. Высота помещения 4 *м*, перекрыто оно было куполом, покоившимся на тромпах, сложенных способом небольшого напуска кирпича над плоскостью стен.

Возможно, городище Афрасиаб скрывает в своих наслоениях памятники древней монументальной живописи и скульптуры, но их еще предстоит вскрыть. В северной части городища под руинами соборной мечети XII в. на значительной глубине раскрыт фрагмент стены, на белом фоне которой обнаружена роспись плохой сохранности, выполненная красной и черной красками. Несколько лучше представлены произведения искусства «малых форм» — геммы-инталии и терракоты.

Известно несколько гемм, возможно, импортных, изготовленных с учетом местных вкусов: на двух из них изображены богини греческого пантеона — Паллада и Артемида: на трех геммах — изображения воинов с характерными головными уборами эллинистического типа. Эти произведения искусства камнерезов по полудрагоценному камню, несомненно, были рассчитаны на вкусы местной аристократии.

Более широкое распространение имели произведения коропластики — терракоты. Статуэтки обычно воссоздавали образы женщин или юношей в реалистической манере, с экспрессивными чертами лица, в шлеме или венке; был известен

такой предмет одеяния, как хитон. Терракотовые изображения применялись и для украшения сосудов в виде налепов.

Южнее описанной нами крепостной стены раскрыты остатки древнего жилого здания. Эти развалины — пока единственный известный памятник архитектурного облика третьего периода в истории искусства — согдийско-кангюйского. Здание построено без фундамента на выравненных остатках древних построек и отвалах. Строительный материал применялся тот же, что и при возведении крепостной стены: квадратный сырцовый кирпич, но других размеров (в стороне квадрата кирпич был длиной 35—38 *см*, толщиной 10—11 *см*); на кирпич также нанесены знаки, но более упрощенные.

От здания сохранилось около десятка помещений, точнее — нижние части их стен и полы. В планировке здания отмечена важная особенность: здание разделялось на две части, из них одна предназначалась, видимо, для надобностей общественного характера, другая — для хозяйственных, бытовых. Хозяйственные помещения расположены в южной части здания, в них открыто три уровня поверхности пола, что указывает на интенсивность обживания помещений; замечены признаки перестроек. В одном из помещений обнаружен очаг, слепленный из глины, несомненно, предназначенный для приготовления пищи. В другом помещении обнаружены четыре хума (корчаги) для хранения запасов зерна и воды. В завалах, заполнявших помещения, найдено много глиняных дисков, применявшихся в качестве подвесок в ткацких станках.

Помещения, раскрытые в северной половине руин здания, отделенные от южной глухой стеной, отличаются тем, что у них был всего лишь один уровень пола, не изменявшийся за все время существования здания. Здесь сохранилось три помещения, в западном из них посередине его западной стены было устроено возвышение — суфа, на котором находился алтарь огнепоклонников. На полу помещения обнаружен слой золы толщиной 10 *см*. Алтарь сложен из особых глиняных плит с закругленными вершинами, обожженных уже в ходе выполнения ритуала. Две плиты поставлены вертикально, одна за другой и вмазаны в стену, третья положена горизонтально перед первыми двумя, образуя площадку, на которой и возжигался огонь. На этой площадке в середине основания нижней плиты сделано прямоугольное углубление — вырез, в котором, видимо, хранился горячий уголь.

К востоку от помещения с алтарем расположены остальные два помещения «чистой» половины здания, по площади оба вместе примерно равные одному первому помещению. В

западной стене северного помещения были устроены три ниши, из них средняя — с арочной вершиной. Перед этой средней нишей, видимо, также возжигался огонь — земляной пол несколько приподнят и обожжен. Из этого помещения узкая дверь вела в другую комнату, расположенную южнее, смежную с одним из хозяйственных помещений; вокруг стен были устроены суфы для сиденья, в юго-западном углу стоял хум, очевидно, для воды. Здесь собирались люди, отдыхали, беседовали или совершали какие-то обряды. На полу помещения найдена интересная терракота — изображение богини-матери (описание терракоты дано ниже).

Что представляла собой в целом «чистая» половина здания? Помещение с алтарем, несомненно, было культовым, здесь зороастрийцы совершали обряды поклонения огню: об этом свидетельствует алтарь с местом для очага и слой золы на полу. Но отчасти культовыми были и два расположенные рядом помещения: в одном из них найден очаг, явно не кухонный, а планировка второго указывает на его общественное назначение. Из этнографических наблюдений известно, что у горных таджиков еще в недавнее время существовали общинные дома (алоу-хона), предназначенные для вечерних собраний и общих бесед, причем эти дома часто соединялись с мечетью. Само название (алоу-хона) показывает, что здесь возжигали огонь. Сопоставив наблюдения, мы можем прийти к выводу, что и в древности около молельни, которой, несомненно, было помещение с алтарем, были расположены помещения, где обитатели проводили свободное время у огня, принимали гостей, а также, видимо, совершали обряды.

По сохранившейся части здания невозможно восстановить его план в целом. Можно предположить, что своим фасадом здание возвышалось над расположенной западнее ложбиной с водоемом; восточная глухая стена прилегала к древним завалам. Это было крупное отдельно стоявшее здание типа замка. Построено оно было не ранее конца I в. н. э., заселено во II—III вв., о чем свидетельствует комплекс керамических находок, обнаруженных в здании.

При расчистке руин здания найдены две терракоты, из них одна — изображение богини-матери — выше уже была названа. Эта терракота представляет собой отштампованное на тонкой плитке изваяние женщины с приложенными к телу, под грудью, руками. Несоразмерно крупная голова и узкие плечи, лицо уплощенное, его черты переданы схематично. Шея короткая, очень полная, украшена ниткой бус. Предметы одеяния почти не различаются из-за стертости терракоты, видимо, при выполнении ритуала. Высота плитки 10,4 *см*.

Существенно то, что описанная терракота найдена в помещении, которое по расположению и планировке определено как культовое, и находка подтверждает это назначение помещения. Образ же богини-матери очень древний, связан с религиозными представлениями земледельческих народов на ранних этапах развития земледелия.

В соседнем помещении, с очагом перед нишей, найдена вторая терракота — изображение головы мужчины с резко выраженными чертами лица и определенным выражением сарказма, как у сатира. Громадный орлиный нос, сросшийся с переносьем; рот сжатый, скошенный, в обрамлении асимметричных складок щек; развитый, заметно выступающий вперед подбородок. Глаза моделированы отчетливо. Лоб почти весь закрыт нависающими складками двухъярусного головного убора. Шея высокая, массивная. В этой терракоте, видимо, еще жива эллинистическая традиция.

Терракотовая статуэтка кушанского времени.

Нами описаны две терракоты, место находок которых точно определено; таких находок еще немного. Однако на городище Афрасиаб найдено множество терракот прямо на поверхности или в обнажениях слоев (в обрывах), раскопках, но без характеристики наслоений, в которых они взяты. Это обстоятельство затрудняет использование терракот в качестве исторического источника, но благодаря исследованиям искусствоведов большие группы памятников этого вида датированы, определена их семантика. Наиболее распространены женские божества — статуэтки, из которых можно составить целую галерею. Среди фигур редко встречаются одинаковые или даже похожие, различия во всем—в чертах лица, положении рук, в которые часто вложены плоды или цветы, одеянии, всегда роскошном, головных уборах. В статуэтках

запечатлены этнические типы населения древнего Согда, причина их различия заключается, видимо в множественности пантеона и разработанной символике религиозных представлений и мифологии.

Другие виды терракотовых изображений — мужчин, музыкантов—редки, но их наличие показывает, что не все терракоты имели культовое значение, среди них были и изображения простых людей. Об этом свидетельствует также наличие антропоморфных налепов, которыми украшались сосуды. Сами формы сосудов (кубки, чаши, ритоны, фляги) свидетельствуют о высоком мастерстве древних керамистов. Из налепов характерно изображение «смеющегося согдийца»: мужское лицо, полное, веселое, в обрамлении пышных волос. Однако светские мотивы в древнем искусстве коропластики в I—IV вв. н. э. редки, в них преимущественно отражается мифология древних земледельческих народов, вплетенная в религиозную систему зороастризма в его местном, согдийском, варианте.

ГЛАВА III

САМАРКАНД В ЭПОХУ РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА

1. СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

Основная причина ослабления и гибели Кушанской державы кроется во внутренних социально-политических процессах. Историк X в. Мухаммед ибн Джарир ат-Табари, характеризуя социально-политическую природу дехкан (родовитых землевладельцев-аристократов, обладавших большой политической силой), приводит предание, будто в глубокой древности мифический царь Манучехр закрепил селения страны за дехканами и обязал крестьян исполнять их повеления. Несмотря на имя легендарного царя, предание похоже на историческую правду.

Борьба дехканства за овладение общинными землями и установление власти над бывшими свободными общинниками составляет целую эпоху. В новых условиях, в обстановке высокого развития орошаемого землевладения, ремесла, широкого распространения искусственного удобрения земли, культуры хлопчатника, большого спроса на мировом рынке на продукты сельского хозяйства и ремесел, расцвета городов как торгово-ремесленных и культурных центров, а главное — укрепления экономического и политического положения дехканства, его уже не удовлетворяют ни раб, ни колон. Оно отказывается от малопродуктивного рабского труда (хотя последний не исчезает окончательно, особенно в домашнем хозяйстве) и добивается подчинения себе сельских общин.

Общество, состоявшее из общинников, рабовладельческого дехканства и рабов, должно было уступить место другому обществу, основными антагонистическими классами которого были новое дехканство, владевшее селениями, общинными землями, и кедиверство, попавшее в личную зависимость от

дехкан. Верховное правительство лишается былого могущества. Усиливаются столкновения дехканства с поборниками старых, отживших порядков, все более напряженной становится борьба между дехканством и закабаляемым им общинным крестьянством. В этой сложной обстановке расшатываются устои рабовладельческого строя и складываются предпосылки для формирования нового, феодального строя.

Грандиозная смена античного общества новым, феодальным произошла в течение около двух столетий и сопровождалась упорной борьбой свободолюбивого общинного крестьянства против землевладельческой аристократии — дехкан. Этот древний термин стал общим для всех слоев земледельцев только в эпоху развитого феодализма, когда старое дехканство сошло с исторической арены.

В исторических известиях этот богатый событиями период почти не отражен. Археологический материал характеризует IV—V вв. н. э. как период упадка, почти опустошения старых городов, сокращения международной торговли, ремесла, перенесения пульса жизни в сельские места, сокращения орошаемых земель и т. п.

В исторических известиях, и то в более поздних, сохранились сообщения о двух, видимо, последних эпизодах классовой схватки между старым дехканством и закабаленными ими общинниками — кедиверами. Первое из этих вооруженных восстаний поднялось в VI в. в Иране под водительством Маздака. Восставшие громили дехкан, отбирали у них земли, овладевали зернохранилищами, сжигали дома, убивали дехкан или заставляли их покинуть пределы Ирана. Правители хотя и не ладили с надменным дехканством, испугались дальнейшего развития движения и вероломным путем уничтожили руководителей восстания, а затем подавили его силой.

Во второй половине VI в. подобное движение началось в Бухаре под водительством Абруя; и тут громили дехкан, убивали их, отбирали имущество. Часть дехканства спаслась бегством в Семиречье, в страну тюрок. Ради возвращения утраченной власти в Бухаре беглые дехкане обратились за помощью к тюркскому кагану, который, воспользовавшись событиями, захватил Мавераннахр и убил Абруя. Дехкане снова пришли к власти.

Все это означало окончательное утверждение феодального землевладения дехканства и превращение бывших общинников в зависимых кедиверов.

Городская жизнь на Афрасиабе восстанавливается приблизительно в конце V — начале VI в. н. э. В этот период каждый оазис со своим царьком из именитых дехкан жил самостоя-

тельной политической жизнью, цари титуловались по-разному: в Бухарском оазисе — бухар-худаты и вардан-худаты, Миankале — дабусшахи, Самарканде — ихшиды, Усрушане — афшины, Шаше (Ташкенте) — худаны и т. д.

Царей окружали дехкане, владевшие несколькими селениями, закабаленными ими крестьянами — кедиверами, рабами и чакирами (личными вооруженными дружинами).

Серебряное блюдо, найденное под Самаркандом.

В борьбе против экспансии сасанидского Ирана самаркандский ихшид и другие царьки в VI—VIII вв. вошли в политический, военный и торгово-экономический контакт с эфталитами и западно-тюркским каганатом, которые, не вмешиваясь во внутренние дела царьков, добивались признания ими их верховенства и получали от них ежегодные подарки. Царьки ездили в ставку тюркского каганата, имевшего на границе Ирана армейские части. Принадлежали они к различным династиям из тюркских племен, прижившимся в Средней Азии.

Среди царьков самыми могущественными были самаркандские ихшиды, преимущество которых признавали и остальные владения. Купцы и ремесленники Согда издавна, возможно, со времени Кушанского царства, проложили оживленный торговый путь во внутренний Китай через Ташкент —

Исфиджаб (ок. Сайрама), Тараз (ок. Джамбула) по долине р. Чу и города Восточного Туркестана. Расположенные по этому пути города были заселены в основном согдийцами и в прошлом рассматривались как «согдийские колонии».

Караваны согдийцев ходили с товарами в Китай, Монголию, Индию, Иран, Сирию, Египет, города Византийской империи. Согдийский купец Маниах в VI в. выступил главным организатором международной торговли шелком между тюркским каганатом и Византийской империей.

Ставка согдийских ихшидов находилась в Самарканде. В VI—VII вв. цари сильно укрепили город, а в его внутренней части построили роскошные дворцы, храмы и иные здания. Остатки монументального здания с богатой стенной росписью, открытые археологами на Афрасиабе, безусловно, являются руинами одного из дворцов ихшидов, воздвигнутых внутри города.

Самаркандские ишхиды, как и бухар-худаты и другие правители, имели загородные резиденции, расположенные иногда далеко от города.

Раскопками, проведенными под руководством А. Ю. Якубовского в Пянджикенте, в 60—70 *км* к юго-востоку от Самарканда, обнаружены кварталы города с остатками храмов, жилых домов богачей и вельмож. Судя по остаткам Пянджикента, загородная резиденция самаркандских ихшидов находилась именно здесь, ибо город по стратегически удачному местоположению на подступах к Самарканду со стороны гор по реке Зарафшан и экономическому тяготению его к Самарканду мог возникнуть именно как загородная резиденция ихшидов наряду с загородными резиденциями в Ревдаде.

2. ЗАХВАТ ГОРОДА АРАБСКИМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ

Со второй половины VII в. после падения сасанидского Ирана арабы прочно завладели Мервом, откуда делали грабительские набеги на области, находящиеся за Амударьей, т. е. на Мавераннахр.

Враждовавшая между собой господствующая аристократия обнаружила свою слабость. Некоторые дехкане, обиженные правящей династией, искали помощи и поддержки у захватчиков. Предав интересы народа и страны, они помогали арабам в их походах. Другая группа дехкан выступила на защиту своей власти, страны и в этом нашла поддержку и помощь у народных масс.

Завоеватели, зная вражду среди крупных дехкан, часть из них сумели заманить на свою сторону и добиться победы над хорошо вооруженными и воинственными чакирами.

Первый из хорасанских наместников Убейдулла ибн Зияд (673—675) в 673 г. организовал поход в долину Зарафшана и, захватив богатую добычу, вернулся в Мерв. В том же году Саид ибн Осман совершил поход на Бухару и Самарканд. В этом походе участвовал двоюродный брат пророка Кусам ибн Аббас ибн Абдул-Муталлиб, который в одном из сражений был убит. Его прах, согласно легенде, будто покоится в Самарканде в мазаре Шахи-Зинда, который назван его именем.

В Самарканде Саид захватил богатую добычу — 30 000 пленных и много ценностей. Уходя из города, он взял 50 заложников-дехкан из царских родов, обещая вернуть их после перехода Амударьи. Однако он не выполнил своего обещания. Приехав в Аравию и желая превратить заложников в рабов, он приказал снять с них дорогие одежды и золотые пояса. Однако согдийские дехкане, решив отомстить Саиду, однажды ворвались к нему во дворец, убили его и сами покончили жизнь самоубийством.

Хорасанский наместник Кутейба ибн Муслим (705—715) по приказу иракского наместника ал-Хаджжаджа стремился прочно завоевать Мавераннахр и превратить «его в сад эмира верующих».

В 705 г. Кутейба захватил Балх, а в 706 г. напал на Пайкенд, но встретил упорное сопротивление. Согдийцы во главе с царем Самарканда Тархуном пришли пайкенцам на помощь и так окружили арабов, что иракский наместник ал-Хаджжадж почти два месяца не получал известий от Кутейбы. Но из-за отсутствия у согдийцев единого руководства и согласия, арабам удалось не только выбраться из окружения, но даже захватить Пайкенд и овладеть огромной добычей.

В 707 и 708 гг. был организован поход арабов в Мавераннахр против Вардан-худата, но Кутейба был отброшен из Согда. В 709 г. он опять напал на Вардана. Самаркандский царь Тархун, а также местные цари и кочевые тюрки оказали ему упорное сопротивление. Осенью 709 г. Кутейба был окружен в окрестностях Бухары между селениями Тараб, Хунбун и Рамитан объединенными силами царя Согда Тархуна, Хуник-худата, Вардан-худата и 40-тысячным войском хакана тюрок во главе с Кармагануном. Кутейба прибег к хитрости. Он послал к Тархуну Хаян ан-Набати и просил сообщить ему, чтобы он не старался разбить арабов, ибо они к зиме обязательно вернутся в Мерв, а вот тюрки не уйдут и отнимут царство. Это вызвало раскол среди союзников и согдийцев. Хаян от имени Кутейбы обещал Тархуну заключить мир на выгодных ему условиях. Ночью Тархун послал в лагерь Кутейбы

подарки и два миллиона дирхемов и взамен получил текст мирного договора. Тархун должен был отступить и вернуться в Самарканд, распространив слух, что к арабам идет подкрепление от ал-Хаджжаджа. Этим он вызвал панику в рядах своих союзников, и они разъехались. Так, Тархун ради сохранения своей власти над Самаркандом помог арабам не только выйти из окружения, но даже овладеть Мавераннахром.

Политика Тархуна вызвала недовольство самаркандцев. В 710 г., когда в Самарканд прибыл Абдурахман, брат Кутейбы ибн Муслима, получить по условиям договора налог-джизью с жителей Согда, народ поднял восстание. Некоторые представители феодальной знати, недовольные политикой Тархуна, примкнули к народу. Тархун был свергнут, и царем Согда, афшином Самарканда был провозглашен брат Тархуна Гурек (710—737). Брошенный в темницу Тархун покончил жизнь самоубийством. По другим данным, он был убит Гуреком.

Кутейба не решился сразу напасть на Самарканд и наказать свободолюбивых согдийцев. В 712 г. Кутейба под предлогом помощи Хорезм-шаху Чагану совершил поход против Хурзада (младшего брата Хорезм-шаха), укрепившегося в Хорезме. На обратном пути он заехал в Бухару, а оттуда неожиданно двинулся на Самарканд и привел с собой из Хорезма и Бухары военный отряд в 20 000 человек. Гурек встретился с арабами в Арбинджане, но не смог отбросить Кутейбу, которого упрекал в том, что он одерживает победу только благодаря «братьям и родственникам своего врага». Гурек, отступив и укрепившись за стенами Самарканда, стал ждать помощи от царя Шаша, ихшида Ферганы, хакана тюрок, к которым направил письмо, призывая их к борьбе против арабов.

Отряды, отправленные царем Шаша, ихшидом Ферганы и хаканом тюрок, не смогли добраться до Самарканда: Кутейба заметив их приближение, направил большой отряд, который ночью напал на них и полностью уничтожил. К городской стене арабы подтянули 300 манжаников, но самаркандцы продолжали защищать город. Наконец, арабам удалось пробить городские стены и ворваться в Шахристан Самарканда. Измученные длительной осадой самаркандцы вынуждены были запросить мир и согласиться на тяжелый для них договор. Согласно договору, Кутейба признал Гурека царем Согда, в который входила тогда долина Кашкадарьи с городами Кеш и Несеф, и обязал его прислать три тысячи рабов, пятьдесят тысяч мискалей золота (сокровища храмов), две тысячи кусков ткани дибо и двести тысяч дирхемов. Сверх того, Гурек

обязался в дальнейшем выплачивать арабам дань в размере двухсот тысяч дирхемов ежегодно, а также поставить определенное количество рабов, тканей и т. д. В борьбе Кутейбы с Гуреком активное участие приняли местные бухарские и хорезмские отряды.

Вопреки условиям договора Кутейба часть своих воинов разместил в домах жителей Самарканда. Это вызвало большое недовольство и послужило причиной следующего восстания. Царь Согда Гурек предоставил цитадель Самарканда арабскому гарнизону, а свою резиденцию перенес в г. Иштихан. Как и в других городах Мавераннахра, самаркандцы не только часть домов, но и часть посевных земель должны были уступить колонизаторам. Арабы запретили самаркандцам носить холодное оружие и заставляли закрывать на ночь ворота города.

Кутейба, уходя из Самарканда в Мерв, оставил там своего брата Абдуррахмана ибн Муслима с большим гарнизоном и хорошим снаряжением.

Зимой 713 г. самаркандцы с помощью соседних тюрок выступили против арабов. Гарнизон укрылся за стенами цитадели и известил Кутейбу, который весной того же года организовал поход против согдийцев и приказал владетелям Кеша, Несефа и Бухары собрать двадцать тысяч воинов для усмирения восставших. Подавив восстание, Кутейба заставил жителей завоеванных городов уступить арабам половину домов, а самаркандцев, по одной из версий,— покинуть шахристан.

После смерти Кутейбы в 715 г. престиж арабской власти в Мавераннахре значительно ослаб. Наместник Хорасана Джаррах (717—719) был жесток с новообращенными мусульманами. Омар ибн Абдулазиз (717—719), ставший халифом после смерти Сулеймана, чтобы поднять престиж арабской власти во всех областях халифата, провел финансовую реформу, согласно которой с новообращенных мусульман-мавали, как и с мусульман-арабов не следовало взимать не только джизью, но и харадж.

Омар II направил царям Мавераннахра, подчинившимся арабам, послание с предложением принять ислам, обещая за это освободить от уплаты хараджа. В правление Омара II некоторые арабы-феодалы, приобретая разными путями хараджные земли, стали усиленно обогащаться, а доходы халифской казны сокращались. Стремясь сохранить хараджные земли как собственность государства, Омар II запретил арабам увеличивать свои земельные владения и приказал им вернуть все хараджные земли, купленные после сотого года хиджры,

Терракотовые статуэтки VI—VII вв.

и платить не ушр, а харадж (719 г.). Земли же, приобретенные до этого, приказал освободить от хараджа и обложить налогом ушр, т. е. 1/10 частью урожая. Ободренная земельной реформой Омара II местная знать Самарканда направила к нему делегацию, которая просила его распорядиться вернуть шахристан Самарканда, где находились земли, несправедливо захваченные в свое время Кутейбой ибн Муслимом. Омар написал Сулейману ибн Абус-Сарию, чтобы он поручил местному казию разобрать жалобы самаркандцев. Арабы не хотели уступать приобретенные земли их прежним владельцам. Поскольку это было совершено Кутейбой до 100 г., казий рассмотрев их дела, вынес решение расторгнуть мирный договор, подписанный Кутейбой, и вывести арабские войска из Самарканда. Это означало возобновление войны.

Но самаркандцы, учитывая силы арабского войска, были вынуждены отказаться от своих претензий. Вопреки посланиям Омара II Джаррах не перестал взимать харадж и джизью с зиммиев, принявших мусульманство, даже с тех из них, которые в составе арабского войска защищали границы мусульманского государства от нападения кочевых тюрок. Это видно из жалобы делегации, прибывшей ко двору халифа в 717 г.

Наместник Хорасана требовал, чтобы мусульмане в доказательство своей преданности исламу совершали обрезание и научились читать сурры из Корана. Эти его меры ограничивали число желающих принять ислам. Политика арабского наместника была вызвана стремлением заставить народные массы покоренных стран платить харадж и джизью, которые должны были вносить немусульмане. Это ограничение распространялось в основном на неимущие классы, для которых условия, выдвинутые наместником, были тяжелыми и унизительными.

3. САМАРКАНД — ЦЕНТР ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ВОЙН ПРОТИВ ХАЛИФАТА

Смерть Омара II Гурек счел удобным моментом для начала войны с арабами. Теперь он мог рассчитывать на поддержку не только со стороны не принявших ислам феодалов, но и новообращенных мусульман, надежды которых на освобождение от уплаты хараджа не сбылись.

Гурек, сознательно распространяя предсказания о том, что 100-летие могущества арабов истекает в 100 году хиджры (719 г.), обратился к китайскому императору с просьбой оказать ему помощь в борьбе против арабов. Гурека поддержа-

ли также Бухар-худат Тахшада, владетели Шаша и Ферганы. Борьба Гурека против арабских правителей, требовавших джизью и харадж с жителей Согда, отвечала интересам широких народных масс, страдавших под гнетом арабского халифата.

Другой правитель, Дивашти, обосновавшийся в Пянджикенте, убедившись, что Саид Хузейна не в состоянии подавить восстание Гурека, присоединился к борьбе против арабов и местных дехкан, находившихся на службе у арабов. Он заручился поддержкой ферганского царя и хакана тюрок, который направил на помощь Гуреку царевича Кур-Суля во главе кочевников. Вместе с Гуреком местные дехкане окружили замок Бахилия, находившийся в окрестностях Самарканда. Осажденные арабы запросили мир, обязуясь уплатить 40 000 динаров, но, не собрав их, предложили заключить перемирие и предоставили в залог 14 человек. В то же время арабы тайно просили помощь у Усмана ибн Абдуллы, стоявшего во главе арабского войска в Самарканде. Он поручил Мусейябу ибн Зухейру призвать мусульман к войне с неверными, в поход против Гурека и его союзников и освободить мусульман из окружения.

Мусейяб подошел к местности Фий (ныне Нарпай). Мелик той области Турк-Хакан сообщил Мусейябу о том, что здесь не осталось ни одного дехкана, не подчинившегося тюркам, и предложил ему своих 300 воинов. Из этих слов видно, во-первых, что некоторые тюрки были еще на стороне арабов, во-вторых, Бахилия находилась где-то вблизи (в местности Нарпай). Арабы, войдя в замок и освободив осажденных, вернулись в Самарканд. Стремясь скорее закончить эту операцию, Мусейяб приказал не помогать даже своим раненым солдатам.

Усман ибн Абдулла понимал, что арабский гарнизон не в силах противостоять объединенным силам антиарабской коалиции, возглавляемой Гуреком и хаканом кочевых тюрок, поэтому он неоднократно обращался за помощью к хорасанскому наместнику Эмиру Саиду Хузейне.

В 720 г. Саид ибн Абдулазиз осмелился организовать первый поход против восставшего Согда. Перейдя реку, он двинулся на помощь гарнизону в Самарканде. Когда он подошел к городу, на него напал отряд тюрок и согдийцев. Стремясь заманить арабов в глубь страны, тюрки и согдийцы обратились в бегство. Затем тюрки, выйдя из засады, разгромили авангард арабского войска. Хорасанский наместник Саид Хузейна, хотя и отразил натиск согдийцев и тюрок, предпочел

не преследовать их, вошел в Самарканд и соединился с местным гарнизоном.

В Согде ширилось антиарабское движение. Возможно, в эти годы к восставшим присоединился и дехкан Пянджикента Дивашти. В начале 721 г. эмир Саид Хузейна организовал новый поход против непокорного Согда. Для того, чтобы соединиться с осажденным арабским гарнизоном ему пришлось дать несколько сражений. Во время одного из них у ворот Самарканда согдийцы, стремясь заманить арабов, отступили. Воспользовавшись этим, Саид соединился с гарнизоном. Часть жителей города и его окрестностей еще оставалась на стороне согдийцев. По словам Табари, он отправил ночью небольшой отряд в верховья Зарафшана, где была плотина Варагсар, чтобы овладеть ею и лишить Самарканд и его окрестности воды. Это вынудило бы согдийцев сдаться. Однако согдийцы стойко защищали плотину, и воины Саида вернулись из этого похода лишь с небольшой добычей.

В 721 г. по совету халифа Язида ибн Абдулмалика наместником Хорасана был назначен Саид ибн Амир ал-Хараши, которому было поручено усмирить Гурека и Дивашти и подавить восстание народов Согда.

Саид ал-Хараши, готовясь к походу против Мавераннахра, отправил своих послов с письмом в Согд, в котором призывал согдийцев к покорности и возвращению к исламу. Однако часть согдийцев не хотела подчиниться арабам. Саид ал-Хараши, узнав от своих послов о намерениях согдийцев оказать сопротивление арабам, еще тщательнее стал готовиться к походу, не теряя надежды склонить хотя бы верхние слои общества согдийцев на свою сторону. Отправляя посла за послом, Саид ал-Хараши сумел добиться согласия царя Самарканда Гурека перейти на его сторону. Переход царя Согда Гурека и части местных феодалов на сторону Саида ал-Хараши положил начало расколу среди восставших. Группа самаркандских феодалов во главе с Гуреком обязалась не только платить харадж арабам, но и выступить в качестве их союзников против восставших. Численность этой группы, по данным Балазури, составляла десять тысяч человек.

Другая группа согдийцев, среди них были купцы и крупные дехкане, во главе с Карзананджем, не стала обрабатывать свои земли, платить харадж и решила покинуть Согд и поселиться на территории Ферганского царства.

Третья группа дехкан во главе с владетелем Пянджикента Дивашти укрепилась в крепости на горе Муг.

Гурек предложил группе, во главе которой стоял Карзанандж, перейти на сторону арабов. Обращаясь к согдийцам,

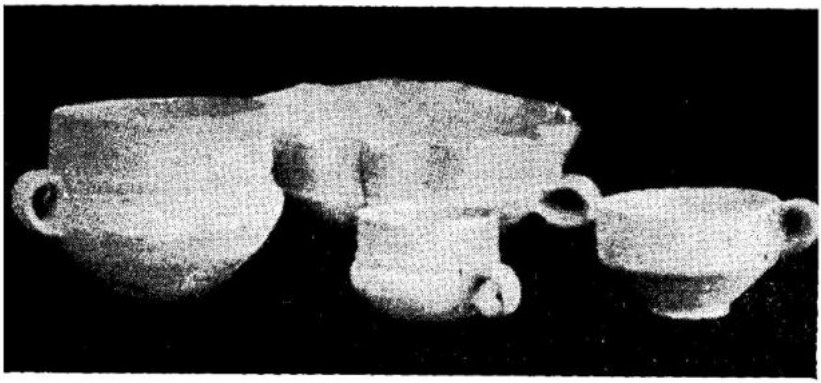
он говорил: «Не уезжайте из Согда, заплатите свой харадж за прошлый год и обещайте обрабатывать свои земельные владения. Если потребует Саид ал-Хараши участвовать с ним в «газавате», то дайте свое согласие и попросите прощения на свои грехи и передайте ему заложников».

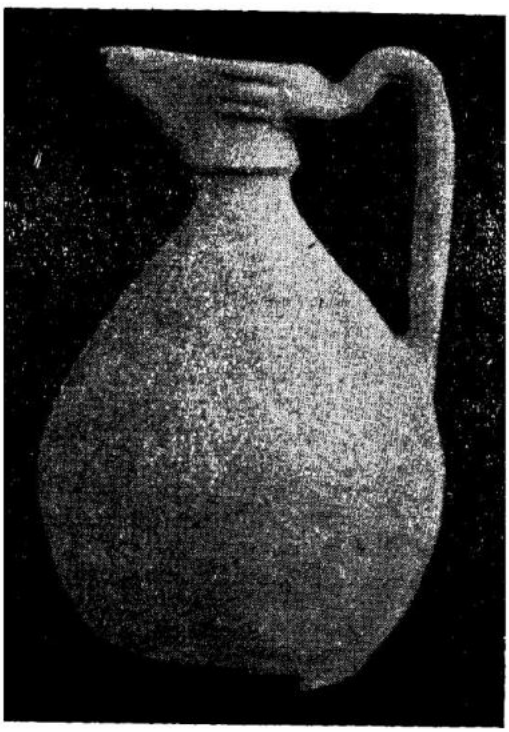
После перехода Гурека на сторону арабов Дивашти, видимо, объявил себя царем Согда. Таким образом, (в 721—722 гг.) в Согде правили независимо друг от друга два царя — Гурек и Дивашти. Согд разделился на две части: Согд арабский и Согд независимый.

Саид ал-Хараши остановился в замке Рих в двух фарсахах от Самарканда. Первый удар он решил направить против группы Карзананджа, который хотел удалиться из Самарканда и перейти под покровительство ферганского царя ал-Тара. Карзанандж предложил своим соотечественникам согдийцам три варианта плана спасения: первый — напасть на авангард арабского войска, направленный Саидом ал-Хараши против согдийцев во главе с Абдуррахманом, и уничтожить его. При этом Карзанандж уверял, что Саид-ал-Хараши откажется от похода в Согд, так как он не знает этой страны, а Абдуррахман был его проводником. Второй—отправить Саиду ал-Хараши ценный подарок и принять все условия, которые он предложит; третий — перейти р. Шаш (Сырдарью) и уйти в Суйаб — столицу западных тюрок.

Если верить сообщениям Табари, то согдийцы не одобрили ни один из вариантов плана, предложенного Карзананджем. Однако при сравнении сообщения Бал'ами со сведениями Табари становится очевидным, что ферганский царь ал-Тар, возможно, тайком, выразил Карзананджу согласие с первым вариантом его плана, и поэтому хотел заманить Абдуррахмана ибн Нуайма и его сына Зияда. По собщениям Табари, ал-Тару и его племяннику Нилану (Билазу) удалось заманить Абдуррахмана и Зияда во главе с авангардом войск Саида ал-Хараши.

Согласно Табари, ал-Тар обещал согдийцам свое покровительство через 20 дней после того, как они поселятся в горной крепости Шубай-Асам. В то же время он отправил к Саиду ал-Хараши своего двоюродного брата Нилана — наследника престола и правителя области Исфара, в которой находилась крепость Шубай-Асам, с сообщением, что согдийцы находятся на пути к крепости. Он советовал Саиду ал-Хараши, пока не вошел в силу договор ал-Тара с согдийцами и они не укрепились в горной крепости, окружить их и разбить. Саид ал-Хараши отправил вместе с Ниланом своего проводника и на-

Посуда VI — VIII вв.

чальника авангарда Абдаррахмана и Зияда с большим отрядом. Однако арабская разведка работала неплохо. Очевидно, когда Саид ал-Хараши пребывал у владетеля Усрушаны, он получил донесение разведки и, поняв замысел врага, через три дня догнал свой авангард. Он отказался от тактики поспешных нападений и начал готовиться к решающим сражениям.

Табари отмечает, что советники и проводники Саида ал-Хараши указывали ему на необходимость нападения на согдийцев, пока они не ушли в горную крепость. Но Саид ал-Хараши не торопился, Табари замечает, что Саид ал-Хараши, отличавшийся в Ираке своей решимостью и остроумием, в Хорасане сделался «ленивым и дурным». Согдийцы дали арабам небольшое сражение, но, потерпев поражение, отступили и укрылись за стенами Ходжента. План Карзананджа был раскрыт, ал-Тар, обещавший поддержку в борьбе с арабами, отказался им помочь, ссылаясь на то, что договор еще не вступил в силу. Лишившись помощи ферганского царя, согдийцы запросили мир. Они были вынуждены принять все условия договора, предложенные Саидом ал-Хараши (по сообщению Табари): вернуть всех арабских пленных (женщин и детей), полностью уплатить харадж, всем вернуться в Самарканд, не оставив ни одного человека в Ходженте.

Саиду ал-Хараши, по Табари, донесли, что один из согдийцев — Сабит Иштихани — убил арабскую женщину. Это обвинение было предлогом для расправы над Сабитом Иштихани. Считая обвинение неправильным, Карзанандж и его чакиры решили неожиданно напасть на арабов и отнять у них оружие. Однако эта попытка не увенчалась успехом. Саид ал-Хараши, узнав об этом, приказал поголовно уничтожить непокорных самаркандцев. По словам Табари, самаркандцы до последней минуты не сдавались. Лишь 400 согдийских купцов остались, отдав арабам за себя выкуп.

Саид ал-Хараши, жестоко расправившись с согдийцами, приказал землевладельцам (харрасин) Ходжента носить на шее печати — свинцовые пломбы. Как подчеркивает Табари, эти землевладельцы даже не знали о том, что случилось с их владельцами (сахибами).

«Арабы ходили от дувала к дувалу и избивали крестьян, причем на шеях этих последних висели печати». Арабы, поймав землевладельцев, убивали. По сведениям Табари, было перебито 300, по другим данным — 700 человек. После безжалостной расправы с согдийцами арабы, выделив часть добычи халифу, разделили между собой имущество согдийских дехкан и отправились к Кешу. Саид ал-Хараши потребовал у фер-

ганского царя ал-Тара уплатить 100 тысяч динаров, 50 гулямов и 50 рабынь (канизак). Получив дань от ал-Тара, он направился к Самарканду. Ферганский царь и 50 тысяч карлуков ночью внезапно напали на обоз арабов и разграбили его. Ферганцы и карлуки перебили много спящих мусульман и стражников-арабов и, захватив большую добычу, вернулись

Блюдо с изображением согдийского всадника.

в свои укрепления. Арабы расправились с самаркандцами во главе с Карзананджем и объединились в борьбе с группой Дивашти.

Большую роль в подавлении восстания Дивашти сыграл Сулейман ибн Абус-Сария, объединивший под своим командованием Хумейка (Джамука) Шавкара, хорезмшаха и владетеля Ахаруна и Шумана. Сулейман отправил на борьбу против Дивашти авангард под командованием араба Мусейяба. Дивашти, потерпев поражение, скрылся за стенами своего

замка на горе Муг (на левом берегу Зарафшана в 120 *км* к востоку от Пянджикента).

Крепость Дивашти на горе Муг с трех сторон была окружена обрывистыми берегами рек Кум и Зарафшан. Неприятель не мог с большим войском напасть на крепость. Только продолжительной осадой можно было вынудить к сдаче укрывшихся в замке.

По поручению Саида ал-Хараши Сулейман обещал Дивашти свободу. Поверив ал-Хараши, Дивашти сдался. Вместе с Мусейябом Сулейман отправил его к Саиду ал-Хараши. Согласно договору, сто семей получили свободу, остальным была сохранена жизнь. Так пал недоступный замок на горе Муг.

В 1933 г. в верховьях Зарафшана в замке на горе Муг были найдены ценные документы на согдийском языке, написанные на коже и палках, китайские документы на хлопчатобумаге и один арабский документ на коже, который был исследован В. А. и И. Ю. Крачковскими. Изучив документ, исследователи признали, что Табари правильно передает не только имена исторических личностей, но и названия местностей, а также верно повествует о событиях, происходивших в далеком Мавераннахре, в частности Самарканде.

Саид ал-Хараши продолжал свой карательный поход по городам и селениям Мавераннахра. Однако после трагического поражения Дивашти владетели других областей даже не пытались оказать сопротивления арабам. Саид направился к Рабинджану, в котором находилась тогда резиденция Гурека.

Очевидно, Саид ал-Хараши привез с собой Дивашти, чтобы передать его в руки той группы дехкан, которые во главе с Гуреком приняли покровительство арабов и считали Дивашти царем-самозванцем, поднявшим часть согдийцев не только против арабов, но и против их законного царя Гурека, перешедшего на сторону мусульман. Видимо, опираясь на этих дехкан Согда, Саид ал-Хараши нарушил приказ своего начальника—наместника Ирака Омара ибн Хубейра о помиловании Дивашти и сохранении ему жизни. Дивашти был распят в Рабинджане. По пути в Мерв Саид подчинил себе еще несколько местных владетелей.

Осенью 723 г. во всем Мавераннахре была восстановлена власть арабов. Гурек и местные царьки вновь признали над собой власть халифата. После поражения восстания согдийцы эксплуатировались не только дехканами Согда, но и арабскими феодалами. Вероятно, земельные владения погибших в бою крупных самаркандских дехкан были захвачены арабами, превращены в собственность халифа и розданы арабским

военачальникам, которые стали непосредственно эксплуатировать местных крестьян и ремесленников.

Начиная с 723 г. главную роль в борьбе против арабского господства играет ферганский царь ал-Тар. Омар ибн Хубейра приказал Муслиму ибн Саиду организовать поход против ферганского царя, ограбившего обоз арабов и некогда обещавшего восставшим самаркандцам покровительство. Муслим был разбит и отброшен от Ферганы.

Асад (724—727) трижды предпринимал походы против Самаркандского Согда, однако безуспешно. Вернувшись после неудачных походов из Мавераннахра, он обвинил хорасанскую знать — Абдуррахмана ибн Нуайма, Насра ибн Сейяра, Сурру ибн Хурру и Хусейна ибн Ибрагима — в нежелании вести войну за веру и приказал подвергнуть их телесному наказанию.

После ряда неудач арабам трудно было организовать поход против непокорных жителей Самарканда. Ашрас, по совету вельмож Хорасана, для увеличения самаркандского гарнизона за счет новообращенных мусульман (мавали) и умиротворения согдийцев решил уравнять в правах неарабов, принявших ислам, с арабами, т. е. не взимать с неарабов ни хараджа, ни джизьи. Салих ибн Тариф, известный как Абу Саида, приехал в Самарканд и потребовал от самаркандского правителя, чтобы он не принуждал мавали к уплате хараджа и джизьи. Историки Табари и Балазури, писавшие независимо друг от друга, утверждали, что не только народ Самарканда, но и всего Мавераннахра охотно принял ислам. В Самарканде и Бухаре началось строительство мечетей.

Царь Согда Гурек сообщил Ашрасу, что «харадж уничтожен», т. е. Согд отказывается платить харадж, следовательно, обязательство, взятое им на себя по договору (вазаиф), не может быть выполнено.

Когда правитель Самарканда приступил к сбору хараджа, Абу Саида и его сподвижники оказали ему сопротивление. Семь тысяч из новообращенных мусульман Самарканда, среди которых были и дехкане, обязавшись платить джизью и харадж за себя и своих крестьян, уклонились от уплаты. Они оставили город и укрепились в местности, находящейся в 7 фарсахах от Самарканда. Вместе с согдийцами город покинули, очевидно, под влиянием тех мавали, которые служили арабам в составе Самаркандского гарнизона, Абу Саида и его друзья из арабского гарнизона Сабит ибн Умран Тамими, Касим Шейбани, Абу Фатима Азди, Башир ибн Джурмуз, Халид ибн Абдулла Нахви, Башир ибн Занбур Азди, Ходжанди и другие высокопоставленные военачальники. Они

укрепились в этой местности, чтобы оказать сопротивление сборщикам податей Ашраса.

Абу Саида и его сторонники готовились к предстоящему вооруженному столкновению. Ашрас назначил валием в Самарканд Муджжашира ибн Музахима, который пригласил к себе для переговоров Абу Саиду и его приближенных. Когда Абу Саида приехал к нему вместе с арабским поэтом Сабитом Кутна, Муджжашир схватил их и под стражей отправил в Мерв к наместнику Ашрасу, который заключил их в тюрьму. Восставших возглавил Абу Фатима ал-Аздий, приступивший к подготовке сражения с арабами.

Большинство воинов самаркандского гарнизона — главной опоры арабов—сочувствовало восставшим, считая справедливыми их требования. Это обстоятельство вынудило Ашраса пойти на уступки.

Желая расколоть единство восставших, Ашрас приказал правителю Самарканда освободить от хараджа только знатных людей и предоставить им некоторые льготы. Политика Ашраса дала свои результаты. Возвращение Абу Фатимы с воинами гарнизона в Самарканд лишило восставших руководства. Ашрас приказал собрать харадж со всех подданных, не предоставляя никаких льгот вельможам-неарабам (ажам).

Изучение хода этой борьбы показывает, что весь Мавераннахр, кроме крепости Самарканда и Дабусии, перешел в руки восставших, которым пришел на помощь хакан кочевых тюрок Абу Музаххим.

В течение трех месяцев Ашрас готовился к предстоящему походу. Хорасанская знать убедила его, что без тяжелой конницы нет смысла выступать против хакана Абу Музаххима. В связи с этим Ашрас впервые учредил тяжелую конницу, называемую «рабита».

На подступах к Бухаре произошло решающее сражение, во время которого Гурек вновь перешел на сторону восставших соотечественников.

Ашрас, получив сокрушительный удар, бежал из Бухары в Самарканд, но хакан не дал ему добраться до города. Арабам удалось захватить крепость Кемарджа. Измученные жаждой и голодом войска Ашраса покинули Кемарджа и под стражей согдийцев и тюрок двинулись к Дабусии, где оставались до осени 730 г., пока их не освободил Джунейд ибн Абдуррахман (730—737).

Летом 730 г. Джунейд подготовился к походу на Мавераннахр. Весть об этом дошла до хакана, который во главе 17-тысячного войска направился к Амударье и преградил ему

путь. Джунейду пришлось остановиться в Амуле. Перейдя к Замму, он убедился, что хакан не даст ему не только добраться до Самарканда, но даже переправиться на правый берег Амударьи. Он сообщил о создавшемся положении халифу Хишаму (724—743), который приказал Ашрасу отправить против хакана войска и отвлечь его внимание. Ашрас выделил из своего гарнизона семь тысяч человек во главе с Амир ибн Малик ал-Хаммади, который выступил из Дабусии и двинулся к Джунейду. Однако ему пришлось остановиться за стенами одной из крепостей.

Хишам, снова получив письмо Джунейда, приказал наместнику Ирака Халиду ибн Абдулле отправить ему на помощь Насра ибн Сейяра, Абдуррахмана ибн Нуайма, Сурра ибн Хурра и Хусейна ибн Ибрахима. Ашрас послал из Самарканда против хакана местных мусульман — мавали Кайса: Васла ибн Амра и Асима ибн Умейра Самарканди с их чакирами. В то время, как хакан успешно вел войну с Джунейдом, они расположились лагерем в одной из укрепленных местностей и атаковали арьергард хакана.

Хакану пришлось вести бой на двух фронтах: против войска Васла ибн Амра и Джунейда. Потеряв более 10 тысяч воинов и много тюркских военачальников, хакан отступил. В двух фарсахах от Пайкенда снова произошло сражение между войсками Джунейда и хакана. Неожиданно Катан ибн Кутейба выступил из Бухары, помог Джунейду, который вышел победителем из сражения.

Осенью 730 г. в семи фарсахах от Самарканда, возле селения Зермен, хакан, преградив путь Джунейду, напал на него со своими союзниками. В этом сражении Джунейду удалось победить хакана. Весной 731 г. хакан Абу Музаххим отправил против самаркандского гарнизона 15 тысяч воинов, которые окружили войска Сурри ибн Хурра в Самарканде. Сурра ибн Хурра сообщил об этом Джунейду в Мерв и попросил помощи. Джунейд летом 721 г. перешел Амударью и двинулся к Самарканду на помощь осажденному арабскому гарнизону. Хакан вместе с союзниками, не давая боя, отступил, заманив противника в глубь страны.

Войскам Джунайда удалось добраться до горного перевала. Однако здесь авангард его войск, не выдержав натиска союзников, обратился в бегство.

Согласно Табари, основной и самой сильной частью армии Джунейда считалась тяжелая и легкая конница. Число воинов в армии Джунейда составляло 27 тысяч.

Потерпев поражение, арабы отказались от наступательной тактики ведения боя. Джунейд понял, что положение его войска безнадежно. Военный советник предложил ему поторопиться и либо смириться с гибелью хорасанского войска, либо пожертвовать самаркандским гарнизоном, приказав Сурре ибн Хурре выступить из крепости, чтобы отвлечь внимание и силы войска хакана и согдийского царя Гурека. Джунейд последовал второму совету и приказал Сурре ибн Хурре выступить из Самарканда и идти на помощь его войску.

Сурра ибн Хурра во главе 12-тысячного войска выступил из Самарканда. Когда до лагеря оставалось 3 фарсаха, хакан приказал своим воинам прекратить сражение с войсками Джунейда и дать бой войскам Сурры. По приказу Гурека были зажжены заросли, через которые должен был пройти Сурра с воинами. Увидев дым, Сурра ибн Хурра решил, что хакан, боясь приближения Самаркандского гарнизона, сжег имущество, чтобы оно не досталось мусульманам. Приблизившись к дымящимся зарослям камыша, через которые проходила дорога, он понял замысел врага. Среди воинов Сурры началась паника; некоторые из предводителей предлагали, пока не поздно, вернуться в Самарканд. В этот момент на армию Сурры напали согдийцы во главе с Гуреком и воины Несефа во главе с Ашкентом. Сражение кончилось полным поражением Сурры; много воинов погибло, оставшиеся разбежались, 2500 воинов пытались вернуться в Самарканд. Тюрки и согдийцы преследовали их до самого Самарканда и окружили крепость города. Мусульмане, испытывая большие лишения, уже были близки к сдаче крепости согдийцам и хакану. Но отряд во главе с Харисом ибн Сурейджем, посланный Джунейдом на помощь осажденным, заставил хакана отступить, при этом он потерял не менее 10 тысяч воинов.

Армия Джунейда, пополнившаяся 13 тысячами воинов, пришедшими из Хорасана и Тохаристана, двинулась к Самарканду, недалеко от которого произошло сражение между хаканом и Джунейдом. На стороне арабов воевали пленные согдийцы и тюрки, которым Джунейд обещал за это свободу. Попытка тюрок обратиться в бегство и увлечь арабов в глубь страны и разбить их не увенчалась успехом. Тогда хакан приказал обложить Бухару, чтобы заставить Джунейда выступить из Самарканда для оказания помощи Бухарскому гарнизону.

Тем временем Джунейд овладел Самаркандом, однако удержать власть в городе было очень трудно, ибо еще раньше

погиб весь самаркандский гарнизон во главе с Сурром ибн Хурром.

Вместо 12-тысячного гарнизона Джунейд оставил в Самарканде Усмана ибн Абдалла во главе 800 человек (400 конных и 400 пеших), а сам выступил из Самарканда и остановился в г. Кермене. Тогда хакан снял осаду Бухары, выступил против Джунейда и напал на авангард его войск, который возвратился на зимовку в Мерв. Таким образом, священный поход «газават» Джунейда против восставших неверных (мушриков) Мавераннахра кончился победой, однако она была достигнута ценой таких потерь, что арабы уже не могли удержать власти в Самарканде.

Арабский военачальник Харис ибн Сурейдж, поссорившись с Джунейдом, принял покровительство хакана Абу Музаххима, который овладел Самаркандом. Имя Хариса ибн Сурейджа было широко известно в Мавераннахре. Он объединил сподвижников Абу Саида в Самарканде и Дабусии. Абу Фатима ал-Азди, оставшись после Абу Саида главой мавераннахрских хариджитов, стал помощником и военным советником Хариса. Башир ибн Джурмуз Дабий — участник восстания Дабусии в 728 г.—командовал авангардом войск Хариса ибн Сурейджа. Обличая Омейядов, Харис осуждал их за то, что они не соблюдали предписания Корана и не поступают согласно сунне Пророка. Он обещал соблюдать договор, заключенный с зиммиями, и не взимать хараджа с мусульман (в том числе и с новообращенных).

Харис, склонив на свою сторону мусульманские гарнизоны, находившиеся в Мавераннахре, еще при жизни Джунейда перешел Амударью и укрепился в верхнем Тохаристане. Джунейд, не имея сплоченного войска, не смог отразить победоносного шествия Хариса.

Самаркандский царь Гурек, дехканство и хакан Абу Музаххим отправили Хариса ибн Сурейджа в Хорасан, где в 734—735 гг. он поднял хараджийское восстание и возглавил его. Однако в Хорасане он был разбит, восстание было подавлено вновь назначенным наместником Хорасана Асадом ибн Абдуллой (735—738). Харис ибн Сурейдж вернулся в Самарканд.

Весной 736 г. наместник Хорасана Асад, снарядив войско, отправился на Самарканд, но, не сумев овладеть им, решил лишить население воды, перекрыв плотину Варагсар. Однако захватить Самарканд ему не удалось и он вернулся в Мерв.

Зимой 737 г. хакан вместе с царем Самарканда и дехканами Мавераннахра напал на Хорасан, надеясь легко разгро-

мить Асада, воины которого были размещены по домам местных жителей. В этом походе. очевидно, погиб самаркандский царь Гурек, а хакан тюрок был разбит.

Наместником Хорасана стал Наср. В 739 г. он совершил поход из Балха в Мавераннахр против хариджита Хариса ибн Сурейджа, находящегося в Самарканде. Хариджиты выдвигали экономические требования: «Не взимать харадж не только с арабов, но и с новообращенных мусульман». Поход Насра оказался безуспешным.

Вернувшись из похода, Наср решил изменить налоговую систему. Он убедился, что непокорных самаркандцев можно победить, только переманив верхние слои на свою сторону. Для этого он решил пойти на уступки и уравнять в правах новообращенных местных мусульман с арабами.

Он освободил новообращенных мусульман от джизьи и уравнял в правах всех мусульман. Однако уплата хараджа была обязательна для всех, кто владел землей, т. е. Наср узаконил взимание хараджа.

После проведения реформы в 739 г. Наср ибн Сейяр, рассчитывая на поддержку новообращенных мусульман Мавераннахра, предпринял новый поход против Самарканда, где находился Харис ибн Сурейджа во главе своих хариджитов.

Наср. подобно Асаду ибн Абдулле, пытался лишить Самарканд воды и вынудить его сдаться. Он обещал облегчить вазаиф-и харадж (обязанность по хараджу) и джизью согласно реформе и тем самым переманил на свою сторону часть дехкан и заставил их предложить Харису освободить Самарканд. Хариджиты, возглавляемые Харисом ибн Сурейджем, были вынуждены удалиться в Шаш. Самаркандцы, с 729 по 739 г. не допускавшие в свой город омейядских правителей и арабских войск, вновь признали над собой власть хорасанского наместника. Наср назначил правителем Самарканда Мансура ибн Омара Абул-Харка. Это был первый правитель Самарканда после изгнания Хариса.

Наср знал о стремлении согдийцев, ушедших из Согда в период правления хакана, вернуться в Самарканд и предложил им заключить мирный договор. Самаркандцы приняли предложение Насра, однако заявили, что подпишут мирный договор только в том случае, если будут учтены их требования: не подвергать наказанию тех местных мусульман, которые отреклись от ислама и вернулись к прежней религии; не взимать несправедливо числившихся за ними долгов; признать за ними право владельцев рабов из пленных мусульман

и право вернуть их только по решению судьи, основанному на показаниях правомочных свидетелей.

Несмотря на то, что многие арабские феодалы считали условия неприемлемыми, Наср подписал мирный договор с самаркандцами, опасаясь их внезапного нападения в союзе с тюрками на Мавераннахр.

Борьба против порабощения халифата, начатая с 710 г. свержением царя Согда Тархуна, продолжалась с небольшими перерывами и под разными предлогами до 40-х годов VIII в. Эта борьба заставила как наместника Насра, так и Халифа Хишама подписать договор с учетом требований согдийцев на тяжелых для мусульман условиях. В 741 г. согласно договору самаркандцы вернулись на родину. Наср был вынужден принять новый политический курс, направленный на союз с местной земледельческой аристократией Мавераннахра.

Сближение местной аристократии с арабской знатью дало им возможность воспользоваться междоусобицей и враждой среди арабского господствующего класса. Наср ибн Сейяра в течение четырех лет на различные должности назначал только представителей своего племени Мудар, чем вызвал ненависть местной хорасанской аристократии и вождя племени азд Джудея ал-Кермани. Он выступил против Насра, и война продолжалась несколько лет. В одном сражении ал-Кермани попал в плен и был казнен Насром. Это еще более усилило междоплеменные распри в Хорасане. Такая политическая обстановка облегчила борьбу претендентов за власть Алидов и Аббасидов, поддерживаемых местной аристократией.

В конце I в. х. произошло слияние обеих сект Алидов: кайсанийа и аббасийа. Правнук Али Абу Хашим Абдулла перед своей смертью завещал внуку Аббаса Мухаммеду ибн Али получить якобы хранившийся у членов его секты (кайсанийа) желтый свиток. В нем будто бы сообщается о черном знамени в Хорасане, т. е. аббасидском шии, который должен призвать на борьбу против Омейядов. Абу Хашим Абдулла завещал начать это дело после года хозяина осла. О годе хозяина осла говорится во 2 сурре Корана, в 261 (259) стихе. В этом стихе упоминается о разрушенном селении и столетнем сне хозяина осла. Руководящее ядро партии Аббасидов, придерживавшееся шиитского воззрения (кайсанийа и аббасийа), под хозяином осла подразумевало, очевидно, Пророка Мухаммеда (ум. 11 г. х.). Предполагая пробуждение его духа через сто лет (111 г. х., 729/730 г.), они надеялись на его возвращение к власти над халифатом.

Мухаммед ибн Али с года хозяина осла (111 г. х., 729 г.) послал своих эмиров в крупные города Хорасана и Мавераннахра. Согласно Абу Ханифа ад-Динавери, уже во время наместничества Джунейда (727—729) в Бухару, Самарканд, Кеш (ныне Карши) и Несаф (Шахрисабз) им были посланы

Блюдо с изображением поединка.

эмиссары, которые призывали народ к борьбе против Омейядов и присяге богоугодному представителю из дома Хашимитов. Табари подчеркивает, что в 746 г. Абу Муслим от имени имама Ибрагима ибн Мухаммеда ибн Али приехал в Мерв с этим же призывом, обличая Омейядов, как династию лжи (давлат-и батил). Люди стекались к нему, видя в нем представителя рода Хашимитов. Муджаший ибн Хурайс послал в Мавераннахр черное знамя и приказал выступить в указанный день.

В Мерве против династии Омейядов готовил восстание Абу Муслим. Вскоре во всех частях Омейядского халифата власть перешла в руки Аббасидов и на халифский престол вступил ас-Саффах (749—754).

Летом 751 г. Зияду удалось подавить восстание в Бухаре. В годы Аббасидского движения мавераннахрские цари еще раз попытались освободиться от власти арабов, надеясь на поддержку соседних правителей. Самарканды и владетели Кеша также стремились к самостоятельности. Абу Муслим, направляясь в Самарканд в 752 г., послал Абу Дауда Халид ибн Ибрахима в Кеш и назначил на его место брата убитого царя. Правителем Абу Муслим назначил Абу Дауда и приказал ему восстановить разрушенные участки стены (хаит), окружавшей Самарканд и его окрестности. Арабы после сражения в 751 г. в долине Таласа, поняли необходимость возобновления линии укрепления против соседних тюргашей, которые не раз поддерживали самаркандцев в борьбе с арабами.

Таким образом, во всех областях Мавераннахра в период междоусобных войн между Аббасидами и Омейядами местные цари Мавераннахра и дехкане стремились с помощью своих соседей освободиться от господства арабского халифа. Более того, они поддерживали междоусобицы среди арабских феодалов в самом Самарканде.

В 753 г. Зияд ибн Салих, назначенный Абу Муслимом наместником Мавераннахра, выступил против него по тайному приказу халифа Абу Джафара. В том же году Абу Муслим снова отправился в Самарканд на подавление восстания Зияда. К сожалению, нет никаких сведений о том, было ли сражение между войсками Абу Муслима и Зияда в Самарканде или в другой местности Мавераннахра.

Очевидно, когда стала известна основная причина мятежа Зияда, Сиба ибн Нуман признался, что вручил Зияду диплом от имени халифа на должность наместника не только Мавераннахра, но и Хорасана, которыми правил Абу Муслим; местная аристократия не поддержала Зияда.

Вопреки желанию халифа ас-Саффаха самаркандцы поддержали Абу Муслима против Зияда, который скрылся в окрестностях Самарканда у дехкана Баркаса. Согласно Табари, Баркас убил Зияда, а его голову преподнес Абу Муслиму, который в глазах народа был не только героем, но и святым. Тенденция к идеализации личности Абу Муслима возникла еще при его жизни.

При подавлении восстания Зияда мавераннахрские дехкане, не боясь халифа ас-Саффаха, встали на сторону Абу Муслима и стали страшной угрозой для халифата.

Абу Муслим долгое время оставался в Самарканде. Он приказал укрепить цитадель и восстановить внешние и внутренние стены города. По его приказу над крепостной стеной длиной 7,5 фарсаха были сделаны зубцы, а стена разделена на 360 участков. Через каждые 200 гязов на стене были построены боевые сторожевые башни.

Абу Муслим не хотел расставаться с самаркандцами, среди которых нашел настоящих друзей и защитников. Однако, как уверяет Несефи, халиф Абу Джафар, стремясь вынудить Абу Муслима покинуть город, уговорил его совершить паломничество в Мекку (хаджж). В 755 г., возвращаясь из хаджжа, Абу Муслим получил приказ халифа подавить мятеж Абдуллы. Справившись с этим заданием, Абу Муслим прибыл в Багдад к дворцу халифа, где был убит.

Абу Хафс Насафи уверяет, что у Абу Муслима был слуга, известный по прозвищу Бодиелдо-и Самарканди (самаркандский скороход, искусный разведчик), помогавший ему в борьбе с врагами. После убийства Абу Муслима Бодиелдо сумел перевезти его останки из Багдада в Самарканд, где Абу Муслима похоронили с почестями около могилы Ходжа Темима Ансари.

Видимо, Насафи основывается на предании. В первоисточниках не встречались подобные сведения, хотя в Самарканде и его окрестностях было велико уважение к Абу Муслиму и стремление к идеализации его личности. В связи с этим в Самарканде и его окрестностях возникли разные религиозные секты, о чем свидетельствуют первоисточники.

Последователи Абу Муслима из местных народов покоренной страны, с одной стороны, признавали казнь Абу Муслима и призывали народ отомстить за его кровь, с другой — идеализируя его личность и считая его пророком, обожествляли его, представляя его дух вечно живым, и ожидали его возвращения. Так, Сумбад объявил себя посланником Абу Муслима и стал убеждать людей, что он жив: ибо, когда Абу Джафар хотел убить Абу Муслима, он произнес имя всевышнего и, обратившись в белого голубя, вырвался из рук и улетел. Эти религиозные воззрения проливают свет на осмысление названия мазара «Шахи-Зинда» («Живой царь») в Самарканде.

После подавления восстания Муканны, обожествлявшего Абу Муслима и сделавшего его вождем еретических сект, с

ростом влияния суннитского духовенства имя Абу Муслима могло быть забытым, но название мазара осталось.

Широкие слои народных масс связывали свои надежды с успехами Абу Муслима, обещавшего избавление от тяжести налогового бремени, религиозного и национального гнета и унижения. Поэтому после убийства Абу Муслима начались восстания против Аббасидов. В Хорасане в г. Рей в 755 г. восстал Сумбад и 70 дней вел упорную борьбу против наместника Хорасана.

Очевидно, именно в Мавераннахре, где были раскрыты тайные замыслы арабского халифа Абу Джафара, Абу Муслим нашел полную поддержку против своего врага — аббасидского халифа Абу Джафара и в Самарканде чувствовал себя в безопасности.

Таким образом, в Самарканде в 50-х годах VIII в. велико еще было стремление освободиться от власти халифата. В арабоязычных источниках мало сообщается сведений о Самарканде после того, как его покинул Абу Муслим, особенно о времени правления Абу Дауда (755—757), который, согласно Гардизи, был убит в войне Самарканда с «людьми в белых одеждах».

В 757 г. в Мерве восставших возглавил Бераз. По сведениям Гардизи, он поднял белое знамя против черной эмблемы Аббасидов. К нему примкнул наместник Хорасана Абдулджаббар, находящийся под влиянием недовольной местной знати, во главе которой стоял его везир Хашим ибн Хаким (по Ибн Халикану, Хашим ибн Ата), прозванный ал-Муканна (закрытый зеленым покрывалом). Халиф для подавления восстания послал своего сына — наследника престола Махди. В 759 г. Абдулджаббар и его сторонники были схвачены, увезены в Багдад и там убиты, но его везир Муканна оставался в тюрьме Багдада до 769 г.

По-видимому, при помощи зиндиков Муканне удалось вырваться из заточения и благополучно добраться из Багдада в Мерв, в дом араба Абдуллы ибн Амра, который активно участвовал в подготовке восстания в долине Кашкадарьи. Наместник Хорасана Хумейд ибн Кахтаба (769—776), узнав о намерении Муканны переправиться через реку в Мавераннахр, направил воинов к переправе, приказав схватить Муканну. Однако Муканна сумел незаметно приехать в долину Кашкадарьи и начать борьбу против арабских гарнизонов, находящихся в укрепленных кухендизах больших городов — Кеша, Нахшеба, Самарканда, Бухары и др. Муканна под влиянием учения зиндиков, а также местных культов объявил

свою проповедь: «Я как владыка (худованд — господин и владыка) всего мира... я называю себя именем, которым пожелаю, я есть тот, кто явился к народу в обличии Адама, а затем в обличии Ибрахима (Авраама), а затем в обличии Мусы (Моисея) и снова в обличии Исы (Исуса) и снова в обличии Мухаммеда.., а затем в обличии Абу Муслима, а затем в настоящем обличии, в котором вы видите».

Несмотря на то, что трудовой народ был на стороне Муканны, в больших городах власть удерживали арабские гарнизоны, находящиеся в укрепленных кухиндизах. Муканна приказал своим последователям начать с помощью тюркского хакана борьбу с арабскими гарнизонами в Нахшебе, Самарканде и Бухаре и укрепить крепость Сийам (Санам) в волости (рустаке) Кеш.

Сафидджамаганы (люди в белых одеждах), восставшие в Согде, помогали Муканне в борьбе с самаркандским гарнизоном, грабили дома мусульман. Основные действия сосредоточились у Самарканда, где находилась главная военная сила арабов. Восставшие захватили Кеш и крепость Наршах. Наместник Хорасана Абу Нугман Хумейд ибн Кахтаба пытался подавить восстание.

После Хумейда ибн Кахтаба Хорасаном правил его сын Абдулла ибн Хумейд ибн Кахтаба, при котором восстание Муканна получило еще больший размах.

В 776 г. Халиф Махди наместником Хорасана назначил Абу Аюпа Абдулмалика ибн Йазида и приказал ему принять все меры для быстрейшей ликвидации восстания во всем Согде.

По приказу Абдулмалика Джабраил пришел на помощь Хусейну ибн Ма'азу, и они общими силами окружили Наршах. Крепость Наршах после долгого сопротивления пала. Головы убитых сафидджамаганов были привезены в Согд для устрашения восставших. Война против сафидджамаганов продолжалась в окрестностях Самарканда и в самом городе.

Джабраил вместе с Хусейном ибн Ма'азом во главе бухарского ополчения подъехал к Самарканду.

Бал'ами пишет, что жители города разделились на две группы: одни вместе с воинами самаркандского гарнизона помогли Джабраилу войти в город, другие во главе с тюркским военачальником Филом оказали сопротивление. Потеряв убитыми 300 человек, Фил отступил. Джабраил также понес большие потери. Он сумел соединиться с самаркандским гарнизоном, однако уже не надеялся на успешное продолжение войны.

Муканна вновь направил на Самарканд против Джабраила десятитысячное войско во главе с Гаричой (Хариджой). Джабраил послал гонца за помощью к наместнику Хорасана Абдулмалику, который выделил 10 тысяч мусульман во главе с Укабой ибн Салимом. Однако около Кеша на них напали восставшие, сторонники Муканны, и нанесли им большой урон. Затем восставшие прибегли к хитрости. Они написали письмо на имя одного из местных дехкан, в котором сообщали, что Гарича наголову разбил Джабраила и разграбил Самарканд. Восставшие сделали так, что это письмо с ложными сведениями попало в руки Укабы. Поверив сообщению и потеряв надежду добраться до Самарканда, Укаба вернулся в Балх, чтобы присоединиться к Джабраилу. Оттуда он написал наместнику Хорасана Абдулмалику о том, что не смог пробиться через кольцо восставших и соединиться с Джабраилом. По приказу Абдулмалика, в Балхе, где находился разбитый восставшими Укаба ибн Салим, собралось 14-тысячное войско. Во главе с Укабой оно вновь было отправлено на Самарканд для поддержки Джабраила ибн Яхъи против Хариджа. Узнав об этом, Муканна послал на помощь своим сторонникам еще бóльшее войско во главе с военачальниками Сарихамой (Сарджамой) и Кийаки Гузи.

Джабраил вынужден был выйти из крепости для защиты мусульман и начать борьбу, не дожидаясь войск, посланных наместником. В жестоком сражении погибло много мусульман, Джабраил с оставшимся войском скрылся за стенами недоступной крепости Самарканда. Сарихама приказал Гариче продолжать осаду Самарканда, а сам с войском направился к берегам Амударьи навстречу войскам мусульман, идущим на помощь Джабраилу.

Восставшие, заняв Термез, подготовили сокрушительный удар по мусульманскому войску на переправе из Хорасана в Мавераннахр. Произошло кровопролитное сражение, в котором были убиты сотни людей. Восставшие одержали победу.

Муканна отдал приказ восставшим разграбить имущество дехкан, помогавших арабам. По его приказу, Сарихама, захватив Саганиан, в течение месяца грабил несколько селений, вероятно, за то, что в сражении между Джабраилом и Филом владетель Саганиана выступал на стороне арабов.

Восставшие во главе с Джамхуром завладели Нахшебом, жители которого, по словам Бал'ами, без боя присоединились к Джамхуру. Дехкане, собрав имущество, пытались бежать из города, но восставшие преградили им путь. За стенами города началось жестокое сражение. Об

этом бое упоминает Бал'ами: богатый дехканин Ахмед Муди с большим войском напал на Нахшеб и учинил жестокую расправу над восставшими. Джамхур и другие предводители восстания были повешены, что вызвало еще большую ненависть не только к арабам-завоевателям, но и местным феодалам.

Муканна сделал еще одну попытку освободить Самарканд от арабских войск и пошел на хитрость. По его требованию, богатый дехканин Джахдан (Хидждуан), брат Джамхура, написал письмо Джабраилу, прося его взять под свою защиту. Джабраил, не зная о том, что Джахдан перешел на сторону Муканны, послал ему на помощь конные отряды во главе с Язидом ибн Яхъей и Насром ибн Лейсом. Тюркские воины вместе с войсками Муканны напали на них из засады. В этом сражении был убит Язид ибн Яхъя. Его воины вместе с Насром ибн Лейсом остались в окружении. Для того, чтобы спасти их, Джабраил вместе с гарнизоном выступил из Самарканда. Потеряв большую часть самаркандского гарнизона, он вернулся в крепость. Махди в январе 778 г. назначил наместником Хорасана Ма'аза ибн Муслима и приказал ему отстранить правителей, кроме Джабраила ибн Яхъи. Ма'аз ибн Муслим, очевидно, весной направился в Мавераннахр, чтобы организовать поход против Муканны. В Бухаре по его приказу собралось 570 тысяч дехкан, 3 тысячи мастеровых с топорами, граблями, секирами, были приготовлены камнеметные стенобитные машины. С отлично вооруженным войском он двинулся в Согд.

На помощь Ма'азу ибн Муслиму из Герата в Согд направился Саид ал-Хараши. Джабраил ибн Яхъя в то время воевал с Хариджем, который стоял во главе 15-тысячной армии. Хариджу, вероятно, было поручено совершать беспрерывные нападения на гарнизон Самарканда. Муканна, услышав о приближении карательного войска арабов, отправил в Самарканд для отражения удара свои лучшие войска. Согласно Бал'ами, под Самаркандом собрались Халк Хакан и его брат Фил с 40-тысячным, Кийаки Гузи с 10-тысячным и Найра с 14-тысячным войском.

Сражение началось с единоборства. Со стороны восставших выступил Фил, со стороны арабов — Наср ибн Лейс, который был клиентом (маула) Махди. Фил был убит. Затем выступил Найза и тоже был убит. Пока внимание арабов было занято единоборством, отдельные отряды повстанцев сделали пролом в городской стене и ворвались в город. Они грабили не только арабов, но и местных дехкан-мусульман.

С трудом отразив нападение тюрок и Муканны, Ма'аз с наступлением зимы 778 г. возвратился в Мерв.

В 779 г. халиф Махди приказал наместнику Хорасана Ма'азу снова отправиться с войском в Мавераннахр, а сам халиф прибыл в Нишапур. Многие местные крупные землевладельцы, понесшие материальный ущерб во время восстания, поспешили помочь молодому халифу и Ма'азу ибн Муслиму, прибывшему в Мерв. Халиф приказал правителю Герата Саиду ал-Хараши принять участие в священном походе против Муканны. Собрав большое войско, Ма'аз двинулся в Бухару, дехкане которой поспешили помочь ему, выбрав из жителей города способных носить оружие. Если в районе Бухары главный контингент войск, сражавшихся с Муканной, составляли арабы, то в Согде картина была иная. «Люди в белых одеждах» деятельно готовились к обороне. Недалеко от Самарканда между тюркским военачальником Кийаки Гузи и войском Ма'аза произошло столкновение. Кийаки Гузи, потеряв около 300 человек убитыми, бежал, но вскоре вернулся и нанес ответный удар. В дальнейшем объединенные войска Ма'аза и Саида ал-Хараши также потерпели поражение от восставших. С наступлением зимы Саид ал-Хараши не снял осады, а Ма'аз ушел на зимовку.

В начале 780 г. халиф наместником Хорасана назначил Мусейаба ибн Зухейра, который весной отправился в новый поход на Мавераннахр. В это время в Мавераннахре усилилось движение «людей в белых одеждах». Особенно энергично помогал им тюркский военачальник Кулар-Тегин, имевший хорошо вооруженный конный отряд. Мусейабу ибн Зухейру пришлось выдержать с ним немало сражений в Бухаре. При Мусейабе Саид продолжал осаду крепости Сием. Правителем в Самарканде остался Джабраил ибн Яхъя. Из Бухары в Кеш прибыл Мусейаб ибн Зухейр. Началась борьба с восставшими в долине Кашкадарьи. Арабы и местные феодалы осадили крепость в горах Сийам (Санам), где находился Муканна. Саид ал-Хараши предложил продолжить осаду и зимой, на что получил согласие халифа. Продолжительная осада разлагающе действовала на войска Муканны, в то время как силы арабов увеличились за счет войск Дауда, подошедших из Хорасана. Брат Муканны Кабзам, охранявший оборонительные рвы крепости, уничтожив «людей в белых одеждах», находившихся в его войске, с трехтысячной армией сдался ал-Хараши и принял ислам. Саид направил к Муканне послов и предложил ему сдаться. Но тот отказался и командование крепостью передал Сарихаме. Однако последний с 3300 воина-

ми перешел на сторону арабов. Внешняя крепость оказалась в руках арабов, положение восставших стало безнадежным.

В 782—783 гг. Муканна, убедившись в безвыходности положения, заставил своих близких, мужчин и женщин, принять яд, а сам сжег себя в печи. По словам Беруни, это произошло в 785 г. Муканна решился на сожжение, для того чтобы таинственное исчезновение тела заставило последователей поверить в его возвращение. Но он был найден в печи, а его отрубленная голова доставлена Халифу Махди.

Бар Еврей приводит слова, якобы сказанные Муканной, что в случае своей гибели, он примет образ седого человека на сером коне, явится к своим последователям и завладеет землей.

Со взятием резиденции Муканны и его смертью движение не было окончательно разгромлено. Некоторые из его последователей продолжали ждать возвращения вождя. Они долгое время, вплоть до XII в. включительно, вели пропаганду в селениях Кешского (Шахрисабзского) и Нахшебского (Каршинского) вилайетов.

Восстание Муканны, несмотря на то, что оно закончилось поражением, показало Аббасидам силу народа, его ненависть к завоевателям.

После подавления движения «людей в белых одеждах» (сафидджамаган) и Муканны ненависть к халифату у трудящихся масс и других слоев в Мавераннахре усилилась, и они были готовы выступить вновь. Выступления отдельных локальных групп против учения ислама и халифата продолжались почти без перерыва.

Противоречия особенно обострились, когда халиф Харун ар-Рашид, борясь с усилением влияния хорасанской знати, истребил семью Бармакидов, державших узды правления в центре и восточных областях халифата. Он отстранил от власти хорасанских дехкан и назначил наместником Хорасана представителя арабской аристократии. Арабские наместники Мусейаб ибн Зухейр (780—783) и Гитриф ибн Ата (792—793) чеканили низкопробные дирхемы, мусейби и гитрифи. Лишь 1/6 часть этих дирхемов состояла из серебра. Население 6 таких дирхемов приравнивало одному серебряному. Поскольку правительство требовало платить харадж этими дирхемами, харадж Бухары был увеличен в шесть раз. Недовольная местная аристократия искала поддержки среди крестьянства Средней Азии, жившего в условиях сельской общины.

Государство взимало с этих крестьян от 2/5 до 1/3 производимых сельскохозяйственных продуктов. Когда наместник

Али ибн Иса приехал в Хорасан, он стал притеснять людей, совершать насилие, грабить их имущество. Часть награбленного добра он отправил Харуну в качестве подарка (лошадей, рабов, одежду, мускус и деньги).

В 806 г. в Самарканде вспыхнуло восстание крестьян во главе с Рафи ибн Лейсом, которое проходило под теми же лозунгами и выдвигало те же требования, что и восстание Муканны, поскольку социально-экономические и политические причины, вызвавшие восстание, не были устранены. Волнение охватило долины Зарафшана и Кашкадарьи. К восставшим

Поливной кувшинчик с эпиграфикой (X в.).

присоединились жители Шаша и соседние карлуки. Повстанцы, отвергая ислам — религию завоевателей, призывали народ к борьбе против «султана и мусульман». К крестьянам присоединилась городская беднота.

К восставшим присоединилась и часть дехканства, которая стремилась использовать народное восстание в борьбе за власть и сохранение былого экономического положения, т. е. в своих классовых интересах.

Вождь восстания арабский военачальник Рафи ибн Лейс захватил Самарканд, откуда руководил военными действиями. Он был внуком известного омейядского наместника Насра

ибн Сайяра мударита — могущественного и воинственного, который еще в 40-х годах VIII в. женился на дочери бухархудата Тахшада, укрепив союз родством. Но к описанному времени его род не играл уже такой роли в жизни Хорасана и Мавераннахра, как при омейядских халифах.

Перед началом восстания Рафи ибн Лейс был одним из мехтаров султанского войска. Согласно преданию, он выступил против Али ибн Исы по личным мотивам. Влюбившись в арабку, он вступил в брак, но женщина не была разведена с мужем по закону шариата. Рафи предложил ей отказаться от мусульманства и стать на время неверующей, т. е. муртадом, чтобы жить с Рафи ибн Лейсом. Она поступила так, как рекомендовал Рафи. Муж ее некий Ашрас был из свиты халифа ар-Рашида и пожаловался ему, требуя наказать Рафи за нарушение шариата и оскорбление чести. Самаркандский правитель, получив приказ халифа, схватил Рафи ибн Лейса и посадил на осла лицом к хвосту и гнал по городу, порицая за нарушение местной традиции. Это задело гордость самаркандцев и они освободили Рафи ибн Лейса, ставшего во главе народа, недовольного политикой наместника.

Выступление против арабов Рафи ибн Лейса — потомка араба Насра ибн Сайара, занимавшего в первой половине VII в. в Хорасане столь важный пост,—принесло ему большую популярность среди народов Хорасана и Мавераннахра.

О требованиях повстанцев мы узнаем из косвенных указаний. Согласно источникам, арабы были вынуждены уменьшить размер хараджа. Очевидно, восстание в Мавераннахре было вызвано увеличением размера хараджа и носило народно-демократический характер.

Восставшие обратились к жителям Шаша, Ферганы, Ходжента, Усрушаны, Саганиана, Бухары, Хутталяна, Балха и Тохаристана, прося у них помощи в борьбе «против султана и мусульман».

По словам Наршахи, жители селений Несефа, Кеша, Бухары, насильно принявшие ислам и ожидавшие возвращения Муканны, открыто проповедовали его учение и призывали народ к войне против арабских захватчиков.

Долины Кашкадарьи и Зарафшана превратились в очаг восстания. Селение за селением отказывалось повиноваться правителям халифа и присоединялось к восставшим. К сожалению, в источниках нет последовательного изложения хода восстания, приводятся только отрывочные сведения о событиях в различных районах Мавераннахра в связи с подавлением восстания.

Восстание в Бухаре возглавил брат Рафи Башир ибн Лейс, внук наместника Хорасана (739—749) Насра ибн Сейяра, являвшийся по матери потомком бухар-худатов и воспитанный среди местной аристократии. Под влиянием Рафи ибн Лейса на сторону восставших перешли арабские полководцы Анбас ибн Мухаджир и Уджейф ибн Анбас в Иштихане, рустаке (волости) Самарканда.

По свидетельству Ибн ал-Асира, жители Несефа, узнав о приближении хорасанских войск во главе Исы, обратились за помощью к Рафи ибн Лейсу, который направил против Исы большой отряд во главе с владетелем Шаша. В сентябре 807 г. окружив отряд Исы, повстанцы разгромили его, а самого Ису убили. Его отец наместник Хорасана Али ибн Иса был низложен халифом. Халиф выдал Харсаме ибн Айяну диплом на управление Хорасаном, но просил держать его в секрете.

В 807 г. халиф, якобы для помощи Али ибн Исе, послал в Хорасан Харсаму ибн Айяна с трехтысячным войском, который, прибыв в Мерв, арестовал Али ибнИсу и конфисковал его имущество. Тем временем восстание самаркандцев в Мавераннахре приняло еще больший размах. Харсама перешел Амударью и сделал попытку подчинить жителей этой области, но она закончилась неудачей. Из письма Харсамы халифу видно, что к восставшим самаркандцам примкнули жители всех селений Мавераннахра, Тохаристана и окрестностей Балха. Как и во время восстания Муканны, к повстанцам присоединились селения и области во главе с владетелями. Например, правитель Шаша участвовал в борьбе с арабским войском в долине Кашкадарьи.

Не сумев подавить восстание своими силами, Харсама сообщил халифу, что восстание принимает угрожающие размеры. Халиф сам приехал в г. Тус для руководства военными действиями, так как боялся, что восстание Рафи ибн Лейса может распространиться на Хорасан. Назначив своего сына Ма'муна наместником Хорасана, он послал его с большой армией в Мерв. Рафи решил собрать большое войско и вновь призвал к борьбе против халифа и мусульман жителей Шаша, Ферганы, Ходжента, Усрушаны, Саганианы, Бухары, Хорезма, Хутталяна, Балха и Тохаристана, а также тюрок, карлуков, токузогузов, правителя Тибета и других областей.

В конце 808 г. вожаки восстания в рустаке Самарканда Уджайфа ибн Анбас и Ахвас ибн Мухаджир сдались Харсаме, который, выступив из Мерва через Амул (Чарджоу), направился к Бухаре, по пути жестоко расправляясь с повстан-

цами. В Бухаре повстанцами руководил энергичный полководец Башир ибн Лейс.

Восставшие упорно защищали город, но в 809 г. Харсама все же сумел взять Бухару. Захваченного в плен Башира ибн Лейса он отправил к Харун ар-Рашиду. По приказу Халифа Башир ибн Лейс был зверски убит. Харсама подошел к Самарканду и окружил его. По словам Якуби, к Рафи ибн Лейсу пришли на помощь карлуки во главе с Джабгу. Харсама полагал, что Джабгу пришел к нему на помощь против вос-

Блюдо с эпиграфическим орнаментом и стилизованной фигурой животного.

ставших, однако, вопреки его надеждам, карлуки не только не присоединились к нему, но даже, окружив его кольцом, стали воевать с ним.

Ма'мун, узнав о положении Харсамы, послал войско во главе с Тахиром ибн Хусейном в Самарканд — единственный очаг восстания. Приход Тахира изменил положение дел в пользу Харсамы, занявшего внешнюю часть города. Когда Тахир ибн Хусейн приблизился к Самарканду, карлуки, опасаясь остаться между войсками Харсамы и Тахира, покинули город. Осажденные в цитадели Самарканда восставшие во главе с Рафи ибн Лейсом оказались в тяжелом положении.

По словам Наршахи, сыновьям Асада ибн Саман-худата, служившим под начальством Тахира, удалось уговорить Рафи ибн Лейса и его сторонников сдаться. Они сумели убедить руководителей восстания, боровшихся против несправедливых правителей, в «справедливости» Ма'муна, снизившего харадж. Самарканд был сдан Тахиру, а вождь восстания отправлен к Ма'муну в октябре 809 г.

Восстание народных масс было окончательно подавлено в 810 г. В том же году вопреки обещаниям сохранить жизнь были убиты Рафи ибн Лейс и другие активные участники восстания. Изучение социально-экономической и политической жизни народов Мавераннахра IX в. показывает, что восстание Рафи ибн Лейса было вызвано увеличением размера поземельного налога. В результате восстания феодальные власти были вынуждены уменьшить харадж на 25%. Эта была большая, хотя и временная, победа восставших.

Восстание Рафи ибн Лейса, подобно восстанию Муканны, было направлено против иноземного ига. Поэтому везир Ма'муна хорасанец Фадл ибн Сахл смог привлечь большинство недовольных арабской властью местных землевладельцев на сторону молодого принца Ма'муна, лишенного отцовского престола и решившего воевать против своего брата — халифа Амина. Более того, чтобы заслужить уважение умеренных шиитов-имамитов, он вызвал из Медины Али ибн Мусу ар-Ризу, обещая сделать его наследником престола после себя. В угоду шиитам Ма'мун велел заменить официальный черный цвет аббасидов (цвет знамени и одежды должностных лиц) зеленым цветом — излюбленным цветом шиитов и чеканить имя Али ар Ризы на монетах (после своего имени).

Заручившись поддержкой всего дехканства Хорасана при помощи своего тестя и везира Фадл ибн Салха, Ма'мун стал усиленно готовиться к войне против халифа Амина.

Крупнейшие местные хорасанские феодалы во главе с Тахиром ибн ал-Хусейном не только искренне поддержали Ма'муна, но явились организаторами этой войны для того, чтобы иметь на Багдадском престоле своего ставленника.

Тахир ибн Хусейн взял в свои руки руководство в войне с ал-Амином. Выдавая себя за потомка героя Рустама, он говорил: «Нет в Хорасане ни одной родовитой и богатой семьи, которой я не доводился бы каким-нибудь родичем или свояком, или близким приятелем».

Действительно, популярность Тахира ибн Хусейна среди хорасанской знати, обеспечившей победу над Рафи ибн Лей-

сом в Самарканде, обусловила его победу над Али ибн Исой ибн Маханом в 811 г.

В 813 г. Багдад был захвачен войсками Тахира. Попавший в плен халифа Амин был убит Тахиром ибн Хусейном. Халифом стал Ма'мун. Ал-Ма'мун после победы над своим соперником не нуждался больше в Тахире ибн Хусейне, который владел основными узлами центрального управления и подобно Бармакидам был хозяином положения и в любой момент мог проявить самостоятельность, отказаться от повиновения халифу.

В 821 г. халиф Ма'мун назначил Тахира ибн Хусейна наместником Хорасана. Тахир, уезжая на родину, на своем месте оставил старшего сына Абдуллы ибн Тахира, составив для него специальные наставления, как должен с точки зрения господствующего класса править вверенной ему страной идеальный мусульманский правитель. Как сообщает Абу Тахир Тайфур, это наставление Тахира ибн Хусейна переписывалось секретарями и рассылалось правителям областей халифата для руководства.

В ноябре 822 г. во время чтения хутбы Тахир выпустил из нее имя Ма'муна, на следующий же день он был отравлен. Ма'мун назначил наместником Хорасана его сына Абдуллу ибн Тахира, от имени которого правил Тальха ибн Тахир.

Передача хорасанского наместничества в руки сына Тахира явилось началом правления дома Тахиридов в восточных областях халифата.

Тахириды сумели создать вассальное, но могущественное государство, которое вело самостоятельную политическую жизнь на территории Хорасана, Мавераннахра, а позднее Табаристана и других областей Ирана.

Во времена Тахиридов Самаркандом и большей частью Мавераннахра правила династия Саманидов. Приход к власти дома Саман-худат также связан с подавлением восстания Рафи ибн Лейса. Саманиды получили власть в Мавераннахре немного раньше Тахиридов.

В 817 г. Нух ибн Асад получил Самарканд, Ахмед ибн Асад — Фергану, Яхъя ибн Асад — Шаш, Ильяс ибн Асаду достался Герат и он непосредственно подчинялся и служил Тахиридам. Остальные братья подчинялись старшему брату Нуху — владетелю Самарканда. Саманиды, подобно Тахиридам, стремились править вверенной им областью самостоятельно.

По словам Истахри, халиф Му'тасим (833—842) написал письмо Абдулле ибн Тахиру — наместнику Хорасана (830—

844), в котором угрожал ему за независимую от Багдада политику. Абдулла направил это письмо своему вассалу Нуху ибн Асаду в Самарканд и получил ответ, в котором указывалось, что в состав Мавераннахра входит 300 тысяч (карият) селений и каждое селение может выставить одного конного и одного пешего воина. «Иначе говоря, правитель Самарканда Нух ибн Асад отвечал, что бояться халифа нет оснований, так как один Мавераннахр мог выставить 600 000 войска ополченцев. Из них 300 000 пехотинцев и столько же конных для борьбы со своими врагами». Саманиды были подчинены Тахиридам, но на местах они фактически оставались почти независимыми. В частности, они чеканили от своего имени медные монеты (фельсы), собирали ополчения и ходили в походы на окрестные области. По словам Истахри, все границы Мавераннахра от Хорезма до окрестностей Исфиджаба и отдаленных мест Ферганы были местами военных действий с тюрками (карлуками). Поэтому Саманиды, стремясь укрепить границы Мавераннахра, спасти сады и посевы, создали множество рабатов, число которых превысило 10 тыс.

Саманиды через Тахиридов регулярно уплачивали харадж в халифскую казну. Все братья собранный харадж посылали старшему брату Нуху ибн Асаду в Самарканд — общую столицу владения Саманидов.

К сожалению, перечень податных округов Мавераннахра неполный и сведения Ибн Хордадбеха о налоговых поступлениях с этих округов запутаны. Согласно Ибн Хордадбеху, «Согд с округами, которые находились под управлением Нуха ибн Асада, выплачивал 326 400 дирхемов. Из этой суммы Фергана выплачивала 200 000 мухаммедийских дирхемов, тюркские города — 46 400 мусейабских дирхемов. Кроме этого, выплачивали 1187 одежд из кундаджийского грубого карбаса и 1380 кусков железа».

Ибн Хордадбех при сложении общей суммы не учитывал разницы в курсе хорезмийских, мусейабских и мухаммедийских дирхемов, т. е. не отметил, что они низкопробные. Хотя он считал, что эти области подвластны Нуху ибн Асаду, очевидно, они находились под непосредственным управлением Ахмеда ибн Асада. Действительно, в другом месте Ибн Хордадбех пишет: «Согд со всеми от него зависимыми районами, а также с рудниками Буттема, соляными рудниками Кеша, податью Кеша, Несефа и Буттема выплачивал 1089 000 мухаммедийских дирхемов». Видимо, эта часть Согда находилась непосредственно под управлением Нуха ибн Асада.

Как видим, при Саманидах и согдийских ихшидах в состав Самарканда — владетеля Согда по мирному договору 712 г. входили и долины Кашкадарьи с главными городами Кешем и Несефом. По Ибн Хордадбеху, брат Нуха Яхъя ибн Асад при Тальхе ибн Тахире за 826—827 гг. внес следующую сумму: Усрушана выплатила 50 000 дирхемов (40 000 мухаммедийских и 200 мусейабских дирхемов), Ходжент — 100 000 и Шаш с серебряными рудниками — 607 100 мусейабских дирхемов.

В это время Усрушана, в состав которой входил тогда Ходжент, а также Шаш с областью находились под властью Яхъи ибн Асада. В 816—827 гг. свое экономическое и политическое значение сохранил и дом усрушанских царей — Афшины. Поэтому власть Яхъи ибн Асада сохранилась лишь благодаря поддержке Самарканда.

Сообщение Ибн Хордадбеха о податных поступлениях при Тахиридах (Тальхе ибн Тахире в 826—827 гг.) позволяет уточнить территорию владения первых Саманидов.

Нух ибн Асад, собрав подать подвластных ему мавераннахрских владений Саманидов в 826—827 гг., уплатил Тахиридам 2 172 500 дирхемов (вероятно, низкопробными дирхемами), а также 1187 кусков кундаджийского грубого карбаса (т. е. хлопчатобумажных тканей) и 1300 кусков железа (по 650 железных плетенок и лопаток), доставленных из тюркских городов на Сырдарье ниже Ташкента. Этот металл поступил как бы в виде налога от тех годных для военной службы молодых тюрок, которые почему-либо не несли порученной им охраны пограничной полосы от набегов кочевников.

При Саманидах и Тахиридах размер поземельного налога, взимаемого с непосредственного производителя, не уменьшался. Порой он был непосилен плательщикам, о чем свидетельствуют недоимки, приведенные в сводках податных поступлений.

При Саманидах господствующий военно-феодальный и чиновничий аппарат состоял в основном из местной аристократии и служилых людей, и присвоенное ими добро не выходило за пределы Мавераннахра, тогда как при арабских наместниках, например Али ибн Исе ибн Махане, добро увозилось за пределы страны и тем самым уменьшалась сфера воспроизводства и задерживалось развитие общества.

Налоговое поступление с областей Мавераннахра свидетельствует о богатстве экономических ресурсов Согда, обеспечивающих военно-политический потенциал, давший Сама-

нидам возможность создать могущественное централизованное государство в Мавераннахре, присоединив в последующие годы Хорасан и другие области.

4. РОЛЬ САМАРКАНДА В ВОЗВЫШЕНИИ САМАНИДОВ

Попытка создания централизованного государства на территории Мавераннахра началась при первом же Саманиде — Нухе ибн Асаде, первом владетеле Самарканда. Нух был старшим сыном Асада ибн Саман-худата, поэтому имел власть над младшими братьями: Ахмедом ибн Асадом — правителем Ферганы и Яхъей ибн Асадом — правителем Шаша. Так, Самарканд уже с 20-х годов IX в. стал столицей государства Саманидов. Нуху ибн Асаду приходилось постоянно защищать Мавераннахр от набегов кочевых феодалов.

После падения усрушанских царей (838—839) он присоединил к своим владениям города Касан и Урест, а в 840 г. — Исфиджаб, где построил пограничное укрепление для охраны цветущих садов и посевов от набегов кочевников.

После смерти Нуха ибн Асада (814 г.) Самарканд и Согд, по словам Мирхонда, были переданы братьям Яхъе и Ахмеду. По словам Гардизи, Ахмед ибн Асад был очень способным и умел ловко использовать обстановку в своих целях. У Ахмеда было несколько сыновей (Наср, Якуб, Асад, Исмаил, Исхак и Хамид), которым он всячески покровительствовал. Ахмед сумел добиться того, что Абдалла ибн Тахир, наместник Хорасана (830—844), назначил его сына Насра правителем Самарканда.

В 855 г. Яхъя ибн Асад скончался, а Ахмед ибн Асад прибрал к своим рукам владения Шаша и Усрушана, куда в том же году отправил своего другого сына Якуба ибн Ахмеда.

Таким образом, к концу своего правления Ахмеду ибн Асаду удалось объединить, за исключением Бухарского владения, весь Мавераннахр. Ахмед, а затем его сын Наср, подобно Нуху ибн Асаду, постоянно укрепляли восточные границы владения от губительных набегов кочевников. Этому содействовали походы Насра ибн Ахмеда на Шавгар и его брата Исмаила на Тараз.

Четвертый сын Асада Ильяс, в 817 г. получивший власть над Гератом, умер в 856/857 гг., но его потомки, по замечанию В. В. Бартольда, не упоминаются как властители Герата. Однако потомки Ильяса остались на службе у Тахиридов вплоть до их падения. Имя Саманида Ибрагима ибн Ильяса ибн Асада несколько раз упоминается в связи с борьбой с

хариджитами. Он же был спехсаларом при Мухаммеде ибн Тахире (863—873) и командовал в сражении с Якубом ибн Лейсом, в 873 г. он был взят в плен вместе с Мухаммедом ибн Тахиром. Тахириды перестали господствовать над хорасанским наместничеством.

В 70-е годы IX в. Тахириды фактически потеряли власть над Саманидами, во всяком случае, в источниках нет сведений

Чаша со стилизованным орнаментом (X—XI вв.).

о вмешательстве Тахиридов во внутренние дела государства Саманидов.

К владениям Саманидов неприсоединенной оставалась только Бухара. Последний тахирид Хусейн ибн Тахир в январе-феврале 874 г. прибыл из Хорасана во главе двух тысяч хорезмийцев и напал на Бухару. Горожане пять дней оказывали сопротивление, но Хусейн захватил город и дал прощение жителям, но, когда они расходились по домам, хорезмийцы возобновили грабеж в городе под предлогом сбора хараджа. Годовой харадж был собран гитрифийскими дирхемами, Хусейн же хотел их сменить на серебряные. Воины-хорезмийцы продолжали бесчинствовать, одна треть города сгорела. Произошло новое восстание. Хусейн

заперся в замке, а ночью тайком покинул Бухару, оставив собранные деньги. Восставшие разграбили замок.

Отъезд Хусейна положил конец господству Тахиридов в Бухаре. По-видимому, после ухода Хусейна Бухара оказалась в руках хариджита-мятежника эмира Хусейна ибн Мухаммеда ал-Хавариджи, который был военачальником Якуба ибн Лейса. При нем в окрестностях Бухары усилилось действие отряда газиев, состоящих из разоренных крестьян, занимавшихся разбоем и грабежом.

Высокопоставленные жители города, посоветовавшись с Абу Абдуллой — сыном законоведа Абу Хафса, просили правителя Самарканда и Ферганы Насра ибн Ахмеда взять под свое покровительство Бухару.

Глава Саманидов Наср ибн Ахмед в 874 г. назначил правителем Бухары своего младшего брата Исмаила ибн Ахмеда, родившегося в Фергане в 849 г. Исмаил с небольшим войском прибыл в г. Кермене и послал своих послов к эмиру Бухары Хусейну ибн Мухаммеду ал-Хавариджи. В пятницу (23) июля 874 г. Абу Абдулла с высокопоставленными людьми Бухары вышел навстречу Исмаилу и поздравил его. Эмиром Бухары стал Исмаил, а его заместителем — Хусейн ибн Мухаммед ал-Хавариджи. Хутбу должны были читать не с именем Якуба ибн Лейса, а с именем Насра ибн Ахмеда. Только после принятия присяги Хусейном и его воинами Исмаил вошел в Бухару. К его приезду город был украшен по приказу Абу Абдуллы. Однако торжественная встреча не означала одинакового признания власти Исмаила. Положение его было трудным: ему не доверял брат и следовало добиться его доверия, ибо без его помощи невозможно было победить Хусейна ибн Мухаммеда, подавить волнения крестьян и разбой в окрестностях Бухары.

Исмаил ловко вышел из положения. При поддержке Абу Абдуллы и других высокопоставленных вельмож Бухары он избавился от своего заместителя, которого заключил в темницу.

Исмаил, заручившись поддержкой самаркандских вельмож, уговорил крупного феодала Хусейн ибн Ало ликвидировать отряды городской и сельской бедноты (около 4000 человек), которые в поисках пропитания занимались разбоем между Рамитаном и Баркадом. Силами местных крупных феодалов эти отряды были ликвидированы, а пленные главари отправлены в Самарканд к брату Исмаила.

Едва Исмаил подавил волнение жителей окрестностей Бухары, как Хусейн ибн Тахир снова перешел Амударью, пытаясь захватить Бухару. Исмаил призвал жителей Буха-

ры подняться на защиту города и, собрав небольшой отряд ополченцев, преградил путь. Хусейн был разбит и отброшен опять на Хорасан. На утро следующего дня, наградив пленных халатами, Исмаил распустил их по домам.

Стремление Исмаила укрепить власть в Бухаре встретило сопротивление со стороны крупных феодалов-вельмож. Собрав группу влиятельных вельмож, Исмаил направил их к своему брату Насру просить за него прощение. Когда послы прибыли в Самарканд, Нух ибн Ахмед заключил их в тюрьму, так как Исмаил тайком обратился к нему с такой просьбой. А сам Исмаил, воспользовавшись отсутствием вельмож, упрочил свою власть в Бухаре, а затем попросил брата отпустить их. Уловка Исмаила избавила его от высокомерия крупных феодалов, более того, заступаясь за них перед братом Насром, он склонил их на свою сторону и, по-видимому, сумел настроить против Насра.

Так Исмаил укрепил свою власть в Бухаре, опираясь на поддержку самаркандских вельмож во главе с Насром ибн Ахмедом.

Наср ибн Ахмед в июле 874 г. получил диплом от халифа Муваффахбиллаха на управление всем Мавераннахром, а Исмаил уже в июле 874 г. был признан эмиром Бухары. Наср ибн Ахмед полноправным владетелем всего Мавераннахра стал немного позже.

5. ВОДОСНАБЖЕНИЕ САМАРКАНДА В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В эпоху раннего средневековья, как и в предыдущие периоды, водоснабжение Самарканда основывалось главным образом на Даргомской ирригационной системе, выведенной из Зарафшана на рубеже новой эры. Оросительная система Даргома была одним из самых крупных ирригационных сооружений не только левобережья Самаркандского оазиса, но и всей Зарафшанской долины. Она была снабжена огромной водозаборной плотиной и многочисленными водонапорными сооружениями-дарготами.

Головная плотина Даргома находилась на левом берегу Зарафшана к юго-востоку от Самарканда[1]. В источниках X—XII вв. эта местность упоминается под названием Варгсар, т. е. «Головная плотина». По описанию автора сочинения «Қандийа», вода, поступавшая из Варгсара в Даргом,

[1] В настоящее время эта местность называется Раватходжа, здесь в 1926—1930 гг. построен Первомайский гидроузел.

сначала разветвлялась на четыре протока: Чакардиза, Музахим или Маздахим, Искандаргом или Эскидаргом и соединенные вместе каналы Сангин и Сангресан.

По данным, приведенным в «Кандийе», длина канала Чакардиза составила 17 240 гязов, на нем было 59 плотин и он орошал 1067 земельных участков (хабл). Второй канал—Музахим, или Маздахим имел 45 отводов и орошал 2900 или 2750 земельных участков. Каналы Сангин и Сангресан, очевидно, были более мелкими отводами, так как вместе они орошали лишь 275 земельных участков. Среди отводов самым крупным был канал Искандаргом, орошавший 10 900 земельных участков. По словам Насафи, в пределах Самарканда каждый из протоков разветвлялся еще на два рукава. Таким образом, ирригационная система, орошавшая в тот период Самарканд и его окрестности, состояла из восьми водных артерий, на которых было сооружено 680 плотин; в общей сложности они орошали 14 800 земельных участков.

Совпадают ли древние ирригационные каналы Самарканда, описанные в историческом сочинении «Кандийа», с ныне существующими городскими отводами и с какими каналами их можно отождествлять? В свое время на эти вопросы пытались ответить В. Л. Вяткин и В. В. Бартольд. По мнению В. Л. Вяткина, канал Чакардиза соответствует ныне действующему каналу Шаар-арык, который является отводом канала Шавдара, выведенного из Даргома. Канал Музахин, или Маздахин, выведенный из Даргома, по описанию В. Л. Вяткина, тянулся «на 23 версты, из которых около 12 верст внутри внешней стены» Самарканда, известной под названием «Девори киямат», причем орошенный им квартал Маздахин находился к западу от нынешнего города. В конце XIX — начале XX вв. канал Маздахин был известен под названием Наубахчиян, а в настоящее время он называется Джар-арык и орошает западную часть Самарканда.

Местоположение каналов Сангин и Сангресан В. В. Бартольд определяет у западных ворот Афрасиаба (кладбище Сангресан). «Западная граница кладбища Ходжа Мухаммеда Сангресана,— пишет Абу Тахир-ходжа, автор исторического сочинения «Самария»,— идет по обрыву, под которым течет из города ручей Новадон, вливающийся затем в арык Сиаб». Из этих данных видно, что канал Сангресан и есть Новадон — древнейшая водная артерия Самарканда. Таким образом, каналы Сангин и Сангресан не были двумя отводами одной магистрали, как это предполагал В. В. Бар-

Схема ирригационной системы Самарканда и его окрестностей в период раннего средневековья,

тольд, а были отдельными самостоятельными каналами. Сангин, возможно, соответствовал городскому отводу Чашма-Сиаба, протекающему в западной части Самарканда между Ходжа- и Джар-арыками. По мнению В. Л. Вяткина, данные старинных восточных рукописей об Искандаргоме указывают на арык Даштак — одну из ветвей канала Шавдар, орошающего «юго-восточную часть Самарканда внутри внешних стен, ближе к городу».

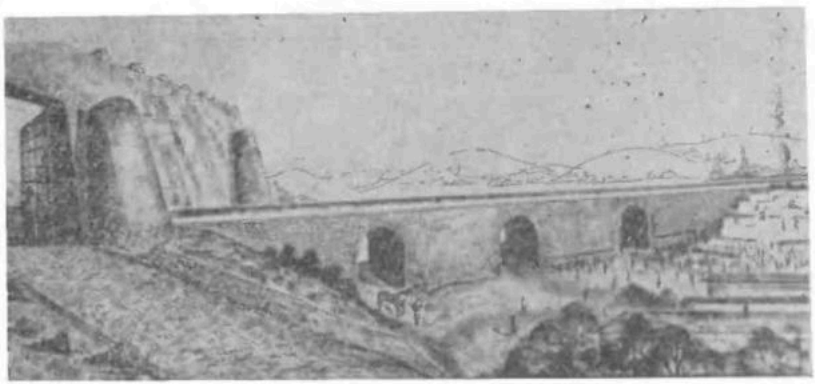
Указанные четыре канала орошали в основном местность, расположенную к югу и западу от Афрасиаба, а северная и восточная часть его окрестностей орошалась Сиабом и Обимашхадом.

Название главного городского канала (Чакардиза) происходило от того, что он протекал вблизи крепости Чакардиза, находившейся примерно в 1 *км* к югу от Афрасиаба, где в X—XII вв. был расположен один из кварталов рабада Самарканда, называемого Чакардиза. Название Чакардиза состоит из двух словосочетаний: «чакар» — феодальная военная дружина и «диза» — крепость, т. е. крепость для феодальной дружины. Феодальные дружины и крепости для них появились в Средней Азии в раннем средневековье. Следовательно, и название «Чакардиза» в какой-то мере свидетельствует о том, что городской канал был прорыт задолго до постройки крепости Чакардиза, возведенной вблизи городского канала, превращенного в кладбище уже в XI в.

Внутренняя часть города — шахристан Самарканда — снабжалась водой специальным оросителем, отделяющимся от канала Чакардиза. В исторических источниках X—XII вв. канал упоминается под названием «Джуи-Арзиз», т. е. «Свинцовый проток». Название произошло от того, что вода в город поступала по акведуку, дно которого было выстлано свинцом.

«Джуи-Арзиз» и сводчатое сооружение, над которым проходил свинцовый акведук, описываются в трудах арабских географов X в. «Текущая вода входит в город по протоку (нахр) из свинца (ресас), — пишет Истахри. — Это проток, для которого построена высокая плотина (Мусаннат) из камня, по ней течет вода из мест «Медики» (ас-Саффорун) и входит в город через кешские (южные) ворота; внешняя сторона (вадж), собственно «лицо» этого протока, была из свинца». По словам арабских географов X в., местность, по которой проходило водное сооружение, называлось Рас-атток или в персидском переводе Сари-ток, т. е. «Голова свода».

По описанию неизвестного автора географического сочинения X в. «Худуд ул-Олам», «Свинцовый водопровод» — Джуи-Арзиз проходил «над крышей базара» города Самарканда. Само название свидетельствует, что водное сооружение древнего Самарканда было арочной эстакадой, поддерживающей водопроводный акведук, покрытый сверху свинцом, по которому вода канала Джуи-Арзиз поступала в город. Это уникальное гидротехническое сооружение было построено не из камня, как писали арабские географы X в.,

Общий вид акведука Джуи-Арзиз (схема-реконструкция), X в.

а из жженого кирпича на известково-зольном растворе. Об этом свидетельствуют крупноформатные жженые кирпичи, обнаруженные археологами у мечети Хазрат-Хызр. Размеры кирпичей: прямоугольных — 53×40×9 *см*, 42×20×9 *см*; квадратных — 42×42×9 *см* и клинчатых — основание 28 и 36 *см*, высота 48,5—49 *см* и толщина 8,5—9 *см*. Точное время строительства пока не установлено. По словам географа X в. Истахри, строительство было связано с возведением городской стены Афрасиаба. «Дело в том, — пишет Истахри, — что вокруг города есть ров, сделавшийся глубоким потому, что глина его употреблена на постройку стен города: и остался вокруг города большой ров и явилась необходимость в плотине среди этого рва, чтобы вода по ней текла в город». Время возведения внешней стены Афрасиаба археологи датируют серединой VIII — первой половиной IX вв.

Поскольку головное водопроводное сооружение канала Джуи-Арзиз играло исключительно важную роль в водо-

снабжении раннесредневекового Самарканда, местные правители уделяли ему особое внимание. В X в. доходы от земельных участков, расположенных по берегам Джуи-Арзиза в местности Сари-Так, были предназначены на поддержание свинцового акведука с эстакадой; вероятно, по особому поручению городской администрации работы по исправлению этого ирригационного сооружения были возложены как натуральная повинность на самаркандских огнепоклонников, которые за это были освобождены от подушной подати. По словам Истахри, надсмотрщики были обязаны охранять сооружение круглый год.

Археологическими раскопками, произведенными по сухим ложам древней системы водоснабжения Афрасиаба, установлено, что в период раннего средневековья на территории городища был прорыт новый канал, который проходил по ложу древнего русла. Поэтому средневековый канал, как и древний, разветвлялся в основном на три главных отвода: центральный, западный и восточный. Раскопки, заложенные по ложу центрального русла, показали, что средневековый канал был проведен по правой части ложа древнего канала, потому что восточный берег древнего канала служил правым берегом нового. Во время проведения средневекового канала западная часть древнего русла была заполнена землей и по ней проложена дорога шириной до 4 *м*.

Очевидно, в период арабского завоевания и народных восстаний в Согде в VIII в. канал сильно обмелел, повысился уровень его дна, ибо в это время ирригационной системе не уделялось надлежащего внимания. Первоначальная ширина нового канала достигала 3 *м*, глубина 1,5 *м*, впоследствии ширина канала сузилась до 2 *м* вверху и 80 *см* внизу у дна. Вместе с тем за счет культурно-ирригационных наносов, накопленных в результате чистки русла, правый берег его, лежащий сначала на одном уровне с левым, поднялся до 1 *м*. Это было естественно, так как по западному берегу проходила дорога и, чтобы не засорить ее, при чистке канала наносы выбрасывали только на восточный берег. Очевидно, для предотвращения размыва восточного берега и сползания береговой насыпи, левый берег средневекового канала был покрыт облицовкой из рваного чупанатинского сланца, фрагментов жженого кирпича и толстостенной керамики. Таким образом, средневековый городской канал Афрасиаба имел два периода существования и функционировал вплоть до разрушения головного водопроводного сооружения Джуи-Арзиза в результате нашествия Чингиз-хана в 1220 г.

Несомненно, на протяжении всего времени функционирования главных русел средневекового канала от них отходило несколько более мелких оросителей, по которым иногда с помощью керамических труб (кубуров), часто находимых при раскопках на незначительной глубине, вода поступала чуть ли не в каждый дом и в ремесленные мастерские средневекового Самарканда. Об этом свидетельствует сообщение Ибн Хаукаля: в Самарканде «за небольшим исключением нет ни одной улицы и ни одной усадьбы, где бы не было проточной воды, и лишь при немногих домах нет сада». На наиболее возвышенные места Афрасиаба вода подавалась путем водоподъемных устройств — чигиров, что подтверждает обнаруженная по южному руслу городского отвода примерно в 150 *м* западнее ансамбля Шахи-Зинда чигирная яма, выложенная по краям рваным камнем.

Кроме проточной воды, население пользовалось водой из колодцев. На территории Афрасиаба обнаружено несколько колодцев, отверстия которых были прикрыты каменными плитами, а жерла на глубине 2—2,5 *м* тщательно обложены жженым кирпичом на известковом растворе. По описанию В. Л. Вяткина, устройство одного из колодцев было весьма оригинальным. «Он представляет спускающийся под откосом градусов в 35 коридор, — пишет В. Л. Вяткин, — вырытый в земле в виде полуциркульного свода, высотою в рост человека и при ширине несколько меньше метра, так что в нем мог двигаться человек, неся по кувшину в руках. Оканчивается коридор на глубине 42 *м* сводчатым юртообразным помещением с ямкой посредине пола, наполненной ключевой водой. В полукоридоре сделаны ступеньки, в стенах — ниши с сиденьями для отдыха. Стены в нишах покрыты копотью от свечей или чирагов». Своей конструкцией это водное сооружение напоминает куполообразные сооружения «сардобы», широко распространенные на караванных путях Средней Азии и «Авдани» — Азербайджана.

В водоснабжении и орошении Самарканда и его окрестностей особую роль играла водозаборная плотина в головной части канала Даргом, расположенная в местности Варгсар. В X в. надзор за плотиной Варгсар был введен как натуральная повинность жителям Варгсара, освобожденным за это от хараджа. По данным, приводимым в «Кандийе», население Варгсара насчитывало сорок тысяч человек.

В стратегическом отношении плотина имела огромное значение, ибо, овладев ею, можно было лишить Самарканд воды. Поэтому местность Варгсар еще в раннем средневековье была превращена в мощную крепость, обведенную

двойным кольцом стены, остатки которой частично сохранились до наших дней. Длина крепости составляла примерно 600 *м*, ширина 300 *м*. Эта крепость имела важное значение, во-первых, как наблюдательный пункт, откуда постоянно велось наблюдение за состоянием Даргомской плотины при разливах Зарафшана и, во-вторых, как оборонительный пункт, защищающий плотину от разрушения иноземными захватчиками. Древние правители Согда постоянно держали в крепости крупные военные силы. По данным Насафи, в Варгсаре находилось сильное войско в количестве четырех тысяч конных и двенадцати тысяч пеших воинов — «газиев».

Иноземные захватчики и местные феодалы, преследуя корыстные цели, не раз пытались разрушить плотину Варгсара.

Так, по данным Абу Джаффара, Мухаммеда ибн Джарира ат-Табари, в 721 г., когда поднялось антихалифатское восстание согдийцев, наместник Хорасана Саид Хусейна (720—721) пытался закрыть «голову» Даргома в Варгсаре, чтобы лишить воды жителей Самарканда и его окрестностей. Однако согдийцы стойко защищали Варгсар. Другой наместник Хорасана Асад ибн Абдуллах (735—739), предприняв в 736 г. для подавления антиомейядского движения в Мавераннахре поход на Самарканд и не сумев овладеть им, решил лишить население города воды, перекрыв плотину Варгсар. По словам Табари, Асад лично участвовал в работах. Однако и на этот раз халифатскому наместнику Хорасана не удалось лишить согдийцев воды и овладеть Самаркандом.

Таким образом, в средневековье вплоть до разрушения Самарканда Чингиз-ханом город и его окрестности орошались водами Зарафшана при посредстве Даргомской ирригационной системы. Вероятно, одной из важных причин невозрождения жизни на Афрасиабе после нашествия монголов и послужило разрушение свинцового акведука, ибо восстановление этого сооружения было не под силу опустошенному и разграбленному Самарканду.

6. РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Путешественники, побывавшие в Самарканде в VII в., отмечают, что его жители искусны в торговле, а в город приезжает много иностранцев для ведения торговых дел. По свидетельству Сюань-Цзяня, посетившего Согд в 30-х годах VII в., в Самарканде сосредоточивались драгоценные товары из различных государств.

О религиозных верованиях населения Согда V—VII вв. сообщают письменные источники. По историческим хроникам, в долине Зарафшана местное население поклонялось духу Дэсу, которого почитали во всех владениях к востоку от Каспийского моря. «Ежедневно в жертву ему закладывают пять верблюдов, десять лошадей и сто баранов. Число жертвующих иногда простирается до 1000 человек». Видимо, Дэс был одним из главных божеств Согда. В Самарканде находился храм предкам, в котором также стоял идол и ему приносили жертвы. В жертвоприношениях участвовали и другие владетели. Есть предположение, что здесь находился храм предков правящей династии Самарканда.

В Согде большое распространение получил обычай захоронения в глиняных гробах — оссуариях, устанавливаемых в особых помещениях — наусах. Такие захоронения обнаружены в западной части Афрасиаба, Пянджикенте и многих других районах Средней Азии; связаны они с культом огня.

В начале VI в. в Самарканде существовала христианско-несторианская община во главе с епископом, а в VII в. сюда был назначен митрополит.

Относительно буддизма существуют разные мнения. Сюань-Цзянь отмечает, что жители Самарканда не поклоняются Будде, а имевшиеся там два монастыря находятся в запустении. Местные жители не допускают в монастыри буддийских путешественников, отгоняя их горящими головнями. В то же время в южных районах Средней Азии буддизм сохраняет свое влияние.

Широкое распространение получило и манихейство, одним из центров которого стал Самарканд.

Из различных видов художественного ремесла наиболее развитым было изготовление изделий из драгоценных металлов — серебра, золота, бронзы и др.

До больших археологических исследований в Средней Азии и обнаружения здесь остатков монументальной живописи почти все произведения торевтов исследователи относили к искусству сасанидского Ирана. На основе новых археологических раскопок некоторые находки признаны как произведения среднеазиатского искусства.

В живописи Афрасиаба, а также Балалыктепа, Пянджикента, Варахши встречаются изображения золотых и серебряных кубков, чаш, блюд и других сосудов. При земляных работах под Самаркандом в помещениях VI—VII вв. найдены четыре великолепных серебряных блюда: два из них можно отнести к произведениям эфталитского искусства, одно — к сасанидскому.

Часть золотой и серебряной утвари ввозилась в Самарканд как предмет торговли, но многие изделия изготовлялись местными мастерами. Среди изображений на изделиях особенно популярными были сцены охоты вельмож и царевичей на хищных животных, баранов, козлов и т. д. Иногда местные художники заимствовали сюжеты и, видоизменяя их, вместо сасанидских царей показывали местных правителей в характерной для них одежде. Так, на серебряном блюде, хранящемся в Эрмитаже, изображен согдийский всадник, стреляющий из лука в нападающего на него льва. В нижней части, под лошадью, лежит пронзенный стрелой кабан. Эту же сцену мы видим на серебряном блюде, найденном в Кировской области в 1927 г., на котором показана охота Шапура II на львов.

На втором блюде, найденном у сел. Кулагыш Пермской губернии, относящемся к произведениям согдийского искусства конца VII в., изображен поединок двух пеших воинов. Очевидно, эта сцена связана с эпическими мотивами поэмы Фирдоуси «Шах-Наме».

По рассказу Табари, в Самарканде существовал обычай, по которому в определенное время года на площади выставлялся стол с угощениями и кувшинами вина для храбрейшего витязя Согда. Воин, претендовавший на такое звание, должен был притронуться к яствам, и это означало, что он вызывает на бой витязя, уже владеющего высоким званием. Тот, кто убивал противника, признавался храбрейшим в стране до появления нового претендента.

Иллюстрацией к рассказу Табари служит изображение на блюде, о котором говорилось выше. Два воина в одинаковых одеждах показаны в момент схватки. Они сражаются различными видами оружия — мечами, обломки которых видны у их ног, булавами, их щиты пришли в негодность. Поединок заканчивается победой старшего воина, у которого больше жизненного опыта и боевой выучки. Он пронзает стрелой соперника, копье которого проскальзывает мимо обладателя титула храбрейшего витязя Согда. Несомненно, что блюдо — творение рук согдийского торевта.

Часто на блюдах встречаются изображения отдыхающих вельмож в обществе приближенных, слуг. Многие сцены связаны с мифологией и эпосом. Излюбленным мотивом в росписях и украшении блюд были круги перлов, внутри которых изображались звери, птицы, фантастические животные. Это — черты, характерные для восточного искусства раннего средневековья. О месте изготовления художественных творений можно судить только по одежде, антропологическо-

му типу, отдельным символам, а иногда и по портретному сходству.

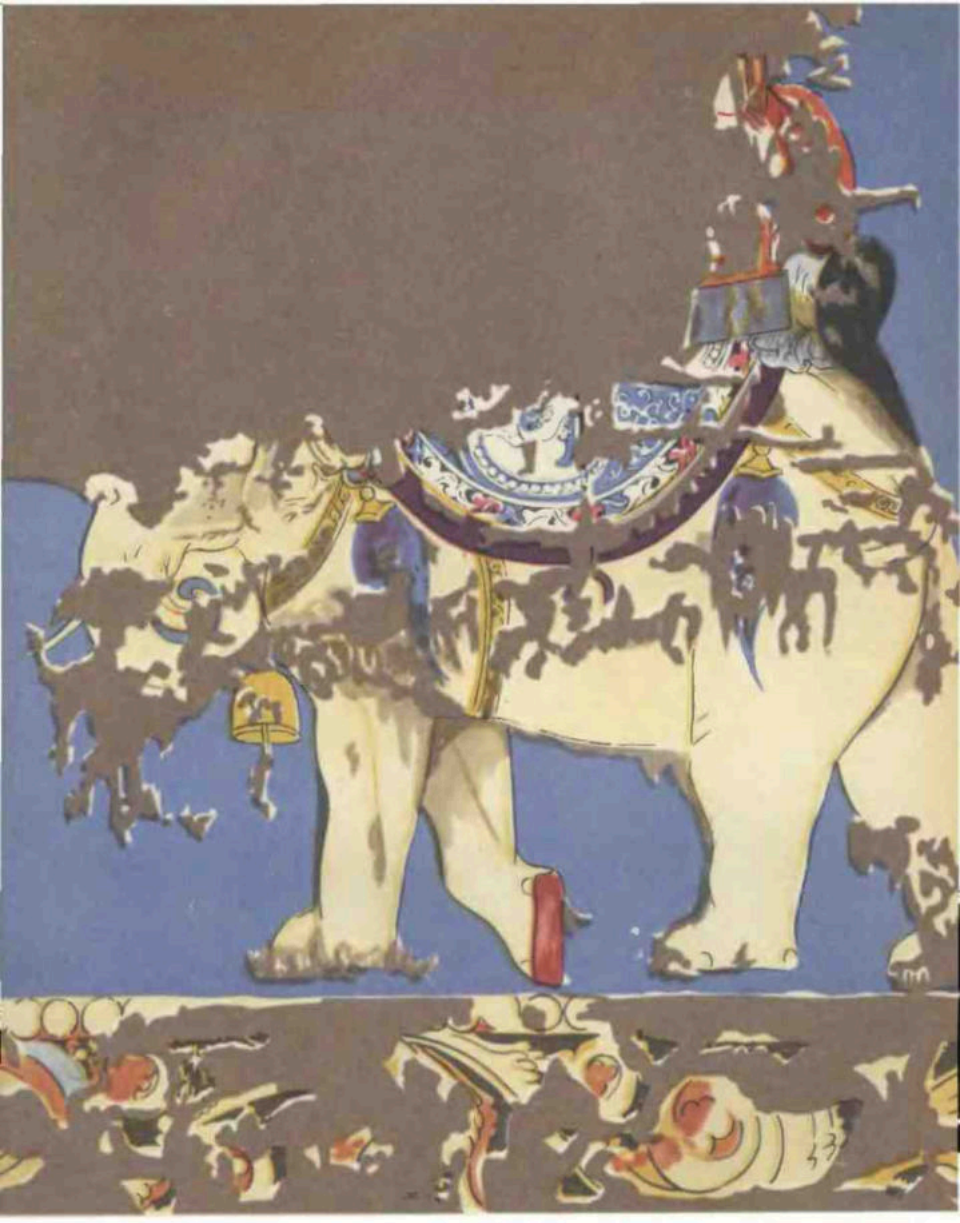
Произведения торевтов шли на удовлетворение потребностей феодалов и знати, предметами же духовных запросов широких народных масс были произведения искусства из обожженной глины — сосуды, терракотовые статуэтки, налепы на сосудах. Терракоты отражали существующую эпоху с ее легендами, мифами, религиозными воззрениями, нередко

Блюдо с эпиграфикой.

они предназначались как игрушки для детей. Одни статуэтки вылеплены из глины и обожжены в печах, другие изготовлены с помощью штампов в специальных формах — калыбах. Некоторые терракоты выполнены смешанной техникой, т. е. лепкой и штампом, которым оттискивалась наиболее ответственная часть изделия (голова и др.).

На Афрасиабе найдено несколько сот различных терракотовых статуэток, среди которых большую часть занимают согдийско-тюркские. Их можно разделить на две группы. К первой относятся изображения человеческих фигурок с подчеркнутой гротескностью: глаза переданы в виде кольцевых налепов, большие процарапанные рты, часто крупные

Афрасиаб. Роспись дворца (VII в.)

налепные носы; есть фигурки, сидящие на конях; ко второй—лепные статуэтки с применением штампа, причем штампом изготовлены только очень тонкие моделированные лица. По данным археологических работ последних лет, эти изделия датируются V—VIII вв.

Возможно, в некоторых случаях коропласты (мастера, изготовлявшие статуэтки) V—VIII вв. пользовались штампами предыдущих времен или воспроизводили художественные произведения того времени. Этим объясняется и непропорциональность размера головы по отношению к туловищу, выполненному зачастую схематично, примитивно. В руках фигурки держат палицу, музыкальный инструмент, а иногда руки просто сложены на груди или упираются в бока.

Выделяется особая группа однотипных терракот, изображающих воинов-всадников, вооруженных булавами. Фигура воина оттискивалась в особой форме, а лошадь лепилась от руки. Лица воинов европеоидные и монголоидные. Изделия выполнялись местными мастерами по изготовленным ими же образцам, поэтому головы и туловища более пропорциональны. Предполагают, что статуэтки с европеоидным типом лица изображают согдийских, а с монголоидным — тюркских воинов.

Образки и некоторые терракотовые плитки датируются V—VIII вв. На образках изображены мужские и женские божества, например, лунное и другие, на плитках — цари и сцены охоты. Интересна часть терракотовой плитки, найденная на Афрасиабе в 1966 г., на которой изображен скачущий всадник. По сюжету рисунок сходен с изображениями на серебряных блюдах и росписях Согда (Варахша, Пянджикент).

В скульптурной терракоте выделяются крупные сосуды, изображающие человеческие головы или целые фигуры. Многие детали выполнены налепами. Интересны навершия на крышках оссуариев, изображающие человеческие головы.

Таким образом, в коропластике эфталитско-тюркского периода отмечается большое разнообразие предметов искусства и методов их изготовления. В терракотах намечаются новые черты — отход от статики, объемность, свобода поз, особенно заметные в композициях на терракотовых плитках.

Большинство согдийских терракот отличается от аналогичных изделий других районов Средней Азии. Можно говорить об определенной художественной школе, сложившейся в Согде на протяжении многих столетий.

Археологические работы последних лет показали, что Согд являлся одним из центров хорошо развитого ремесленного производства. При раскопках помещений VI—VIII вв. на Афрасиабе были найдены стеклянные сосуды и многочисленные фрагменты других изделий из стекла.

На Афрасиабе найдено также помещение, где изготовлялись предметы из железа. Мастерские металлистов находились в небольшом отдалении от жилых комплексов. Ору-

Резной штук от дворца Саманидов.

диями труда служили горны, сопла, специальные керамические ванночки, литейные формы.

Ремесленные мастерские в основном располагались в пригородных рабадах, сложившихся в Самарканде еще до арабского завоевания.

Продукты ремесленного специализированного производства шли не только на внутренний рынок, но и служили предметами международной торговли.

Наиболее распространенным видом ремесленного производства было керамическое. Керамика того периода отличается большим разнообразием форм: открытые чаши с волнистым бортиком, тарелочки, мисочки, кружки с петлевидной ручкой в средней части тулова. Тулова кружек также раз-

личной формы — округлые с выделенным цилиндрическим горлом, волнистым бортом и цилиндрические.

В большом употреблении были узкогорлые кувшины с грушевидным туловом, узким горлом и треугольным сливом, с ручкой, соединяющей венчик слива со средней частью тулова. Иногда такие кувшины покрывались слюдой. Это говорит о том, что сосуд изготовлялся в подражание металлическим.

Другие керамические сосуды по форме также напоминают металлические. Они были дешевыми и широко употреблялись не только у знати, но и у широких слоев населения.

Существовали и грубые лепные сосуды — котлы различных размеров, плоскодонные и круглодонные, крынки и чаши, изготовленные из глины с большой примесью дресвы (битой посуды) и шамота (мелкой гальки). Эта посуда предназначалась для хозяйственных нужд и изготовлялась не в специальных мастерских, а дома.

Для хозяйственных нужд служили хумы — крупные сосуды, изготовлявшиеся из хорошо приготовленной глины и обожженные. По форме хум напоминает яйцо, поставленное на острый конец, который как бы срезан и образует плоское дно. Высота хума около 1 *м*. В некоторых случаях верхняя часть тулова сосуда украшалась процарапанным или штампованным орнаментом. В хумах хранили зерно и другие продукты, а также держали запасы воды.

В широком употреблении были небольшие хумы — хумчи, по форме более округлые и приземистые. Они изготовлялись в специализированных гончарных мастерских.

Помимо посуды, гончары изготовляли светильники — круглые плоские чашечки с вытянутым с одной стороны носиком для фитиля, погремушки, копилки, цедилки, курильницы и другие предметы домашнего обихода.

В гончарных печах коропласты обжигали терракотовые статуэтки. Специальные мастерские занимались изготовлением оссуариев и обжигом сырцового кирпича. Жженый кирпич употреблялся для выкладывания полов и в качестве подставок под сосуды.

Из драгоценных металлов, кроме посуды, производились художественные изделия для знати — золотые троны и богатые балдахины, паланкины, украшенные изображениями животных и людей.

Росписи Афрасиаба позволяют судить и о других отраслях ремесленного производства, об изготовлении вооружения согдийцев. На вооружении дехкан были короткие кин-

жалы, которые подвешивались на ремешках к поясу с правой стороны. Ручки кинжалов украшались изображением головы хищной птицы. С левой стороны к поясу подвешивался прямой длинный меч в ножнах, отделанных золотом и драгоценными камнями. В употреблении были и палицы. Впоследствии подобные палицы стали атрибутом воинов-богатырей. Изображенная на них бычья голова являлась символом могущества. Палицами были вооружены всадники сасанидского и эфталитского войска.

Большое значение в военном деле имел лук. В росписях на Афрасиабе луки изображены в чехлах, обтянутых шкурой леопарда.

Разнообразна и богата орнаментация одежды в росписях. Найдено большое количество пряслиц и грузил от ткацких станков, что говорит об изготовлении одежды местными мастерами.

Расширение международных торговых связей и ремесленно-торгового производства способствовало развитию денежного обращения. В Самарканде найдены серебряные монеты эфталитского чекана, а также монеты, исполненные в подражание сасанидским и китайским. Благодаря развитию торговли Самарканд превратился в один из крупнейших экономических и культурных центров раннесредневекового Востока.

Площадь, занимаемая раннесредневековыми наслоениями на Афрасиабе, больше площади Пянджикента — одного из крупных городов, упоминаемого в согдийских документах и арабской историко-географической литературе.

Пянджикент экономически и политически зависел от Самарканда и вряд ли был свободным даже в пору феодальной разобщенности. Большинство монет, обнаруженных в этом городе, чеканилось в Самарканде.

На основе археологического исследования Афрасиаба и Пянджикента можно сделать вывод, что застройка городов Согда велась сплошными жилыми массивами, организующим звеном которых являлись улицы. Они были узкие, шли от городских ворот к центру города. К помещениям, в том числе торговым, располагавшимся вдоль улиц, пристраивались новые, иногда двух- и трехэтажные. На верхние этажи поднимались по пандусам или приставным лестницам. Новые помещения обрастали комнатами и даже целыми комплексами, в результате чего образовывался крупный жилой массив. В каждом из таких массивов имелись большие парадные залы. Иногда жилые массивы сливались. Изоли

рованно стояли лишь храмы, расположенные в центре города.

Подобная застройка, видимо, велась и на Афрасиабе, где вскрыто несколько залов площадью 100—120 *м*². Такие залы имели плоские перекрытия, сделанные разным способом. Длинные балки клались прямо на стены, а составные поддерживались колоннами в центре. В одном из залов Афрасиаба колонны установлены под концами балок и наполовину замурованы в стену. В некоторых залах установлено по 4 колонны на расстоянии около 2 *м* от стены. Верхние части их были скреплены с балками. Такой способ устройства перекрытий позволял использовать и короткие балки. Узкие же помещения, коридоры, ширина которых не превышала 3,5 *м*, имели сводчатые перекрытия, выложенные из сырцового кирпича. Основным строительным материалом того времени были пахсовые блоки и продолговатый сырцовый кирпич длиной в среднем 50, шириной 25 и толщиной 9—10 *см*.

Стены помещений на Афрасиабе сложены в основном из пахсовых блоков, перемеженных иногда одним-двумя кирпичными рядами. Верхняя часть их выложена кирпичом. В некоторых случаях стены сложены сплошь из кирпича, скрепленного глиняным раствором. Вдоль них устроены лежанки — суфы, шириной около 1 *м* и высотой 50 *см*. После саманной штукатурки стены тщательно затирали хорошо промешанной глиной и покрывали раствором гипса. На некоторых из них сохранилась роспись. Арочные перемычки над дверями выкладывали из кирпича. Проемы закрывали, по-видимому, деревянными дверями, а возможно, и коврами. Помещения освещались через световые фонари, оставляемые в потолках, или световые щели, расположенные в верхних частях стен. Потолки, карнизы, двери, балдахины делали из дерева. Поверхность их украшали резьбой. Это прослеживается на обуглившихся, а потому и сохранившихся деревянных деталях помещений, которые погибли от пожара. Другие деревянные предметы уничтожены термитами или сгнили.

На Афрасиабе пока раскопан один зал с резным деревом. Обуглившаяся резьба сохранилась фрагментарно, изображены цветы, растительные орнаменты, человеческие фигуры.

Одним из основных видов декорации в замках и дворцах была настенная живопись. Роспись знакомит нас с бытом, культурой, религией, мифологией и повседневной жизнью раннефеодального общества.

Открытая весной 1965 г. при раскопках на Афрасиабе настенная живопись не была неожиданностью для археологов. Еще весной 1903 г. при раскопках на Афрасиабе В. Л. Вяткиным были обнаружены плохо сохранившиеся фрагменты настенной росписи. К сожалению, из-за незнания методов консервации ее не удалось сохранить. Штукатурка с росписями высохла и осыпалась, но с нее удалось сделать зарисовку. На стене были изображены человеческие фигуры, а под ними проходила орнаментальная полоса.

В 1961 г. на Афрасиабе при раскопках средневековых гончарных печей встречены фрагменты настенной живописи. В 1963 г. в районе соборной мечети расчищена стена с остатками настенных росписей (орнаментальная кайма), а весной 1965 г. открыто еще шесть помещений с росписями. В первом из раскопанных залов росписями покрыта только северная стена. На ней изображены сидящие под балдахином мужчина и женщина. В их поднятых руках—чаши с огнем. По обе стороны от них находились слуги. Остальные три стены окрашены в белый цвет (алебастр). Единственный карниз украшен повторяющимся рисунком двух павлинов, обращенных головами к чаше с фруктами, и орнаментальной каймой под ними.

Второй зал открыт наполовину. Росписи в нем хорошо сохранились. В третьем зале обнаружены интересные фрагменты живописи. В остальных трех залах росписи выявлены, но не вскрывались.

В 1965 г. под руководством В. А. Шишкина производились большие археологические раскопки в центральной части городища, к югу от второй городской стены. В этом месте в X—XI вв. находился квартал гончаров. (Вскрыто большое количество керамических печей, а также помещений, в которых изготовлялась великолепная поливная керамика).

Под этими помещениями обнаружены большие комплексы сплошной застройки города VI—VII вв. Наиболее полно сохранились росписи в одном из залов большого жилого здания или дворцового комплекса. Длина и ширина его по 11 *м*. Стены помещения сложены из пахсы, покрытой слоем штукатурки с саманом и затертой тонким слоем хорошо отмученной глины. В большинстве случаев поверхность стен перекрывали грунтом белого цвета (гипс), на подготовленную штукатурку художники наносили рисунок.

Так, на полностью вскрытой южной стене большого зала показана процессия, движущаяся в левую (от зрителя) сторону, к замку, изображенному условно, в виде усеченной пирамиды в восточной части стены. На переднем пла-

не—четверо мужчин в богато украшенных кафтанах. Рисунок сохранился неполностью: верхняя его часть, несколько ниже талии фигур, разрушена. Возглавляет шествие медленно идущий белый слон. Его хобот закручен, бивни выступают вперед. Мерно покачиваются подвешенный на шее колокол и тяжелые синие кисти, прикрепленные к сбруе. На спине слона — попона, украшенная большими кругами из перлов, в середине круга — крылатый лев.

Резная деревянная консоль из ансамбля Шахи-Зинда.

Судя по небольшим фрагментам, сохранившимся в верхней части рисунка, на слоне находился балдахин, под которым сидела знатная женщина. От балдахина сохранилась лишь одна задняя стойка, за которую держится рукой прислужница, изображенная сидящей на специально отведенном месте за госпожой. За слоном на лошадях едут три

женщины. Уцелело изображение первой из них. Она сидит на темно-серой лошади, свесив ноги на одну сторону. Левая ее нога в черном мягком сапожке вставлена в стремя, а правая, согнутая в колене, находится под левой. Женщина одета в длинное легкое шелковое платье, верхняя часть его, до колен, красного цвета, а нижняя, ниспадающая многочисленными складками к мягким черным сапожкам, — желтого. Через правое плечо и грудь перекинута перевязь. На тыльной стороне ее левой руки, в которой она держит поводья, сохранилась четкая согдийская надпись, одно слово которой означает «приближенная царевны».

Вторая женщина, на желтой лошади, изображена в той же позе, что и первая. Поводья держит правой рукой. Одета она в белое платье с красной перевязью. Голова и плечи ее почти не сохранились.

Третья фигура, на красной лошади, сохранилась плохо. Еще выше, как бы на четвертом плане, во всю длину стены также изображены лошади, но от них уцелели только рисунки ног. В нижней части стены проходит орнаментальная полоса шириной около 0,5 *м*.

За женщинами едут двое мужчин на верблюдах. Первый смуглый, — старший — с четко прорисованными седеющей бородой и усами. Нависшие густые брови сильно тронуты сединой. На темном лице ярко вырисовываются глубоко посаженные голубые глаза. Волосы на голове перетянуты белой лентой. В левом ухе — серьга. Двумя пальцами правой руки он указывает на замок. В левой руке — палица, увенчанная головой животного. Одет в красный кафтан. За его спиной — развевающаяся на ветру легкая желтая накидка. Подчеркнутые тени и полутени в ее складках придают изображению объемность.

Второй мужчина молодой, светлолицый, с черной бородой и тонкими усами. Черные волосы перетянуты красной лентой. Как и у первого мужчины, тип лица европеоидный. Нос крупный с горбинкой, небольшой рот. В его правой руке — желтая (золотая) палица. Оба мужчины вооружены длинными мечами, висящими на ремнях с левой стороны. На поясах — короткие кинжалы, ручки которых украшены головами хищных птиц.

Верблюды коричневые, на первом — закругленная попона, украшенная кругами с вписанными в них слонами.

Для следующей группы также характерно перспективное изображение. В первом ряду — серая лошадь, покрытая попоной, на ногах ее развеваются разноцветные ленты. Взяв

лошадь под уздцы идет мужчина с густой черной бородой. На его лице — повязка, прикрывающая рот и нос.

Над лошадью изображены четыре белые птицы, на которых начертаны согдийские надписи. На одной размашисто написано «нога», на второй эта надпись многократно повторяется, но она сохранилась плохо. Птиц подгоняет безбородый юноша. Его волосы заплетены в косичку. На лице — такая же повязка, как и у мужчины, ведущего коня. Подобные повязки встречаются и в изображениях на серебряных блюдах.

На третьем плане, в самом верху, показана кавалькада, о которой говорилось выше. Но от рисунка сохранилось только изображение ног лошадей. За этой группой движется всадник на желтом коне, в красном кафтане, украшенном кругами с изображениями белых птиц, видимо гусей. На его поясе — меч в ножнах и футляр для лука, обтянутый шкурой леопарда. Фигура мужчины сохранилась фрагментарно до пояса. Черный хвост лошади в середине перетянут лентой, на ее ногах — также ленты, а на одной ноге — следы согдийской надписи и процарапанные надписи эфталитского письма.

Этот всадник, представляющий очевидно, главу делегации — центральная фигура композиции. Он в два раза крупнее остальных фигур, этим художник подчеркивал его высокое положение. Такой прием выделения главного персонажа характерен для искусства Востока.

Западная стена помещения вскрыта наполовину. На ней изображена не менее интересная многоплановая сцена. На переднем плане показаны девять персонажей — дароносцев (хорошо сохранилось 5 фигур), трое из которых одеты в богатые кафтаны. В их руках дары — гривны, украшенные золотом ожерелья, рулон ткани, раскрашенный кругами с крылатыми львами. В орнаментации ткани халатов использованы изображения головы кабана, птицы с жемчужным ожерельем в клюве, фантастических животных в виде крылатой собаки. Дароносцы подпоясаны золотыми поясами с подвешенными к ним кинжалами и мечами. С правой стороны на поясе — платки, кошельки. У двоих волосы перетянуты лентами. На светло-коричневом лице одного из них — плохо сохранившаяся надпись. На третьем дароносце, видимо, старшем — шелковая шапочка с изображением дикого кабана и накидка, закрепленная узлом на груди. На его шее также имеются следы надписи.

От упомянутых фигур по антропологическому типу и покрою одежды отличаются две другие, у которых длинные волосы, заплетенные в три косы, спускаются ниже пояса. На лицах — тонкие черные усики. Кафтаны на них менее бога-

ты, чем костюмы послов. У первого — красный, у второго — желтый, с двухсторонними отворотами и застежками посередине туловища. Позы фигур свободны. Мужчина в желтом повернул голову к идущему за ним, как бы приглашая его следовать за собой. Он опирается на орнаментированный посох, верхняя часть которого имеет форму рогатки. Этими двумя фигурами заканчивается роспись вскрытой части стены. Выше этих фигур на южной стене изображены фигуры двух стоящих мужчин. Один — в красном, другой, повернувшийся спиной, — в белом кафтане, на поле которого дана согдийская надпись. Она сохранилась почти полностью. Эта своего рода верительная грамота состоит из 16 строк вертикального текста, выполненного писцом-профессионалом.

В переводе[1] надпись гласит: «Когда прибыл посол хуннского царя, он открыл рот (и сказал): «Я — чаганианский начальник канцелярии, по имени Бур-Затак (сын Бура), прибыл от чаганианского государя Туранташа в Самарканд с выражением почтения к самаркандскому царю. И вот я пребываю перед (самаркандским) царем, преисполненный почтения. И вы не имейте совершенно никаких подозрений относительно меня — я хорошо осведомлен о самаркандских богах и самаркандской письменности, и я преисполнен уважения к могуществу (вашего) царя, и вы пребывайте в полном благополучии. И также хуннский царь.... (разрушено). Так сказал чаганианский начальник канцелярии».

Перед фигурой в белом кафтане на втором плане композиции изображены четверо мужчин, сидящих на ковриках попарно друг против друга. У тех, которые спиной к зрителю,— длинные черные косы, спускающиеся ниже поясницы, а на безбородых повернутых вправо лицах — тонкие черные усики.

Восточная стена сохранилась хуже других. Но уцелевшая на ней роспись весьма интересна. На стене изображено море (или река), в волнах которого резвятся обнаженные дети и взрослые люди. Дети стреляют из лука в летящих птиц, а один из них ухватился за хвост какого-то животного. Среди купающихся — женщина с ребенком на руках. Здесь же плавают утки, черепаха, плещутся рыбы и другие живые существа. Несколько выше изображены мужчины, лошади, но сохранились лишь силуэты их ног.

Композиция росписи стен зала может быть объяснена следующим образом. На южной стене представлено посоль-

[1] Все согдийские надписи в росписях Афрасиаба прочитаны В. А. Лифшицем.

ство чаганианского царя, возглавляемое им самим. Царь изображен на желтом коне в центре процессии, а впереди на слоне — царевна. Посольство везет самаркандскому царю подарки, в числе которых диковинные птицы, дорогие вещи и др.

На открытой части западной стены изображена сцена подношения даров самаркандскому царю или главному божеству Согда. Чаганианское посольство, прибывшее ко двору, преподносит подарки и вручает «верительную грамоту», текст которой как уже было указано, написан на поле халата одного из персонажей композиции. Членов посольства сопровождают приближенные самаркандского царя, которые отличаются от прибывших по антропологическому типу и костюмам. Среди них — художники, писцы (у них к поясам прикреплены кисточки в футлярах), ученые, писатели. Сидя на ковриках, они ведут оживленный разговор. У одного из них — книга. Окончательная расшифровка стены, как и всего зала, возможна лишь после их полного вскрытия.

Загадочен сюжет росписи и на восточной стене, изображающей море, рыб, купающихся мальчиков. По мнению Я. Г. Гулямова, здесь показано Авестийское легендарное море вурукаша — море блаженства.

Наиболее близкие параллели в изображении моря найдены в Топрак-Кале, в монументальной скульптурной композиции Пянджикента, открытой в 1951 г. На территории храма II в восточном айване обнаружено значительное количество фрагментов изображения фантастического речного пейзажа. Водная поверхность выполнена в виде рельефных волн, состоящих из спиральных завитков, переходящих в горизонтальные линии. На фоне синих волн — изображения фантастических животных, рыб, людей и человекообразных фигур. Скульптурная панель Пянджикента отражает верования, связанные с почитанием земледельцами водной стихии Существование такого культа в Средней Азии с древнейших времен являлось важнейшим фактом мифотворчества. Очевидно, художник изобразил сцену, связанную с почитанием водной стихии, поклонение которой переплеталось с культом плодородия и земледелия.

По историческим данным в самаркандской резиденции есть храм, в котором приносят жертвоприношения в шестой луне. Прочие владетели приезжают помогать в жертвоприношении. Исходя из этого сообщения, можно предположить, что чаганианское посольство прибыло с подарками на подобное торжество. В грамоте указывается, что прибывшие «хорошо осведомлены о самаркандских богах», а следова-

тельно, и обрядности и преисполнены почтения к самаркандскому царю. Жертвоприношения могли быть связаны с праздником, традиции которого уходят в глубокую древность. Каковы были обряды в Согде, трудно сказать. Возможно, композиция на восточной стене изображает обряд праздника.

Интересны художественные особенности росписей Афрасиаба. Композиция живописи многоплановая и пространственная. Здесь нет перспективного уменьшения, но глубина композиции ощущается. Художник рисовал, как бы находясь на высокой точке, с которой ему видны персонажи. Всю плоскость стены он заполнил фигурами, но здесь не чувствуется нагромождения и отсутствия перспективного уменьшения.

Таким же способом выполнена роспись на западной стене. На переднем плане—члены чаганианского посольства и сопровождавшие их лица, на втором плане — две сидящие друг против друга пары. Одна из этих пар изображена в сложном ракурсе, со спины. Художник обладал большим даром воображения, тесно связанным с действительностью, а действительность переплеталась с элементами фантазии. Слон, верблюды, лошади, всадники — все это отражение реальной действительности.

В росписях проявилось мастерство большого художника, наделенного богатым опытом существовавшей до него художественной школы, вобравшей опыт поколений во всем его многообразии. Эта школа реалистического искусства чувствуется не только в компоновке сцены, но и в самом рисунке, в умении владеть рисунком и кистью. Для художника нет второстепенного. Любая деталь, будь то орнамент в одежде или лицо персонажа, прорисовывается одинаково тщательно и мастерски. Здесь нет лишних или небрежных линий, каждый штрих выполняет определенную функцию. Достаточно внимательно присмотреться к изображению головы старца, сидящего на верблюде: каждый волосок в бороде, бровях, на голове прорисован с каллиграфической четкостью, линии рисунка, их изгибы передают объемность.

Тонко показано эмоциональное состояние персонажей— их чувства, настроение. Внутренние черты характера людей художник стремится выразить путем их внешней обрисовки. Так, опущенные брови, широко открытые голубые глаза, слегка опущенные уголки губ одного из членов посольства передают его властность, сосредоточенность, чувство собственного достоинства.

Если в росписях Балалыктепа и других в изображении лиц чувствуется схематизация и подчеркнутая плоскостность, без передачи эмоциональных черт, то в живописи Афрасна-

ба иногда прослеживается стремление к раскрытию характера человека.

При обрисовке других членов посольства не подчеркнуто их эмоциональное состояние, но каждое лицо глубоко индивидуально и его нельзя спутать с другими. Возможно, художник стремился к портретному сходству персонажей, но на-

Панели из мавзолея Ибн Хасана конца XII в. (Афрасиаб).

сколько ему удалось, сказать трудно. Во всяком случае художнику удалось передать в портрете определенный этнический тип.

В общем реалистическом рисунке росписей имеются элементы фантазии, вернее отображения нереального мира, связанного с мифологией и религией. Фантастические образы наиболее ярки в орнаментации тканей: крылатые лошади, козлы, собаки и другие животные. Это не фантазия художника, а продукт воображения нереального мира целого общества, воплощенный художниками в определенные образы. Так, крылатый баран — образ великолепия, пышности, блеска, сопутствующих царям.

Другим элементом нереальности является преувеличение естественных размеров, например, более крупное изображение царя или главы делегации по сравнению с остальными.

ными фигурами. Этот прием выделения центральных фигур, чтобы подчеркнуть их социальное неравенство по отношению к окружающим, являлся каноном художественной школы, сложившимся на Востоке в течение многих столетий. Громадные размеры этих персон должны были вызывать у зрителя почтение и преклонение перед ними.

Изображение слона в росписях реалистично. Но размеры всей композиции на плоскости, ограниченной стеной, не позволили художнику придерживаться масштабности, да он и не придавал этому особого значения.

В изображениях белых птиц, очевидно, страусов, меньше реалистических черт. Художник, возможно, представлял их лишь по рассказам и описаниям.

В росписях Афрасиаба запечатлены сцены из жизни верхов феодального общества — дехканства. Об отражении художником многообразия реального мира свидетельствует изображение им людей разного антропологического типа, представителей различных этнических групп у членов чаганианского посольства — обильная растительность на лице, волосы волнистые, мягкие, черного и рыжего цвета. Лоб прямой, нос узкий с высоким переносьем, сравнительно большой, углы овальных глаз расположены на одном уровне и закруглены, глаза голубого цвета.

Другая группа людей, изображенных в росписях, имеет длинные черные волосы, заплетенные в косы, тонкие усики. У них нет бороды, резко выступающих скул, но разрез глаз, судя по отдельным штрихам, узкий, причем наружный угол глаза расположен выше внутреннего. Нос прямой, губы средней толщины, верхняя слегка выступает над нижней.

Художники, рисовавшие людей современного им общества, обогатили нас данными по вопросам этногенеза узбекского и других народов Средней Азии.

ГЛАВА IV

САМАРКАНД В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА

1. САМАРКАНД В КОНЦЕ IX — НАЧАЛЕ XIII в.

Наср ибн Ахмед, почувствовав себя достаточно сильным, с конца IX в. стал чеканить от своего имени серебряные монеты (до сих пор это было дозволено лишь Тахиридам). Именно в Самарканде в 887 г., может быть и раньше, впервые были выбиты серебряные монеты Саманидов.

Брат Насра, Исмаил, назначенный наместником Бухары, вскоре отказался признавать над собой главенство Насра. Дело дошло до войны. В 888 г. Наср был разгромлен, но оставлен на троне Самарканда как глава династии, однако он уже не вмешивался в дела Исмаила. Резиденция самаркандских эмиров была перенесена в Бухару. После смерти Насра Самарканд переходит во власть Исмаила, перестает быть столицей Саманидов, но остается одним из крупнейших ремесленных и торговых центров Мавераннахра.

В 900 г., разгромив Саффаридов, Исмаил ибн Ахмед стал обладателем не только Мавераннахра, но и Хорасана. Исмаил (892—907) был одним из самых энергичных саманидских правителей: он осуществил ряд реформ, направленных на усиление государственной власти, создание централизованного и упорядоченного чиновничьего аппарата и сильной армии. В какой-то мере он заботился и о процветании науки, торговли, ремесел.

Перестав быть столицей, Самарканд по стечению обстоятельств превратился в оплот оппозиции центральному саманидскому правительству. Так, в 914 г. уже при сыне Исмаила Ахмеде (907—914) и его внуке Насре ибн Ахмеде (914—943) Самарканд оказал деятельную поддержку брату Исмаила Исхаку, выступившему против центральной власти. Ви-

димо, и после этого в Самарканде вспыхивали волнения. Так, арабский географ и путешественник Истахри (первая половина X в.) сообщает, что во время этих волнений сгорели «Большие», или «Кешские» ворота шахристана Самарканда, восстановленные потом саманидом, наместником Самарканда Мухаммедом ибн Локманом.

Рудаки.

Ибн Хаукаль, посетивший Самарканд между 960 и 970 гг., сообщал, что в стенах рабада Самарканда не имеется ворот «ни деревянных, ни железных по причине происходивших здесь смут, из-за которых правитель приказал снять ворота». В основном Самарканд находился в стороне от вооруженной борьбы, вспыхивавшей время от времени между могущественными саманидскими вельможами из-за обладания богатейшим Хорасанским наместничеством или же борьбы, происходившей между Саманидами и кем-либо из их непокорных вассалов. Только однажды, в 947 г. при Нухе ибн

Афрасиаб. Роспись дворца (VII в.)

Насре (943—954) Самарканд снова на несколько месяцев стал столицей Саманидов, когда Нух ибн Наср в борьбе со своим непокорным вассалом Абу Али Чагани потерял Бухару.

При сыне Нуха Абдулмалике (954—961) авторитет центральной власти еще более упал, чем при его отце и деде. Власть в стране переходила в руки всесильных представителей дворцовой гвардии, которые занимали крупные военные должности и богатые наместничества. Поднимали голову и могущественные представители крупной земледельческой аристократии — вассалы Саманидов.

После смерти Нуха вопрос о престолонаследии решали уже не члены Саманидского дома, а всесильные главари дворцовой гвардии. Победил Фаик — один из самых талантливых, но и самых непокорных и ненадежных саманидских военачальников. Он возвел на престол Мансура ибн Нуха (961—976). При его наследнике и сыне Нухе II (976—997) распадающееся государство Саманидов испытало первые удары со стороны кочевников-тюрок, возглавленных династией Караханидов, которая вела начало от вождей одного из кочевых тюркских племен

В 992 г. владетель Тараза и Баласагуна караханид Харун Богра-хан вторгся в пределы государства Саманидов. Навстречу ему выступил Фаик. Битва окончилась поражением саманидских войск, но победа досталась Богра-хану не без помощи Фаика, предавшего в этот решающий час Саманидов.

Захватив Бухару, Богра-хан назначил Фаика наместником Балха и Термеза. Усилившаяся болезнь вынудила его покинуть Бухару, и он умер в конце 992 — начале 993 г.

В последующие годы происходили кровопролитные столкновения между саманидскими военачальниками Фаиком, Абу Али, Бегтузуном и Себук-Тегином из-за наследства саманидского государства. Саманиды были уже бессильны что-либо изменить и отодвинуть свое приближающееся падение.

В 986 г. снова произошло вторжение Караханидов. На этот раз Саманидов спас их могущественный вассал Себук-Тегин. По мирному договору границей между Саманидами и Караханидами стала Катванская степь (между Галляаралом и Булунгуром). По настоянию караханидов, Самарканд, оставшийся у Саманидов, был отдан в наместничество Фаику, оказавшему в свое время немалые услуги Караханидам.

Мансур ибн Нух (997—999), наследник Нуха ибн Мансура, пытался проводить независимую политику, но в феврале 999 г. Фаик и Бегтузун низложили его и возвели на

трон Абдулмалика ибн Нуха (февраль — октябрь 999 г.).

В октябре 999 г. снова произошло вторжение Караханидов. Илек Наср ибн Али почти без сопротивления захватил Бухару, взял в плен Абдулмалика и его родственников и отправил их в заточение в Узгенд. Так произошло падение некогда могущественной династии.

В 1000—1005 г. Илеку Насру ибн Али пришлось выдержать борьбу с Мунтасиром Исмаилом ибн Нухом, братом последнего саманидского эмира, который, бежав из Узгенда, собрал войско и начал борьбу с Караханидами. Борьба кончилась победой Насра. В 1005 г. Мунтасир был убит в районе Мерва. На территории Мавераннахра возникло новое караханидское государство.

Несмотря на беспокойное, полное восстаний и военных потрясений время второй половины VIII — начала IX в., Самарканд все же рос. Знаменательной вехой в жизни города этого периода было создание новой, четвертой по счету мощной крепостной стены, охватившей площадь почти вдвое большую, чем доарабский Самарканд.

В IX—X вв. территория Самарканда разрослась за пределы четвертой крепостной стены, ограничивавшей шахристан. К югу, западу и востоку от города выросли торгово-ремесленные предместья-рабады, хотя шахристан еще продолжал сохранять значение административного центра и места расселения городской аристократии. Однако с начала XI в. население стало покидать западную часть города, перебираясь за пределы шахристана. На месте старых больших домов возникали гончарные мастерские, причем часть старых зданий использовалась в качестве подсобных помещений. То было время подъема экономики и расцвета ремесел и торговли в Самарканде, по праву считавшемся одним из самых больших, красивых и богатых городов Мавераннахра.

Абулкасим ибн Хаукаль, посетивший Самарканд между 960 и 970 гг., писал: «Самарканд — город, расположенный на юге от Согдийской реки и лежащий высоко над нею. В нем имеется цитадель, шахристан и рабад. В цитадели уже в наше время выстроена тюрьма и находится дворец правителя, впрочем разрушенный. Я поднимался на нее (цитадель) и осматривал прекраснейший из видов, который когда-либо видел взор человека: свежую зелень деревьев, блистающие замки, текущие каналы и непрекращающуюся культуру. Выделяются площади и украшающие город здания. Все это отражается в текущих каналах и наполненных прудах, поверхность которых все время волнуется.

В Самарканде имеется крепость и 4 ворот: восточные ворота называются Китайскими и стоят на возвышенности. От них спускаются по многочисленным, идущим вниз ступенькам к Согдийской реке. Западные ворота — Наубехарские — расположены также на возвышенности, северные — Бухарские и южные — Большие. Самарканд — город, в котором большие базары и, как в крупных городах, ряд кварталов, бань, караван-сараев и домов. В нем имеется проточная вода, которая проникает в него по каналу, частично сделанному из свинца. Соборная мечеть находится в шахристане пониже цитадели, между ними проходит большая дорога. В шахристане в месте, называемом Асфизар, расположены дворцовые здания, возведенные Саманидами... За небольшими исключениями нет ни одной улицы и ни одной усадьбы, где бы не было проточной воды, и лишь при немногих домах нет сада. Самаркандские здания выстроены из глины и дерева. Самарканд — средоточие утонченных людей Мавераннахра, и лучшие из них получили воспитание в Самарканде».

С караханидским завоеванием многое изменилось в социально-экономической жизни Мавераннахра. Эти перемены зрели уже в недрах саманидского государства, но караханидское завоевание послужило стимулом и облегчило развитие глубинных процессов. Если при Саманидах была сильна тенденция к созданию строго централизованного государства, то пришедшее ему на смену караханидское государство состояло из множества мелких удельных владений, главы которых зачастую лишь номинально признавали власть верховного хана. Вместе с тем время Караханидов — это период дальнейшего подъема и развития экономики страны, связанного с дальнейшим развитием феодального способа производства.

Судя по археологическим данным, рост городов Мавераннахра в XI—XII вв. был более интенсивным, чем в IX—X вв. Соответственно развивалось ремесленное производство и торговля.

Разрастались и рабады Самарканда. Все дальше от шахристана уходил центр городской жизни. Южной и юго-западной частью шахристана почти всецело завладели гончары и ремесленники, знать переселилась в новые места.

До 1011 г. Самарканд входил в состав владений основателя караханидского государства Илека Насра ибн Али. Между 1011 и 1013 гг. Самаркандом на правах вассала Насра ибн Али владел его брат — Мухаммед ибн Али. В 1013 г. Наср умер. Завязалась борьба за передел владений. Второй брат Насра, Ахмед, захватил Самарканд. Между Ах-

медом и Мухаммедом началась война, в ходе которой Мухаммед отвоевал у Ахмеда Ахсикет (1015 г.) и Кара-Орду с Самаркандом (1016 г.).

В конце 1016 г. при посредничестве Хорезмшаха Мамуна враждующие стороны заключили мир. Согласно мирному договору, Мухаммед отдал Ахмеду Самарканд и Ахсикет. В 1017 г. Ахмед умер, главой государства Караханидов стал Мухаммед ибн Али, принявший титул «Арслан-хан». Самарканд до 1023 г. входил в состав личного владения Арслан-хана. В 1024 г. Самаркандом правил младший брат и вассал Арслан-хана Мансур ибн Али, оказавший Арслан-хану большие услуги во время его войны с Ахмедом ибн Али.

В 1025 г. Арслан-хан умер. Незадолго до этого от него из плена бежал караханидский князь Али-Тегин. Ему удалось привлечь на свою сторону кочевников-туркмен, захватить Бухару и разгромить Мансура ибн Али, подошедшего с войском к Бухаре Правление Али-Тегина продолжалось немногим больше десяти лет. В этот период Самарканд (до 1032 г.) находился в качестве удела в руках сына и вассала Али-Тегина Юсуфа ибн Али. С 1032 по 1035 г. Али-Тегин владел Самаркандом лично.

Али-Тегину в 1035 г. наследовал Юсуф ибн Али. В 1038 г. из плена от него бежал сын Илека Насра Бури-Тегин Ибрахим (впоследствии Тамгач-хан). Укрепившись в Саганиане, Ибрахим ибн Наср повел борьбу с сыновьями Али-Тегина за обладание Мавераннахром. В 1040 г. он отвоевал Кеш, в 1041 г. — бухарскую часть Согда, в 1042 г. — Бухару. Самая ранняя монета Ибрахима, выпущенная в Самарканде, относится к 1046 г., однако есть основания предполагать, что Ибрахим завоевал Самарканд гораздо раньше.

Тамгач-хан Ибрахим правил Мавераннахром до 1070 г. Столицей его был Самарканд. Тамгач-хан особо заботился об установлении порядка в Самарканде и его безопасности, жестоко карал за воровство и разбой. Немало внимания уделял Тамгач-хан и строительным работам. Так, в 1066 г. по его приказу было построено медресе, располагавшееся неподалеку от гробницы Кусама ибн Аббаса.

Еще при жизни (1070 г.) Ибрахим отказался от престола в пользу своего сына Шамсул-Мулька. Против Шамсул-Мулька тут же восстал второй сын Ибрахима Шуайс. Между ними под Самаркандом и Бухарой произошло сражение, Шуайс был разгромлен. При Шамсул-Мульке столицей, видимо, вновь стала Бухара.

Шамсул-Мульку в 1080 г. наследовал его брат Хизр-хан, сын Ибрахима, переживший Шамсул-Мулька всего на год.

В 1081 г. Хизру наследовал его сын Ахмед ибн Хизр. При Хизре и его сыне Ахмеде Самарканд снова стал столицей. В это время сильно обострился конфликт между ханской властью и духовенством, начавшийся еще при деде Ахмеда Ибрахиме Тамгач-хане. Симпатии простых самаркандцев были на стороне Ахмеда.

Представители духовенства обратились за помощью к сельджукскому султану Маликшаху. В 1089 г. Маликшах взял Бухару и осадил Самарканд, где встретил упорное сопротивление. Ахмад ибн Хизр каждому из своих военачальников поручил защиту одной из башен. В результате предательства одного из них, сельджукским воинам удалось ворваться в город. Ахмед, который приходился Маликшаху племянником, был лишен трона и сослан в Исфахан.

Оставив в Самарканде наместника, Маликшах вернулся в Хорасан. Тотчас же в Самарканде начались смуты. Тюркское кочевое племя Чигилей, составлявшее ядро караханидского войска, восстало. Наместник Маликшаха бежал. Глава Чигилей Айн ад-Довла призвал из Семиречья Якуб-Тегина, правителя города Атбаш и брата кашгарского хана. Якуб-Тегин, придя в Самарканд, поссорился с чигилями и казнил Айн ад-Довлу. Между тем Маликшах повернул обратно и дошел до Бухары. Якуб-Тегин бежал. В 1090 г. Маликшах занял Самарканд и оставил там наместника. Но и этот наместник недолго пробыл в Самарканде: в 1091 г. Маликшах вернул Самарканд Ахмеду ибн Хизру.

В Самарканде Ахмед, поддерживаемый простым людом, продолжал политику борьбы с реакционным духовенством. Его популярность в Самарканде была настолько велика, что заговорщики из числа духовенства и представители военного сословия не смогли поднять в городе против него восстания.

В начале 1095 г. заговорщики подговорили начальника города Касана поднять восстание. Когда Ахмед с войском вышел из Самарканда и направился в Касан, заговорщики предательски напали на него. В Самарканд Ахмед вернулся уже пленником и вскоре был задушен.

Заговорщики возвели на престол двоюродного брата Ахмеда ибн Хизра Масуд-хана. В 1097 г. в борьбе между сыновьями Маликшаха за трон победителем вышел Султан Баркиарук. Мавераннахр признал его верховную власть. В Самарканде на место Мас'уда Баркиарук назначил Сулеймана — сына Куч-Тегина Дауда и внука Ибрахима Тамгач-хана. Сулейман умер в том же 1097 г. и на его место Баркиа-

арук поставил Махмуд-Тегина. Следующим ставленником Баркиарука на престоле Самарканда был Харун-Тегин.

Харун-Тегин правил недолго: не позднее 1100 г. Самарканд и Бухара были завоеваны владельцем Тараза и Баласагуна Кадыр-ханом Джабраилом. Однако в июне 1102 г. Джабраил погиб в битве с сельджукским султаном Санджаром, который передал Самарканд Мухаммеду — сыну Сулеймана ибн Дауда и правнуку Ибрахима Тамгач-хана. Мухаммед, находившийся в родственных связях с Санджаром, принял тронное имя «Арслан-хан» и правил Самаркандом и Бухарой почти 30 лет (1102—1130).

Арслан-хан жил попеременно в Самарканде и Бухаре. В историю он вошел как «царь-строитель». Большинство построек им возведено в Бухаре. Например, знаменитый бухарский минарет Минор-и-Калян, украшающий Бухару и в наши дни, был построен Арслан-ханом в 1127 г. Новые здания, видимо, строились и в Самарканде, однако здесь работы велись в более скромных масштабах.

Борьба с духовенством продолжалась и при Арслан-хане. В 1130 г. в результате заговора в Самарканде был убит сын и соправитель Арслан-хана Наср. Во главе заговора стоял глава местного духовенства Ашраф ибн Мухаммед ас-Самарканди, бывший одновременно и раисом (градоначальником) Самарканда. Арслан-хан обратился за помощью к Санджару. Между тем, Ахмед, второй сын Арслан-хана, собрав войско, подошел к Самарканду и убил вышедших ему навстречу с повинной руководителей заговора. В это время Султан Санджар с войском вступил в Мавераннахр, хотя в его помощи теперь не было необходимости. Присутствие Санджара в Мавераннахре, видимо, не устраивало Арслан-хана, опасавшегося за свою самостоятельность. Вскоре Санджару стало известно, что Арслан-хан замышляет против него заговор.

Санджар осадил Самарканд и взял его. В начале марта 1130 г. больной Арслан-хан был доставлен к Санджару на носилках и отправлен им к его дочери, которая была одной из жен Санджара.

Самаркандским ханом стал брат Арслан-хана Тамгач-Богра-хан Ибрахим, воспитанный при дворе Санджара. В 1132 г. в Мавераннахре поднял восстание сын Арслан-хана Ахмед. Санджар пришел из Ирака и подавил это выступление. Тамгач Богра-хан Ибрахим, который, видимо, оказался беспомощным перед лицом своего восставшего племянника, вызвал недовольство Санджара и был им смещен в том же 1132 г.

Ханом Самарканда стал другой член Караханидской династии — Клыч Тамгач-хан (Хасан-Тегин), умерший в 1136 г. На его место Санджар назначил сына Арслан-хана Рукнуддина Махмуда, доводившегося ему племянником.

В это время на восточных границах караханидского государства накапливали силы кочевые племена каракитаев. В мае — июне 1137 г. каракитаи вторглись и разгромили под Ходжентом войско Рукнуддина Махмуда. Махмуд отступил в Самарканд, но каракитаи не воспользовались плодами своей победы и ушли из Мавераннахра.

Следующая битва с каракитаями произошла 9 сентября 1141 г. в Катванской степи, к востоку от Самарканда. Объединенное войско Санджара и Махмуд-хана было разгромлено, каракитаи захватили Самарканд и немного позже — Бухару. Однако кочевники не закрепили за собой захваченной территории: их в основном интересовала дань с покоренных земель. Обложив завоеванные области данью, каракитаи вернулись в Семиречье и Восточный Туркестан.

После Катванской битвы в Самарканде правил Тамгач-хан Ибрахим — второй сын Мухаммеда Арслан-хана. В 1156 г. произошла ссора между ним и кочевниками карлуками, составлявшими ядро караханидского войска. Ибрахим был убит, а тело его брошено в степи. Правителем Самарканда стал Джагра-хан Джалалуддин Али, сын Хасан-Тегина, назначенного Санджаром правителем Самарканда в 1132 г.

Джагра-хан жестоко отомстил карлукам за убийство Ибрахима. Остатки разгромленных им отрядов карлуков призвали на помощь Хорезмшаха иль-Арслана, Джагра-хан обратился за поддержкой к каракитаям. Враждебные войска стали по обоим берегам Зарафшана, неподалеку от Самарканда. Силы оказались равными, и противники заключили мир, прибегнув к посредничеству самаркандских имамов и улемов.

В 1163 г. Джагра-хану Али наследовал Рукнуддунья Клыч Тамгач-хан Мас'уд. Этот правитель вел крупные военные действия против карлуков и кочевников гузов, разграбивших и опустошивших Хорасан.

Около 1169 г. в Самарканде Мас'уду, видимо, наследовал его родственник Наср ибн Хусейн, внук Хасан-Тегина. Таким образом, начиная с середины XII в. Самарканд находился в руках узгендской ветви Караханидов.

Кратковременное правление Насра ибн Хусейна окончилось в 1172 г. Ханом Самарканда стал Мухаммед, сын Клыч Тамгач-хана Мас'уда, правивший, видимо, до 1177 г.

В 1178 г. на престоле Самарканда утвердился один из выдающихся караханидских государей Тамгач-хан Ибрахим ибн ал-Хусейн, правивший Самаркандом немногим менее 30 лет.

70—90-е годы XII столетия заполнены кровопролитными войнами между хорезмшахами и гуридами, оспаривавшими друг у друга Хорасан: хорезмшахами и каракитаями, каракитаями и гуридами. Однако все эти войны в основном обходили Самарканд стороной, так что долгое правление Тамгач-хана Ибрахима было временем относительно мирного и спокойного развития. Все это не могло не привести к дальнейшему подъему экономики, ремесел и искусства Самарканда.

Оживляется и строительная деятельность в Самарканде. По сообщению писателя Мухаммеда Ауфи (конец XII — начало XIII вв.), Тамгач-хан Ибрахим построил в квартале Гуржмин величественный дворец, который настолько поражал воображение современников, что напоминал потомству о славе хана, как Фаросский маяк — о славе Александра Македонского и дворец Так-и Кесра — о славе Хосрова Ануширвана.

Ибрахиму не позднее 1204 г. наследовал его сын Осман — последний караханидский правитель Самарканда. При нем Самарканд пережил тяжелые времена. Осман вступил на престол довольно рано: в 1201 г. ему было всего 14 или 15 лет. В ту пору в Средней Азии существовали две мощные враждующие силы: Мухаммед Хорезмшах и каракитаи. Осман несколько раз переходил то на одну, то на другую сторону. В 1210 г. он посватался к дочери каракитайского Гурхана, но получил отказ. Осман перешел на сторону Мухаммеда Хорезмшаха и даже ввел в Самарканде хутбу и чеканку монет от его имени. Этот акт неповиновения вызвал поход со стороны каракитаев. Был послан отряд из 30 000 воинов, который вскоре захватил Самарканд. Однако от разграбления города каракитаи воздержались по приказу своего государя, «считавшего Самарканд своей сокровищницей». Гурхан ограничился сравнительно небольшой данью. В это время в тылу каракитаев поднял восстание Кучлук найманский, тридцатитысячный отряд был отозван Гурханом из Самарканда.

Мухаммед Хорезмшах, взяв Бухару, пришел в Самарканд. Он велел укрепить стены города и назначил своего представителя при дворе Османа. В конце августа — начале сентября 1210 г. Хорезмшах и присоединившийся к нему Осман разгромили каракитаев, вернулись в Самарканд и оттуда пошли в Хорезм.

В Хорезме Осман женился на дочери Хорезмшаха. Тем временем каракитаи снова осадили Самарканд. Хорезмшах пошел на выручку. Ко времени прихода Хорезмшаха жители Самарканда уже выдержали множество стычек с каракитаями. Услышав о приближении Хорезмшаха, кочевники отступили.

В 1211 г. Осман в сопровождении большого хорезмийского отряда, состоявшего из кипчаков, вернулся в Самарканд. Бесчинства и высокомерие хорезмийцев возбудили к ним всеобщую ненависть.

В 1212 г. в Самарканде произошло восстание, в котором деятельное участие принял сам Осман. Хорезмийцы были порублены и трупы их выставлены на базарных площадях для всеобщего обозрения. Остатки кипчакского отряда и Хан-Султан, жена Османа и дочь Мухаммеда Хорезмшаха заперлись в цитадели Самарканда. С большим трудом Хан-Султану удалось вымолить себе пощаду. Это обстоятельство, однако, не облегчило участи самого Османа и самаркандских жителей. Мухаммед Хорезмшах осадил и взял приступом Самарканд. Осман явился с повинной, но был казнен.

Самарканд был отдан хорезмийским войскам на разграбление. Небо Самарканда заволокли дым и гарь пожаров. За три дня было перебито свыше 10 000 самаркандцев. Лишь на третий день, вняв заступничеству самаркандских сейидов, улемов и имамов, Хорезмшах велел прекратить резню.

В последовавшие вслед за этим годы Самарканд сделался фактической столицей Хорезмшаха, который украшал этот город различными постройками. Так, Мухаммед Хорезмшах построил в Самарканде новую соборную мечеть и начал постройку дворца. О том, что Мухаммед Хорезмшах считал Самарканд важнейшим городом своей империи, говорит и то, что во время нашествия Чингиз-хана Мухаммед велел укрепить стены Самарканда и оставил там самый большой гарнизон.

К сожалению, о жизни и облике Самарканда XI — начала XIII вв. нет таких обширных сведений, какими мы располагаем по Самарканду предшествующего периода (IX—X вв.). Отчасти это объясняется тем, что от XI—XII вв. до нас не дошли столь подробные и красочные описания Самарканда, какими мы обязаны географам IX—X вв., отчасти тем, что центр городской жизни Самарканда в XI—XII вв. все больше уходил в рабады, в настоящее время перекрытые асфальтом и домами современного Самарканда и недоступ-

ные для широкого археологического изучения. Однако все же некоторые сведения о жизни города в этот период получены в результате археологических работ на Афрасиабе.

Возникший в X в. на территории шахристана (Афрасиаба) квартал гончаров продолжал развиваться, распространяясь на запад и юго-запад, причем намечалась специализация гончарных мастерских: одни из них производили светильники, другие — кухонную посуду и т. д.

В южной части шахристана на территории, ныне занятой группой мавзолеев Шахи-Зинда, возникло кладбище и начал складываться погребальный архитектурный комплекс, который, видимо, был местом упокоения караханидских правителей Самарканда и представителей местной аристократии.

В северной части шахристана по-прежнему функционировали огромная соборная мечеть и цитадель, в которой находились дворец правителя и административные здания.

В первой половине XII в. в цитадели, видимо, производились какие-то ремонтные работы. В это время был отстроен керамический трубопровод, подававший через подземный туннель под крепостной стеной воду для цитадели.

В конце 70 — начале 80-х годов XII в. в районе цитадели, вероятнее всего в самой цитадели, был построен величественный и пышный дворец Тамгач-хана Ибрахима ибн Хусейна. Дворец этот погиб в 1212 г., когда Мухаммед Хорезмшах жестоко расправился с восставшими самаркандцами.

К 1219 г., когда землю Мавераннахра уже сотрясал приближающийся грохот копыт конницы Чингиз-хана, Самарканд лихорадочно готовился к защите. Так, при ремонте стены цитадели в это время использовали остатки дворца Тамгач-хана. Заново была отстроена часть третьей крепостной стены, велись ремонтные работы на первой, второй и четвертой крепостных стенах. Однако все это оказалось напрасным из-за бездарности и трусости военачальников, которым было поручено охранять Самарканд. В марте 1220 г. орды Чингиз-хана вступили в Самарканд и предали город огню и мечу.

2. ЗАВОЕВАНИЕ ГОРОДА ЧИНГИЗ-ХАНОМ

Чингиз-хан, готовясь к решительной войне с хорезмшахом Мухаммедом, решил сначала покончить с коварным и все еще сильным Кучлуком и в 1218 г. направил против него значительное войско под начальством Жэбэ-нойона. Кучлук не смог сдержать натиска монголов и бежал из Каш-

гара, но был настигнут в местности Сарыкол (восточнее нынешнего афганского Файзабада) и разбит. В том же году монголы подчинили, помимо Восточного Туркестана и Западной части Семиречья, и северо-восточную Фергану. В Касане и Ахсикете расположился монгольский гарнизон

Сам Чингиз-хан с главными силами летом 1219 г. двинулся с Иртыша на запад. В Каялыке (в бассейне р. Или, в 18 *км* к юго-западу от нынешнего города Талды-Кургана Казахской ССР) к нему присоединились военные силы предводителя карлуков Арслан-хана, отряд из Алмалыка во главе с Сукнак-тегином и уйгурский отряд Баурчика.

Несмотря на приближение войны, обе стороны интенсивно продолжали торговые и посольские сношения. Послы Чингиз-хана прибывали к хорезмшахскому двору, а послы Мухаммеда — в орду Чингиз-хана.

В феврале 1220 г. монголы переправились через Сырдарью и направились к Бухаре и Самарканду.

Вплоть до Самарканда монголы не встретили серьезного сопротивления и овладели такими укрепленными крепостями, как Зернук, Нурата, Дабусия, Серипуль и др.

Бухара в то время была одним из хорошо укрепленных городов Мавераннахра. Цитадель ее с двумя воротами была восстановлена в 1208 г. Хорезмшахом Мухаммедом. Шахристан был обнесен прочной стеной, а рабад — двумя рядами стен. Гарнизон состоял из 30 000 конных и пеших воинов.

7 февраля 1220 г. монголы стояли уже у ворот Бухары, обложив город со всех сторон. 9 февраля на рассвете, т. е. на третий день осады некоторые бухарские военачальники — Инанч-хан, Огул-хаджиб, Хамид-Пур, Суюнч-хан и Кули-хан — со своими отрядами покинули город и бежали к Амударье. Однако только Инанч-хану удалось переправиться через реку и объединиться с султаном Мухаммедом, остальные же были настигнуты и перебиты монголами.

Не сумел организовать оборону города и Ихтияруддин Кушлу—главный военачальник Бухары. С небольшим отрядом (400 человек) он заперся в цитадели. Не было единства и среди знати и влиятельной части духовенства. Имам Джалалуддин Али, садр Маджидуддин Масхуд и видный ученый Рукнуддин Имам-заде стояли за оборону города и активную борьбу с монголами. Впоследствии они встали в ряды защитников и погибли в неравном бою с монголами. Другие же во главе с верховным казием Бадриддином Кази-ханом решили смириться и сдать город монголам. Верховный казий возглавил 9 февраля депутацию бухарцев к Чингиз-хану и

сдал город монголам, которые вступили в него 10 февраля 1220 г. (в дальнейшем Бадриддин Кази-хан стал одним из приближенных Чингиз-хана). Цитадель защищалась еще 12 дней. В осаде и взятии ее монголы широко использовали население самой Бухары и ее окрестностей. 22 февраля пала и цитадель. Монголы истребили всех ее защитников. Крепостные стены и другие укрепления были разрушены, а сам город предан огню.

Назначив Махмуда Ялавача правителем Бухары и области и поручив ему восстановление города, Чингиз-хан двинулся на Самарканд.

Войска Чингиз-хана подошли к Самарканду в первых числах марта 1220 г. и окружили его плотным кольцом. Сам Чингиз-хан, согласно Джувейни, со своей гвардией остановился во дворце Куксарай подле Самарканда. Оцепившие город монголы стояли без движения под Самаркандом в течение двух суток, и Чингиз-хан, как свидетельствует об этом Джувайни, тщательно разработал за это время план захвата города.

Согласно сведениям даосского монаха Чан-чуня, современника событий, перед нашествием Чингиз-хана в Самарканде проживало 100 тысяч семей. О численности гарнизона в источниках приводятся противоречивые цифры: от 40 до 110 тысяч человек. Возглавляли их 20 военачальников (Тугай-хан, Али Эр-хан, Шейх-хан, Балан-хан и др.).

Нет точных данных и об осадившей город монгольской армии. Монголы пригнали сюда многие тысячи «хашарчиев» из Отрара, Зернука, Нура, Бухары и крестьян окрестных деревень Самарканда для осадных работ, построили их затем в боевой порядок со знаменами и издалека казалось, что перед городом собралась огромная армия. Известно, однако, что Чингиз-хан из-под Самарканда направил отряд численностью в 25 тысяч человек на Ходжент, значительные силы под командованием Алак-нойона и тысяцкого Ясавура — на Вахш и Таликан, тюменей Жэбэ-нойона, Субудая и Тохучар-бахадура — на Хорасан для преследования войск хорезмшаха. Видимо, монгольская армия была не столь уж многочисленна и едва ли превышала численность Самаркандского гарнизона.

Перед тем, как начать осадные бои, монголы «очистили» окрестные селения Самарканда, лишив тем самым защитников города возможной поддержки извне. Посланные в город лазутчики Чингиз-хана проникали в караван-сараи, на рынки и в другие общественные места города, сея панику среди населения.

7 или 8 марта 1220 г. на рассвете монголы начали обстрел и штурм города. Впереди, построившись по десять, со знаменами под водительством монгольского десятского шли хашарчи, а под их прикрытием — монголы. Хашарчи и возглавлявшим их монголам было приказано уничтожить крепостные рвы напротив ворот. У Ибн ал-Асира имеется характерный рассказ об осаде Шемахи и Ширван: каждый монгол и хашарчи приволакивали деревья, которые под покровом ночи бросали в крепостные рвы. Затем пригоняли скот и пленников, связывая их друг с другом, тоже бросали в ров и под стены, так что за короткое время образовывались «горки», поднявшись на которые осаждающие достигали крепостных стен.

Штурм Самарканда был яростным, но защитники отбили его. На другой день Чингиз-хан лично повел войска, но и этот штурм успеха не имел, хотя обе стороны потеряли много людей. Согласно источникам, на третий день боев защитники Самарканда произвели большую вылазку, организованную Али Эр-ханом, участникам которой удалось разгромить передовые силы монголов и вернуться в город с пленными. Согласно Ибн ал-Асиру и Джузджани, вылазка была организована жителями Самарканда и войска в ней участия не принимали. Участники вылазки попали в устроенную монголами засаду (камингах) и были поголовно истреблены.

Несмотря на это, людские ресурсы Самарканда были еще многочисленны, а провианта и фуража могло хватить на тяжелую войну. Самарканд же защищался только четыре дня и уже на пятый день вельможи и верхи духовенства во главе с шейхулисламом и верховным казием сдали город монголам.

Монголы вошли в город через ворота Намазгох (на северо-западной стороне города) и сразу же принялись за разрушение укреплений. В ночь перед этим Алат-хан во главе отряда в 1000 человек пробился через ряды осаждавших город монголов и, если верить Джувейни, впоследствии присоединился к султану Мухаммаду. Остальная часть воинов во главе с Тугай-ханом, Барсмас-ханом и Улдадж-ханом укрылась в цитадели и сопротивлялась до 17 марта 1220 г. Согласно «Тарих-и арба улус» (в других источниках об этом сведений не имеется), число укрывшихся в крепости воинов достигло 20 тысяч. Монголам удалось взять крепость, лишь разрушив канал Джуи-Арзиз. Вода затопила окрестности цитадели и размыла часть ее стен. После падения крепости

оставшиеся в живых защитники (около 1000 человек) укрылись в соборной мечети, построенной султаном Мухаммедом хорезмшахом в 1212 — 1214 гг. Монголы облили мечеть нефтью и сожгли ее со всеми, кто в ней находился.

Монголы жестоко расправились с населением Самарканда. После взятия города оставшихся в живых воинов и население вывели из города на открытую равнину и построили по 10 и 100 человек. Отделили от них купцов, духовенство, ремесленников, юношей и более зажиточную часть населения. Остальных окружили плотным кольцом и перебили. Ремесленников (30 тысяч) Чингиз-хан роздал сыновьям и близким, хашарчи, из которых мало кто уцелел, были отправлены в Хорасан и Хорезм. Город настолько опустел, что согласно Чан-чуню в нем «осталась только четвертая часть прежнего населения». Оставшиеся в живых жители города были обложены контрибуцией в размере 200 тысяч динаров, сбор которой был возложен на самаркандского вельможу Амидулмулька.

Жестоко поплатился Самарканд за беспомощность хорезмшаха и враждовавших между собою военачальников, за предательство духовенства и знати.

3. ВОССТАНИЕ САРБАДАРОВ

Сарбадарство как социальное движение возникло в Хорасане в первой половине XIV в. и было направлено против захватнической политики монголов и их порядков, которые тяжелым бременем ложились на плечи трудящихся — крестьян, ремесленников, мелких торговцев, представителей интеллигенции и даже средних земледельцев. Именно в этих кругах сарбадарство получило широкое распространение. К крестьянам и ремесленникам присоединилось значительное число рабов, которые и в прошлом поддерживали движения, носившие демократический характер.

Небезынтересно само название участников движения («сарбадары» значит висельники), которое они сами дали себе. Они говорили, что в случае успеха они освободят народ от насилий монголов и их чиновников, в случае поражения готовы пойти на виселицу, так как далее терпеть угнетение невозможно.

Движение сарбадаров, таким образом, было направлено против самой эксплуататорской власти монголов. Сарбадары видели, что монгольская власть порождает такую систему злоупотреблений, при которой страна не может развиваться, и у народных масс нет иной перспективы, кроме

голода и угнетения. Вместе с тем сарбадары хорошо понимали, что монгольские династии опираются не только на свои военные силы, состоявшие главным образом из кочевников, но и на верхние слои местного господствующего феодального класса — крупных землевладельцев, высших представителей мусульманского духовенства и богатых купцов. Эта феодальная верхушка не только поддерживала монголов, но и сама при помощи административного аппарата принимала активное участие в беззастенчивой эксплуатации народа. Вот почему сарбадары выступили не только с целью изгнания монголов — их задачей было политическое и экономическое ослабление феодальной верхушки.

Сарбадарам удалось создать в Хорасане, с центром в Себзеваре, самостоятельное государство, просуществовавшее с 1337 по 1381 г. Большую роль в создании этого государства сыграл сарбадар Ходжа Яхъя.

Внутренняя политика сарбадаров мало освещена источниками, и мы плохо знаем, какие внутренние реформы ими были проведены. У сарбадарского государства была своя монета, свои войска. Им удалось ввести твердые порядки. Налоги, взимаемые с населения, были понижены, отменена, например, незаконная, с точки зрения мусульманского права, джизья, которую повсюду взимали с населения монгольские наместники. Положительной особенностью сарбадарского государства было то, что оно не создало своей правящей династии. После смерти правителя сарбадары, правда, не без значительной внутренней борьбы, сами ставили себе нового правителя, какого считали лучшим. Отличительной особенностью государства сарбадаров нужно признать и более мягкое отношение к рабам, хотя ни о каком освобождении их они не думали. Рабов они охотно принимали в войска и даже допускали на командные места, что, вероятно, означало личную свободу.

Сарбадарское движение не избежало, однако, классовых противоречий: в нем были левые и правые группы. Много осложнений создавали сарбадарскому государству сторонники примеренческого течения, возглавлявшегося шейхами, среди которых наиболее авторитетным был шейх Хасан. Внутренняя борьба ослабляла движение сарбадаров и приводила ко все большему уменьшению территории их государства. Официальные историографы XV в. Низамуддин Шами и Шарафуддин Али Йезди, отражающие мнение феодальной знати, упоминают о «насилиях» сарбадаров в Самарканде. Очевидно, это можно понимать в смысле ущемления инте-

ресов знати. Самаркандские сарбадары, возможно, отменили джизью, незаконно взимавшуюся с мусульман.

В середине и во второй половине XIV в. сарбадарство пользовалось большими симпатиями в широких прогрессивных кругах Мавераннахра, среди крестьян, ремесленников, интеллигенции и особенно молодежи. Было много сарбадарских элементов и в самом Самарканде.

Вернемся, однако, к событиям, связанным с поражением Тимура и Хусейна.

Изгнанный из Мавераннахра сын магометанского хана Тоглуг-Тимура Ильяс-ходжа после свержения своего отца в 1365 г. с большим войском выступил в поход на Мавераннахр. Весть о приближении монголов Ильяс-ходжи сильно взволновала жителей Самарканда. Сарбадары призывали народ оказать сопротивление монгольскому войску. Среди самаркандских сарбадаров выдвинулись Мавлоно-заде, учащийся самаркандского медресе, Абубекр Келеви, бывший, по словам Низамуддина Шами, трепальщиком хлопка, по другим источникам, — старостой квартала трепальщиков хлопка, и Хурдек-и-Бухари — «хороший стрелок из лука». Когда в соборной мечети собралось около 10 тысяч человек из среды знатных горожан и простого народа, Мавлоно-заде, опоясанный мечом, обратился к ним с пламенной речью. Он говорил о том, что правитель, взимавший, помимо пошлин и хараджа, незаконную подушную подать, в часы опасности бросил население города и жителей не спасет даже самый большой выкуп, спасение — только в сопротивлении, борьбе. Заканчивая речь, Мавлоно-заде обратился к народу с вопросом, кто возьмет на себя защиту ислама и ответственность за нее перед знатью и простыми людьми? Знатные люди хранили молчание. Тогда Мавлоно-заде обратился с вопросом к простому народу, поможет ли он ему, если он сам примет эту ответственность на себя? Простой народ обещал отдать себя в полное распоряжение Мавлоно-заде.

Получив согласие народа, сарбадары под руководством Мавлоно-заде и Абубекра Келеви, имевшего большие связи в среде самаркандских ремесленников, начали энергичную подготовку к обороне родного города. Задача эта была очень трудной: в Самарканде не было стен и цитадель не была еще восстановлена после разгрома Чингиз-ханом. Мавлоно-заде составил списки годных для военной службы людей и привлек к работам по укреплению города самые широкие слои населения. Сарбадары оставили свободной только одну главную улицу, все подступы к ней забаррикадировали. В наи-

более важных и выгодных для обороны пунктах были расставлены лучники. Все было рассчитано на то, чтобы впустить конных монголов в свободный проход, а с флангов, со стороны забаррикадированных узких улиц, нанести им решительный удар.

Монголы не подозревали, какая встреча ожидает их в Самарканде, и рассчитывали легко овладеть городом. Однако они ошиблись. Когда их передовые отряды прошли в устроенную им западню, Мавлоно-заде подал сигнал, и на врага посыпались стрелы, камни и палки. Монголам пришлось поспешно уйти, потеряв, по одним данным, тысячу, по другим — две тысячи человек и огромное количество лошадей.

Ильяс-ходжа вынужден был покинуть сначала окрестности Самарканда, а потом и Мавераннахр. Город ликовал. Самаркандская оборона показала, как много может сделать народ, когда руководство попадает в энергичные и верные руки.

Источники скупо сообщают о реформах сарбадаров в области внутренней жизни Самарканда. Так, Шарафуддин приводит стихи: «О боже, да не будет того, чтобы нищий стал почтенным человеком». Этих слов мы не встречали у Низамуддина Шами, предшественника Шарафуддина Али Йезди, но и Низамуддин Шами упоминает о насилиях, якобы творившихся сарбадарами над населением Самарканда, под которым он, видимо, понимает господствующие феодальные круги. Судя по этим словам, самаркандские сарбадары провели какие-то демократические мероприятия. В речи Мавлоно-заде также упоминалось о незаконном взимании Хусейном с мусульман джизьи, которая, по-видимому, была отменена сарбадарами.

Весть о победе сарбадаров над Ильяс-ходжой дошла до эмиров Хусейна и Амира Тимура, находившихся в Балхской области. Зиму Тимур провел в Карши, а Хусейн—на берегу Амударьи. Весной они встретились и вместе двинулись к Самарканду. Остановились у самого города, в местности Кани-Гиль. Оба эмира дали знать сарбадарам, что одобряют их действия и хотели бы с ними встретиться. Сарбадары поверили «добрым» намерениям эмиров, на приеме у которых им было оказано большое внимание. Однако, когда на следующий день они вновь появились в ставке Хусейна и Амира Тимура, их вероломно схватили, связали и казнили всех, за исключением Мавлоно-заде, которого своим заступничеством перед Хусейном спас Тимур. Что руководило Ами-

ром Тимуром в его отношении к Мавлоно-заде? По-видимому, между Хусейном и Амиром Тимуром существовали разногласия по вопросу об отношении к сарбадарам. Возможно, Тимур имел с некоторыми их них старые связи, особенно с сарбадарами из среды знати.

Покончив с сарбадарами и их вождями, Хусейн и Амир Тимур весной 1366 г. подчинили себе Самарканд.

ГЛАВА V

САМАРКАНД КОНЦА XIV—XV в.

1. САМАРКАНД — СТОЛИЦА ГОСУДАРСТВА ТИМУРИДОВ

Конец XIV—XV в. знаменуется значительным подъемом экономической, политической и культурной жизни Самарканда. Именно в это время возросла и мировая известность Самарканда в качестве столицы созданной Тимуром обширной империи.

Попытаемся дать краткую характеристику противоречивой личности Тимура, чье имя вошло в мировую историю и неразрывно связано с историей Средней Азии, в том числе Самарканда. Единственно верным научным критерием для характеристики Тимура, как и других исторических личностей является конкретный, классовый подход к оценке их деятельности в свете ленинского высказывания о том, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»[1].

Тимур появился на политической арене Мавераннахра в конце 50 — начале 60-х годов XIV в. В это время вместо убитого в междоусобной войне последнего чингизида Чагатаева улуса Казан-хана правителем стал эмир Казаган (1346—1358), но и он был убит нойоном моголистанского Туглуга Тимура.

В феодально-раздробленном Мавераннахре правители Шахрисабза, Бухары, Термеза, Бадахшана, Ходжента, Шаша (Ташкента) беспрерывно воевали друг с другом. Раздоры, смуты, истребление и ограбление населения причиня-

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 178.

ли неисчислимые страдания и бедствия стране и народу. В этих феодальных войнах участвовал и Тимур, который благодаря своему таланту и умению выдвинулся как военачальник.

В жизни и деятельности Амира Тимура ибн Тарагай Бахадура четко выражены два периода. Первый (1360--1386) характерен тем, что Тимур вместе с местной знатью, заинтересованной в создании централизованной власти, боролся против раздробленности страны, междоусобных распрей между кровожадными и корыстолюбивыми мелкими беками и султанами за создание в Мавераннахре сильного, самостоятельного, независимого от монгольского ханства феодального государства. Второй период (1386—1402)—время так называемых трехлетних, пятилетних и семилетних военных походов Тимура.

Походы, которые велись Тимуром с целью захвата территории Индии, Ирана, Ирака, Закавказья, Египта, Турции, южных районов Руси, безусловно, носили грабительский характер, и поэтому в памяти народов, исторических летописях Амир Тимур запечатлен как жестокий завоеватель. Шарафуддин Али Йезди—один из сподвижников Тимура—подробно описывает разрушение городов и сел и беспощадное истребление людей войсками Тимура. Материал преподнесен так, что любой здравомыслящий читатель не может не осуждать того, что совершали войска Тимура в захваченных странах, хотя автор сочинения и старался найти на все это какие-то якобы объективные причины.

К. Маркс в своих «Хронологических выписках» писал о том, что Тимур дал своему новому царству государственное устройство и законы, представляющие большой контраст с теми зверствами и дикими разрушениями, которые по его приказам совершали его войска[1]. Объективная, марксистская оценка деятельности Тимура дана советскими историками и прежде всего известным востоковедом А. Ю. Якубовским.

Вся деятельность Тимура была направлена на укрепление своей власти, создание в Мавераннахре сильного объединенного государства. Этой цели были посвящены проводимые им мероприятия в хозяйственной, политической и культурной жизни страны.

Одним из проявлений политики Тимура после прихода к власти было систематическое проведение курултаев. Шарафуддин Али Йезди приводит сведения о курултаях в Кар-

[1] К. Маркс. Хронологические выписки, Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI, стр. 184.

ши, Карабаге, Самарканде и других городах, на которые приглашались царевичи, вельможи, главные чиновники, администраторы, военачальники и представители аристократии.

Йезди раскрывает классовую природу созывавшихся Тимуром курултаев как совещаний высших феодальных слоев. На них обсуждались неотложные хозяйственные и военные дела страны, принимались согласованные решения по жизненно важным для страны и государства вопросам.

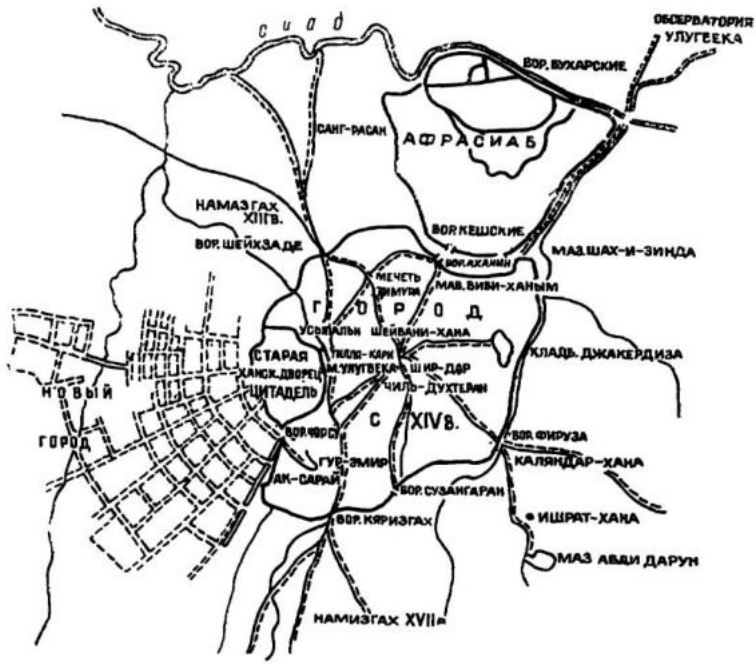

Схема города XIV—XV вв.

Много внимания уделял Тимур вопросам культуры, науки, архитектуры, особенно развитию таких отраслей знания, как математика — риёзиёт, геометрия — хандаса, архитектура — миморлик, астрономия — хаиат, литература, поэзия, история — тарих, музыка — мусики.

Большую заботу проявлял Тимур об украшении Самарканда. При нем после долгого перерыва начались обширные строительные работы в городе. Об этом сообщают и Шарафуддин Али Йезди, и Рюи Гонзалес де Клавихо, который писал: «В городе Самарканде продается каждый год много различных товаров, которые привозятся туда из Китая, из

Индии, из Татарии, из разных других мест и из самого Самаркандского царства, которое очень богато... в нем (Самарканде) не было больше места, где можно было продавать все в порядке, царь приказал провести через город улицу, на которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продажи товаров. Эта улица должна была начаться в одном конце города и, проходя через весь город, доходить до другого конца. Эту работу царь поручил двум своим мирассам (мирзам), дав им знать, что если они не приложат к ней всего старания, заставляя работать и день, и ночь, то заплатят головой. Мирассы начали дело и принялись разрушать дома, которые встречались в тех местах, где царь велел провести улицы, чьи бы они ни были, не обращая внимания на хозяев: так что хозяева, видя, что их дома разрушались, собирали все свое добро и все, что у них было, и бежали. Как только одни работники кончали ломать, тотчас являлись другие и продолжали работу. Улицу провели очень широкую и по обеим сторонам поставили палатки; перед каждой палаткой были высокие скамейки, покрытые белыми камнями. Все палатки были двойные, а сверху вся улица была покрыта сводом с окошками, в которые проходил свет. Как только оканчивалась работа в палатках, тотчас же помещали в них торговцев, которые продавали в них разные вещи. На некотором расстоянии на улице были устроены водоемы. Народ, работавший здесь, получал плату от города, и работников являлось, сколько бы ни потребовали те, которые заведовали этим делом. Работающие днем уходили, когда наступала ночь, и приходили другие работать ночью, одни ломали дома, другие уравнивали землю, и все они до того шумели и день, и ночь, что, казалось, точно тут черти. Прежде чем было сделано столько, что удивительно»[1].

По мнению исследователей истории среднеазиатского искусства, в конце XIV—начале XV в. в Мавераннахре, в частности в Самарканде, возникло новое синтезированное искусство на основе развития оригинальной самобытной культуры Мавераннахра, воплотившей в себе лучшие достижения художественной мысли народов Среднего и Ближнего Востока. С конца XIV в. по мере того, как Мавераннахр становился главным центром творческих сил Ближнего и Среднего Восто-

---

[1] Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями восстановлен под редакцией И. И. Срезневского, СПб., Типография Имперской Академии наук, 1881, стр. 316.

ка, возникает новое направление в искусстве. Это отчетливо сознавали даже современники описываемых событий. Ибн Арабшах, например, повествуя о загородных дворцах Тимура, указывает, что они были воздвигнуты «в новом стиле». В частности, поиски новых выразительных средств архитектуры отразились в полихронном декоре, достигшем к тому времени невиданного на всем Востоке великолепия. В области среднеазиатской живописи XIV—XV вв. наблюдается тенденция к использованию наряду с традиционными литературными сюжетами средневековья современной тематики, тяготение к многообразию жанров, совершенствованию мастерства рисунка, композиции и т. д.

Высокого уровня достигли в XV в. декоративно-художественные ремесла, развитие которых шло по пути органической взаимосвязи с архитектурой, живописью, искусством бытовой вещи. Взаимопроникновение разнородных искусств наглядно проявляется в резьбе по дереву и камню, ковроткачестве, оформлении рукописной книги, лучших образцах керамической и металлической посуды.

При Тимуре и Тимуридах в Самарканде построены Кук-Сарай, соборная мечеть и медресе Биби-Ханым, несколько мавзолеев в ансамбле Шахи-Зинда, возведены дворцы с садами вокруг Самарканда: Баги-Чинар, Баги-Шамал, Баги-Дилькушо, Баги-Бехишт, Баги-Нау. Были проведены дороги, построены мосты через Кухак и Зарафшан, Амударью и Сырдарью, проложены каналы вокруг Ташкента, а также из Сырдарьи в Ахангаран, основано поселение городского типа Ахангаран. Ирригационные сооружения воздвигались наряду с караван-сараями и другими постройками в Бухаре, Шахрисабзе, Фергане, Туркестане. В невиданном для того времени масштабе велось строительство городов, сел, бань, медресе, мавзолеев. К строительству, кроме местных мастеров-архитекторов и ремесленников — сохиби хунар, привлекалось множество строителей, зодчих из завоеванных Тимуром стран.

Почему именно Самарканд Тимур избрал столицей своей державы? Одни говорят, что Самарканд был первым крупным городом, которым он овладел, другие уверяют, что Тимуру понравились климат и природа, окружавшая город, третьи полагают, что Самарканд привлек Тимура, так как он с древних времен известен как город, в котором знаменитый Афрасиаб правил страной Туран.

В каждом из этих предположений содержится доля истины, но объективная причина заключалась, видимо, и прежде всего в том, что Самарканд благодаря выгодному гео-

графическому положению оказался в центре Мавераннахра. Городская округа располагала богатыми водными ресурсами, сам город с трех сторон окружен горами, здесь сочетались три воздушных течения: с гор, реки, а также с полей, лесов и лугов. Близлежащие к Самарканду местности обладали огромными запасами строительных материалов и ценных цветных и редких металлов, которые в известной мере еще в то время могли быть поставлены на службу государству.

Самарканд, по мысли Тимура, должен был стать первым городом в мире; внешне это выразилось в постройке вокруг Самарканда ряда селений, получивших название по главным городам мусульманских стран: Багдада, Дамаска, Мисра (Каир), Шераза и Султании.

«Город Самарканд, — писал Клавихо, — лежит на равнине и окружен земляным валом и глубокими рвами; он немного больше города Севильи, а вне города построено много домов, присоединяющихся к нему как предместье с разных сторон. Весь окружен садами и виноградниками, которые тянутся в иных местах на полторы лиги, а в иных — на две, и стоит посреди них; между этими садами есть улицы и площади, очень населенные, где живет народ и продается хлеб, мясо и многое другое, так что то, что выстроено вне вала, гораздо больше того, что внутри. В этих садах, находящихся вне города, есть много больших и важных домов, и у самого царя там есть дворцы и главные кладовые. Кроме того, у многих знатных горожан есть в этих садах дома и помещения. Столько этих садов и виноградников, что когда приезжаешь к городу, то видишь точно лес из высоких деревьев и посреди него самый город. По городу и по садам идет много водопроводов. Между этими садами разведено много дынь и хлопка. Дыни в этой стране очень хороши и обильны. Около Рождества у них бывает столько дынь и винограда, что удивительно: каждый день приезжают верблюды, нагруженные дынями в таком количестве, что нельзя не изумляться, как они продаются и потребляются; а в селениях их столько, что их сушат и сохраняют как фиги, и держат их для другого года. Сушат их таким способом: режут поперек большими кусками, срезают кожу и кладут на солнце, а когда высохнут, складывают их вместе, кладут в мешки и так берегут до следующего года. Вне города есть большие равнины, на которых находятся большие и многолюдные селения, где царь поселил людей, присланных им из других покоренных им стран.

...Эта земля богата всем: и хлебом, и вином, и плодами, и птицами, и разным мясом: бараны там очень большие с

Лутфи.

большими хвостами: есть бараны с хвостами весом в 20 фунтов, столько, сколько человек может удержать в руке. И этих баранов столько, и они так дешевы, что когда царь

был там со своим войском, пара их стоила дукат. Другие товары были также дешевы, что за одно мери, которое стоит полреала, давали полторы фанеги ячменю. Хлеб там дешев, как нельзя больше, а рису просто нет конца. Так изобилен и богат этот город и земля, окружающая его, что нельзя не удивляться; и за это богатство он и был назван Самаркандом. Настоящее имя его Симеркинд, что значит богатое селение, так как симес у них значит большое (полное), а кинд — селение; и отсюда взялось имя Самарканд. Богатство его заключается не только в продовольствии, но и в шелковых тканях, атласе, камакане, сендале, тафте и терсенале, которых там делается очень много, в подкладках из меха и шелка, притираниях, пряностях, красках золотой и лазоревой и в разных других произведениях. Поэтому царь так хотел возвеличить этот город, и какие страны он ни завоевывал и ни покорял, отовсюду привозил людей, чтобы они населяли город и окрестную землю; особенно старался он собирать мастеров по разным ремеслам. Из Дамаска привез он всяких мастеров, каких только мог найти: таких, которые ткут разные шелковые ткани, таких, что делают луки для стрельбы и разное вооружение, таких, что обрабатывают стекло и глину, которая у них самая лучшая во всем мире. Из Турции привез он стрелков и других ремесленников, каких мог найти каменщиков, золотых дел мастеров, сколько их нашлось; и столько их привез, что каких угодно мастеров и ремесленников можно найти в этом городе. Кроме того, он привез инженеров и бомбардиров и тех, которые делают веревки для машин; они посеяли коноплю и лен, которых до тех пор не было в этой земле. Столько всякого народу со всех земель собрал он в этот город как мужчин, так и женщин, что всего говорят, было больше полутораста тысяч человек. Между ними было много разных племен: турок и арабов, мавров и других народов, армянских христиан и греков-католиков, и несторианцев, и якобитов, и тех христиан, которые совершают крещение огнем на лиц и имеют некоторые особые понятия. Этого народу было столько, что он не мог поместиться ни в их городах, ни на площадях, ни на улицах, ни в селениях; и даже вне города, под деревьями и в пещерах его было удивительно так много. Кроме этого, город изобилует разными товарами, которые привозятся в него из других стран: из Рушии (Руси. — *Ред.*) и Татарии приходят кожи и полотна, из Китая шелковые ткани, которые в этой стране приготовляются всего лучше, особенно атласы, считающиеся лучшими в мире; а самые лучшие те, которые без узоров. Кроме того, привозит-

ся мускус, которого нет нигде на свете, кроме Китая, рубины и бриллианты, так что большая часть тех, которые есть в этой стране, привозятся оттуда; жемчуг, ревень и много раз-

Ансамбль Шахи-Зинда мавзолея Казы-Заде-Руми.

ных пряностей... Из Индии в этот город идут мелкие пряности... мускатные орехи, гвоздика, мускатный цвет, корица, имбирь, цветы корицы, манны и разные другие, которые не отправляются в Александрию. В городе есть мно-

го площадей, где продают мясо, вареное и приготовленное разным образом, и кур, и птиц, очень чисто приготовленных, также хлеб и плоды, все в большой чистоте; эти площади и днем, и ночью полны, и на них идет постоянно большая торговля. Также есть много мясных, где продают мясо, и кур, и куропаток, и фазанов, и все можно найти днем и ночью. В конце города стоит замок, с внешней стороны как будто на плоском пространстве, но окруженный очень глубоким рвом, который образуется ручьем, и от этого рва замок делается неприступным. В нем царь хранил свою казну, и туда не входил никто, кроме алькада и его людей; в этом же замке царь держал около тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки и стрелы и круглый год работали на него. Когда царь выехал из этого города воевать в Турцию и разрушил Дамаск, он приказал, чтобы все те, которые должны были идти в его войске, взяли с собой своих жен; что если их оставят, то он дает им позволение делать, что хотят. Это он сделал потому, что намеревался быть в отсутствии семь лет, воюя со своими врагами; и обещал и поклялся не вступать в этот город, пока не пройдет семь лет».

Спустя примерно сто лет после Клавихо, внук Абу Саида Мирзы, правнук Тимура, Захириддин Мухаммед Бабур (1483—1530), дважды овладевший Самаркандом, писал, что Самарканд — удивительно благоустроенный город. «У этого города есть одна особенность, которая редко встречается в других городах: для каждого промысла отведен отдельный базар и они не смешиваются друг с другом. Это прекрасный обычай. Есть там хорошие пекарни и харчевни». Далее Бабур отмечает: «Лучшая бумага в мире получается из Самарканда, вся вода для бумажных жувоз — мельниц — приходит с Кани-Гила. Кани-Гил находится на берегах Сияхаба, этот ручей называют также Абирахмат. Еще один самаркандский товар — малиновый бархат. Его вывозят во все края и страны».

Живо и увлекательно описывая Самарканд и подчиненные ему туманы и области до Бухары, Бабур пишет, что «нет ни одного йигача пути, где бы не было селения или возделанных земель; они настолько знамениты, что слова Тимурбека «у меня есть сад, который тянется на тридцать йигачей» (вероятно), сказаны об этих туманах».

В государстве Тимура и Тимуридов положение ремесленников, кустарей, трудящихся масс было крайне тяжелым. Об этом сообщает и Клавихо в своем «Дневнике». Множество дошедших до нас миниатюр XV в. также отображает бедность крестьян-земледельцев, кустарей. Государству Ти-

мура был присущ резкий социальный контраст: роскошь знатных и нищета простых людей, находившихся под неограниченным гнетом имущих классов. В Мавераннахре шла острая классовая борьба.

Завладев основными трассами международной, так называемой «шелковой» дороги, идущей из европейских стран в Индию и Китай и обратно через Среднюю Азию, Тимур и Тимуриды предприняли меры по обеспечению безопасности караванов на этом пути и уделили исключительное внимание всестороннему развитию торговых и дипломатических отношений между Востоком и Западом.

2. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ САМАРКАНДА С ГОСУДАРСТВАМИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

На грани XIV—XV вв. фигура Амира Тимура не только приковывает к себе внимание современников, но, пожалуй, даже заслоняет собой все происходящее в сфере мировой политики. В нем оказалось достаточно таланта, чтобы разобраться в сложной политической обстановке своего времени.

Жизнь и деятельность Тимура подробно освещена в восточных источниках, носящих преимущественно официозный характер. До нашего времени дошла и дипломатическая переписка между Тимуром и правителями государств Западной Европы. Эти документы оставались неизученными нашими историками, писавшими о Тимуре. Переписка относится к самому началу XV в., когда Тимур во время последнего так называемого «семилетнего» похода на Запад (1399—1404 гг.) принял решение начать борьбу с могущественной Османской империей.

* *
*

Конец XIV в. в истории Балканского полуострова характеризуется быстрым ростом военной мощи Турции. Первое крупное столкновение турок с народами Европы произошло в 1389 г. на Косовом поле в Сербии. Одержав ряд побед, турки захватили Сербию и Болгарию, угрожали Венгрии и нанесли полное поражение рыцарям Западной Европы и Болгарии в 1396 г. Турецкий султан Баязед стал готовиться к взятию Константинополя. Император Византии Мануил Палеолог решил лично посетить королевские дворы Европы и просить о помощи. Карл Маркс в «Хронологических выписках» по этому поводу писал: «Мануила всюду принимали как

знатного попрошайку. в Париже его кормили только устройством пустых празднеств и пышных процессий»[1].

В момент отъезда Мануила из Константинополя (декабрь 1399 г.) Балканский полуостров и острова Архипелага представляли печальное зрелище. Европейские государства всеми способами искали средства для предотвращения опасности, готовые на любые сделки, лишь бы спасти себя. Одни заискивали перед турками, чтобы заключить с ними соглашение для борьбы со своими соперниками, другие надеялись на создание коалиции под главенством папы для борьбы с неверными.

Международная обстановка вскоре изменилась Произошли события, которые поставили под угрозу существование самой Османской империи. Опаснейшим соперником Баязеда в Малой Азии явился Тимур. Здесь столкнулись интересы двух завоевателей — Тимура, бывшего в то время в зените своей военной мощи, и Баязеда, перед которым трепетала Западная Европа.

Низложенные Баязедом малоазиатские эмиры, лишившись своих владений, нашли убежище у Тимура и уговаривали его вторгнуться на османскую территорию и расправиться с турками.

Началу борьбы Тимура с Баязедом способствовали также призывы к нему о помощи со стороны христианских государств Запада: регента Византии и генуэзского правителя Галаты (предместье Константинополя), французского короля Карла VI, католических миссионеров в г. Султании (в северном Иране), бывшего центром католицизма на Востоке, сообщавших о тяжелом положении жителей Константинополя и Перы (предместье Константинополя). К этим призывам не мог не прислушаться Тимур

В предстоящем столкновении с Турцией Тимур, по-видимому, надеялся координировать свои операции на суше с действиями итальянцев и греков на море. Вот почему Тимуру казалось необходимым содействие Трапезунда и Константинополя, где еще были военные суда. Вероятно, этими же мотивами он руководствовался, отправляя посольство, подробности которого нам неизвестны, с подарками и письмами в Геную и Венецию, располагавшими в то время крупными морскими силами.

Весной 1402 г., когда испанский и константинопольский послы прибыли к Тимуру через Трапезунд, трапезундский император Мануил, современник византийского императора Мануила Палеолога, по пути к берегам Ефрата посла

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, 1930, т. 6, стр 183.

нескольких слабых попыток учинить препятствия Тимуру подчинился и лично явился к нему. Тимур предпринял поход на Трапезунд и принудил императора предоставить свою страну и морские силы для военных действий против турок. Обо всем этом мы узнаем из письма Тимура Иоанну Палеологу, наместнику императора Мануила в Константинополе, так как сам Мануил в это время, как уже указывалось, посещал дворы правителей Западной Европы, выпрашивая помощь для борьбы с Турцией. Это письмо, доставленное из Константинополя в Венецию знатным венецианцем, дошло до нас не в подлиннике, а в несколько искаженном итальянском переводе. Итальянский историк Марино Санудо (XV—XVI вв.) поместил его в своем сочинении «Жизнь дожей Венеции».

После внесения в итальянский текст необходимых исправлений и уточнений (они отмечены нами в скобках) впервые публикуемый русский перевод этого уникального документа выглядит следующим образом:

«Главному поверенному императора Кирманоли.

Монах Франческо, которого ты послал с Александром, прибыл и доставил мне твои письма. Мы их видели и прочитали. Мы говорим тебе теперь: через эти твои письма наше расположение для блага мира более укрепилось, чем оно было раньше. У меня значительно окрепло наше благоволение (уже тогда), когда в первый раз прибыл монах Франческо. Император Трапезунда (Мануил III) учинил ему (в пути) большие препятствия, которые застали нас врасплох и по этой причине мы совершили, под охраной бога, туда (в Трапезунд) поход и я приказал, чтобы он (император Трапезунда) имел 20 галер, хорошо подготовленных к отплытию. И если наши слова справедливы (наши приказы приняты Трапезундом к исполнению), тогда сюда (в наш лагерь) явятся наши посольства (они были оставлены в Трапезунде); оттуда, где мы находимся, мы должны выступить против Йылдырыма. Как только твои (люди) придут сюда, мы вместе обсудим те вопросы, в которых явится надобность. Мы потому не послали к тебе монаха Франческо, что ожидаем посольство от молниеносного Баязеда, так как пришло достоверное известие о прибытии собственного посольства Баязеда и монах Франческо находится вместе с тем (турецким) послом. И сказал монах Франческо тому послу (от имени наместника Мануила): «Дань, которую платили Баязеду Константинополь и Пера, отныне такую же дань желаю давать великому сеньору Темиру». И с этим мы согласны. И по этой же причине я не хотел (в дальнейшем) чинить затруднения Баязеду. И вот теперь, поскольку Баязед не оставляет тебя в покое, я пре-

граждаю ему путь (выступаю против него). Если Баязед вернет тебе населенные места и крепости (возместит) убытки и ущерб, которые он тебе учинил, мне не надлежит сражаться с ним. Итак, теперь же мне напиши сюда, если он вернет тебе твою собственность. Напиши мне об этом ясно, потому что из-за неприятности которую испытали наши (люди) в Трапезунде, я лично пришел к предместью Трапезунда (и принудил его к подчинению), чтобы ты не имел никакого сомнения. И все, что ты имеешь мне написать, пиши мне ясно, так как император Трапезунда и его люди прибудут к нам (в лагерь), так что договор, который принят нами (наш взаимный договор), для тебя является нерушимым и достоверным.

Все, что этот Исаак (податель письма) тебе скажет и что содержится в моем письме, (сказано) ясно, а именно: ты должен снять с якорей 20 галер и с ними плыть к Трапезунду.

Мы с помощью бога с незапятнанным лицом и верой выступили (чтобы достигнуть) ясной цели.

Это письмо составлено 15 мая и для большей достоверности мы приложили наши печати».

Подтверждением некоторых сведений, изложенных в письме, могут служить записи в дневнике Клавихо о том, что император Константинополя и генуэзцы Перы обязались служить Тимуру и оказывать ему помощь «людьми и галерами». Однако после Анкарской битвы, на полвека отсрочившей падение Византии, генуэзский флот, вероятно, за значительное вознаграждение, согласился перевозить разбитых турок из Азии в Европу. Да и сам Мануил трапезундский не выполнил договора и открыто помогал туркам; у Тимура же не было флота, чтобы отомстить Мануилу.

Любопытно и известие монаха из Сен-Дени (пригород Парижа), современника и очевидца пребывания императора Мануила в Париже, который сообщает, что после Анкарской битвы Тамбеллан (так автор именует Тимура) в письме к наместнику Мануила в Константинополе заявлял о необходимости отозвать из Франции его дядю, а за это обещал ему возвратить все завоевания Баязеда.

Тимур на Константинополь не пошел и удовлетворился данью и номинальным подчинением императора Византии, как было при Баязиде, что видно из переговоров наместника Константинополя Иоанна Палеолога с Тимуром, о которых мы узнаем из единственного нам известного источника — письма Тимура. В этом историческая ценность данного документа.

* *
*

Во время пребывания Тимура в Малой Азии он не только обменивался посольствами с султаном Баязедом и искал поддержки на море у Трапезунда и Константинополя, но еще вел дипломатическую переписку с более отдаленными государствами Западной Европы: с французским королем Карлом VI (1380—1422) из династии Валуа и английским королем Генрихом IV Ланкастерским (1399—1413).

Судя по переписке, у европейцев и Тимура был один общий враг — могущественная Османская империя.

Франция была непосредственно заинтересована судьбой Византийской империи. Для защиты владений генуэзцев — французских подданных и особенно их колонии Галаты, Франция искала поддержку у Тимура и пыталась установить с ним дипломатические отношения. По характеру сохранившейся переписки между Тимуром и Карлом VI можно утверждать, что предложения Карла VI не были отвергнуты и французский король встретил со стороны Тимура серьезную поддержку. Об их обмене официальными посольствами у нас нет сведений, а сохранившаяся в Национальной библиотеке Парижа дипломатическая переписка между ними относится ко времени после Анкарской битвы.

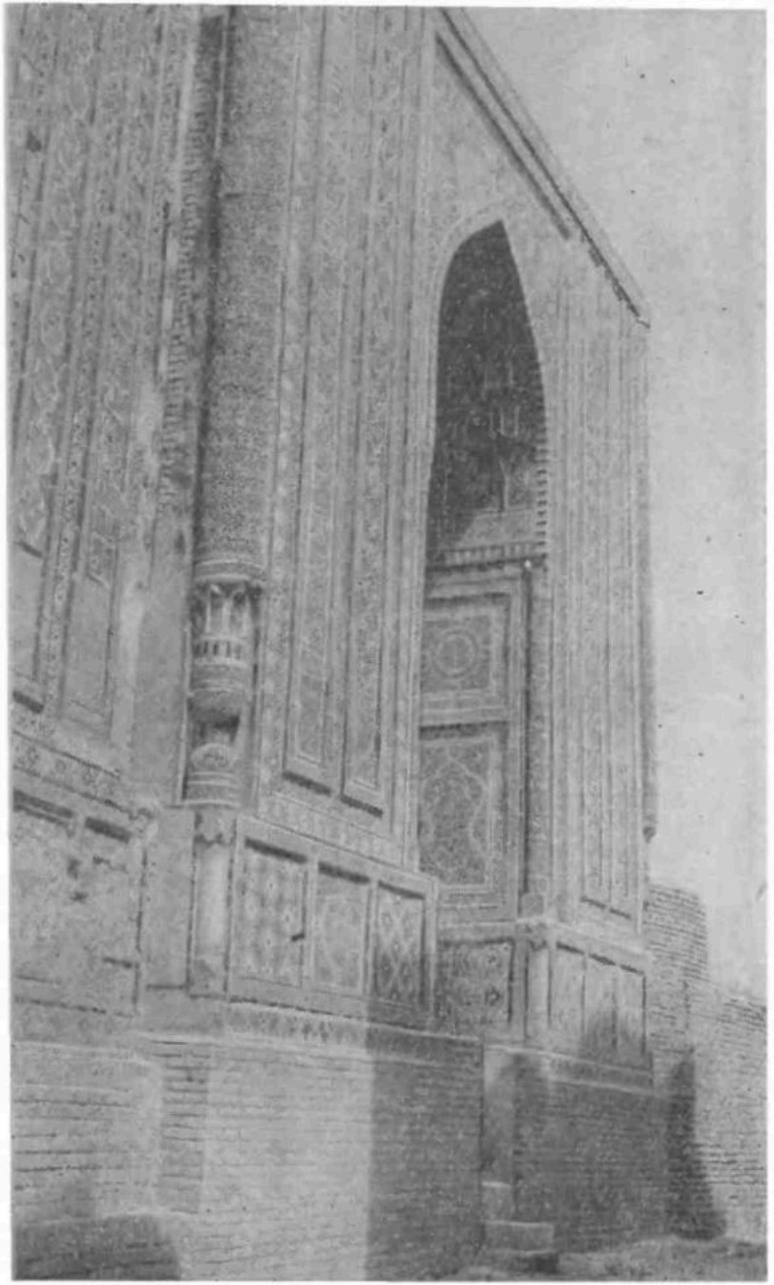
Впервые изучением этой переписки между Тимуром и Карлом VI занялся видный французский востоковед начала XIX в. Сильвестр де Саси. После него в течение 100 с лишним лет не появлялось специальных работ, посвященных данному вопросу, хотя некоторые западноевропейские историки кратко цитировали труд французского востоковеда.

В 1928 г. в Бомбее был издан сборник статей иранского востоковеда Мирзы Мухаммеджана Казвини, среди которых одна статья была посвящена рассмотрению письма Тимура Карлу VI. Автор, опираясь в основном на исследование С. де Саси, дает некоторый дополнительный комментарий. Главное достоинство этой статьи в том, что автор поместил письмо, тогда как С. де Саси опубликовал письмо без факсимиле, снабдив его латинским переводом.

Перевод персидско-таджикского письма Тимура Карлу VI:

«Великий эмир Тимур гураган, да продлится его жизнь.

Государь Редифранса соблаговолит принять от сего друга своего сто тысяч приветствий и пожеланий со многими пожеланиями (сего) мира (т. е. пожеланиями, относящимися до счастья в этом мире).

Мавзолей Шади-Мульк-ака. Облицовка резной глазурованной керамикой в сочетании с фаянсом.

После передачи приветствий, да будет ведомо возвышенному разуму сего великого эмира, что когда в эту страну прибыл проповедник монах Франческо, доставил королевские письма и поведал о доброй славе, величии и могуществе сего великого эмира, мы были очень обрадованы. Он также (нам) изложил, что (сей эмир) отправился с многочисленным войском и с помощью всевышнего создателя врагов наших и ваших победил и сокрушил.

Отныне отправлен к вам монах Иоанн, епископ Султании, и изложит вам обо всем, что произошло.

Теперь мы ожидаем от сего великого эмира, что постоянно будет посылать августейшие письма и известит о своем здоровии, дабы (от этого) проистекало утешение (нашей) души.

Кроме того, следовало бы ваших купцов посылать в эту (нашу) страну, поскольку мы оказываем им здесь почет и уважение. (Нужно) также, чтобы наши купцы направлялись в те (ваши) края, где окажут им такой же почет и уважение. Никто над ними не учинит насилия и не взыщет лишнего, ибо мир благодаря купцам благоустроен.

Чего еще нам решать?

Да будет царствование (ваше) счастливым многие годы. С приветствием! Написано в первый день священного (месяца) Мухаррама 805 г. хиджры».

Подлинность письма не вызывает сомнения уже потому, что в двух его местах поставлена небольших размеров печать Тимура.

В Национальной библиотеке Парижа сохранилось второе письмо Тимура Карлу VI, дошедшее до нас в латинском переводе. В заголовке документа стоит надпись, которая в русском переводе гласит: «Это есть копия или изложение письма достославного повелителя Темурбея, которое он прислал светлейшему королю Франции, переведенное с персидского на латинский язык». Персидский подлинник письма, очевидно, не сохранился, во всяком случае, как указывает С. де Саси, в архивах Франции он не обнаружен. Второе письмо датировано тем же числом, что и первое, т. е. 1 августа 1402 г. В нем уже говорится о победе Тимура над Баязедом. Следовательно, оно было заготовлено вслед за первым тотчас же после Анкарской битвы.

Перевод латинского письма Тимура Карлу VI:

«Наше — Тимур гурагана — слово.

Светлейшему и победоноснейшему и другу всевышнего, благодетельнейшему для мира, победоноснейшему в великих

войнах, мелику и султану, королю франков и многих других народов, привет и мир я возвещаю.

Мы желаем слышать, как (подобает) в отношении истинных друзей, что вы по-прежнему в добром благополучии; насколько имя ваше распространено вплоть до отдаленных стран и слава среди всех государей, мы слышали от монаха Иоанна, архиепископа всего Востока, который уже ранее был прислан ко мне от каких-то франков, а равным образом и от монаха Франциска Сатру; мы немало были обрадованы о распространении власти вашей на многие страны и особенно на эти (?), о чем мы недавно услыхали, пребывая в Турции; и еще больше (были обрадованы, прослышав) о выгоде купцов и всех прочих, о великолепии, могуществе и порядке в вашем дворе и что мы услыхали о вражде ваших с турком Баязедом; хотя по закону и вере ему надлежало бы быть вместе со мной, однако, поскольку он не соблюдал договора со мной и с моими друзьями, потому мы решили низложить его и, побуждаемые названными монахами и обещаниями ваших подданных, мы подступили к пределам Турции против сего неприятеля вашего и нашего и, с божьей помощью, в короткое время расправились с самим Баязедом и со всей отчизной его; и, поскольку существует обычай у великих государей и друзей оповещать о больших делах такого рода, потому мы направили к вашему великолепию названного архиепископа Иоанна, которого мы представляем (вам) как (человека) вашего и (вместе с тем) нашего, дабы он подробнее поведал и сообщил (вам) о положении и обстоятельствах наших и прочее, что произошло в здешних странах, и относительно неприятеля вашего и о любви и единодушии, кои мы проявили в отношении ваших (людей), а также мы были причиною многих выгод (для них) в эти дни и всего того, что касается почтения и любви к вам и к вашим (людям) здесь; и вы послушайте его самого как достойного доверия, за исключением в делах веры.

Мы пребываем в желании услышать о вашем добром состоянии и о том, что отныне ваши (люди) и наши земли, а наши (люди) и ваши (края), как во времена славных предшественников, прибывают и возвращаются обратно, что да поведет к восхвалению повсюду имени вашего и нашего величества и к выгоде отечественных купцов. Впрочем и ныне в наших землях обеспечивается безопасность ваших купцов. О прочих делах и деяниях и все, что надлежит сказать, скажет упомянутый архиепископ, ибо он пробыл долгое время в здешних землях и многое узнал.

Дано близ Сабасты (Сивас) в первый день месяца Мухаррама в год Магомета восемьсот пятый».

Анализ данного письма позволяет сделать следующие выводы:

1) второе письмо Тимура, сохранившееся только в латинской редакции, резко отличается по форме и содержанию от подлинного первого письма;

2) многого из того, что содержится в латинском переводе, в таджикском оригинале, если таковой существовал, видимо, не было, а именно: присвоение Карлу VI титула «султан»; оговорка о том, что монах Иоанн достоин доверия во всех делах, за исключением вопросов религии; противоречащая исторической действительности неточность в указании места и времени отправки письма;

3) редактором латинского текста письма, очевидно, был монах Иоанн, который стремился вложить в данное письмо все, что могло бы польстить самолюбию короля, укрепить авторитет архиепископа (в письме он именуется архиепископом всего Востока) и поднять значение возложенной на него дипломатической миссии;

4) не исключена, однако, возможность, что таджикского текста вообще не существовало. Письмо могло быть составлено на латинском языке от имени Тимура архиепископом Иоанном и привезено им во Францию в 1403 г. О существовании оригинала письма в архивах Франции сведений нет. Нам неизвестно, на основании каких данных автор надписи в заголовке указывает, что якобы письмо было переведено с персидского на латинский язык.

В «Повременной записи деяний франков» приведены не лишенные интереса сведения о прибытии посольства архиепископа Иоанна в Париж в мае 1403 г. В хронике говорится, что, прибыв в Париж, посол Тимура в торжественной обстановке изложил цели своего приезда, а именно: 1) известить о победе Тимура над Турцией, взятии в плен султана, освобождении христиан, взятых в плен Баязедом, и о намерении Тимура предоставить свободу другим христианам, если таковые найдутся; 2) желание увидеть величие трона Франции и поведать о блеске державы Тимура.

Далее, по летописцу, посол заявил, что его посольство предлагает две существенные выгоды для христианской религии: во-первых, обеспечить свободу торговых сношений для купцов обеих стран и, во-вторых, если король и герцоги согласятся, эту свободу торговли можно закрепить соответствующим соглашением или договором. В этой же хронике говорится, что католический пастор рассказал многим лицам

об особенностях жизни Тимура и о том, что он приготовил о Тимуре небольшое произведение, написанное на французском языке. Так возникли воспоминания о Тимуре. Поскольку эти мемуары были произведением современника, более того, доверенного посла Тимура, интерес к ним в Париже мог быть значительным.

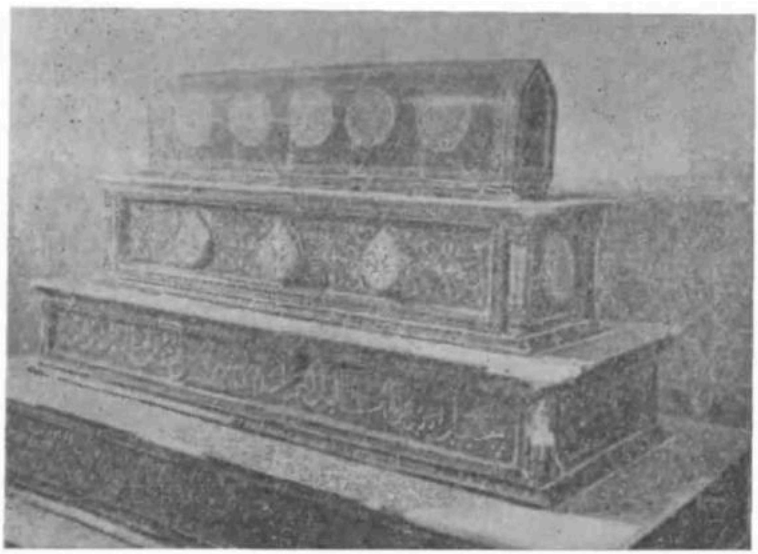
Перевод латинского письма Карла VI Тимуру:

«Карл, божьей милостью король франков, светлейшему и победоноснейшему государю Темирбею привет и мир.

Светлейший и победоноснейшей государь, ни закону, ни вере не противоречит и даже не противно разуму, но скорее должно почитаться полезным, чтобы короли и временные правители, даже если они различаются верованием и языком, связались бы друг с другом по доброй воле узами уважения и дружбы поскольку главным образом благодаря этому и (их) подданным нисходит мир и спокойствие. И посему, светлейший и победоноснейший государь, ведайте, что когда через монаха Иоанна, архиепископа всего Востока, мы получили послание вашего высочества, в котором вы изволите передать нам пожелание здоровья и осведомиться о состоянии наших дел, а также о положении государства и вместе с тем известить о победе, которую, с соизволения всевышнего, вы одержали над Баязедом, что это доставило нам немалое удовольствие, особенно, поскольку к этому прибавилось, что вашему величеству угодно было, чтобы наши купцы и прочие христиане могли производить торговлю и одновременно договориться о другом с вашими подданными и беспрепятственно вести взаимно свои торговые дела, а также иметь отныне свободный доступ в земли и владения ваши, как это было во времена славных предшественников наших, если использовать ваши слова, за каковые мы приносим вам великую признательность и благодарность; равным образом от всего сердца согласны (с вами) и желаем в свою очередь, чтобы ваши (люди) могли бы в безопасности приходить в земли и владения наши и производить торг, равно и как наши (люди) в ваших владениях, как об этом, а также о многом другом, что упомянутый архиепископ услышал и имел возможность увидеть в сем государстве, он, если будет угодно, доложит (вам) устно; пусть ваше величество соблаговолит верить ему как в этом деле, так и при последующих поручениях по причине его испытанной верности вследствие наших (о том) просьб; пусть он ответит нам о своих успехах для нашей радости через тех из ваших (людей), коих удастся склонить (к путешествию) в сии (наши) страны. Наконец, мы благодарны вашему величеству за доброжелательство и многие

милости, оказанные и дарованные вашим величеством многим христианам. Мы готовы пойти навстречу выгодам ваших (людей) и, где представится возможность, (предоставить им) равное или еще большее.

Дано в Париже, в пятнадцатый день июня, в год господа нашего Иисуса Христа тысяча четыреста третий».

Майоликовый намогильник гурханы Кусам ибн Аббаса.

Письмо интересно и тем, что является единственным сохранившимся письмом Карла VI Тимуру. Более ранние послания, о существовании которых мы узнаем из дошедшей до нас переписки, не сохранились. Письмо не вызывает сомнения в подлинности, так как его копия находится в Национальной библиотеке Парижа. Редактором письма, вероятно, был тот же архиепископ Иоанн, которому уделено много внимания, да и по форме оно является подражанием латинской редакции письма Тимура. У Карла VI были все основания благодарить Тимура за разгром Турции при Анкаре. Немало места в письме уделено развитию торговли между Францией и государством Тимура. Обе стороны были в этом заинтересованы. Из письма видно, что подданные французского короля имели свободный доступ во владения Тимура и широко пользовались этим в своих интересах.

Два письма Тимура датированы 1 августа 1402 г., а ответ Карла VI — 15 июня 1403 года.

Из переписки Тимура с французским двором после Анкарской битвы видно, что это был не просто обмен рекомендательными письмами для католических миссионеров, отправляемых на Восток, а дипломатическая переписка относительно заключения торгового договора. В этом деле важная роль отводилась представителю Ватикана архиепископу Султании Иоанну, которому было поручено отвезти ответное послание Карла VI. У нас нет точных сведений, было ли королевское послание вручено Тимуру. Поскольку Тимур вернулся в Самарканд лишь осенью 1404 г., ответное послание Карла VI могло быть вручено ему на обратном пути. Можно полагать, что смерть Тимура в феврале 1405 г. и последовавшая борьба за власть между Тимуридами помешали довести до конца начатые переговоры. Таковы наши сведения о связях государства Тимура с Францией.

* *
*

Менее изучены связи Англии с Востоком. Англичане в средние века не принимали участия в исследовании Востока, если не считать фантастического путешествия английского рыцаря Джона Мандевиля. Сейчас полагают, что он был только в Египте и Сирии, а описание его сорокалетних (1332—1372) странствий по Индии, Китаю и другим странам заимствовано из книг других путешественников. Только в эпоху Тимура была сделана попытка установления дипломатических связей между Англией и государством Тимура, окончившаяся безрезультатно.

Во время пребывания Тимура в Малой Азии почти вся Западная Азия была во власти «Татарского завоевателя» (так называли Тимура западноевропейские писатели). Христианские государства Восточной Европы готовы были признать «неверного» Тимура желанным союзником. Греки Константинополя и генуэзцы Перы выразили свое согласие действовать вместе с Тимуром против их общего врага турок. Западные государства не оставались в долгу, и Англия вместе с другими начала искать дружбы с Тимуром.

Внешняя политика Англии в рассматриваемый период характеризуется враждебными отношениями с Францией. Заключенное ими в 1396 г. перемирие вскоре было нарушено, а в 1404 г. между ними вновь возобновились военные действия.

Опубликованные выше документы свидетельствуют о большой роли католического архиепископа всего Востока в установлении дипломатических связей Тимура с Францией. Еще до падения Баязеда он добился полного доверия у Тимура и установил с ним соглашение, считая необходимым договориться с одним «неверным» для гибели другого.

Представитель Ватикана не менее активно содействовал сближению Англии с Мираншахом — представителем Тимура в западных областях его обширного государства.

Среди сохранившейся дипломатической переписки конца XV в. два документа, составленные на латинском языке, непосредственно связаны с именем третьего сына Тимура, Мираншахом. В 1393 г. он получил в управление завоеванное Тимуром «царство Хулагу», т. е. государство персидских монголов, включавшее северный Иран с Багдадом и Закавказье с Тебризом и Султанией. Как старший сын из оставшихся в живых потомков Тимура, Мираншах при стареющем отце становится объектом внимания правителей Западной Европы и вскоре приобретает известность «как покровитель католической религии», открыто выражающей благосклонность к христианским купцам и миссионерам с Запада и готовность заключить договор с королем Англии Генрихом IV. Об этом мы узнаем из ответного послания английского короля Генриха IV Мирзе Мираншаху (в тексте — Mirassa Amirassa).

Содержание послания кратко сводится к следующему: выражается признательность короля за дружественное и благожелательное отношение «покровителя католической религии, владыки в странах Востока» (так именуется Мираншах), «к католическому народу, связанному с нами единством веры, а особенно к лицам духовным и франкам-католикам, даруя им милость и ласку и обеспечивая также безопасность купцам-христианам, как личную, так и в делах, и равным образом блага торговых выгод». Король уведомляет Мираншаха, что обо всем этом он узнал «не столько из ряда различных писем, сколько из сообщений Иоанна, архиепископа Востока».

Из послания короля видно, что почин в установлении дружественных отношений с Англией принадлежит Мираншаху, который, «как сообщают, возымел войти с нами в дружеское соглашение по некоторым вопросам, касающимся государственных дел и установления с этого времени мира». Король выражает желание заключить соглашение и для этой цели уполномачивает хорошо осведомленного в английских делах архиепископа Иоанна, которому полностью доверяет.

Послание отправлено в феврале (год не указан) из города Гертфорда. Судя по его форме и содержанию, редактором послания был тот же Иоанн, которому уделено много внимания.

В Национальной библиотеке Парижа сохранился документ, составленный от имени Мираншаха и дошедший до нас только в латинском переводе. В заголовке документа имеется надпись, которая в русском переводе гласит: «Сия копия или изложение письма повелителя Амирза Миранкса переведена с персидского на латинский язык». Персидский подлинник, очевидно, не сохранился. Во всяком случае, как указывает Сильвестр де Саси, в архивах Франции он не обнаружен.

В этом документе изложено послание Мираншаха «К достославным королям, государям, общинам и властителям франков или христиан».

Автор указывает, что «сие послание было написано в месяце зукарнан на благо и мир и любовь друзей». На архиепископа Иоанна была возложена миссия довести это послание до сведения адресатов. Из послания видно, что он уже посетил Геную и Венецию и «оттуда принес» многие и радостные сообщения «о выполненных вами делах». Далее говорится, что «прибыл монах Франциск Сатру, доброжелательно принятый вами, и вследствие их сообщений доставленный родитель наш и мы, испытав как бы влечение полюбить вас и ваших (подданных), готовы были совершить многое и свершили, ибо по побуждению вышеназванных (вероятно, имеются в виду Генуя и Венеция) всесильное могущество наше было двинуто против нашего и вашего неприятеля и мы сделали и сокрушили его и впредь будем поступать так же, как вы о том услышите».

Автор извещает, что по поручению его родителя архиепископ Иоанн был направлен для сообщения «как о непобедимом могуществе нашем, так и о деяниях и делах наших, а также о выгоде, какую сулят наши земли». В конце послания затронут вопрос о развитии торговых отношений: «Что касается купцов, то мы желаем, чтобы в безопасности приходили бы к нам, как они (находятся) в безопасности и в настоящее время, и чтобы наши (люди) у вас, а ваши (люди) у нас были бы в безопасности, и, хотя между нами есть различие в вере, однако в сем мире мы имеем также любовь. Мы должны заботиться о выгоде многих и особенно купцов». Послание заканчивается словами: «Дано близ Себасты (Сивас), в месяце, вверху, год Магомета восемьсот пятый».

Из анализа документа можно сделать следующие выводы:

1) поскольку послание Мираншаха адресовано христианским правителям и общинам франков, персидский оригинал мог сохраниться в архиве архиепископа Иоанна, которому было поручено представить послание в латинском переводе разным князьям и республикам; редактором латинского перевода, несомненно, мог быть только архиепископ Иоанн, который мог внести в него изменения и дополнения по своему усмотрению;

2) вопрос о датировке послания остается нерешенным. В тексте сказано, что «сие послание было написано в месяце зукарнан» (искаженная передача предпоследнего мусульманского месяца зу'лкада), а в конце мы читаем: «дано близ Себасты в месяце, как вверху (т. е. зу'лкада), в 805 г. х.», т. е. между 22 мая и 21 июня 1403 г. По мнению Сильвестра де Саси, месяц зу'лкада надлежит отнести к 804 г. х., т. е. к июню 1402 г., так как переводчик поставил в конце послания «mense ut supra), т. е. в месяце, как вверху.

Если согласиться с мнением С. де Саси, то послание Мираншаха было отправлено в Западную Европу до Анкарской битвы (28 июля 1402 г.). В таком случае возникает вопрос, как понимать следующие слова послания: «по побуждению вышеназванных (Генуя, Венеция) всесильное могущество наше было двинуто против вашего и нашего неприятеля, и мы одолели и сокрушили его». По нашему мнению, здесь имеется в виду разгром турок под Анкарой. Затруднение в датировке послания Мираншаха объясняется и тем, что мы не знаем точно, когда произошла ссора между Тимуром и Мираншахом и сын был отстранен от «престола Хулагу». В первоначальной редакции «Зафар-наме», составленной при жизни Тимура, ссора между отцом и сыном обойдена молчанием; только из сочинения Шарафуддина Али мы узнаем, что поход 1399 г. на запад был вызван главным образом действиями Мираншаха.

Рассмотрим еще ответное послание английского короля Генриха IV Тимуру, сохранившееся в Британском музее. Письмо Тимура Генриху IV в архивах Англии не найдено.

Содержание впервые публикуемого в русском переводе этого уникального документа следующее:

«Генрих, божьей милостью король Англии и Франции, а также повелитель Ирландии, великому и могущественному государю, повелителю Темурбею, другу нашему, во господе возлюбленному, самый большой привет и мир во спасителе всех.

Великий государь, друг во господе возлюбленный, тотчас же по представлении нам через чтимого во Христе архиепископа Востока письма вашего высочества не столько на основании характера письма (т. е. того, что в нем написано), сколько на основании доверенного вами тому же архиепископу и им изустно во время беседы нам возвещенному, мы с возрастающим удовольствием ценим вашу дружбу, которую вы неизменно питаете к нашему величеству при том, что мы сами ничем доныне (ее) не заслужили; проявляя сердечное желание выслушивать достоверные новости о нашем благополучии и выразив весьма живо радость, в то время, когда через названного архиепископа, направленного во Францию по поручению вашего славного сына по другому поводу, а именно по случаю мира и объединения, а затем возвращающегося пред очи вашего высочества, а также через монаха Франциска Шадер, из ордена проповедников (доминиканцев), вашему великолепию было сообщено о расширении наших пределов и о других наших деяниях и равным образом выражая сильное стремление к тому, чтобы купцы наших государств могли бы отсюда и оттуда и в наше время так же друг с другом мирно встречаться, как они имели обыкновение (делать это) во времена наших и ваших предшественников. За все сказанное, великий государь, мы воздаем вашей дружбе... (пропуск) благодарностей, прося вас от всего сердца о вашем неизменном и впредь благоволении и нам и к нашим (подданным) и о том, чтобы наши купцы могли бы приходить в ваши владения при вашей личной благосклонности, поскольку и нам угодно, чтобы и ваши купцы могли бы прибывать в наши владения.

Мы узнали также из содержания упомянутого письма о том, как, вступив недавно в пределы Турции, вы, с помощью господней, в короткий срок разгромили давнего нашего и вашего врага Баязеда, разумеется, и все его отечество. Это вселило в нас чувство большого облегчения и большой радости. Поэтому, вознося смиренную благодарность тому, (по воле) которого правят цари, возвышаются победители и возвеличивается власть государей, чтите имя его за столь значительную победу, ниспосланную вам с неба.

Впрочем, великий государь, да будет вам ведомо, что ради любви (к вам) и дабы воздать вам почет, к вышеназначенному архиепископу, принятому радушно нами, отнеслись мы не столько с благосклонностью, сколько дружественно. А потому душевно мы просим ваше великолепие благоволите принять возвращающегося пред очи вашего величества того же архиепископа, который сможет полнее поведать вам о делах

и деяниях наших царских, поскольку ему подробнейшим образом изложены наши соображения, и отнестись с полным доверием к тому, что поручено ему сообщить вашему высочеству от нашего имени. Великий государь, друг в боге возлюбленный...».

Поскольку мы не знаем содержания послания Тимура, не все вопросы, затронутые в ответном послании английского короля, для нас ясны.

Вначале указывается, что неизменно дружественное отношение Тимура к королю, о чем он узнал от архиепископа Иоанна и ничем с его стороны не заслуженное, высоко оценено в Англии.

Как видно из письма, архиепископ Иоанн по поручению сына Тимура (Мираншаха) совершил поездку во Францию «по случаю мира и объединения»; подробности нам неизвестны. Возможно, здесь имеется в виду перемирие, заключенное в 1386 г. между Францией и Англией.

Далее сообщается, что монах Франциск Шадер, по поручению короля, уведомил Тимура «о расширении наших земель» и о других «наших деяниях». Видно, здесь речь идет о завоевании Англией некоторой территории в северной Франции во время Столетней войны.

В послании отмечено желание Англии продолжить свободные торговые отношения между подданными Тимура и Генриха, «как они имели обыкновение делать это во времена наших предшественников», выражается «чувство большого облегчения и большой радости по поводу значительной победы», одержанной Тимуром над общим врагом Баязедом.

Наконец, в послании указывается, что архиепископ Иоанн, к которому автор письма просит отнестись с полным доверием, должен передать Тимуру не только королевское послание, но и на словах поведать о его «делах и деяниях», «поскольку ему подробнейшим образом сообщены наши соображения».

Сохранившийся латинский текст послания Генриха IV Тимуру не дает сведений о месте и времени составления рассматриваемого документа. В послании упоминается о разгроме Тимуром турецкого султана Баязеда, который произошел при Анкаре в конце июля 1402 г., следовательно, послание написано после этой даты. Возможно, поездка архиепископа Иоанна в Англию с письмом Тимура состоялась после завершения возложенной на него миссии в Париже и получения ответного письма Карла VI Тимуру, датируемого 15 июня 1403 г. Следовательно, послание Генриха IV Тимуру могло быть отправлено Тимуру не ранее середины 1403 г.

По форме и отчасти по содержанию послание английского короля Генриха IV Тимуру близко посланию французского короля Карла VI Тимуру в латинском переводе. Можно полагать, что составителем обоих посланий был неоднократно упомянутый выше архиепископ Иоанн, которому было поручено вручить эти послания Тимуру. У нас нет никаких сведений о том, получил ли Тимур письмо короля Англии. Поскольку ответные послания королей Франции и Англии датируются серединой 1403 г., они могли быть вручены Тимуру до его возвращения в Самарканд осенью 1404 г. Таковы наши сведения о связях государства Тимура с Англией.

Тимур приобрел огромную известность в Западной Европе после победы над египетским султаном и особенно после разгрома могущественной Османской империи в битве при Анкаре в 1402 г. Слава его имени повсюду возбуждала любопытство и трепет; в европейцах еще более усилилось их давнее стремление познакомиться с далеким Востоком. Среди современных Тимуру европейских правителей Востоком особенно интересовался Генрих III, король Кастилии. Он внимательно следил за борьбой Тимура с турецким Султаном Баязедом и в 1402 г. послал в Малую Азию послов с поручением собрать сведения «о нравах, обычаях, религии, законах, о силах этих отдаленных народов и о том, какие могут быть их стремления и выгоды».

Послы Генриха III вместе с послами других стран сопровождали Баязеда до Анкары. По поручению короля, они должны были собрать верные сведения о Баязеде, Тимуре и присутствовать при битве между ними.

Во время празднества по случаю победы Тимур, принимавший многих послов, присланных к нему с выражением покорности, милостиво принял и испанцев. Отпуская их на родину, Тимур богато одарил их и отправил с ними своего посла по имени Магомат ал-Кази (так у Клавихо). На приеме у короля посол «передал ему письма, которые ему послал государь Тамурбек».

Дружественное отношение Тимура вызвало со стороны Генриха III ответное посольство «с целью закрепить дружбу, зародившуюся между двумя государями». В состав посольства входили магистр богословия Альфонс Паэс де Санта Мария, Рюи Гонзалес де Клавихо и королевский телохранитель Гомес де Салазар, который умер в пути. Главою посольства был Клавихо, занимавший важную придворную должность.

Отправляя посольство в далекую страну, Генрих III конечно не упустил из виду своей постоянной цели: послан-

ники должны были везде наблюдать и собирать сведения о всех местностях и народах, которые им придется посетить, и по возвращении представить обо всем подробный отчет. Это поручение, возможно, было одной из причин того, что Клавихо с первого дня выезда начал вести дневник «для того,

Фрагмент декора портала мавзолея (работа Уста Али Несефи) из ансамбля Шахи-Зинда.

чтобы ничто не забывалось и чтобы можно было полнее и яснее вспоминать и рассказывать». В продолжение трех лет почти изо дня в день вел он дневник, подробно записывая все, что казалось ему достойным внимания.

Посольство, выехавшее из Испании 21 мая 1403 г., проехало морем в Константинополь, оттуда в Трапезунд, из Трапезунда сухопутным путем через Иран, переправилось через Амударью к северу от Балха, посетило Термез и Кеш (Шахрисабз) и прибыло в Самарканд.

8 сентября 1404 г. испанское посольство было представлено Тимуру в саду Далькушо.

Войдя в сад и подойдя ко дворцу, послы увидели Тимура, который, по словам Клавихо, «сидел на возвышении, поставленном на земле, и перед ним был фонтан, который бил вверх, а в фонтане были красные яблоки. Царь сидел на маленьком матраце из вышитой шелковой материи, а локтем упирался на круглую подушку. На нем была надета одежда из шелковой материи, гладкой, без рисунка, а на голове высокая белая шапка с рубином наверху, с жемчугом и драгоценными камнями».

Рассказ Клавихо о приеме испанских послов дает некоторое представление о посольском церемониале при дворе Тимура. Этот рассказ, насколько известно, еще не был рассмотрен в советской востоковедческой литературе.

Прием испанского посольства начался с передачи посланниками привезенных ими подарков. Лица, взявшие подарки, понесли их ко дворцу, а посланников взяли за руки и повели дальше. Затем их заставили пройти вперед и немного подождать, потом прислали сказать, чтобы они продолжали идти. Посланники шли в сопровождении приставленных к ним лиц; вместе с ними находился и посланник, отправленный Тимуром к королю Кастилии, одетый по-кастильски. Затем посланников подвели к сыну сестры Тимура, сидевшему на возвышении, посланники ему поклонились; потом их привели к малолетним внукам Тимура, сидевшим тоже на возвышении; посланники и им поклонились. Обязанность внуков заключалась в том, чтобы принять из рук послов грамоту короля и отнести к Тимуру. Три внука Тимура, приняв грамоту, понесли ее Тимуру. Посланники продолжили путь. Как только они увидели царя, поклонились ему, преклонив правое колено и скрестив руки на груди; потом они подошли ближе и снова поклонились, пройдя немного вперед еще раз поклонились, преклонив колено, и оставались в таком положении. Тимур приказал им встать и подойти ближе. Сопровождавшие посланников лица, державшие их под руки, оставили их, не смея приблизиться к Тимуру. К посланникам подошли трое военачальников из эмиров, наиболее приближенные, стоявшие у царского места, взяли их под руки, подвели к Тимуру и поставили рядом на колени. «Царь сказал, — пишет Клавихо,—

чтобы они (послы) подвинулись поближе для того, чтобы рассмотреть их хорошенько, потому что он нехорошо видел и был уже так стар, что почти не мог поднять веки; он не дал им поцеловать руки, потому что у них нет этого в обычае».

Затем Тимур обратился к ним с вопросом: «Как поживает король, мой сын? Каковы его дела? Здоров ли он?» Посланники ответили ему и объяснили цель своего посольства. Тимур выслушал их и «...когда они кончили говорить, — пишет Клавихо, — Темурбек обратился к рыцарям, сидевшим у ног его, из которых один был, говорят, сыном царя Тохтамыша, бывшего царем в Татарии, другой был из родни царей Самаркандских, и прочие были важные лица из рода самого царя, и сказал им: «Посмотрите на этих посланников, которых посылает мне сын мой, король испанский, первый из всех королей, какие есть у франков, что живут на конце света. Они в самом деле великий народ; и я дам мое благословение королю, моему сыну. Довольно было бы, если б он прислал вас только с письмом, без подарков; потому что я так же рад был бы узнать об его здоровье и состоянии, как и тому, что он присылает мне подарки».

Письмо короля Тимуру, переданное мальчикам, взял один из внуков Тимура (сын Мираншаха) и высоко держал его перед ним. Магистр богословия Альфонс Паэс обратился через переводчика к Тимуру и объяснил, что никто кроме него, не сумеет прочесть это письмо и когда Тимур пожелает его выслушать, Паэс его прочтет. Тимур взял письмо из рук внука, развернул и сказал, что он бы захотел прочесть его сейчас. Магистр тотчас проявил готовность, Тимур же сказал, что он выслушает письмо на досуге в отдельной комнате.

Посланников подняли, повели и посадили на возвышение по правую руку царя. Мирзы, которые вели их под руки, посадили их ниже посланника царя Чаисхана, владетеля Китая, прибывшего с требованием дани, которую Тимур ежегодно платил. Увидев, что посланники сидят ниже посла китайского царя, Тимур приказал посадить их выше, а посла Китая ниже. «Как только их посадили, — указывает Клавихо,— подошел один из царских мирасс (мирза) и сказал китайскому посланнику, что царь приказывает, чтобы посланники его сына, испанского короля, который был его другом, сидели выше его, а он посланник разбойника и злого врага его, чтобы сидел ниже их; что, если богу будет угодно, он собирается скоро его повесить, чтобы он не смел в другой раз являться с таким посольством. С этих пор на всех праздниках и пирах, какие давал царь, их всегда усаживали в этом порядке. Объ-

явивши это, сказали переводчику, чтобы он передал посланникам, что царь делает для них».

По окончании пира перед Тимуром пронесли подарки от испанского короля и вавилонского султана. Потом посланников подняли и увели, приставив к ним воина, который должен был заботиться о них.

Почти весь сентябрь 1404 г. Клавихо провел в садах Самарканда, а в октябре был приглашен посетить тимуровскую ставку и праздники, которые там устраивались почти весь октябрь.

1 ноября посланники отправились к Тимуру, думая, что он их отпустит. Тимур извинился, но послов не принял. На следующий день посланники снова пошли к Тимуру, однако «царь из палатки не вышел, так как чувствовал себя нездоровым». Самовольный приезд посланников туда, где находился Тимур, с целью узнать, «не призовет ли он их, чтобы отпустить», также был неудачным.

Клавихо в дневнике пишет: «В то время, как посланники жили таким образом, что ни царь не посылал за ними, ни сами они не смели идти к нему, явился к ним один чагатай и объявил, что царские мирассы (миран) велели сказать, чтобы они собирались к отъезду на следующее утро... Посланники возразили, что царь не давал им позволения ехать и не дал даже ответа их королю: как же они могут поступить так; но он ответил, что об этом нечего говорить, так как мирассы уже решили это: чтобы они приготовились и что так же сделают и все другие посланники. Тогда посланники тотчас же отправились в царский дворец и явились к мирассам, говоря им, что ведь они знают, что царь своими устами сказал им в прошлый четверг, чтобы они пришли к нему, так как он хочет переговорить с ними и отпустить их, а теперь к ним явился один человек и передал от их имени, чтобы они приготовились к отъезду на следующее утро, чем они очень удивлены. Мирассы ответили, что царя нельзя видеть и что они должны уехать; уже решено их отпустить». Посланники доказывали невозможность своего отъезда «без всякого ответа от царя к королю, их государю», им ответили, что они должны отправиться и уже назначен человек, который должен их проводить.

Как отмечает далее Клавихо, мирассы это сделали потому, что Тимур лежит больной, уже лишился языка и находится при смерти, «как им сказали люди, знавшие это наверное». По предположению Клавихо и его спутников, их отъезд ускорили для того, чтобы они не могли узнать о смер-

ти Тимура и рассказать об этом событии в тех областях, через которые им предстояло проехать.

В действительности Тимур в то время готовился к осуществлению давно задуманного им грандиозного плана — похода на Китай и уже через шесть дней после отъезда посольств, в четверг 27 ноября, выступил из Самарканда в противоположном направлении.

Испанские послы, как и другие посланники, покинувшие Самарканд в пятницу 21 ноября 1404 г., вернулись в Испанию и 24 марта 1406 г. явились к королю.

Дневник Клавихо, как указывает акад. Срезневский, издатель и переводчик, по множеству разнообразных сведений занимает одно из видных мест среди подобных сочинений в литературе средних веков. «Способ изложения, — указывает Срезневский, — не позволяет заподозрить автора в неправдивости и недобросовестности. Между прочим, он постоянно указывает, что замечено им по его собственным наблюдениям и что известно из рассказов других».

Записки Клавихо впервые были изданы в Севилье в 1582 г. под названием «Жизнь и деятельность великого Тамерлана», в 1782 г. издание было повторено в Мадриде под тем же названием. В основу издания Срезневского положено издание 1582 г. В 1928 г. в Лондоне был напечатан английский перевод дневника Клавихо, сделанный Г-ле Стрэнджем по испанскому тексту, изданному Срезневским в 1881 г. В 1943 г. новое мадридское издание дневника Клавихо по рукописи XV в. осуществил Ф. Лопез Эстрада. Издатель подверг тщательному филологическому исследованию старейший текст дневника Клавихо «Посольство к Тамерлану», снабдив издание обстоятельной исторической справкой о посольстве.

3. РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

Самарканд конца XIV—XV в. являлся крупным торговым городом, куда съезжались разноязычные купцы из Индии, Ирана, Малой Азии, Поволжья, Руси, Сибири и Дальнего Востока, отдаленных европейских стран.

Жители окрестных селений и кочевники обширных степей привозили в Самарканд сельскохозяйственные изделия. Сюда же доставляли свои товары, продукты и скот мастеровые люди и крестьяне пригородов Самарканда, о величине которых один из путешественников начала XV в. писал: «То, что выстроено вне вала (г. Самарканда) гораздо больше того, что внутри».

В конце XIV—XV вв. городское ремесленное производство Самарканда было направлено на удовлетворение потребностей широких кругов горожан и окрестного сельского населения; часть же разнообразного ассортимента ремесленной продукции изготовлялась в расчете на сбыт кочевому населению степных районов. Все это способствовало значительному развитию ремесленного производства, проявлявшемуся в увеличении числа мастеров, ассортимента их продукции, улучшении качества ремесленных изделий, а также в усилении их узкой специализации.

Из сообщений историков, писателей и поэтов XV—XVI вв., по фактам, приводимым в дипломатической переписке и в дневниках иностранных послов, посетивших Среднюю Азию, актовым материалам и археологическим находкам можно установить наличие разнообразных отраслей в ремесленном производстве того времени.

В Самарканде работало большое число мастеров самых разных специальностей, производивших большой ассортимент ремесленных изделий.

Ведущее место среди ремесел занимали производство текстильных изделий, металлообрабатывающее, строительное и гончарное дело. Особенно развито было ткачество.

Наличие широкого круга потребителей, число которых значительно возросло с образованием централизованного государства, стимулировало дальнейшее развитие ткачества и повышение качества текстильных изделий. Остатки набивной ткани — покрывала с крышки гроба Тимура — и одежды Улугбека из мавзолея Гур-Эмир, полуистлевшая ткань из детского погребения в склепе самаркандского мавзолея тимуридского времени Ишрат-хана и особенно шелковый полосатый халат, обнаруженный при вскрытии склепа мавзолея XV в. из архитектурного комплекса Шахи-Зинда и хранящийся в Гос. музее культуры УзССР (Самарканд), свидетельствуют о высоком качестве и уровне технических и художественных приемов выделки тканей конца XIV—XV вв., а также о многолетнем опыте и богатых народных традициях ремесленного населения.

Продукция текстильного производства в большей мере, чем изделия других видов ремесла, поставлялась на широкий рынок, охватывающий как местных потребителей, так и соседних сельских жителей, кочевников и полукочевников степей. В значительном количестве среднеазиатские ткани доставлялись и жителям отдаленных стран. Таким образом, связи самаркандских товаропроизводителей текстильных изделий выходили далеко за пределы местных рынков. Это свидетельствует о том, что текстильное производство в рассматриваемые столетия, как и позже в XVI в., в значительной степени носило товарный характер.

В письменных документах и нарративных источниках XV—XVI вв. встречаются наименования некоторых видов хлопчатобумажных, шелковых, реже шерстяных тканей, вырабатывавшихся в Самарканде. Известно, например, что по виду вырабатываемых тканей ткачи в Самарканде подразделялись на узких специалистов по выделке алачи, карбаса, парчи, бархата и др. Были также мастера-набойщики, набивавшие и орнаментировавшие ткани цветными узорами.

Большим спросом у населения пользовались хлопчатобумажные ткани, изготовлявшиеся из местного хлопка. Наиболее распространенной была грубая ткань карбас различных сортов (белого и неокрашенного желтого цвета), производившаяся вплоть до XIX в. В XV—XVI вв. эта ткань вывозилась и к кочевникам. Фазлуллах ибн Рузбехан в сочинении «Михман-намеи Бухара» сообщает, что вследствие крайней нужды в ткани карбас (в период резко обострившихся между узбекскими и казахскими султанами отношений) ханы Дашти Кипчака заявили о решении вторгнуться в Мавераннахр во владения узбекского хана Мухаммеда Шейбани.

Довольно прочным материалом была полотняная ткань катан. Из нее шили дорогие халаты (джамаи катани), иногда отделываемые золотым шитьем и драгоценными камнями. У нас нет пока данных о том, был ли катан местного производства. Среди движимого имущества, передаваемого в пользу одного из самаркандских медресе, названо надгробное покрывало из египетского катана.

Дешевле катана, по словам Алишера Навои, оценивалась ткань буз.

Широкое распространение имела и самаркандская ткань олача, белого и черного цвета. Относительно более позднего времени имеются данные, что из Самарканда олача вывозилась в другие города. В источниках XV—XVI вв. упоминается «бухарская олача», которая, возможно, отличалась от олачи, выделываемой в Самарканде, почему и имела собственное наименование.

В исторических документах XV в. неоднократно упоминается хлопчатобумажная ткань фута (фата), которая использовалась в основном для чалмы. Длинные полосы футы применялись как кушак для халата, им опоясывали посвящаемого в мастера ученика; они заменяли банные полотенца. Известный историк и мемуарист Зайниддин Васифи, повествуя о событиях конца XV в., сообщает, что обычно скромно одевавшийся Абдуррахман Джами опоясывался банным полотенцем из футы. (Однако его биограф Абдулваси писал, что Джами ежегодно тратил на свои обычные расходы по 100 тыс. кебекских динаров). Фута упоминается как деталь одежды и знатного юноши

конца XV в. В то время шитая золотом йездская фута в Герате оценивалась в 50 танга. Название фута в более позднее время встречается применительно к России. В записках о девятилетнем странствовании Филипп Ефремов в 70-х годах XVIII в. писал, что в Средней Азии «в великом количестве родится ... хлопчатая бумага, из коей прядут пряжу, а из пряжи ткут чадры, широкий холст, с которого у нас (в России) делается полуситец, набойка, кисеи, пестреди, выбойки, фаты, бурметы, бязи и разные иные, кои отвозятся в другие земли».

Хлопчатобумажная ткань разных расцветок с набивными узорами была известна под названием чит. В изданных казийских документах XVI в. упоминается самаркандец-читгар, из чего можно полагать, что в городе были специалисты, выделывавшие ткань чит.

На подкладки изделий (в основном надгробных покрывал) использовались ткани малля, фальга, валя.

Значительно распространена была обработка шелка, основанная на местном и привозном сырье. Привозной шелк-сырец, наряду с местным, шел на выделку разных сортов шелковых тканей. В источниках встречаются наименования шелковых и полушелковых тканей: атлас, кимхоб (камка), харо, мисри, банареси и др. Упоминаются также размотчики шелка — пиллякаши.

Рюи Гонзалес де Клавихо, около трех месяцев пробывший в столице империи Тимура, отметил, что богатство Самарканда «заключается не только в продовольствии, но и в шелковых тканях — атласе, камакане, сендале, тафте и терсенале, которых там делается очень много». Следует отметить, что шелковые ткани были предметом роскоши и были доступны лишь феодалам и богатым горожанам.

Согласно сообщению другого европейского путешественника, атлас и кимхоб в Среднюю Азию импортировались из Китая.

Однако данные сочинения Хафизи Абру, как и приведенные выше слова Клавихо, позволяют утверждать, что кимхоб выделывали и на территории Средней Азии. Описывая участие ремесленного и торгового населения Герата в устроенных Тимуром торжествах, где некоторые отрасли ремесла были представлены в процессе производства, Хафизи Абру пишет, что «ткачи кимхоба несли передвижной ткацкий станок, на котором тут же производили работу». В казийских документах упоминается самаркандский мастер, занимавшийся изготовлением ткани кимхоб.

Все это позволяет говорить о том, что указанная ткань производилась и в Самарканде. Платья из кимхоба обычно преподносили послам государей, прибывавшим ко двору Тимура.

Видимо, в Средней Азии в отличие от китайского кимхоба, привозимого на местные рынки, вырабатывался особый сорт этой ткани. В России, например, были известны сорта кимхоба — волосянка, золотная, китайская и соломянка, доставляемые из разных стран.

Среди военной добычи, захваченной ополчениями Шейбани-хана в Хисаре, называется диба (дибадж) — шелковая ткань со сложным рисунком.

В XV—XVI вв. в Самарканде вырабатывался особый сорт бархата. «Еще один самаркандский товар, — писал в мемуарах Захириддин Бабур, — малиновый бархат. Его вывозят во все края и страны».

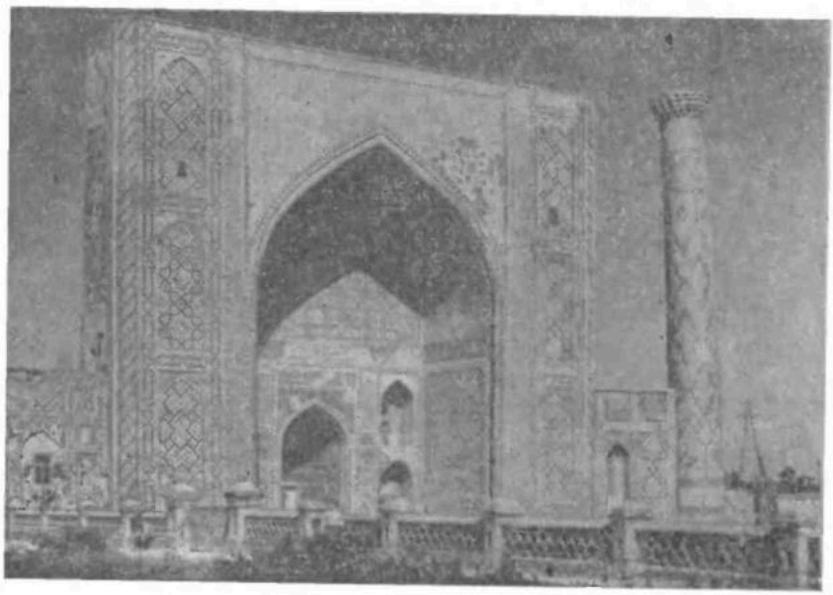
Производство бархата — шелковой ткани с мягким густым низким ворсом на лицевой стороне, выделка которого представляла для той эпохи технически сложный процесс, свидетельствует о высоком уровне ткацкого искусства в Самарканде.

Из ковровых изделий в письменных источниках упоминаются калын, гилим, зилюче разных расцветок и размеров, а также ковровые декоративно-обивочные ткани. Клавихо в дневнике несколько раз говорит о коврах, в основном красных, которые он видел в Самарканде. Историк Ибн Арабшах упоминает о шелковых и бархатных коврах, покрывавших пол гробницы Тимура.

Большое место в ремесленном производстве занимала выработка войлока — предмета домашнего обихода основной массы населения страны. В период войн при обороне города войлоком завешивали крепостные стены для того, чтобы в нем застревали стрелы. Войлок использовали и для изготовления головных уборов. Так, во время одного из сражений на голове Захириддина Бабура был шишак, обтянутый войлоком. Противник ударил его по голове и нанес глубокую рану, но на шишаке, как фиксирует сам Бабур, «не порвалось ни одной нитки». Описывая военные действия узбекских войск в XV—XVI вв., современники тех событий отмечают, что те, кто не имел доспехов, укрывался войлоком.

Кольчуга, как дорогой предмет вооружения, была доступна лишь более богатым ополченцам. В то же время предметы вооружения высшей феодальной знати отделывались золотом. Некоторые феодальные предводители царских войск в походах облачались в золоченое военное снаряжение. Так, автор всеобщей истории на узбекском языке Абдулла ибн Мухаммед Али Насруллах отмечает, что оружие, одежда и седло сефевидского военачальника Дона Мухаммеда «были из золота».

Высокого уровня относительно средневекового периода в XV в. достигла обработка металла. В этой области обозначилась довольно узкая специализация. Многочисленную группу металлистов составляли кузнецы (челонгарон, ахангарон), трудолюбивыми руками которых изготовлялись кетмени, лопаты, теша, цепочки и кольца для дверей, разнообразные орудия для ремесленников других профессий — инструменты для резьбы по камню (мрамору, нефриту), алебастру, дереву и другие изделия, удовлетворявшие потребности населения в

Медресе Улугбека.

домашней утвари и орудиях труда. Известно, что из чеканного железа, возможно чугуна, были сделаны ворота Аханин — одни из шести ворот самаркандского хисара XV в.

Существовали различные специалисты по выделке металлических изделий — гвоздари (михчегарон), ковали (на'лбандон), тянульщики проволоки (симкашон), ножовщики (кардагарон). Иногда ручки ножей богато отделывались. Среди утвари мавзолея Ишрат-хана упоминается нож с ручкой из кости и ножнами из кимхоба.

Важной отраслью в металлообрабатывающей промышленности была обработка цветных металлов. Значительное мес-

то здесь занимала обработка меди, из которой вырабатывали предметы домашнего обихода и другие изделия.

Появление простой медной посуды свидетельствует о ее проникновении в быт широких слоев городского населения. В результате археологических работ последних лет к востоку от медресе Шир-Дор была обнаружена небольшая металлургическая печь конца XIV—XV в. На печи находилась группа бронзовых художественных изделий.

О разнообразии ассортимента изделий металлистов можно судить по вакуфному документу самаркандского мавзолея Ишрат-хана 1464 г., составленному от имени Хабибы Султан, дочери эмира Сухраба. В описи имущества, передаваемого в пользу мавзолея, называются разного рода котлы, кувшины (медный лянгард, бронзовый хуланча, афтоба золоченая, машраба с серебряным горлом), бронзовые золоченые чаши, а также различные фонари, подсвечники и светильники — железные, бронзовые, чеканенные серебром, медные с серебряной насечкой, медный кандиль, обработанный золотом.

Среди предметов домашнего обихода, жертвуемых в пользу медресе Ишратхана, упоминается медный мангал с железными ножками, видимо, использовавшийся для раскаленных углей, на которых приготовлялась пища, а также для обогревания.

В составе коллекции памятников по истории культуры и искусства Государственного Эрмитажа имеются огромный бронзовый котел и светильник с именем Тимура. На основании светильника обозначено имя мастера: Иззаддин ибн Таджиддин Исфахани (1397 г.). Историк Ибн Арабшах упоминает золотые и серебряные люстры, установленные в гробнице Тимура.

Перечень разнообразных изделий металлистов, а также сохранившиеся в музеях образцы свидетельствуют о значительном развитии техники обработки железа, уровне ремесленного производства в области цветной металлургии и упорном труде народных мастеров, занимавшихся ковкой, литьем и чеканкой по металлу.

Среди самаркандских металлистов, и особенно ювелиров, были мастера художественной обработки металла и литья из золота, серебра и сплавов бронзы. Створчатые двери соборной мечети Биби-ханым, построенной при Тимуре, были сделаны из сплава семи металлов.

Обработка драгоценных металлов (золота и серебра) занимала в ремесленном производстве Самарканда значительное место. Развитие этой отрасли в основном стимулировалось тем, что в столице государства Тимура сосредоточивалась большая часть местной феодальной аристократии и богатых

приезжих купцов, среди которых дорогие изделия народных умельцев находили большой спрос.

Дорогая посуда, окаймленная золотом и серебром, инкрустированная эмалью, драгоценными камнями и жемчугом, которую некоторым историкам и послам довелось увидеть во дворцах Тимура и Тимуридов, подчас упоминается в сочинениях современников. Поверхность кувшинов, чаш и подносов покрывалась гравировкой и чеканкой с чрезвычайно тонким и богатым растительным орнаментом, каллиграфически выполненными надписями, инкрустировалась самоцветами. Такие художественно орнаментированные металлические изделия являлись предметами роскоши и были доступны лишь узкому кругу богатых слоев населения. Мастера, изготовлявшие подобные дорогие украшения, были особенно тесно связаны с обслуживанием феодальной знати.

Более широкий круг потребителей имели разнообразные украшения, изготовленные из меди и бронзы, и недорогие изделия из серебра, производством которых также занимались мастера высокой квалификации. Выполненные ими браслеты, серьги и кольца дополняли скромный праздничный наряд женщин среднего сословия.

Искусство художественной чеканки требовало специализации мастеров, имевших особую подготовку и обученных грамоте. Грамотными должны были быть и специалисты по изготовлению печатей. Среди самаркандских мастеров XVI в. упоминаются специалисты, изготовлявшие печати,— мухрконы. В Государственном Эрмитаже хранятся печати из нефрита, хризолита, сердолика и агата с именами отдельных Тимуридов и других официальных лиц.

В XV в. в Самарканде располагался монетный двор, где работали специалисты-монетчики.

Жестокие завоевательные войны, развернувшиеся при Тимуре и продолжавшиеся при некоторых его преемниках, способствовали значительному развитию оружейного дела. Самарканд, как столица государства, становится центром производства оружия. В специальных мастерских эмира Тимура изготовлялось разного рода вооружение: наступательное и оборонительное — шлемы (некоторые из них имели подвешенные стальные сетки), латы, луки и стрелы (основным наступательным оружием воинов продолжали оставаться меч и лук со стрелами). Предметы военного снаряжения, предназначенные для феодальных правителей и знати, богато украшались драгоценными камнями и художественной чеканкой.

После захоронения Тимура в ханака (медресе) Мухаммеда Султана (позже его останки были перенесены в Гур-Эмир) по стенам гробницы, как об этом сообщает историк Ибн Араб-

шах, были развешаны предметы его одежды, вооружения и утвари, украшенные драгоценными камнями и позолотой. Как дорого обходилась эта изысканная роскошь податному населению страны, видно из данных того же историка: стоимость самого незначительного из этих предметов равнялась подати целого округа.

Оружейники, как и ремесленники некоторых других специальностей, возможно, проживали в отдельных кварталах. Например, известно, что существовал квартал кольчужников.

Одной из развитых и важных отраслей ремесленного производства было гончарное дело. Изделия гончаров (в Институте истории и археологии АН УзССР имеются фрагментированные блюда XV в., расписанные черной и зеленой красками), особенно дешевая керамическая посуда, глиняные светильники и игрушки, имели большой спрос среди широких слоев населения всей страны, что постоянно стимулировало дальнейшее развитие гончарного дела. Керамические блюда первой половины XV в., как и вся самаркандская керамика XV—XVI вв., отличались, по мнению Г. А. Пугаченковой, гладким белым фоном — активным элементом орнаментальной композиции «роскошной керамики тимуридского Самарканда».

Кроме разнообразного ассортимента сосудов, гончары изготовляли строительные материалы, облицовочные плитки, изразцы, черепицу для мощения полов, водопроводные трубы и кувшины для водоподъемных горшков, а также тандыры (последние упоминаются в одном из вакуфных документов) и другие бытовые предметы.

Производство керамических строительных и отделочных материалов в рассматриваемый период приобрело большое значение в связи со строительством многочисленных, в основном каменных, монументальных зданий — тимов, дворцов, медресе, мечетей, караван-сараев, мостов и водохранилищ, возведенных отчасти на средства, полученные путем грабежа покоренных народов.

В этот период были заново построены стены укрепленной части Самарканда, протяженностью до 7 *км*, местами облицованные жженым кирпичом, а в период царствования Улугбека выстроена обсерватория, где также применялся разнообразный керамический материал. Большое строительство, развернувшееся в Самарканде в этот период, должно было привести к повышению роли строителей, среди которых были зодчие, расчетчики (меъморон, мухандисон), каменщики, штукатуры, резчики по алебастру, знавшие не только искусство резьбы, но и художественный орнамент, каменотесы (сангтарошон), токари и столяры (харротон, наджорон).

Мастера-строители отмечаются профессиональными званиями «банна» и «устод».

Совершенства достигает художественная обработка камня. Сохранившиеся до нашего времени надгробные камни усыпальниц тимуридского времени, как и облицованное нефритом надгробие самого Тимура, постамент для трона — Кукташ, из дворца Кук-Сарай, каменная подставка для Корана в соборной мечети Биби-Ханым, резной камень, изображающий портал здания Самарканда XV в. с эпитафией на смерть узбекского хана Мухаммеда Шейбани, вырезанной в XVI в., и многие другие памятники являются образцами высокохудожественных изделий народных творцов, где труд каменотеса, нередко сочетался с изощренным мастерством каллиграфа.

Самаркандские резчики по камню выполняли работу по заказу правителей и других среднеазиатских городов. По Васифи, удельный ташкентский правитель Султан-Мухаммед передал самаркандским каменщикам эпитафию с тарихом для могильного камня Сиюндж-хана.

Некоторые улицы и кварталы Самарканда носили названия по тому виду ремесла, которым занималась часть жителей данного квартала. В XV—XVI вв. в городе существовала улица мечетей Каменотесов — Сангтарашон.

В письменных источниках XV—XVI вв. упоминаются стеклянные сосуды разных форм: кувшинчики, рюмки, сосуды для лекарств, принадлежности туалета и другие бытовые изделия. В строительстве монументальных построек и домов богатых горожан использовалось цветное оконное стекло. Для остекления оконных решеток мавзолея Ишрат-хана были использованы фиолетовые, синие, желтые, зеленые и красные стекла. Археологическими работами М. Е. Массона установлено, что в мавзолее Гур-Эмир и загородном дворце Улугбека также применены специально изготовленные цветные стекла. (В Институте этнографии АН СССР (Москва) имеется среднеазиатское оконное стекло второй половины XIV—XV вв.).

Перечисляя многочисленных просвещенных людей Самарканда, Васифи называет мавлоно Мухаммеда Стекольщика, который собирался преподнести несколько штук «шише» Шейбаниду Фулат-Султану. На территории Самарканда упоминается квартал Стеклодувов.

Деревообделочники изготовляли разнообразные деревянные изделия — ткацкие станки, седла, двухколесные арбы, сундуки (поверхность некоторых из них обтягивалась кожей или обивалась железом), клетки для птиц, гребешки, посохи. Среди вещей, переданных в пользу мавзолея Ишрат-хана, назван деревянный посох, орнаментированный золотом.

Лучшие мастера занимались резьбой по дереву, изготовляли художественно орнаментированные двери, решетки, колонны, капители. Замечательные резные двери с инкрустацией из Гур-Эмира (в настоящее время инкрустация не сохранилась) — один из лучших образцов художественной обработки дерева искусными руками народных мастеров.

Резным деревом украшались внутренние стены зданий. По словам Захириддина Бабура, стены и потолки мечети Масджиди Мукаттаъ, расположенной на базарной площади Самарканда (позже известной под названием Регистан), были украшены узорами из отдельных обтесанных кусочков дерева.

Особое место в ремесленной продукции Самарканда занимало производство бумаги. В окрестностях Самарканда располагались бумажные толчеи и мастерские для выделки бумаги, в основном сконцентрированные в одном месте— на берегу Сиаба. На специальном станке, данные о котором сохранились в одном из вакуфных документов, выданном представительницей дома Шейбанидов — Михр Султан-ханум, производилось лощение бумаги. Самаркандская бумага находила спрос и применение не только в самом Самарканде, но и в других культурных центрах.

На мелкие отрасли подразделялось ремесло по выделке и обработке кож. Среди самаркандских кожевников XV—XVI вв. были мастера, шившие мягкие сапоги-ичиги (махсидузон) и обувь вроде калош (кафшдузон), сапожники (музадузон), седельщики (сарроджон), а среди них — специалисты, изготовлявшие уздечки (ладжомдузон). Были, возможно, мастера, шившие кожаные куртки. По описанию одного из современников, в кожаные куртки без рукавов были одеты борцы, показавшие свое искусство на пиру, устроенном в пригородном саду около Самарканда внуком Тимура Пир Мухаммедом. В условиях постоянных феодальных войн большим спросом пользовались кожаные колчаны для стрел и мешки для луков. Самостоятельную группу среди сапожников составляли мастера, чинившие старую обувь. Богачи причисляли их к обладателям «низшим» ремеслом.

Для одной из групп трудового населения Самарканда источником существования было плетение циновок. Тростниковые циновки широко применялись в быту народа и были необходимы в строительном деле.

Высокое искусство мастеров циновок отмечается историками XV в. На торжествах, устроенных по поводу возвращения Тимура из индийского похода, самаркандские умельцы показали свое мастерство в плетении «удивительных циновок». По сообщению Ибн Арабшаха, искусные мастера сделали из камыша всадника, вооруженного луком и мечом.

Из прутьев плели разнообразные корзины, использовавшиеся, судя по миниатюрам, для переноски строительных материалов, а также для складывания винограда (о размерах корзин можно судить по данным Васифи, согласно которым в одной из них под виноградом спрятался человек), хлебных лепешек и т. д. В Самарканде существовал базар плетельщиков корзин.

Небольшой круг людей занимался переплетом книг (мукавасаз). В XV—XVI вв. появляется большое число исторических и литературных произведений, рассчитанных не только на аристократические слои общества, но и на богатую торговую и ремесленную часть населения. В связи с этим дальнейшее развитие в этот период получило художественное оформление списков литературных произведений, в частности, переплетное искусство.

Часть книг имела кожаные (из сафьяна) переплеты. Обложки книг делались также из картона, лицевая сторона которых имела гладкую поверхность. На обложки тиснением наносились медальоны с позолотой или в красках. Особо ценные книги помещались в футляры из кожи и дорогой ткани. Так, среди вещей, переданных в пользу мавзолея Ишратхана, назван Коран в сафьяновой обложке, с сафьяновым футляром и бархатной оберткой. Васифи в мемуарах упоминает «папку» для бумаг из тисненой кожи.

Мастерские переплетчиков находились на базарах. Например, на базаре Аттарон в Самарканде был расположен дукан Мулло-зада Переплетчика. Специальные переплетчики работали в ханских и эмирских библиотеках.

Продолжали развиваться промыслы по производству верхней одежды: халатов, головных уборов, тулупов. Изготовлялись тулупы пустиндузами, в основном для продажи в степные районы, хотя в холодное время года местные жители отдельных, особенно горных, районов также любили одевать тулупы. Захириддин Бабур описывает случай, когда из-за больших холодов для него вынуждены были найти старый меховой тулуп, а Зайниддин Васифи говорит о меховых тулупах, которые он, будучи в Самарканде, подарил бедным студентам в чрезвычайно холодную снежную зиму.

В начале XV в. в Самарканде был построен Тим Тильпак — фурушон (пассаж продавцов головных уборов), где сосредоточились мастерские и торговые лавки мастеров, выделывающих головные уборы (позже, в том же столетии, он был снесен и вновь построен на другом месте).

Золотошвеи шили золотом дорогие одежды и отдельные детали к ним. Подобные предметы предназначались для многочисленных султанов, их семей и феодальной знати. Клави-

хо, бывавший в аристократических кругах тимуридского двора, взором чужеземца заметил великолепную одежду тимуридских вельмож, шитую золотом, украшенную жемчугом, рубинами и другими драгоценными камнями, «очень красиво вставленными». Золотое шитье на платье вельмож запечатлено на многих миниатюрах этого периода. Автор сочинения «Музаккир ал-асхаб» Мухаммед Бадиъ Малехо (нач. XVII в.) сообщает, что в Самарканде существовал квартал золотошвеев.

Таким образом, дошедшие до нас сведения из области текстильной, шелкоткацкой, металлургической и других отраслей производства, говоря словами В. И. Ленина, уходят «своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс»[1].

В столице государства, куда часто приезжали купцы, а также крестьяне из соседних селений, привозившие сельскохозяйственные продукты и увозившие ремесленные изделия, где было много ремесленников, работавших в мастерских, расположенных преимущественно на территории базаров или рядом с ними, были значительно развиты пищевые промыслы.

В самаркандских документах упоминаются лавки по продаже жареного гороха, лавки-пекарни, пирожковые дуканы, специализированные лавки, где каллопазы варили и продавали бараньи головы. Мастера-хальвагары изготовляли халву и разные сладости, здесь же на базаре располагалась основная часть мясных лавок, а повара (ошпазы) готовили горячие блюда.

Клавихо отмечает, что в городских торжествах наряду с другими ремесленниками участвовали повара, мясники и пекари. По его словам, в городе было много площадей, где «продают мясо, вареное и приготовленное разным способом, и кур и птиц, очень чисто приготовленных, также хлеб и плоды, все в большой чистоте».

Согласно вакуфным документам, среди обслуживающего персонала медресе обычно были повара, нанимаемые управителями вакуфного хозяйства за определенное вознаграждение деньгами или зерном (или тем и другим в определенной пропорции).

При Тимуре и его преемниках в результате усиления экономических и культурных связей Самарканда с другими государствами значительно увеличился ввоз товаров и ремесленной продукции из других стран. Изысканные дорогостоящие изделия иноземных мастеров приобретались в основном

---

[1] В. И. Ленин о культуре и искусстве, М., 1956, стр. 520.

представителями эксплуататорского класса и составляли небольшую долю из общего количества товаров на самаркандских рынках. Однако часть импортных товаров и ремесленных изделий предназначалась для более широких кругов населения. Так, материалом для местных ремесленников служили некоторые привозные краски, сырые кожи, овчины, воск и др. В расчете на широкого потребителя в лице состоятельных горожан и средних слоев населения доставлялись в среднеазиатские города некоторые виды тканей и домашней утвари. Очевидно, удельный вес иноземных товаров по сравнению с общей продукцией местных ремесленников был невелик, но названия разнообразных импортных товаров отразились во многих исторических произведениях, составленных в те столетия.

В столицу тимуридской империи Самарканд, являвшийся международным торговым центром, привозили «шелковые ткани... особенно атласы, считавшиеся лучшими в мире». По словам историков того времени, в Самарканде ежегодно продавались различные товары, поставляемые туда из Индии, Руси, Татарии, Китая и других мест, а также из самого Самаркандского царства, которое было «очень богато». Историк XV в. Абдурразак Самарканди упоминает о франкских (европейских) тканях и импортной парче. Другие авторы пишут о сукне «сакарлат», алеппском стекле, китайском фарфоре, индийских пиках, черкесских ножах. Зайниддин Васифи вспоминает в своих мемуарах, как он разрезал железную решетку с помощью «франкского ножа».

Согласно Абдурразаку Самарканди, в период царствования Тимурида Абу-Саида были устроены торжественные гуляния, во время которых самаркандские ремесленники изготовили из китайской парчи и франкских тканей разнообразные диковинки.

Тонкие белые ткани, индиго, пряности и благовония доставлялись в Самарканд из Индии, полотняные материи и жемчуг — из Ирана, воск, дорогие меха и кожи — из Руси, Поволжья и Сибири. Среди движимого имущества, переданного в пользу мавзолея Ишрат-хана, названы надгробное покрывало из египетского катана, египетская чалма, китайское бархатное покрывало и товары из других стран.

Главную статью экспорта из Самарканда составляли текстильные изделия, в основном дешевые хлопчатобумажные материи. Вывозились также бархат, дорогие шелковые ткани, писчая бумага, фрукты, рис, хлопок-сырец.

Накопив огромные богатства, захваченные в грабительских военных походах, Тимур затратил большие средства на возвеличение и украшение своей столицы, строительство но-

вых торговых сооружений. Он считал, что мир «благоустроен благодаря купцам» и старался обеспечить свободу торговых отношений со многими странами мира, в том числе с Испанией, Францией, Англией.

По его воле были благоустроены дороги, в столице империи возведены купольные помещения, караван-сараи, склады для товаров. По словам посла кастильского короля Генриха III, в Самарканде «не было большого места, где можно было бы продавать все в порядке, (поэтому) царь приказал провести через город улицу, в которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продажи товаров. Эта улица должна была начинаться в одном конце города и, проходя через весь город, доходить до другого конца... Улицу провели широкую, и по обеим сторонам поставили палатки; перед каждой палаткой были высокие скамейки, покрытые белыми камнями. Все палатки были двойные, а сверху вся улица была покрыта сводом с окошками, в которые проходил свет».

Отраслевое ремесленное производство способствовало дальнейшему увеличению в Самарканде числа базаров, торговых и ремесленных рядов, специализированных по виду изделий. На каждом из базаров торговали в основном одним видом товаров, по наименованию которого обычно и назывался базар.

В городе было значительное число специализированных торговых зданий — тимов, лавок, производственных мастерских, где, судя по названиям, изготовлялся и продавался какой-то определенный вид ремесленной продукции.

В годы правления Амира Тимура ремесленное население Самарканда пополнялось за счет мастеров, вывезенных из других стран. При завоевании городов Тимур уводил с собой местных мастеров и расселял их в среднеазиатских городах и селах, главным образом в Самарканде. По Шарафуддину Али Йезди, Тимур приказал вывезти в Самарканд всех художников и ремесленников. «Особенно старался он собирать мастеров по разным ремеслам», — писал Клавихо. По сообщению А. Ю. Якубовского, «чтобы усилить производственную базу Самарканда, Тимур в принудительном порядке переселяет ремесленников из Золотой Орды, Хорасана, Азербайджана, Армении, Фарса, Кермана, Месопотамии и других областей». Специальные царские слуги следили за тем, чтобы никто из них не бежал к себе на родину. С правого берега Амударьи на левый могли переходить лишь лица, имевшие специальное разрешение.

Историки того времени отмечают пестрый национальный состав ремесленного населения Самарканда. Ибн Арабшах, описывая городские торжества 1396 г., сообщает, что ремес-

ленники всех стран мира в разнообразных одеждах, согласно обычаям своей страны, отдельно по цехам приготовили разные украшения в виде редких вещей, праздничных нарядов и тканей.

Самаркандские ремесленники играли значительную роль не только в экономике города, но активно участвовали и в культурной жизни, благоприятно влияя на ее дальнейшее развитие. В этом отношении характерны слова Ф. Энгельса, сказанные им относительно средневековой Европы: «. . .Городские бюргеры стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и торговых сношений, образования, социальных и политических учреждений»[1].

Ремесленники входили в круги, составлявшие культурную прослойку среднеазиатского города. Из среды ремесленников и мелких торговцев происходила часть поэтов, музыкантов, историков XV—XVI вв. Таковы самаркандские поэты Джавхари — старшина цеха мыловаров и Мавлоно Хавафи Портной, а также поэты Мавлоно Мир Аргун Хамадуз (Шьющий шатры), Мавлоно Кабули Газалфуруш (Торговец пряжей), Мавлоно Толиъ Камардуз (Шьющий кушаки) и Бисати Самарканди (мастер циновок).

Местность Кани-Гиль, расположенная к северо-востоку от Самарканда, недалеко от него, упоминается авторами XV в., как место, где правители не раз устраивали торжественные праздники. Вдоль дороги из Самарканда в Кани-Гиль, как и в самом Кани-Гиле, сооружались палатки, павильоны, шатры, навесы, в которых выставлялись разнообразные произведения ремесленников и товары купцов.

По сообщениям очевидцев, даже при проведении торжественных праздников, когда торговцы и ремесленники по воле правителей выезжали на место гуляния, «каждое ремесло (располагалось) в отдельной улице», т. е. даже при временном перемещении лавки и ремесленные мастерские размещались по производственному признаку.

Ремесленники каждой отрасли входили в цеховые корпорации, объединявшие мастеров одной профессии. Вероятно, цехи охватывали не всех специалистов и не все профессии, но, судя по данным историков XV в., характерно наличие объединений в отдельные цехи мастеров ведущих отраслей производства.

Хотя повседневным трудом ремесленников создавалось все необходимое в хозяйственной жизни города и села, а из рук народных мастеров выходили художественные изделия,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, ч. I, М., Госполитиздат, 1957, стр. 407.

являвшиеся подлинными произведениями искусства, отдельные экземпляры которых хранятся в настоящее время в отечественных и зарубежных музеях, сами мастеровые люди по законам, господствовавшим в период царствования Тимура, как об этом свидетельствует «Уложение», входили лишь в одиннадцатую группу населения страны, подразделенного на двенадцать сословных групп.

Сами ремесленники в этот период не представляли в социальном отношении единого целого, различаясь в имущественном и правовом отношениях.

Под руководством мастеров в некоторых отраслях производства работали подсобные рабочие. В таких мастерских, как бумагоделательные, где работа была тяжелой и на отдельных этапах грязной, необходимы были подсобные работники. В других отраслях мастер пользовался лишь трудом ученика. Описывая участие ремесленников в торжествах, проводимых недалеко от Самарканда, Клавихо отмечает наличие работников у торговцев и ремесленников. «Все торговцы, — пишет он, — вышли из города со своим товаром и с работниками и расположились в орде, каждое ремесло в отдельной улице». Для XVI в. наличие поденных рабочих-муздуров отмечено Захириддином Бабуром. В большинстве ремесленных мастерских подсобные рабочие, очевидно, привлекались на поденную работу лишь временно. Как отметил К. Маркс, рассматривая средневековый город, «нужда городов в поденной работе создала плебс». Это положение можно считать характерным и для средневекового Самарканда.

Были также ремесленники-рабы, которых не только приобретали на войне, но и покупали на рынке. Торговля рабами в XV—XVI вв. засвидетельствована документальными данными. Однако число рабов-ремесленников по сравнению с массой ремесленного населения было незначительно, и рабский труд в этот период не играл существенной роли в ремесленном производстве.

Сословие ремесленников пополнялось за счет учеников (в основном из числа детей и родственников ремесленника), прошедших обучение у мастера. Учеников не только обучали искусству ремесла, но и использовали как подсобную рабочую силу в производственной мастерской и домашнем хозяйстве. Поступить в ученики к квалифицированным специалистам мог не каждый. Лишь дети обеспеченных лиц могли быть учениками видных мастеров письма и художников того времени. Возможно, так же обстояло дело с наймом в ученики к квалифицированным ювелирам, резчикам по алебастру, камню и т. д.

Рост производственной специализации влиял на повышение производительности труда, приводил к дальнейшему расширению границ города, втягивая в городское ремесленное производство население пригородов Самарканда, тесно связанное в рассматриваемое время с жизнью города. Все это способствовало усилению строительства и увеличению числа торговых лавок, ремесленных мастерских, возникновению новых базаров, торговых рядов и караван-сараев, хотя сам процесс производственной специализации был следствием увеличения спроса потребителя на ремесленные изделия, результатом экономического подъема города. Однако процесс расширения и роста ремесленного производства не шел равномерно на протяжении всего XV столетия и не одинаково охватывал все отрасли ремесла, что объяснялось общеисторическими условиями.

4. САМАРКАНД — ЦЕНТР НАУЧНОЙ МЫСЛИ МАВЕРАННАХРА В XIV—XV вв.

В историческом развитии культура среднеазиатских народов прошла тернистый путь. Она развивалась в сложных условиях: частых опустошительных нашествий иноземных завоевателей, сопровождавшихся гибелью многих культурных ценностей, почти непрерывных междоусобных войн, в кровопролитной борьбе, которую вели трудящиеся против иноземных и местных эксплуататоров. Порой великие творения народа— ценности материальной культуры, созданные на протяжении веков, — превращались в груду развалин и пепелище, и лишь отдельные сохранившиеся семена вновь давали ростки культуры. Лучшие сыны народа любовно их выращивали, творили, продолжая прогрессивные традиции своих предшественников.

В нашу задачу не входит описание процесса образования государства Тимура. Заметим только, что успеху образования государства Тимура способствовали главным образом предшествовавший продолжительный период классовой борьбы, резкое ее обострение, а также феодальные смуты внутри господствующего класса, перерождающиеся порой в анархию.

Самарканд, один из древнейших городов мира, давно был известен как крупный торговый центр на Востоке. Торговые сношения с Индией, Китаем, Ираном и Восточной Европой играли немаловажную роль в экономической и культурной жизни Самарканда.

Придавая важное политическое значение своей столице, Тимур стремился сделать его красивым и величественным. Но

он учитывал огромную роль духовенства, что и определило главное направление строительства.

Период правления Тимуридов был периодом жесточайшего угнетения народных масс, влачивших жалкое существование.

Право на землю и воду принадлежало феодальной знати как титулованной, так и не титулованной. Поэтому материальной базой феодалов являлась крупная земельная собственность. Земля обычно выдавалась представителям феодальной власти в качестве «суюргаля» (вроде удела) в наследственное владение. Феодальные правители беспощадно эксплуатировали крестьянство посредством множества налогов и трудовых повинностей; в частности, трудовому крестьянству до 0,4 всего урожая приходилось отдавать в виде «хараджа» в казну.

Огромное феодальное государство Тимура держалось лишь благодаря жестоким мерам грозного правителя «Сахиб-Кирана» — «властелина времени». Внешняя красочность и пышность правления Тимура скрывала разъедавшие его устои глубокие классовые противоречия, ибо внутри кипела неизбежная борьба различных слоев общества.

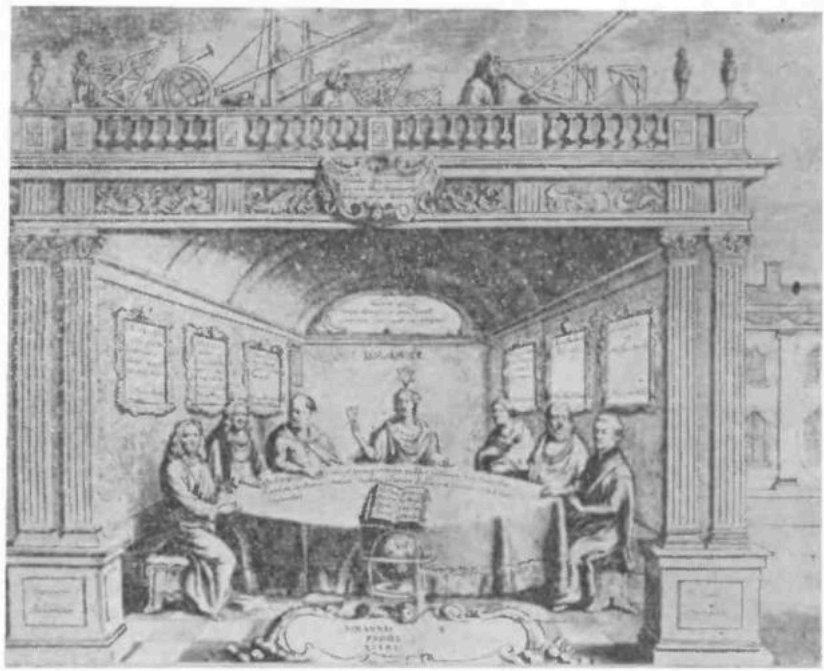
В феврале 1405 г. во время одного из походов Тимур заболел и умер в г. Отраре. Началась борьба за власть, продолжавшаяся четыре года. Победителем из нее вышел сын Тимура Шахрух, который создал два самостоятельных государства — Хорасанское, с центром в Герате во главе с самим Шахрухом, и Мавераннахрское, с центром в Самарканде во главе с сыном Шахруха Улугбеком.

Походы при Улугбеке были непродолжительными и носили совершенно иной характер, чем при Тимуре: за редким исключением, они предпринимались в случае крайней необходимости, когда надвигалась опасность со стороны воинствующих соседей.

Последний раз в 1427 г. ему пришлось выступить против царевича Бурака, который без основания претендовал на владение землей по Сырдарье. После этого в течение следующих двадцати лет он не предпринимал никаких походов даже тогда, когда со стороны Сырдарьи или Моголистана совершались набеги на границы его владений. Продолжительность тех немногих походов, которые совершались при Улугбеке, в совокупности составляет менее двух, максимум трех лет. Остальное время Улугбек не занимался военными делами, а отдавался науке.

Улугбек в отличие от подавляющего большинства правителей прославился не как государственный деятель, а как ис-

тинный ученый. Более того, увлечение Улугбека наукой в известной мере отрицательно отражалось на его государственной деятельности.

Улугбек среди астрономов мира (гравюра XVII в.).

Строительные работы при Улугбеке продолжают развиваться; с одной стороны, строятся новые, с другой — завершаются начатые до него постройки. Улугбек не успел еще окончательно усмирить своих врагов, как уже в 1417 г. по его распоряжению строятся медресе в Бухаре, Самарканде (1420 г.) и Гиждуване (1432—1433), благотворительные учреждения в Мерве (Абдурразак). Недалеко от медресе Улугбека им была выстроена просторная баня. В Самарканде строится знаменитая обсерватория, о которой подробнее скажем дальше. Заканчивается стройка мечети Биби-Ханым, мавзолея Гур-Эмир, завершается ансамбль Шахи-Зинда и т. д.

Улугбек и в личной жизни и в политической деятельности был диаметрально противоположен своему отцу Шахруху —

строгому блюстителю догм ислама. В то время как Шахрух в Герате окружил себя духовенством, регулярно по пятницам посещал мечеть, соблюдал пост, строго преследовал запрещенные развлечения, Улугбек в Самарканде, в кругу ученых и поэтов, поступал зачастую вразрез с предписаниями религии.

Таким образом, деятельность Улугбека во многом отличалась от деятельности его предшественников и, несомненно, играла в свое время прогрессивную роль, особенно в области науки.

Великий Навои говорил: «... все сородичи Улугбека ушли в небытие. Кто о них вспоминает в наше время? Но Улугбек протянул руку к наукам и добился многого». И действительно, кто вспоминает в наше время, например, его отца Шахруха? Скоро были преданы забвению имена даже тех правителей, которым посвящались труды ученых.

Только благодаря страстной любви к науке, исключительным способностям, трудолюбию Улугбек добился замечательных успехов как основатель и руководитель астрономической школы, которая во всем мире заслуженно пользуется общепризнанной славой.

Исключительные способности, превосходная память и постепенное накопление знаний привели к тому, что у Улугбека развивались вкус и стремление к науке. В результате дальнейших углубленных знаний и систематической упорной работы над собой Улугбек приобрел огромную эрудицию, опередив многих своих современников. Таким образом, основным источником знаний Улугбека было культурное наследие предков — древних народов Средней Азии.

Развитие точных наук в ту эпоху, наличие прекрасных сочинений в этой области и, наконец, общение с виднейшими астрономами и математиками определили направление научной деятельности Улугбека.

В эпоху Улугбека жили и творили такие представители науки, литературы и искусства, как историк Лутфулла Хафизи Абру (ум. в 1431 г.), автор замечательного произведения «Сливки летописей»; Али ибн Мухаммед Джурджани (ум. в 1413 г.), автор известного философско-суфийского трактата («Ат-тарифати Джурджани»); знаменитый медик мавлоно Нафис; лирические поэты Сираджиддин Бисати Самарканди (ум. в 1412 г.), Хэяли-йи Бухари (ум. в 1449 г.), Бадахши Дурбек — автор поэмы «Юсуф и Зулейха», написанной в 1409—1410 гг., Саккаки (ум. в 1465 или в 1468 г.) — основоположник жанра касиды и др. В Самарканде жили знаменитые каллиграфы Абдуррахман Хорезми и его сыновья Абдуррахим и Абдулкарим, которые создали замечательные

виды искусства каллиграфии и новые формы необычайно изящного почерка, и поныне украшающие всякого рода древние памятники (рукописи, резьба по дереву, мрамору, металлу и т. д.).

С другой стороны, деятели науки и культуры, преследуемые реакционным духовенством, боялись обнародовать свои прогрессивные идеи. Однако передовые представители узбекского народа, несмотря ни на что, боролись за истину, трудились и творили, внося свой вклад в сокровищницу мировой науки и культуры.

Посвятив себя научной деятельности и используя свои возможности, Улугбек строит вышеупомянутое медресе в Самарканде, которое благодаря его стараниям приобретает славу не только передового для своего времени высшего учебного заведения, но и научного учреждения.

Улугбека окружали представители литературы, поэзии, искусства и науки, среди которых астрономы занимали ведущее, почетное место. При активном участии и руководстве Улугбека научная работа успешно развивалась. Систематические занятия по астрономии неизбежно приводили к соответствующим наблюдениям и простейшим астрономическим измерениям, очевидно, при помощи таких инструментов, как астролябия, параллактические линейки, солнечные часы и т. д., что явилось необходимой предпосылкой для сооружения обсерватории.

Улугбек, основав медресе, сам подбирал ученых для преподавания, предварительно беседуя с ними и убедившись в достаточности их научной квалификации. Например, когда постройка медресе «приближалась к концу, присутствовавшие при сооружении здания спросили Улугбека, кто будет назначен мударрисом, Улугбек ответил, что им будет приискан человек, сведущий во всех науках. Слова Улугбека услышал мавлоно Мухаммед, сидевший тут же в грязной одежде среди кучи кирпича, и тотчас заявил о своем праве на эту должность. Улугбек стал его расспрашивать, убедился в его познаниях, велел отвести его в баню и надеть на него хорошую одежду. В день открытия медресе мавлоно Мухаммед прочитал лекцию в качестве мударриса; присутствовало 90 ученых, но никто из них не мог понять лекции, кроме самого Улугбека и Казы-заде Руми»[1].

Казы-заде Руми (Салахуддин Муса ибн Махмуд), о котором здесь идет речь, является знаменитым математиком и

[1] В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 126.

астрономом. Он был одним из первых преподавателей медресе Улугбека. За чрезвычайную ученость современники называли его «Афлотуни замон», т. е. «Платон своей эпохи». Он похоронен в Самарканде, где над его могилой по распоряжению Улугбека, высоко ценившего Қазы-заде, воздвигнут мавзолей, находящийся вблизи группы мавзолеев Шахи-Зинда.

Другим крупным математиком и астрономом, игравшим важную роль в истории школы Улугбека, был Гиясуддин Джемшид ибн Масъуд. Им еще в 1416 г. был написан трактат об астрономических инструментах, из которых, как увидим далее, многие оказались в обсерватории Улугбека. Он же является автором ряда математических и астрономических работ.

Видными астрономами школы Улугбека были Муиниддин, его сын Мансур-Қаши и ученик последнего — Али ибн Мухаммед Бирджанди, комментатор трудов Улугбека.

Следует упомянуть комментатора трудов Улугбека, талантливого ученика Қазы-заде и Улугбека, математика и астронома, самаркандца Алауддина Али ибн Мухаммед Қушчи, прозванного «Птоломеем своей эпохи». Он состоял в штате придворной охоты, почему и носил чин «кушчи» (сокольничий). Али Қушчи был одним из ближайших помощников Улугбека в его научной работе. Заслуживает внимания как представитель рассматриваемой школы комментатор трудов Улугбека внук Қазы-заде Мерием Челеби.

Наряду с другими преподавателями медресе и сам Улугбек читал лекции по астрономии.

Одним из замечательных и важнейших достижений Улугбека и его школы является определение синуса дуги одного градуса, приведшего к алгебраическому уравнению третьей степени.

Однако здесь важна принципиальная сторона вопроса. Дело в том, что прекрасный комментатор «Зидж Улугбека», т. е. астрономических таблиц Улугбека, иначе называемых «Зидж Гурагони», астроном Бирджанди свидетельствует о том, что один из способов решения рассматриваемой задачи (т. е. решение приведенного алгебраического уравнения третьей степени) принадлежит Джемшиду, а другой — султану-мученику Улугбеку.

Улугбеку не раз приходилось выступать на собраниях ученых, сотрудников обсерватории, отвечать на заданные ему вопросы. Например, Седийо приводит один из таких случаев, зафиксированный в рукописи, автором которой является представитель самаркандской школы астрономов комментатор «Зидж Гурагони» астроном М. Челеби. В этой рукописи го-

ворится: «Наш мулла Гиясуддин Джемшид спросил на собрании нескольких султанов, или чиновников принца, автора этих таблиц, почему в трактатах по астрономии сказано, что в апогее и перигее никакого уравнения нет, тогда как мы находим определение в его таблицах. Его величество (т. е. Улугбек) ответил: «В мои намерения не входит установить в моих таблицах уравнения для этих двух точек». «Ответ, данный Гиясуддину, — пишет М. Челеби, — очевидно, правилен, после того, что мы изложили в наших комментариях».

Таким образом, даже такой крупный математик и астроном, как Гиясуддин Джемшид, нуждался в консультациях Улугбека, обращался к нему с научными вопросами и получал исчерпывающие ответы».

Деятельность Улугбека развивалась в сложных условиях борьбы с фанатизмом реакционного духовенства. Дело в том, что господствовавшее мировоззрение средних веков было теологическим — все явления природы и отношения в обществе рассматривались как проявление божественной воли. «Догматы церкви, — пишет Ф. Энгельс, — стали одновременно и политическими аксиомами... Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве... общей санкции существующего феодального строя»[1]. Это положение полностью относится и к средневековой Средней Азии.

Официальная идеология основывалась на догмах ислама, согласно которым все в мире предопределено. Такое реакционное учение, распространяемое духовенством, служило почвой для процветания всякого рода суеверий. Страх перед адом, надежда на блаженство «в том мире» («бихиште») играли огромную роль в формировании мировоззрения трудящихся. Всякое учение, противоречащее исламу, считалось ересью и жестоко преследовалось. Вот почему ученые в творческой работе порой были вынуждены, хотя бы внешне, подчиняться догмам ислама и в своих произведениях прогрессивную мысль скрывали под религиозным покровом.

В основе астрономических работ школы Улугбека лежит геоцентрическая система мира, хотя имеются некоторые основания предполагать, что гелиоцентрический взгляд не был чужд представителям его школы.

Среди преподаваемых в медресе Улугбека дисциплин, как

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, т. 7, М., Госполитиздат, 1956, стр. 360—361.

мы уже говорили, одно из видных мест занимала астрономия. Успешная преподавательская и научная деятельность возглавляемой Улугбеком группы астрономов привела его к мысли создать образцовую обсерваторию, оборудованную более точными инструментами, чем существовавшие до этого времени. К осуществлению этой идеи он приступает через четыре года после основания вышеупомянутого медресе, о чем свидетельствуют исторические источники. «Через четыре года после основания медресе Мирза Улугбек, по совещании с Казы-заде Руми, мавлоно Гиясуддином Джемшидом и мавлоно Муинуддин Каши, воздвиг у подошвы Кухака, на берегу арыка Обирахмат здание обсерватории, вокруг которой построил высокие худжры, а у подошвы холма обсерватории разбил прекрасный сад, где и проводил большую часть своего времени». Примерно так же сказано и у Бабура; у подошвы Кухака Мирза Улугбек воздвиг трехэтажное здание обсерватории для составления астрономических таблиц. Заметим, что обсерватория, выстроенная в 1259 г. в Мераге Насириддином Туси, уже в первой половине XIV в. представляла собой развалины.

Однако, несмотря на подобные указания, долгое время точное местонахождение обсерватории Улугбека оставалось неизвестным. Лишь в 1908 г. самаркандскому археологу В. Л. Вяткину удалось обнаружить под развалинами ее остатки.

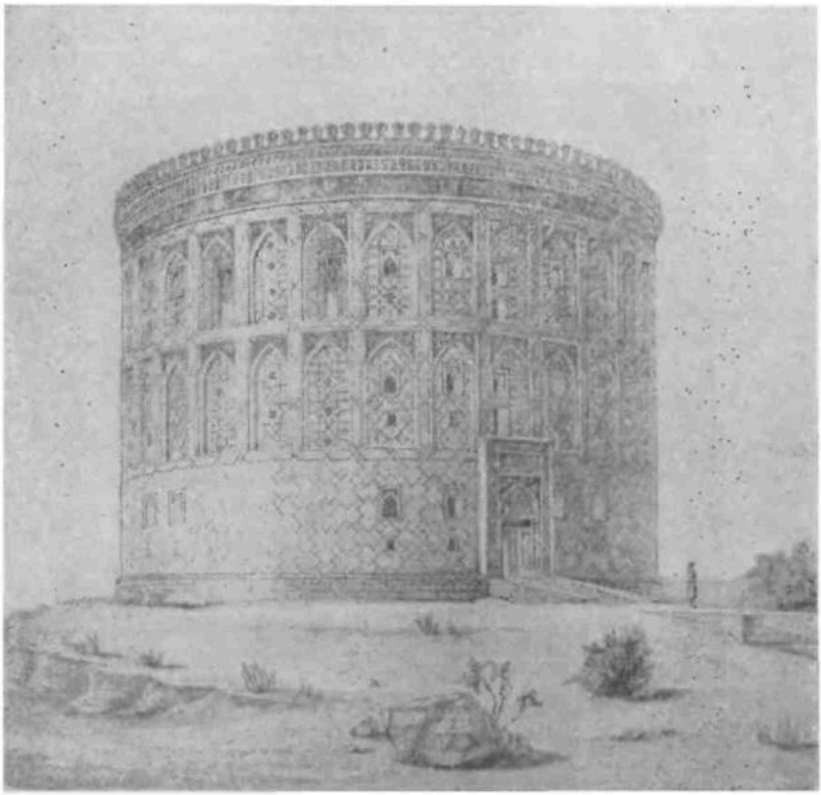
Холм, где найдены остатки обсерватории, представляет естественную каменистую возвышенность высотой примерно 21 *м*, шириной в основании с востока на запад около 85 *м*, длиной с юга на север 170 *м*. С вершины холма во все стороны открывается обширный и живописный горизонт.

Во время раскопок было найдено множество изразцовых кирпичиков различного цвета, а также куски изразцовой мозаики, какими, например, украшено медресе Улугбека в Самарканде. Очевидно, здание обсерватории было оформлено согласно господствующему архитектурному стилю той эпохи. Как утверждают исторические источники, стенная живопись изображала небесную сферу, небесные тела, их положения и взаимоотношения, орбиты планеты, неподвижные звезды, земной шар с морями, океанами, горами, делениями на климатические пояса и т. д.

Если при этом учесть огромную высоту трехэтажного здания обсерватории, стоявшей на высоком холме, то, надо полагать, она производила величественное впечатление.

О грандиозности обсерватории свидетельствовали, во-пер-

вых, огромная куча строительного мусора, и, во-вторых, гигантские размеры главного инструмента, часть которого обнаружена при раскопках. В мировой литературе XVII—XVIII вв..

Общий вид реконструкции обсерватории Улугбека.

где говорится об обсерватории Улугбека, указывается на ее величие и грандиозные размеры, в частности высота упомянутого инструмента приравнивается к высоте известного храма Ая-Софии в Стамбуле (т. е. примерно 50 *м*).

Удачно была решена задача установления подобного инструмента. В траншее шириной около 2 *м*, вырытой в холме в направлении меридиана, была помещена часть дуги инструмента. Сохранившаяся его часть, находящаяся в траншее,

состоит из двух параллельно идущих на расстоянии 51 *см* друг от друга барьеров. Она сложена из жженого кирпича, оштукатурена алебастром и облицована мрамором. На инструменте нанесены деления с интервалом 70,2 *см*, что соответствует делению через каждый градус. На мраморных плитах, несколько ближе к внутреннему краю, сделан желобок, предназначенный для установления и продвижения по нему соответствующего инструмента для наблюдений.

Важнейшим результатом научных работ Улугбека и его сотрудников являются астрономические таблицы, названные «Зидж Улугбека», или «Зидж Гурагони». Слово «Гурагон» означает титул (ханского) зятя, который носил Улугбек, подобно Тимуру.

Первоначально «Зидж Улугбека» был написан на таджикском языке. Дело в том, что в результате распада арабского халифата и образования самостоятельных государств на территории Средней Азии постепенно возрастала роль местных литературных языков, особенно узбекского и таджикского.

Правда, еще некоторые среднеазиатские ученые продолжали писать на арабском языке, но таких становилось все меньше. Аналогичное явление наблюдалось и на мусульманском Востоке, где все чаще и чаще стали пользоваться персидским языком, по существу сходным с литературным таджикским.

Поэтому вполне естественно и закономерно, что Улугбек решил написать свой «Зидж» на таджикском языке, распространенном в силу сложившихся исторических условий того времени почти на всем мусульманском Востоке.

И действительно, именно на таджикском языке «Зидж Улугбека» сохранился здесь, на родине Улугбека; на этом языке он распространен во всем мире, с этого языка в свое время, более ста лет назад, был сделан перевод на французский язык его «Введения». Наконец, «Зиджи» Насириддина Туси в Мераге, Савай-джай-Сингха и Абу-Мулла Фарида Дехлеви в Индии также написаны на таджикском языке.

Рассматриваемый «Зидж Улугбека» содержит «Введение» (теорию) и собственно таблицы, составленные по наблюдениям, произведенным в Самаркандской обсерватории. «Улугбек Мирза написал в этой обсерватории «Гурагоновы таблицы», которые теперь употребляют во всем мире».

Введение т. е. теоретическая часть «Зиджа Улугбека», была написана Улугбеком до накопления наблюдений, а затем переведена с таджикского на арабский язык Гиясуддином Джемшидом, что видно из рукописи «Зидж тариб Султана», относящейся к XVIII в. и хранящейся в Институте востоко-

ведения Академии наук Узбекистана (инв. № 2123); написана она на арабском языке. В конце этой рукописи сказано: «Закончил трактат мауляна ас-Султан ибн ас-Султан Улугбек ибн ас-Султан Шахрух ибн ас-Султан Тимур Гурагон, а он (Улугбек) тот, кто проводил наблюдения в Самарканде. И хорошо отредактировав, (выполнил) его арабский перевод, ас-сейид великий ученый Гиясуддин Джемшид». Арабский текст не идентичен таджикскому: в нем имеются, например, небольшие добавления по календарю. Однако в данном случае важна принципиальная сторона вопроса, а именно: первоначально, еще до накопления результатов наблюдений, теоретическая основа «Зиджа Улугбека» была написана на таджикском языке, а потом Джемшидом переведена на арабский.

К сожалению, многие труды представителей самаркандской школы астрономов до нас не дошли: одни из них утеряны, другие в свое время уничтожены реакционным духовенством. Лишь небольшая сохранившаяся часть рукописей является достоянием немногих крупнейших библиотек мира. Одному из виднейших сотрудников Улугбека Гиясуддин Джемшиду принадлежат работы: 1. «Усовершенствованные Ильханские таблицы Хакана». В основе этих астрономических таблиц лежат таблицы, составленные в Мерагской обсерватории под руководством Насириддина Туси. Эти таблицы Джемшидом подвергнуты тщательному критическому анализу, исправлены, а также значительно дополнены новыми данными. Работа написана на таджикском языке; экземпляр ее хранится в б. библиотеке Ая-Софии (№ 2692); работа, как видно из заглавия, посвящена хакану (т. е. султану). 2. «Услада прекрасных садов», где дано изложение изобретенного автором астрономического инструмента для решения некоторых практических вопросов астрономии, в частности для определения широты и долготы небесных светил. Экземпляр рукописи этого трактата имеется в библиотеке «India office» в Лондоне (Ms. 210). 3. «Лестница небес», на арабском языке. В работе рассматриваются вопросы, относящиеся к измерениям небесных тел. Отдельные экземпляры трактата имеются в некоторых библиотеках Европы, а частности в Лейденской (№1141) и Оксфордской (№ 1.881.4°). 4. «Трактат о хордах и синусах», посвящен методу вычисления синуса дуги одного градуса. 5. «Ключ к арифметике», где рассматриваются некоторые важнейшие вопросы арифметики и алгебры. 6. «Трактат об окружности», в котором дан метод определения приближенного значения отношения окружности к диаметру. В трактате «Ключ к арифметике» рассмотрены весьма важные вопросы, в частности такие, как десятичные дроби, открытые Джемши-

дом, общий прием извлечения корней по способу, носящему теперь имена Руфини — Горнера, а также применение формулы бинома Ньютона для любого натурального показателя.

Заслуживают внимания работы упомянутого выше астронома сотрудника обсерватории Улугбека Салахуддина Муса ибн Махмуд Казы-заде. Им написаны: 1. «Трактат по арифметике», на арабском языке. Само сочинение и комментарий к нему неизвестного автора были в библиотеке Али-паши (№ 1992) в Стамбуле. 2. Комментарии к «Сущности астрономии» Махмуда ибн Мухаммеда ибн Омара ал-Чагмини. Работа пользовалась большой популярностью среди изучающих астрономию, в частности являлась настольной книгой студентов-астрономов. Экземпляр сочинения (на арабском языке) имеется в Институте востоковедения АН УзССР (№ 2655). 3. «Комментарии к основам фигур» Шамсуддина Самарканди, где рассматриваются важные геометрические вопросы. 4. «Трактат о синусе», здесь дан новый упрощенный вариант определения синуса дуги одного градуса, основанный на методе, предложенном Гиясуддином Джемшидом.

Следующим талантливым представителем рассматриваемой школы является Али-Кушчи, ученик Улугбека. Ему приписываются работы: 1. «Трактат по арифметике», написанный на таджикском языке и состоящий из трех частей, посвященный индусской математике и некоторым вопросам астрономии. Экземпляры его хранятся в Лейденской библиотеке (№ 1050) и Институте востоковедения АН УзССР (№ 3356). 2. «Трактат по астрономии», древнейший экземпляр которого (№ 2639) был в б. библиотеке Ая-Софии, а также в Институте востоковедения АН УзССР в Ташкенте (№ 3356). 3. «Трактат о решении лунообразной фигуры». 4. «Трактат Мухаммедия», где рассматриваются вопросы арифметики и алгебры. После трагической смерти Улугбека Али-Кушчи переселился в Стамбул, где этот трактат им был переведен с таджикского на арабский язык и преподнесен султану Мухаммеду II, откуда и название «Мухаммедия». Экземпляр сочинения, собственноручно написанный автором на арабском языке, был в б. библиотеке Ая-Софии (№ 2733). 5. «Фатхия» — трактат по астрономии на арабском языке. Отдельные экземпляры сочинения были в Париже (№ 2504,4°) и Стамбуле (№ 1474/75). 6. «Комментарии к таблицам Улугбека», или «Комментарии к таблицам Гурагони». Этот труд, известный по литературным данным, по-видимому, не сохранился до наших дней. Али-Кушчи умер в 1474 г. в Стамбуле.

Замечательным представителем школы Улугбека был и внук Казы-заде Махмуд ибн Мухаммед, более известный под

именем Мерием Челеби. Перу этого ученого принадлежат: 1. «Комментарии к таблицам Улугбека» — обширный труд на таджикском языке, написанный по просьбе турецкого султана Баязеда II; хранится в некоторых библиотеках Евро-

Улугбек (с барельефа).

пы, в частности в Париже (№ 171) и Стамбуле (№ 2697). 2 Комментарии к астрономическому «Трактату Фатхия» Али Кушчи; имеются в Париже (№ 2504,5°). 3. Работы, посвященные вопросам азимута Киблы, в том числе довольно обстоятельный «Трактат по исследованию азимута Киблы», находящийся в Стамбуле (№ 2628). 4. «Полный трактат о синусе»,

или «Полное собрание о синусе». Работа посвящена анализу вопросов, касающихся синуса дуги. 5. «Трактат об альмукантарате» (точнее — о четверти альмукантарата).

Среди астрономов самаркандской школы необходимо отметить и упомянутого Мунниддина и его сына Мансура Каши. Но особого внимания заслуживает ученик Каши Абу-али ибн Мухаммед ибн Хусейн Бирджанди, которым написаны следующие работы:

1. Обстоятельные «Комментарии к Гурагонским таблицам», т. е. к таблицам Улугбека; эта работа в виде прекрасно сохранившейся рукописи на таджикском языке со множеством чертежей, датированных 929 г. хиджры (1522), хранится в Институте востоковедения АН УзССР (№ 704) и представлена автографом автора. 2. Толкование вышеупомянутых комментариев Казы-заде к «Астрономическому трактату Чигмини»; имеется в библиотеках Европы, в частности в Ленинграде (№ 126,2°). 3. Комментарии к «Альмагесту» — арабскому переводу Насириддина Туси; хранится в Институте востоковедения АН УзССР (№ 464). 4. Комментарии к трактату по астролябии Насириддина Туси — в Британском музее (№ 22752), в Стамбуле (№ 3646), Ленинграде (№ 315,2° и 317,2°) и Ташкенте — в Институте востоковедения АН УзССР (№ 1854). В этой работе, состоящей из двадцати глав, Бирджанди дает подробное описание, теоретическое обоснование и применение астролябии к различным вопросам астрономии. 5. Трактат по летосчислению на таджикском языке; хранится в Оксфорде (№ 73,12). 6. Трактат по астрономии на таджикском языке, единственный экземпляр которого имеется в Оксфорде (№ 73,10).

Каталог звезд Улугбека был напечатан в 1665 г. в Оксфорде, затем перепечатан G. Sharpe в 1767 г. и Baily в в 1843 г. в Лондоне, а обширное введение Улугбека к его астрономическим таблицам переведено и издано в Париже в 1853 г., исследования каталога звезд Улугбека изданы в 1917 г. в Америке. Далее, перу Улугбека принадлежат составленные им географические таблицы, которые вместе с географическими таблицами Насириддина были изданы I. Greaves в 1652 г. в Лондоне.

Изложенное является одним из ярких показателей популярности астрономической школы Улугбека.

Составление звездных каталогов требует огромного кропотливого труда. Они имеют большую научную ценность, ибо не только дают представление о распределении светил на небосводе в различные эпохи, но, самое главное, являются прекрасным материалом для изучения движения небесных тел.

Так, хотя в настоящее время есть основания предполагать, что явление прецессии было открыто еще вавилонскими астрономами, однако оно впервые было обстоятельно подтверждено благодаря именно каталогу Гиппарха. Составляя каталог, он сравнивал свои наблюдения с результатами, полученными Аристиллом и Тимохарисом за 150 лет до него. Оказалось, что все долготы звезд увеличились. а широты остались неизменными, точка же весеннего равноденствия в течение года перемещалась по эклиптике к западу на 36″.

После Гиппарха вторым астрономом, составившим фундаментальный каталог звезд, был Улугбек. Его каталог «имеет гораздо большую ценность, ибо он основан на положениях звезд, действительно определенных в Самаркандской обсерватории. Он представляет по существу второй серьезный каталог за 16 столетий. Только два астронома поняли до IV в. важность звездных каталогов — Гиппарх и Улугбек».

Каталог звезд Улугбека ценен тем, что он составлен в результате непосредственных наблюдений. «Эта работа была действительно оригинальной, между тем, все те, которые мы встречали до сих пор, были извлечены из Птоломея, по крайней мере в отношении координат».

Примерно в этом смысле высказывается и Лаплас, который называет Улугбека «величайшим наблюдателем». «Он составил сам в Самарканде, — говорит Лаплас, — столице своих владений, новый каталог звезд и астрономические таблицы, лучшие из тех, которые существовали до Тихо Браге».

В 1446 г. сын Байсункара Султан Мухаммед поднял восстание против своего деда Шахруха в Западной Персии. Для усмирения восстания Шахрух в том же году предпринял поход. Сын Улугбека Абдуллатиф и жена Шахруха Гаухар-Шад вместе с Шахрухом находились при войске, а другой сын Байсункара Алауддовла был в Герате. Шахруху без особого труда удалось ликвидировать восстание. Вскоре, 12 марта 1447 г., престарелый Шахрух, заболев во время пребывания в своей зимней ставке, умер. Вопрос о престолонаследии при нем еще не был решен.

Гаухар-Шад имела большое влияние на политические дела мужа и при Шахрухе действительно власть находилась в ее руках. Поэтому после смерти Шахруха она немедленно приступила к осуществлению ранее задуманного плана. Дело в том, что сын Байсункара Алауддовла считался любимцем царицы Гаухар-Шад. Она тайно ориентировалась на него как на престолонаследника еще при жизни Шахруха, который в свою очередь также тайно намеревался передать престол своему сыну Мухаммеду Джуки, правившему Балхом. Гау-

хар-Шад, умело скрывавшая свою неприязнь к Улугбеку, предложила его сыну Абдуллатифу принять начальство над войсками Шахруха, но в то же время тайно отправила гонца в Герат к Алауддовла. Абдуллатиф, приняв начальство над войсками, также со своей стороны послал гонца к Улугбеку. В это время через Амударью переправился сын Мухаммеда Джуки Мирза Абу-Бекр, который после смерти отца стал правителем части Балхской области. Тогда Улугбек, единственный оставшийся в живых сын Шахруха, занял Балх.

В то же время среди войск Абдуллатифа произошло смятение: Абулкасым Бабур, сын Байсункара, и Халиль-Султан, сын Мухаммеда Джахангира, бежали в Хорасан, причем Абулкасым Бабур занял Мазандеран, Алауддовла — Мехшед, Абдуллатиф, восстановив порядок в остальной части войск и взяв царицу Гаухар-Шад под стражу, направился с войском на восток и дошел до Нишапура, где в апреле этого же года войска Алауддовла внезапно напали на Абдуллатифа. Абдуллатиф подвергся заключению в крепости Ихтияруддин в Герате. Наконец, был заключен мирный договор, в силу которого пограничной местностью сделался бассейн Мургаба, а Абдуллатиф был отпущен к отцу и назначен правителем Балха.

Весной 1448 г. произошло большое сражение в Тарнабе между Алауддовла и Улугбеком, в котором на стороне Улугбека активно участвовал Абдуллатиф. Сражение кончилось победой Улугбека. Через некоторое время Улугбек, оставив в Герате Абдуллатифа, покинул Герат.

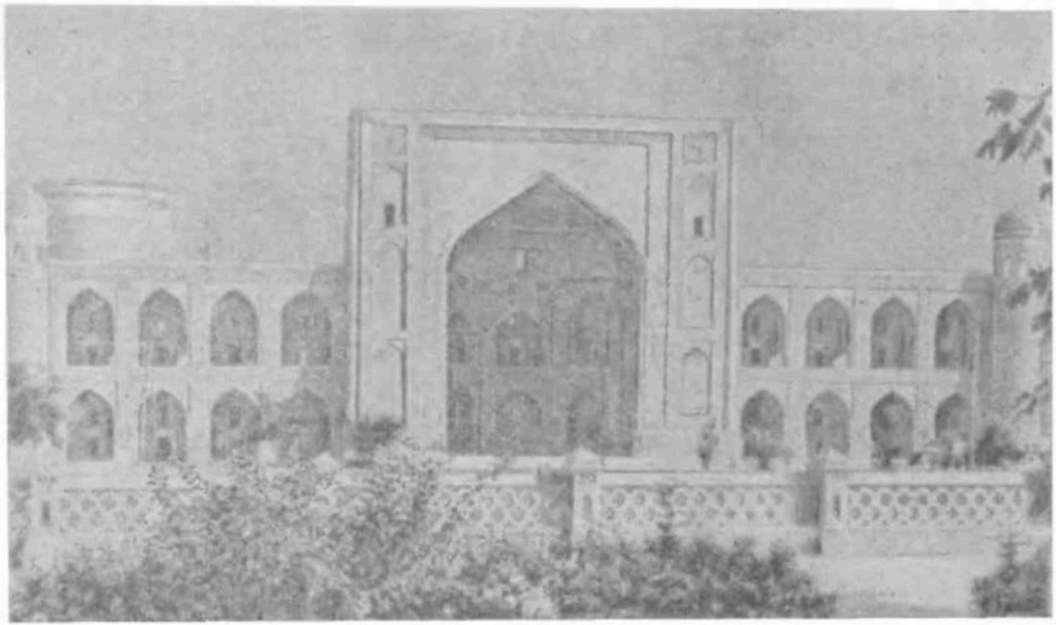
В сражении при Тарнабе левым крылом войск командовал Абдуллатиф, а правым — другой, младший сын Улугбека, Абдулазиз, но грамота о победе была обнародована от имени одного Абдулазиза. Это обстоятельство сильно затронуло самолюбие Абдуллатифа, что и было использовано врагами Улугбека, особенно ненавидевшим его реакционным духовенством, принимавшим все меры для обострения отношений между Абдуллатифом и Улугбеком. Когда же ценное имущество Абдуллатифа, хранившееся в Герате в крепости Ихтияруддин, Улугбек объявил собственностью государства, это еще более усилило вражду между сыном и отцом.

Абдуллатиф, поддерживаемый ярым врагом Улугбека — реакционным духовенством, готовился к решительным действиям. Осенью 1449 г. в окрестностях Самарканда войска Абдуллатифа напали на войска Улугбека и разбили их. Начальник Самарканда, настроенный против Улугбека, не замедлил воспользоваться случаем: он не пустил Улугбека с Абдулази-

зом в Самаркандскую цитадель, заперев перед ними ворота. Улугбек и Абдулазиз направились на север к крепости Шахрухии, но начальник крепости, осведомленный о поражении Улугбека, вместо того, чтобы дать им убежище, сделал попытку захватить их и выдать Абдуллатифу. Тогда Улугбек, по-видимому, с целью лично убедить сына в его заблуждении, возвратился в Самарканд для переговоров с ним. Но переговоры оказались безуспешными. Наоборот, Абдуллатиф, окруженный врагами Улугбека, становится на гнусный путь — он решает навсегда убрать Улугбека со своего пути. Разрабатывается предательский план убийства Улугбека. По совету духовенства, Улугбеку было предложено отправиться в Мекку «замаливать свои грехи». Неизвестно, каковы были истинные намерения и планы Улугбека, но он принял это предложение. Тем временем тайно от Улугбека над ним был инсценирован суд и составлена фетва, т. е. обоснование убийства по шариату, к которой приложили свои печати все представители духовенства, за исключением одного казия Шамсуддин Мухаммед Мискина, отказавшегося скрепить явно незаконный приговор. Все это делалось якобы без ведома Абдуллатифа.

Вечером с небольшим караваном Улугбек отправился в Мекку. Но вскоре он был остановлен специально посланным вдогонку джигитом, предложившим Улугбеку сделать остановку якобы для пополнения снаряжения каравана и создания более достойной для бывшего правителя обстановки путешествия. Улугбек сделал привал в одном из домов ближайшего населенного пункта, оказавшемся ловушкой для него. Через некоторое время там появился некий Аббас, отец которого якобы в свое время был убит по приказанию Улугбека. Увидя Аббаса, Улугбек сразу догадался о предательстве, но было уже поздно. Аббасу и его спутникам удалось связать застигнутого врасплох Улугбека. После этого, вытащив Улугбека во двор и усадив его на берегу речки около горевшего фонаря, Аббас одним ударом меча отсек ему голову. Так на 56-ом году жизни 27 октября 1449 г. предательски был убит ученый с мировым именем, знаменитый астроном и математик, основатель величайшей в те времена обсерватории и астрономической школы.

После убийства Улугбека феодальные смуты, междоусобные войны достигли наивысшей точки. В лице Абдуллатифа духовенство и феодальная аристократия нашли своего покровителя. Для народа наступили еще более тяжелые дни, ибо Абдуллатиф установил в стране деспотический режим, огнем и мечом подавляя своих противников. Между отдельными сословиями усилились противоречия. Обострилась классовая

Мавзолей Ишрат-хана (вторая половина XV в.).

борьба. 8 мая 1450 г. в результате военного заговора Абдуллатиф также был убит. Отрубленная голова его была выставлена на входной арке медресе Улугбека, на площади Регистан.

Царевич Мирза Абдулла, еще недавно арестованный Абдуллатифом, был освобожден из-под стражи и возведен на престол. Вскоре тимурид Абу-Саид, находившийся в Бухаре в заключении и освобожденный духовенством после смерти Абдуллатифа, в блоке с ханом Абдулхайром восстал против Абдуллы. В 1451 г. в битве на Булунгуре войска Абдуллы были разгромлены, а сам Абдулла убит. Победители вступили в Самарканд. Абдулхайр удалился в степи, оставив Самарканд Абу-Саиду, который занял престол.

Абу-Саид собрал вокруг себя самые реакционные элементы духовенства. Прежде всего им был вызван из Ташкента в Самарканд Ходжа-Ахрар, который стал идеологом и фактическим руководителем проводимой Абу-Саидом политики. Произошел резкий поворот в сторону реакции. Эта линия проводилась последовательно и со всей решительностью. Так, по предложению Абу-Саида в 1455 г. из Герата был возвращен в Самарканд шейх-ал-ислам Бурхануддин, который в свое время, получив извещение о смерти Абдуллы, покинул Самарканд.

В Хорасане вскоре после убийства Абдуллатифа власть была захвачена (1452 г.) племянником Улугбека Абул-Касым Бабуром. После смерти последнего (1457 г.) Абу-Саид сделался правителем всего Тимуридского государства.

В 1461 г. правитель Шахрухии Мухаммед Джуки поднял восстание против Абу-Саида, но после долгой осады города осенью 1463 г. был вынужден сдаться. Посаженный в тюрьму в цитадели Ихтияруддин в Герате, он в том же году умер.

В конце февраля 1468 г. Абу-Саид предпринял поход для завоевания Западного Ирана и в 1469 г. погиб в битве с туркменской династией Ак-Куюнлу. Престол в Герате перешел к Султан Хусейну, а в Самарканде — к сыну Абу-Саида Султан Ахмеду, который играл роль номинального правителя (1469—1494), ибо фактическая власть оставалась в руках шейха Ходжа-Ахрара.

Вскоре шейх-ал-ислам Бурхануддин покинул Самарканд и предался уединенной жизни в одном из медресе Герата, а Ходжа-Ахрар, почитаемый преемником Абу-Саида — его сыном мирзой Султан-Ахмедом, остался в Самарканде. Султан-Ахмед был весьма недалеким человеком и пьяницей, так что фактическим правителем в Самарканде по-прежнему был Ходжа-Ахрар. В результате расцвет культуры в Самарканде, наб-

людавшийся при Улугбеке, постепенно сменяется мракобесием исламской богословской мысли.

Роль культурного центра переходит к Герату, где широко развиваются литература и искусство (архитектура, музыка, каллиграфия, миниатюра). Жизнь и творческая деятельность таких знаменитых поэтов, как великий Навои и Джами, учившихся в Самарканде, Хатефи, Хеляли, Бенаи, замечательного художника Бехзада, получившего прозвище «Рафаэль Востока», протекала в гератскую эпоху.

5. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

При Тимуре и Тимуридах Самарканд стал центром литературной жизни. Это не случайно. Здесь и раньше создавались сочинения по теории литературы, например «Чахор макола» (Четыре беседы) Низами Арузи Самарканди (XII в.), вторая глава (беседа) которого посвящена важнейшим проблемам поэтики и др. Эта традиция была продолжена и в XIV—XV вв.

В Самарканде были широко известны произведения выдающихся филологов Средней Азии: «Мифтохул улум» (Ключи наук) Юсуфа Саккони Хорезми (XIII в.), «Мифтохул улум» и «Мухтасарул маони» (Сжатое содержание) Саъдиддина Тафтазони (XIV в.); трактаты по поэтике Саид Шарифа Джурджани (XIV в.) и многие другие. Это не могло не способствовать появлению в XV в. в Самарканде трудов по литературе и литературных произведений: сочинения выдающегося ученого Салахиддина Мусо-Қази-заде Руми (1360—1429) «Шахри нурра дар «Мифтохул улум» и «Тафтазони» (Полный комментарий книги «Мифтохул улум» Тафтазони) и талантливого ученика Улугбека Али-Кушчи Самарканди (1402—1474) «Шахри» «Мифтохул улуми» Тафтазони (Комментарий книги «Мифтохул улум» Тафтазони), а также «Рисола ал истиорот» (Трактат о метафоре), «Рисола ал истиорот ус-Самаркандта» (Самаркандский трактат о метафорах) Абдулкасыма Самарканди.

В этих трудах поддерживались и развивались мысли хорезмийского ученого Замахшари и Абдулкохира Джурджани о единстве формы и содержания художественного произведения, о красоте и изяществе стиля поэта, высказанные в сочинениях «Ал-мадхал» и «Асрорул балога».

Как Али-Кушчи, так и Абдулкасым Самарканди в своих произведениях освещали истинный смысл метафоры и ее разновидностей, а поэт Мавлано Юсуф Андижани написал трактат о таком литературном жанре, как шарада, который был высоко оценен Алишером Навои.

Поэты этого времени были хорошо подготовлены по различным теоретическим проблемам художественного творчества, что особенно явственно сказалось на творчестве таких классиков поэзии, как Абдурраҳман Джами и Алишер Навои.

Именно в Самарканде Алишер Навои начал с нарастающей ясностью и глубиной выражать свои литературоведческие воззрения и детально анализировать художественные произведения своих собратьев по поэзии.

Навои высоко ценил творчество величайших поэтов Востока Фирдоуси и Низами, их эпические произведения («Шахнаме» и «Хамса»). Мысли Алишера Навои об этих поэтах выражены в его «Хасби холе» (Автобиография), при чтении которой становится очевидным, что Навои, обучаясь у Фазлулла Абдуллайса (ученика Саид Шарифа Джурджани) — крупного знатока восточной поэтики и стилиста, убедился в широких возможностях эпической поэзии для творческого полета мысли, поэтического слова. Во время пребывания в Самарканде у Навои появляется замысел создания Пятерицы, осуществленный в 80-е годы в Герате.

В литературоведении этого периода не только разрабатывались важнейшие проблемы поэтики, но и изучалась история литературы. Самаркандец Давлатшах ибн Бахтишах (ум. 1494/95) составил «Тазкиратуш-шуаро» (Антология поэтов), содержащую сведения о 160 поэтах X—XV вв. «Тазкира» состоит из введения, семи основных глав и заключения. Во введении к антологии упоминаются знаменитые арабские поэты, а в семи главах приведены биографические сведения и образцы произведений поэтов, писавших на таджикско-персидском языке (Рудаки, Фирдоуси, Низами и др.). В заключении автор говорит о своих выдающихся современниках—Алишере Навои, Шейхим Сухайли и др. Антология пользовалась большой популярностью не только на Востоке, но и на Западе. Многие западные ориенталисты прошлого столетия при освещении истории литературы X—XV вв. останавливались на произведении Давлатшаха, изданном в 1901 г. в Лейдене.

При Тимуре и Тимуридах произведения создавались в основном на узбекском и таджикском языках. Представителями этой двуязычной литературы были Мавлано Саккаки, Бисоти Самарканди, Джавхари, Ходжа Согди Самарканди, Мирзабек, Вафои, Риёзи и другие, продолжавшие прогрессивные традиции литературы предыдущих столетий в создании высокохудожественных произведений.

Основными жанрами литературы были газели, рубаи (четверостишие), китъа (фрагмент), муаммо (шарада), маснави (эпические произведения), касида (ода) и т. д. Именно в ли-

Абдуррахман Джами.

тературной среде Самарканда появились образцы касид на узбекском языке, которые с большим мастерством создал Мавлано Саккаки. Год рождения и другие биографические сведения этого поэта пока неизвестны. Саккаки — его литературный псевдоним, свидетельствующий, что он был выходцем из среды ремесленников-ножевщиков.

Судя по Дивану (сборник стихов) Саккаки, дошедшему до нас в неполном варианте, поэт успешно писал лирические стихотворения (газели и касиды) на узбекском языке, воспевая искреннюю любовь и высокие моральные качества человека. Творения Саккаки отличаются простотой языка, изящностью стиля и глубиной содержания. Поэт создал несколько касид в честь Улугбека, в которых он восхвалял своего покровителя:

Султанов в мир пришло и ушло много, но такой,
как ты (Улугбек) —
Если есть у небосвода язык, то пусть скажет —
пришел ли когда-либо (в этот мир).

Здесь Саккаки был прав. Царствовали многие султаны, но никто из них не был, подобно Улугбеку, ученым с мировой славой. Поэт писал:

Взнуздав и усмирив своенравного коня судьбы
(небосвода),
Твое могущество поставило клеймо (в виде) месяца
на его круп.

Поэт конца XIV — начала XV в. Бисоти Самарканди (ум. 1412/13) писал в основном на таджикско-персидском языке лирические произведения, которые собраны в его Диване. В газелях и рубаи Бисоти Самарканди воспеты этические воззрения поэта. Лирика Бисоти широко известна, и авторы ряда восточных антологий многократно цитируют его газели и рубаи.

Биографические данные другого самаркандского поэта — Джавхари пока неизвестны. По сведениям «Маджолисун нафаис» Алишера Навои, он происходил из среды ремесленников-мыловаров и хорошо знал восточную поэтику, особенно теорию стихосложения — аруз. Наряду с лирическими произведениями Джавхари создал поэму «Сиярун наби» (Качества пророка), однако это произведение пока не найдено.

Талантливый молодой поэт Мирзабек пользовался большим авторитетом в литературном кругу своего времени. Он был самаркандцем, учился в медресе и стал автором замечательных лирических стихотворений. Однако из-за преждевременной смерти поэта его сочинения не были собраны в Диван.

Кончина Мирзабека сильно удручила его друга Алишера Навои, который в знак верности поэту продолжил один из его бейтов и создал замечательную газель на узбекском языке — литературный памятник молодому самаркандскому поэту.

Слава Самарканда как центра научной и литературной жизни была широко распространена на Востоке. В город приезжали не только виднейшие ученые, но и различные поэты: из Бадахшана (Мухаммед Бадахши), Карши (Мавлано Мир Карши), Андижана (Мавлано Юсуф Бадеи Андижони), Бухары (Хаёли, Исмати Бухари), Ташкента (Алои Шоши), Шираза (Сайид Кураза), Герата (Абдуррахман Джами, Шейхин Сухайли и Алишер Навои).

Выдающийся поэт Абдуррахман Джами (1414—1492) побывал в Самарканде три раза. Впервые он приехал в Самарканд в 20-е годы XV в. и обучался в медресе Улугбека, где с большим вниманием слушал лекции замечательных астрономов Кази-заде Руми, Алауддин Самарканди и самого Улугбека. Годы пребывания в Самарканде в качестве студента медресе Улугбека оставили глубокий след в формировании и развитии научного мировоззрения и литературного творчества Джами.

Второй раз Джами прибыл в Самарканд в 50-е годы по приглашению ученых в качестве мударриса (профессора) медресе Улугбека. Бывший студент этого медресе Джами с большим усердием преподавал основы наук своим слушателям. Он установил тесный контакт с самаркандскими поэтами и учеными (Ходжа Хисров, Алои Шоши, Фазлулла Абдуллайси, Риёзи Самарканди, Джавхари и др.).

Третий приезд Джами в Самарканд в 70-е годы был связан с приглашением Ходжа-Ахрара. На этот раз Джами не только жил в Самарканде, но совместно с Ходжа-Ахраром посетил Джизак, Хавас. Ташкент и другие города Мавераннахра.

Жизнь и творчество выдающегося узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои также тесно связаны с Самаркандом.

Алишер Навои находился в Самарканде и других городах Мавераннахра в 1465—1469 гг. В Самарканде Навои настойчиво расширял свои познания в области астрономии, географии, поэтики, истории, литературоведения. В этом отношении большую роль сыграла его двухгодичная учеба в медресе, где он слушал знаменитого ученого, знатока философии, логики, права, арабского языка, литературы и поэтики Ходжа Фазлулла Абдуллайси Самарканди, пользовавшегося большим авторитетом. Фазлулла занимался также поэтическим творчеством, писал газели и муаммо. Алишер Навои познакомился

Алишер Навои.

и с другими талантливыми представителями литературной жизни Самарканда (Ходжа Согди, Харими Қаландар, Риёзи, Саид Кутб, Мирзабек, Сафои, Нидои, Бадахши, Вафои и др.).

Литературные диспуты в кругу этих поэтов привели Навои к выводу, что основным зерном литературно-художественного творчества является содержание, почерпнутое из реальной жизни. Это нашло отражение в осуществленном Навои анализе стихотворений разных поэтов, в том числе самаркандца Мавлоно Риёзи.

В Самарканде Навои успешно продолжал писать лирические произведения — газели, шарады, а также оды и маснави, которые широко распространялись среди читателей. В этих произведениях воспевались подлинные человеческие чувства, идеи гуманизма, борьбы против несправедливости и насилия.

Таким образом, пребывание Алишера Навои в центре литературной жизни Мавераннахра того периода — Самарканде сыграло большую роль в возмужании и росте его художественного мастерства и литературно-критических взглядов.

В эпических и научно-критических произведениях Навои с большой любовью описывает Самарканд и его достопримечательности — обсерваторию Улугбека, возвышенность Кухак, реку Зарафшан и др.

Самарканд как центр литературной жизни при Тимуре и Тимуридах сыграл важную роль в развитии литературоведческой мысли и художественной литературы узбекского и других народов Средней Азии.

6. АРХИТЕКТУРА В КОНЦЕ XIV—XV в.

В первые годы правления и в начале победоносных походов Тимур колебался в выборе столицы своей разрастающейся державы. Какому из городов отдать предпочтение — Шахрисабзу ли, где протекало его детство и покоился прах предков, или Самарканду, где начиналась его политическая карьера? Трезвый расчет взял верх. Хотя Тимур никогда не терял привязанности к Шахрисабзу и не обделял его вниманием, стольным городом был избран Самарканд. С 70-х годов XIV столетия в Самарканде идет бурное, все нарастающее строительство, определившее на века его градостроительные черты и архитектурный облик.

Главными элементами городской планировки Самарканда были цитадель «Қала», укрепленная территория города — хисар, стены которого, по-видимому, в основном сооружались на валах городских стен домонгольского Самарканда, затем тянулись пригородные кварталы — махалля, а дальше — сельская округа — туманы. Возведение оборонительных стен было

предпринято Тимуром в 773 г. хиджры (1371/2 гг.). От них ничего не сохранилось, и лишь некоторое представление о их внешнем облике дают миниатюры XIV столетия. То были высокие, обведенные рвом, выстроенные из кирпича и пахсы стены, выразительность которых определялась самим архитектурным строем—ломаной линией зубцов, суровым ритмом башен и бойниц. Но особое внимание придавалось архитектуре городских ворот (по крайней мере главных). Их было шесть — Аханин и Шейх-заде в северной стене хисара, Чарсу — западной, Каризгах и Сузангаран — южной, Фируза — восточной. На миниатюре из уникального лицевого списка «Фатх-наме» начала XVI в. (Институт востоковедения АН УзССР) изображены ворота Аханин. Здесь представлен фланкированный башнями пештак с высокой стрельчатой аркой, зубчатым парапетом и бойницами, с надвратной постройкой для часовых и участников обороны; массивные, темные полотнища самих ворот, по-видимому, были выкованы из чугуна (Дарвазаи-Аханин — «Железные ворота»). Рама пештака, зубцы, тимпаны арки облицованы синими изразцами; в продолговатом панно над аркой начертано восклицание, славящее бога: «О, открывающий все врата!».

Крепость — кала, площадью до 34 *га*, возвышалась к западу от арыка Новадон, рассекавшего хисар и подававшего воду в ров, окружающий калу. В ней располагались правительственные учреждения, оружейные мастерские, монетный двор, тюрьма, два дворца — Кук-Сарай и Бустан-Сарай. Кук-Сарай был главным государственным дворцом Самарканда и стяжал себе недобрую славу как место тайных убийств, свершавшихся в борьбе за престол. Дворец был четырехэтажным, своим названием, он, видимо, обязан обилию синих изразцовых облицовок («кук» — синий). В нем располагался тронный камень— Кукташ, на который поднимали ханов на белой кошме во время венчания на царство. Из многих памятников, некогда заполнявших калу, сохранился один лишь этот Кукташ (ныне он стоит во дворе Гур-Эмира). Это крупный параллелепипед из серого мрамора, покрытый богатым резным орнаментом по бокам и фланкированный на углах узорными колонками.

В черте самаркандской калы в 1371/2 г. был возведен мавзолей почитавшегося тогда суфия Нуриддин-Басира, или Кутби Чахар-духум. Памятник этот также не дошел до наших дней, но рисунок художника В. А. Верещагина, старинный обмер и фотография дают о нем отчетливое представление. Здание имело кубовидный основной объем, переходный восьмерик, цилиндрический барабан и тяжеловесный стрельчатый купол. Декоративное оформление его было представлено гео-

метрическими и эпиграфическими выкладками из глазурованных кирпичей, мозаичной надписью во фризе и голубыми облицовками на купольной скуфье.

Планировочную схему хисара определяли шесть главных магистралей, следовавших с некоторыми изломами и поворотами от городских ворот и пучком сходившихся в центре города, примерно в районе Регистана. В 1404 г. по распоряжению Тимура были предприняты перестройка и спрямление одной из этих главных улиц, видимо той, которая тянулась от ворот Аханин. Клавихо, свидетель этих работ, рассказывает о лихорадочной спешке, с какой велось разрушение попавших на трассу строительства домов, возведение вдоль нее двухэтажных рыночных сооружений с белокаменными суфами перед лавками и сплошного сводчатого перекрытия над улицей, защищавшего от летнего зноя и зимних осадков.

Город международной торговли и высоко развитого ремесла, Самарканд изобиловал базарами, лавками, мастерскими, которые тянулись сплошной линией не только вдоль главных магистралей, но и второстепенных улочек. Здесь были сотни мелких лавчонок и десятки крупных торговых зданий типа пассажей — «тимов» и сводчато-купольных сооружений над перекрестком встречных улиц — «так'ов» и «чарсу»; большие и малые караван-сараи для прибывавших из дальних стран продавцов и привозимых ими товаров; многочисленные ошхоны и чайханы для пропитания многотысячной базарной толпы; небольшие гузарные мечети для отправления каждодневных намазов; в пределах самого квартала теснились жилые и подсобно-хозяйственные строения с небольшими внутренними двориками, хаузами-бассейнами, несколькими деревьями и виноградной лозой. Вне хисара зелень становилась гуще, в ней утопали дома. И над всем этим вздымались сверкающие изразцами монументальные архитектурные сооружения как символы славы «раю подобного Самарканда».

Лишь малая доля созданных при Тимуре сооружений сохранилась до наших дней, многие дошли лишь в руинах, но и в этих остатках запечатлено величие эпохи, ее замыслов и свершений.

Разрастается и заново переоформляется ансамбль Шахи-Зинда на южном склоне Афрасиаба. В верхнем участке коридора, протянувшегося на юг от мазара Кусама ибн Аббаса до гребня древней стены, последовательно возникает группа мавзолеев эмиров — сподвижников Тимура и цариц его гарема. Они примерно одинаковы по размерам и сооружаются с соблюдением красных линий сбегающей вниз главной дорожки и осевой связи порталов противолежащих усыпальниц.

Мавзолей Шади-Мульк-ака (ум. в 1372 г.), воздвигнутый сестрой Тимура Туркан-ака, мавзолей Эмир-Хусейна сына Туглу-Текина (1376 г.), мавзолей другой сестры Тимура Ширин-бека-ака (1385 г.) и Эмир-заде (1386 г.) образуют компактную группу из четырех усыпальниц, расположенных попарно, портал в портал.

Вдоль западной линии главной дорожки, тянущейся к замыкающей группе сооружения мазара Кусама ибн Аббаса, высятся два безымянных мавзолея (№ 1 и № 2) и мавзолей эмира Бурундука; раскопки недавних лет выявили еще несколько расположенных меж ними и напротив их усыпальниц. Вся эта группа датируется пределами последней четверти XIV в.

В 1404/5 г. завершается строительство северной группы Шахи-Зинды, связанное с деятельностью Туман-аки, любимой жены Тимура: возводятся мавзолей, поминальная мечеть и чартак, вход из которого вел к главной святыне ансамбля. К западу от мавзолея Туман-аки расположены еще чьи-то усыпальницы, от которых сохранились лишь облицованные глазурованными изразцами цокольные части.

Все эти мавзолеи развивают единую тему однокомнатных, портально-купольных, примерно одинаковых по размерам усыпальниц. И вместе с тем ни одна не повторяет другой, внося какие-то новые черты композиции, новые элементы декора. Варьируют порталы с П-образным обрамлением стрельчатого свода, нередко заполненного крупными сталактитами, варьируют купола — массивные или стройные, приподнятые на барабане или основанные прямо на восьмерике, гладкие или рубчатые, варьирует и декор, поражающий разнообразием приемов и неисчерпаемым богатством мотивов орнаментации.

Памятники Шахи-Зинды недаром считают творением не только мастеров архитектуры, но и мастеров гончарного искусства — их керамические облицовки не знают себе равных на всем мусульманском Востоке.

В декоре трех мавзолеев «Средней группы» — Шади-Мульк, Эмир-Хусейна и Эмир-заде — господствует резная поливная терракота глубокой и сочной резьбы; лишь кое-где вводятся майолики, однако и в них узоры еще сохраняют легкий рельеф. Эти облицовки нанесены на порталах, ими покрыты от пола до замков куполов полутемные интерьеры мавзолеев. Орнаментация либо воспроизводит на плитах мелкие фигурные наборы цветного штучного кирпича, либо передает разнообразие стилизованно-растительных мотивов, либо носит эпиграфический характер: надписи гибкого и замысловатого письма «дивани», реже геометрического «куфи» на фоне растительных сплетений. Все это остается в рамках среднеазиатской ху-

дожественной школы XIV в., продолжая традиции зиаратханы Кусама ибн Аббаса 1334 г., мавзолеев Ходжа-Ахмеда и Безымянного 1360/61 г. в верхней группе Шахи-Зинды, а точнее самаркандско-бухарской школы: не случайно в портале мавзолея Шади-Мульк сохранились имена мастеров Бареддина и Шамсуддина (без указания «нисбы», а значит — самаркандцев) и усто Зайниддина из Бухары.

Безымянные мавзолеи в промежутке между усыпальницами Шади-Мульк и Бурундука стилистически тяготеют к Кашкадарьинской школе, черты которой отчетливо обрисовываются благодаря исследованиям последних лет. Имя одного из мастеров Али Несефи (т. е. уроженца Карши) сохранилось в надписи на колонне одного из этих мавзолеев. Здесь явно преобладают многоцветные майолики, нередко с надглазурными плотными ангобными красками вторичного обжига, а иногда и росписью твореным золотом. Красочная палитра их очень широка, включая, помимо синего, голубого, белого цветов, также желтый, светло-зеленый, кирпично-красный и позолоту. Отличны от предыдущих по характеру и геометрическая, растительная и эпиграфическая орнаментации, хотя общий круг мотивов как будто бы и близок.

Третью группу составляют мавзолей Ширин-бека-ака и сооружения Туман-аки. В них явственны стилистические связи с иранской архитектурой, возможно и прямое участие иранских мастеров. Косвенным указанием на это служит имя резчика Юсуфа из Шираза, великолепная резная дверь которого навешена у входа из верхнего чартака в коридор, ведущий к мазару Шахи-Зинды. Сохранилось имя другого мастера, исполнившего каллиграфические надписи комплекса построек Туман-аки, — Шейх бини Мухаммед Ходжи Бендкари Тугразн, т. е. «тугрописец» — мастер изощренного письма печатей. Но более всего убеждает в иранских связях стиль изразцового декора, с преобладанием резных наборных мозаик, которые уже широко применялись в постройках Исфахана и Тебриза, предшествующих времени походов Тимура на Иран. Изготовление этих мозаик, где элементы узора выпиливались по отдельности, а затем монтировались, с точной подгонкой их друг к другу, — процесс чрезвычайно трудоемкий, требующий искусной руки и точного глаза, но результатом работы было великолепие качества облицовок, играющих яркими цветами и глубиной тонов.

Композиция мавзолеев Ширин-бека-ака и Туман-ака иллюстрирует эволюцию от тяжеловесных форм барабана и купола к стройным, меняющим общий силуэт постройки. Интерьеры этих памятников существенно отличны от предыдущих усыпальниц обилием света, льющегося через прорезанные в ба-

рабанах окна. В декоре преобладает светлый фон, лишь в основании проходит мозаичная панель (фигурные или простые шестигранные плитки с тончайшей надглазурной росписью твореным золотом), а выше стены сталактитовые паруса и чаша купола несут легкую роспись, выполненную по белому фону кобальтом и частично коричнево-красной глиной (кизилкесак). Росписи орнаментальные, но в настенных панно также и пейзажные: здесь видны разнообразные, словно чуть склоненные ветром деревья, травы, цветы; а в мавзолее Ширинбека-ака (где роспись едва сохранилась) были также изображены извивающийся ручей и сидящие на ветках птицы. В мечети Туман-ака, продолговатой в плане, с мозаичной панелью в голубую шашку, интересна система перекрытия, запечатлевшая новые искания в области сводчатых конструкций.

К концу правления Тимура средний отрезок Шахи-Зинды получает почти законченное ансамблевое решение.

Проблема городского ансамбля была одной из главнейших в архитектуре Самарканда XV в. Монументальные ансамбли определяли его основные композиционные узлы и как бы ставили высотные акценты в его силуэте.

Царицы, царевичи, эмиры, выставляя напоказ свое благочестие, соревнуются в возведении крупных культовых зданий — таковы ханака Туман-аки, медресе Сарай-Мульк-Ханым, эмиров Бурундука, Шах-Мелика, Фирузшаха, пожалованный в вакуф тим Туман-аки и многие другие. Но самые выдающиеся сооружения воздвигаются в эту пору по воле самого Тимура. Остатки двух грандиозных архитектурных ансамблей высятся в Самарканде и в наши дни.

Один из них связан с именем царевича Мухаммед-Султана (1374—1403), любимого внука Тимура, которому он прочил самаркандский престол, сына Джехангира и Суюн-Аги, ведшей свою генеалогию от Узбек-хана. Вначале это был комплекс двух зданий — медресе и ханаки, объединенных квадратным двориком с четырьмя айванами на осях и четырьмя стройными двухзвеньевыми минаретами на углах. Сооружение комплекса, вероятно, было осуществлено в 90-х годах XIV в. после взятия в 1387 г. Исфахана, ограбления его и жестокой бойни, учиненной Тимуром. Из этого города в Самарканд было направлено немало добычи и искусных мастеров. Имя строителя архитектурного комплекса медресе и ханаки — Мухаммеда ибн Махмуда Исфахани начертано в продолговатом картуше на входном портале. Минареты здесь поразительно напоминают минарет мечети Баба-Сухте в окрестностях Исфахана, а стиль мозаичных облицовок сходен с декором многих исфаханских памятников XIV столетия.

Медресе Мухаммед-Султана было предназначено для воспитания окружавших молодого царевича юношей из знатных семей, будущих его сподвижников в политике и военном деле. От медресе и ханаки сохранилась лишь часть фундаментов. Судя по остаткам, а также по описанию автора XVII в. Малехо Самарканди, медресе было двухэтажным, включало дворик, 29 худжр и две аудитории — дарсханы. Ханака, по-видимому, была квадратной, имела центральный крестообразный в плане зал и группы помещений в угловых четвертях. Входной портал, остатки южной стены двора и пара существовавших еще в прошлом столетии минаретов изящны по форме, покрыты изысканным полихромным декором, в котором преобладает густая синева мозаичных наборов с тонко разработанными гирихами, растительными узорами и стройными надписями почерка сульс.

В 1403 г. Мухаммед-Султан внезапно скончался в Малоазиатском походе. Тело царевича вначале поместили в Султании, у мазара пророка Хайдара, и лишь в 1404 г. доставили в Самарканд, предав временному погребению в его медресе. В том же 1404 г. у южного айвана двора, объединявшего медресе и ханаку Мухаммед-Султана, по распоряжению Тимура был возведен монументальный мавзолей, известный под наименованием Гур-Эмир (правильнее Гури-Мир, т. е. «гробница Мира», так как первым здесь похоронен был видный представитель мусульманского духовенства Мирсаид Береке). Впоследствии здание превратилось в фамильную усыпальницу Тимуридов; в ней нашел упокоение и сам Тимур, сюда перенесли прах его сыновей — Омар-шейха, Мираншаха, Шахруха, его внуков — Мухаммед-Султана и Улугбека и двух малолетних правнуков. Захоронения Тимуридов осуществлялись в XV в. и в смежном с Гур-Эмиром помещении, и в юго-западной дарсхане медресе.

Архитектура Гур-Эмира отличалась от первоначального комплекса медресе-ханаки своим общим образным строем. Там преобладали изящество пропорций и утонченность декора, в мавзолее же господствует простота сильных архитектурных форм, лаконизм орнаментальных мотивов. Восьмигранная призма основания с крупным диагонально развертывающимся геометрическим узором, цилиндрический барабан с огромными буквами коранической надписи, массивный рубчатый купол — такова композиция Гур-Эмира. С лаконизмом внешних архитектурных средств контрастирует расточительная роскошь архитектурного убранства в интерьере мавзолея: высокая ониксовая панель, некогда покрытая росписью золотом по ярко-синему фону; стены, словно затканные парчой златофонных узоров; паруса и чаша купола с небольшими рельефными кар-

тушами из папье-маше и тончайшими стилизованно-растительными орнаментами, в которых преобладают золотой, синий и голубой цвета. Уже после кончины Тимура, на мраморном полу, ниже надгробия Мирсаида Береке, появляются один за другим прекрасные резные каменные намогильники; они отмечают места захоронения Тимуридов, осуществленные в склепе, к которому ведет угловая лестница.

При Улугбеке площадка надгробий обносится мраморной резной оградой. В 1424 г. по его распоряжению с восточной стороны возводится четырехкупольная галерея с входом в мавзолей; в основании ее интерьера проходит мозаичная, в голубую шашку панель, а стены покрывают легкие узоры росписи, выполненной кобальтом по белому фону. Спорным остается вопрос о времени возведения группы кирпичных, лишенных декора помещений с южной стороны Гур-Эмира и массивного портального свода с западной — одни исследователи относят их к XVI—XVII вв., другие связывают с деятельностью Улугбека.

Комплекс медресе — ханаки Мухаммед-Султана и Гур-Эмира соединялся вымощенной дорожкой с расположенным к северу живописным ансамблем у мавзолея Рух-Абад, стоявшего в окружении толстых деревьев, хауза, летней мечети. Монументальное здание Рух-Абада было возведено в 80-х годах XIV в. над погребением шейха Бурхануддина Сагарджи, но в своих архитектурных формах следует архаизирующим традициям домонгольского строительства. Архитектурная композиция проста: куб — восьмерик — сфероконический купол; поверхности предстают в простой кирпичной кладке, декора почти нет, если не считать плиток поливной терракоты в облицовках прямоугольной рамы арочного входа. Вдали, почти на единой с ним оси, из-за стен Тимуровской цитадели вздымался купол уже упомянутого мавзолея Кутби Чахар-Духум. Эта архитектурная взаимосвязь как бы подчеркивала ту идейную связь, которая объединяла видного шейха Нуриддин-Басира, его последователя Бурхануддина Сагарджи, игравшего видную роль в духовной жизни Самарканда при Тимуре, и представителей династии Тимуридов.

Другой величественный архитектурный ансамбль был создан в начале XV в. в хисаре Самарканда, близ ворот Аханин. Потому ли, что старая, домонгольская соборная мечеть уже не вмещала в дни пятничных богослужений разросшегося населения Самарканда, или же Тимур, подумывая на склоне лет о спасении души, решил осуществить богоугодное деяние, но с 1399 г. им было предпринято строительство новой соборной мечети, завершенное лишь к 1404 г. На возведение ее пошла огромная военная добыча, захваченная в 1399 г. во время ин-

дийского похода. Здесь были собраны выдающиеся зодчие, мастера строительного дела и архитектурного декора. Мечеть известна ныне под именем легендарной юной жены Тимура Биби-Ханым, но искаженно сохраняет имя старшей жены его гарема — Сарай-Мульк-Ханым, которая в те же годы осуществляла сооружение напротив мечети крупного медресе.

Немногое сохранилось от этих двух грандиозных зданий, но и дошедшие руины поражают величием замысла и совершенством воплощения.

Соборная мечеть Тимура имела прямоугольный план, включала прямоугольный четырехайванный двор, парадный портальный вход и три купольных здания на осях, многокупольные галереи с 400 каменными колоннами. По углам вздымались четыре стройных минарета. Грандиозность здания (Тимур хотел, чтобы мечеть своими масштабами превзошла все знаменитые мечети мусульманского мира, в частности поразившую его мечеть в Дели) определила смелость инженерно-конструктивных решений, причем зодчие наспех многое изменяли в ходе строительства. Мощные четырехметровые фундаменты, кирпичные массивы в кладках устоев — все это призвано было погашать те деформации, которые могли возникнуть в результате просадок грунта или воздействия столь частых в Самарканде сейсмических толчков. И все же техническая задача была решена лишь частично: чрезмерная стройность главных зданий обусловила их сильное раскачивание при землетрясениях, система же арочно-купольных галерей на стройных мраморных колоннах в сейсмическом отношении вообще оказалась несостоятельной. Уже в первые годы постройки современниками засвидетельствовано разрушение перекрытий. Однако сохранившиеся руины и обнаруженные при раскопках остатки стен, колонн, декора позволяют судить о первоначальном облике соборной мечети тимуридского Самарканда.

Монументальный входной портал с просторной стрельчатой аркой, фланкированной на углах округлыми башнями, имеет в щипцовой стене облицованный серым мрамором арочный вход во двор. В основании портала — резная мраморная панель, на больших поверхностях развертывается крупноузорный, выложенный глазурованными кирпичами геометрический и эпиграфический орнамент, а в тимпанах арок, П-образных рамах и горизонтальных панно—изысканные мозаичные наборы стилизованно-растительных орнаментов и каллиграфических надписей почерком сульс. Те же приемы декора, но в иных вариантах наблюдаются в оформлении двух купольных зданий, лежавших на поперечной оси двора. Композицию их

образуют кубообразный объем, четверик со срезом углов, восьмигранник и цилиндрический барабан, поддерживавший скуфью возвышенного внешнего купола. Внутри на поверхности стен подпружных арок, угловых парусов, чаши внутреннего купола сохранились остатки богатой златофонной росписи.

Особое внимание было уделено строителями главному зданию мечети, замыкавшему продольную ось двора, с нишей михраба на щипцовой стене. Обращенный во двор портал представлял собой как бы грандиозный, отовсюду видимый михраб. Устои стройного портального свода фланкированы восьмигранными, сужающимися ввысь минаретами, и были, вероятно, увенчаны сталактитовой гульдастой, сквозным фонарем-ротондой и вторым звеном цилиндрической кладки. Портал открыт просторной аркой в квадратный, с нишами на осях интерьер; высоко над ним парил купол, а снаружи на цилиндрическом барабане был приподнят еще один, внешний купол (вершина его возвышалась до 40 *м* над уровнем двора). Об этом здании и мечети образно и витиевато писал когда-то Шарафуддин Али-Йезди: «Купол ее был бы единственным, если бы небо не было его повторением, единственной была бы арка, если бы Млечный путь не был ей парой». Декоративное оформление поражает неистощимым разнообразием орнаментации и самих приемов декора: резные мраморные плиты, узорные выкладки из глазурованных кирпичей, терракотовые, майоликовые и мозаичные вставки, залитые синевой майоликовых и мозаичных облицовок фризы, тимпаны, целые панно, орнаментальные настенные росписи, рельефные фигурные картуши из папье-маше предстают в гармоническом сочетании цветовых и узорных построений. Создатели мечети Биби-Ханым добились поставленной перед ними цели — она действительно не знала равных во всем мусульманском мире.

От медресе Сарай-Мульк-Ханым, воздвигнутого напротив мечети (очевидно, в приеме двух противостоящих зданий — «кош»), до производства раскопок трудно что-либо сказать. Известно лишь, что портал медресе был грандиозен и превосходил по высоте даже портальный вход мечети; это вызвало гнев Тимура, распорядившегося о перестройке портала. Ныне сохранился лишь так называемый мавзолей Биби-Ханым, да и тот наполовину утратил свой внешний купол. Мавзолей, воздвигнутый для матери Сарай-Мульк-Ханым, стал фамильной усыпальницей самой царицы и какой-то девушки из ее семьи (останки их обнаружены археологами в каменных саркофагах, стоявших в склепе). Он входил в состав медресе, видимо, занимая местоположение одной из дарсхана.

Мавзолей имеет стройные пропорции и изысканный декор в интерьере: в основании его проходит мозаичная панель, а стены, сталактитовые паруса и купол сохранили остатки тонких росписей по белому фону, среди которых особенно интересны пейзажные мотивы, сходные с живописью мавзолея Туман-ака и, вероятно, выполненные, если не одним художником, то мастерами одного художественного круга.

Величественные порталы, башни, купола, минареты соборной мечети Тимура, медресе Сарай-Мульк-Ханым, городских ворот Аханин, многокупольных пассажей торговой магистрали — все это вкупе формировало парадный архитектурный ансамбль мировой столицы, поражавший каждого прибывавшего в Самарканд.

За пределами крепостной стены хисара правитель и знать разбивали загородные парки и возводили дворцы. Особенно славились многочисленные сады-дворцы Тимура. Письменные источники донесли их названия, иногда и краткие описания.

У подножия Чупаната в 70-х годах XIV в. был разбит Баги-Накши-Джехан («Сад—узор мира»), далее располагался Баги-Баланд («Высокий сад»). К западу от них лежал Баги-Шамаль («Сад северного ветерка»), устроенный в 1397 г. для дочери Мираншаха, Баги-Бешихт («Райский сад»), созданный в 1378 г. для 12-летней Туман-аки, а близ крепостной стены в 1404 г. был разбит Баги-Нау («Новый сад»). К юго-западу располагался Баги-Чинар («Чинаровый сад»), к юго-востоку — Баги-Дилькуша («Сад, пленяющий сердца»), парк и дворец которого создавались в 1397—1399 гг., далее — Баги-Бульди («Сад довольства») и еще дальше Баги-Заган («Сад воронов»). Пока не определено местоположение Баги-Амирзаде Шахрух («Сад царевича Шахруха»), созданного в 1394 г. в ознаменование возвращения этого четвертого сына Тимура из закавказского похода. К югу от города располагался Бидана-Курук («Перепелиный заповедник»). За Даргомом находился сад с дворцом Давлет-Абад («Местопребывание власти»), созданный в 1399 г. ко дню возвращения Тимура из индийского похода. Еще южнее, у дороги, ведущей к Шахрисабзу, находился Баги-Джехан-нумо («Сад — карта мира»), по-видимому, представлявший собой несколько упорядоченный обширный естественный заповедник.

Сады создавались по плану, подчиненному геометрической разбивке — с центральной аллеей, нередко с членением на четыре отдела («чарбаг»), с упорядоченной системой посадок декоративных и плодовых деревьев, кустарников и цветов, с арычной сетью, хаузами-водоемами, иногда — фонтанами и каскадами. В них был запечатлен тысячелетний опыт среднеазиатской земледельческой культуры и особый эстетический

взгляд на сочетание зеленых насаждений, воды и архитектурной застройки.

К сожалению, время почти не донесло остатков дворцов и садов, когда-то опоясывавших Самарканд; на долю археологов, в лучшем случае, приходятся котлованы былых фундаментов и фрагменты великолепного архитектурного декора, упавшего при разборке стен ради кирпича. Составить приблизительное суждение об их облике позволяют лишь эти остатки, изображения на миниатюрах и случайные описания очевидцев. Предоставим слово некоторым из них. Вот что сообщает Шарафуддин Али-Йезди о парке Баги-Дилькуша:

«В начале осени 799 г. х. (1397 г.) Тимур повелел разбить на окраине прекрасной долины Кани-Гиля сад, красота которого превзошла бы все другие, ранее созданные в его империи. Астрологи предсказали счастливый час для его закладки, а зодчие начертили планы распределения аллей и лужаек. Каменщики заготовили свои инструменты, а художники приготовили эскизы тех шедевров, которые предстояло нанести в будущем дворце. Искуснейшие архитекторы всей Азии, проживавшие в Самарканде, заложили основание квадратного плана по полторы тысячи гязов в стороне, и посредине каждой из них устроили высокие входы. Сводчатые плафоны дворца украсили лепными и мозаичными украшениями, а ограждающие стены покрыли кашинными облицовками. В четырех углах сада возвели очень высокие павильоны, украшенные изразцами чудесных расцветок, распределенные с большим искусством и восхитительным мастерством. Сад был разбит аллеями с превосходной симметрией на квадратные партеры и небольшие садовые участки разных форм. Тимур пожелал, чтобы по обочине этих аллей насадили бы сикаморы и чтобы одни участки были засажены плодовыми деревьями, а другие только цветами. Когда сад стал соответствовать его желаниям, Тимур назвал его Баги-Дилькуша, т. е. «Сад, пленяющий сердца». Посреди основали трехэтажный дворец с высокими сводами и оформили всяческими украшениями, какие только могли чаровать человеческий взор, он был выстроен прочно, на долгие времена, покрыт разнообразным убранством и окружен мраморной колоннадой, придававшей ему царственное величие».

А вот как Клавихо описывает Давлет-Абад, от которого ныне сохранилась лишь платформа былого дворца:

«В воскресенье утром 31 августа месяца [1404 г.] посланников привезли в этот сад. Он был окружен глиняным валом ....В нем было много фруктовых деревьев разного рода, кроме лимонных и цитрусовых; было в нем шесть водоемов, посредине шел поток воды, проходивший по всему саду. От

этих водоемов от одного к другому шли точно дороги из высоких, больших и тенистых деревьев; посреди этих дорог поднимались точно ходы на возвышение, которые проходили по всему саду; от этих дорог шли другие вкось, так что по ним можно было ходить и осматривать весь сад, а от этих дорог шли еще другие. Был высокий земляной холм, насыпанный руками, ровный наверху, окруженный деревянными кольями. Посреди него стоял прекрасный дворец со множеством комнат, очень богато отделанных золотом и лазурью и полированными изразцами. Этот холм, на котором стоял дворец, был окружен глубоким рвом, полным водой, так как в него постоянно падает большой поток воды. Чтобы взойти на этот холм, где стоял этот дворец, было два моста, один с одной стороны, а другой с другой; по ту сторону мостов было две двери, а потом лестница, по которой поднимались наверх, так что этот холм был крепостью. В этом саду были олени, которых царь велел напустить туда, и много фазанов. Из сада был вход в большой виноградник, тоже окруженный глиняным валом, такой же большой, как и сад; около вала вокруг виноградника шел ряд высоких деревьев, которые казались очень красивы».

Хафизи-Абру писал, что Тимур, застав Самарканд глиняным, превратил его в город каменной (точнее — кирпичной) архитектуры. Самарканд, бесспорно, стал при нем одним из прекраснейших городов Среднего Востока. Его возводили сотни мастеров строительного дела и тысячи чернорабочих, насильственно согнанных со всех концов огромной державы.

Творческий гений большого коллектива искусных зодчих, каменщиков, специалистов декоративной отделки обогатил Самарканд множеством величественных, богато оформленных зданий. Достижения этой эпохи сказались в решении больших градостроительных задач, разработке сложных, комплексных зданий, движении конструктивно-технической мысли, вызванном масштабами самих строительных задач, развитии и совершенствовании приемов архитектурного декора, наконец, формировании нового архитектурного стиля, возникновение которого ощущали уже сами современники.

Тенденции этого стиля были продолжены в первой половине XV столетия, получив при Улугбеке свою классическую завершенность.

В правление Улугбека оформляется центр тимуридского Самарканда — площадь Регистан, лежащая у скрещения шести главных городских магистралей. До этого она была стиснута торгово-ремесленными кварталами и лишь круглый базарный пассаж — тим Туман-аки выделял этот ответственный

участок столичного города. На протяжении второго — четвертого десятилетий XV в. здесь осуществляется полная перепланировка. Тим разобрали и, поскольку он был пожалован строительницей в вакуф, его воздвигли заново в другом месте. Площади придали прямоугольный план. Первым зданием, воздвигнутым с ее западной стороны, было медресе Улугбека (1417—1420). Из всех построек, оформивших в XV в. Регистан, одно лишь это здание, причем со значительными утратами, дошло до наших дней.

Медресе Улугбека в архитектурном отношении — классический образец этого рода высших учебных заведений мусульманского Востока. Прямоугольный в плане, с замкнутым квадратным двориком, на осях которого лежат глубокие сводчатые айваны, служившие летними аудиториями, он был обведен двумя этажами келий-худжр, обращенных во двор сводчатыми лоджиями. В углах располагались крестообразные аудитории-дарсханы, а в западной части — продолговатая мечеть. Три входа — один на главной и два на поперечной оси — вели во двор. Углы фланкированы стройными минаретами — двухзвеньевыми, а возможно, как в современных им гератских постройках, и трехзвеньевыми. Главный, восточный фасад, обращенный на площадь, выделен стройным пештаком с глубокой сводчатой нишей; отрезки стен между ним и минаретами разработаны настенными двухъярусными арочками. Боковые фасады гладкие, несут крупный геометрический узор. Соотношения всех архитектурных форм в медресе Улугбека удивительно гармоничны, пропорции стройны, декор богат, разнообразен, но не пестр. Выкладки из цветных глазурованных кирпичей на фоне строительного кирпича, многоцветные майолики и мозаики, резной мрамор образуют единое художественное целое. В орнаментике преобладают звездчатые гирихи и надписи, быть может в этом нашли свое косвенное отражение просветительские тенденции Улугбека и его увлечение астрономией.

В 1424 г. напротив медресе в приеме «кош» возводится ханака Улугбека. Пролет ее был меньше, чем у главного фасада медресе, так как у юго-западного угла ханаки располагалась издавна почитаемая могила Имама-Джафара. Развернутому фасаду и стройным минаретам медресе противостоял компактный и сильный объем ханаки, выделенный входным порталом и увенчанный огромным куполом, который не склонный к увеличениям Бабур называет «самым большим в мире».

Северную сторону площади Регистан замкнул караван-сарай Мирзои, планировку которого в XVII в. во многом повторило медресе Тилля-Кари. Он включал просторный, обведенный навесами и худжрами двор и был, по-видимому, оформлен

по главному фасаду входным пештаком и угловыми башенками.

К югу от Регистана в 30-х годах видный вельможа Алике Кукельташ, воспитатель Шахруха, возвел, очевидно, на месте пришедшей в упадок домонгольской мечети новую джума-мечеть. Она имела прямоугольный план (около 90×60 *м*), включала вытянутый двор, обведенный галереями с 210 куполами, основанными на кирпичных устоях и каменных колоннах, фрагменты которых найдены в 1936 г. во время земляных работ при разбивке Регистанского сквера. Вблизи располагалась еще одна, небольшая по размерам, мечеть — Масджиди-Мукаттаъ («Резная»), обязанная своим названием изысканной декорировке резным деревом ее стен и потолков.

Сочетание разнообразных зданий (сюда включалось также водное зеркало хауза и, вероятно, зелень древесных насаждений), подчиненное определенной композиционной идее, формировало центральный архитектурный ансамбль тимуридского Самарканда, подобного которому не было на всем мусульманском Востоке.

Тенденция ансамблевого строительства отражается и в застройке Шахи-Зинды, которая получает при Улугбеке свое композиционное завершение.

В средней группе мавзолеев возводится оригинальный мавзолей в виде купольной восьмигранной ротонды со сквозными арками на каждой грани; когда-то ее венчал ныне не сохранившийся наружный купол, приподнятый на барабане. Декор сдержан, но изящен — кирпичные и резные наборные мозаики снаружи, тонкие цветочные росписи кобальтом по синему фону внутри мавзолея. Но основная застройка ведется к югу от среднего чартака. В 1434 г. от имени младшего сына Улугбека, Абдулазиза, сооружается входной портал с чартаком и примыкающей к нему небольшой поминальной мечетью, а через несколько лет на крутом склоне Афрасиаба, образовавшемся у оплыва древней городской стены, возводится мавзолей астронома Кази-заде Руми (ум. 1437 г.).

Нужна была определенная гражданская смелость, чтобы среди усыпальниц высшей самаркандской аристократии и членов царской фамилии воздвигнуть усыпальницу выдающегося, но незнатного по происхождению ученого. В архитектурном отношении это одно из самых интересных зданий Шахи-Зинды. Перед нами уже не одиночный портально-купольный объем, но более сложный композиционный тип усыпальницы, включающей портальный вход, высокую зиаратхану, увенчанную куполом на переходных восьмериках и цилиндрическом барабане, и небольшую гурхану с куполом на необычайно стройном барабане, внутри которой примечателен изящный сталакти-

товый плафон. Новое сооружение и крутая лестница, взбегающая от портала Абдулазиза к среднему чартаку, придали завершенность живописному ансамблю Шахи-Зинды в тех основных чертах, в каких он воспринимается в наши дни.

Живописность, по-видимому, составляла стилевую черту и других некрупных кладбищенских комплексов эпохи Улугбека. Таков мавзолей Ходжа Абду-Дарун на кладбище в Сузангаранской части Самарканда, с ханакой XV в., портал которой отражается в водах старинного хауза, обсаженного вековыми чинарами.

Среди построек гражданской архитектуры, созданных Улугбеком, упоминается роскошная «Баня Мирзы», полы которой были облицованы каменными мозаиками. В саду Баги-Майдан был воздвигнут дворец Чиль-Сутун — двухэтажный, с башенками на углах, обведенный айванами на каменных колоннах— жгутообразных, круглых, многогранных, покрытых орнаментальной резьбой. Фрагменты их найдены во время археологических работ 1941 г. Раскопки выявили также площадки садовых павильонов, обложенных мрамором; панель одного из павильонов была облицована плитками тончайшей резной терракоты. Близ Баги-Майдана Улугбек разбил особый «садик» — Багча, в котором стоял изящный «Фарфоровый павильон» — Чини-хана. Действительно, здесь найдены фрагменты облицовочных плиток прекрасного китайского фарфора типа «кобальт», привозившегося из императорских мастерских Джендеджена и баснословно дорогого в те времена, а также искусные местные имитации его, изготовлявшиеся самаркандскими мастерами на силикатном черепке — кашине и внешне почти не уступавшие подлинному фарфору, хотя и более хрупкие.

Едва ли не самой примечательной постройкой Улугбека была воздвигнутая им в 1428/9 гг. обсерватория. Архитектурные задачи здесь были целиком подчинены астрономическим целям: обсерватория — прежде всего громадный инструмент. Постройка была трехъярусной, имела круглый план (диаметром 48 *м*), рассеченный по меридиану огромным секстантом, а по широтной оси — громадной дугой солнечных часов; в образовавшихся меж ними четвертях располагались в первом ярусе группы подсобных помещений, а второй и третий представляли собой сквозные аркады, использовавшиеся для инструментального наблюдения светил. Внешние стены, арки и устои были облицованы изразцами, внутри имелись, по свидетельству Абдурразака Самарканди, «несравненные рисунки и изображения девяти небес, фигур кругов семи подвижных светил с градусами, минутами, секундами и десятыми доля-

ми секунды, неподвижных звезд, а также земного шара, с семью климатами, горами, морями, пустынями».

Со смертью Улугбека обсерватория прекратила свое существование — ее инструменты были уничтожены, коллектив ученых вынужден был бежать из Самарканда и, хотя еще на рубеже XV—XVI вв. остов здания возвышался на холме Талли-Расад, оно было мертво. Гибель этого храма науки как бы символизировала ту реакцию мракобесия, под знаком которой протекает духовная жизнь Самарканда во второй половине XV столетия.

Среди немногих, возведенных в это время монументальных зданий упоминается крупное двухэтажное медресе, возведенное около 1456 г. на средства могущественного Ходжа-Ахрара в конце Сузангаранской улицы хакимом Самарканда Ахмед Хаджибеком. Последний был покровителем Алишера Навои, проходившего в те годы обучение у высокопросвещенного шейха Фазлулла Абуллайса, проживая в его ханаке, располагавшейся в восточной части города. Несколько новых сооружений было связано с деятельностью Тимуридов. Из них сохранились в руинах лишь два мавзолея — Ишрат-хана (1464 г.) и Ак-Сарай (70-е годы XV в.). Оба имеют большую эстетическую ценность, иллюстрируя новые тенденции в развитии среднеазиатского зодчества.

Ишрат-хана (народное название —«Дом радости»), это династический мавзолей женщин и детей из дома самаркандских Тимуридов. Он был воздвигнут женой Султан-Абу-Саида Хабибой-Султан-бегим; первой в нем упокоилась их дочь Султан-Хавенд-бека, но постепенно просторный восьмигранный склеп мавзолея был весь заполнен погребениями. Здание стояло в саду. Оно имеет довольно сложный, компактный план, включая центральную крестообразную зиаратхану, продолговатую галерею — мион-сарай, поминальную мечеть и несколько расположенных в двух этажах худжр для прибывавших на поминки и обслуживающего персонала.

Трехосевое построение плана отражено в архитектурной разработке фасадов Ишрат-ханы и объемной композиции. Ее определяют стройный портал, почти на одну треть меньшие по высоте боковые крылья с двумя ярусами лоджий и центральный купол, приподнятый на небывало стройном барабане. В интерьерах мавзолея применена новая сводчатая система, которую называют «системой пересекающихся подпружных арок и щитовидных парусов». Ее существо заключается в том, что в крестообразном, благодаря нишам на осях, помещении с угла на угол перебрасываются перекрещивающиеся арки, почти вдвое уменьшающие диаметр купола, переход к которому осуществляется посредством легких, ромбовидной

формы пространственных оболочек — «щитовидных парусов». Эта конструкция разрабатывается в архитектуре Герата и Самарканда уже в 30—40-х годах XV в., но классически законченное воплощение получает именно в Ишрат-хане и Ак-Сарае.

Конструктивное новаторство порождает и обновление самих архитектурных композиций. Особенно интересны в этом отношении интерьеры, где над высокими панелями стен взмывают легкие гурты (ребра) и упруго выгнутые поверхности парусов, поддерживающие легкую, как бы парящую в венце сталактитов отлогую чашу купола.

Соответственно новым конструктивным решениям появляются новые декоративные приемы. В сравнении с постройками времени Тимура и Улугбека во внешнем декоре отмечается большая сдержанность: господствует розоватый фон подшлифованного строительного кирпича, на котором лаконичными вкраплениями вводятся многоцветные мозаичные вставки (само качество мозаик исключительно высокое, тонкость узоров и глубина тонов стоят почти на уровне ювелирного мастерства). В убранстве же интерьеров появляется совершенно новая техника живописного декора — «кундаль». Это особая роспись с рельефным выделением узоров — цветных на золотой основе или золотых на белом либо лазоревом фоне. Мотивы орнаментации главным образом растительно-цветочные, иногда эпиграфические. Архитектурные поверхности кажутся затянутыми богатой златошвейной тканью и не случайно один из видов бухарской парчи именовался именно «кундалью».

К середине XV в. Гур-Эмир был весь заполнен погребениями и в качестве нового мавзолея мужских представителей самаркандских Тимуридов был создан Ак-Сарай. Он включает просторную, крестообразную комнату поминовений — зиаратхану, продолговатый мион-сарай, угловые худжры и облицованный мраморными плитами октогональный склеп. Все эти помещения иллюстрируют дальнейший поиск в области новых сводчатых конструкций. Снаружи здание так и осталось незавершенным в части декоративной отделки, но зато интерьер зиаратханы весь заткан пышными росписями и золотом кундаля, а в основании стен проходит высокая панель тончайших мозаичных наборов, образующих узорную сетку с фигурными вазонами в центральных полях и динамическим орнаментом в обрамляющих бордюрах.

Общий упадок культурной деятельности в Самарканде во второй половине XV в. сказался в резком сокращении монументального строительства. Но в развитии самих архитектурных идей этот период был ознаменован дальнейшим прогрессом творческой мысли, подготовившим почву к расцвету бухарской архитектурной школы XVI столетия.

ГЛАВА VI

САМАРКАНД В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. ШЕЙБАНИДЫ В САМАРКАНДЕ

В конце XV в. между многочисленными тимуридскими султанами развернулась ожесточенная борьба за овладение самаркандским престолом. Она затянулась на несколько лет, губительно отражаясь на экономическом состоянии страны. Опасаясь потерять стольный город, самаркандский правитель Султан Байсункар-мирза обратился с просьбой о помощи к Мухаммеду Шейбани-хану, под властью которого в этот период находились присырдарьинские города. Всегда охотно вмешивавшийся во внутренние дела тимуридского государства, предводитель кочевых узбекских племен и на этот раз быстро откликнулся на приглашение Байсункара-мирзы. Однако и после прихода Шейбани-хана осадившие Самарканд младший брат Байсункара — Султан Али-мирза, владевший Бухарой, и правитель Ферганы — юный Захириддин Мухаммед Бабур, каждый во главе своих ополчений, не отказались от захвата Самарканда и устроились на зимние квартиры в близлежащих крепостях. Полагая, что при таких обстоятельствах сражение с противником не даст желаемого результата, Шейбани-хан вернулся в Туркестан. В связи с этим Байсункар-мирза был вынужден оставить опустошенный семимесячной осадой город.

В конце 1497 г. Самарканд занял Захириддин Бабур, возглавлявший андижанских беков. Отмечая бедственное положение самаркандцев в те дни, Мирза Бабур писал в своих мемуарах: «При взятии Самарканда город был до того разорен, что (жители) нуждались в семенах и денежных ссудах... Как можно было что-нибудь добыть из местностей, подвергавшихся такому опустошению и разорению?». Тяжелое экономическое положение самаркандцев, за счет которых не толь-

ко нельзя было обогатиться, но даже содержать ополченцев, заставило многих андижанских беков покинуть своего предводителя Захириддина Бабура. По словам последнего, андижанцы «стали скучать по домам» и поспешили вернуться в свои владения. В результате после стодневного пребывания в номинальной столице государства юный Тимурид оставил Самарканд. Вслед за ним город занял Султан Али-мирза, который, не отличаясь самостоятельностью, являлся игрушкой в руках то тарханных эмиров, то Ходжи Мухаммеда Яхъи, сына известного главы реакционного духовенства — Убайдуллы Ходжи Ахрара.

Противоречия в кругах тимуридских правителей вновь привели под стены города Самарканда хана Шейбани. На этот раз он лучше подготовился к захвату города. Зная, что хорошо укрепленный Самарканд штурмом взять трудно, Шейбани-хан решил переманить на свою сторону Султана Али-мирзу, имевшего все основания не доверять Ходже Яхъе. По словам поэта и историка Кемалиддина Бенаи, Султан Али-мирза пришел к заключению, что Ходжа Мухаммед Яхъя хочет отдать Самарканд Бабур-мирзе. Поэтому он решил опередить Мухаммеда Яхъю и признать власть Шейбани-хана, передав ему столицу государства. Трудовое население города, измученное бесчинствами чиновников и неурядицами в стране, разоренное продолжительными войнами, не желало поддерживать тимуридских правителей в их борьбе против Шейбани-хана. Зажиточные же горожане, страдавшие от непрерывных межфеодальных распрей и давления со стороны более сильных представителей своего класса, сочли за благо открыто признать власть более сильного правителя. Так, в 1500 г., почти без боя, предводитель кочевых племен Мухаммед Шейбани захватил Самарканд, формально считавшийся столицей государства.

Став правителем Самарканда, Шейбани-хан расправился с приближенными тимуридского двора, а также султанами, претендовавшими на престол, и пополнил казну за счет конфискованного имущества. В то же время, по признанию поэта Муллы Шади, новый правитель старался не разорять город, ибо в противном случае «он не мог бы сделать его своей столицей».

Сосредоточение в руках Шейбани-хана верховной власти более сильной, чем та, которой обладали последние тимуридские правители, должно было положительно отразиться на экономике Самарканда и в некоторой степени оградить податное население от феодальных смут и усилившихся поборов со стороны беков и чиновников. Однако Шейбани-хан твердо

стоял на защите интересов феодального класса, ограждая зажиточную верхушку населения от возможных покушений со стороны беднейших слоев сельских и городских жителей. Автор известного сочинения «Хабиб ус-сийар» — историк Хондемир сообщает, что после завоевания Самарканда Шейбанихан приказал главе города Джанвафа-бию укрепить и охранять городские ворота, не впускать в город ни одного человека, не имеющего «документа» (надо полагать, для допуска в Самарканд).

Вскоре, в конце 1500 г. с помощью оставшихся в живых тимуридских сановников Самарканд был захвачен Захиридцином Бабуром.

Весной 1501 г. на берегу р. Зарафшан у Серипуля ополчения Мирзы Бабура были разгромлены войсками Шейбани-хана, хотя некоторое время после этого Бабуру удавалось еще удержать Самарканд.

Осада крепости войсками Мухаммеда Шейбани длилась четыре месяца. На этот раз в обороне города участвовали широкие слои городского населения, не получившие от прихода Шейбани-хана при первом его захвате Самарканда ожидаемого облегчения.

В осажденном Самарканде все больше ощущался недостаток продовольствия, а затем наступил жестокий голод; в пищу стали употреблять собак и ослов. По образному выражению поэта Муллы Шади, очевидца описываемых событий, следы от ног верблюдов люди принимали за хлебные лепешки, подбегали к ним и тут же умирали. Они жевали кожу, служившую для раскатывания теста, и вместо молитвы шептали: «хлеб». Многие осажденные пухли от голода. Пользуясь создавшимся положением, купцы резко повысили цены на хлеб. Это переполнило чашу терпения трудового люда Самарканда и явилось поводом к открытому выступлению против междоусобных войн, грабежа и жестокой эксплуатации. Как сообщает Мулла Шади, «люди приготовились для получения хлеба путем насилия... Каждый бросался на лавку. Их отгоняли от пищи как мух». Для защиты зажиточных слоев населения правители города выставили есаулов, которые палками избивали восставших.

Однако принятых мер оказалось недостаточно для обуздания бунтарей. Тогда городские власти объявили об изгнании из города всех бедных и нищих. Защита Самарканда возлагалась лишь на обеспеченных. По описанию поэта Мухаммеда Салиха — очевидца происходивших событий, бедняки выхóдили из города, ухватившись за руки, похожие на людей, находившихся в тюрьме, с шафрановыми лицами, напоминающими

сухую траву. Люди эти «не имели сил идти, не имели сил выпрямиться». И напрасно изгнанные из Самарканда бедняки пытались найти поддержку у политического противника Захириддина Бабура: человек, отправленный к Шейбани-хану с просьбой выделить предводителя — даругу, который помог бы им добраться до лагеря осажденных, не нашел сочувствия у завоевателей. Шейбани-хан, обычно милостиво встречавший беженцев из лагеря Тимуридов и старавшийся привлечь на свою сторону зажиточные и средние слои населения, не поддержал изгнанных из города бедняков, принимавших участие в голодных бунтах в Самарканде.

Изгнание бедняков и подавление бунта в городе не упрочили положения Мирзы Бабура, который, видя безвыходность своего положения, во второй половине 1501 г. вынужден был ночью покинуть Самарканд. С небольшим отрядом он направился в Ташкент к могольскому хану Махмуду, а Шейбани-хан вторично, теперь уже беспрепятственно, овладел Самаркандом.

Воссев на самаркандский престол, Шейбани-хан провел ряд мероприятий, направленных на упорядочение государственных дел и восстановление экономики страны. Денежная реформа, строительство и ремонт мостов, дорог, торговых помещений, регулирование вопросов орошения, равно как и попытка восстановления хозяйств земледельцев самаркандской округи, способствовали упорядочению торговли и развитию ремесла в Самарканде, укреплению центральной власти и общему хозяйственному подъему в стране.

После гибели Шейбани-хана под Мервом годы относительного экономического и политического подъема в Самарканде сменились межфеодальными войнами, борьбой за престол, отныне уже между узбекскими султанами. Пользуясь отсутствием единства между султанами, Тимурид Захириддин Бабур, владевший в это время Кабулом, при активной поддержке иранского шаха Исмаила на короткое время вновь захватил Самарканд и Бухару. В Соборной мечети в Самарканде по его приказу была провозглашена хутба с упоминанием шиитских имамов, что, как и некоторые другие действия Бабура, не способствовало поддержке его со стороны местного населения. Пробыв в Самарканде восемь месяцев, Захириддин Бабур вынужден был бежать в Хисар, а позже, через некоторое время после поражения иранских войск под Гиждуваном, покинуть и Хисар, навсегда оставив Мавераннахр.

Самаркандцы во главе с Ходжой Низамом — одним из приближенных Убайдуллы Султана (племянника Шейбани-хана) — отправили к последнему «везиря султана султанов» Ходжа

Султан Ибрахима с просьбой прибыть в Самарканд. Убайдулла не замедлил занять город: он принял титул хана и приказал прочитать хутбу на свое имя. Однако вскоре с его согласия верховным правителем был провозглашен Кучум-султан, хотя фактически власть оставалась в руках Убайдуллы, позже (в 1533—1539 гг.) ставшего главой всего государства. Таким образом, в 1512 г. Самарканд вновь перешел к Шейбанидам. В мемуарах Зайниддина Васифи — «Бадаъи ал-вакаи»— отражены голод в городе и гибель многих самаркандцев в те тяжелые дни феодальных раздоров и династической борьбы за трон.

Новая династия, сменившая Тимуридов, и получившая свое название от предка Мухаммеда Шейбани правила страной со времени воцарения Шейбани-хана с кратковременным перерывом до конца XVI в.

В течение почти двух первых десятилетий XVI в. Самарканд оставался центром экономической и политической жизни Шейбанидского государства. И в следующие десятилетия, наряду с Бухарой, Ташкентом и Балхом, попеременно, а временами и одновременно оспаривавшими право на роль стольного города, Самарканд продолжал играть важную роль в политической и экономической жизни узбекского государства, оставаясь центром оживленной внутренней и внешней торговли. Но ожесточенная борьба за престол между отдельными группировками султанов нарушала хозяйственную жизнь в стране, тормозила экономическое развитие города.

Самарканд как богатый город привлекал пристальное внимание султанов, многие из которых ставили своей целью управлять Мавераннахром в качестве его верховного главы. В то же время самаркандские правители и сами не прочь были поживиться за счет населения соседних городов и областей. Так, правивший Самаркандом в 1540—1551 гг. Абдуллатиф-хан совместно с правителем Ташкента Науруз Ахмед-ханом (Борак-ханом) напал на Кермине; но местный правитель Абдулла-султан, будущий могущественный хан, весьма успешно отразил это нападение. После смерти Абдуллатиф-хана на завоевание Самарканда выступил Науруз Ахмед-хан. Захватить город ему удалось лишь во время следующего похода, после чего он подчинил своей власти и Шахрисабз. Его походы на Бухару не привели к желаемым результатам (хотя на короткое время ему и удалось захватить город); поэтому он вынужден был ограничиться заключением союза с Саид Бурхан-ханом. Характерно, что в этот период в исторических сочинениях и правитель Самарканда и правитель Бухары называются ханами.

Отдельные самаркандские правители пытались упрочить свою власть путем укрепления экономического положения определенных кругов феодального общества. Так, Науруз Ахмед-хан, около пяти лет правивший Самаркандом и считавшийся верховным правителем Мавераннахра, осуществил некоторые мероприятия по упорядочению хозяйственной жизни Самарканда, в частности, работы по орошению в окрестностях города. Положение же основной массы населения, как всегда, оставалось очень тяжелым.

После смерти Науруз Ахмед-хана (1556 г.) Самарканд перешел в руки его сына Баба-султана. Сын Абдуллатиф-хана—Гадой-хан вместе со своим братом Джуванмард-Алием, правившим Ахси и Андижаном, решил захватить Самарканд и обратился за поддержкой к Абдулла-султану. Честолюбивый и предприимчивый Абдулла-султан охотно вмешался в династические распри, заключив на первом этапе борьбы за ханский престол союз с сыновьями бывшего правителя Самарканда. Последние, воспользовавшись отсутствием Баба-султана, в 1557 г. при поддержке Абдуллы-султана заняли Самарканд.

В эти и последующие годы упорной борьбы султанов за обладание Самаркандом горожане из числа ремесленников, средних и бедных слоев населения активно выступали на защиту города от нападений феодальных ополчений. Даже историограф Абдулла-хана II — Хафиз Таныш в «Абдулла-наме», составленном специально для прославления этой личности, вынужден был признать, что при осаде Самарканда Абдулла-ханом II «люди крепости» оказали ему геройское, хотя и «безрезультатное» сопротивление.

В 1576 г. Самарканд был захвачен Абдулла-ханом II, с воцарением которого столица шейбанидского государства окончательно переместилась в Бухару. При Шейбаниде Абдулле в Самарканде устанавливается относительное спокойствие. Посетив Самарканд в 1580 г., он, по словам Хафиза Таныша, приказал отремонтировать все начавшие разрушаться здания города. Однако тяготы непрерывных военных столкновений тяжело отражались на экономическом состоянии всей страны, в том числе и Самарканда.

В последние годы правления Абдулла-хана, которые характеризовались внешнеполитическими неудачами, казахский хан Теввекель, на короткое время объединивший казахские племена, захватил Ташкент и в 1599 г. попытался захватить Самарканд. Узбекские войска потерпели поражение. Стареющий Абдулла-хан II сам предпринял поход против ополчения казахских султанов, но умер в Самарканде, не достигнув цели. Военные действия феодальных ополчений и смена верхов-

ного правителя вновь привели к нарушению экономической жизни города, усугубили бедственное положение трудового населения Самарканда.

Правление Шейбанидов оборвалось гибелью Абдулмумина, сына Абдуллы-хана II, и в начале XVI в. власть на территории Мавераннахра перешла к династии Аштарханидов.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ САМАРКАНДА В XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Первым всесильным ханом династии Аштарханидов фактически стал Баки-Мухаммед (1599—1605), после смерти которого и кратковременного правления его брата Вали-Мухаммеда (1605—1611) престол захватил их племянник Имамкули-хан (1611—1642). Вали-Мухаммед бежал в Иран и вернулся во главе шахского войска, но оно было разбито. Вскоре Имамкули-хан одержал победу над казахами и отнял у них Ташкент. Ему удалось также разгромить предводителей каракалпаков и калмыков. Он умело противодействовал сепаратистским тенденциям своих сородичей и феодалов и установил твердую власть. Когда же ослепший Имамкули-хан отказался от престола и последний занял Надир Мухаммед-хан (1642—1645), в государстве снова начались междоусобицы. В результате заговора бухарский престол занял сын Надир Мухаммеда — Абдулазиз (1645—1680).

Первая половина XVII в. в истории Самарканда связана с деятельностью его правителя Ялангтуш Бахадура, крупного представителя узбекской военно-феодальной аристократии из рода алчин, известного удачными грабительскими набегами на соседние страны. Ялангтуш обладал огромными богатствами и имел до 3000 рабов.

На территорию Мавераннахра, пользуясь распрями, неоднократно проникали хивинцы, разоряя население и угоняя пленных. Набегами хивинцев воспользовался Субханкули (1680—1702), захвативший у брата престол в Бухаре. Хивинские войска во главе с Ануша-ханом (1663—1687), опустошив Мавераннахр, в 1685 г. овладели Самаркандом, причем знать города добровольно признала власть хивинского хана и стала чеканить монету с его именем. Хивинцы сильно разорили город, частично покинутый населением. Позднее, после изгнания хивинцев, Субханкули-хан взыскал с самаркандцев огромную контрибуцию с помощью присланного в город военного отряда из племени юз.

Субханкули-хану удалось на время прекратить набеги хивинцев и Хива признала власть Бухары.

Последние годы правления Субханкули-хана характеризовались усилением междоусобиц и ослаблением ханской власти. Восстания племен против центральной власти и их междоусобия вынуждали бухарского хана выступать против них, но нередко эти походы кончались поражением ханской армии. Феодальные войны наносили ущерб широким массам населения и были выгодны только феодальной верхушке. Междоусобицы подрывали также экономические связи между кочевым и оседлым населением Средней Азии.

Убайдулла II, правивший в 1702—1711 гг., был игрушкой в руках эмиров и в результате непрерывных войн с мятежными вассалами довел государство до полного развала. При нем в Самарканде произошли столкновения между враждовавшими узбекскими племенами найман и сарай, входившими в состав ханского войска. В мае 1709 г. Убайдулла-хан во главе войска прибыл в Самарканд для наведения порядка. После возвращения в Бухару (1711 г.) он был убит заговорщиками.

Феодальная раздробленность, крайнее ослабление центральной власти, борьба крупных феодалов за престол особенно сильно проявлялись на протяжении царствования последнего представителя династии Аштарханидов — Абулфайз-хана (1711—1747). Посол Петра I Флорио Беневени писал, что «возведение его (Абулфайз-хана) на ханство не обошлось без смуты...» Узнав о заговоре, Абулфайз пригласил всех участников к себе в гости и велел своей гвардии умертвить их. Изрублено было большое количество приглашенных.

В 1711 г. Абулфайз-хан назначил правителем Самаркандского вилайета жестокого Фархад-бия. В 1713 г. в Самарканде произошло крупное народное восстание, направленное против тирании Фархад-бия. Наряду с беднейшими слоями населения и ремесленниками в нем участвовали представители купечества и государственные чиновники. В исторической хронике «Тарих-и Абулфайз-хан» Фархад-бий характеризуется так: «...Он, проявив (по отношению к населению) насилие и вражду, зажег огнем тирании дома подданных, так что вести о его несправедливости достигли до центральной власти, но это нисколько не помогло прекращению его своеволия, и в Мавераннахре возникла анархия. Когда настал 1125 (1713) год, все военные собрались в Бухаре и сошлись на том, что тирания Фархад-бия превзошла всякую меру, почему он был смещен и правление Самаркандом было передано Мухаммед-Рахим-бию».

В 1714 г. в Самарканде вновь вспыхнуло народное восстание, направленное против нового правителя — Мухаммед-Ра-

хим-бия, который не уступал предшественнику по жестокости. По свидетельству историка Абдуррахмана-Тали, Мухаммед-Рахим-бий и его помощник Султан туксаба кенегес (из Шахрисабза) «...стали чинить разные жестокости и насилия над семьями мирных жителей. Хотя несколько раз (об этом) докладывали (центральному правительству), однако эти доклады не достигли до места (назначения). Поневоле население подняло общенародное восстание и изгнало из Самарканда Султана туксабу... Мухаммед Рахим-бий направился в Бухару...»

В 1717 г. упомянутый выше Фархад-бий разбил войска очередного самаркандского правителя Надир-бия и захватил город. Недовольство самаркандцев варварской эксплуатацией и тиранической политикой Фархад-бия достигло предела и в 1720 г. в результате восстания горожан Фархад-бий вновь был отстранен. По словам Абдуррахмана-Тали, Фархад-бий «...в бытность свою правителем Самарканда... каждый день без причины требовал от народа деньги. И когда народ приходил (к нему, то всегда) вручал ему деньги. Он... не боялся того, что разрушает Самарканд... Словом, он в Самарканде поступал, как тиран...» В 1722 г. Фархад-бий был убит.

В 1720 г. аталыком столицы был назначен Мухаммед-Хакимбий из династии Мангытов. Господство Мангытов вызвало недовольство узбекской знати. В том же году правителем Самарканда был назначен сторонник Мангытов Ниматулла, который правил всего восемь месяцев. После смерти Ниматуллы в 1721 г. его сменил также являвшийся сторонником Мангытов Авез-бий, правивший до конца 1722 г.

В результате межродовой борьбы в декабре 1722 г. Ибрахим-бий кенегес захватил Самарканд и жестоко расправился с представителями Мангытов. К Ибрахим-бию присоединились правитель Кермине — Абдул-карим, Каппан-кипчак с братьями из Миankаля и другие мятежные правители отдельных районов Зарафшана. Все они остановили свой выбор на родственнике Ибрахим-бия — Раджаб-султане. Целью Ибрахим-бия было свергнуть Абулфайз-хана, посадив ханом, разумеется, номинальным, Раджаба как потомка султанов, а самому фактически управлять ханством.

23 декабря 1722 г. Раджаб-султан — подставное лицо в межфеодальной и родовой борьбе кенегесов (во главе с Ибрахим-бием) с Аштарханидами (Абулфайз-хан) и Мангытами (во главе с Мухаммед-хаким-бием) — был избран ханом Самарканда. Ибрахим-бий стал при нем «эмиром над эмирами» (эмир-ул-умаро). Провозглашение Раджаб-султана ханом и создание Самаркандского ханства следует рассматри-

вать как эпизод борьбы крупных феодалов против центральной власти.

В 1723 г. Раджаб-хан предпринял поход против Бухары. Его поддержала группа феодалов, выступавшая за установление гегемонии Самарканда. Борьба между войсками Раджаб-хана и Абулфайз-хана продолжалась с переменным успехом, но в конечном счете «...благодаря раздорам с несогласиями в мятежном войске бухарцы выиграли победу и неприятель рассеялся, оставив победителям все свое награбленное добро. Много мятежников на этот раз было перебито и много их погибло от голода».

После поражения Раджаб-хан обращался ко многим эмирам с просьбой признать его власть и вместе с ним бороться против Абулфайза. При этом он то обнадеживал их милостями, то угрожал расправой. Но, по утверждению Абдуррахмана Тали, «они не обращали (на это) никакого внимания». Тогда Раджаб-хан обратился за помощью к казахским феодалам, обещая им богатую добычу в завоеванных областях. Воспользовавшись этим, они подвергли Самаркандский вилайет грабежам и разрушениям.

Появившаяся в это время саранча и смыв Даргомской плотины усилили бедственное положение Самарканда и его окрестностей.

О тяжелом положении Самарканда повествует также Мухаммед Якуби Бухари в книге «Гулшан-ул-мулук»: «В Мавераннахре возник голод... Повсюду люди, покинув родные места, разбрелись в разные стороны. Город Самарканд стал подобен пустыне...».

В 1724 г. Радбаж-хан с помощью кочевой казахской знати окружил Бухару и отдал приказ на ее трехдневное разграбление.

Летом 1725 г. в районе Вабкента между войсками Абулфайз-хана и Раджаб-хана произошла решающая битва, кончившаяся поражением Раджаб-хана. Сам он с сыном попал в плен и был доставлен в Бухарский арк. Абулфайз-хан хотел сбросить их с минарета, но народ «схватил палки... стал избивать (пока не убил)».

Разрушение и опустошение Самарканда в результате событий 20-х годов XVIII в. были настолько глубокими, что в самаркандской цитадели только с 1730 г. начали собираться люди, строившие себе кибитки среди руин. Но еще и десять лет спустя территория города не была заселена и в пустовавших регистанских медресе кочевники ставили на зиму свой скот.

Политической раздробленностью Бухарского ханства воспользовался иранский завоеватель Надир-шах (1736—1747).

Основным опорным пунктом в его захватнических походах был город Мерв. Абулфайз, напуганный продвижением войск Надира, явился 12 сентября 1740 г. в его лагерь и признал его власть. Надир-шах «послал отдельные отряды в разные стороны ханства усмирять население. Много зла причинили эти отряды... мирному населению». В Самарканд был послан Лутф Али-хан во главе отряда в 200 человек.

По сообщению Гладышева и Муравина, побывавших в Хиве, в то время существовало «независимое Самаркандское ханство» во главе с Абу-Салом-ханом, который поддерживал политические связи с Кокандом для того, чтобы предотвратить захват Самаркандского вилайета иранцами. В конце сентября 1740 г. после захвата Самарканда войсками Надира Абусалом-хан и многие другие защитники города были зверски убиты. Иранские захватчики в течение семи лет (1740—1747) хозяйничали в Самарканде.

В 1753 г. Мухаммед-Рахим Мангыт юридически вступил на престол Бухары. Он стремился восстановить нормальную жизнь страны и пресечь сепаратизм некоторых феодалов. Для укрепления централизованной власти Мухаммед-Рахим создал сильную армию и в течение двух лет упорно боролся с мятежными феодалами Миангаля, особенно со знатью племен кенегес, бахрин, етти уруг и др. В конце концов он заставил их подчиниться центральному правительству. Так началось правление в феодальной Бухаре последней династии, свергнутой народной революцией в сентябре 1920 г. Самарканд до присоединения к России (в мае 1868 г.) входил в состав Бухарского ханства.

После смерти Мухаммед-Рахим-хана (1758) от Бухары отделился ряд областей. Правитель Ура-Тюбе и Ходжента Фазил-бий-юз захватил Джизак, Хатырчи, Каттакурган, Самарканд, намереваясь овладеть также Бухарой и стать правителем всей страны.

Но возведенный на бухарский престол Данияр-бий аталык (1758—1785) в 1758 г. осадил Самарканд и взял в плен самаркандского эмира со всеми его родными и близкими. В 60—70-е годы XVIII в. центральной власти бухарского ханства приходилось вновь и вновь подчинять себе Самаркандский вилайет. В середине 70-х годов наместником Самарканда был назначен Шах-Мурад (сын Данияр-бий аталыка).

После смерти Данияр-бия эмиром был провозглашен Шах-Мурад (1785—1800); одновременно он являлся правителем Самарканда. Шах-Мураду приписывается проведение четырех реформ — финансовой, административной, судебной и военной — и отмена нескольких «нешариатских налогов». Однако

в грабительских походах Шах-Мурад истреблял тысячи людей и разрушал города и села. Ему удалось подчинить непокорные владения ханства.

На всем протяжении первой половины XIX в. при эмире Хайдаре (1800—1826) и эмире Насрулле (1826—1860) между Бухарским, Кокандским и Хивинским ханствами происходили войны из-за соседних владений и городов — Ташкента, Джизака, Ура-Тюбе, Ходжента. Борьба за власть и источники обогащения служили причиной междоусобиц. Нередко личные обиды ханов решали судьбу населения целых областей.

В этой борьбе в первой четверти XIX в. перевес находился на стороне Кокандского ханства, так как военные силы бухарского эмира были ослаблены голодом и волнениями 1810 г. (сепаратистскими движениями ургутских беков, шахрисабзского правителя и др.). Во второй половине XIX в. перевес оказался на стороне бухарского эмира, особенно с того времени, когда эмир Насрулла приступил к формированию регулярной армии и организовал батальон артиллеристов (тупчи). Им была создана пехота — первая регулярная армия, солдаты которой (сарбазы) в военное время носили форму (красную куртку и белые штаны). К середине 50-х годов каждый из 2,5 тысяч сарбазов имел ружье со штыком, саблю и пистолет. Первыми инструкторами регулярного войска в Бухаре были русские пленные.

В междоусобную борьбу втягивался и Самарканд. Эмир Хайдар, вступив на престол, назначил правителем Самаркандского вилайета Давлат-бия Кушбеги (вместо своего родного брата Мухаммед-Хусейн-бека), который управлял до 1814 г. После Давлат-бия на пост правителя Самаркандского вилайета были поочередно назначены четыре сподвижника эмира Хайдара: Аяз-бий, Мухаммед-бий, Мухаммед-Сафар-бий, Ибрахим Додхох.

3. РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ В XVI в.

Объединение мелких феодальных владений, достигнутое в начале XVI в., и значительное укрепление центральной власти способствовали заметному подъему хозяйственной жизни, расширению и росту торговли и ремесла, увеличению числа потребителей ремесленной продукции Самарканда — столицы государства Шейбанидов. Попытка упорядочения денежного обращения, предпринятая Шейбани-ханом после завоевания Самарканда (в 1501 и 1507 гг.), как и многие другие мероприятия хана, также способствовала нормализации жизни и развитию торговли. Однако относительный подъем в области экономики вскоре вновь сменился феодальными междоусоби-

цами, вторжением иноземных войск и кровопролитной династической борьбой за обладание ханским троном, столь характерными для всего периода феодализма.

Историки и поэты описывают Самарканд XVI столетия как многолюдный благоустроенный город со множеством базаров, караван-сараев, торговых лавок и ремесленных мастерских. Захириддин Мухаммед Бабур, видевший многие города Востока, оставил в мемуарах восхищенный отзыв о Самарканде того времени. «Самарканд — пишет он, — удивительно благоустроенный город. У этого города есть одна особенность, которая редко встречается в других городах: для каждого промысла отведен отдельный базар и они не смешиваются друг с другом. Это прекрасный обычай».

При Шейбанидах расположение базаров в Самарканде в основном оставалось таким же, каким оно было в XV в. Согласно историческим и документальным источникам того времени, в городе насчитывалось свыше десяти больших и малых базаров и торговых рядов (некоторые из них были крытыми), специализированных по определенной группе товаров. Существовали базары прядильщиков, кузнецов, продавцов веревок, свечников, плетельщиков корзин, продавцов войлока, базары мучной, овощной, базар Аттарон, где располагались парфюмерные и другие лавки, базар розничных товаров — Базари Хурдафурушон (на его территории упоминается дукан тянульщика проволоки — симкаши) и др.

Некоторые базары были известны по названиям кварталов, мечетей, по именам отдельных царевичей и вельмож, как, например, базар Пули сафид, базар бани Эмир-зода Мухаммед Султана, базар Мечети войлочников, базары Эмир-зода Мухаммед Касыма, Ходжа Мухаммед-Чапа, Масъуда, Дари махкамаи кухна. На этих базарах и в торговых рядах (упоминается, например, торговый ряд медников, продавцов обуви и др.) находились лавки и мастерские, в которых продавался или изготовлялся какой-либо один вид товаров — гончарные изделия, бакалейные товары, ткани, свечи, ювелирные изделия. На базарах можно было купить бумагу, книги, здесь же располагались переплетные мастерские, лавки для продажи различных напитков, сладостей, мяса, пирожковые дуканы. В многочисленных пекарнях выпекались хлебные лепешки, вместе с фруктами и овощами составлявшие основное питание трудового населения. По словам Захириддина Бабура, в Самарканде начала XVI в. имелись хорошие пекарни и харчевни (ошпазлик). На базарах или рядом с ними располагались караван-сараи, цирюльни, бани.

В XVI в. отмечается дальнейшая тенденция к дробной спе-

циализации ремесленников. В документах упоминается о нескольких десятках разнообразных ремесел, которыми занимались жители Самарканда при Шейбанидах. В число этих ремесел входили производство и отделка тканей, керамических изделий, литье чугуна, обработка кожи, изготовление бумаги, разных видов одежды, оружия и т. д. Некоторые из ремесел распадались на отдельные, более мелкие отрасли. Так, мастера, занимавшиеся ткачеством, в зависимости от вида вырабатываемой ткани разделялись на ткачей бархата — бахмолбофон, ткачей, выделывавших кимхоб — кимхобгарон, ткачей материи для кушаков и чалм — футабофон, ткачей платков — чахоргульбофон. В обработке волокна были заняты также набойщики хлопчатобумажной ткани — читгарон, орнаментировавшие ткани цветными узорами, в обработке тканей — красильщики и др. В области изготовления одежды и ее деталей отмечаются специалисты, шившие халаты — джамадузон, портные — дарзиен, шапошники — такиедузон, изготовители тесьмы и кистей — пупакдузон, мастера, шившие тулупы,— пустиндузон, мастера, выделывавшие одежду из дорогих мехов,— муйнадузон (на территории Самарканда упоминается мечеть продавцов тулупов — пустинфурушон). Историк XVI в. Фазлулла ибн Рузбехан перечисляет собольи, беличьи и другие шубы, а также шелковые одежды со множеством украшений, в которые были облачены узбекские султаны. В поэме «Шейбани-наме», составленной на узбекском языке, придворный поэт Мухаммед Салих описывает окружавшую хана феодальную знать, одетую в горностаевые и беличьи шубы.

Часть меховых изделий, видимо, изготавливалась местными мастерами — муйнадузами и пустиндузами, а часть ввозилась в столицу государства Шейбанидов из других областей и стран. Историк XVI в. Сейфи сообщает, что казахские мастера выделывали кафтаны из овечьей шерсти, окрашенные в разные цвета. По его мнению, они были так красивы и тонки, что в Бухаре их покупали как атласные. Фазлулла ибн Рузбехан сообщает, что из Астрахани в туркестанские города доставляли собольи и беличьи шубы. Одежда же, изготовлявшаяся самаркандскими мастерами, в большом количестве вывозилась в соседние степные районы. Тот же автор сообщает, что население степи крайне нуждалось в платье и одежде, изготовлявшихся ремесленниками Мавераннахра.

Широко была распространена выработка готовых изделий из кожи: сапог, кожаных калош, кошельков, конской упряжи, ремней, седел, уздечек.

Большое развитие в XVI в. получили строительные ремесла. В зависимости от вида выполнявшейся работы мастера, за-

нимавшиеся строительным делом, подразделялись на узких специалистов: меъмор, мухандис, наджор, харрот, шонатарош, сангтарош. Наряду со всеми, «кто работает тишой», как указывается в одной из грамот, эти мастера должны были подчиняться старшине цеха зодчих и столяров, искусно работавших «с помощью тиши».

При Шейбанидах и позже самаркандские мастера — когазгары — продолжали выделывать бумагу, отличавшуюся высокими качествами — малопроницаемостью чернил, гладкой поверхностью и прочностью. До нас дошло немало рукописных произведений, написанных на самаркандской бумаге, в их числе автографы сочинений Кемалиддина Бенаи — «Шейбанинаме», Фазлулла ибн Рузбехана — «Михман-намеи Бухара», дарственная грамота Михр Султан-ханум и др. «Лучшая бумага в мире выходит из Самарканда», — писал Захириддин Бабур, хорошо знавший Афганистан и Индию, побывавший в окрестностях Герата и видевший там мастерские по выделке бумаги. Знаменитый мастер письма — Султан Али Мешхеди (1432—1520 гг.) в специальном трактате по каллиграфии (1514 г.) советует писать на самаркандской бумаге, так как «письмо на ней получается ровным и красивым». «Как хороша самаркандская бумага! — восклицает он. — Если ты разумный человек, не отвергай ее». Из дальнейшего изложения Султана Али можно заключить, что в XVI в. в Самарканде производились разные сорта бумаги и в том числе «султанская». Этот сорт отличался тонкостью, мягкостью, шелковистостью и поэтому назывался также шелковой бумагой.

К первой половине XVI в. относится деятельность специалиста по выделке бумаги мастера Мир Ибрахима, производившего особый сорт бумаги с водяным знаком в виде белого кольца. Под названием «мирибрагими» она была известна и в следующие столетия.

Из Самарканда бумага вывозилась далеко за пределы государства, в том числе в соседние Индию и Иран.

Среди самаркандских ремесленников XVI в. упоминаются чугунолитейщики, а в перечне утвари, передаваемой в вакф, — чугунные котлы. В Гос. музее культуры УзССР (Самарканд) хранится литая чугунная ступка, относящаяся к указанному столетию. Эти краткие данные о чугуне интересны тем, что отражают место чугунолитейного дела в хозяйственной жизни феодального Самарканда и уровень производства металлических изделий в рассматриваемый период. Чугунное литье и изделия из железа, употреблявшиеся в домашнем хозяйстве, как и в предыдущее столетие, производились мелкими ремесленниками в небольших мастерских.

В первые десятилетия XVI в. Самарканд продолжал оставаться центром оружейного дела. Немаловажную роль в этом играли завоевательные походы шейбанидских султанов. Торговые связи с населением степи, военные ополчения которого снабжались оружием главным образом из Самарканда и Бухары, также стимулировали развитие оружейного дела. Самаркандское оружие поставлялось как во внутренние города государства, так и в соседние страны.

Самаркандские мастера-оружейники изготовляли ассортимент оружий: копья, стрелы, луки, арбалеты, сабли, мечи, кинжалы, кольчуги, латы, щиты, налокотники и наколенники, шлемы разных видов. Основным наступательным оружием Шейбанидов оставались мечи, кинжалы, копья и луки.

В XVI в. на территории Средней Азии распространяется огнестрельное оружие: ружья (туфанг), пищали (фаранги) и пушки (козон). Их производство требовало квалифицированных навыков мастеров-литейщиков (рехтагаров). До нас дошли имена некоторых из них. Так, некий Устад Кули в период царствования Захириддина Бабура, являвшегося в то время правителем Индии, отливал пушки.

Известно, что при Науруз Ахмед-хане (в период его правления в Самарканде) служили наемные солдаты — стрельцы из ружей. В составе узбекских войск историк Хафиз Таныш неоднократно называет туфакандазов — стрельцов из ружей — и аташбазов — мечущих молнии. Упоминаются также стрелки нефтью и из камнеметов.

Более широко огнестрельное оружие стало применяться в конце XVI в. Русский посол к персидскому шаху Аббасу — Григорий Васильчиков, отмечая взятие Герата войсками Абдулла-хана II в 1588 г., констатирует, что у узбеков были «огневой бой, пушки и пищали». По данным историков, во время осады Герата по приказу Абдулла-хана было изготовлено семь пушек — козонов. Передвижение их осуществлялось посредством цепей.

Некоторые виды оружия вывозились из других стран. В «Абдулла-наме» Хафиз Таныш сообщает, что в царствование Абдулла-хана в Бухару были доставлены франкские (европейские; в данном случае, возможно, русские) панцири. Примерно в это же время из Средней Азии в Россию в подарок Федору Иоановичу (1584—1598) было послано различное оружие — «сабля булатная навожена золотом, ножны хоз черный». Среди товаров, посланных из Средней Азии в Россию, упоминаются также «медные, железные и расшитые шелком тростниковые щиты бухарской... работы». В данном случае под термином «бухарской» можно подразумевать изделия мастеров все-

го Бухарского ханства, в состав которого в период царствования Абдулла-хана II входил и Самарканд.

Самарканд славился производством некоторых видов красок. Красильни располагались рядом с другими мастерскими и лавками на территории базаров. В одном из вакфных документов упоминаются три красильни на базаре Эмир-зода Мухаммед Касыма и по две — на базарах Ходжа Мухаммед-Чапа и Дари махкамаи кухна. Эти данные в некоторой степени характеризуют уровень развития красильного дела в Самарканде XVI в.

На территории базаров, а также в окрестностях города находились дуканы чесальщиков ваты, мастерские по выработке свеч, маслобойни, где вырабатывалось растительное масло. В городе имелись мыловарни. Как многие другие предметы первой необходимости, мыло являлось предметом купли-продажи. В вакфном документе двух медресе Шейбани-хана указывается денежная сумма (2 тыс. медных динаров), которую следовало ежегодно отпускать на приобретение мыла для студентов и обслуживающего персонала медресе.

Обилие винограда способствовало развитию виноделия во многих районах Средней Азии и, в частности, в Самарканде. По свидетельству очевидцев, Самарканд был окружен садами и виноградниками, которые тянулись в отдельных местах на несколько километров. В стихотворном произведении «Шейбани-наме» Мухаммед Салих описывает хозяйство крупного самаркандского феодала шейхулислама Ходжа Абдулмакарима. Больше половины урожая, получаемого с насаждений винограда, произраставшего в пригородных садах Ходжи, пускалось на вино, из оставшегося количества приготовляли уксус и виноградный сироп — душаб. На территории города находились специальные постройки для хранения винограда.

В исторических сочинениях и документах XVI в. встречаются названия разных сортов вин — шираб, мусаллас, мускир и др. Автор труда по фармакологии — Абу Мансур Муваффак ал-Хереви (XVI в.) — упоминает о красном, белом и черном виноградных винах. Известны были также водка (арак) и напитки, изготовлявшиеся из ячменя и меда (последний был распространен особенно среди тюркского населения Средней Азии). В отдельных районах большим спросом пользовался кумыс — напиток, приготовленный из кобыльего молока.

Официальное духовенство предпринимало некоторые попытки наказания людей, причастных к религии и чрезмерно потреблявших вино. Так, по условиям вакфного документа, составленного от имени Михр Султан-ханум, чтецам Корана и студентам медресе запрещалось пить опьяняющие напитки.

Виновные подлежали наказанию; если же кто-либо нарушал это условие три раза, его изгоняли из медресе.

В Самарканде имелись винные лавки, где вино продавалось открыто. Некий торговец Максуд, владевший ширабхоной у Пули сафида, по свидетельству Зайниддина Васифи, пригласил в свою винную лавку многочисленное общество самаркандских купцов и поэтов, в том числе и самого Васифи. Приблизительно к тому же времени относится указание о существовании кабаков — мейхона.

Все эти факты свидетельствуют о том, что в Самарканде было широко распространено изготовление вина и что его употребление для феодальной верхушки было обычным явлением.

Таким образом, Самарканд являлся средоточием мастеров самых разнообразных специальностей.

В соответствии с профессией мастера объединялись в корпорации, во главе которых стояли старшины (упоминание о них встречается в ряде источников XVI в.). Назначение на этот пост сопровождалось составлением специальной грамоты. Образцы подобных грамот — нишанов — сохранились в сборнике копий официальных документов, частных писем и образцов-трафаретов для их составления (начало XV—XVI в.) и в других сочинениях и документах XVI в. В нишане на пожалование должности старшины цеха портных мастеру Хусейну Портному, как и в указах, выданных цеховым старшинам палаточников и оружейников, отражаются черты, характерные для цехового строя периода средневековья. Они подтверждают значительную роль, которую играли цехи в жизни города, и большое влияние, которым пользовались старшины. Мастера одной специальности, проживавшие в данной области или городе, должны были подчиняться главе цеха, сфера действия которого определялась местными властями. Цеховой старшина регулировал производство: производил оценку изделий ремесленников, утверждал образцы продукции и наблюдал за сбытом товаров. Считаясь формально защитником интересов членов цеха, в действительности цеховой старшина являлся представителем городских властей и зажиточных слоев населения, оберегая прежде всего свои и их интересы.

Ремесленники уплачивали государству налоги деньгами, а также поставляли в казну правителя изделия в натуре. В 1558 г. в качестве посла русского царя Среднюю Азию посетил англичанин Антоний Дженкинсон. В своем отчете он сообщает, что «бухарский король» живет главным образом за счет города и «взымает десятую деньгу со всех предметов, продаваемых как ремесленниками, так и купцами, что ведет к обеднению всего народа».

Основная масса ремесленников находилась в постоянной зависимости от местных властей, феодальной знати, крупных купцов и зажиточных горожан, в руках которых были сосредоточены производственные помещения, необходимый материал и денежные суммы.

Документальные данные XVI в. показывают, что многие из мелких торговцев и ремесленников Самарканда не имели своих лавок и мастерских и вынуждены были арендовать дуканы (лавки и мастерские), принадлежавшие феодалам, ханской семье и вакфным учреждениям. Характерный в этом отношении материал содержится в цитированной выше грамоте двух медресе Шейбани-хана: из 80 упоминающихся в грамоте дуканов, находившихся на территории десяти самаркандских базаров (базар Ходжа Мухаммед-Чапа, Эмир-зода Мухаммед Қасыма, Масъуда, базар бани Эмир-зода Мухаммед-Султана, Пули сафид, Налбандони кадим, Шаммоъон, Дарби каппон, базар Мечети намадмолон и Дари махкамаи кухна), 40 принадлежали упомянутому медресе, 14 — другим вакфным учреждениям и лишь 26 — частным лицам. При этом в число указанных 26 владельцев входили и видные представители аристократических кругов города — невестка Шейбани-хана Михр Султан-ханум, являвшаяся учредительницей рассматриваемого вакфа, дочь самаркандского правителя Тимурида Султан Ахмед-мирзы—Ок-бегим, глава духовенства шейхулислам Шамсуддин Мухаммед и др.

Документальные данные позволяют полагать, что в первой четверти XVI в. на указанной в вакфной грамоте территории лишь небольшое число непосредственных производителей владело торговыми лавками и ремесленными мастерскими. Десятки торговых лавок, мастерские по выделке бумаги, красильни, водяные мельницы, бани, склады и другие городские постройки, принадлежавшие ранее Михр Султан-ханум, а по грамоте передаваемые в вакф в пользу названных медресе, так же как и дуканы других вакфных учреждений, феодальной знати и т. д., сдавались в аренду или субаренду (через посредство феодала или зажиточного горожанина) трудовому населению города. Некоторые мастерские передавались в вакф вместе с орудиями производства; в этом случае мастер арендовал производственное помещение вместе с хозяйским инвентарем, внося дополнительную плату за пользование им.

Не принимая никакого участия в процессе производства, феодальные владетели лавок и мастерских под видом арендной платы получали от ремесленников и мелких торговцев определенную ренту, своеобразный вид косвенного налога.

Усиленная скупка ремесленных мастерских, лавок, мельниц и других производственных помещений представителями правящей династии, а также светскими и духовными феодалами в XVI в. (некоторые из них владели десятками, а отдельные крупные феодалы и сотней производственных предприятий) свидетельствует о высокой доходности и больших выгодах, извлекаемых ими из подобного рода эксплуатации мелких производителей.

Ремесленник, имевший собственную мастерскую, был в более выгодном положении, чем тот, который арендовал ее (хотя и он уплачивал налог не только с ремесла и торговли, но и за участок земли, на котором находилась принадлежавшая ему постройка. Из вакфного документа XVI в. известно, что за пользование местом на базаре мелкие торговцы и ремесленники уплачивали, кроме того, специальный сбор — такджо или тагиджой). Однако экономическое положение этой части ремесленного сословия также было неустойчивым. В документальных материалах, относящихся к последней четверти XVI в., встречаются сведения о закладе мастерских, торговых заведений, мельниц и других производственных помещений. Так, согласно опубликованным казийским документам, некий Ходжа Хаким заложил принадлежавшую ему часть караван-сарая в Самарканде, Мулла Мухаммед — постройку (сукниёт) принадлежавшего ему овощного дукана на Овощном базаре, а Мулла Назар Хурдафуруш — дукан тянульщика проволоки, находившийся на базаре Хурдафурушон. Во всех подобных документах оговаривается, что владельцы закладывают дуканы с условием сохранения за собой права аренды прежнего их владения. Таким образом, определенная часть ремесленного сословия в результате экономического гнета переходила из мелких владельцев в ряды арендаторов.

Документальные данные свидетельствуют, что из-за ограниченности средств часть мастеров не могла закупать необходимый материал и брала его в долг до продажи товара. Например, по документу, составленному в 1590 г., Маддуд Казар, сын муллы Мухаммеда Мултани, должен был по истечении двух месяцев уплатить Мулле Фатхулле, сыну Муллы Якуба Мултани, стоимость 40 кусков ситца разноцветного пурбанд в сумме 120 серебряных ханских танга. В казийском решении, вынесенном в 1589 г., называется некий Дарья-хан, сын Шейха Саъдиддина Мултани, который предоставил в долг Мулле Хусейну, сыну Муллы Мултани, 32 куска ситца самоцветного пурбанд с условием возвращения долга по исте-

чении четырех месяцев. Имя Дарья-хана фигурирует и в другом документе, составленном несколько раньше первого. Из него явствует, что Лахури Читгар, сын Лалю, должен был Дарья-хану 150 серебряных ханских танга. Интересно, что в тот же день (13 октября) в том же казихона было вынесено еще одно решение, обязывающее Лахури Читгара под угрозой разведения с женой повиноваться Дарья-хану. Таким образом, здесь налицо ремесленник, попавший в долговую кабалу к кредитору.

Из приведенных данных видно, что ростовщики ссужали нуждающихся ремесленников как товаром, так и деньгами под проценты. При этом, поскольку мусульманам запрещалось брать проценты, денежная сумма за ссуду взималась якобы за хранение ростовщиком подержанной чалмы или медного таза и т. д. Запутавшийся в долгах ремесленник нередко вынужден был закладывать свою мастерскую, а тот, кто не имел ее,— расставаться со всем имуществом и даже с женой, как это наблюдается на примере с Лахури Читгаром. В этом случае особенно ярко выражена характерная черта феодального строя: феодал и крупные купцы вмешивались не только в производственные отношения ремесленника, но и в его семейную жизнь.

В роли ростовщиков в отдельных случаях выступали зажиточные ремесленники. Например, самаркандец Ходжа Мир Қасим Хереви, сын Эмира Дуст Заргара (золотых дел мастера) ссудил деньгами в сумме 200 ханских серебряных танга Давлат Қадама Гушткаша из расчета три медных динара за каждый истекший день.

Итак, в экономическом и правовом отношениях ремесленное сословие подразделялось на разные группы, среди которых были: зажиточные люди, сочетавшие занятия ремеслом с ростовщичеством, ремесленники, имевшие мастерские, ремесленники-арендаторы, работавшие в дукане хозяина, мастера, бравшие материалы в долг до продажи товара, и др.

Решающую роль в выработке высококачественных, выполненных с большим художественным вкусом ремесленных изделий играли народные традиции, передаваемые из поколения в поколение. Свой опыт и приемы работы ремесленник стремился передать по наследству, обучая сыновей и близких родственников. «Лишь накопленная из поколения в поколение и передаваемая по наследству от отца к сыну специальная сноровка, — писал К. Маркс об индийских ткачах, — сообщает индийцу, как и пауку, его виртуозность»[1]. В редких случаях сын приобретал иную, чем у отца, профес-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 352.

сию (в источниках упоминается, например, кузнец, сын штукатура). Авторы — современники описываемых событий — сообщают, что сыновья седельщика, ткача, свечника стали: художником, каллиграфом, поэтом. Однако это не было характерным явлением для рассматриваемого времени и, надо полагать, в основном относилось к детям зажиточных кругов ремесленного населения.

Кроме передачи ремесла по наследству, практиковалось привлечение учеников из посторонних лиц, что нашло отражение в документах XVI в., составленных с целью оформления отношений между учениками и мастерами. По документам, в оговоренный срок мастер должен был обучить ученика своему ремеслу. Так, ткач алачи Устад Кучак, сын Устада Джанали, по документу, составленному в 1587 г., должен был за полтора года обучить своему ремеслу Турсун Мухаммеда, сына Курбана; красильщик Устад Хасан, сын Устада Мухаммеда Хусейна,—за три года обучить красильному делу Науруз Мухаммеда; на такой же срок валяльщику войлока отдавал на обучение своего брата мулла Фазлулла, сын муллы Рустама Наккаша.

Ученик использовался мастером как подсобная рабочая сила; в процессе работы он должен был выполнять «всякое дело, которое ему поручит мастер» и усваивать технические навыки производства. Мастер не спешил передать ученику свои знания и приемы работы. Этим обстоятельством, видимо, и вызывалось стремление ученика и его родных оформить в казихона письменное соглашение с указанием срока обучения, за который он усвоил бы ремесло «в такой степени, чтобы мастера этого искусства дали свое одобрение».

В некоторых отраслях ремесленного производства мастера использовали труд поденных работников, которые упоминаются в письменных источниках под названием «коргар» и «муздур». Но в рассматриваемый период применение труда поденных рабочих не было распространенным явлением.

Самарканд являлся средоточием не только ремесла, но и торговли. Множество торговых дорог соединяло его с селениями и городами государства Шейбанидов. Пригороды обеспечивали Самарканд продуктами скотоводства, овощами, фруктами, сельскохозяйственным сырьем.

Зерно и мука доставлялись в город феодалами, которые получали их главным образом в виде натуральной

ренты от крестьян. Перебои в снабжении зерном, наступавшие в годы междоусобиц, ловко использовались купцами, беззастенчиво повышавшими цены на хлеб. Подобные спекулятивные маневры нередко приводили к выступлениям народных масс против существовавших порядков. Одним из проявлений классовой борьбы на этой почве явились народные бунты в Самарканде в 1501 г.

Из пригородов привозились в Самарканд некоторые виды ремесленных изделий, дрова, из более отдаленных районов — уголь. Хафиз Таныш сообщает следующее: в горах между Туркестаном и Мавераннахром имеются черные камни, которые горят подобно углю. Люди грузят их на ослов и привозят в города на продажу. При сгорании этого камня образуется белая зола, которую используют вместо ишкора для отбеливания одежды и чалмы.

Самарканд вел торговлю не только с соседними городами и прилегающими сельскими округами, но и с Индией, Ираном, Турцией, Казанским ханством, со странами Дальнего Востока.

Во второй половине XVI в. расширились торговые и дипломатические связи Средней Азии с Россией. В Самарканд и другие города из Московской Руси ввозились сырые кожи, воск, шерстяные ткани, деревянная посуда, полотняные ткани, из Индии — кисея, парча, некоторые виды красок и жемчуг, из Афганистана и Ирана — сахарный тростник и платяные ткани, из Китая — фарфор, шелковые ткани.

Средняя Азия в эти страны также доставляла разнообразные товары. В рассматриваемый период Самарканд специализировался на производстве и вывозе особых сортов хлопчатобумажной ткани, некоторых видов шелковых тканей, малинового бархата и других ценных товаров шелкоткацкой ремесленной промышленности, обслуживавшей главным образом потребности знати и крупного купечества. Предметы роскоши, удовлетворявшие потребности сравнительно узкого круга феодальной верхушки общества, занимали среди экспортируемых товаров незначительное место. На внутренний и внешний рынок поставлялась продукция бумагоделательного производства Самарканда. Выработка этих изделий была связана с большими техническими сложностями и требовала наличия квалифицированных мастеров, большого опыта.

Среди товаров, которыми был богат Самарканд, один из путешественников называет краски — золотую и лазоревую, а персидские авторы свидетельствуют, что из «страны узбе-

ков» в Иран привозилась синяя краска — ляпис-лазурь. Краски вывозились из Средней Азии и в Россию. Сообщается, например, что послы Абдулла-хана II привезли в Москву 40 пудов красок. Некоторые виды красок пересылались через Самарканд и Бухару из Индии, составляя предмет транзитной торговли.

Далеко за пределы Самарканда вывозились сушеные фрукты, миндаль, самаркандские яблоки и виноград сахиби, которыми особенно славился этот город.

В XVI в., особенно в первой его половине, Самарканд продолжал играть роль складочного пункта для товаров, привозимых из многих стран; товары затем пересылались в другие города и области. Например, в Индию из Самарканда вывозились не только разнообразные ткани, но и лошади, верблюды и доставляемые из Московской Руси, Поволжья и Сибири меха, сырые кожи, воск, охотничьи птицы. Через Самарканд провозились драгоценные камни, цветные металлы, благовония, вывозимые из других городов и стран.

Таким образом, Самарканд одновременно являлся центром оживленной внутригородской торговли, торговли с пригородами, соседними областями и другими государствами. Самарканд был также одним из важных промежуточных пунктов транзитной торговли.

Внутренняя и внешняя торговля приносила значительные доходы самаркандским правителям, взимавшим с купцов большие пошлины. Хафиз Таныш в «Абдулла-наме» отмечает, что с купцов на границе с Индией брали бадж, тамгу и хардж. По сообщению другого источника, направлявшиеся в Мекку паломники специальным указом были освобождены от взимания пошлины бадж. Бадж собирали и внутри страны. В ярлыке Шейбанида Абулхайр-хана (1579/80 г.) оговаривается, что лодочникам, возчикам, диванам, тушкаулам (в других ярлыках упоминаются также специальный сборщик баджа — баджгир, а также сборщики дорожной пошлины — рахдар — и пошлины за переправу через водные пространства — киштибон) предписывается не взимать с некоего Саида Али, направляющегося в Андижан, бадж, хардж и танаб. Таким образом, в государстве Шейбанидов бадж собирался внутри страны с товаров купцов и других лиц при переходе из одной области в другую. При этом чем дальше удалялся товар от своего первоначального места, тем дороже он должен был становиться, ибо его стоимость повышалась не только за счет увеличения расстояния, но и за счет многократных дорожных сборов.

В числе податей и повинностей, взимаемых с купцов, в документах называются также ихраджат, соугати, саломи, пишкаш и обязанность поставлять улаг. Сборы с ремесла и обложение товаров пошлинами являлись важным источником государственных доходов со всего Самарканда. Так, во второй половине XVI в. общая сумма доходов с Самарканда за год составляла 1 600 тыс. серебряных танга. Этим объясняется покровительство некоторых правителей купцам, выражавшееся в выдаче им охранных грамот, а в случае похищения товаров — во взыскании их стоимости с грабителей. К самому концу XV в. относится сообщение о гибели каравана с самаркандскими и хорасанскими купцами, возвращавшимися из Китая. Андижанский правитель Омар Шейх отправил своих людей на место происшествия и задержал все товары каравана. Год или два спустя он вызвал наследников из Самарканда и Хорасана и вручил им в целости все вещи.

Ханы и султаны не ограничивались доходами с торговли в виде пошлин. Они и сами активно участвовали в ней Тем более, что ханская торговля производилась беспошлинно, а в состав ханских товаров входили и монопольные. Активное участие в торговле принимали не только светские феодалы, но и представители духовенства.

Интересные сведения о крупных купцах, по специальным охранным грамотам приобретавших особые привилегии, имеются в упомянутом выше сборнике грамот-нишанов. В тарханной грамоте купцу указывается, например, что поскольку процветание государства и развитие областей зависит от купцов, то по данному указу некий купец, являвшийся ходжой, награждается тарханной грамотой и освобождается от взимания баджа, заката, харджа, тамги и прочих сборов. С него не должны также требовать подношения — соугати, пишкаш и саломи. Взиматели подорожного сбора, сбора за переправу через водные пространства, соответственно приказу повелителя, не должны взимать с него киштибон и рахдари и требовать мзду за безопасность в пути, а ильчи, овчи и кушчи не должны забирать его четвероногих. Сборщикам заката и тамгачи предписывалось не проверять его груз и не взимать особый сбор за «неизвестный» (непросмотренный таможенниками) груз, а чиновникам повелевалось обеспечить его благополучное передвижение в опасных местах. В то же время лицо, получающее тарханные привилегии, обязано было не зазнаваться, быть честным и не отказываться от принятой им вещи. Последнее позволяет предположить, что правитель, выдававший тарханную гра-

моту, мог использовать купца для получения части прибыли, предоставив ему свои товары для продажи или ссудив его деньгами под проценты. Деньги купцам давали многие среднеазиатские правители. Историк Хондемир сообщает, что Мирза Улугбек в виде средств для торговли и получения прибыли дал одному купцу драгоценный камень. Однако тот умер, не вернув долга.

Благоприятные условия для внутренней и внешней торговли Самарканда, как и других городов государства, создавали проводимые некоторыми из шейбанидских ханов мероприятия по улучшению дорог, строительству торговых заведений, мостов, караван-сараев и т. п. Этим отчасти объясняется поддержка централизаторской политики государей (Шейбани-хана, Убайдулла-султана, Абдулла-хана II) той группой феодального общества, которая принимала активное участие в торговых операциях.

Значительное расширение торговых связей и развитие ремесленного производства (особенно в первые десятилетия XVI в.) способствовали некоторому культурному росту ремесленного сословия, определенные слои которого (в основном обеспеченная часть) совмещали занятие ремеслом с занятиями литературой и музыкой. В мемуарах Васифи хорошо отражена эта сторона деятельности мастеровых людей Самарканда. Собираясь в торговых лавках и ремесленных мастерских вместе с просвещенными представителями феодалов, они устраивали литературные диспуты, сочиняли стихи, создавали музыкальные произведения.

Среди литературных произведений этого периода можно особо отметить сочинения, в которых раскрывается жизнь и деятельность средних слоев торгового и ремесленного населения города. Такова, например, книга Зайниддина Васифи «Бадаи ал-вакаи». Труд «для всяких ремесленников» сочинил некий Сейфи Бухари.

Трудовой процесс мастеровых людей находит отражение и в живописи. Особое место здесь занимает своеобразное творчество Мухаммеда Мурада Самарканди и работавшего при бухарском дворе Махмуда Музаххиба. Последний в миниатюре «Султан Санджар и старая ткачиха» изобразил феодального правителя и сгорбленную старуху, которая обвиняет султана в том, что непомерными поборами он разорил народ.

Угнетенное положение основной массы производителей воплотилось также в устном народном творчестве, образцы которого, возможно, в несколько измененном виде, в числе

других старинных песен дошли до нас. В одной из них описывается изнурительный труд ткача:

«Морозно порой в мастерской у меня,
Все тело дрожит день-деньской у меня.
И слезы струятся рекой у меня.
Слезами мата моя орошена...
Вложил в свой товар я и жилы и пот...
Кто лжет, что работа моя не трудна?».

Тяжелое положение основной массы мастеровых было причиной активного их участия в общей классовой борьбе трудового населения города, прослеживавшейся на протяжении всей истории феодального Самарканда.

4. РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ В XVII— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В XVII в. Самарканд оставался крупным центром ремесленного производства и торговли. Продолжалась узкая специализация ремесла. Особенно было развито текстильное производство — выработка хлопчатобумажных и шелковых тканей разных сортов и видов, скатертей, занавесей, кушаков и других изделий. Большое место занимало шитье готовых изделий.

Продукция ткачей отличалась высоким качеством и пользовалась заслуженной славой. В Самарканде выделывали многоцветные шелковые ткани шохи и атлас с богатым орнаментом, абр, бумажную и шелковую олачу, зандани, бязи, миткали, набойки, карбас (холст) и др.

Русские купцы, имевшие торговые связи с Бухарой, сообщали, что в ханстве (куда входил и Самарканд) производились разнообразные шелковые и хлопчатобумажные ткани. В записях Филиппа Ефремова отмечалось, что «здесь выкармливаются шелковые черви, кои производят множество шелку, из коего ткут парчи полосатые с золотыми и серебряными узорами, атласы, бархат, магреманты, кутни полосатые с золотыми мелкими травками и всякие другие парчицы».

В источниках XVII в. упоминается о существовании на территории Самарканда квартала золотошвеев (Зардузон). Мастера выделывали также ковры и ковровые изделия.

Широко развито было деревоотделочное ремесло. Из различных, особенно твердых пород деревьев производили сельскохозяйственный инвентарь (плуги, вилы, лопаты и пр.), домашнюю утварь, башмаки, прялки, дверные замки, ткацкие станки, седла, капители, резные колонны, две-

ри, мебель и пр. Среди ремесленников имелись также плотники, строители, мастера по кладке стен.

Самарканд славился мастерами-ювелирами. Они изготовляли женские украшения из серебра и меди, реже — из золота, покрывая их драгоценными камнями (рубинами и лазуритом); иногда украшали серебром конские уборы, в том числе узду. В рассматриваемый период продолжали развиваться красильное дело, мыловарение. Как и раньше, в Самарканде производили отличную писчую бумагу. Бухарская и самаркандская бумага, по свидетельству А. Вамбери, пользовалась известностью не только в Туркестане, но и в соседних странах.

Ремесленники, изготовлявшие одинаковую продукцию, были объединены в цеха. Члены цеха обычно селились вместе в одном квартале города. Названия некоторых кварталов подтверждают это. В Самарканде сохранились кварталы: Заргарон (золотых дел мастера), Сузангарон (мастера, делающие иголки), Чармгарон (кожевники), Харротон (токари по дереву), Кулолонон (горшечники), Зингарон (мастера по изготовлению конской сбруи), Шарбатдорон (изготовляющие сладкие напитки) и др.

Рассматриваемый период характерен развитием торговых связей Средней Азии с другими странами. Так, шелковые и хлопчатобумажные ткани вывозились из Самарканда и Бухары в Россию и Индию. В свою очередь из Индии, Ирана, Китая купцы доставляли различные ткани. Были развиты торговые связи Средней Азии с Московским государством, куда купцы привозили сырые кожи, овчины, шерстяные материи, деревянную посуду и др.

Самаркандские купцы активно участвовали во внешней торговле. Например, в составе торгового посольства из Бухары в Москву в 1557 г. находился представитель Самарканда Ходжа Тура и др.

В XVII в. дипломатические и торговые отношения между Средней Азией и Московским государством значительно расширились. Самарканд упоминается во многих официальных документах о внешних сношениях Бухарского ханства. Например, в послании царю Михаилу Федоровичу (март 1643 г.) Надир-Мухаммед-хан (1642—1645) говорит о своем вступлении на престол и желании по-прежнему поддерживать дружественные отношения с Московским государством, продолжать торговые связи и обмениваться пленными. В послании подчеркивается, что Надир-Мухаммед-хан — глава большого государства, в которое входит и Самарканд.

В конце XVIII в. на рынки Самарканда продолжали поступать различные изделия из России, Китая, Индии. В свою очередь, Самаркандский вилайет вывозил в эти страны бумагу, халаты из олачи, гончарные изделия, сухие фрукты, каракуль, лошадей.

В первой половине XIX в. происходил дальнейший рост внутренней и внешней торговли. Об этом свидетельствует увеличение числа караван-сараев и лавок в городе.

В «Азиатском вестнике», издаваемом Григорием Спасским в начале XIX в. под заглавием «Новейшее описание Великой Бухары», в период правления Шах-Мурада сообщается: «Миankальская бумага преимущественно к нам привозится равно как и Самаркандская среднего сорта, стоит на месте от 45 до 55 руб., а по доставлении сюда (в Оренбург) около 80 руб. (пуд). Низкие же сорта бумаги, называемые теандар и мездевон, продаются на месте от 40 до 45, а здесь от 60 до 70 руб.».

Мухаммед Рахим-хан (1753—1758) стремился восстановить жизнь Самарканда, пострадавшего от смут предшествующего периода. При завоевании Гиссара он приказал переселить в Самарканд всех, кто жил здесь раньше. В связи с этим из Гиссара в Самарканд в 50-е годы XVIII в. было выселено несколько тысяч семейств.

Самарканд в середине XIX в. являлся вторым важнейшим торговым и ремесленным центром Бухарского ханства, в котором насчитывалось около 30 тыс. жителей.

5. ВОДОСНАБЖЕНИЕ ГОРОДА

После разрушения свинцово-водопроводного акведука Джуи-Арзиз в результате нашествия на Самарканд в 1220 г. Чингиз-хана город был лишен воды, и древняя система водоснабжения Афрасиаба вскоре окончательно высохла. Хотя жизнь на Афрасиабе вымерла, Самарканд не прекратил своего существования. Спустя некоторое время, на территории предместья, расположенного к югу от Афрасиаба, Самарканд заново отстроился. Правда, в предместье городская жизнь кипела еще в X—XII вв. Там продолжал развиваться внеафрасиабский Самарканд.

Во второй половине XIV — первой половине XV в. Самарканд превратился в один из благоустроенных и богатейших городов не только Средней Азии, но и всего Востока. В связи с организацией новых селений и строительством благоустроенных дворцов сооружались оросительные каналы и исправлялись старые заброшенные системы.

Возможно, что именно в этот период для орошения южной и юго-восточной частей предгорной полосы Самаркандского оазиса в местности Раватходжа из р. Зарафшан были проведены каналы Аббас и Караунас, которые оканчивались у построенного Тимуром селения Миср. В XVII—XVIII вв. при Аштарханидах и первых Мангитах канал Аббас назывался Джуи-Нав. Впоследствии он стал называться Янгиарык, а Караунас — Казанарык.

Самарканд и его окрестности, как и в предыдущие периоды, получал воду из канала Даргом. По описанию автора сочинения «Самария» Абу Тахир-ходжи, Даргом расходовал свои воды вне и внутри Самарканда; в Ангорском и Шавдарском туменах «самаркандские сады и поля были зелены благодаря этому каналу».

Главная ирригационная магистраль, снабжавшая водой городские отводы, называлась Шавдаром; она была выведена из Даргома. Голова магистрали находилась в местности Кесканджар, на расстоянии 4,5 *км* ниже кишлака Джума-Базар. На протяжении 6—7 *км* Шавдар проходил по глубокому оврагу с высокими берегами, постепенно снижающимися по течению. На расстоянии 20 *км* от Шавдара отходили каналы Даштак и Мазар, непосредственно орошавшие Самарканд и его ближайшие окрестности.

Даштак снабжался водой при помощи водонапорной плотины, устроенной поперек Шавдара. В верхней части Даштак проходил рядом с отводом Мазар, отделяясь от него земляной дамбой, затем через кишлак Даштак к Каварзар-арыку. Далее Даштак разветвлялся на более мелкие оросители, причем два из них проходили через арык Каварзар по двум желобам, устроенным в кишлаках Ражаб-амин и Кафтархана. Даштак в основном орошал местности, прилегающие к Самарканду с юго-восточной стороны.

Из канала Мазар отходили: в левую сторону Маздахинили Навбахчиян, а в правую — Шаар-арык. Из последнего были выведены городские отводы Арк-арык, Каваля-арык и Мульян-арык, орошавшие не только Самарканд, но и прилегающие к нему с южной стороны пригородные районы.

Самарканд и прилегающие к нему местности орошались также из канала Обирахмат, выведенного из Сиаба. «Сиаб берет начало из многих бьющих из земли ключей, — пишет Абу Тахир-ходжа, — и течет до местности Кани-гил, где одна часть его впадает в Зеравшан, а другая разделяется на две ветви. Из них одна — канал Обирахмат орошает сады к северу от Самарканда: Мотируд, Баги-Баланд и Баги-Майдан». В XVI в. Обирахмат и орошаемая им местность

называлась Накши Джехан по имени сада Улугбека, расположенного за обсерваторией.

Следует отметить, что благодаря топографическим условиям местности на протяжении многих веков ирригационная система, снабжавшая водой Самарканд, почти не изменялась. Об этом свидетельствуют данные, относящиеся к разным периодам истории Самарканда. Например, по словам китайского путешественника Чан-Чуня, побывавшего в Самарканде в 1221 г., т. е. после взятия его Чингиз-ханом, город орошался тогда двумя отводами. Такой же была система орошения Самарканда и в период правления Тимура и Тимуридов.

В город вода с юга входила в двух местах — у ворот Ходжа Ахрара, называвшихся в то время воротами Каризгах, и у ворот Сузангарон. Каризгахский отвод впоследствии стал называться Ходжа-арыком, ибо он протекал у Ходжаахрарских ворот, а также Арк-арыком по имени цитадели Самарканда (арк). Сузангаронский отвод проходил через весь город и назывался Шаар-арыком, т. е. городским каналом. Несомненно, что эти два городские отвода разветвлялись на более мелкие оросители, которые в свою очередь наполняли водой многочисленные хаузы-резервуары. Городские каналы местами проходили через крытые водоотводные галереи — оби-мури, выложенные из жженого кирпича. Одна из таких галерей была сооружена у входа в город русла Аркарыка и в северо-восточной части цитадели проходила в сторону квартала Гатфар.

В водоснабжении Самарканда большую роль играли также глубокие логи, образовавшиеся родниковыми водотоками Чашма-Сиаба, Новадона и Обимашхада. Эти логи использовались как водосборные коллекторы и дренажи. Сбросные и сточные воды со всех городских отводов через логи выбрасывались в Сиаб.

Водоснабжение в Самарканде регулировалось особой водной администрацией, назначаемой местным правителем. В Самарканде водная администрация состояла из главного городского мираба — мираби шахр, распределителя воды канала Шавдар, и двадцати джуйбанов — надсмотрщиков городских оросителей. В их обязанность входили пропуск воды в город и наблюдение за отводами, орошающими Шавдарский и Ангорский тумени. Согласно установленной очереди, вода между отдельными отводами распределялась под надзором мираба по Шавдарской ирригационной системе. В вегетационный период город получал воду ежедневно в первой половине дня. В это время, за исключением каналов Джуи-Чу-

кур и Каварзар, все отводы по каналу Шавдар, начиная от его головы до вододелителя каналов Даштак и Мазар, закрывались. Городской мираб и джуйбаны-надсмотрщики за свой труд с 480 кошей земли Шавдарского и Ангорского туменей получали по две танги с коша мирабану — сбора в пользу мирабов.

В орошении левобережной части Самаркандского оазиса, в том числе и Самарканда, как и раньше, большое значение имела плотина, возводимая в голове каналов Даргом, Янги и Казан, в местности Раватходжа. О содержании ее в порядке проявляли особую заботу самаркандские правители и население Шавдарского и Ангорского туменей. Из источников мы узнаем, что иногда правители Самарканда или Бухары сами участвовали в восстановлении Даргомской плотины, возглавляя работу. Например, по сообщению Хафиза Таныша (XVI в.) — автора исторического сочинения «Абдулла-намэ» — в 1556 г. для исправления плотины в Раватходжу прибыл правитель Самарканда Науруз Ахмед-хан. В 1753 г. Даргомскую плотину исправлял бухарский владетель Рахим-бий. Важнее всего для правителей Самарканда было удержать в своих руках Раватходжу и головные сооружения Даргома, особенно в период феодальных смут и нашествия иноземных захватчиков, ибо эта местность, как отмечалось выше, имела важное стратегическое значение в качестве основного подступа к Самарканду. Поэтому правители Самарканда держали здесь крупные военные силы. При Бабуре в крепости Раватходжа жил даруга — военачальник Шавдарского тюменя.

Следует отметить, что на ирригационную систему Самарканда, особенно на головное водозаборное сооружение Даргома, ежегодно затрачивалось большое количество рабочей силы, строительных материалов. В средние века все хозяйственные работы, в том числе вывод воды из реки и распределение ее между водоотводными каналами, осуществлялись при участии почти всех водопользователей. Одна из крупных ирригационных систем Самаркандского оазиса — Даргомская — состояла из 112 отводов с головной водозаборной плотиной Варгсар и многочисленными водонапорными сооружениями (банд), а также вододелителями (кунда) и водосборами (ништак). Головная система Даргома, расположенная в русле реки Зарафшан, у местности Раватходжа, представляла собой барьер длиной 5—7 *км*, сложенный из мелкого леса, хвороста, соломы, камней и дерна. Однако эта плотина часто разрушалась весенними и летними наводнениями. Бывали годы, когда разливы Зарафшана уносили ее

полностью, размывая до основания. Иногда по нескольку раз в год вода разрушала Даргомскую плотину, и каждый раз ее ремонтировали или восстанавливали заново. В такие периоды посевы месяцами оставались без полива. Поэтому не зря самаркандцы называют Даргом Дарди-гамом, т. е. горечью и печалью.

Для выполнения работ по исправлению этого сооружения водопользователи Даргомской ирригационной системы ежегодно весной выставляли по два человека с коша земли (всего 856 мардикеров) сроком на 15 дней с необходимым количеством транспорта и строительных материалов. Например, по данным архивных документов, в 1914 г. на исправлении Даргомской плотины было отработано 12 896 дней 1436 рабочими, израсходовано 53 837 снопов хвороста и 13 837 снопов соломы.

После присоединения Самарканда к России значение Даргомской плотины возросло еще более. Для урегулирования водораспределения между Самаркандской и Бухарской частями долины Зарафшана в 1913—1917 гг. на месте плотины был сооружен Раватходжинский вододелитель. Это было первое сооружение инженерного типа в Средней Азии. Длина его равнялась 178,8 *м*, он имел пять водосливных отверстий, разделенных бетонными быками толщиной 2 *м*. С правой стороны к плотине была пристроена струенаправляющая дамба длиной 1785 *м*, выполненная из рваного камня. Плотина вместе с регуляторами была рассчитана на пропуск максимального расхода воды 600 кубометров в секунду. На это сооружение было израсходовано свыше 700 тыс. руб. В 1921 г. в результате паводка вододелитель был разрушен.

Средневековая ирригационная система Самарканда, в том числе и Даргомская, создававшаяся на протяжении многих столетий на основе богатейшего ирригационного опыта народных мастеров, была коренным образом переустроена в годы Советской власти. Благодаря этому улучшилась водообеспеченность не только Даргомской ирригационной системы, но и всей долины реки Зарафшан.

6. НАУКА, КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, АРХИТЕКТУРА

В XVI—первой половине XIX в. Самарканд по-прежнему оставался крупным городом. В нем получили значительное развитие гуманитарные науки, высокого развития и специализации достигла медицина, было развито изобразительное искусство.

Поэт Васифи в 1513 г., находясь в Самарканде, писал: «В дни своего правления почитание ученых и просвещенных

людей считал он (Кучкунчи-хан. — *Ред.*) своей первейшей обязанностью. В его царствование были возобновлены, восстановлены и укреплены все медресе, ханака, обители, мечети и богоугодные учреждения... В медресе и ханака... Улугбека... было назначено 10 мударрисов, одним из которых был Мавлоно Ашир-калон. В медресе Шейбани-хан... было назначено 4 мударриса, в их числе Мавлоно Ходжаги».

В XVI—XVII вв. в Самарканде вели научную деятельность крупные ученые: уроженец Самарканда Махмуд ибн Мухаммад, Мерием Челеби (ученик Али Кушчи) — математик, астроном; мулло Абдулали Назмуддин ибн Мухаммад ибн Хусайн Бричанди (ученик Али Кушчи) — математик, астроном; Амир Али Акбар Самарканди — ученый, музыкант; Боки жаррох Самарканди (XVI в.)—ученый, врач-хирург, поэт и музыкант; Давои Самарканди (XVI—XVII вв).—врач и поэт; Мухаммед Дервиш Самарканди (XVI—XVII вв.)—ученый и поэт, художник-миниатюрист; Дусти Самарканди (XVI—XVII вв.)—ученый и поэт; Ярмухаммед ибн Худой Мухаммед Самарканди (XVI в.)—ученый-богослов; Кешуфи Самарканди (XVI в.)—ученый и поэт; Мавлоно мири Калон Самарканди (XV—XVI вв.)—мударрис медресе Улугбека; Мир Джамолиддин Хоразми (XV—XVI вв.)—муддарис медресе Улугбека; Мухаммед ибн Абдулла Хусайни Самарканди (XVI в.); Ошик Мавлана Абдулхайр Самарканди (XVI в.)—ученый, врач, поэт и философ; Мавлана Саъдулло Согардин Самарканди (XV—XVI вв.)—ученый, поэт; Сираджиддин Мухаммед Самарканди (XVI в.)—автор книг «Дар баёни чахор дарё» и «Ганжут Толибин»; Шохий Ходжа Амирокои Самарканди (XVI в.)—ученый и поэт; Султан-Али в Самарканде—ученый, врач, в 1526 г. создал труд «Дастур-ал-илож» (руководство для врачевания). Мухаммед Хусейн ибн Мираки Самарканди в 1541 г. составил список медико-фармакологического трактата, снабдив его тонко исполненными рисунками в красках, изображающими лекарственные растения и сосуды для приготовления и хранения лекарств.

В начале XVII в. некоторое время в Самарканде жил крупный ученый, математик и астроном Мухаммед ибн Иззудин Шейх Хусейн Абдусамад (1547—1622).

О высокой культуре земледелия свидетельствуют два агротехнических трактата XVI в., обобщавших многовековой агротехнический опыт народа. В них содержатся теоретические положения по разным вопросам агротехники и ценные практические наблюдения и советы.

Восстание Спитамена. Худ. В. Е. Кайдалов.

В XVIII — первой половине XIX в. в Самарканде жили и творили ученые: Боки Мухаммад ибн Хафиз Ер Самарканди (автор «Фолномаи Жафр»), Мавлана Турсун Фароизий Самарканди и др. Здесь же трудились известные историки: Мулла Шарафутдин Аълам ибн Нуриддин Охунд мулла Фарход Самарканди (автор «Тарихи касира»); Мукимий Самарканди; Амирсаид Шариф Ракимий Самарканди (автор «Тарихи Рокими»). Зайниддин Мухаммед Амон Садр-и Кашгари в 1781/82 г. в Самарканде на таджикском языке писал свое произведение «Дурр-аж-жавохир» («Жемчужина драгоценная»), в котором отразил всемирную историю. Абу Тахир ибн кози Абусаид Ходжаи Самарканди (конец XVIII—первая половина XIX в.)—историк, поэт и врач, в 1831 г. создал историческое произведение «Самария» и др. Ученый-философ Бухары первой половины XVII в. Юсуф-и Карабаги (умер в 1645 г. в Бухаре) некоторое время жил в Самарканде, выступал с лекциями на диспутах и имел много учеников.

Выдающийся философ Бедиль воплотил свои взгляды в учении «вахдат-и мавжуд» («единство сущего») о вечности и несотворенности природы, о единстве материи и духа и растворении бога в этом мире. В основе его теории лежала идея познания человеком окружающего материального мира с помощью науки. В социально-экономических работах Бедиля было немало прогрессивных для того времени суждений. Творчество Бедиля оказало большое влияние на последующее развитие общественно-политической и философской мысли народов Средней Азии. Прогрессивные поэты и мыслители воспринимали у Бедиля преимущественно идейное содержание и развивали мотивы социального протеста против деспотизма и религиозного ханжества. Другие же поэты и мыслители, в основном придворные, заимствовали у него только сложную поэтическую форму изложения.

В классовой борьбе в области идеологии на одном полюсе находились реакционное духовенство, придворные писатели и поэты, защищавшие интересы господствующих классов, а на другом — прогрессивные мыслители, защищавшие интересы народа и выступавшие против феодальных порядков.

В этот период широкое распространение получили произведения этического характера, в которых говорилось, что терпение, умеренность, помощь и дружественное расположение, человечность, щедрость и другие этические категории являются основами мусульманской нравственности.

Литературное творчество в Самарканде было развито главным образом в ремесленно-торговой среде. Интересные собрания, диспуты с участием известных поэтов, ученых и острословов «мажлиси» происходили в медресе, частных домах, лавках ремесленников и торговцев, на базарах. Вовлечение в литературное творчество представителей различных социальных слоев отразилось на содержании и языке художественных произведений.

В создании произведений устного народного творчества активно участвовало трудовое население. В них оно выражало протест против насилия и несправедливостей, царивших в феодальном обществе. Основным героем этих произведений являлся народ.

По сведениям Мутриби, которые он приводит в своей «Тазкират-уш-шуаро», в Бухаре того времени было около 350 поэтов. Среди них встречаются имена таких талантливых поэтов, как Кемалиддин Бенаи (1458—1512), Бадриддин Хилоли (умер в 1529 г.), Зайнуддин Васифи (1485—1520), Абдурахман Мушфики (около 1538—1588), Ходжа Хасан Нисори, историк Хафиз Таныш-Нахли и др.

В Самарканде жили и творили Афзали Самарканди, Боки Хумдонаки Самарканди, Фигори Самарканди, Мухаммад Хошим Дахбеди, Завки Миankали, Мир Абдуллои Самарканди, Абдулазиз Самарканди, Арзий Самарканди, Атоий Аваз ибн Мавлана Отакул Самарканди, Ашки Самарканди, Базми Самарканди, Бедили Самарканди, Васифи Самарканди, Дервиш Хашим Самарканди и др.

Мухаммад Салих (1455—1535) знал, кроме родного узбекского, таджикский, арабский языки, был языковедом, историком, прекрасным поэтом и писателем. Кроме того, он славился своим почерком. Ему принадлежит поэма «Шайбонинаме».

Талантливым поэтом и государственным деятелем был Бабур (1483—1530). Его записки «Бабур-наме» (на узбекском языке) являются прекрасным литературным памятником и ценным источником по истории Средней Азии первой четверти XVI в.

По поручению Кучкунчи-хана в Самарканде ряд исторических сочинений — «Тарих-и Тазани» Рашидаддина, «Зафар-наме» Шараффутдина Йезди — был переведен с таджикского на узбекский язык.

После кратковременного перерыва с 40-х годов XVII в. в Самарканде вновь развивается литература. Выдающийся поэт Малехо Мухаммед Баде ибн Мухаммед Шариф Самарканди в своем труде «Музоккир-ул-Асхоб» (1692 г.) называ-

ет имена около 200 поэтов Мавераннахра, бóльшая часть которых была выходцами из Самарканда или творила в Самарканде.

Многие поэты были выходцами из среды ремесленников. К их числу относятся каллиграф Мухаммед Обид ибн Мухаммед Захид Самарканди; палаточник Муъин Бухори (несколько лет жил и творил в Самарканде); выдающийся поэт, автор поэмы «Галиб и Матлуб» позументщик (вышивальщик золотом) Фитраги Зардузи Самарканди; купец Масехо Самарканди; портной (студент медресе) Сарафроз Мухаммадамин Самарканди; мастер по внутренней отделке зданий Мульхами Самарканди; красильщики Забехои Яхудин Самарканди, Рахмини Яхудин Самарканди, переплетчики-каллиграфы Абдулла Самарканди, Дост Мухаммед Садри Самарканди, мулло Мухаммед шах Гариб Самарканди, Мухаммед Хусейн ибн Мирза Мухаммед ибн шах Валад Самарканди, Ходжа Али ибн Миракайи Самарканди, Ходжа Миршах Самарканди и др.

Известными поэтами эпохи также были: Садык Самарканди автор «Риёзу-шуаро»; Ниматулло ибн Якуб Самарканди, который в 1855 г. переписал «Махбуб-ул-кулуб»; Факирий Зулфикор Самарканди, автор поэмы «Кушлар муносараси» («Беседа птиц»).

Среди прогрессивных деятелей культуры этого периода следует назвать Сайидо Насафи (1637—1720) из Карши, Турды (под псевдонимом Фараги, умер в 1700 г. в Джизаке) и др. В своих произведениях они отражали интересы трудового народа, его ненависть к феодалам-эксплуататорам. В стихотворениях Сайидо Насафи есть много строк, направленных против отшельников, шейхов и мухтасибов.

Поэт Турды, разоблачая произвол Субханкули-хана, писал:

«Побором, воровством и тысячами бед
Он разорил страну, затмил в ней солнца свет,
Есть деньги или нет, одет ты иль раздет,
Плати ему налог вперед за много лет».

О литературной жизни XVIII—XIX вв. в Бухарском ханстве и о некоторых представителях литературных кругов Ферганы дает сведения Кори Рахматулло Возех (1804—1894) в сочинении «Тухфат-ул-ахбоб фи тазкират-ул-асхоб» (1871 г.).

Видным поэтом и ученым был Джунейдулло Махдум Хозик (в 1843 г. был казнен), побывавший в Самарканде. В своем произведении «Юсуф и Зулайхо» он писал, что основным условием для благоденствия государства является не

только справедливый государь, но и просвещенные министры и чиновники, заботящиеся о благе народа.

В XIX в. известны имена следующих поэтов, живших в Самарканде: Абдулла Джаббар Наймана Самарканди (переписал книгу Абдуханифа «Алфикхул акбар»), Абдулкаюма Самарканди (переписал книгу Сайфиддина Бохарзи «Рубоиёти шайхулолам»), Мир Абдулхая Самарканди (в 1825 г. переписал книгу А. Навои «Чар диван»), Мухаммед Замони Самарканди ибн Мухаммед Ризои Фалгарии Потухи (XVIII—XIX вв.), Мукимхан Самарканди (в 1850 г. переписал «Хамсу») и др.

В творчестве свободомыслящих поэтов Самарканда Рахими Самарканди, Мирза Шариф Дабири Самарканди имеются элементы критики существующего строя, разоблачения невежества духовенства. Например, Мирза Шариф Дабири Самарканди, резко критикуя придворных поэтов-панегиристов, восхвалявших эмира и его окружение, писал:

«Дар ин замон ки забонварон вассофанд,
На фозиланд, на олиму на шахи инсофанд».
(«Красноречивые панегиристы, которые ораторствуют,
не являются ни добродетельными, ни учеными»).

Большое влияние на самаркандских поэтов и писателей оказывали произведения талантливой поэтессы Увайчи Джахан-атык из Коканда, поэта Махмура, ставшего популярным благодаря своему произведению «Хапалак», писателя-сатирика Гулханий Мухаммед Шариф (произведения «Зарбул-масал», «Ташбака билан чиен», «Маймун билан дуредгар») и др.

В конце XVIII—начале XIX в. Бухара становится религиозным центром Средней Азии. Важнейшим источником доходов духовенства были вакфы. К этому времени количество вакуфных земель увеличилось. Из казны эмира ежемесячно выделялись средства на содержание странствующих дервишей, которые пропагандировали слепое подчинение предписаниям религии.

В Самарканде религиозный фанатизм также усилился. Юго-восточная часть города была занята под квартал дервишей и называлась Каландар-хона. Духовным наставником дервишей был богослов Бобо Ходжа Сафо Каландар Самарканди (XVII—XVIII вв.), а покровителями — эмиры Шах-Мурад и Хайдар, которые сами выступали в медресе с лекциями по богословию. Шах-Мурад написал книгу «Айн-ул-хикмат» («Источник мудрости»).

Все обучающиеся в медресе по степени образования делились на три группы. Соответственно этим группам повышались стипендия и паек. Служба в медресе и посещение занятий в назначенные дни были обязательны. Специальное лицо регистрировало явку служащих и учащихся. Пропустивший службу или занятия без уважительной причины лишался довольствия за пропущенные дни.

Все служащие и обучающиеся в медресе получали содержание натурой и деньгами. Каждому ученику старшей группы причиталось в месяц 45 медных динаров и 60 манов зерна в год, ученику низшей группы — 25 динаров в месяц и 30 манов зерна в год.

В учебный курс медресе входили: языкознание, логика, богословие, законоведение (шариаты), толкование ходисов и учение о преданиях Мухаммеда. Ученики изучали также первые четыре правила арифметики, начатки алгебры и геометрии. Срок обучения не был твердо установлен. С 16-летнего возраста обучались от 8 до 15 и даже до 20 лет. Следовательно, некоторые могли кончать медресе в возрасте 36 и более лет. Деления на классы не существовало, а велась курсовая система обучения по предметам. В медресе лекции читались каждый день (с восхода до заката солнца), кроме пятницы и четверга, месяца рамазана и трех летних месяцев каникул.

Вторым видом школы был мактаб — низшая школа. В мактабах дети в возрасте от 6 до 16 (в других источниках от 5 до 15) лет обучались грамоте и воспитывались в духе мусульманского благочестия.

В Самарканде мактабы имелись в каждом квартале (махалле, гузаре). Учителем обычно являлся имам ближайшей мечети. Содержались мактабы за счет средств, собиравшихся с родителей учащихся. Срок обучения в них также не был установлен. Существовали мактабы и для девочек.

На большой высоте в XVII в. находилось искусство оформления книги и каллиграфии. В области миниатюры были продолжены традиции бухаро-самаркандской школы предшествующего столетия. Самаркандские художники-миниатюристы, каллиграфы-переплетчики славились не только в Мавераннахре, но и далеко за его пределами. Богатая палитра, тонкость рисунка, умелая передача движения, искусство компановки многофигурных композиций — всем этим владели миниатюристы XVI—XVII вв. Сайидо Насафи писал о живописце:

«Соловьиные ресницы он для кисти раздобыл,
дивно тонкому узору чтобы не было вреда».

Примером искусного исполнения служат семь миниатюр в поэме Шади «Фатх-наме», воспевающей военные подвиги Шейбани-хана (поэма была переписана в Самарканде между 1502 и 1507 гг.), и 601 миниатюра в медико-фармакологическом труде «Ихтиарати Бадии» (переписан в 1541 г. Мухаммедом Хусайном ибн Мираки Самарканди).

Выдающимся самаркандским миниатюристом был Мухаммед Мурад Самарканди. Блестящим образцом его творчества являются 115 иллюстраций в списке «Шах-наме» Фирдоуси, переписанном в 1556 г. каллиграфом Хамадани для правителя Хорезмского удела Эш-Мухаммеда.

Имеются сведения об отправке в Индию ко двору Акбара (1556—1604) самаркандских художников Мухаммеда Мурада и Мухаммеда Надира.

Мухаммед Шариф Самарканди в 1616 г. выполнил одну из четырех миниатюр к поэме «Бустан» Саъди, Мухаммед Дервиш Самарканди в 1618 г. свою поэму «Дастан Зибо-Зивар» обогатил четырьмя миниатюрами. Крупный фолиант «Зафар-наме» Шарафутдина Али Йезди, исполненный в 1628 г. в Самарканде, содержит семь миниатюр.

В конце XVIII — начале XIX в. под влиянием пропаганды дервишей были случаи варварского уничтожения миниатюр старинных манускриптов. Фанатики-мракобесы вымарывали изображения людей или намалевывали поверх них грубый цветочный орнамент.

Массовое народное творчество проявлялось в песнях, рассказах и сказаниях. Широко было развито народное театральное творчество. Существовали театры двух типов. Первый из них — уличные театральные представления бродячих артистов (акробатов и жонглеров, канатоходцев, танцоров, фокусников, дрессировщиков медведей и коз). Наиболее ярким видом народного театра являлось скоморошество—кизикчилик-аския. Тои, праздники не обходились без участия бродячих музыкантов. Артисты народного театра, включая музыкантов и певцов составляли цех, называемый созанда.

Вторым типом театрального представления были кукольные театры, которые быстро развивались с конца XVII в. Существовали два вида кукольного театра: кол кугирчок (театр петрушки) и чодир-хаел (театр марионеток). В своих выступлениях артисты этих театров критиковали проделки судей, духовенства и администрации.

На известной высоте стояла музыкальная культура. В источниках называются десятки имен блестящих музыкантов-исполнителей, композиторов, знатоков теории музыки. Му-

зыкой интересовались и занимались не только профессионалы. Ученые, поэты, живописцы и вообще все образованные люди были ценителями музыки, а зачастую и сами играли на каком-либо инструменте, занимались композицией или даже писали труды по теории музыки. Таковы, например, знаменитые историки и поэты Бенаи, Хафиз Таныш, поэты Лутфи, Хасан Ансори, каллиграф Махмуд Исхок, врач Мавлано Хасан Самарканди и др.

Крупнейшими теоретиками в области музыки были: Мавлано Кавкаби — автор многих трактатов по музыкальной теории на основе так называемых «двенадцати макомов»; Ходжа Мухаммад ибн Абдулхасан Самарканди, Дервиш Алиа—авторы трактатов по теории музыки.

События политической истории, приведшие на рубеже XV—XVI вв. к падению Тимуридов и воцарению в Мавераннахре династии Шейбанидов, не отразились на ходе развития местной архитектуры и тех ее тенденций, которые определились в «эпоху Навои». В Самарканде в течение трех первых десятилетий XVI в. до перенесения столицы в Бухару, осуществлялось значительное строительство. Немало монументальных зданий было возведено в черте города; в восточной части пригорода возник новый квартал (Нау), где располагались сады самаркандской аристократии, среди которых особенно славился красотой сад Дили-Афруз. Из многих построек этого времени сохранилось лишь крупное ирригационное сооружение — вододелитель на Зарафшане (1502 г.). Две большепролетные кирпичные арки, расположенные под некоторым углом друг к другу на мощных быках, обеспечивали распределение вод Зарафшана по главным руслам и Карадарье и Акдарье. Прочность вододелителя, способного противостоять буйным паводкам реки, проверенная веками, свидетельствует о высоком инженерном искусстве узбекских мастеров.

При Шейбани-хане несколько севернее Регистана было начато строительство медресе Олияи-Хония, по словам современника, «обширного, как площадь надежды, и высокого, как зенит». После гибели Шейбани-хана в битве под Мервом в 1510 г. его обезглавленный труп доставили в Самарканд и погребли на воздвигнутой из серого мрамора во дворе медресе высокой суфе. Строительство здания было продолжено его сыном Тимур Мухаммед Султаном (ум. в 1514 г.) и завершено женою последнего Михр-Султан-Ханым. По ее распоряжению с северной стороны медресе Олияи-Хония было возведено аналогичное по композиции и столь же мону-

ментальное медресе Хония. Оба здания соединял огромный пештак, облицованный лазурными и позолоченными изразцами.

На суфе или, как ее чаще именуют, дахме была погребена плеяда самаркандских Шейбанидов. В XVIII в. оба медресе были разобраны, затем в конце XVIII в. медресе Олияи-Хония было частично восстановлено, но в 1874 г., в связи с пробивкой улицы, снесено, а дахма перенесена в другое место (в наши дни ее переместили в район Регистана).

В жалованной грамоте вакфнаме о шейбанидских медресе Самарканда говорится, что «эти два медресе, громадные, как египетские пирамиды, схожие, как близнецы, радующие сердце, как две щеки возлюбленной, ... воистину послужили к увеличению блеска Самаркандского царства». Если учесть, что они были введены в состав той величественной застройки, которая тянулась от Регистана до ворот Аханин (в одном ее конце высились громады медресе, ханаки и караван-сарая Улугбека, а в другом — соборная мечеть Тимура и медресе Сараи-Мульк-Ханым), то можно полагать, что медресе Шейбани-хана и Михр-Султан-Ханым гармонично вписывалось в архитектурный ансамбль. Указание же вакфнаме на своеобразную композицию двух медресе, соединенных общим монументальным пештаком, свидетельствует о неустанных поисках новых композиционных решений в среднеазиатском зодчестве XVI в.

В первой трети XVI в. продолжались застройка и благоустройство Регистана. Здесь, в центре главного рынка появился базарный комплекс Ходжа-Мухаммед Чапа, а возле базарной площади была возведена мужская общественная баня. Возможно, что остатками ее является та многокупольная баня Самарканда, которая функционировала до недавнего времени; она неоднократно ремонтировалась, но планировка, фундаменты и система отопительных устройств могли быть унаследованы от XVI в.

В 1529/30 г. по распоряжению правившего тогда Кучкунчихана в джума-мечети Алика Кукельташа был поставлен новый минбар, выточенный из цельной мраморной плиты.

Примерно в то же время близ мечети, с южной стороны площади Регистан возводится еще одно крупное здание, дополнившее ансамбль эпохи Улугбека. То было медресе, воздвигнутое сыном Кучкунчи-хана Абу Саид-ханом; оно включало купольный зал усыпальницы самаркандских Шейбанидов. Его название — «Кок-Гумбаз» — явно указывает на гос-

подствующую роль голубого купола усыпальницы в композиции медресе. Вросшие в землю остатки стен главного помещения существовали в начале XX в. под названием «Чальдухтарон». Эпитафии на его прекрасных резных надгробиях свидетельствуют, что здесь были захоронены Кучкунчи-хан (умер в 1531 г.), три его сына и три внука. В их числе был сам строитель медресе Абу Саид-хан (умер в 1533 г.), надгробие которого, выточенное из серо-черного камня очень твердой породы и покрытое богатой цветочно-растительной резьбой, хранится ныне в Самаркандском музее. Материал и обработка камня близки к тимуридским надгробиям Герата; по-видимому, к изготовлению надгробия был привлечен один из тех искусных гератских мастеров, которые после бесчинств, учиненных в Герате персидскими кызылбашами, в большом числе устремились в Мавераннахр.

Крестообразный план Чальдухтарона, изысканная мозаичная панель с надглазурной росписью золотом, кундаль в декоре стен — все это очень близко к архитектурной композиции и художественному оформлению Ишрат-ханы и Ак-Сарая. Принципы самаркандской архитектурной школы второй половины XV в. находят здесь прямое продолжение.

В 1533/34 г. напротив медресе Абу Саид-хана по распоряжению Мирек-Лятифа был устроен обширный общественный хауз. Таким образом, в композицию Регистана включилось большое водное зеркало.

С переносом столицы государства в Бухару Шейбаниды утрачивают интерес к застройке Самарканда. И хотя официальная историография повествует о том, что Абдулла-хан в 1581 и 1587 гг. отдавал распоряжения о ремонте построек, очевидно, более объективен самаркандский источник XVII в., который сообщает, что Абдулла-хан, напротив, был повинен в разрушении некоторых зданий. Как бы то ни было, к концу XVI в. ханака Улугбека и мечеть-джами Алика Кукельташа находились в полуразрушенном состоянии, что не могло не нарушить целостности архитектурного ансамбля, сложившегося у площади Регистан.

В XVII в. вновь оживает строительная деятельность в Самарканде. При Аштарханидах некоторые постройки возникли по инициативе могущественного везира Имамкули-хана—Надир Диван-биги. По его распоряжению в южной части Самарканда возводится мечеть-намазгох. Мечеть имела вид продолговатой галереи, открытой арками с трех сторон и замкнутой лишь на юго-западной стороне, где располагались михрабные ниши. Центр здания выделен высоким куполом на барабане и оформлен изразцами.

С 1630/31 по 1635/36 г. по поручению того же Надир Диван-беги у кладбища Ходжа Ахрара было сооружено медресе. Оно возводилось зодчим (меъмор) Дост-Мухаммедом; ответственным за строительство лицом был некий Ходжа-Хашим. Хотя в велеречивых стихах на мозаичном панно этого памятника он и именуется «величественным зданием», высота которого «доходит до сияющей луны», медресе невелико по размерам и традиционно по композиции. Портальный вход ведет в прямоугольный двор со сводчатыми айванами на главной оси, двор обведен одним этажом худжр. В глубине его находятся мечеть и дарсхана с небезынтересной системой купольных перекрытий на сетчатых парусах. Но в остальном здесь все шаблонно, а качество кирпичных и наборных резных мозаик уже весьма невысоко.

XVII столетием датируется мавзолей Абди-Бирун, также стоящий в южном пригороде Самарканда на маленьком кладбище, среди деревьев и поросших травой могил. Следует отметить редкий для этой эпохи случай сооружения усыпальницы, возведение которых в XVI в. почти сходит на нет, ибо захоронения видных светских и духовных лиц осуществляли в эту пору при медресе и ханаках. Мазар Абди-Бируна имеет массивные пропорции портала, прямоугольной призмы главного объема, четверика со срезами углов, цилиндрического барабана и стрельчатого купола. В облицовках использованы выкладки из глазурованных кирпичей, образующие несложные геометрические узоры на портале и крупную надпись на барабане.

В большей мере, чем в перечисленных постройках, движение творческой мысли проявляется в двух монументальных сооружениях, воздвигнутых на Регистане по распоряжению Ялангтуша Бахадура.

В пору нарастающего сепаратизма удельных владетелей и ослабления центральной ханской власти в Средней Азии возрастает роль сильных узбекских родов. Ялангтуш Бахадур, которого Имамкули поставил на должность хакима (правителя) Самарканда, был видным военачальником, прославившимся не только одержанными победами, но и жестокостью расправ с побежденными.

Медресе Шир-Дор (1619—1635/36 гг.) было возведено на месте разобранной ханаки Улугбека, на оси медресе Улугбека, повторяя в основном его фасад. Планировка этих зданий сходна, но не идентична. Четырехайванный квадратный двор Шир-Дора обведен двумя ярусами худжр (общим числом 52). В углах лежат дарсханы, но продолговатого зала мечети здесь нет, а юго-западная дарсхана является зиарат-

ханой, в которую включили располагавшуюся ранее снаружи почитаемую могилу имама Джафара. Минареты главного фасада Шир-Дора были такими же стройными, двухзвеньевыми, как и в медресе Улугбека, но углы тыльного фасада фланкировали массивные угловые башни — гульдаста. К XVII в., вследствие накопления культурного слоя, уровень площади поднялся почти на 2 *м* по отношению к первоначальному уровню XV в. Укоротившиеся из-за этого пропорции медресе Улугбека были повторены и на фасаде Шир-Дора.

Композицию фасада определяют сильный портал и стройные минареты, двухъярусные простенки между ними и пара взнесенных на цилиндрических барабанах рубчатых куполов. В архитектурном декоре использованы выкладки из глазурованных кирпичей, наборные резные мозаики, мраморные плиты. Все это сделано с большим вкусом, на очень высоком уровне технического выполнения. И все же, даже при единстве общей композиции и методов декора с улугбековским медресе, строители Шир-Дора пытались придать ему иное художественное звучание введением иного цикла орнаментальных мотивов. Орнаменты покрывают сплошь все архитектурные поверхности. На них развертываются то крупные геометрические и эпиграфические узоры, то очень тонко проработанные мотивы гибких побегов и цветов или замысловатая вязь надписей почерка сульс. Особенно оригинально оформление тимпанов портальной арки; в каждом из них на фоне растительных сплетений дано изображение набрасывающегося на лань тигра, из-за спины которого выглядывает сплющенный, лучистый солнечный лик. Все это далеко от какого-либо натурализма, изображения даны в геральдической схеме и, несомненно, имели символический смысл. Само народное название «Шир-Дор» обозначает в переводе «имеющее тигров».

Декоративное оформление двора столь же богато и гармонично, как на фасадах. Особенно хороши здесь мозаичные панно с фигурными вазами и пышными букетами цветов и изразцовые сталактиты в сводах айванов. Поэт Мавлано Ширходжа сложил стихи, начертанные на медресе, в которых в выспренных выражениях восхваляется Ялангтуш Бахадур: «Он соорудил такое медресе, что земля доведена была им до зенита неба — это знамя взаимного их украшения. Годами не достигнет высокой вершины его портала горный орел ума мощью и усердием искусных крыльев. Веками не достигнет верха запретных его минаретов искуснейшими

ший акробат мысли по канату фантазии. Когда архитектор точной правильности воздвиг изгиб арки портала, небеса, приняв его за новую луну, прикусили палец удивления...». Медресе сохранило также скромно начертанные имена своих талантливых создателей — зодчего Абдулджаббара и резчика по камню, который в надписи, восхваляющей ответственного за строительство Ишана-Вали, уничижительно именует себя «прах собак дагбитских — Хасан-самаркандец».

Тилля-Кари (1646/47—1659/60) было возведено Ялангтушем Бахадуром уже на склоне лет. К этому времени пришли в упадок обе соборные мечети Самарканда и перед строителями была поставлена сложная задача сочетать в одной постройке медресе и джума-мечеть. Зодчие придали ей асимметричный план, расположив с трех сторон худжры, а с западной стороны двора зимнюю мечеть, но сохранив симметрию по главному двухъярусному фасаду. Ось его, отмеченная пештаком, центрирует ось Регистанской площади. Двор медресе служил для массовых богослужений. Зимний отдел мечети имеет вид многокупольной галереи на прямоугольных столбах; в центре ее высится монументальное главное здание с михрабной нишей. Оно обращено стройным порталом во двор и перекрыто куполом на сложно-сталактитовом венце. Стены, паруса и купол интерьера от уровня панели до самого верха покрыты цветочными росписями, исполненными в технике кундаль и мерцающими плотной позолотой (отсюда название «Тилля-Кари» — «позолоченная»). Внешний купол, по-видимому, так и не был завершен, хотя и был возведен его массивный цилиндрический барабан. Декор Тилля-Кари уже отличают черты упадка в сравнении с Шир-Дором: наборы из глазурованных кирпичиков измельчены и напоминают вышивку «крестом», в резных мозаиках неприятны сочетания ядовито-зеленых и желтых тонов.

Тилля-Кари завершает блистательную фазу классической архитектуры древнего Самарканда. Художественная ценность этого памятника, быть может, не столько в нем самом, сколько в том, что с возведением его формируется последний выдающийся монументальный ансамбль Самарканда у площади Регистан, примерно в том виде, в каком он дошел до наших дней.

Шах Мурад (1785—1800) принимал участие в восстановлении самаркандских медресе. В частности, он перестроил двухэтажное медресе Ходжа Ахрара, сооруженное в 1455/56 г. и получившее название «Мадраса-и-Сафед» («Бе-

лое медресе»). Оно было расположено в южной части Самарканда, к западу от большой улицы, ведущей к городским воротам Сузангарон. Ремонт был совершен за счет строительных материалов мечети Кукельташ. Были отремонтированы и восстановлены медресе Шейбани-хана и Улугбека, восстановлены разрушенные части крепостных и городских стен. К этому времени относится небольшое сооружение Чертак — арочно-купольная сень на верхней площадке лестницы мавзолея Шахи-Зинда, а также мавзолей Ездахимом.

Значительным памятником гражданского типа является Тим (Чор-Су), построенный в 90-е годы XVIII в. у северо-восточного угла медресе Шир-Дор. Чор-Су в плане представляет собой шестигранное помещение, в центре с высоким куполом и расходящимися от него радиусом шестью коридорами-проходами, по числу городских ворот: Бухарских, Каризгаха, Сузангаранских, Фирузы, Аханина и Хайдарабада. Так были названы при Тимуре шесть основных ворот Самарканда.

Тим служил центральным рынком по продаже головных уборов «тими тильпак-фурушан». В 1812—1813 гг. в ансамбле Шахи-Зинда были построены: слева от входа — мечеть, справа — группа служебных помещений и маленькое медресе, сооруженное правителем Самарканда Давлат-бием Кушбеги. В 1814 г. были изготовлены и навешаны прекрасные резные створки двух наружных дверей главного фасада медресе Улугбека. Двери эти, провисевшие около ста лет, в 1909 г. заменили другими. Две их створки с датой изготовления хранятся с 1923 г. в Самаркандском музее. Ремонт этого медресе продолжался еще в 1817 г., о чем свидетельствует дата, вырезанная на алебастровой штукатурке верхней части главного портала.

Случившееся после того в 1817/18 г. (1234 г. х.) большое землетрясение тяжело отразилось на минарете медресе Улугбека, разрушило в Тилля-Кари накренившийся главный портал, верхняя часть которого была выведена заново, но уже без изразцовой облицовки. В конце XVIII — первой половине XIX в. в Самарканде было построено множество жилых домов, квартальных мечетей, лавок, мастерских и подновлялись разрушенные старые здания. Хотя строительство культовых зданий и медресе продолжалось, оно теряло свою монументальность, высокие технические и художественные качества.

В конце XVIII в. при заселении Самарканда пришлое население принесло из разных городов приемы своей градостроительной традиции. Поэтому образ жилища конца

XVIII в. в Самарканде в созданных 24 новых гузарах не обладал цельностью: имелись бухарские, хивинские, ташкентские, ферганские и другие типы жилищ. Среди пришлых мастеров-строителей были выходцы из кишлака Куль-тепа (около Ура-Тюбе), которые образовали квартал Куль-тепа (нынешняя улица Бухарская) и создали как бы свою архитектурную школу.

В планировке самаркандского дома конца XVIII — начала XIX в. преобладало сочетание одной или двух комнат и узкой передней. Однокомнатный айван примыкал к торцу комнаты. Для интерьера самаркандского дома характерны резьба по ганчу и роспись потолков и стен. Роспись очень разнообразна и весьма интересна. Большинство жилых домов строилось из глины и сырцового кирпича квадратной и прямоугольной формы. В монументальном строительстве употребляли жженый кирпич. Бедняки жили в полуземлянках с толстыми глинобитными стенами и без окон. Стены их жилищ покрывались грубой глиносаманной штукатуркой, а у богатеев алебастром.

По описанию Н. В. Ханыкова, Самарканд к 1814 г. был окружен высокими глиняными стенами с бойницами, башнями и шестью воротами. Ночью доступ в город и выход из него были запрещены. Окружность городских стен составляла 13,9 *км*, а общая площадь — 10,4 *м*^{2}. В Самарканде было много садов, большая сеть арыков и хаузов, два каменных караван-сарая и три бани. Цитадель находилась в западной части города и имела наружную стену длиной 3,2 *км* с двумя воротами. Внутри располагались казармы и ханский дворец с крытой галереей.

ГЛАВА VII

САМАРКАНД В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

1. ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ САМАРКАНДА

В 1868 г. Самарканд был присоединен к России. Позднее было произведено объединение Самаркандского и Каттакурганского бекств и образован Зарафшанский округ, к которому затем присоединились Пянджикент и горные районы верховья Зарафшанской долины.

Составленное в первой половине июля 1868 г. и утвержденное генерал-губернатором Кауфманом «Временное положение (правила)» об управлении Зарафшанским округом немедленно вошло в силу.

Согласно § 1 «Временного положения», особый Зарафшанский округ официально не входил в состав Российской империи, но подчинялся непосредственно начальнику Туркестанского края. Границы между двумя отделами округа — Самаркандским и Каттакурганским — определялись на основе границ, существовавших между Самаркандским и Каттакурганским бекствами.

«Временное положение» предусматривало, кроме учреждения царской администрации, частичное сохранение старой системы управления в лице аксакалов и аминов с тем, чтобы «привязать к русской власти влиятельных туземцев». Все органы и функции управления — администрация, полиция, взыскание налогов и сборов, разбор претензий жителей, суд — были переданы в ведение начальника округа генерала Абрамова, назначенного вместо генерала Головачева.

В сентябре 1868 г. при военном губернаторе Зарафшан-

ского округа была сформирована канцелярия, которая первоначально состояла из распорядительного, хозяйственного и бухгалтерского отделений, а с 1869 г. — только из первых двух отделений.

После образования особого Зарафшанского округа была также создана комиссия под председательством генерала Абрамова для определения точных границ округа и его двух отделов. По представлению комиссии Самаркандский отдел состоял из трех районов, включавших 11 населенных пунктов, а Каттакурганский отдел — из одного района, в состав которого входило 16 селений. Организация отделов и их разграничение проводились царскими чиновниками произвольно, без учета социально-экономических особенностей этих районов.

Из-за отсутствия четких административных и территориальных границ между районами и отделами страдали интересы населения, которому приходилось платить иногда двойные подати. Налогосборщикам вместо жалования выдавалось в качестве вознаграждения 5—10% общей суммы собранных денег; поэтому они допускали злоупотребления, чтобы получить бóльшую сумму с налогоплательщиков.

Администрацию отделов возглавляли начальники, которым подчинялись и военные силы. С 1869 г. это право начальника Самаркандского отдела было упразднено и в случае необходимости он действовал через военного генерал-губернатора округа.

«Временное положение» 1868 г. об управлении Зарафшанским округом не предусматривало создания органов управления Самаркандом; поэтому последний подчинялся начальнику Самаркандского отдела. При начальнике Самаркандского отдела было учреждено специальное хозяйственное и общественное управление, представлявшее собой некоторое подобие городского управления, учрежденного в Ташкенте по проекту «Положения» 1867 г. Несмотря на это, Самарканд не выделялся в особую административную единицу, а упомянутые выше хозяйственно-административные органы управления функционировали под руководством одного из помощников начальника Самаркандского отдела. В 1887 г. эти органы управления были ликвидированы с передачей всех функций городской власти в ведение Самаркандского уезда.

С принятием 12 июня 1886 г. «Положения об управлении Туркестанского края» Зарафшанский округ был преобразован в Самаркандскую область, а должность начальника округа упразднена.

В январе 1887 г. Самаркандская область была разделена на четыре уезда — Самаркандский, Каттакурганский, Ход-

Восстание сарбадаров. Худ. В. Е. Кайдалов.

жентский и Джизакский (последние два переданы из состава Сырдарьинской области). Самарканд стал областным центром.

Создавая постепенно органы управления в Туркестане, царизм оставлял в неприкосновенности или несколько видоизменял некоторые органы старой феодально-государственной иерархической власти Бухарского эмирата в целях сохранения политической и культурной отсталости народов Средней Азии.

Одним из таких органов феодального государственного аппарата был суд казиев. Царская администрация оставила его без существенных изменений, лишь приспособив к режиму, который был установлен по округу. Изменения сводились к установлению выборного начала, созыву съездов «народных судей», ограничению рамок наказаний, выносимых казийскими приговорами (решениями). Казии, назначение которых в известной степени зависело от избирателей, постепенно стали терять прежнее влияние. Чтобы сохранить свои места как источник дохода и обогащения, они применяли тактику интриг и подкупов избирателей и царских чиновников.

Для русского населения были введены должности уездных судей, компетенция и объем деятельности которых были такими же, что и в Европейской России. Институт уездных судей существовал до 1 января 1887 г. По Положению от 12 июня 1886 г., он был заменен институтом мировых судей как в уездах, так и в городах Самаркандской области.

Согласно циркуляру от 14 мая 1889 г., Самаркандский областной суд, который подчинялся областному управлению, был преобразован в Самаркандский окружной суд и действовал на общих основаниях Судебного устава, применяемых для других губерний Российской империи.

Жителям коренных национальностей предоставлялось право разбора их дел в русском суде (при согласии двух сторон). Но зачастую суд не принимал соответствующего решения, а ограничивался результатом административного вмешательства военного губернатора или начальника уезда, которые заключали людей в тюрьму или высылали их в Сибирь без судебных приговоров. Таким же порядком иногда освобождали заключенных из тюрем.

И тем не менее новая система была более прогрессивной по сравнению с судебной и административной системой, существовавшей при владычестве над Самаркандом и его округой бухарского эмира, кровавый деспотизм и тяжкий гнет которого были хорошо известны.

Одно из существенных социальных последствий присоединения Самарканда к России — запрет рабовладения и работорговли в Средней Азии. До этого основными рынками торговли невольниками являлись Бухара и Самарканд.

По свидетельству ряда источников, невольничий труд применялся не только в домашнем быту, но и в сельском хозяйстве. Например, накануне присоединения Самарканда к России у крупного каттакурганского феодала Алимбая работало около 500 невольников. Только после включения Туркестана, в том числе Самарканда, в состав империи эти рабы по требованию русских властей были освобождены.

Отмена рабства и торговли людьми была закреплена договорами 1868 и 1873 гг. между Россией и Бухарским эмиратом. Статья 18 договора от 28 сентября 1873 г. гласила: «Отныне в пределах бухарских прекращается на вечные времена постыдная торговля людьми, противная законам человеколюбия». Эмир вменил в прямую обязанность беков строжайшее соблюдение этого положения договора.

С присоединением к России в Средней Азии был положен конец бесконечным междоусобным войнам, тяжело отражавжимся на положении трудового народа.

Прогрессивным оказалось влияние России и на социально-экономическую жизнь Самарканда, который как и весь Туркестан, стал довольно быстро втягиваться в общее русло экономического развития России. В экономику города постепенно начали проникать буржуазные отношения; одновременно шло разрушение феодально-патриархальных отношений.

Но в первые десятилетия феодальные отношения с их замкнутостью и натуральным характером производства еще преобладали в городе и области. Это тормозило рост городского населения, удельный вес которого в общей численности населения Самаркандской области в 1868—1870 гг. составлял лишь 1,3%, а в 1897 г.—15,7%. Все же некоторое изменение в росте удельного веса городского населения свидетельствовало об общественном разделении труда; особенно заметным оно стало после открытия Закаспийской железной дороги.

Статистика (за исключением материалов переписи 1897 г.) дает неопределенные, часто противоречивые и путанные сведения о занятиях населения.

По данным, относящимся к 1870—1872 гг., в Самарканде проживало не более 20 тыс. человек. На долю привилегированного класса приходилась 1/10 этого количества; остальную часть жителей составляли земледельцы, ремесленники и лица без определенных занятий. Более 6 тыс. человек находились, по свидетельству современников, в нищете и голодали.

По материалам всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., численность жителей Самаркандской области составляла 860 021 человек. На долю жителей коренных национальностей приходилось 97,67% населения. Из общего количества жителей области на различных работах было занято 194 608 человек, в том числе 5545 женщин. Из 147 534 хозяйств области наемных работников или прислугу имели 17 149, или около 11,9% всех хозяйств. В Самарканде насчитывалось 55 128 жителей, из них женщин —23 394. На различных работах было занято 19 735 мужчин и 1883 женщины. Из 8798 хозяйств, находившихся в городе, наемных работников или прислугу имели 1053 хозяйства (11,94%).

Все население Самаркандской области в 1897 г. можно распределить следующим образом (% к общему числу): сельскохозяйственное —80,1, торгово-промышленное —15,4, непроизводительное —4,5. Эти данные свидетельствуют об усилении в конце XIX в. процесса общественного разделения труда. В то же время они подтверждают, что Самаркандская область, как и Туркестан в целом, развивалась однобоко — в основном за счет сельскохозяйственного производства (хлопководства), поставляющего сырье для капиталистической России.

Аграрная политика царизма проводилась в целях укрепления частной собственности на землю. В 1913 г. около 90% всех орошаемых земель области принадлежало частным собственникам. С конца XIX и в начале XX в. ускорился процесс хозяйственной специализации районов области.

Около 80% населения Самарканда наряду с торговлей и ремеслом занимались сельским хозяйством. Втягивание дехканских хозяйств в товарно-денежные отношения сопровождалось их обезземеливанием.

Ревизия сенатора Палена (1909—1912) выявила, что по 7 районам Самаркандской области безземельные и бедняцкие хозяйства составляли 58,6%, середняцкие хозяйства, имевшие от 2 до 5 десятин земли, —27% и крупные хозяйства, имевшие от 5 до 30 и более десятин, —14,4% общего количества дехканских хозяйств области. Из 13 609 десятин удобных земельных угодий в этих 7 районах бедняцким хозяйствам принадлежало 20,4%, середняцким —17,9% и крупным — 61,7%.

Из 2428 дехканских хозяйств 7 районов рабочим скотом были обеспечены: по одной голове скота —568 хозяйств (23,9%), двумя головами —397 хозяйств (16,1%), 3—4 и более —787 хозяйств (32,4%). 676 дворов (27,6%) вообще не имели рабочего скота; эту группу представляли в основном мардикеры и издольщики-чайрикеры. Из-за больших разме-

ров ренты бедняки и середняки не в состоянии были прокормить свои семьи и вести хозяйство, а в силу слабого развития промышленности они не могли найти работу в городах. Поэтому, не имея возможности порвать с сельским хозяйством, эти дехкане становились чайрикерами, батраками, попадали в долговую кабалу к баям и ростовщикам. Как отмечал К. Маркс, «ростовщичество не изменяет способ производства, но присасывается к нему как паразит и истощает его до полного упадка. Оно высасывает его соки, обескровливает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях»[1].

С ростом хлопководства быстро стала развиваться своеобразная форма кредита — выдача задатков под десятину и ожидаемый урожай хлопка. Банковские отделения Самарканда выдавали под хлопок кредиты. Авансы от фирм получали комиссионеры и раздавали их дехканам-землевладельцам. Векселя с уплатой процентов записывались на всю сумму, а выплачивались частями. При каждой выплате дехканин платил особый, добавочный процент либо комиссионеру, либо мелкому служащему фирмы. Около хлопкороба кормились арбакеши, возчики хлопка и приемщики на скупочных пунктах. По выражению В. И. Ленина, зависимость крестьян от владельцев денег стала приобретать «неизбежно форму кабалы»[2].

После присоединения Самарканда к России во всех сферах жизни — общественной, бытовой, культурной — произошли, на первый взгляд не очень заметные, но существенные изменения, обусловленные объективными законами развития городской жизни на начальных этапах капитализма. В недрах городской жизни формировались элементы капиталистического способа производства и соответствующие ему капиталистические отношения, но в целом Самарканд оставался типичным феодальным городом.

До подведения железной дороги к Самарканду ремесленное дело являлось основным видом производства, обеспечивающим нужды населения в различных товарах широкого потребления. Ремесленники работали на дому или на территории базаров, а также в лавках и мастерских, расположенных на магистральных улицах.

По свидетельству различных источников, в первые годы после присоединения Средней Азии к России в Самарканде

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, М., Госполитиздат, 1962, стр. 610.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 383.

насчитывалось 1610 различных мастерских, в том числе 827 ткацких, 15 шелкомотальных, 42 красильных, 162 сапожных, 63 седельных, 37 гончарных, 26 швейных, 42 плотничьих, 77 токарных, столярных и кузнечных, 12 чугунолитейных, 4 кирпичнообжигательных, 34 сально-свечных и мыловаренных, 30 кожевенных и др.

Еще в 1888 г. в Самарканде действовали 1130 средних ремесленных мастерских с годовым производством на сумму 632 698 руб., 172 мелкие мастерские с производством на сумму 110 240 руб., 1969 мелких ремесленных заведений с объемом производства на сумму 115 050 руб.

В том же году в Самаркандской области имелось 6 винодельных, спиртоочистительных и пивоваренных заводов, 3 из них находились в самом городе. Из 28 кирпичных, 57 гончарных, 35 мыловаренных, 27 свечных, 270 маслобойных предприятий области в Самарканде было сосредоточено: 10 кирпичных, 10 гончарных, 20 мыловаренных, 10 свечных, 46 маслобойных заведений различного типа и величины. Все эти предприятия производили товарную продукцию. По словам В. И. Ленина, «это явление наглядно свидетельствует о той силе, с которой идет в крестьянстве развитие товарного производства, отделение земледелия от промышленности, рост торговли и промышленности вообще.. Всякое предприятие, производящее продукты на рынок, вызывает обмен между земледельцами и промышленниками. Следовательно, появление такого предприятия означает прекращение домашней выделки продукта земледельцами и покупку его на рынке, а эта покупка требует продажи крестьянином сельскохозяйственных продуктов. Рост числа торгово-промышленных предприятий знаменует, таким образом, растущее общественное разделение труда, это общее основание товарного хозяйства и капитализма»[1].

По мере проникновения русского и иностранного капитала в Среднюю Азию, в том числе и в Самарканд, положение ремесленного производства резко менялось. Усиление притока фабрично-заводских изделий из центральных районов России в Самарканд постепенно вытесняло ремесленное производство. Например, прекратился промысел местных игольных мастеров, сильно сократился размер местного текстильного производства. Под влиянием спроса на новые предметы потребления и возникновения новых потребностей коренное население

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 344.

стало открывать мастерские по выделке замши, починке часов, заведения по производству различных красок, мебельно-обоечные и драпировочные, живописные, бондарно-бочарные, рамочные, мебельные, слесарные, стекольные мастерские, лесопилки; появились профессии фотографов, маляров и др.

Поглощение мелких заведений Самаркандской области крупным капиталом можно проследить по следующей динамике кустарного производства Самаркандской области:

	Число кустарных заведений	*Сумма годовой производительности, руб.*
1868 г.	1 816	нет свед.
1888 г.	5 605	1 459 305
1892 г.	10 568	3 145 620
1908 г.	8 034	2 103 749
1910 г.	7 788	2 087 924

По мере эволюции ремесла шел также процесс его концентрации. Например, в 1888 г. из 5605 ремесленных заведений различного типа, стоимость годового производства которых равнялась 1 459 305 руб., на долю крупных мастерских и заведений фабрично-заводского типа приходилось 52,4% всех заведений и 29% стоимости валовой продукции годового производства по области.

В 1892 г. стоимость продукции ремесленного производства достигла 3 145 620 руб., а стоимость валовой продукции фабрично-заводских предприятий —3 054 697 руб. Следовательно, предприятиям фабрично-заводского типа принадлежало 51,2% стоимости всей продукции ремесленного и промышленного производства. Но уже в 1913 г. положение резко меняется. Теперь на долю ремесленных заведений приходится лишь 1 814 377 руб. (15,2%), а на долю фабрично-заводских заведений —10 129 773 руб., или 84,8% стоимости годовой продукции всей области.

Процесс роста и развития предприятий по первичной обработке хлопка, кожи и другой продукции, отправляемой на фабрики и заводы метрополии, усилился после строительства Закаспийской железной дороги, которая в 1888 г. была доведена до Самарканда. По словам В. И. Ленина, Закаспийская дорога стала «открывать для капитала Среднюю Азию».

В течение 1888—1896 гг. Самарканд являлся конечным пунктом этой дороги, что имело немаловажное значение для его дальнейшего развития. С проведением железной дороги Самарканд первым среди других городов края получил доступ к всероссийскому рынку и стал быстрее включаться в сферу российского капитализма. Если до 1880 г. на территории Са-

марканда действовало всего 5 заводов по первичной обработке хлопка, кожи и винограда, то в 1914 г. функционировало уже 55 промышленных заведений, где было занято 1820 рабочих. В 1890 г. в 28 промышленных заведениях области работало всего 373 рабочих, а в 1914 г. на 117 предприятиях было занято уже 2814 наемных рабочих, в том числе 1002 человека (35,6%) на хлопкоочистительных заводах. Из 28 винодельных заводов области в Самарканде находилось 20 заводов, на которых работало 453 человека. Основную массу рабочих составляло население коренных национальностей. Так, из 2645 рабочих винодельных заводов Туркестанского края русских насчитывалось 427, представителей коренного населения 2150 и лиц других национальностей 68 человек. На предприятиях города работало 230 женщин (в том числе 107 женщин коренных национальностей) и 129 подростков.

Жизненные условия рабочих Самарканда были очень тяжелыми. Так, из 1002 рабочих хлопкоочистительных заводов Самаркандской области 331 жил в заводских казармах, где отсутствовали элементарные санитарно-гигиенические условия. Продолжительность рабочего дня составляла 10—16 часов в сутки. Заработная плата была низка и равнялась в среднем 180 руб. в год, тогда как в России она достигала 288 руб. На предприятиях не соблюдались правила техники безопасности, что приводило нередко к несчастным случаям.

К началу XX в., когда Россия вступила в стадию империализма, в Туркестанском крае происходил, с одной стороны, рост промышленного производства, а с другой — концентрация его в руках русских капиталистов и местной буржуазии. Например, на Самаркандском пивоваренном заводе Медведчикова в 1900 г. было занято 40 рабочих, в 1905 г. —80, в 1908 г. — 175, а в 1913 г. — уже 305 (из них 190 являлись сезонными рабочими). В 1900 г. этот завод производил продукции на сумму 99 000 руб., а в 1913 г. на сумму 400 000 руб. Из 37 хлопкоочистительных заводов Самаркандской области акционерному обществу Большая Ярославская мануфактура принадлежало 3 завода, акционерному обществу бумажной мануфактуры И. К. Познанского —3, Среднеазиатскому промышленному товариществу —2, товариществу дома Ю. Файзулова и К° —1.

Таким образом, в результате присоединения к России в Самарканде зародились и начали развиваться буржуазные отношения. По мере усиления общественного разделения труда и развития товарно-денежных отношений происходил постепенный спад ремесленного и усиление фабрично-заводско-

го производства. Разорившиеся кустари и ремесленники вынуждены были идти на фабрики и заводы, на железную дорогу и в горную промышленность, пополняя ряды пролетариата.

Прогрессивность вовлечения Самарканда, как и всего Туркестана, в сферу действия Российской империи выразилась прежде всего в том, что Россия к началу XX в. стала центром революционной борьбы мирового пролетариата. А туркестанский пролетариат приобрел могучего союзника в лице русского революционного пролетариата во главе с его передовым отрядом — партией большевиков.

2. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В САМАРКАНДЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1907)

Новые яркие страницы в многовековой истории Самарканда были вписаны в годы первой русской революции (1905—1907). «Представляя целую историческую полосу в жизни народов нашей страны и Коммунистической партии Советского Союза, революция 1905—1907 гг. явилась важным этапом борьбы рабочих и крестьян России за свое социальное и национальное освобождение. На всем протяжении революции плечом к плечу с русским пролетариатом и крестьянством вели героическую борьбу против своих общих врагов — царизма и помещиков — рабочие и крестьяне Украины, Белоруссии, Польши, Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и других окраин царской России»[1].

Революционное движение в России оказывало влияние и на окраины, в том числе на колониальный Туркестан. Более организованным рабочее движение в крае стало после появления сосланных царским правительством русских социал-демократов.

В 1903—1904 гг. возникли Ташкентская, Ашхабадская и Қызыларватская группы РСДРП. В 1904 г. из Баку в Самарканд приехал большевик М. В. Морозов (псевдоним — Муратов), отбывший ссылку в Иркутске, куда он был сослан за революционную деятельность. Морозов организовал первый социал-демократический кружок в городе и руководил революционной работой.

Вместе с Морозовым в Самарканд приехала его жена и соратница А. В. Морозова-Худаш (партийная кличка «Большевичка»), дочь участника польского восстания 1863 г.

[1] Тезисы ЦК КПСС «Пятьдесят лет первой русской революции», М., Госполитиздат, 1955, стр. 3.

В. А. Худаша. Она также была инициатором создания революционного кружка.

С 1904 по 1905 г. М. В. Морозов был редактором, а затем и издателем газеты «Самарканд». С первых же дней работы в Самарканде он настойчиво пропагандировал идеи пролетарского интернационализма, разъяснял тактику большевиков в канун первой русской революции.

С ростом революционного движения, под воздействием ссыльных революционных социал-демократов среди рабочих типографии Демурова (ныне им. М. В. Морозова) в 1904 г. был организован первый в Самаркандской области революционный кружок, члены которого вели активную пропаганду в типографии и на других предприятиях. Кроме рабочих, в кружок вошли представители интеллигенции: сотрудник газеты «Самарканд» А. Паренков (большевик), чиновник переселенческого управления, впоследствии редактор газеты «Самарканд» П. В. Позняков (большевик), учитель гимназии Ф. Ф. Андрианов (эсер), врач А. М. Бронштейн (меньшевик), адвокат Н. Болотин (либерал), а также несколько либеральствующих чиновников из окружного суда и областного управления.

Рабочий типографии К. Ашуров в своих воспоминаниях рассказывал: «Во время революции 1905 г. я работал в типографии Демурова... В политическую борьбу нас вовлек М. В. Морозов — самый известный и признанный руководитель местных большевиков. Ему помогали и узбекские рабочие, в числе которых был и Акрамжан Камилджанов, работавший в типографии с 1884 г. (А. Камилджанов умер в 1921 г. в Самарканде).

Впервые о революции 1905 г. в России нам сообщил М. В. Морозов. Собрав 45 местных рабочих (в одном доме на углу нынешних улиц Ленина и Фрунзе г. Самарканда), он рассказывал о событиях в Петрограде и Москве. На этом собрании выступили и другие большевики. Они говорили о тяжелом положении рабочих и крестьян, критиковали тактику эсеров».

По инициативе М. В. Морозова в 1904 г. в типографии Демурова была создана нелегальная библиотека, в которой имелась революционная литература. При городской библиотеке Морозов сумел также создать небольшой фонд марксистской литературы, запрещенных изданий. По поводу этой библиотеки самаркандский военный губернатор докладывал генерал-губернатору Туркестана: «Библиотека, как видно из писем Сергеева, Суханова, Чернова, приняв особое направление, превратилась в школу, очевидно, революционного дви-

жения... Библиотекой управляет особый комитет, заседаниями руководит Морозов».

В начале 1905 г., в момент наивысшего подъема революционного движения по всей стране, социал-демократические кружки Самарканда объединились в городской социал-демократический комитет, в котором большевики имели решающее влияние.

Петербургские события 9 (22) января 1905 г., положившие начало революции в России, дали мощный толчок к открытым революционным выступлениям трудящихся масс в Туркестане.

Первым откликом в Туркестане на кровавые события 9 января явились демонстрации и митинги в так называемый «Татьянин день» 12 (25) января 1905 г., посвященный юбилею Московского университета. Буржуазно-либеральная интеллигенция некоторых городов Туркестана отмечала этот день банкетами, которые усилиями большевиков были превращены в демонстрации против самодержавия.

На банкете в Самарканде, который состоялся в зале Общественного собрания (присутствовало около 100 человек), был принят текст телеграммы известному ученому К. А. Тимирязеву, подвергавшемуся гонениям со стороны царского правительства. «Интеллигенты г. Самарканда, — говорилось в телеграмме, — 12 января, в день 150-летнего основания первого рассадника русского просвещения приветствуют и шлют свои горячие пожелания завоевать скорую академическую свободу, ведущую к образованию честных граждан, стойко и убежденно умеющих отстаивать ее и те условия, в которых она только мыслима».

В конце собрания были распространены социал-демократические прокламации. Одна из них гласила: «Стотысячные толпы рабочих пошли к «своему» царю, которому еще многие верили, на которого многие надеялись. Безоружные, с женами и детьми, с крестами и иконами, они пошли к царю — их встретили пушками, ружьями, нагайками. Они просили свободы — тюрьма и каторга разверзлись для них. Они просили отдыха от непосильного, каторжного труда — им дали вечный отдых — могилы! Они просили прекращения ужасной бойни на Востоке — царь устроил бойню на Невском, на Морском, на Васильевском острове.

Разбитый в войне с Японией, он открыл войну с Россией. Тысячи трупов легли на улицах столицы. Царь досыта напился народной крови... Царь — это пушка, которая палит в рабочего, это ружье, которое стреляет в ребенка, это нагай-

ка, которая замахнулась над всем, кто хочет жить и дышать свободно».

В выпущенном Ашхабадским комитетом РСДРП воззвании «К рабочим и солдатам», которое было распространено в Самарканде, говорилось, что на Дальнем Востоке царское правительство ведет позорную бойню, а внутри России проводит кровавый террор против трудящихся масс.

Таким образом, день «кровавого воскресенья» явился предпосылкой дальнейшего развития революционных событий в Самарканде.

Как и в России, в городах Туркестана, происходили забастовки рабочих, политические митинги и демонстрации. Организованно провели забастовку под руководством Морозова рабочие типографии Демурова в Самарканде (19 января 1905 г.). Они заставили владельца типографии пойти на уступки и подписать соглашение, по которому владелец обязывался: ввести 9-часовой рабочий день; выплачивать рабочим заработную плату в течение месяца в случае болезни или увольнения с работы «без особо важных причин», считать дни 19 февраля и 1 мая днями рабочих праздников.

Для пропаганды своих идей большевики Самарканда использовали газету «Самарканд». Эта газета издавалась и до революции (1904 г.), но с сентября 1905 г., когда руководство ее перешло к большевикам, она стала резко оппозиционной, получив антиправительственное направление.

Пробный номер «Самарканда» был выпущен 10 апреля 1904 г., первый номер — 1 мая 1904 г. Газета выходила три раза в неделю, а с 7-го номера стала ежедневной. Редактором-издателем был адвокат Н. Болотин. В отсутствие Болотина его замещал П. В. Позняков, а с конца 1904 г. редакцию возглавил М. В. Морозов. При нем газета фактически превратилась в легальный орган большевиков.

Совместно с Морозовым в «Самарканде» сотрудничали врач Самаркандского уезда К. М. Афрамович и начальник съемочного отдела поземельно-податного комитета инженер-землемер Н. И. Черневский. Последний являлся также активным организатором подпольного общества служащих поземельной комиссии самаркандских землемеров. В состав общества помимо Черневского, входили С. Плегер, Д. Любомиров, А. Павлов, А. Девалишев, Г. Кокауридзе, И. Преман, С. Ястребов, А. Леонтьев, М. Михайлов, Б. Аболин, П. Ушаков, Р. Мурашко, Н. Крыжановский. В программе общества предусматривалось: примкнуть к освободительному движению всей России, искать пути объединения с социал-демократической и другими революционными организациями Самарканда.

Большевики вели на страницах газеты «Самарканд» идейную борьбу с меньшевиками, публиковали партийные материалы, призывающие трудящихся к борьбе с самодержавием. В газете сообщалось о митингах и забастовках рабочих, о волнениях среди солдат, часто приводилось содержание рефератов и лекций, составленных Морозовым, Быховским и Позняковым.

В объявлении о подписке на 1905 г. программа и направление газеты определялись следующим образом: «Защита труда, самоуправление, право и справедливость для всех без различия и национальности». В объявлении о подписке на 1906 г. говорилось: «Вступая в третий год своего существования, мы имеем право надеяться, что физиономия газеты достаточно выяснена. Как и до сих пор, мы будем неустанно бороться с произволом и насилием, отстаивая интересы трудящихся масс. Программой для себя газета ставит борьбу за народовластие; всеобщее, прямое, равное тайное, без различия пола, избирательное право; действительную свободу совести, слова, печати, союзов, собраний; восьмичасовой рабочий день и государственное страхование рабочих...».

В газете «Самарканд» пропагандировались основные положения марксизма-ленинизма, печатались статьи, призывающие рабочих к вооруженному восстанию, к свержению самодержавия, статьи о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о 8-часовом рабочем дне, о бойкоте Государственной думы.

Особо следует отметить, что на страницах «Самарканда» печатались статьи, разоблачающие национальный гнет в крае, призывающие к развитию национальной культуры. Так, в статье «Теплое слово» М. В. Морозов писал: «Рабы государственности готовы уничтожить не только язык, но и самый народ, самобытный облик которого причиняет излишнее беспокойство», в результате чего «национальные черты и особенности становятся источником неугасимой ненависти и неукротимой взаимной вражды... Дайте народу народную школу, откройте двери богатейшей русской литературе к нему на родном языке, откройте доступ к широкому и свободному культурному воздействию на массы».

Газета оповещала своих читателей о выходе в свет марксистской литературы. Например, в № 99 за 1905 г. в отделе общей хроники сообщалось, что вышла из печати и поступила в продажу книга К. Маркса «Нищета философии» (Ответ на «Философию нищеты» Прудона) с предисловием и примечаниями Ф. Энгельса.

С 1904 по 1907 г. во многих номерах газеты печатались политические статьи Морозова под общим названием «Теплое слово». Трудящиеся помогали изданию «Самарканда». Тираж газеты постоянно увеличивался. Особенно большой популярностью она пользовалась среди рабочих.

Рабочие и революционно настроенные солдаты не только читали газету, но и часто присылали в нее письма и заметки. В солдатских письмах содержался протест против плохого отношения со стороны офицеров, против тяжести воинской службы. Командир 5-го батальона Савельев, как сообщал «Самарканд» 28 июня 1906 г., наказал целую роту за то, что один из солдат написал в газету о беззакониях, происходивших в его батальоне. Савельев советовал солдатам впредь «не выносить сор из избы».

Исполнявший должность туркестанского генерал-губернатора Мациевский сообщал военному министру в январе 1960 г.: «Я замечал чрезвычайно вредное влияние газеты «Самарканд» как на войска, так и на население и неоднократно беседовал по этому поводу с военным губернатором Самаркандской области..., обращая его внимание на необходимость самых серьезных мер в борьбе с этой революционной газетой».

О революционном содержании статей газеты «Самарканд» знали даже в Петербурге. В частности П. А. Столыпин, беседуя с представителем одной из английских газет, заявившем, что в России нет свободы слова, сказал: «А вы познакомьтесь с газетой «Самарканд», почитайте, как она свободно пишет».

Власти несколько раз штрафовали редакторов, судили и сажали их в тюрьмы, запрещали издание газеты. Стремясь обойти царскую цензуру, редакторы меняли названия газеты на «Зарафшан», «Новый Самарканд», «Русский Самарканд» и т. д. После ряда репрессий и перемены названий 8 октября 1906 г. была закрыта газета «Новый Самарканд» (выпущено 33 номера), а 15 октября — «Русский Самарканд» (выпущено только 4 номера). За печатание статей большевистского характера в декабре 1906 г. газета «Самарканд» была вновь запрещена. Всего в 1906 — начале 1907 г. «Самарканд» закрывался 5 раз. Морозов за передовую статью в газете «Русский Туркестан» от 1 января 1906 г. был осужден на год заключения в крепости.

Большевики Самарканда проводили огромную работу среди масс, воспитывая их в революционном духе. В целях повышения культурного и политического уровня рабочих и

солдат члены социал-демократической организации 24 февраля 1905 г. открыли в Самарканде общественную библиотеку-читальню. Она помещалась на углу Зирабулакской (ныне ул. Фрунзе) и Черняевской (ныне ул. Энгельса) улиц; туде же впоследствии была перенесена контора редакции газеты «Самарканд». Председателем библиотечного комитета был избран Морозов; заведующим библиотекой, ее хранителем и заведующим конторой редакции стал А. Паренков. Участник революционных событий 1905 г. в Самарканде М. И. Щербинин рассказывал, что «библиотека пользовалась большой популярностью у всех слоев населения и особенно у рабочих. Помимо легальной литературы здесь часто можно было найти нелегальную — брошюры, прокламации. В помещении библиотеки, особенно после ее закрытия, часто происходили собрания, кружки».

Большевики использовали библиотеку для революционной пропаганды, превратив ее в революционную школу. Военный губернатор Самаркандской области Гескет в телеграмме туркестанскому генерал-губернатору от 26 января 1906 г. сообщал: «...Библиотека управляется особым Комитетом, имеющим тесную связь с редакцией газеты «Самарканд»... во главе комитета библиотеки стоят лица политически неблагонадежные, частью же арестованные, прошу означенную библиотеку закрыть...».

Социал-демократы пользовались библиотекой не только для пропаганды, но и для сбора и хранения оружия, патронов и т. д.

По просьбе туркестанского генерал-губернатора приказом министра внутренних дел Дурново от 15 февраля 1906 г. библиотека-читальня была закрыта.

Социал-демократическая группа Самарканда была тесно связана с рабочими депо железнодорожных станций Самарканд, Қызыл-Арват, Чарджуй, Джизак, Черняево и Каттакурган.

Таким образом, видная роль в проведении большевистской стратегии и тактики в Туркестане принадлежала Самаркандской группе РСДРП, созданной большевиком М. В. Морозовым главным образом из солдат 2-го Закаспийского железнодорожного батальона и самаркандских печатников. Осенью 1905 г. эта группа уже имела свою нелегальную типографию и выпускала листовки, в которых разоблачала попытки царизма обмануть народ мнимыми уступками. Прокламации Самаркандской группы РСДРП распространялись не только среди рабочих и учащихся, но и среди солдат. Влияние Са-

маркандской группы простиралось далеко за пределами города и области.

Общий подъем революционного движения в стране и деятельность социал-демократической организации способствовали развертыванию революционных событий в области.

В феврале—марте 1905 г. провели экономические забастовки рабочие железнодорожных мастерских ст. Ташкент, в апреле — рабочие ст. Черняево и др. Железнодорожников поддерживали рабочие других предприятий, например Самаркандской городской типографии.

В знак солидарности с железнодорожными рабочими 20 февраля 1905 г. не вышла газета «Самарканд». «Родители, — писала газета, — не пускают в эти дни детей в учебные заведения, ожидая уличных столкновений».

1 мая 1905 г. трудящиеся Самарканда не вышли на работу и под руководством социал-демократов организовали нелегальные маевки. В течение этого месяца возглавляемые большевиками Самарканда провели несколько нелегальных сходок рабочие типографий, кустари и солдаты на реке Сиаб; особенно много участвовало солдат железнодорожного и Зерабулакского батальонов. Сходки проходили под лозунгом: «Долой самодержавие!».

8 мая 1905 г. происходили волнения среди солдат Ходжентской понтонной роты Самаркандской области и Туркестанской военно-телеграфной роты. Солдаты четыре дня отказывались от пищи, на сходках пели революционные песни; перед своим начальством они выдвинули ряд экономических требований.

15 мая приказчики нескольких самаркандских магазинов — «Братья Саямовы», «Микиртычанц», «Епифановы» и пр. — бросили работу и объявили забастовку. Забастовщики группами ходили по городу, закрывая магазины. Самаркандский полицмейстер усмотрел в этих действиях «беспорядок». Были вызваны войска, после чего магазины снова открылись.

Летом 1905 г. забастовали извозчики Самарканда. Они требовали повышения таксы, ограничения произвола полиции, преследовавшей их незаконными штрафами, и т. д. Происходили волнения также среди арестантов самаркандской тюрьмы.

В забастовочном движении наравне с русскими рабочими участвовали рабочие коренных национальностей. Иногда бастовали такие предприятия, персонал которых состоял исключительно из рабочих коренных национальностей. Например, в середине июля 1905 г. началось забастовочное движение в чаеразвесочных заведениях и складах Самарканда, где ра-

ботали исключительно узбеки (во всех этих заведениях насчитывалось в то время около 500 рабочих). Дело началось с медицинского осмотра рабочих на одном из складов. Старший надсмотрщик начал агитировать за отказ от осмотра. Как «зачинщика» его арестовали. «Тогда, — сообщала газета «Самарканд», — рабочие сарты (узбеки. — *Ред.*) этих заведений 12 июля во вторник забастовали. Забастовки в этот день не были лишь в чайном складе Вогау.

На следующий день 13 июля забастовка прекратилась. Таким образом, это была однодневная стачка протеста против произвола царских властей, арестовавших надсмотрщика».

Для того чтобы приостановить подъем революционного движения в России, царское самодержавие решило созвать так называемую Булыгинскую думу. В противовес меньшевикам, выступившим с лозунгами поддержки Булыгинской думы, большевики Самарканда поддерживали тактику активного бойкота Думы, получившую одобрение и поддержку со стороны революционных рабочих. В связи с этим в Самарканде, как и в других городах Туркестана, состоялись массовые рабочие демонстрации протеста против Булыгинской думы, на которых большевики призывали народ к вооруженному восстанию.

Самаркандская группа РСДРП под руководством большевиков деятельно готовила трудящихся к грядущим боям. В течение лета 1905 г. за городом были проведены нелегальные массовки. Один из их участников Султанмурад Турсунов — в своих воспоминаниях пишет: «...М. В. Морозов и его помощники во избежание полицейской слежки часто собирали нас на реке Сиаб около Черной дороги или в Ивановском парке (теперь парк «Комсомольское озеро»).

На массовках присутствовало 100—200 человек и произносились антиправительственные речи, зачитывались большевистские листовки центральных городов России, программы большевистской партии и решение большевиков о бойкоте Булыгинской думы. Большевики говорили, что все это делается для счастья будущего поколения».

В пропаганде протеста против Булыгинской думы большую роль сыграла газета «Самарканд». В номере от 2 ноября 1905 г. было опубликовано «Открытое письмо к русскому обществу от прогрессивной партии солдат Московского гарнизона». В письме разоблачалась тактика меньшевиков по отношению к Булыгинской думе.

К осени 1905 г. революционное движение в России усилилось. Начавшаяся в октябре в центральных промышлен-

ных районах политическая стачка вскоре охватила всю страну, вплоть до отдаленных районов; в нее были вовлечены все рабочие, даже самые отсталые слои.

В Средней Азии наивысшей степени подъема революционное движение достигло в октябре и ноябре 1905 г. К всеобщей политической стачке присоединились 14—16 октября служащие Оренбург-Ташкентской железной дороги. Железнодорожная забастовка быстро переросла во всеобщую.

Ташкентская и Самаркандская социал-демократические группы в своих листовках от 12 октября призывали рабочих к всеобщей забастовке. Самаркандская группа РСДРП писала в листовке, что «почти вся армия русских рабочих оставила работу» и призывала к забастовке: «Бросайте работу! Предъявляйте требования! Организуйтесь! Знайте, что только в единении сила, что только борьбой, неустанной, упорной борьбой вы добьетесь своих человеческих прав... Долой самодержавие! Долой эксплуатацию!».

Октябрьская всеобщая забастовка, показавшая силу и мощь пролетарского движения, заставила царя издать 17 октября манифест, в котором он обещал народу политическую свободу. Известие о манифесте было встречено в Самаркандской области массовыми политическими митингами.

Самаркандскому военному губернатору Гескету удалось несколько оттянуть забастовку железнодорожников в Самарканде. Получив 15 октября сообщение о ее начале, он отдал распоряжение командиру 2-го Уральского казачьего полка «иметь наготове полсотню казаков при офицере, которая каждую минуту могла быть бы командирована на вокзал в распоряжение ротмистра Ковалькова» — начальника Самаркандского отделения жандармского управления Среднеазиатской железной дороги.

В тот же день полицмейстер Самарканда получил от Гескета приказ следующего содержания: «Предлагаю Вам немедленно усилить наряд полицейских в привокзальном участке города Самарканда». В результате станция и привокзальный район были наводнены казаками и полицией. Когда железнодорожные рабочие все же начали 17 октября забастовку, потребовав прекращения работы во всех станционных конторах, ротмистр Ковальков запросил новых подкреплений. В своем «весьма срочном письме» прокурору Самаркандского окружного суда он писал: «На вокзале находятся полицмейстер подполковник Бородин, пристав Соболев. В казармах железнодорожного батальона помещается сотня казаков, требуется рота солдат».

В 7 часов утра 17 октября рабочие депо ст. Самарканд прекратили работу. Одновременно были разбросаны прокламации, призывающие остальных самаркандских железнодорожников примкнуть к забастовке. Призыв был немедленно одобрен и «все рабочие, — сообщала газета «Русский Туркестан», — как один человек бросили работу. Старики пошли тушить паровозы, а молодежь отправилась на телеграф и вскоре заняла его. Фактически весь вокзальный район оказался в руках рабочих». После этого рабочие потребовали прекращения работы в товарной конторе станции, в конторах 12-го и 13-го участков ремонта пути и в конторе депо. Однако служащие депо отказались выполнить это требование и продолжали работу. Тогда, дав служащим несколько часов «на размышление» и выставив пикеты на вокзале, телеграфе, в депо и в других местах, забастовавшие рабочие (около 300 человек) отправились на сходку, устроенную местной рабочей организацией в долине реки Сиаб. На сходке были составлены требования рабочих к железнодорожной администрации и обсуждался вопрос о дальнейших действиях. Здесь же, видимо, был избран стачечный комитет для руководства забастовкой. «По сведениям, — писал ротмистр Ковальков в донесении прокурору Самаркандского окружного суда, — они (забастовавшие рабочие. — *Ред.*) к 9 часам явятся на вокзал, дабы проверить, исполнены ли их требования о прекращении работы в конторах, и в случае, если работа не будет прекращена, то силой заставить забастовать».

В район вокзала были направлены три сотни казаков и рота солдат. Но к этому времени рабочие находились уже на сходке на реке Сиаб. Власти не решились вступать в открытый конфликт с рабочими и пустить в ход военную силу. Газета «Русский Туркестан» сообщала, что «между вокзалом и городом поставлены войска, не дающие свободного прохода с вокзала в город». Это было сделано для того, чтобы разъединить железнодорожных и городских рабочих.

Городские рабочие Самарканда, руководимые большевиками, выступали более решительно. Еще 15 октября, когда в Самарканде были получены первые сведения о начавшейся забастовке на Среднеазиатской железной дороге, городские рабочие постановили бастовать, как только забастует железнодорожное депо.

Этот факт свидетельствует, что городские рабочие Самарканда, достаточно подготовленные к выступлению, все же правильно оценили обстановку и решили выступать одновременно, единым фронтом с железнодорожными рабочими, чтобы не распылять сил и не дать возможности царским вла-

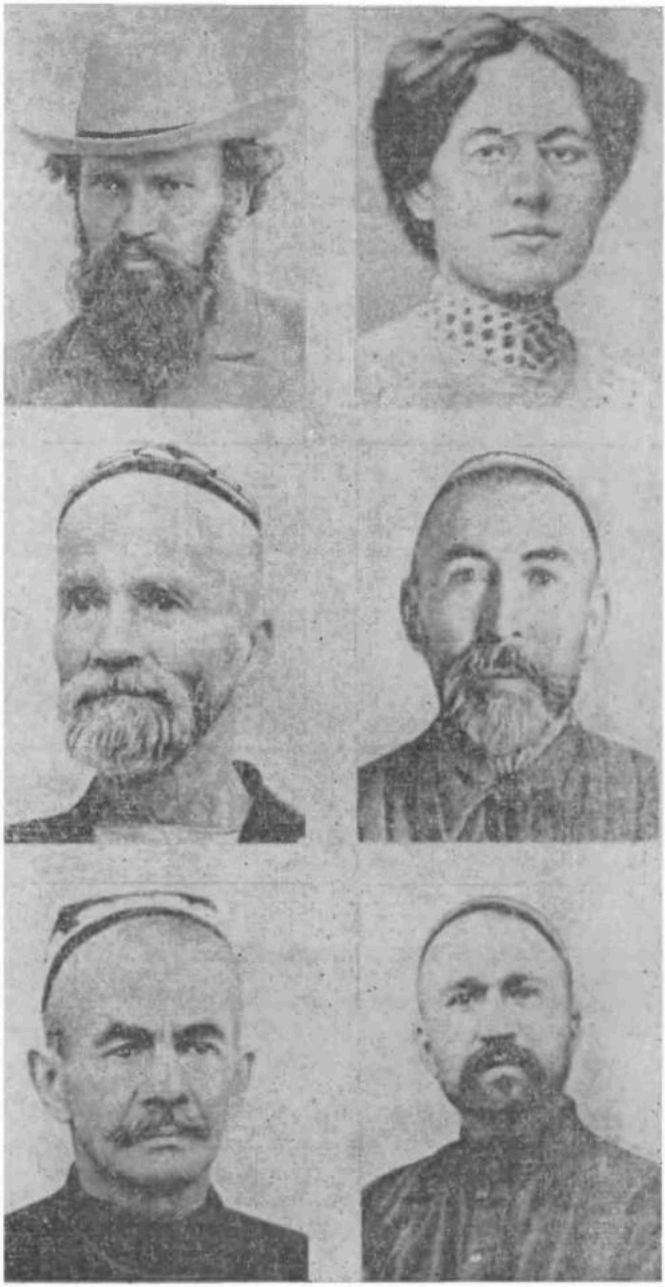
стям разбить порознь революционные силы. Совместное выступление городских и железнодорожных рабочих, безусловно, усилило бы общий натиск на общего врага — царизм.

Поэтому как только забастовали 17 октября рабочие железнодорожного депо, организовали стачку и городские рабочие Самарканда. Они предъявили своим хозяевам, администрации требования экономического характера.

Особо высокую сознательность проявили руководимые большевиками рабочие типографии Демурова. Вслед за железнодорожниками 18 октября они первыми прекратили работу, их примеру последовали рабочие чаеразвесочной фабрики и других предприятий города и области.

Участие в политических демонстрациях и митингах приняла часть педагогов и учащихся самаркандской мужской гимназии. «Когда я во вторник 18 октября вышел в 10 часов утра на улицу, — писал самаркандский корреспондент «Русского Туркестана», — я нашел уже закрытыми обе типографии, магазины, мастерские и пр., из мужской гимназии вылетели мальчуганы с криками «Ура!», «Ура!», «Да здравствует свобода!» Гимназисты старших классов пошли «снять» женскую гимназию. К 12 часам бастовали все рабочие города Самарканда. Транспортные конторы также пристали к движению. Жизнь в городе, как бы по мановению волшебного жезла, приостановилась. Обыватели спешили запастись хлебом и прочей провизией, боясь, что стачка может затянуться. Действительно, до вечера были закрыты все пекарни, только под вечер народ на митинге постановил открыть пекарни и мясные». В тот же день улицы города заполнили рабочие. «Это было небывалое зрелище для самаркандцев, — сообщала газета. — Среди улицы идет масса народа, состоящая из рабочих и учащихся, молодежи, а за ней стройными рядами казаки». Однако, дойдя до Николаевской (улицы)... демонстранты остановились, им было объявлено, что только что получена телеграмма о получении народом свободы (манифест 17 октября. — *Ред.*). Народ разошелся при криках: «Да здравствует свобода!», «Да здравствует свободная Россия!».

18 октября в Ивановском парке состоялся многолюдный митинг, в котором приняло участие более 1000 человек. На митинге Морозов и другие ораторы призывали к борьбе против царизма, за свободу. Участники митинга единогласно приняли резолюцию, в которой говорилось: «Одна из незыблемых основ гражданской свободы... — это свобода печати. Никакая мера государственного строительства не может иметь прочной гарантии, если она не основана на началах всеобщего, тайного и равного для всех без различия пола и

национальностей избирательного права. Поэтому мы находим неотложным провозглашение этого права основным законом империи. Выражая сочувствие рабочему классу, неутомимому и мужественному борцу за свободу, мы принципиально присоединяемся к его экономическим требованиям, в частности, немедленному введению восьмичасового рабочего дня и полного праздничного отдыха во всех отраслях труда и производства... Всем, пострадавшим по политическим делам, должна быть немедленно объявлена полная амнистия. Все политические заключенные и сосланные должны быть немедленно освобождены».

По окончании митинга рабочие решили собраться на следующий день. Поздно вечером 15 октября в Общественном собрании местная интеллигенция устроила ужин, на котором Морозов произнес речь. На этом ужине был произведен сбор денег в пользу забастовавших рабочих.

На общенародном митинге 19 октября в здании Общественного собрания в Самарканде присутствовало свыше 800 человек. Председателем снова был избран Морозов. Участники митинга единогласно приняли резолюцию, в которой требовали «введения городского самоуправления, снятия военной охраны на вокзале и отмены усиленной военной охраны в городе». Рабочие — представители коренного населения — предъявили также требования об улучшении экономического положения.

Трудящиеся коренных национальностей принимали все более активное участие в революционной борьбе — они распространяли прокламации и укрывали революционных социал-демократов от опричников царя. Например, в доме Ходжи Саиба Хусанбаева укрывался участник забастовки железнодорожников в Самарканде Николай Иосипович Де-Липпе.

Большевик П. Ф. Зайцев, работавший в 1905—1907 гг. на железнодорожной станции Каттакурган, в своих воспоминаниях указывает: «Один из рабочих познакомил нас с почтальоном... Это был Д. М. Устабаев... среди рабочих он пользовался известностью как организатор и разносчик антиправительственных идей...».

Эти и другие факты свидетельствуют, что самаркандская группа РСДРП установила тесную связь с узбекскими рабочими, вела среди них революционную пропаганду, руководи-

---

Организаторы большевистской печати в Самарканде: М. В. Морозов, А. В. Худаш; К. Ашуров, С. Турсунов, И. Шаджанов, А. Шермухамедов — рабочие Самаркандской типографии, работавшие с Морозовым.

ла борьбой за улучшение их экономического положения, вовлекала в свою деятельность лучших представителей местных трудящихся (Д. М. Устабаев, А. Камилджанов и др.).

Октябрьская политическая стачка в Туркестане закончилась 27 октября 1905 г. Но вскоре в крае вновь начались забастовки рабочих и солдат. В ночь с 15 на 16 ноября вспыхнуло восстание в Ташкентской военной крепости. 20, 21 и 22 ноября в Ташкенте состоялись массовые митинги. Выступавшие ораторы-большевики призывали трудящихся к вооруженному восстанию против царизма.

В ответ на эти призывы в ноябре 1905 г. произошли революционные выступления в ряде воинских частей Самаркандской области. Рабочие мастерских ст. Самарканд устроили массовую демонстрацию, железнодорожники ст. Черняево и почтово-телеграфные чиновники Самарканда провели забастовку. Вслед за ними рабочие всех депо и мастерских ст. Самарканд вышли на демонстрацию. В связи с этим были произведены аресты членов социал-демократической организации и сотрудников газеты «Самарканд», уволена часть рабочих и служащих ст. Самарканд.

В ноябре 1905 г. в ряде воинских частей Ташкента, Черняева, Ходжента, Кызыл-Арвата и других пунктов края происходили волнения. Солдаты 2-го Закаспийского железнодорожного батальона в Самарканде на сходке постановили: «Выразить порицание стрелявшим в народ, выразить сочувствие товарищам ташкентцам».

Царские власти не останавливались ни перед какими мерами, чтобы подавить революционное движение. По распоряжению туркестанского генерал-губернатора полиция и казаки арестовали в Ташкенте в ночь на 23 ноября большевика Морозова и 10 социал-демократов. В Самарканде на почте и вокзале были размещены войска. Власти объявили железную дорогу на военном положении.

Ноябрьские события 1905 г. явились высшей точкой революционного движения в Туркестане. До мая 1906 г. наступило временное затишье; отмечались только отдельные вспышки волнений среди трудящихся.

Временное затишье революционной борьбы в начале 1906 г. было использовано для объединения социал-демократических групп и организаций Туркестанского края.

В конце февраля 1906 г. в Ташкенте состоялась первая конференция туркестанских организаций РСДРП, на которой местные партийные группы были переименованы в организации, объединенные в «Союз туркестанских организаций

РСДРП» во главе с «Союзным комитетом». Последний должен был возглавлять выступления масс и издание политической литературы в крае, объединить деятельность всех партийных организаций Туркестана, установить связь с общепартийными центрами.

После конференции члены Самаркандской социал-демократической организации повели еще более усиленную работу среди трудящихся масс области. Они организовывали в Самарканде митинги, массовые собрания, чтения рефератов и лекций, где говорили о необходимости дальнейшей борьбы с царским самодержавием.

Значительно расширилась издательская деятельность Самаркандской социал-демократической организации. Печатались прокламации, воззвания, призывавшие народные массы к борьбе с царизмом. В этом деле участвовали и рабочие коренных национальностей (Турсунов, Шермухамедов, Шаджанов и др.); во внеурочное время они печатали революционные прокламации в легальной типографии.

Самаркандская социал-демократическая группа была крупной организацией края, ее возглавляли опытные большевики. По приезде в Ташкент Морозов стал редактором «Русского Туркестана».

Большевистские газеты «Русский Туркестан» и «Самарканд» последовательно разъясняли трудящимся политику большевистской партии по национальному вопросу, активно боролись против буржуазного национализма всех мастей за пролетарский интернационализм.

В статье «Освободительное движение и туземное население» газета «Русский Туркестан» от 6 декабря 1905 г. писала: «Давно пора... сдать в архив близорукую теорию высших и низших рас, согласно которой одни расы предназначены провидением к господству, другие же... к постепенному исчезновению с арены общечеловеческой истории. Только наша правительственная система... могла полагать в основание внутренней политики по отношению к восточным и сибирским «инородцам» подобные теории». Газета резко критиковала тех, кто утверждал, будто местное население совершенно безучастно относится к революционному движению в России и не понимает поставленных этим движением целей, и высказывала убеждение, что трудящиеся местного коренного населения сыграют выдающуюся роль в экономической и политической жизни России особенно после свержения царского самодержавия и завоевания политической свободы. Большевики разъясняли местным трудящимся, что национально-колониальный

гнет может быть уничтожен лишь в результате совместной борьбы трудящихся всех национальностей.

Представители социал-демократических организаций в Туркестане принимали активное участие в работе съездов РСДРП. После поражения декабрьского вооруженного восстания в Стокгольме в апреле 1906 г. состоялся IV Объединительный съезд. От социал-демократической организации Самарканда был избран делегатом Морозов. На 21-м заседании съезда, выступая против меньшевистского проекта резолюции съезда по вопросу о парламентской социал-демократической фракции, Морозов внес поправку, которая требовала неучастия партии в выборах, вопрос об образовании парламентской социал-демократической группы признать «возможным разрешить при выяснении избранных в Думу социал-демократов и по признании их всеми организациями в районах, в которых происходили выборы». В защиту поправки Морозова о парламентской социал-демократической фракции на съезде выступил В. И. Ленин.

Как известно, съезд большинством голосов принял меньшевистскую программу. После закрытия съезда В. И. Ленин написал «Обращение к партии делегатов Объединительного съезда, принадлежавших к бывшей фракции «большевиков». Оно обсуждалось и было принято на совещании делегатов в Стокгольме. Под «Обращением» подписались 26 большевиков — участников съезда; вторым после В. И. Ленина поставил свою подпись М. В. Морозов.

1906 год в Туркестане ознаменовался рядом крупных революционных выступлений. Рабочие и солдаты некоторых частей Туркестанского военного округа, несмотря на усиление репрессий, не прекращали борьбы. В первой половине января рабочие Среднеазиатской железной дороги ввели 8-часовой рабочий день, а 9 января, в память кровавой расправы царя над рабочими, провели однодневную забастовку.

Волнения происходили и в Самаркандской области. В революционное движение, помимо рабочих, вовлекалась интеллигенция. За политическую неблагонадежность были арестованы преподаватели самаркандской мужской гимназии Е. В. Корчиц и Ф. Ф. Андрианов. Они вели революционную пропаганду среди учащихся гимназии.

В мае 1906 г. революционное движение вновь начинает нарастать. Застрельщиками его стали железнодорожные рабочие. В революционном движении 1905 — осени 1906 г. большую роль играли местные организации Туркестанского же-

лезнодорожного союза, которые являлись зачатками новой революционной власти.

В течение 1906 г., наряду с пропагандистской и агитационной работой в массах, значительно улучшилась внутрипартийная организационная работа.

Период после I конференции туркестанских социал-демократических организаций до осени 1906 г. был вторым периодом развертывания широкой их деятельности в связи с подъемом революционного движения.

В легальной и нелегальной печати большевики Самарканда пропагандировали основные теоретические положения марксизма-ленинизма. В передовице газеты «Самарканд» от 1 января 1906 г. отмечалось: «Социал-демократия стоит перед лицом борьбы... с националистами, зовущими рабочий класс отдать свои силы за поддержку националистических тенденций, борьбы с «друзьями», с «социалистами», стремившимися посредством мещанских утопий насчет всяких «социализаций» и «кооперативов» затемнить классовое сознание рабочих масс, с разнообразным наследием феодально-монархической эпохи, в том или ином виде входящим в новую жизнь».

Царское правительство 8 июля 1906 г. разогнало I Государственную думу, оказавшуюся недостаточно послушной, и решило созвать II Государственную думу. Выборы в Думу проводились в конце 1906— начале 1907 г. в условиях постепенного спада революции. Поэтому большевики решили принять участие в выборах, чтобы использовать Думу как трибуну в интересах революции.

В Туркестане выборы в Государственную думу проводились в обстановке полицейского разгула. Наряду с этим меньшевики начали активную борьбу против большевиков. В разгаре меньшевистской травли — 16 июля 1906 г. — М. В. Морозов был брошен в тюрьму. 13 августа последовал арест Быховского за выступление на митинге в Андижане. В феврале 1907 г. редактор «Русского Туркестана» — жена Морозова А. В. Худаш — вынуждена была выехать из Туркестана в связи с изданием приказа об ее аресте.

Началась полоса административных репрессий. Производились массовые аресты и высылка не только большевиков-руководителей, но и рядовых революционных рабочих.

Несмотря на это, большевики сумели развернуть на выборах массовую политическую агитацию. Наиболее успешно они выступали на выборах в Самаркандской области. Кандидатом в депутаты от европейского населения области был

выдвинут Морозов. Однако местные власти лишили его избирательных прав и выслали из Туркестана.

Туркестанские меньшевики, усилив фракционную деятельность после IV съезда РСДРП и воспользовавшись арестом видных большевиков Туркестана, захватили большинство в Союзном комитете и стали выпускать от его имени легальную меньшевистскую газету «Новый путь».

В сентябре 1906 г. в Ташкенте состоялась II Туркестанская конференция РСДРП, на которой меньшевики продолжали нападки на большевиков, но получили отпор. В октябре 1906 г. был избран новый, большевистский состав Ташкентского комитета РСДРП.

Царские чиновники продолжали преследовать революционные организации края. К осени 1906 г. Самаркандская социал-демократическая организация была разгромлена. Усилилось преследование газеты «Самарканд», и в декабре она была закрыта.

Большевики Самарканда для улучшения печатной пропаганды пытались открыть легальную типографию коммерческого характера. 12 сентября 1906 г. заведующий Черняевской библиотекой А. С. Паренков подал прошение военному губернатору Самарканда об открытии типографии, оборудованной двумя машинами. Но на основании рапорта полицмейстера Самарканда о том, что «Паренков по своим политическим убеждениям принадлежит к самым левым крайним партиям», открытие типографии не было разрешено. Поэтому приходилось пользоваться только подпольной типографией, которая была организована еще в 1905 г. на Петровской улице (на углу нынешних улиц Республиканской и Пушкинской) в доме Шамсуддиновых, в квартире, занимаемой Павлом Сажиным, Трофимом Сидоровым и Александром Мурашкинцевым.

Большевики вовлекли в работу подпольной большевистской организации рабочих коренных национальностей. Об этом свидетельствуют воспоминания старых большевиков-подпольщиков.

По воспоминаниям С. Турсунова, работавшего в то время в типографии Демурова, кроме газеты «Самарканд», печатная пропаганда проводилась посредством выпуска нелегальных противоправительственных листовок. «Однажды ночью, после окончания работы,— вспоминает Турсунов,— Позняков обратился к нам с просьбой о срочном печатании листовок. Я и Атамурад Шермухамедов пошли в типографию, которая помещалась в подвале квартиры торговцев братьев Шамсуд-

диновых по ул. Петровской, где и выполнили эту просьбу».

Участник революционных событий в Самарканде Исмаил Шаджанов также говорит об участии в работе местной подпольной типографии представителей коренной национальности: «Мы несколько раз собирались в ночное время в доме М. В. Морозова, который давал нам поручения. Например, я и Атамурад, по просьбе Морозова, работали в частной (подпольной) типографии. С 10 часов вечера до утра мы работали не выходя из этого дома, выпускали листовки и оттуда шли потом на работу».

Революция 1905—1907 гг. привела в движение узбекскую торгово-промышленную буржуазию и национальную буржуазную интеллигенцию. Революционные события нашли отклик также в среде мусульманского духовенства и других привилегированных слоев населения. Движение это как во всем Туркестанском крае, так и в Самарканде не было однородным. Узбекская буржуазия, зависевшая от русских капиталистов, хотела независимости. Однако боязнь потери экономических связей с русской буржуазией и страх перед революцией заставляли ее быть сдержанной. Она требовала лишь незначительных реформ, не посягая на догмы ислама и шариата.

Интеллигенция стояла вначале за преобразование старой системы мусульманского религиозного образования, но в ходе революции ее движение приобрело политическую окраску, хотя и не выходило за рамки требований некоторых реформ и «улучшения» царского правления Туркестаном.

Мусульманское духовенство, прежде всего его верхушка, как и буржуазия, пыталась использовать революционное движение в своих интересах. В верноподданнических петициях оно высказывало требования, сходные с требованиями либеральной буржуазии, и только настояние на сохранении старой системы образования, упорядочении вакуфных дел и восстановлении в полном объеме шариата носило чисто духовный характер.

В противовес духовенству прогрессивно настроенная интеллигенция выступала в защиту просвещения, была пропагандистом передовой русской и европейской науки и культуры. Благодаря ей в Узбекистане развивалась прогрессивная общественная мысль.

Таким образом, годы первой русской революции и для далекой окраины характеризовались острой идеологической борьбой между привилегированной верхушкой общества — буржуазией, буржуазной интеллигенцией и высшим духо-

венством, с одной стороны, и прогрессивной интеллигенцией и рабочими — с другой. Эта борьба способствовала формированию прогрессивного мировоззрения у трудящихся масс, которые начинали понимать, кто отстаивает их интересы, а кто стремится сохранить свое привилегированное положение, выступает только для того, чтобы отвлечь трудящихся от революционной борьбы, заменить ее борьбой за экономическое улучшение.

В дни революции 1905—1906 гг. особой формой протеста было движение некоторой части трудящихся городов и кишлаков, именуемое царскими властями «разбойничьими нападениями». Направлено оно было в большинстве своем против феодально-байской верхушки и представителей царской администрации. Среди руководителей движения выделялся активностью, смелостью и дерзостью Намаз Пирамкулов. Эти выступления представляли собой своеобразную форму классовой борьбы и в определенной мере расшатывали самодержавный строй. В. И. Ленин рассматривал подобные выступления как партизанскую войну, считая их побочной формой революционной борьбы, порожденной первой русской революцией[1].

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ПЕРИОД РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА (1907—1914 гг.)

После поражения первой русской революции в России наступили тяжелые годы реакции, разгул самодержавно-полицейского режима достиг апогея. Преследования, ссылки, казни обрушились на трудящихся. В этой обстановке усилился и национально-колониальный гнет в Туркестане.

Новый избирательный закон, изданный царским правительством 3 июня 1907 г. в день разгона II Государственной думы, обеспечил реакционный, черносотенно-кадетский состав новой Думы. III Дума прикрывала собой введенную в стране военно-полицейскую диктатуру и поддерживала реакционный курс царизма в национальном вопросе. После третьеиюньского переворота народы Средней Азии, по новому избирательному закону, были полностью лишены своего представительства в Государственной думе.

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 1—2.

Столыпинские аграрные законы (от 9 ноября 1906 г., 14 июня 1910 г., 29 мая 1911 г.) преследовали цель создать в деревне прочную опору царизма в лице сельской буржуазии — кулачества. По существу, аграрная «реформа» и столыпинский террор были двумя сторонами одного плана подавления революции. Аграрная «реформа» сопровождалась ограблением и необузданным насилием над трудовой крестьянской массой.

Главный удар реакция обрушила на революционный рабочий класс. «Царское правительство, помещики и капиталисты, — писал В. И. Ленин, — бешено *мстили* революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, — точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»[1].

Опираясь на реакционную политику царизма, буржуазия стремилась лишить рабочих добытых ими в годы революции завоеваний. Старые приемы эксплуатации трудящихся дополнялись новыми, более изощренными.

Разгул реакции и контрреволюционная политика столыпинщины развернулись и на окраинах России, в том числе в Самаркандской области. Были репрессированы активнейшие деятели большевистской партии: Морозов, Позняков, Быховский, Худаш и др. Карательные меры применяли царские власти к организациям пролетариата.

Промышленная депрессия 1906—1909 гг. не миновала и Туркестан: часто простаивали предприятия, железнодорожные мастерские и депо, многие заводы и фабрики закрывались, рабочие лишались даже своего мизерного заработка. Хозяева предприятий всячески урезывали права рабочих, штрафовали их, сокращали заработную плату, использовали малейшие поводы для увольнения «подозрительных» людей.

Колониальная администрация принимала все меры по искоренению влияния первой русской революции, пробудившей местное население к политической жизни.

Ухудшение экономической конъюнктуры в сочетании с общими политическими и экономическими факторами обусловили слабое развитие рабочего движения в крае в годы реакции. Но даже отдельные выступления пролетариата свидетельствовали о том, что террор и репрессии не сломили его революционного духа, не смогли задушить революцион-

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 72.

ного движения. Так, из справки Туркестанского районного охранного отделения (1907 г.) видно, что «рабочий С. А. Листунов, будучи на железнодорожной станции Самарканд, был выборщиком от социал-демократической фракции вокзального района в члены II Государственной думы, в 1907 г. он был уволен со службы и арестован..., как продолжавший свою революционную деятельность, побудивший рабочих бросить службу и устроить компанию на коммунистических началах, появляясь на митингах и агитируя на них».

В целях подавления революционных настроений среди населения царская администрация в Туркестане производила аресты и учреждала надзор над «неблагонадежными» элементами. Царская охранка преследовала и закрывала легальные организации, редакции газет, в том числе газеты «Самарканд». Наступление реакции шло и на идеологическом фронте. В печати допускались клеветнические выпады против революционных деятелей.

Колониальные власти усилили борьбу против революционной пропаганды среди рабочих, производили внезапные обыски в квартирах революционно настроенных рабочих. 11 января 1908 г. на железнодорожной станции Самарканд охранка арестовала рабочих Крутика и Гордеева с большим транспортом революционной литературы (около 4000 экземпляров), прибывшей из Петербурга.

Начальник Черняевского отделения жандармского полицейского управления Среднеазиатской железной дороги в рапорте от 8 марта 1908 г. доносил, что «машинисты депо «Самарканд» Мясников и Каминский занимаются перевозкой революционной литературы из Ташкента в Самарканд» и что «рабочие того же депо Мамонтов, Морозов, Аникин, Фролов и Белокопеннов состоят в Самаркандском Комитете Всероссийского железнодорожного Союза..., недавно только отправили в Центральное бюро собранные между рабочими депо деньги».

В марте 1908 г. были арестованы и высланы из края как крайне неблагонадежные лица 176 рабочих Среднеазиатской железной дороги; среди них было 32 рабочих железнодорожных станций Самарканд и Черняево (ныне Урсатьевская).

24 апреля 1908 г. было арестовано 57 рабочих железнодорожной станции Самарканд, среди которых находилось 17 членов социал-демократической организации (В. Лекутин, С. Ситников, С. Клишин, С. Листунов, Н. Антропов,

М. Щербинин, А. Гольцев, Ф. Морозов и др.). Их привлекли к ответственности за участие в тайных собраниях, в организации антиправительственных митингов и распространении революционной литературы. Среди арестованных была социал-демократка М. А. Зенкович, участвовавшая в манифестации при провозе через ст. Самарканд политических арестованных — солдат Ходжентского батальона.

Был брошен в тюрьму и один из наиболее деятельных организаторов и участников забастовочного движения, распространитель нелегальной литературы, руководитель рабочих депо железнодорожной станции Самарканд Б. И. Каминский. Машинист депо ст. Самарканд Ф. П. Морозов был арестован за принадлежность к социал-демократической партии и за самое деятельное участие в революционном движении 1905—1907 гг. «Его речи на митингах каждый раз встречались аплодированием рабочих станции Самарканд», — гласил рапорт городской полиции от 7 августа 1908 г.

По ходатайству военного губернатора Самаркандской области от 6 июля 1908 г. в области был продлен еще на три года срок действия Положения об усиленной охране.

Несмотря на аресты и угрозы, осенью 1908 г. в Самарканде происходили волнения. Генерал-губернатор Туркестанского края в секретном письме на имя самаркандского военного губернатора от 3 сентября 1908 г. указывал, что «по имеющимся в Туркестанском охранном отделении сведениям, усиливается деятельность среднеазиатского отделения Всероссийского железнодорожного союза. 16 августа в Самарканде взорвалась положенная на окно квартиры помощника начальника депо Берегового фитильная бомба».

Годы реакции были периодом испытания политических партий. В глубоком подполье продолжали работу уцелевшие революционные социал-демократы. Они не прекращали агитацию среди солдат и рабочих Самарканда.

Большевики во главе с В. И. Лениным проводили огромную работу по политическому воспитанию и организации рабочего класса и всех трудящихся. Для этого необходимо было сохранить и укрепить нелегальную партию, тесно связанную с массами. Состоявшаяся в декабре 1908 г. V конференция РСДРП определила тактику партии в обстановке упадка революционного движения и разгула реакции. В резолюции по организационному вопросу конференция призывала членов партии обратить особое внимание на ис-

пользование и укрепление существующих и учреждение новых нелегальных, полулегальных и, по возможности, легальных организаций, которые могли бы служить партии опорным пунктом для организационной, пропагандистской и практической работы среди масс.

Руководствуясь решениями V конференции РСДРП большевики Самарканда в условиях разгула реакции вели революционную работу. В 1908—1909 гг. в Самарканде и Ходженте (ныне г. Ленинабад) большевики Никифоров, Измайлов и другие организовывали сходки, выступления с противоправительственными речами. В своем представлении царю генерал-губернатор Туркестана писал: «Во всех городах имеется значительное скопление всевозможного низшего железнодорожного служащего и рабочего люда; сюда главным образом направлена пропаганда и здесь сосредоточивается организаторская работа агитаторов».

Революционную группу в Самарканде возглавлял Н. С. Милишников, руководивший агитацией и пропагандой, распространением революционных листовок.

В трудные годы столыпинской реакции большевики Самарканда были твердо убеждены в неизбежности нового революционного подъема. В рапорте военного губернатора Самаркандской области от 4 февраля 1909 г. на имя туркестанского генерал-губернатора говорилось, что «политическое отношение и взгляды крайне левых партий на правительство нисколько не изменились».

Для упрочения связей с массами большевики использовали существовавшие в Самарканде легальные культурно-просветительные общества, любительские драмкружки и т. д. В 1909 г. они использовали просветительное общество «Кружок народных знаний». Через железнодорожное «Общество взаимопомощи» большевики Самарканда оказывали материальную помощь и содействовали в устройстве на работу уволенным за революционную деятельность.

В 1909 г. жительница Ходжента В. Г. Рык-Богданенко издавала прогрессивный ежемесячный журнал «Красное солнышко», который печатался в типографии Демурова в Самарканде. Обращаясь к читателям, редакция писала, что журнал начинает выходить в трудное время, «когда бесправие, смута, произвол и насилие управляют жизнью; когда обозленное, загнанное слово печати как безвольное эхо раздается в беспорядочном шуме; когда лучшие представители слова — одни бессильно смолкли, другие... ушли». Четко были сформулированы задачи нового журнала: «Редакция

ставит на первое место интересы трудящегося класса, как пришлого, так и местного населения». Издание этого прогрессивного журнала распоряжением местных властей вскоре было приостановлено.

В 1909 г. удачно была проведена забастовка рабочих типографии Демурова в Самарканде. Активными организаторами этого выступления явились наборщики С. Власов, К. Мануилов, литограф Н. Семенов, печатник И. Иосилевич и др.

Как отмечал В. И. Ленин, уже в 1909 г. стало очевидным, что «полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*»[1].

С 1910 г. явственно наблюдается оживление в рабочем движении, а в 1911 г. число стачечников в стране превысило 100 тыс. (против 50—60 тыс. в предыдущие годы).

Борьба пролетариата в России оказывала революционизирующее влияние на туркестанский пролетариат, о чем свидетельствовали отдельные экономические выступления рабочих в крае. Царские чиновники, обеспокоенные этим, продолжали аресты. Только в 1910 г. 300 рабочих Ташкентской железной дороги были включены в «черные списки»; им запрещалось вступать в политические партии. В годы реакции в Ташкенте было создано «Туркестанское охранное отделение», имевшее розыскные пункты во многих городах Средней Азии. Тюрьмы были переполнены заключенными. Но и в такой обстановке не прекращалась революционная деятельность. Военный губернатор Самаркандской области 20 марта 1910 г. уведомлял туркестанского генерал-губернатора о том, что «в городах Самарканде и Катта-Кургане, где обыкновенно бывает большое скопление пришлых элементов из России и Кавказа..., невозможно быстрое прекращение их зловредной революционной деятельности».

К 1910 г. промышленность края сделала значительный шаг в своем развитии. Если с момента присоединения к России до 1900 г. в Туркестане было пущено в ход 171 предприятие, то за последующие 10 лет — с 1900 до 1910 г. — уже 223. Увеличилась добыча нефти, железа, меди, расширилось железнодорожное строительство.

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 74.

В Самарканде развивалась хлопкоочистительная и винодельческая промышленность. Соответственно увеличивалось и количество рабочих. К 1910 г. оно составляло около 1500, включая железнодорожников. Численное увеличение рабочего класса способствовало расширению революционного движения в области.

В августе 1911 г. на Сулюктинских угольных копях в Самаркандской области вспыхнула забастовка, причиной которой послужили невыносимые условия труда и издевательское отношение к рабочим со стороны администрации копей.

Большевики Самарканда использовали все формы легальной работы, чтобы пробуждать классовое сознание у рабочих. Широкую деятельность по распространению марксистско-ленинской литературы развернул большевик Г. Н. Клименко. 30 октября 1911 г. при обыске его квартиры была обнаружена партийная библиотека, в которой находились «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Эрфуртская программа» К. Каутского и др. Затем при обыске 11 ноября 1911 г. у него было конфисковано 80 брошюр социал-демократического направления и в их числе «Философия истории», «Дневник социал-демократа № 4» Плеханова. В заключении по делу Клименко начальник Туркестанского охранного отделения писал, что он является опасным пропагандистом социал-демократических идей среди рабочего класса, «личностью безусловно вредной для общественного спокойствия в крае».

Несмотря на репрессии, большевики Самарканда продолжали вести политическую работу в массах, помогали подпольным организациям Джизака, Каттакургана.

В 1911—1914 гг. в Самарканд приехали после отбытия срока заключения бывшие сотрудники газеты «Русский Туркестан», видные большевики, участники революции 1905—1907 гг. в Туркестане Г. И. Шовдия, С. И. Кушевили, бывший сотрудник газеты «Самарканд» Г. Н. Клименко и большевики Ф. Д. Фигельский, Н. М. Марков и др. Ф. Д. Фигельский с 1913 г. руководил политической и агитационно-пропагандистской работой в Самарканде, где он был преподавателем мужской гимназии.

Ярким примером нового революционного подъема в Туркестане явилось восстание 1-го и 2-го туркестанских саперных батальонов, вспыхнувшее в ночь с 1 на 2 июля 1912 г. в Троицких лагерях под Ташкентом и жестоко подавленное царизмом. В. И. Ленин отметил этот факт, анализируя со-

бытия первых лет нового революционного подъема в стране: «...Поднялся уже вождь — рабочие массы, и откликаются на их призыв матросы и солдаты от Гельсингфорса до Ташкента»[1].

Восстание ташкентских саперов получило широкий отклик среди частей Самаркандского гарнизона. Здесь нелегально действовала военная организация, которая вела агитационную работу среди солдатских масс. В гарнизоне знали о содержании листовки, выпущенной «Туркестанской военно-революционной организацией» в августе 1912 г.

Самаркандские революционные социал-демократы поддерживали постоянную связь с большевиками не только Ташкента, но и Петербурга, Баку, Тифлиса, Кутаиси. Особенно активную революционную деятельность развернула социал-демократическая группа Самаркандской типографии Демурова. Рабочие этой типографии, руководимые большевиками, неоднократно выступали с требованиями улучшить экономическое положение печатников, ввести 8-часовой рабочий день. Рабочие типографии Газарова требовали бесплатного медицинского обслуживания, неувольнения во время болезни, сокращения рабочего дня.

Осенью 1912 г. в защиту своих прав выступили железнодорожники. В самаркандском депо передовые железнодорожники призывали «напомнить правительству 1905 г.». В сентябре 1912 г. грузчики ст. Самарканд устроили однодневную забастовку, а в октябре вспыхнула забастовка на чаеразвесочной фабрике, во время которой русские и узбекские рабочие совместно отстаивали свои права; забастовка закончилась удовлетворением основных требований трудящихся.

На ст. Самарканд революционной пропагандой среди нижних чинов и рабочих занимался Н. М. Марков. Социал-демократ Г. С. Петров в 1913 г. прочитал в Самарканде несколько лекций «вредного» противоправительственного направления. Его лекции привлекали массу публики, по преимуществу интеллигенции и молодежи.

В типографии Демурова в революционной работе вместе с русскими рабочими С. Власовым, К. Мануиловым, Н. Семеновым и другими активно участвовали узбекские рабочие; среди них выделялись Д. Устабаев, И. Шаджанов, А. Шермухамедов.

Под влиянием рабочего движения в 1911—1914 гг. усили-

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 11.

лось аграрное движение в Самаркандской области. Дехкане отказывались от уплаты налогов и повинностей, избивали аксакалов, нападали на баев при производстве описи имущества недоимщиков и т. д.

В 1913 г. большевики усилили работу по укреплению местных партийных организаций. В край поступали нелегальная литература, брошюры, газета «Социал-демократ», центральный орган партии журнал «Просвещение» и др. Была упрочена связь между большевиками Самарканда, Ташкента и других городов края. В 1913 г. в Самарканде был отмечен первомайский праздник.

Годы революционного подъема показали, что рабочие под руководством большевистской партии готовились к новой революции. Дальнейший подъем революционного движения в России был временно приостановлен начавшейся в июле 1914 г. мировой империалистической войной.

4. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Вопреки реакционной политике царских колонизаторов, стремившихся держать местное население в темноте и невежестве, и наперекор воле местных феодалов в Самарканд проникала передовая русская культура.

Согласно закону 1875 г. о народном образовании в Туркестане, при генерал-губернаторе было организовано Управление учебными заведениями края, которыми руководил главный инспектор училищ. По этому закону, на территории Средней Азии могли открываться мужские и женские прогимназии для русского населения и русско-туземные школы для коренного населения. Все существовавшие узбекские школы различных типов должны были подчиняться Управлению учебными заведениями Туркестанского края. Но генерал-губернатор Кауфман считал более правильным не вмешиваться в жизнь местных религиозных школ, ибо, по его мнению, вмешательство могло усилить ненависть фанатиков-мусульман к царскому самодержавию.

Для того чтобы ослабить влияние мусульманского духовенства, царские власти в Туркестане стремились ограничить обучение лиц коренных национальностей в духовных учреждениях Самарканда и Бухары. В целях материального ослабления мусульманских учреждений была запрещена

передача имущества, земли и денег в качестве вакфов духовным учреждениям и школам.

По мнению царских чиновников, лучшим способом просвещения коренного населения могли быть так называемые русско-туземные школы, призванные готовить из числа коренных жителей нужные царизму кадры.

Первая русско-туземная школа была открыта в Самарканде 14 января 1870 г. Приказом начальника Зарафшанского округа генерала Абрамова 24 марта 1870 г. капитан А. Гребенкин, хорошо знавший местные языки и письменность, был назначен особым представителем царской администрации в этом учебном заведении. Школа была укомплектована 20—30 учащимися. Кроме изучения русского языка, в ее плане предусматривалось обучать детей ремеслам и сельскохозяйственным работам, для чего была устроена маленькая хозяйственная ферма и отведен участок земли.

В 1876 г. в этой школе насчитывалось уже 111 учащихся, среди них лица различных национальностей — узбеки, таджики, евреи и индусы.

В 1887 г. при самаркандской русско-туземной школе были открыты вечерние курсы, которые посещали 25 слушателей, преимущественно представители коренного купечества. Вечерние курсы по изучению русского языка постепенно были организованы при русско-туземных школах всех уездных городов области.

О росте русско-туземных школ в Самаркандской области свидетельствуют следующие данные:

	Количество школ	*Число учащихся в них*	*Количество вечерних курсов при школах*	*Число учащихся в них*
1887 г.	4	48	1	25
1890 г.	7	250	4	99
1906 г.	12	330	5	263

Русско-туземные школы края накопили некоторый опыт по обучению детей коренного населения русскому языку, арифметике, истории и географии. В учебниках, составленных для этих школ, особенно в «Книге для чтения», давались элементарные сведения о природе, людях, животных и птицах, краткие отрывки из произведений классиков русской литературы — Пушкина, Лермонтова, Крылова и др. Отдельные, прогрессивно настроенные учителя старались

давать детям глубокие знания, знакомили их с русской литературой, историей, географией, добивались изучения русского языка. В изучении русского языка они видели мощное средство приобщения коренного населения к неисчерпаемым духовным ценностям русского народа.

В 1871 г. в Самарканде была организована первая начальная школа для русского населения; в 1879 г. ее разделили на мужскую и женскую школы. К 1882/83 учебному году эти школы были превращены в трехклассные училища — мужское и женское. Всего в Самарканде насчитывалось 4 городских трехклассных училища, в которых обучалось 78 учащихся, из них 39 человек — представители коренных национальностей. Кроме того, в городе имелось три женских приходских училища.

К 1889 г. в Самарканде для русского населения были открыты женская гимназия (167 учащихся), классическая мужская прогимназия (51 учащийся), городское четырехклассное училище (104 учащихся). При училище был организован интернат. Кроме того, функционировало городское мужское приходское училище им. А. С. Пушкина (72 учащихся) и городское женское приходское училище им. А. С. Пушкина (67 учащихся).

В этот период некоторое внимание было уделено профессиональному обучению, ибо для промышленности и железнодорожного транспорта области требовались знающие рабочие. В 1898 г. в Самарканде были открыты двухклассные мужское (68 учащихся) и женское (49 учащихся) приходские железнодорожные училища.

По инициативе отдельных представителей прогрессивной русской интеллигенции в 1904 г. в Самарканде начала действовать низшая школа садоводства, виноградарства и виноделия I разряда. Городское хозяйственное управление выделило для нее два участка городской земли общей площадью около 11 десятин и хозяйственные здания. В четырех классах школы обучалось в 1904 г. 32 учащихся. В 1903 г. для постройки подсобных помещений и ремонта зданий школы местные власти выделили 10 500 руб. Однако средства, отпускаемые для ее нужд, были мизерными. В 1906 г. комиссия президиума Туркестанского общества сельского хозяйства рассмотрела проект и план предлагаемого здания школы, но осуществить его строительство не удалось.

Энтузиасты из прогрессивно настроенной русской интеллигенции в 1870 г. на свои средства открыли в Самарканде общественную библиотеку. Ее организаторы преследовали цель не только пропаганды чтения книги, но и собирания,

хранения восточных рукописей и материалов, касающихся исторического прошлого Средней Азии.

Приметным событием явилось создание в Самарканде в 1874 г. областного исторического музея.

После присоединения Туркестана к России началось более подробное и систематическое изучение истории, природы и быта Самарканда и всей Зарафшанской долины. До сих пор не потеряли научного интереса труды В. В. Бартольда, А. П. Федченко, В. В. Радлова, А. Д. Гребенкина, Л. Н. Соболева, А. Л. Куна, В. Л. Вяткина и других исследователей. С 1868 г. известный русский ориенталист А. Л. Кун начал собирать в Самарканде различные вакуфные документы. Собрав более 150 ценных документов, он перевел их на русский язык.

Стационарные наблюдения над природой Зарафшанской долины русские ученые начали с 1878 г., когда были созданы метеорологические станции в Самарканде (1878 г.), Пянджикенте, Джизаке (1881 г.), Каттакургане (1901 г.), на ст. Ростовцево (1909 г.; ныне ст. Красногвардейская). Обработка обширных материалов этих станций была подытожена Л. А. Молчановым, который составил впоследствии климатическую карту Средней Азии.

Деятельность передовой русской интеллигенции находила отзвук в среде узбекской интеллигенции. Так, уже в 80—90-х годах прошлого столетия в Самарканде под влиянием русских ученых, коллекционеров, научных обществ и кружков возникла группа любителей, собирателей древностей, среди которых выделяются имена Мирзы Бухари Мирзы Абдуллина, Мирзы Барата Муллы Касымова, Мирзы Абдуррахмана и др.

Одним из видных собирателей древностей был Мирза Бухари. Он жил в квартале Ташкент Сузагаранской части Самарканда, являлся купцом второй гильдии, владельцем первых шелкомотальных мастерских в Самарканде и Ходженте. Мирза Бухари был знаком с русским ученым Н. И. Веселовским, а также с поэтом Фуркатом, который в 1891 г. побывал в Самарканде, жил у Мирзы Бухари и с большим вниманием осматривал его коллекцию. Об этом Фуркат упоминает в своем письме в редакцию «Туркестан вилояти газетаси», опубликованном в августе 1891 г.

Другая заметная фигура в среде собирателей и любителей старины — самаркандец Мирза Барат Мулла Касымов, замечательный художник и каллиграф. Он срисовал с точным соблюдением деталей надписи медресе Шир-Дор, мечети Биби-

ханым, мавзолеев Шахи-Зинда, мавзолея Гур-Эмир, а также надписи со скалы «Тамерлановых ворот» в Джизакском уезде. В 1886 г. Мирза Барат изготовил и представил на Ташкентскую выставку рукописный чертеж медресе Улугбека. Кроме того, он перевел с таджикского языка на узбекский известное сочинение Абу Тахира Ходжи Самарканди «Самария». Этот перевод был опубликован Н. П. Остроумовым в 1884 г. в Ташкенте.

Образцы медных изделий самаркандских мастеров. Чекан XIX в.

Во второй половине XX в. в литературной среде Самарканда, как и в других городах Туркестана, существовали два противоположных литературных направления. Если передовые среднеазиатские просветители (Дониш, Фуркат, Мукими, Шохин, Возе, Асири, Хамза, Айни и др.), несмотря на историческую ограниченность их мировоззрения, выражали идеи просветительного и демократического направления, то представители формирующейся буржуазной идеологии (Мухаммед Алим, Абдулмаджид Шавки, Ходжи Сабир Самарканди) за-

щищали интересы господствующих классов. Так, Абдулмаджид Шавки, служивший в Самарканде муфтием шариата, в своих произведениях восхвалял бухарских правителей, царских и местных чиновников, называя их защитниками и покровителями народа. Самаркандский поэт Ходжи Сабир Самарканди проповедовал религиозно-мистические взгляды, призывал к набожности и благочестию, к отказу от мирской жизни, требовал полного соблюдения законов и предписаний шариата.

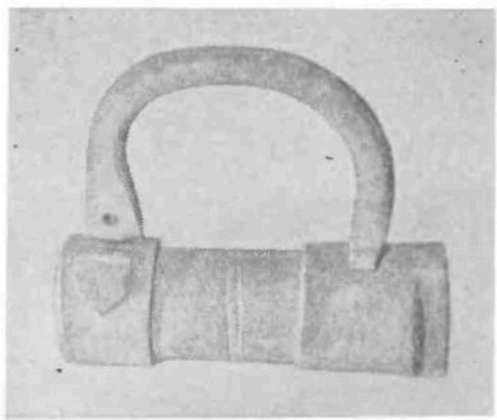
В противовес представителям реакционного литературного течения самаркандские поэты прогрессивного направления — Абдулкарим Сипанджи (1830—1909), Назриддин Ходи (1830—1892) и др. — продолжали лучшие традиции классической литературы. В их произведениях наряду с традиционной любовной лирикой значительное место занимали мотивы социального характера — протест против несправедливости и бесправия.

В начале XX в. борьба двух направлений усилилась, одновременно произошло некоторое видоизменение обоих направлений. Так, если во второй половине XIX в. реакционное течение было представлено религиозной литературой, то в начале XX в. оно проявляется в основном в литературе правого крыла джадидизма. Например, Саид Азимзаде в стихотворении «Ок подшога дуо» («Молитва за белого царя»), Махмуд Ходжи Бекбуди в статьях и другие защищали интересы буржуазии и купечества, ратовали за перевод системы образования на буржуазный лад в соответствии с требованиями развивающейся промышленности и торговли.

В то же время если самаркандские поэты второй половины XIX в. придерживались традиций классической литературы, то прогрессивные писатели, поэты и педагоги начала XX в. — Мирза Акрам Фикри, Абдужалил Писанди, Накибхан Туграл, Ибрагим Джурат, Саидахмед Васли и др., кроме того, затрагивали актуальные темы, выступали с передовыми просветительскими идеями, старались поставить литературу на службу народу.

В этот период были переведены на таджикский и узбекский языки отдельные образцы русской литературы. Например, основатель новометодной школы (1901 г.) в Самарканде Абдукадыр Шакури (1875—1943) составил и издал в качестве учебного пособия для этой школы «Жомеъ ул хикоет» («Сборник рассказов»), в который включил переведенные им на таджикский язык басни И. А. Крылова и рассказы Л. Н. Толстого. Новометодная школа, созданная Шакури,

быстро снискала признание. В 1909 г. для ознакомления с ней в Самарканд приехал основатель узбекской советской литературы, поэт и драматург, педагог и общественный деятель Хамза Хакимзаде Ниязи. Приезд Ниязи положил начало их дружбе. Советский писатель С. Айни также являлся большим другом Шакури и высоко ценил его литературное и педагогическое творчество. При помощи Шакури С. Айни в 1914 г. издал в Самарканде первый учебник для учащихся новометодной школы.

Замок от ворот Самарканда, XIX в.

Другим известным самаркандским поэтом и педагогом прогрессивного направления был Саидахмед Сиддики (1864—1927). В своих произведениях «Зеркало назидания» и «Слет духов» (1912 г.), «Глаза знания» (1914 г.), «Сокровища мудрости» (1915 г.) и в других Сиддики критиковал реакционность, тупость и невежество мусульманского духовенства, бесчестность и гнусность представителей имущих классов. Вместе с тем он выступал как пропагандист светской науки и техники, как поборник распространения русского языка, науки и культуры, критиковал старые методы обучения в религиозных школах.

Заслуживает внимания прогрессивное литературное творчество самаркандцев Кори Мухаммеда Рахима (литературный псевдоним «Тикон») и Шакира Мухтара (литературный псевдоним «Ишчи»), а также поэта Файеза Муллы Абдуллы

(умер в 1927 г.). Уже в ранних произведениях они выступали против отсталости трудового народа, защищали его интересы. Так, Кори Мухаммед Рахим в стихах «Тикон», «Майна», «Нот» и в других высмеивал и критиковал сторонников старого быта и обычаев, призывал народ к овладению знаниями. Литературное творчество этих поэтов наиболее ярко сформировалось после Октябрьской революции.

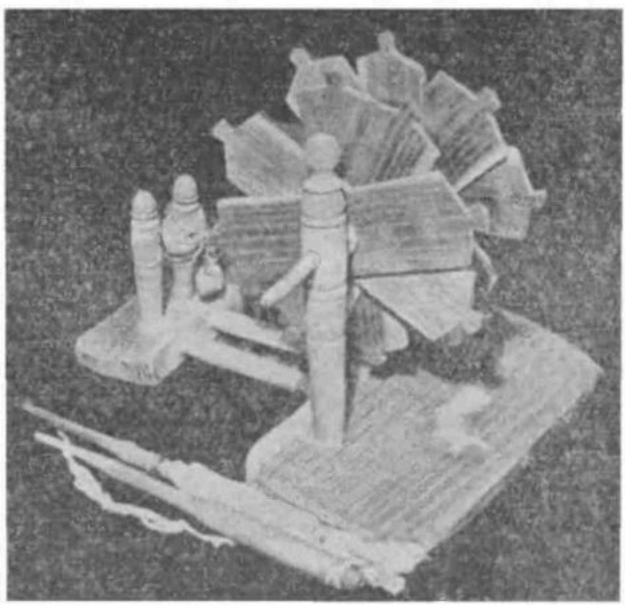
Самаркандский педагог и общественный деятель Шакир Мухтар начиная с 1910 г. выступал на страницах печати с популярными и научными статьями на узбекском языке.

Создание в Самарканде в 1894 г. типографии, где работало свыше 80 рабочих, способствовало популяризации художественной и научной литературы на русском, узбекском и других языках. В частности, в 1904 г. здесь литографским способом была издана на таджикском языке брошюра о борьбе с оспой («Рахбарнома дар бораи чечак»), в 1908 г. на узбекском языке — «О пчеловодстве и пути его развития» («Асал тарбияснинг баёноти»). Были также переведены и изданы: в 1905 г. пособие «О выращивании тутового шелкопряда» («Пилла куртининг тарбияси»), в 1913 г. букварь («Рахбари мактаб») педагога Исматуллы Рахматуллаева; были изданы карты Туркестана, Бухары, Хивы. На узбекском языке вышел букварь «Путеводитель знания» («Рахнамои савод»), пьесы «Свадьба» («Той»), «Новая школа и старая школа» («Янги мактаб ва эски мактаб»), «Угнетенная женщина» («Мазлума хатин») и другие работы самаркандского педагога Ходжи Муйина Шуруллаева.

До февральской революции в Самарканде были переведены и изданы на языках коренных национальностей книги, брошюры, справочники, пьесы, сборники стихов и т. д. — всего 49 наименований.

В усилении интереса местного населения к ведению русского хозяйства большое значение имели сельскохозяйственные выставки, организованные в Самарканде в 1876, 1883 и 1900 гг. Особенно значительную роль в приобщении местного населения к прогрессивным формам ведения хозяйства сыграла выставка 1900 г. Большая группа ее участников — представителей коренного населения — была награждена золотыми, серебряными и бронзовыми медалями и похвальными листами Министерства земледелия и Туркестанского общества сельского хозяйства. Всеобщим вниманием на выставке пользовались экспонаты Мир-Салиха Заитбаева; он представил на конкурс шелководов наиболее качественные и продуктивные сорта коконов, которые могли конкурировать с продукцией европейских гренажных фирм. Заитбаев был награжден боль-

шой золотой медалью выставки. За улучшение сорта шелковой грены медалями были награждены С. З. Кутлоев, Мирза Ходжа Урун-Ходжаев. За устройство в Самарканде образцового заведения по размотке и кручению шелка, а также за ткацкое производство на улучшенных станках малыми серебряными медалями были награждены Мир Вали Мир Садыков, Шакиржан Ниязов, Садыкжан Рахимджанов, Файзибай Шарипов, за шелкоткацкое производство бронзовыми медалями награждены Алим Бакиев, Уста Фазил Шарипов, Хаким Хусейнов и др.

«Чарх» — кустарный прядильный станок XVIII—XIX вв.

После присоединения Самарканда к России в его облике произошли существенные изменения — рядом со старым возник новый город европейского типа. Эта часть, имевшая правильную планировку (радиальные улицы, расходившиеся от новой крепости, и поперечные, располагавшиеся концентрическими дугами), застраивалась зданиями европейского типа вплоть до 1917 г. От крепости лучами расходились улицы Барбетная (ныне Каттакурганская), Ташкентская (ныне Фрунзе), Ургутская (ныне Узбекистанская).

Между «старым» и «новым» городом протянулся бульвар Абрамова (ныне бульвар им. М. Горького), были разбиты два парка — Центральный (ныне им. М. Горького) и Ивановский (ныне детский парк).

Важнейшие государственные учреждения находились на Абрамовском бульваре и в центре по ул. Ургутской (областное управление, банк, почта, казначейство). Учебные заведения располагались частично по бульвару (четырехклассное училище, мужская гимназия), пушкинские училища — мужское и женское — на Кауфманском (ныне им. Ленина) проспекте.

Из капитальных зданий дореволюционного Самарканда можно отметить здания отделения государственного банка и женской гимназии (ныне биофак СамГУ им. А. Навои), сооруженные по проекту инженера Б. Н. Кастальского. В 1901 г. был поднят вопрос о постройке здания библиотеки и музея. Это здание было возведено в 1910—1916 гг. по проекту инженера И. П. Лебедева с использованием элементов готической архитектуры. В строительстве деятельное участие принимал местный мастер Улуг Ходжа Усман Ходжаев.

Из частных особняков одним из крупных был дом местного богача Колонтарова, построенный по проекту техника Г. О. Нелле (ныне здесь располагается Республиканский музей культуры). В его оформлении местными мастерами — Уста Абул Хафизом, Уста Ширином Бухари, Уста Акрамом, Уста Шамсием и другими — были использованы традиции узбекской национальной архитектуры.

Как центр высокой древней культуры — духовной и материальной — Самарканд привлекал внимание известных композиторов, художников, архитекторов. В частности, он нашел отражение в музыкальном искусстве второй половины XIX в. В 1864 г., после посещения Самарканда А. Вамбери моравский композитор Игнат Брилль написал оперу «Самаркандские дервиши», явившуюся первой оперой о Самарканде в западноевропейском музыкальном творчестве XIX в. В 1910 г. Франц Ленкорей дебютировал оперой о Тимуре под названием «Повелитель Самарканда». Английский композитор Гретил Пантюк сочинил музыку для хора «Самарканд в дни величия».

В Самарканд приезжали русские художники, актеры, музыканты. Знаменитые работы В. В. Верещагина «Пусть войдут», «Торжествуют» (площадь Регистан в Самарканде), «Самаркандский зиндан» и другие являются шедеврами русско-

го и мирового искусства. Находясь в 1868 г. в Самарканде, Верещагин «ежедневно ездил, — по его словам, — в город и за город, осматривал мечети, базары, училища, особенно старые мечети, между которыми уцелело еще немало чудных образцов. Материала для изучения рисования было столько, что буквально трудно было решиться, за что ранее приниматься: природа, постройки, типы, костюмы, обычаи — все это ново, оригинально, интересно».

Самарканд, его исторические памятники являлись постоянными объектами работы таких русских художников, как Н. Н. Каразин и многие другие. Работы Каразина были высоко оценены на всемирных выставках в Петрограде и Париже.

В Самарканд приезжал великий русский певец Ф. И. Шаляпин, здесь периодически выступали известные артистические труппы — В. Васильева-Вятского (1890—1897) и Н. Кручинина (1894—1899). В репертуарах этих трупп были произведения А. С. Грибоедова «Горе от ума», Н. В. Гоголя «Ревизор» и др. Русские театры сыграли положительную роль в деле приобщения коренного населения к передовой русской культуре.

В 1913 г. в Самарканде была создана узбекская театральная труппа в составе 11 человек. В начале 1914 г. самаркандские артисты-любители показали зрителям пьесы «Падаркуш» («Отцеубийцы») и «Обманули и обманулись». В обеих пьесах женские роли исполняли мужчины. Оценивая отношение зрителей к этим спектаклям, журнал «Ойна» писал: «На спектакль пришло очень много людей... Ибратхона (театр) была рассчитана всего лишь на триста двадцать мест. Было подготовлено дополнительно еще около пятидесяти мест, но и этого не хватило. Билеты проданы были за два дня вперед. Начиная с семи часов, тысячная толпа людей стала ломиться в ибратхону. Люди соглашались за три рубля посмотреть спектакль стоя Господин администратор был вынужден выразить сожаление собравшейся публике».

Вопреки законам шариата и консерватизму фанатиков в Самарканде после 1868 г. появились актеры и музыканты из числа женщин коренных национальностей. Первой такой актрисой и музыкантшей была Курбанхон. Она самостоятельно перекладывала на музыку народные стихи, хорошо играла на нескольких народных музыкальных инструментах, с большим искусством исполняла песни и танцы. Вечера, народные гулянья, различные праздники, проводившиеся в городе, не проходили без участия Курбанхон. Любовь к искусству заставила ее порвать с законами шариата, с семьей. Такой ре-

шительный шаг ей удалось сделать только благодаря поддержке и покровительству передовых русских людей. Высоко оценивая выступления юной Курбанхон, один из очевид-

Женское украшение. Ювелирное изделие второй половины XIX в.

цев в 1872 г. писал: «Нам удалось случайно видеть иранский (видимо, таджикский. — *Ред.*) танец, исполненный девочкой, который уже давно отличался от танцев плясунов... и многое напоминал из бойких, страстных и оригинально грациозных танцев образованного Востока. Она была в состоянии увлечь самого большого знатока танцевального дела».

Наиболее характерным репертуаром узбекских и таджикских певцов являлись вокальные части макомов и песни на лирические стихи Омара Хайяма, Джами, Навои, Бедиля, Мукими, Фурката и др. В исполнении этого репертуара больших успехов достиг самаркандский певец Ходжи Абдулазиз Расулев (1852—1936). В 1909 г. рижская фирма «Граммофон» записала в исполнении Расулева макомы «Ирок», «Насруллои» и «Ушок».

В анализируемый период в Самарканде были сделаны большие сдвиги в организации профессиональной медицинской помощи населению. В городе был построен ряд больниц, амбулаторий, аптек и т. д. Первая больница начала работать в 1870 г. В 1885 г. вступила в строй лечебница для женщин и детей коренного населения. За 1886—1894 гг. ее посетили 28 003 женщины и 16 496 детей. В 1890 г. в Самарканде была открыта лечебница для лиц коренного населения на 50 коек.

В начале сентября 1898 г., когда в кишлаке Анзоб Искандеровского района Пянджикентского участка Самаркандского уезда вспыхнула эпидемия чумы, подлинный героизм проявили Афрамович — главный врач Самаркандского уезда, Зедлер — самаркандский аптекарь, рабочий Пахотин, писарь Магазин, переводчик Хасан Дададжанов, анзобский житель Баба Муллаев, работавшие санитарами, и др.

Среди русских врачей, работавших в Самарканде, следует назвать С. Б. Грачеву-Горновскую (1886—1893), Л. Симонову-Хохрякову (90-е годы), а также частнопрактикующих врачей А. В. Яковлеву-Поспавскую (1895—1905), Е. М. Савицкую (1914), М. М. Никулину-Сапетову (1914), О. И. Солнышкину (1914—1916) и др. В конце XIX — начале XX в. в качестве военных и гражданских врачей в Самарканде работали М. Герценштейн, И. Копытовский, В. Добровольский, А. Зубов, Н. Сапожников и др.

В начале XX в. в Самарканде свирепствовали различные инфекционные болезни. В связи с этим группа наиболее прогрессивных самаркандских врачей поставила вопрос об образовании Общества самаркандских врачей, которое было создано в 1913 г. Активными его участниками стали Артамонов, Бильфельд (председатель общества), Богдан-Березовский, Веньяминов, Герфенштейн, Дейн, Дубровина, Задунайский, Иванов, Ильинский, Фихтнер и др.

5. САМАРКАНД В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Начавшаяся летом 1914 г. первая мировая империалистическая война внесла существенные изменения в жизнь России и ее национальных окраин.

Война возникла в результате обострения глубоких противоречий империализма, в результате столкновения двух крупных военных группировок империалистических держав. Почти все партии II Интернационала, изменив делу марксизма, встали на путь «оборончества», защиты буржуазии и империалистической войны. Меньшевики и эсеры также заняли пробуржуазную позицию.

Только партия большевиков во главе с В. И. Лениным, до конца оставаясь верной марксизму и пролетарскому интернационализму, вела борьбу против империалистической войны. Определяя империалистический, грабительский характер войны, В. И. Ленин в Манифесте ЦК РСДРП, написанном в сентябре 1914 г., отмечал: «Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны»[1].

Партия большевиков боролась за революционный выход из империалистической войны. Мировая война, принесшая неисчислимые бедствия и страдания народным массам, подводила их к новым выступлениям против существующего строя. Исходя из новой исторической обстановки, В. И. Ленин разработал революционную платформу партии, изложенную им в «Задачах революционной социал-демократии в европейской войне» и в Манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». В. И. Ленин выдвинул и обосновал основной лозунг партии большевиков —превращение империалистической войны в войну гражданскую. Он сформулировал и обосновал лозунги поражения своего правительства в империалистической войне, полного разрыва с потерпевшим позорный крах II Интернационалом и создания III Интернационала. Ленинские лозунги вдохновляли трудящихся на революционную борьбу против помещиков и буржуазии, против

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 15.

империалистической войны и за выход из нее путем победоносной революции.

Весь ход событий подтвердил правильность стратегии и тактики большевиков.

24 июля 1914 г. Туркестанский край был объявлен царским указом как состоящий на положении «чрезвычайной охраны».

В первые дни войны из русского населения Туркестанского края было «принято запасных нижних чинов» 22 999 человек. К началу 1915 г. в армию было призвано 70 тыс. человок, в том числе из Самаркандской области 3585 человек. Мобилизация шла туго. Июль 1915 г. ознаменовался народными волнениями в связи с выступлениями мобилизованных солдат. Одно из таких крупных выступлений состоялось 27 июля на самаркандском сборном пункте. Произнесший антивоенную речь запасной Викентий Ледзинский был арестован полицией.

В годы войны усилился социальный и национальный гнет. Поземельный налог в Туркестанском крае за 1914—1916 гг. был увеличен более чем в 2 раза и достиг 14 311 771 руб. Значительно повысился и промысловый налог (с 1 149 676 до 2 838 240 руб.), основная тяжесть которого легла на плечи трудящихся, ремесленников-кустарей. Царское правительство установило дополнительный военный налог на хлопок в размере 2 руб. 50 коп. за пуд волокна, что привело к дальнейшему ухудшению положения дехкан.

Намного возросли земские, дорожные и другие сборы. Дополнительные денежные сборы уездный начальник осуществлял насильственными методами. В донесении на имя туркестанского генерал-губернатора (декабрь 1914 г.) военный губернатор Самаркандской области генерал Н. С. Лыкошин писал: «Народ молчит и платит деньги, но я уверен, что в душе каждый плательщик негодует, что с него берут так много денег, да притом обыкновенно поровну с бедных и богатых».

Умножились поборы со стороны волостных управителей, старшин и других должностных лиц. Широко практиковались так называемые «пожертвования» и «реквизиции на нужды войны». В Туркестанском крае было реквизировано 70 тыс. лошадей, более 13 тыс. юрт, свыше 30 тыс. кв. аршин кошмы, 300 тыс. *т* мяса, 3 млн. пудов хлопкового масла и т. п. Реквизировано было даже 12 тыс. верблюдов для использования в качестве тылового транспорта.

Росли цены на промышленные, продовольственные товары и топливо. Владельцы предприятий произвольно устанавливали цены, получая огромные прибыли. Жители Самар-

канда и Самаркандского уезда в прошениях на имя туркестанского генерал-губернатора жаловались, что «цены на промышленные и продовольственные товары увеличились в 5—10 раз, за счет чего и обогащаются торговцы, тогда как городская и кишлачная беднота сильно страдает».

Образцы самаркандской художественной керамики XIX в.

Война пагубно сказалась на экономике края. Резко снизилась урожайность хлопка, зерновых и других сельскохозяйственных культур. В 1915 г. почти половине сельского населения области не хватало хлеба. Многие бедные кочевники и переселенцы уже к январю 1915 г. израсходовали все продовольственные запасы. Для покупки хлеба эти слои населения вынуждены были продавать имущество — скот, сельскохозяйственные орудия, постройки и т. д.

В 1915 г. царское правительство в угоду магнатам текстильной промышленности приняло закон об установлении предельно низких цен на хлопок. Такая мера в условиях, когда цены на промышленные товары и многие продовольст-

венные продукты неудержимо росли, усугубила и без того тяжелое положение трудящихся.

Все это усиливало недовольство народных масс национальных окраин России политикой царизма.

В России ширилось рабочее движение. Оно охватило основные промышленные районы страны. В Костроме и Иваново-Вознесенске произошли крупные забастовки, которые были подавлены силами воинских частей. Кровавая расправа с забастовщиками вызвала бурю протеста. В Петрограде, Москве, Харькове, Ревеле и других городах России происходили массовые забастовки, перераставшие в политические демонстрации. К осени 1915 г. революционное движение рабочих приняло широкий размах.

Политическая борьба пролетариата промышленных центров страны оказывала революционизирующее влияние и на ее окраины. Так, еще в августе 1914 г. состоялась забастовка русских и киргизских рабочих Сулюктинских угольных шахт.

Нарастающее антивоенное движение свидетельствовало о надвигающейся революционной буре. Одним из ярких проявлений революционного кризиса в стране явилось народное восстание 1916 года в Туркестане, имевшее глубокие социально-экономические и политические предпосылки, порожденные всей системой царизма и российского империализма. Усилившийся в годы первой мировой войны социальный и национальный гнет был усугублен мобилизацией нерусского населения края на военно-тыловые работы.

Подготовка и обнародование закона о наборе «инородцев» проводились в лихорадочной спешке. Министерство внутренних дел в секретной справке, составленной позднее, в сентябре 1916 г., вынуждено было признать, что царский указ от 25 июня «испрошен был военным министром ввиду категорических требований штаба Верховного главнокомандующего о срочном доставлении значительной силы для нужд армии. Соответственные предложения разрабатывались в военном ведомстве с исключительной спешностью». Власти хотели как можно быстрее загнать на прифронтовую полосу сотни и тысячи рабочих-тыловиков, не считаясь с тем, что набор проводился в самый разгар сельскохозяйственных работ.

Губернаторы областей по своему усмотрению должны были распределять наряды по уездам, а уездные начальники — по волостям. Распределение нарядов в волостях (по селам и аулам) вменялось в обязанность «туземной» администрации. Местные власти увеличивали наряд в целях личной на-

живы. Рабочие-тыловики должны были иметь собственные, «вполне исправные» рабочие инструменты и одежду.

Колониальные власти, проводя мобилизацию, предусматривали два возможных варианта: первый был рассчитан на мирное течение набора, а второй — на сопротивление населения. Второй вариант представлялся наиболее вероятным. Туркестанский генерал-губернатор заранее предписал «производить военные прогулки по туземным городам и селениям с целью ознакомления с ними и способы действия на случай применения карательных и понудительных мер, а также для благоприятного воздействия на умы туземцев, не подчиняющихся распоряжениям правительства».

Набор тыловых рабочих имел социальную подоплеку. В интересах эксплуататорских групп и, в частности, представителей «туземной» администрации колониальные власти разработали разъяснявшие царский указ инструкции, согласно которым волостные управители и их джигиты (вооруженная охрана), духовенство, так называемые «почетные граждане» и некоторые другие категории имущих слоев населения освобождались от набора. Кроме того, любой «туземец» мог нанять и послать вместо себя на работу любого человека по наряду, чем и воспользовалась эксплуататорская верхушка, усмотревшая в этом большие возможности для злоупотребления и произвола. Даже туркестанский генерал-губернатор был вынужден отметить «целый ряд возмутительных случаев вымогательства, доходивших до арестов отдельных туземцев, не пожелавших подносить требуемую сумму, которой можно было бы откупиться от наряда».

Все это усиливало ненависть трудящихся масс к царской власти, к управителям, старостам и эксплуататорским элементам. Начальник туркестанского охранного отделения в своем донесении в начале июля 1916 г. сообщал, что «среди туземного населения замечается сильное возбуждение вследствии распространившегося слуха, что состоятельным и интеллигентным туземцам будет предоставлена возможность сделать денежный взнос взамен личной явки по набору в команды для окопных работ. В чайханах и тому подобных заведениях туземцы говорят, что если не будут взяты на работу богачи, то менее состоятельный класс населения склонен к учинению крупных беспорядков и расправится самосудом с богачами».

Таким образом, царский указ от 25 июня 1916 г. затрагивал коренные интересы народных масс. Мобилизация трудоспособного мужского населения грозила семьям бедняков, и без того задавленным многочисленными налогами и побора-

ми, полным разорением. Кроме того, народным массам была ненавистна грабительская империалистическая война, и у трудовых людей не было никакого желания уезжать из родных мест.

Вот почему первые же распоряжения властей «о безотлагательном составлении списков мужчин-туземцев в возрасте от 19 до 31 года» вызвали возмущение среди местного населения. «Брожение росло, — писал военный губернатор Самаркандской области генерал Лыкошин, — драки и убийства вспыхивали то в одном, то в другом месте, уговоры и увещания местных властей не действовали, разъяснениям не доверяли, пока, наконец, все это не вылилось в форму открытого восстания против русского правительства».

Сразу после издания указа в Самарканде и области начались волнения. Согласно рапорту начальника Самаркандского уезда, первое наиболее крупное восстание было поднято в городе Ходженте Самаркандской области.

Восстание вспыхнуло стихийно, вскоре после объявления о наборе. Полицейский пристав города, штабс-капитан Устимович, получив предписание уездного начальника, 2—3 июля вызвал к себе должностных лиц старого города, богачей и объявил им о полученном распоряжении. Местная верхушка покорно обещала оказать всяческую поддержку в осуществлении набора рабочих. Молва о наборе быстро распространилась в городе и окрестных кишлаках, вызывая недовольство и озлобление народных масс. Возмущение все более возрастало и утром 4 июля вылилось в открытое восстание. Повстанцы перешли к активным действиям: они ворвались в полицейское управление и напали на полицейских, охранявших канцелярию, забросав их камнями. На помощь полиции подоспела ходжентская караульная команда, открывшая огонь по безоружной толпе. Восставшие были оттеснены и разогнаны, а несколько человек убито.

Другие уездные начальники также один за другими доносили губернатору области о все возрастающем размахе народного движения. Встревоженный этими сообщениями, военный губернатор вынужден был дать указание «о необходимости прекратить дальнейший сбор населения впредь до особого распоряжения». Но эта мера уже не могла приостановить дальнейшего развития восстания.

5 июля в селении Ургут около 2 тыс. человек потребовали уничтожения уже законченных по некоторым сельским общинам списков призываемых. Пристав отказался выполнить это требование. Тогда восставшие ворвались в канцелярию исполняющего должность ургутского волостного управителя

Мулла Азима Қабылбаева и, силой отобрав списки, разорвали их. Некоторые мирзы и старшины были избиты.

В Самаркандском уезде наиболее крупное восстание произошло в Дагбитской волости. Несмотря на запрещение сходок, 7 июля на базарной площади в селении Дагбит стала собираться огромная масса народа, часть которой была вооружена палками. Во главе восставших стоял Усман Абдурасулев — представитель узбекской демократической интеллигенции. Повстанцы напали на мирзу (секретаря) волостного управителя Кабулова, а затем и на самого волостного. Во время стычки мирза несколько раз ранил Абдурасулева. Тогда повстанцы бросились на Кабулова и убили его. Волостной управитель пытался бежать, но был тяжело ранен одним из восставших.

Для подавления восстания в Дагбит была послана воинская команда, которая арестовала 30 повстанцев. Более 10 дней солдаты находились в селении для «устрашения публики».

Не успевали власти подавить восстание в одном месте, как оно вспыхивало в другом. Многие жители, скрываясь от мобилизации, уходили из Самарканда в горы.

11 июля жители старого города Самарканда, несколько сот человек, собрались у дома военного губернатора области Лыкошина с требованием отменить набор рабочих. В результате произошли столкновения с полицией.

Совместными усилиями колониальной администрации и местных эксплуататоров восстание 1916 г. было подавлено. Основными причинами поражения восстания были его стихийность и разрозненность, свойственные всем крестьянским движениям, отсутствие руководства со стороны рабочего класса. В то же время участие в стычках и боях с царскими войсками, карательными отрядами, полицией, кулацкими и байскими бандами явилось хорошей школой революционной борьбы для трудящихся коренных национальностей Средней Азии.

Восстание 1916 г. еще раз подтвердило ту непреложную истину марксизма, что угнетенные народные массы могут освободиться от социального и национального гнета только при помощи и под руководством пролетариата. С другой стороны, как писал В. И. Ленин, «диалектика истории такова, что мелкие нации, бессильные, как *самостоятельный* фактор в борьбе с империализмом, играют роль как один из ферментов, одна из бацилл, помогающих выступлению на сцену *настоящей* силы против империализма, именно: социалисти-

ческого пролетариата»[1]. Роль такого фермента сыграла, в частности, освободительная борьба народов Средней Азии.

Туркестанское восстание явилось одной из своеобразных форм стихийной борьбы масс, способствовавшей в дальнейшем осуществлению ленинской идеи превращения империалистической войны в войну гражданскую.

Восстание подготовило почву для еще более решительного выступления трудящихся Средней Азии, в том числе Самарканда, против социального и национально-колониального гнета.

6. САМАРКАНД В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революционная борьба руководимого большевиками пролетариата России, мировая война, углубившая кризис российского военно-феодального империализма, национально-освободительное движение угнетенных народов Российской империи привели к краху царизма. В феврале 1917 г. в России свершилась буржуазно-демократическая революция.

Весть о победе Февральской революции с быстротой молнии распространилась по всей стране. Уже на другой день после свержения царизма телеграф сообщил об этом историческом событии в Ташкент, Самарканд и другие города Туркестанского края. Царская администрация, надеясь на восстановление монархии и опасаясь нового подъема революционной и национально-освободительной борьбы, тщетно пыталась скрыть эту весть от народа. Колониальные власти только на четвертый день после свержения царизма сообщили в печати о происшедших в стране событиях.

Известие о низвержении царской монархии с огромной радостью было встречено трудящимися Самарканда. Это событие рабочие, солдаты, старогородская беднота отметили мощной демонстрацией. 5 марта 1917 г. с красными знаменами и революционными лозунгами на демонстрацию вышли многочисленные колонны жителей старого и нового города. Совместно с воинскими частями гарнизона с пением революционных песен они прошли по главным улицам Самарканда.

Через несколько дней древний Самарканд стал свидетелем еще более массовых всенародных шествий. 10 марта здесь, как и в других городах Туркестана, состоялись празднества по случаю свержения царского самодержавия. В параде войск

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 56.

местного гарнизона и демонстрации трудящихся участвовало около 12 тыс. человек.

Первые недели после свержения царизма характеризовались доверчиво-бессознательным отношением народных масс к Временному правительству, которое они наивно считали правительством революции. «Революционные иллюзии» трудящихся усиленно поддерживали меньшевики, эсеры и буржуазные националисты. На проходивших по случаю свержения царизма митингах и собраниях трудящихся Самарканда часто принимались резолюции в поддержку Временного правительства. Потребовалось известное время для того, чтобы эти иллюзии рассеялись и трудящиеся на собственном опыте убедились в антинародной сущности буржуазного Временного правительства, активно вступили на путь борьбы с ним.

Февральская революция не внесла, как и во всей России, существенных изменений в положение рабочих и дехкан Туркестана. Орудия и средства производства и вся власть попрежнему оставались в руках имущих классов. Для управления Туркестанским краем взамен смещенного по требованию Советов и под давлением масс генерал-губернатора Куропаткина из представителей русской и национальной буржуазии был образован Туркестанский комитет Временного правительства, продолжавший политику колониального угнетения.

Вместе с тем победа Февральской буржуазно-демократической революции вызвала широкую политическую активность трудящихся масс. Наиболее ярким проявлением творческой инициативы масс было создание Советов рабочих депутатов и Советов солдатских депутатов, которые затем повсеместно объединились.

В первые же дни Февральской революции Советы рабочих и солдатских депутатов возникли и в Самарканде. В день проведения демонстрации по поводу свержения царя было устроено собрание, на котором рабочие, революционные солдаты и старогородская беднота избрали депутатов в Советы. Среди депутатов 18 человек были избранниками старого города, в их числе — Аббас Ходжа Акил Ходжаев, Тулябай Джураев, Уста Кабил Хаитов и др. Возникшие в марте 1917 г. Самаркандский Совет рабочих депутатов, Совет солдатских и офицерских депутатов Самаркандского гарнизона и Совет рабочих депутатов ст. Самарканд вначале существовали раздельно, но уже в апреле объединились в Совет солдатских, рабочих и мусульманских депутатов. Самаркандский Совет, как и другие Советы страны, олицетворял в тот период

революционно-демократическую диктатуру рабочего класса и дехканства.

Вслед за Самаркандом Советы возникли в остальных городах области. 8 марта был образован Совет рабочих и солдатских депутатов в Ходженте, весной 1917 г. организованы Советы солдатских депутатов в Каттакургане, Джизаке, Ура-Тюбе и Совет рабочих депутатов на Сулюктинских копях.

В Советах Самарканда и остальных городов области, как и повсюду в стране, на первых порах у руководства оказались соглашатели — эсеры и меньшевики. Говоря о составе Советов первого периода после победы Февральской революции, В. И. Ленин отмечал: «...В большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед *блоком всех* мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов...»[1].

Наряду с Советами в Самарканде и уездах области образовались местные органы Временного правительства — исполнительные комитеты общественной безопасности. В их состав вошли представители русской и национальной буржуазии, офицерства, а также меньшевиков и эсеров. Так установилось двоевластие и в Самарканде: с одной стороны, исполком общественной безопасности — местный орган буржуазного Временного правительства — и, с другой, Совет солдатских, рабочих и мусульманских депутатов, орган революционной власти.

Вся деятельность исполкома общественной безопасности была направлена на сохранение и упрочение власти буржуазного Временного правительства. Исполком принял самое активное участие в создании городской милиции, избрании областного и городского комиссаров Временного правительства.

Следует отметить, что вначале исполком общественной безопасности пытался оставить в неприкосновенности старый царский аппарат в городе и области. Но под давлением народных масс и Совета он был вынужден сместить с должности областного военного губернатора, назначив на его место комиссара Временного правительства полковника Слинко.

Подлинно революционной, наиболее действенной среди масс организацией в Самарканде являлся не исполнительный комитет Временного правительства, а Самаркандский Совет рабочих и солдатских депутатов.

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 114—115.

7 марта 1917 г. в Самарканде возродилась социал-демократическая группа. На первых порах она была объединенной, в нее входили и большевики и меньшевики. К лету 1917 г. Самаркандская организация РСДРП насчитывала 56 членов. Вначале местные социал-демократы работали совместно с эсерами, издавали с ними ежедневную газету «Свободное слово», а затем большевистское крыло Самаркандской организации РСДРП (А. И. Фролов, И. П. Фоменко, А. И. Тишаев, А. И. Пономарев и др.) начало выступать против соглашательской политики меньшевистской части организации.

Большую политическую и организаторскую работу среди солдат, рабочих и местной бедноты проводили армейские большевики: солдат 731-й Саратовской дружины А. И. Фролов — один из руководителей самаркандских большевиков, солдат 7-го Сибирского запасного стрелкового полка И. П. Фоменко, прапорщики того же полка Пономарев и Тишаев. В марте 1917 г. Пономарев и Тишаев, выступая перед солдатами своего полка, разоблачили буржуазную сущность Временного правительства и империалистический характер войны. На собраниях солдат в апреле 1917 г. самаркандские армейские большевики отстаивали ленинские лозунги «Вся власть Советам!», «Никакой поддержки Временному правительству!». Об авторитете большевиков свидетельствует факт избрания Фролова делегатом от рабочих и солдат Самаркандской области на I Всероссийский съезд Советов. 1 мая 1917 г. группа самаркандских большевиков выступила в 7-м Сибирском полку против империалистической войны. Собрание приняло первую в Туркестане антивоенную резолюцию, требовавшую прекращения войны.

Через неделю на I съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Самаркандской области была принята резолюция «Об отношении к войне», в которой наряду с некоторыми оборонческими положениями («сепаратного мира не заключать», «поддерживать заем свободы») содержались требования «отказа от аннексий и контрибуций», «заключения мира на основах самоопределения всех народов». Резолюция признавала капиталистов «непосредственными виновниками войны» и требовала, чтобы «убытки и расходы, причиненные войною, возмещались классом капиталистов». Она призывала «всеми силами поддерживать всякое революционное движение, направленное против империализма во всех странах».

Самаркандские большевики терпеливо и настойчиво разъясняли массам антинародную сущность политики Временного правительства и поддерживавших его меньшевиков и эсеров,

призывали трудящихся к организованной борьбе за свои политические права и улучшение жизненных условий.

Энергичную деятельность развернули большевики среди местной бедноты. Вокруг русских большевиков постепенно сплотились революционно-настроенные представители трудящихся коренных национальностей — Ходжа Сафо Джурабаев, Шамсиддин Ибрагимов, Ширинбаев, Азимбаев, Юлдашев, Мирджамалов, Махмудов и др.

Большую работу большевики проводили в Совете. Вошедшие в состав объединенного Самаркандского Совета рабочих и солдатских депутатов большевики Фролов и Пономарев разоблачали предательскую роль соглашательских руководителей Совета и стремились превратить Совет в подлинно революционный орган масс. По инициативе большевистских депутатов и под давлением революционных масс Самаркандский Совет выступил зачинателем борьбы за смещение царской администрации всех рангов в городе и уезде и добился этого. Самаркандский Совет принимал действенные меры к поддержанию революционного порядка в городе, снабжению населения продовольствием, улучшению условий труда и быта рабочих, просвещению трудящихся.

Положительную деятельность и высокий авторитет Самаркандского Совета среди масс были вынуждены признать представители буржуазных властей. Прокурор Самаркандского окружного суда в представлении прокурору Ташкентской судебной палаты отмечал, что в Самарканде из общественных организаций «наиболее авторитетным в глазах обывателей явился Совет солдатских и рабочих депутатов... Авторитет его был настолько высок, что обыватели обращались к нему со всеми своими просьбами и жалобами, включительно до просьб о разводе супругов... В среде рабочих и солдат значение этих организаций (Советов. — *Ред.*) очень велико и к деятельности их как рабочие, так и солдаты чутко прислушиваются, выражая ...всегда желание их поддержать».

Большевики развернули широкую деятельность по организации рабочего класса. Особое внимание они уделяли созданию массовых классовых организаций пролетариата и других трудящихся — профессиональных союзов. Опорой большевиков Самарканда в их борьбе за завоевание масс являлся рабочий класс города, особенно его передовой отряд — железнодорожники.

Профсоюзное движение в Самарканде и во всем Туркестанском крае развивалось под непосредственным воздействием и в неразрывной связи с общероссийским профессиональным движением сразу же после свержения царизма.

Одним из первых по времени возникновения профсоюзов был союз торгово-промышленных служащих, организованный 1 марта 1917 г. 18 марта того же года на общем собрании весовщиков и служащих ст. Самарканд был образован профсоюз конторских служащих и весовщиков.

Начало массовому профессиональному движению в Самарканде положила организация «Трудовой союз»; первое организационное собрание его правления состоялось 20 марта 1917 г. «Трудовой союз» играл роль межсоюзного объединения и стоял во главе профсоюзов города. На первом заседании «Трудового союза» были избраны комиссии для выработки его устава, бюро труда, а также культурно-просветительная, санитарная, юридическая и финансовая комиссии. 29 марта правление «Трудового союза» приняло обращение к гражданам Самарканда, в котором объявлялось об организации союза и содержалось приглашение записываться в его члены.

После создания «Трудового союза» профессиональное движение в Самарканде усилилось. Весной 1917 г. образовались профсоюзы служащих правительственных учреждений, железнодорожников, служащих почтово-телеграфных учреждений, учителей-интернационалистов и др.

Профсоюзы выступали застрельщиками не только экономической борьбы пролетариата с буржуазией, но по мере развертывания социалистической революции становились и серьезной школой политической борьбы.

Наряду с чисто классовыми организациями пролетариата в Самарканде появились общедемократические организации, объединявшие, помимо рабочих, мелкобуржуазные элементы старого города — ремесленников, мелких торговцев, часть национальной интеллигенции. В этом заключалась важная особенность развития революционного процесса среди трудящихся коренных национальностей Самарканда и других городов и районов Туркестанского края.

Примером общедемократической организации коренного населения Самарканда может служить так называемый «Мусульманский клуб бедноты» («Камбагаллар йигилиши»), созданный 6—7 марта 1917 г. в старом городе, в местности Кош-Хауз. Это была первая организация рабочих коренных национальностей и старогородской бедноты. Однако во главе «Мусклуба», его правления оказались джадиды: Акабир Шамансуров (председатель), Бекбуди, Шаймарданкул и Абдухалил Хасанходжанов. Все же благодаря преобладанию среди членов клуба трудящихся масс и под их давлением эта

организация осуществляла некоторую работу по ликвидации царских органов власти в старом городе. Например, клуб постановил «снять с работы всех царских чиновников, ликвидировать царский аппарат, а вместо него избрать по примеру нового города комитет из 3-х лиц». По инициативе и при активном участие «Мусклуба» в старом городе были смещены «илликбаши» (пятидесятники) и взамен их образованы выборные комитеты из трех лиц, которые по ночам охраняли старый город. Разношерстый состав «Мусклуба» и особенно колебания и шатания оказавшихся во главе его идеологов национальной буржуазии — джадидов — явились серьезным тормозом в работе и одной из главных причин самоликвидации «Мусклуба» после полуторамесячного существования.

После победы Февральской революции активизировали свою деятельность буржуазно-националистические и феодально-клерикальные элементы. Местные предприниматели пытались использовать развернувшееся национально-освободительное движение в интересах сохранения и укрепления своей власти над трудящимися. С этой целью они объединялись в реакционные националистические организации.

Одной из первых таких организаций в крае явилась созданная в Ташкенте в начале марта 1917 г. буржуазно-националистическая организация «Шуро-и-Исламия» («Совет исламистов»), возглавлявшаяся джадидским лидером Мунавар Кари Абдурашидхановым.

Весной 1917 г. образовалась «Шуро-и-Исламия» и в Самарканде. Ее возглавили видные представители мусульманского духовенства, национальной буржуазии и чиновничества — судья Исахан Қази, ишан Акабир Ходжа, бывшие царские приставы Бахретдин и Абдугулам, торговец и землевладелец Шамсибай Максум, баи Хасан Зубайдуллаев, Мамараим Мамад Амин и др. Штаб самаркандской организации «Шуро-и-Исламия» обосновался в Сузангаранской части, в квартале Хауз-Санг.

Параллельно с «Шуро-и-Исламией» в Самарканде действовала пантюркистская организация «Иттихад», руководимая бывшими турецкими военнопленными офицерами Эфенди-заде, Риза Эфенди, Данияр-беком и другими и объединявшая главным образом торгово-буржуазную интеллигенцию.

Так победа Февральской буржуазно-демократической революции привела в движение все слои населения Самарканда, наметила и усилила размежевание социальных и политических сил города.

Уже первые недели и месяцы после свержения царизма показали, что пришедшее ему на смену Временное правительство по основным жизненно важным вопросам продолжает линию царизма. Народные массы на собственном опыте постепенно убеждались в том, что правительство буржуазии и обуржуазившихся помещиков не может и не хочет выполнить их требований — покончить с войной, дать народу мир, хлеб, землю, лучшую жизнь.

Трудящиеся массы Самарканда начали понимать правоту большевистских идей и лозунгов, постепенно освобождаться от «революционных иллюзий» первых дней после свержения царизма и усиливать борьбу против буржуазии.

ГЛАВА VIII

САМАРКАНД В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ НАУКЕ

Широчайшая известность Самарканда, как крупного политического, экономического и культурного центра своего времени, вызвала к жизни множество справочных, описательных и научных сведений о нем в мировой литературе от средних веков до наших дней.

Если же исходить из тождества Самарканда с древней Маракандой (Маракандами) времени походов Александра Македонского, то известия о Мараканде и всей территории Согда, в пределах которой он располагался, восходят еще к античным авторам[1].

Так, сведения о Согде (Согдиане) мы находим в «Истории» Геродота, в «Географии» Страбона и в «Руководстве по географии» Клавдия Птолемея. Квинт Курций Руф, повествуя о Согдиане времени Ахеменидов в связи с походами Александра Македонского, упоминает Мараканду (Мараканда, с греческим окончанием множественного числа среднего рода) и сообщает о длине окружающей ее стены (70 стадий). В цитадели, обведенной особой стеной, размещался македонский гарнизон численностью 1000 воинов. Упоминания о Согдиане встречаются также в «Естественной истории» римского историка Плиния старшего.

---

[1] Вообще же о Согде как местности (области) упоминается еще в древней «Авесте», в надписях ахеменидских царей (VI—IV вв. до н. э.), в «Дорожнике» Александра (сочинение на латинском языке середины IV в н. э.), в китайских, сирийских и армянских текстах, в древнетюркских рунических надписях, в арабо-персидской географической литературе средних веков и т. д.

Особое внимание исследователей привлекает сочинение греческого историка II в. н. э. Квинта Эпия Флавия Арриана — «Анабасис Александра или история походов и завоеваний Александра Великого». Основанное, судя по всему, на письмах самого Александра Македонского, на придворных хрониках (дневниках) и рассказах Аристовула, Птолемея Лага и других участников похода Александра на Восток, оно содержит довольно многочисленные сведения о Согдиане (климат, реки и пр.) и указание на двухкратное овладение Александром Македонским городом Мараканда. К сожалению, каких-либо описательных данных по Мараканде в сочинении Арриана не имеется. Важно, однако, что в одном из упоминаний о Мараканде историк именует ее «царским городом», т. е. столицей Согда. Отмечает Арриан и наличие в Мараканде цитадели. Клавдий Птолемей («Руководство по географии») относил Мараканду не к Согду, а к Бактрии (кн. 6, гл. II), реку же Согд (Зарафшан) — к Скифии (кн. 4, гл. II), делая в этом отношении шаг назад по сравнению со своими предшественниками. Название «Мараканда» встречается у Плутарха.

Самарканд упоминается в китайских источниках раннего средневековья, в частности в «Истории северных дворов» (V в.), где он фигурирует под названием «Сиваньгиня». Китайский паломник Сюань Цзян, посетивший Самарканд в 30-х годах VII в., указал, в частности, что окружность города достигала 20 ли (до 10 *км*). Вэй-цзе, посол Китая, побывавший в Самарканде между 605 и 617 г., отметил склонность населения к торговле и ремеслу.

Огромное количество разного рода сведений о Самарканде — географических, исторических и др.— содержится в старинных восточных рукописях среднеазиатского и зарубежного происхождения. В качестве примера назовем такие рукописные сочинения XV в. с ценными сведениями о Самарканде, как «Книга о победах Тимура» («Зафар-наме») Мавлано Шарафуддина Али Йезди, «Восхождение двух счастливых созвездий» Абдурразака ибн Исхак ас-Самарканди, «Дневник похода (Тимура) в Индию» Гиясуддина Али Йезди, «Записки» Бабура («Бабур-наме»).

Имя Афрасиаба носил один из главных героев гениальной поэмы Фердоуси «Шах-наме».

С Самаркандом связаны страницы жизни великих поэтов и мыслителей Абдуррахмана Джами и Алишера Навои. Оба они жили некоторое время в Самарканде, учились здесь в медресе, общались с учеными и поэтами города.

Из позднейших рукописей, посвященных специально старине Самарканда, описанию его религиозно-культовых соору-

жений (историко-архитектурных памятников), особо должны быть выделены две: «Кандия малая» («Кандийа-и хурд»)— сочинение Имам Абулфазл Мухаммед ибн Абдулджадил ибн Абдулмелик ибн Хайдар ас-Самарканди, заключающее в себе описание мазаров Самарканда, исторические и географические сведения о нем и его окрестностях, и сочинение Мир Абу Тахир Ходжа Садр Самарканди «Самарийа», написанное в 30-х годах XIX в. и содержащее исключительно ценное для исследователей описание древностей и мусульманских святынь Самарканда (преимущественно зданий и сооружений культового характера)[1].

Специальный анализ касающихся Самарканда извлечений из разновременных восточных рукописей, как и составление хрестоматии по истории Самарканда (по данным источников) еще ждут своего претворения в жизнь[2]. Примером плодотворности работы в этом направлении может служить труд В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», в котором анализируются источники домонгольского и монгольского периодов. В этих источниках многократно упоминается и Самарканд, благодаря чему «собранный в «Туркестане» В. В. Бартольдом огромный, тщательно проверенный критикой письменных источников фактический материал давал полную возможность заняться топографией старого домонгольского Самарканда» (А. Ю. Якубовский) и Самарканда последующего времени. Ценны в этом отношении сосредоточенные в различных хранилищах страны и связанные с историей Самарканда и его округи письменные документы, подавляющая часть которых относится к XVI и последующим столетиям. Это (помимо документов частного характера) в первую очередь так называемые ярлыки, казийские документы, документация колониальной администрации и др. Значительная часть этих документальных данных еще не изучена и не опубликована.

Ценные данные по исторической топографии Самарканда содержат многие местные (самаркандские) вакфные докумен-

---

[1] В собраниях Института востоковедения АН УзССР хранится также труд безымянного автора, посвященный древнейшей истории Самарканда, совершенно отличный по содержанию от «Самарийа» и «Кандии малой» (ср. Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. I, стр. 95—96; № 1873, VIII).

[2] Академик В. В. Бартольд предполагал осуществить «разбор письменных известий о прошлом Самарканда». К сожалению, эта работа не была осуществлена (или во всяком случае не была закончена и подготовлена к печати).

гы. Сошлемся в качестве примера на изданную Р. Г. Мукминовой в 1966 г. рукописную книгу вакфной грамоты первой четверти XVI в., написанной от имени невестки Мухаммед Шейбани-хана Михр Султан-Ханум. В грамоте приведен пространный перечень движимого и недвижимого имущества, переданного в пользу самаркандских медресе «Шейбани-хана» или «Кош мадраса». Кроме того, эти и другие актовые материалы (в частности, казийские документы) весьма важны для понимания системы социально-экономических отношений своего времени.

Некоторые сведения о Самарканде сообщают западноевропейские путешественники по Востоку.

Так, Марко Поло (1254—1323) в главе 52-й описания своего путешествия отметил город Самарканд (Samarcan, Sarmacan, Sanmarcan) — «большой, знатный, живут [в нем] христиане и сарацины... город на северо-западе» и рассказал легенду о случившемся в нем «чуде» с построенной христианами церковью во имя Иоанна Крестителя.

Из других западноевропейских авторов особо должен быть отмечен Рюи Гонзалес де Клавихо. Являясь одним из послов короля Кастилии Леона Генриха III к Тимуру (1403—1406), Клавихо составил подробное описание своего путешествия вдоль черноморского побережья Турции из Трапезунда и оттуда сухим путем через Армению, Азербайджан и Иран в Среднюю Азию. Описание это содержит ценные данные и по Самарканду, в котором Клавихо жил некоторое время, вручив Тимуру собственноручно письмо своего короля. Первое издание «дневника Клавихо» было опубликовано в Севилье еще в 1582 г., второе издание — в Мадриде в 1782 г., в России (испанский текст и русский перевод И. И. Срезневского) — в 1881 г. в XXVIII сборнике Отделения русского языка и словесности Академии наук.

В 1841 г. в Самарканде побывали русские путешественники (участники миссии инженера К. Ф. Бутенева в Бухару) А. А. Леман, Н. В. Ханыков и Ф. Богословский 2-ой. Ханыков отмечал, что до этого, «с 8-го сентября 1404 г., дня выезда в Самарканд Гонзалеса Клавихо, посланника Генриха III Кастильского, ни один европеец не посещал еще этой знаменитой местности». Ханыков (1822—1872) впоследствии посвятил Самарканду специальную статью, а Леман включил описание города (внешний вид и история, население, архитектурные памятники) в общее описание своей поездки. Ханыков не сомневался, что «место, занятое Самаркандом, есть настоящий клад археологических открытий», особо отмечая «развалины знаменитого Калаи-Афросиаб». «Топограф Яковлев,— писал Ханыков,— сопровождавший Лемана и Богословского,

снял подробный план, сокращенную копию с коего я приложил к своему описанию бухарского ханства, изданному в 1843 году».

Широкую известность приобрели во второй половине прошлого века сведения венгерского ученого Арминия Вамбери, совершившего поездку по Средней Азии и давшего пространное и красочное ее описание.

Вамбери, живший в Самарканде свыше недели, дал описание общего облика Самарканда и ряда его историко-архитектурных памятников («Хазрети Шах-Синде, мечеть Тимура, цитадель-арк, могилы Тимура и его учителя, медресе Ширудар и Тиллакари, медресе Ханым» и др.).

В русской научной литературе имеется немало сугубо отрицательных отзывов о работах Вамбери, не всегда, однако, объективных и справедливых, что в известной мере может быть объяснено, с одной стороны, проявлением у Вамбери русофобских настроений[1], с другой — его склонностью к широковещательной стороне дела, к романтическим преувеличениям в описании некоторых деталей своего посещения Средней Азии, а иногда, видимо, и к домыслам, что не могло не насторожить ученых академического толка. Показателем отрицательного отношения к трудам Вамбери могут служить слова В. В. Бартольда о том, что совершенная в 1834 г. поездка барона Демезона в Бухару под видом татарского муллы «имела столь же мало результатов, как ... такой же подвиг венгерского ориенталиста Вамбери».

Все же оценивая научную значимость сообщений и описаний Вамбери, нельзя забывать о той специфически сложной и трудной обстановке, в которой проходило его путешествие в Среднюю Азию (инкогнито, под видом дервиша). О многом Вамбери писал по возвращении из Средней Азии, полагаясь уже только на свою замечательную память. Отсюда неточности и пробелы в его описаниях, очевидно, усугубляемые иной раз и пылкостью воображения. Но было бы несправедливо умалять значение сообщенных Вамбери и в своей основе вполне достоверных первичных сведений. Для своего времени они во многом приобрели в глазах широкой европейской и мировой общественности характер первооткрытий и, как уже отмечалось, вызвали вполне оправданный интерес.

Большой интерес представляют и сообщения о Самарканде англичанина А. Борнса, собравшего эти сведения в бытность свою в Бухаре (1832).

---

[1] Вызванных, впрочем, не русофобством вообще, а прежде всего сугубо отрицательным отношением Вамбери к внешней политике русского царизма, к его участию в подавлении национально-освободительных движений в Восточной Европе.

Мы не останавливаемся в нашем обзоре на довольно обширном цикле других зарубежных публикаций, посвященных Средней Азии, ее городам и Самарканду, в частности. Публикации эти, естественно, разнокачественны — от крайне поверхностных до весьма содержательных, от беглых впечатлений до более или менее обстоятельных очерков. Некоторые из зарубежных публикаций издавались на высоком полиграфическом уровне, сопровождались четкими фотографиями и зарисовками памятников старины. В совокупности такие публикации были полезны в деле ознакомления широких читателей с богатейшей историей Самарканда и его замечательными памятниками материальной культуры. Строго же научное значение их (как и большинства отечественных путеводителей и туристских очерков) было невелико и за редким исключением не вносило чего-либо нового и существенно важного в знания о Самарканде (ср., например, с публикациями Габриэля Бонвало, Эжена Скайлера и др.).

В данном отношении неизмеримо более значительный вклад являли собой многочисленные и, как правило, на высоком научном уровне выполнявшиеся работы многих зарубежных ориенталистов по научному изданию и комментированию восточных рукописей средневековья. На этом поприще плодотворно переплетались усилия русских и иностранных ученых. Конечно, то не были работы, специально посвященные Самарканду. Но чем большее количество восточных рукописей среднеазиатского и иного происхождения вводилось в оборот, тем больше ширился круг различных данных и о Самарканде.

Забегая вперед, заметим, что из всех иностранных авторов, писавших о Самарканде, пожалуй, наиболее обстоятельная работа принадлежит Юлиусу Смолику. Офицер австро-венгерской армии, он прожил в Средней Азии пять лет в качестве военнопленного. С 1915 г. он получил возможность знакомиться с памятниками Самарканда, а с 1918 г. стал принимать участие в работе советских органов по охране и изучению этих памятников. Архитектор Смолик использовал для знакомства с историческими памятниками Самарканда доступную ему русскую, в том числе советскую литературу, материалы Самкомстариса и музея. Он и сам осуществил многочисленные зарисовки историко-архитектурных сооружений города, снимал их планы, пытался воссоздать их былой облик и т. п. Позднее, в 1928 г. в Вене Юлиус Смолик выпустил в прекрасном полиграфическом оформлении свою книгу, посвященную памятникам Самарканда времени Амира Тимура и Тимуридов. Однако субъективно-добросовестный подход к делу не гарантировал работу Смолика от довольно многочис-

ленных погрешностей (неточность исторических данных и описаний памятников, недоработанность чертежей и планов, неубедительность предлагаемых реконструкций и пр.), что и было отмечено в 1936 г. в рецензии М. Е. Массона.

В числе русских путешественников, ученых-специалистов и любителей второй половины XIX в., оставивших те или иные сведения о Самарканде, следует назвать Е. Мейендорфа (1820), А. С. Татаринова (1865), А. П. и О. А. Федченко (1868—1869), В. В. Радлова (1868), А. П. Хорошхина (1872), Н. А. Маева (1874), Д. Л. Иванова, Л. Ф. Костенко, И. В. Мушкетова (кратко описавшего городище Афрасиаб) и многих других.

Знакомству широкой русской и зарубежной общественности с самаркандскими памятниками зодчества способствовали зарисовки и картины русских и иностранных художников — любителей и профессионалов. Среди последних (помимо Н. Н. Каразина) особо выделяется имя прославленного русского художника В. В. Верещагина. Достаточно вспомнить такие его картины, как «Медресе Шир-Дор на площади Регистан в Самарканде», «Группа мавзолеев Шах-Зинда в Самарканде», «У дверей мечети» и др. С поразительным художественно-техническим мастерством запечатлел Верещагин, например, искусную орнаментацию дверей. По словам В. Садовеня — одного из исследователей творчества Верещагина, «нужно было обладать высоким мастерством рисунка и колорита и большой любовью к декоративной красоте созданных народами Востока орнаментов, чтобы с такой терпеливой тщательностью и точностью изобразить филигранную красоту орнаментов дверей». Верещагинские зарисовки памятников Самарканда по содержанию, композиции, свету, точности контурного рисунка всегда и строго соответствовали натуре. В то же время они не техничны, а живописны в лучшем смысле слова. Воспроизводя историко-архитектурные памятники с едва ли не предельно возможной для живописца точностью, Верещагин умел в то же время отлично передать ощущение пластического объема здания, его материала, органически запечатлеть его связь с пейзажем.

В известной мере работа по изучению истории города стимулировалась образованием с 1 января 1887 г. Самаркандского областного статистического комитета, поощрявшего краеведческие начинания любителей старины. Комитет издал «Сборник материалов для статистики Самаркандской области» (1890), 10 выпусков «Справочной книжки Самаркандской области» (1893—1912), 17 выпусков «Адресов-календарей Самаркандской области» (1893—1914). В этих изданиях, особенно в «Справочной книжке» был помещен ряд статей, работ и

других материалов по истории Самарканда и его округи, в том числе «Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета», переводы упомянутых выше рукописей «Самарийа» и «Кандийа-и хурд» и др.

Важным событием явилось открытие в Самарканде 21 июля 1896 г. городского музея. Вопрос о его организации не раз поднимался местными краеведами (собственно говоря, любительский самаркандский музей вел свое начало еще с 1874 г., но при туркестанском генерал-губернаторе М. Г. Черняеве он был упразднен). В 1893 г. чиновник канцелярии туркестанского генерал-губернатора Д. И. Эварницкий (впоследствии видный ученый) выступил со статьей на эту тему на страницах газеты «Окраина». А 24 мая 1894 г. на заседании Московского Археологического Общества он сделал сообщение, в котором «изложил... описание одной из лучших частных коллекций местных древностей, коллекции капитана 17-го Туркестанского линейного батальона Л. С. Барщевского, заключающей в себе массу древних предметов и монет, а затем развил мысль о необходимости устройства музея в г. Самарканде, как центральном пункте исторической местности». Эварницкий предлагал Обществу ходатайствовать перед туркестанскими властями об изыскании средств для организации музея и положить в основу его коллекцию Барщевского (впоследствии часть этой коллекции была приобретена купцом Н. И. Решетниковым и передана в 1895 г. готовившемуся к открытию самаркандскому музею).

Первоначально музей размещался в одной из комнат домика при Георгиевской церкви и носил название «Музеума Самаркандского статистического комитета». Десять лет спустя для музея и городской публичной библиотеки было выстроено специальное здание. С течением времени в музее было сосредоточено большое количество предметов древности, найденных на территории Афрасиаба и в других пунктах города и его округи.

Значительное внимание историко-археологическому изучению Самарканда уделял Туркестанский кружок любителей археологии в Ташкенте (1895—1917). После 1905 г. была предпринята попытка создать Самаркандский кружок любителей археологии, истории и этнографии, однако практическая деятельность кружка не развернулась.

Следует отметить, что наибольший вклад в изучение истории Самарканда был внесен русскими учеными, чему способствовали территориальная близость России к Средней Азии, а во второй половине прошлого столетия — присоединение последней (в том числе и Самарканда) к России.

К последней четверти XIX в. относится осуществление с научной целью раскопочных работ на обширном городище Афрасиаб, лежащем к северу от современного Самарканда и представляющем собою территорию древнего Самарканда.

В 1874 г. начальник Самаркандского округа генерал Абрамов поручил майору Борзенкову провести пробные раскопки на Афрасиабе. По неопытности Борзенков осуществил эти сугубо любительские раскопки «двумя крест-на-крест прорытыми коридорами» в северной части городища и за его пределами. При этом были найдены отдельные предметы древности, остатки «каких-то» строений; на том дело и кончилось. Сам Борзенков вскоре скончался; некоторые сведения о его раскопках сообщил в газетной статье М. Н. Ростиславов.

Спустя девять лет еще одни раскопки на городище были предприняты чиновником особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе подполковником В. В. Крестовским (уже тогда известным в качестве писателя). Раскопки эти явились следствием переписки Московского Археологического Общества с генерал-губернатором края, вызванной пожеланиями Общества положить начало археологическому изучению Туркестана.

Но и эти раскопки носили дилетантский характер. Сам Крестовский сознавал не только свою неподготовленность, но и ответственность за порученное ему дело. Отчет о его раскопках неизвестен, но, судя по газетным публикациям, копал он «с крайней осторожностью и как бы ощупью в потемках».

Раскопки велись на «бугре» позади архитектурного комплекса Шахи-Зинда, в ста саженях от мечети Хазрет-Хызра, стоящей на гребне подъема на южную окраину Афрасиаба. Раскопки Крестовский вел методом прокладки «дирекционной и вспомогательных» траншей, углублявшихся до «матерой почвы». По словам туркестанского генерал-губернатора, «хотя подполковник Крестовский с любовью отнесся к раскопкам древности, но сам не признаёт себя достаточно компетентным для классификации древностей, им самим раскопанных». Однако при всех явных недочетах раскопки В. В. Крестовского сопровождались многочисленными, научно весьма ценными и интересными археологическими находками. 564 предмета древности были засняты и составили содержание большого и ценного фотоальбома. Человек, успевший быстро сменить относительно демократические взгляды на сугубо реакционное и верноподданическое мировоззрение, Крестовский, однако, «оказался,— по справедливым словам А. Ю. Якубовского,—

более прогрессивным в своих взглядах на культуру Востока и, в частности, Средней Азии», чем некоторые более компетентные, чем он исследователи своего времени. Суммируя свои впечатления о былом величии Самарканда и его памятниках, он писал: «В общем все это являет чрезвычайно своеобразную, полную красоты... картину, на которую достаточно только взглянуть, чтобы никогда уже потом не относиться свысока, с самоуверенной легкостью «цивилизованного» европейца к изящному вкусу и художественному гению среднеазиатских «варваров».

В процессе работы, производимой Крестовским, топограф Азеев «снял местность раскопок на план», фотограф Султанов выполнил снимки «для альбома самаркандских раскопок», подписи к содержанию которого были изготовлены в типографии Лахтина. Из Самарканда в Ташкент было отправлено 19 ящиков с предметами древностей, найденными при раскопках.

Шагом вперед явились археологические раскопки на Афрасиабе, проводившиеся известным русским востоковедом профессором Н. И. Веселовским (1848—1918). Особенно ценны выводы, сделанные им на основании этих раскопок.

В конце марта 1885 г. Веселовский приступил к осмотру Афрасиаба, а затем и к раскопкам на нем, которые вел на протяжении свыше четырех месяцев. Веселовский дал общее описание городища, привел некоторые исторические данные, заметив, что «Афрасиабово городище представляет несколько наслоений различных культур».

Раскопки на Афрасиабе велись в нескольких местах методом прокладки широкой траншеи ($1^1/_2$—2 сажени) по Афрасиабу «на запад от крепости... к могиле Данияра» и, кроме того, в цитадели и у буйро-базара (базара циновок). При раскопках было обнаружено множество различных предметов древности, остатки строений, следы городского благоустройства.

По инициативе Веселовского был составлен первый в своем роде подробный топографический план развалин средневекового шахристана Самарканда, снятый в 1885 г. топографами военно-топографического отдела Туркестанского военного округа Васильевым и Кузьминым в масштабе 25 сажен в одном (английском) дюйме с соответствующим сечением горизонталей (1:2100).

Сам Веселовский отнюдь не переоценивал осуществленной им работы, но, наоборот, подчеркивал, что ему приходилось работать торопливо, что работа эта имела «вид рекогносци-

ровки, которая, быть может, пригодится для будущих исследователей».

Нужно учесть, что до Веселовского никто из ученых-специалистов на Афрасиабе не работал и вообще раскопок древних поселений на всей огромной территории Средней Азии не производил. Сколько-нибудь полных и точных представлений о характере и специфике, а также датировке этих поселений не было, вопрос о возможности отнесения некоторых из них к памятникам домусульманского времени даже не поднимался, критически комментированные своды древних и средневековых письменных источников по древним городам Средней Азии отсутствовали и в поле зрения востоковедов находились лишь отдельные рукописи с теми или иными известиями из них по данному вопросу. Опыта раскопок к тому времени Веселовский не имел, к раскопкам крупного среднеазиатского поселения приступил впервые и вел их один, без квалифицированных помощников. Раскопки эти были крайне несовершенны, во многом беспомощны и кустарны. Тем не менее наблюдения и выводы Веселовского убеждают, что работы на Афрасиабе знаменовали собою важный и новый по тем временам этап в развитии знаний об историческом прошлом Самарканда и всей Средней Азии.

Веселовский установил наличие на Афрасиабе жилых помещений с глиняными (в отдельных случаях — кирпичными) стенами и выложенными из жженого кирпича полами, наличие колодцев, а также общественных хранилищ воды (хаузов), водоотводных сооружений, присутствие на городище, помимо наружной, еще и внутренних стен; он высказал также предположение, что «улицы и площади Самарканда были выложены камнем» (это в определенной степени подтверждается данными раскопок последующего времени и последних лет). Веселовский же заключил, что «быть может, тут (на Афрасиабе) и надо искать Мараканду, известную нам из походов Александра Македонского».

В соответствии с фактическим материалом раскопок Веселовский отметил интенсивную жизнь на городище в период правления Саманидов. Он отверг поверия и рассказы местных старожилов о том, что жизнь на Афрасиабе прекратилась в итоге землетрясения или наводнения и допустил другую причину, более вероятную: неприятельский разгром, имея в виду нашествие монголов. Веселовский высказал здесь ряд метких соображений исторического характера, основанных на данных письменных источников.

В процессе раскопок на Афрасиабе Веселовский обнаружил также значительное количество «глиняных черепков с

головками людей и животных» и по аналогии с головами медуз на саркофагах из южнорусских курганов сделал правильный вывод, что перед ним глиняные «гробы» домусульманского времени; их он назвал оссуариями. Заметил Веселовский и то, что терракотовые изделия Афрасиаба, как и налепы на оссуариях, отражали особенности местной художественной школы, обладавшей вековыми традициями.

Н. И. Веселовский стоял на правильном пути к научному истолкованию этих предметов древности, говоря об их синтезированном характере и ища объяснений их не только в греческом, но и в восточном, в частности, местном искусстве.

Известно также, что Веселовский подготавливал публикацию corpus'а терракотовых изделий из Афрасиаба. Он составил таблицы фотографий афрасиабских терракот, для которых были изготовлены уже и типографские клише, но при жизни Веселовского задуманная им работа на эту тему не была издана, а авторский текст к заготовленным таблицам считался или утраченным или вообще отсутствующим (ныне этот текст обнаружен нами в архиве Веселовского). Уже в наши дни, используя сохранившиеся клише, К. В. Тревер подготовила к печати и выпустила в свет работу по терракотам Афрасиаба.

В литературе вопроса подчеркивается, что раскопок на самом Афрасиабе Веселовский больше не производил; это не соответствует действительности, ибо небольшие раскопки он вел здесь и в 1895 г. Они дали «значительное количество как глиняной и стеклянной посуды..., так и разных головок от терракотовых статуэток».

Во время посещений Самарканда Н. И. Веселовский приобрел также большое количество случайных находок предметов древности на территории Афрасиаба и его округи.

Дальнейшее ведение раскопочных работ на Афрасиабе связано с именами выдающегося русского и советского востоковеда академика Василия Владимировича Бартольда (1869—1930) и археолога-краеведа Василия Лаврентьевича Вяткина (1869—1932).

Историческое прошлое Средней Азии, в частности Самарканда, занимало первенствующее место в сфере научных интересов В. В. Бартольда. Проявляя глубокий интерес к историческому прошлому Самарканда, он изучал относящиеся к этому прошлому письменные источники, способствовал развитию в Самарканде краеведческих изысканий, охране местных памятников старины, организации археологических раскопок на Афрасиабе, принятию мер к отысканию остатков обсерватории Улугбека и т. п. Он был, в частности, заботливым

наставником В. Л. Вяткина и других краеведов-археологов и ориенталистов. При активном содействии Бартольда Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях в Петербурге (филиал Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии, возникшего по решениям XII и XIII международных конгрессов ориенталистов в Риме и Гамбурге) стал отпускать некоторые средства на ведение раскопочных и других работ в Самарканде. Бартольд наметил довольно широкий план этих работ: топографическая съемка и нивелировка окружавших Самарканд стен и городищ, снятие точного плана Самарканда, ведение раскопок и т. д.

Особое значение Бартольд придавал раскопкам на Афрасиабе. По его словам, «это городище соответствует Самарканду домусульманского периода и первых веков ислама, когда этот город был главным культурным центром всей Средней Азии; по научному значению с Афрасиабом, таким образом, не может сравниться ни одно из других городищ в пределах Туркестана» (в отношении этих последних слов нужно заметить, что они отвечали современному Бартольду уровню знаний о городищах края).

Неотъемлемой и важной частью научной литературы по истории Самарканда явились такие труды Бартольда, как «Туркестанский край в XIII веке» (1894), «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «Неизданный самаркандский дирхем», «О некоторых самаркандских дирхемах» (1900), «Еще о самаркандских оссуариях» (1901), «Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 года» (1904), «Поездка в Самарканд с археологической целью» (1906), «Народное движение в Самарканде в 1365 г.» (1907), «К истории орошения Туркестана» (1914), «О погребении Тимура» (1916) и другие, а также его печатные рецензии на местные (самаркандские) краеведческие издания и его различные газетные статьи: «Мечеть Биби-Ханым» («Русский Туркестан», 1899, № 34), «К вопросу об археологических находках» («Самарканд», 1904, № 37). и др.

Самарканд Бартольд посетил впервые в 1902 г., тогда же состоялась и его личная встреча с Вяткиным. Результатом явилось не только знакомство Бартольда с принадлежавшим Вяткину собранием восточных рукописей и рукописями, хранившимися у других лиц. Бартольд правильно оценил необходимость возобновления и систематического ведения здесь археологических раскопок, историко-топографических и других исследований.

Уже в апреле 1903 г. Бартольд внес в Русский комитет предложение осуществить топографическую съемку и нивелировку памятников древности самаркандской округи, снять точный план Самарканда со всеми находящимися в нем историко-археологическими памятниками и т. п. По рекомендации Бартольда это дело Комитет поручил Вяткину. Последний не замедлил составить план Самарканда и окрестностей с нанесением на него памятников старины и следов стен, ограждавших в древности Самарканд и прилегающие к нему местности.

Сын семиреченского казака, воспитанник Ташкентской учительской семинарии (выпуск 1894 г.), Вяткин начал работу в Самарканде в скромной должности переводчика, делопроизводителя областного правления, затем — советника и члена областного статистического комитета. Изучение исторического прошлого Самарканда и его округи стало делом жизни Вяткина. Успеху этого дела способствовали энергия и настойчивость Вяткина, огромная работоспособность, постоянное пополнение своих знаний путем самообразования, прекрасное владение узбекским и языками других среднеазиатских народов. В центре его научно-краеведческих изысканий стояли вопросы археологии, источниковедения и исторической топографии, но он был не чужд и интересам архивного дела, этнографии, эпиграфики, истории архитектуры и т. д.

8 февраля 1903 г. Вяткин был назначен на должность смотрителя самаркандских памятников старины и в качестве такового возглавил «комиссию для исправления древних памятников города», деятельность которой, однако, сдерживалась крайне малыми и несистематически отпускаемыми ассигнованиями. Тем не менее заслуги Вяткина в борьбе за сохранение памятников нельзя недооценивать. Если бы не его энергия и волевые качества, многие памятники Самарканда наверняка были бы обречены на полную гибель и исчезновение с лица земли.

Работа Вяткина «Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета» (1902) была весьма высоко оценена таким высококомпетентным ученым, как Бартольд, видевшим в ней «капитальную работу», характерную богатством заключающегося в ней материала. Бартольд писал: «Задача, которую поставил себе автор («сгруппировать» — главным образом по вакфным документам — «географические сведения о Самаркандском вилаете..., начиная с эпохи правления Тимуридов»), принадлежит к числу таких, выполнение которых возможно только для лиц, работающих на месте, и

едва ли кто-либо в настоящее время мог выполнить ее лучше, чем В. Л. Вяткин».

Бартольд называл Вяткина «единственным из туркестанских деятелей, изучившим по первоисточникам историю Туркестана, в том числе и сведения о самаркандских постройках».

В. Л. Вяткин собрал и опубликовал ряд народных легенд о прошлом Самарканда и его памятниках, перевел (1899) упомянутое выше сочинение Мир Абу Тахир Ходжа Садр Самарканди «Самарийа» с данными о памятниках старины Самарканда. Он же опубликовал (1906) перевод с персидского на русский краткой редакции «Кандии малой», содержавшей ценные данные по истории Самарканда, оставил несколько статей по археологии и этнографии Самарканда и его округи, работы по актовым материалам (вакфные и казийские документы) и т. п. Он был душой городского музея, непременным участником всех местных историко-краеведческих начинаний, усердным и бескорыстным собирателем предметов древности и восточных рукописей. Вяткин был и незаменимым спутником, помощником и советчиком посещавших Самарканд ученых-специалистов, в том числе и прежде всего Бартольда.

В 1904 г. Бартольд по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии повел в Самарканде археологические раскопки «с целью выяснения топографии города до эпохи Тимура, когда определились его нынешние размеры». В раскопках принимал участие Вяткин. Раскопки велись на территории городища Афрасиаб, в нескольких местах к западу от городской цитадели, где предполагалось наличие остатков соборной мечети города. Ряд находок свидетельствовал в пользу последнего обстоятельства, но попытки найти и проследить фундамент здания мечети остались безуспешными. Правда, под конец работ были обнаружены остатки крупного строения из обожженного кирпича, но характер его остался точно не определенным. На некоторых кирпичах имелись печати с куфическим письмом: «Иштид», «Мусеяб», «Иштихан». Раскопки Бартольда подтвердили, что городище Афрасиаб вполне соответствует месту расположения шахристана Самарканда, сведения о котором сообщают арабские географы X в.

Следует отметить, что произведенные в 1904 г. Бартольдом раскопки на Афрасиабе в известной мере продолжали раскопки Веселовского 1884—1885 гг.; по словам Бартольда, они «имели целью выяснить местоположение соборной мечети и по возможности найти фундамент этого здания». На основании письменных известий и результата раскопок Н. И. Весе-

ловского Бартольд пришел к выводу, что соборная мечеть находилась непосредственно к западу от цитадели.

В том же 1904 г. Вяткин вел раскопки в местности Намаз-гох за Пайкабскими воротами и обнаружил остатки здания, но отождествлять их с остатками прежней мечети Намаз-гох не было достаточных оснований.

Начатые Бартольдом раскопки продолжил Вяткин. В 1905 г. он обнаружил остатки соборной мечети со стенами из пахсы и частично из сырцового кирпича и остатки двора мечети общей площадью 2100 квадратных сажен. Двор был, видимо, окаймлен портиком, выложен галькою. Под остатками мечети были найдены следы другой, многокомнатной постройки, видимо, саманидского времени. Встреченные Бартольдом остатки строения из обожженного кирпича являлись, очевидно, остатками минарета более старой, саманидской же мечети.

Учитывая плодотворность раскопок 1904 и 1905 гг., Русский комитет решил продолжить их с тем, в частности, чтобы попытаться обнаружить остатки обсерватории Улугбека, сооруженной, по данным Бабура, «у подошвы Кухака».

По словам самого Вяткина, «о существовании знаменитой самаркандской обсерватории Улугбека было известно давно... Неизвестно было лишь место ее расположения, так как никаких наружных признаков ее не сохранилось. Проф. Н. И. Веселовский... и известный собиратель предметов старины Л. С. Барщевский делали попытки к выяснению местоположения обсерватории, но без успеха, так как основывались в деталях лишь на указаниях местных жителей. Открыть следы обсерватории удалось только благодаря точному обозначению занятого ею участка в одном вакуфном документе».

Кропотливо изучая и сопоставляя показатели старинных рукописей и документов, Вяткин получил правильные ориентиры для поисков места обсерватории. А в одном из вакфных документов середины XVII в. он встретил упоминание о пункте «Тал-и-расад» («Холм обсерватории») в местности Накши Джехан у арыка «Благословенных вод» — Обирахмат. Но арык этот существовал и во времена Вяткина у холма, идентичного холму «Талли-Расад» и известного в народе под именем «По-и-расад» («Подножье обсерватории»). И Вяткин принял решение искать остатки обсерватории именно здесь.

Раскопки Вяткина увенчались успехом. Он обнаружил не только остатки фундаментов здания обсерватории, но и часть самой обсерватории. В скалистую толщу уходила искусственно высеченная узкая щель (траншея) с огромным секстантом («судс»), являвшимся главным инструментом обсерватории. Секстант, состоящий из двух параллельных каменных

дуг, покрытых тщательно обработанными мраморными плитами, имел высеченные арабскими буквами обозначения градусов и служил целям визуального наблюдения светил и определения основных постоянных астрономических величин. Между дугами и стеной траншеи шли узкие лестницы, выложенные жженым кирпичом. По медным рельсам секстанта некогда ходил на колесах или полозьях прибор-угломер.

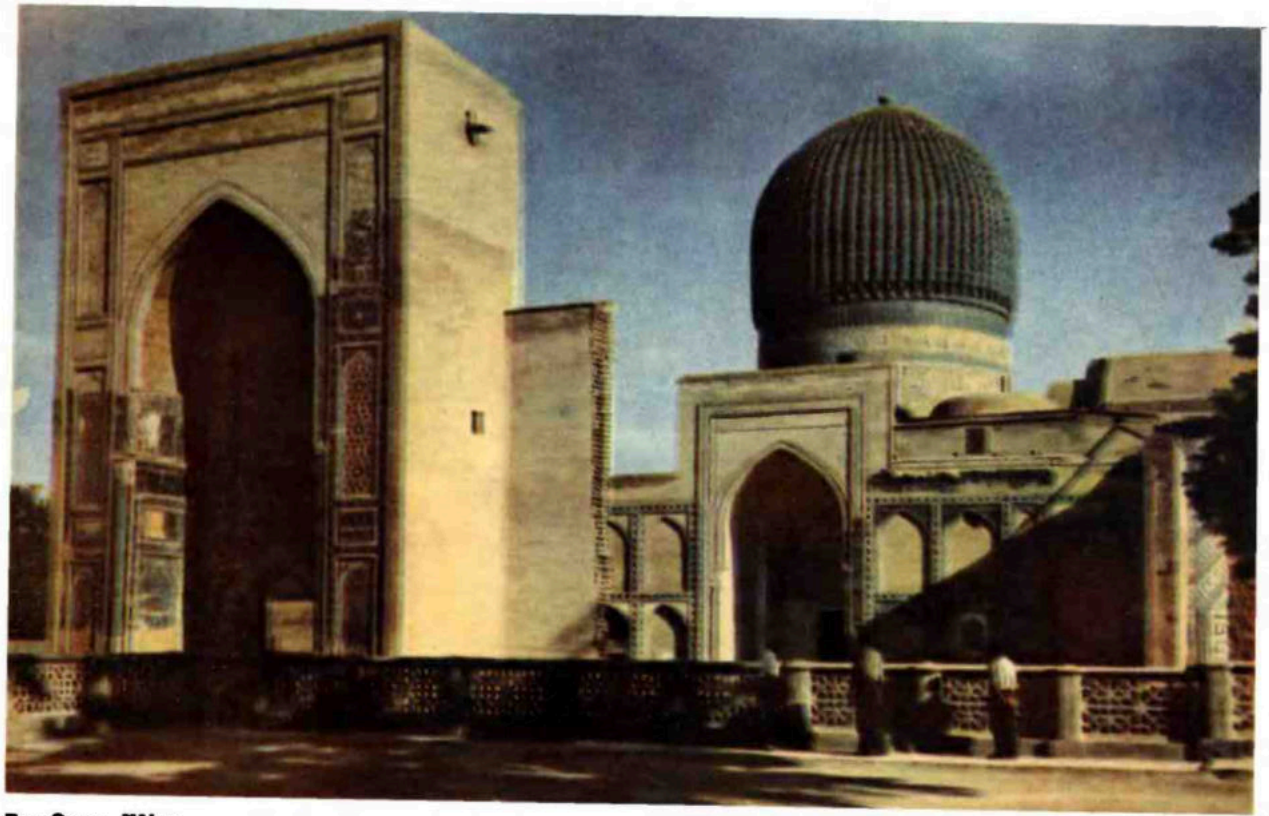
Секстант обсерватории Улугбека и поныне остается редчайшим и наиболее старым из всех известных науке остатков подобного рода инструментов, употреблявшихся астрономами средних веков.

В процессе раскопок Вяткин обнаружил следы и некоторых других инструментов обсерватории. Однако при существовавшей тогда методике раскопок (закладка отдельных траншей) Вяткину не удалось воссоздать достоверного общего плана здания обсерватории. Вскоре, в 1913 г. член ТКЛА В. Н. Милованов в связи с открытием остатков обсерватории Улугбека попытался охарактеризовать уровень познаний самаркандских астрономов того времени.

Деятельным сотрудником и помощником Вяткина в поисках остатков обсерватории был узбек Абу Саид Махзум. Искусный каллиграф, большой любитель старины и знаток восточных рукописей, Абу Саид Махзум живо интересовался прошлым своего города. В своей краеведческой деятельности он был связан с такими крупными русскими учеными, как профессор Веселовский и профессор Бартольд, посещавшими Самарканд и осуществлявшими здесь научные изыскания.

Он был также деятельным добровольным сотрудником Вяткина, и когда последний занялся поисками и изучением материалов, относящихся к месту нахождения улугбековской обсерватории, Абу Саид Махзум оказал Вяткину действенную помощь, собрав народные поверья и легенды об обсерватории и выписав известия о ней из различных восточных рукописей. По словам Бартольда, «помощь Абу Саид Махзума была очень ценна как при установлении места обсерватории Улугбека, так и при производстве раскопок». По представлению Бартольда такой высококомпетентный научный орган, как Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, премировал Абу Саида Махзума как активного помощника Вяткина по археологическим работам в Самарканде.

Говоря о сподвижниках Вяткина по его работам в Самарканде, следует упомянуть также имя начальника самаркандской военно-инженерной дистанции Б. Н. Кастальского (1868—1943), любителя-археолога. Собранные им коллекции самаркандских и других древностей находятся ныне в мест-

Гур-Эмир. XV в.

ном музее, а также в Государственном Эрмитаже (Ленинград) и Музее восточных культур (Москва).

Вяткин вел раскопки в западной части городища Афрасиаб и в 1912 г. обнаружил близ Наубехарских ворот остатки обширного здания и фрагментов резного (с рельефным орнаментом) гипса. В том же пункте в 1913 г. были найдены следы многокрасочной настенной живописи, в которой были усмотрены остатки «буддийской фрески».

Этим в основном и были завершены раскопочные работы, предпринимавшиеся в дореволюционный период на территории Самарканда.

Параллельно с раскопками на Афрасиабе велись некоторые работы по обследованию и фиксации историко-архитектурных памятников Самарканда.

Примечательно, что уже в конце XIX в. членами и сотрудниками Самаркандского областного статистического комитета И. Т. Пославским, Б. Н. Кастальским, Л. В. Барщевским, П. Рейхелем и В. Л. Вяткиным был составлен «проект Программы работ Исторического отдела Комитета по описанию памятников г. Самарканда и его ближайших окрестностей» с объяснительной запиской к нему, датируемой 27 января 1896 г. Предполагалось собрать все сведения по истории Самарканда, составить «подробный Перечень существующим памятникам и историческим урочищам», генеральный план Самарканда с нанесением этих памятников, собрать все ранее составленные планы, осуществить расспросы старожилов о памятниках прошлого. Намечалось осуществить «изучение памятников в строительно-архитектурном отношении» с составлением «планов профилей, фасадов и наиболее интересных в архитектурном смысле деталей каждого из памятников», подготовить и издать «строительно-архитектурный атлас с планом г. Самарканда и соответствующим текстом», дать историческое описание каждого памятника (начав эту работу с изучения здания медресе Ходжа-Ахрара), составить «планы и описания исторического Самарканда различных эпох..., каковы Иранская — доисторическая, Греческая, Иудейско-Христианская, Мусульманская (особенно эпоха Тимура)», организовать археологический музей и пр.

Проект программы был обсужден и одобрен общим собранием Комитета 18 апреля 1896 г. Однако выполнение программы в максимальном объеме оказалось, по тем временам, делом крайне сложным, хотя определенная работа по намеченным в проекте направлениям все же была осуществлена. Сами составители программы «вполне сознавали ее сложность, обширность и трудность выполнения» и благоразумно не

намечали «сроков для окончания всей работы», учитывая, в частности, «слабость своих специальных... исторических познаний и недостаток научной компетенции».

В 1895 г. министр царского правительства С. Ю. Витте получил письмо шведского археолога Мартина, исполненное тревоги за дальнейшую участь замечательных памятников Самарканда. Считая нежелательным снискать за границей репутацию полного безразличия царского правительства к охране всемирноизвестных памятников самаркандской старины, Витте содействовал изысканию некоторой суммы на эти цели. План мероприятий обсуждался в Императорской Археологической Комиссии с привлечением таких видных востоковедов, как В. Н. Васильев, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, В. Р. Розен и др. Комиссия решила направить в Самарканд экспедицию. Упор делался при этом не на ремонт и реставрацию памятников (из-за отсутствия нужных средств и из-за того, что «некоторые здания, как, например, мечеть Биби-Ханым, пришли в такое состояние разрушения, что легче их разобрать и выстроить вновь»), а на их научное описание (фиксацию).

В состав экспедиции, возглавляемой Н. И. Веселовским, вошли архитектор академик П. П. Покрышкин, художник С. М. Дудин и другие лица. Экспедиция вела работы в Самарканде, сосредоточив усилия на таких объектах, как мечеть Биби-Ханым и особенно мавзолей Гур-Эмир.

Так с именем Веселовского оказалось связанным одно из самых значительных мероприятий дореволюционного времени по фиксации выдающихся историко-архитектурных памятников Самарканда.

К 1899 г. «по изготовлению чертежей и рисунков самаркандских мечетей (было) сделано следующее: вполне окончен альбом рисунков с мечети Гур-Эмир... затем сделаны обмеры и черновые чертежи, ныне изготовляющиеся на-бело, с соборной мечети Биби-Ханым... начаты работы по изготовлению архитектурных чертежей мечети Шах-Зинда...».

В 1905 г. был издан посвященный мавзолею Гур-Эмир альбом, представляющий собой полиграфический шедевр своего времени и добротное по научной фиксации архитектурного сооружения издание. Этот альбом — своеобразный памятник Н. И. Веселовскому, П. П. Покрышкину, А. В. Щусеву и их соратникам, подготовившим материалы.

Альбом содержал восемнадцать (в большинстве своем многокрасочных) таблиц, которые запечатлели не только общий ансамбль этого замечательного памятника (ворота со стороны главного фасада, главный фасад и т. п.), но и его де-

тали (разрез ворот, деталь ставни северного окна в пристройке, деталь барабана и ребер купола в развертке, деталь плана «сталактитов», деталь наружной панели и т. д.). В таблицах имелся также «план склепа и надгробных плит, план наружного купола, общий план мечети Гур-Эмир» и пр. Заключительная таблица (XVIII) содержала «Определение устойчивости здания».

Выход в свет альбома был встречен с одобрением. Раздавались и критические замечания в адрес составителей альбома. На явно неправильное применение Веселовским термина «мечеть» к мавзолею Гур-Эмир тогда же указал Вяткин.

Так или иначе, но альбом «Гур-Эмир» занял почетное место в литературе по одному из замечательных архитектурных сооружений Самарканда. Работы 1895 г. и следующих годов, проведенные архитекторами Щусевым, Покрышкиным, художником и фотографом Дудиным и другими во главе с Веселовским, справедливо считаются началом систематического изучения историко-архитектурных памятников Самарканда.

В том же 1895 г. были начаты работы по фиксации соборной мечети Тимура (Биби-Ханым). Чертежи, выполненные П. П. Покрышкиным и Н. Н. Щербиным-Крамаренко, стали поступать в Археологическую комиссию с 1900 г. и предполагались к изданию во втором выпуске «Самаркандских мечетей», которому, к сожалению, не суждено было увидеть свет. Велись также работы по фиксации мавзолеев из группы Шахи-Зинда (архитекторы и художники Басин, Джаниев, Дудин, Фридолин и др.). Материалы — рисунки, фотографии, чертежи — поступали в Археологическую комиссию начиная с 1899 г., но работы эти закончены не были из-за нехватки средств. Известно, наконец, что сам Веселовский хотел подготовить при участии В. А. Жуковского, А. Э. Шмидта и других специалистов издание corpus'a надписей, имеющихся снаружи и внутри историко-архитектурных памятников Самарканда. Но и эта работа не была закончена.

Вскоре после работ по фиксации мавзолея Гур-Эмир и мечети Биби-Ханым Самарканд пережил сильное землетрясение (1907 г.). Гур-Эмир и другие памятники получили дополнительные повреждения и, по словам А. Ю. Якубовского, стало тем более «ясно, какое огромное значение имеют для науки... альбом («Самаркандские мечети. Гур-Эмир») и прекрасные негативы С. М. Дудина... Указанные работы в настоящее время вместе с самим памятником становятся важными историческими документами, без которых (дальнейшее) серьезное изучение невозможно».

В связи с последствиями самаркандского землетрясения Русский комитет образовал комиссию в составе В. В. Бартольда, Н. И. Веселовского и В. А. Жуковского для определения мер по дальнейшей охране памятников города. В соответствии с решением комитета о продлении фиксации памятников архитектор К. К. Романов и художник С. М. Дудин, командированные Комитетом в Самарканд, осуществили в 1908 г. фиксацию (обмер) мавзолея Рух-Абад и частично медресе Улугбека (Романов), а также фотофиксацию медресе Шир-Дор, Тилля-Кари, Улугбека, мавзолеев Ишрат-хана, Ходжа Ахрар, Ак-Сарай, Рухабад, мечети Намазгох, мазаров Ходжа Абду-Бирун и Ходжа Абду-Дарун, Чупаната и других (Дудин; 565 прекрасно исполненных негативов).

В итоге работ разных лет большинство историко-архитектурных памятников Самарканда подверглось высококачественной и подробной фотофиксации, что должно быть поставлено в большую заслугу ее исполнителям и инициаторам. Слабой стороной деятельности русских исследователей в этом направлении было то, что они фиксировали лишь современное состояние памятников и не проводили археологических их исследований, работ по концентрации и сопоставлению данных о них, содержащихся в различных восточных рукописях, не предпринимали попыток графической реконструкции первоначального вида памятников и т. п. Правда, Н. Н. Щербина-Крамаренко при обследовании руин Биби-Ханым осуществил небольшие расчистки на территории двора мечети.

В общем же дело с охраной и ремонтом прославленных историко-архитектурных памятников Самарканда продвигалось медленно. Колониальные власти и соответствующие учреждения официального («императорского») Петербурга относились к этому равнодушно. Более того, нередко представители правящих кругов империи открыто осуждали заботу о сохранении памятников древности в далеком Туркестанском крае. Само распространение исторических знаний среди населения Узбекистана признавалось нежелательным, дабы не содействовать этим росту национального самосознания масс. Считалось, как с горечью и возмущением констатировал В. В. Бартольд, что «изучать старинную культуру и охранять памятники Средней Азии не только не полезно, но и вредно».

Поучителен эпизод с выступлением Н. И. Веселовского на вечере в политическом салоне у графа А. А. Бобринского в присутствии членов Государственного совета и Государственной думы. Когда Веселовский посетовал на расхищение и плохое состояние памятников прошлого в Самарканде, «генерал Веретенников заметил профессору, что разрушение памятников в Самарканде началось еще до русского владыче-

ства. Такие громадные памятники, как мечети, охранять трудно, да кроме того не дело русского правительства заботиться о мусульманских мечетях, ему в пору думать о своих церквях».

Был случай, когда даже Императорская Археологическая Комиссия бездумно дала согласие разобрать на кирпич руины такого исключительного памятника средневекового зодчества, как мавзолей XV в. Ишрат-хана, что, к счастью, не было исполнено.

Надо отметить, что из-за отсутствия строгой охраны памятников исторического прошлого в Самарканде имели место многочисленные факты варварского отношения к этим памятникам. Туристы и другие посетители Самарканда выламывали «на память» фрагменты мозаичного декора архитектурных сооружений, скупали случайные находки предметов древности и т. п. С течением времени обозначилась тенденция к широкой хищнической скупке предметов древности для вывоза их за границу и перепродажи там на выгодных для скупщиков условиях. При этом далеко не все из вывозимых предметов древности оказывались в составе собраний зарубежных музеев. Значительная часть расходилась среди любителей и для науки пропадала бесследно.

Выступая на 46-ом заседании III Государственной думы 4 февраля 1909 г., председатель Императорской Археологической Комиссии граф А. А. Бобринский отметил катастрофическое состояние дела охраны памятников древности в Туркестане. «Бесценные сокровища Тамерлана, кафли, бронзовые предметы — все расхищается и кто только имеет возможность и деньги купить эти вещи, покупает их. Иностранцы целыми компаниями отправляются туда каждый год и перевозят сокровища целыми ящиками в Британский музей и в Лувр ... Два года тому назад в Самарканд приехали к известной мечети Тамерлана несколько лиц, вооруженных револьверами, и произвели ограбление мечети. В течение одной ночи вынули великолепную кафельную плиту с надписью Тамерлана; сняли ее, положили на телегу и на глазах всего населения увезли. В настоящее время она в Берлине и составляет украшение берлинского музея».

А археолог И. Ф. Пекун заметил в 1917 г. («Новое время» № 14683), что «у нас, кажется, древности Туркестанского края пока охраняются только платоническими надписями на нескольких станциях Самарканд-Термезского почтового тракта, нисколько не мешающими каждому, кому только не лень, вывозить самым хищническим образом остатки старины, до дверей мечетей и намогильных плит включительно. Тому свидетели заграничные музеи, собрания которых дополнены в значи-

тельной степени за счет нашей простоты. Обидно и досадно!».

Воздавая должное заслугам дореволюционных исследователей истории Самарканда — специалистов и любителей, нельзя в то же время не видеть ограниченности, часто эпизодического характера их полезных начинаний. Археологические исследования на территории Самарканда и его округи не приобрели широкого и систематического характера, ремонт и реставрация местных историко-архитектурных памятников производились в недостаточной степени и не могли предотвратить усиливавшийся процесс разрушения многих важных объектов. Самаркандский музей осуществлял свою плодотворную деятельность главным образом усилиями небольшой группы энтузиастов-краеведов при очень слабой материальной базе. Сбор и сохранение предметов древности (археологические и нумизматические находки, предметы этнографического характера, рукописи) в значительной мере осуществлялись силами любителей-коллекционеров. Некоторые из них (Л. С. Барщевский, В. Л. Вяткин, Б. Н. Кастальский, М. В. Столяров, Мирза Бухари, отчасти Казанцев, Петров-Борзна и др.) собрали исключительные по научной ценности коллекции. Однако их значимость снижалась нередко из-за отсутствия паспортизации, но главным образом из-за того, что далеко не все частные коллекции становились достоянием музея. Средств на их приобретение государство не отпускало и они расходились среди наследников, распродавались по частям разным лицам, скупались иностранцами и вывозились за границу и т. п.

Характерно также, что до революции не появилось ни одного приметного сводного труда по прошлому и настоящему Самарканда. Правда, О. А. Шкапский разработал и опубликовал краткую программу (проспект) «Истории 25-летия города Самарканда» (1868—1893), но самой этой работе не суждено было увидеть свет (по устному сообщению М. Е. Массона, рукопись, подготовленная к печати, была передана на просмотр некоему Рейсу, который увез ее в Ашхабад и там затерял). К тому же и сам уровень научных познаний по истории Самарканда не благоприятствовал появлению такого рода трудов. Особенно ограниченными оставались познания исследователей по древнейшим страницам истории Самарканда.

Следует также отметить, что в условиях колониального режима почти не уделялось внимания изучению социально-экономического развития Самарканда.

* * *

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России и установление Советской власти в Туркестане

открыли новые страницы и в истории изучения Самарканда — одного из древнейших городов мира. И это было закономерно, поскольку именно с победой Октября «наука стала общегосударственным делом, предметом постоянной заботы партии и народа»[1].

Молодое Советское государство с первых же дней своего существования взяло под охрану всемирно-известные историко-архитектурные памятники Самарканда.

Уже в 1918 г. при материальной поддержке местного городского Совета удалось закрепить в наклонном положении (в качестве временной меры) северо-восточный минарет медресе Улугбека и тем спасти его от гибели. Инициатива в этом деле принадлежала архитектору М. Ф. Мауеру, инженеру Б. Н. Кастальскому, археологу В. Л. Вяткину и другим энтузиастам-краеведам.

Михаил Федорович Мауер (Мауэр, родился 1 ноября 1866 г., умер 4 ноября 1948 г.) — один из активных общественных деятелей Самарканда. Окончив четвертый курс Московского кадетского корпуса, он поступил на работу в Киевский арсенал, где включился в революционное движение. По обвинению в участии в противоправительственном заговоре Мауер был арестован, доставлен в Петербург и заточен в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Военный суд приговорил его к каторжным работам, которые затем «волей государя» были заменены ссылкой в качестве солдата в Туркестан (18-й линейный батальон в Фергане и охотничья команда Памирского отряда). Спустя 6 лет Мауеру было возвращено офицерское звание, но он тотчас же вышел в отставку. Исполняя обязанности городского архитектора в Скобелеве и Коканде, Мауер и здесь был уличен в связях с политически неблагонадежными лицами. В связи с этим он уехал в Ригу, где в сентябре 1907 г. поступил на строительное отделение политехнического института. 28 мая 1913 г., получив звание инженера-архитектора, он вернулся в ставший ему близким Туркестан и поступил на должность областного архитектора в Самарканде. После революции Мауер работал в Самарканде архитектором-реставратором. На основе предложенного им проекта в 1947 г. были выполнены работы по креплению купола мавзолея Гур-Эмир.

В 1919 г. при Самаркандском областном Комиссариате народного образования была учреждена под председательством художника О. Татевосьяна постоянная комиссия по охране памятников старины (Самкомстарис), деятельность ко-

[1] 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции, Тезисы Центрального Комитета КПСС, «Правда», 25 июня 1967 г.

горой продолжалась до 1928 г. Охране памятников уделяли внимание В. В. Куйбышев и М. В. Фрунзе — видные представители Коммунистической партии и Советского государства, руководящие деятели Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, учрежденной для оказания помощи местным органам в области партийного и государственного строительства. Куйбышев и Фрунзе предложили сосредоточить дело охраны памятников старины и искусства при Архивном управлении (Цуарделе), что и нашло подтверждение в декрете республиканского правительства от 30 января 1920 г. 1 июля 1920 года была учреждена Самаркандская комиссия Цуардела, действовавшая в составе технической, художественной и археологической секций, а 23 мая 1921 г. последовала организация при Наркомпросе ТАССР республиканского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис).

Ярким примером исключительной заботы органов молодой Советской власти о сохранении самаркандских памятников может служить постановление Совета Народных Комиссаров Туркестанской АССР, принятое 26 июня 1921 г., о ремонте и реставрации «единственных в мире памятников древнего мусульманского зодчества на территории... города Самарканда». Все работы — гласил текст постановления, — «производимые Комитетом по делам музеев и охране памятников старины «Туркомстарис» в отношении к памятникам мусульманского зодчества... и все работы Самаркандской Комиссии... признать в н е о ч е р е д н ы м и и с в е р х у д а р н ы м и» (разрядка наша.— *Ред.)*.

О сохранности выдающихся памятников средневекового зодчества заботился В. И. Ленин. По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, «с особым вниманием отнесся Владимир Ильич к необходимости ремонта известной исторической мечети в Самарканде, этого изумительного достижения восточного искусства».

В 1919 г. были возобновлены раскопочные работы на территории Афрасиаба. Раскопки велись М. Е. Массоном там, где в 1912 г. В. Л. Вяткин обнаружил в руинах древнего строения остатки настенной живописи. Были расчищены остатки большой залы ($12{,}5 \times 6 м^2$) с прекрасной штуковой резной панелью IX в., перенесенной в музей и реставрированной (собранной из отдельных фрагментов) при участии художника-реставратора М. В. Столярова. Находки саманидских монет позволили предположить, что раскопана часть дворца Саманидов, который, по данным письменных источников, находился внутри самаркандского шахристана в квартале Исфизар.

Дворец был сооружен в конце IX в., когда Самарканд являлся некоторое время официальной столицей Мавераннахра.

В мае 1920 г. состоялась экспедиция во главе с Д. И. Нечкиным (Ташкент) в составе художников Вербова, Казакова и Степанова, преподавателя Юсновского и инженера Иофана при участии В. Л. Вяткина, Б. Н. Кастальского и М. Ф. Мауера. Члены экспедиции специальными актами фиксировали состояние каждого памятника и принимали меры к их охране.

Усилия Самкомстариса, особенно в 1922—1925 гг., были сосредоточены на обследовании и ремонте ансамблей Шахи-Зинда и Регистана (с осуществлением небольших раскопок), на раскопках в Ак-Сарае и др.

К числу заслуг Самкомстариса следует отнести сочетание предварительно проводимых археологических вскрытий (закладка стратиграфических шурфов) с ремонтно-реставрационными мероприятиями (медресе Улугбека, Шир-Дор и другие памятники). «Несомненное достижение Самаркандской комиссии в методике ремонтных работ — введение раскопочного момента, стремление превратить ремонт в археологическое исследование, главным образом по линии изучения техники строительного дела» (А. Ю. Якубовский). Желание изучить опыт строительного искусства средних веков было явственно выражено в работах Б. Н. Засыпкина, М. Е. Массона и других исследователей.

М. Е. Массону принадлежала, в частности, заслуга первых попыток применения новейших и по тем временам наиболее совершенных методов археологических исследований местных памятников средневекового зодчества (развертка раскопов и шурфов в ортогональных проекциях, изучение срезов бревен— например, спилов арчевых балок — для выяснения существовавших ранее метеорологических условий и климатических колебаний и др.). Проводилось также изучение свидетельств восточных рукописей о памятниках.

К ремонтно-реставрационным работам привлекались опытные узбекские мастера, носители вековых традиций зодчества и декора (Абду Надыр Абду Бакиев и др.). Удалось разгадать некоторые секреты древних керамистов. Было установлено, например, что элементы мозаики из наружного декора средневековых строений Самарканда выпиливались из одноцветных глазурованных плиток.

В 1921—1922 гг. М. Е. Массон составил историко-топографический план окрестностей Самарканда. В 1923 и последующих годах Массон осуществлял археологический надзор в районах прокладки городской узкоколейной железной дороги.

Плодотворно трудилась над фиксацией узбекских памят-

ников старины группа художников: Исупов, Казаков, Розанов, Столяров, Уста-Мумин (Николаев) и др. С 1925 г. начал изучение настенной живописи в мавзолеях Ак-Сарай, Биби-Ханым и Ишрат-хана художник И. К. Мрочковский.

Особо следует отметить деятельность энтузиастов-ученых и краеведов по сбору и сохранению восточных рукописей. Уже в первые послеоктябрьские годы правительственные органы Туркестанской АССР (впоследствии Узбекской и других советских республик Средней Азии) приняли энергичные меры для объединения рукописных фондов и надежного их хранения, в том числе и в Самарканде. Сотни рукописей были собраны и переданы в библиотеку Туркестанского восточного института в Ташкенте. 6 декабря 1925 г. решением коллегии Академического центра НКП УзССР было положено начало организации специального хранилища старинных рукописей в Самарканде.

Вложили свою лепту в изучение жизни и быта населения Самарканда и этнографы: М. С. Андреев, К. А. Гончарова, В. Г. Мошкова, Е. М. Пещерева, А. К. Писарчик, М. К. Рахимов, О. А. Сухарева и др. Они изучали гончарное производство (техника производства, формы сосудов, ремесленные организации городских гончаров и т. п.), текстильное народное искусство (художественные ткани и набойки, золотое шитье, декоративная вышивка, орнаментация отделочной тесьмы), народную одежду.

В 1921 г. Самарканд посетила экспедиция Российской академии истории материальной культуры и Главмузея во главе с архитектором А. П. Удаленковым (учеником П. П. Покрышкина). В составе экспедиции, наряду с архитекторами, были известный художник К. С. Петров-Водкин и химик-керамист А. Т. Федотов. Перед исследователями стояла задача изучения архитектурных памятников ансамбля Шахи-Зинда. Основные усилия экспедиции были сосредоточены на обмере и графической фиксации надземных сооружений ансамбля. А. Ю. Якубовский и М. Е. Массон, оценивая проделанную экспедицией работу, констатировали, что она велась по тому же ограниченному принципу фиксации сохранившихся частей историко-архитектурных памятников, что и работы, которые проводились по Гур-Эмиру Н. И. Веселовским и его соратниками. А. П. Удаленков посещал Самарканд также в 1925 и 1927 гг., осуществляя, в частности, домеры некоторых строений в ансамбле Шахи-Зинда.

Начиная с 1924 г. Самарканд дважды посетил немецкий ученый, специалист по истории стилей в искусстве Кон Винер.

Он, «как показывают его отчеты, (был) совершенно незнаком ни с первоисточниками, ни с литературой предмета» (В. В. Бартольд). Наибольший интерес представляли суждения Кона Винера о культуре первых веков ислама (сравнение самаркандских находок с находками в Самарре и Рее).

Не прерывался интерес к прошлому Самарканда и его округи и со стороны академика Бартольда, посещавшего Среднюю Азию, в том числе Самарканд, в 1920, 1925, 1927—1928 гг. Бартольд внимательно следил за ходом работ по изучению исторического прошлого города, по фиксации и поддержанию в порядке памятников его старины, давал советы и консультации местным научно-краеведческим учреждениям, организациям, отдельным ученым и краеведам. Еще по окончании Петербургского университета Бартольд писал академику В. Р. Розену, что надеется «своими трудами ...подготовить возникновение» истории Средней Азии. Такая «подготовка» успешно осуществлялась Бартольдом вплоть до последних дней его жизни (он умер 19 августа 1930 г.). К истории Самарканда имели прямое отношение такие пореволюционные публикации Бартольда, как «Улугбек и его время» (1918), «Новые данные о самаркандских памятниках» (1921), «История Туркестана» (1922), «Монеты Улугбека» (1922), «Археологические работы в Самарканде летом 1924 г.» (1925), «По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г.» (1926) и др.

В 20—30-х годах изучением прошлого Самарканда и его памятников занимался также ученик Бартольда А. Ю. Якубовский (1886—1953) -- виднейший исследователь феодального общества Средней Азии, его социально-экономической истории, материальной и духовной культуры. Перу А. Ю. Якубовского принадлежат, например, блестяще написанные работы по истории Самарканда («Образы старого Самарканда», 1925; «Самарканд при Тимуре и Тимуридах»; 1933 и др.), а также очерк истории археологического изучения Самарканда (1940). Важно подчеркнуть, что историю Самарканда Якубовский рассматривал с марксистско-ленинских позиций.

В годы Советской власти продолжалась кипучая деятельность В. Л. Вяткина. Он был в числе тех русских интеллигентов, которые без промедлений поставили свои силы и знания на службу народу. В 1918—1919 гг. Вяткин занимал должность помощника областного комиссара, в 1920 г. по поручению военных органов вел учет историко-археологических ценностей Бухары, затем состоял членом областной плановой комиссии Самаркандского облисполкома, преподавал в школе. Не всем известно, что перу Вяткина принадлежит «Учебник узбекского

языка для русских школ. Курс подготовительный» (1918) и «Учебник узбекского языка для русских (на основе латинской транскрипции)» (1923). Среди коренного и русского населения Самарканда Вяткин пользовался всеобщим уважением и любовью. Ему обязаны получением школьного образования дети многих самаркандских семей бедняков.

В 1922 г. Вяткин возобновил разведочно-раскопочные работы на городище Афрасиаб и вел их с перерывами до 1930 г. Летом 1925 г. в западной части городища он обнаружил остатки трех монументальных зданий со следами сырцовых перекрытий. В одном из этих зданий были найдены замечательные резные алебастровые панели (ныне — в Самаркандском музее) и остатки стенной живописи.

Возникновение жизни на Афрасиабе Вяткин датировал IV—V вв. (хотя в рукописных материалах 1929—1930 гг. указывал и более раннюю дату, относя первоначальные культурные отложения Афрасиаба к кушанскому времени).

В 1925 г. Вяткин вел раскопки и на территории архитектурного ансамбля Шахи-Зинда, изучая, в частности, остатки мавзолеев по «западному коридору».

В 1927 г. вышла в свет книга Вяткина «Городище Афрасиаб». Написанная в научно-популярном плане, она вместе с тем как бы подводила итог его многолетних работ и наблюдений. Появление в свет труда Вяткина (этого, по словам Бартольда, «лучшего знатока Самарканда и Афрасиаба») было встречено с большим вниманием. По отзыву Бартольда, главы, посвященные отдельным категориям археологических находок на городище, «написаны с исключительным знанием дела и содержат много подробностей, которых не мог бы сообщить никто другой». Наряду с этим указывалось на недостаточное использование данных новейшей исторической литературы, узкий подход автора к теме, отсутствие в его работе многопланового и широкого исторического подхода к теме. В отзыве, написанном уже после кончины Вяткина, А. Ю. Якубовский отмечал, что в своей книге Вяткин «выступил не как историк, а как археолог-вещевед» и что он почти не использовал описываемых им вещественных памятников в качестве исторических источников для решения ряда вопросов. «Это скорее материалы к историческому труду, чем сама история».

Сам Вяткин не придавал своей работе значение капитального труда по истории Самарканда. Страстно влюбленный в науку, преданный ей до последнего дня своей жизни, много сделавший для познания истории Самарканда и его округи, Вяткин был в то же время ученым-самоучкой, археологом-краеведом без специальной подготовки, работал в трудных

условиях далекой провинции, часто в одиночку. Революция застала Вяткина на грани полустолетия его жизни. В процессе становления советской археологии Вяткину не было суждено общаться с представителями нового направления в археологии, сформировавшемуся позднее. Естественно, что на книге Вяткина об Афрасиабе лежала печать уже сложившейся методики и методологии его работы. Вяткин (по свидетельству беседовавшего с ним В. А. Шишкина) предполагал подготовить к изданию «большой отчет по Афрасиабу с общим очерком городища». В его личном архиве обнаружены черновые тексты, относящиеся, видимо, к этому общему очерку.

Свой долг перед наукой Вяткин выполнил до конца и при всех недостатках его деятельности нельзя не признать, что все сделанное им на поприще изучения исторического прошлого Самарканда приносит, при критическом к нему подходе, большую пользу советской науке.

Умер Вяткин в 1932 г. В знак уважения к его научным заслугам он был похоронен на самаркандском Регистане, а 29 декабря 1934 г. останки ученого перенесли на место открытой им обсерватории Улугбека и захоронили в могиле к северу от основания устоя секстанта, на линии горизонтального круга.

Что же касается отмеченных выше недочетов в итоговой публикации Вяткина по Афрасиабу, то здесь следует учесть, что если бы Вяткин даже поставил перед собой задачу решить сложные проблемы социально-экономического развития Самарканда, такая задача не была бы успешно выполнена и по уровню современных Вяткину знаний и по характеру присущей ему методологии и методики его работ.

Закономерно поэтому, что новый этап — более глубокого и широкого, социально осмысленного изучения исторического прошлого Самарканда и памятников его материальной культуры — начался не с выходом в свет книги Вяткина об Афрасиабе, а с появления в последующем работ, выполненных представителями советской историко-археологической школы.

Здесь четко обозначится с течением времени обширная группа исследователей — Я. Г. Гулямов, Г. В. Григорьев, М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, А. И. Тереножкин, В. А. Шишкин, А. Ю. Якубовский и др. Очень полезной была деятельность узбекского археолога Мусы Саиджанова — большого знатока и энергичного описателя памятников самаркандской старины.

В активизации работы по изучению исторического прошлого Самарканда существенное место принадлежало возникшим в городе при Советской власти высшим учебным заведениям:

Узбекскому высшему педагогическому институту, Узбекской педагогической академии и особенно основанному в феврале 1933 г. Узбекскому (ныне Самаркандскому) государственному университету с его историко-экономическим и литературно-лингвистическим факультетами и с аспирантурой при нем.

В серии первых ремонтно-реставрационных работ советского времени особо надлежит отметить произведенное в 1932 г. выпрямление северо-восточного минарета самаркандского медресе Улугбека (высотой 36 *м*). К 1918 г. вершина минарета отклонилась от вертикали на 1,8 *м*, что создало угрожающее положение.

Основным автором проекта выпрямления явился М. Ф. Мауер. Московский инженер В. Г. Шухов составил проект специальной поворотной конструкции. В январе 1932 г. заранее установленные приспособления (винтовая вращающаяся конструкция в отводе минарета, подъемный рычаг, двойные рельсы, закрепленные на прочных основаниях минарета и др.) в течение 20 минут легко вернули 800-тонный минарет в строго вертикальное положение.

После смерти В. Л. Вяткина, отъезда из Самарканда М. Е. Массона и других масштаб работ по изучению памятников исторического прошлого несколько сократился. Однако, по справедливым словам А. Ю. Якубовского (1940 г.), «едва ли нужно быть пророком, чтобы сказать, что недалеко то время, когда Самарканд с его замечательным Афрасиабом вновь станет предметом дальнейшего углубленного изучения».

В 1939 г. было установлено присутствие в черте Самарканда наиболее древних следов пребывания человека (работы Н. Г. Харламова, М. В. Воеводского, В. В. Шумова). При сооружении искусственного озера («Комсомольского») была найдена стоянка первобытного человека верхнепалеолитического времени (следы кострищ; каменные орудия: нуклеусы, отщепы, ножевидные пластины; кости животных: оленя, тура или зубра, дикой лошади и пр.). Систематические раскопки этой стоянки осуществлял в наши дни Д. Н. Лев, установивший, что здесь находилось неоднократно (после перерывов во времени) восстанавливавшееся жилье первобытных людей. Тем же временем датируются случайные находки, обнаруженные Г. В. Григорьевым в останце на б. Овражной улице. Большой интерес представляют найденные в 1962 г. на месте самаркандской стоянки костные останки кроманьонской женщины (фрагмент нижней челюсти с девятью зубами и подбородочным выступом). По мнению М. М. Герасимова и В. В. Гинзбурга, это первая в Узбекистане и во всей Средней

Азии находка останков человека типа Homo sapiens ранних стадий его сложения.

В 1939 г. началось широкое изучение (Г. А. Пугаченковой и др.) уникального самаркандского мавзолея второй половины XV в. Ишрат-хана.

В 1941 г. в Самарканде работала археологическая экспедиция Музея Навои в составе пяти отрядов под общим руководством М. Е. Массона. Экспедиция вела раскопки обсерватории Улугбека и его дворца с известным по письменным источникам павильоном Чини-хана, изучала мавзолеи Биби-Ханым и Чупаната (с проведением археологических вскрытий) и историческую топографию пригородов северной части Самарканда.

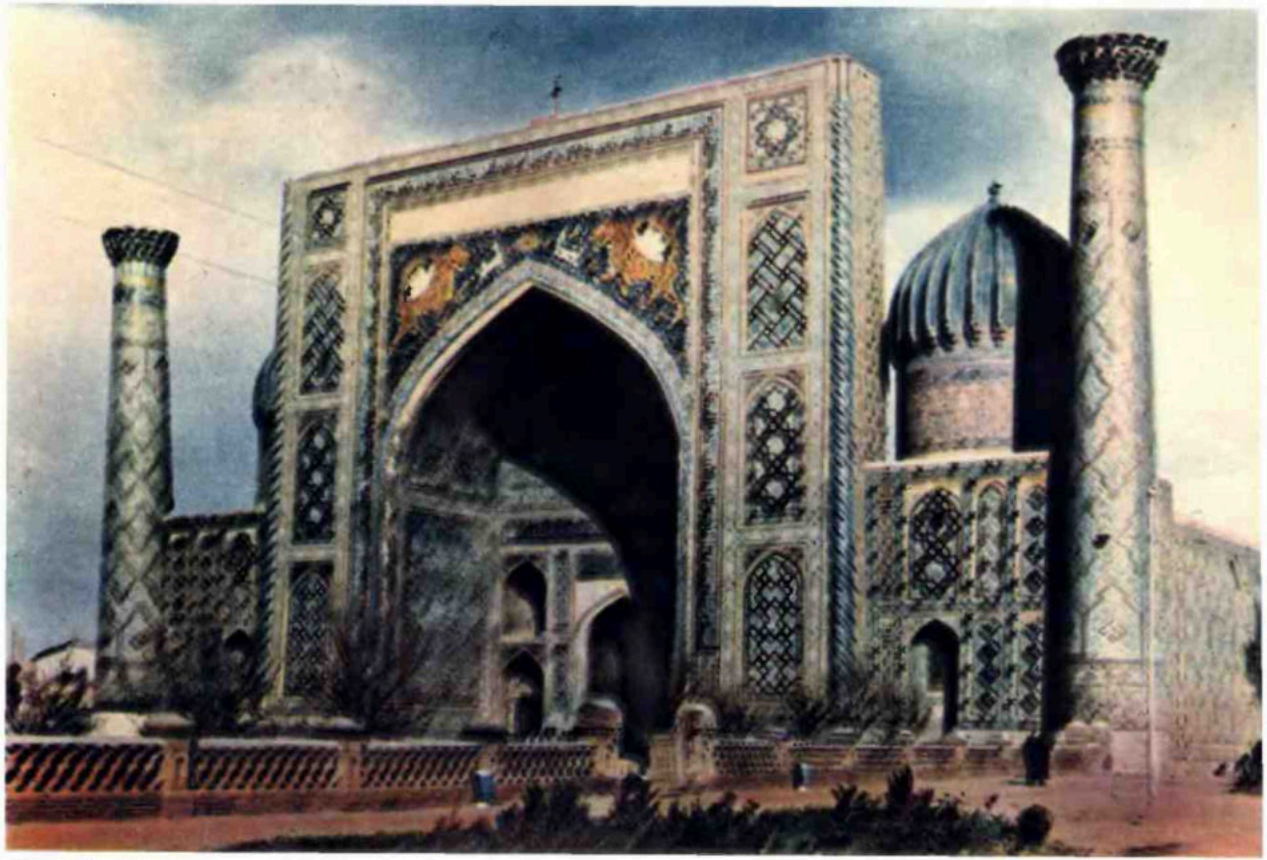
В том же 1941 г. специальная правительственная комиссия Узбекской ССР вскрыла могилы Амира Тимура и его ближайших потомков по мужской линии в самаркандском мавзолее Гур-Эмир. Работы велись с 16 до 24 июня 1941 г. во главе с Т. Н. Кары-Ниязовым. В состав экспедиции входили антропологи Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, востоковед А. А. Семенов, химик-реставратор В. Н. Кононов, архитектор Б. Н. Засыпкин, археолог В. А. Шишкин, литературовед Х. Т. Зарифов, фотограф И. И. Завалин, скульптор-антрополог М. М. Герасимов. Последний на основе костных останков черепа Тимура воссоздал его внешний облик. А. А. Семенов впервые дал строго научное чтение надписей на надгробиях Тимура и его потомков. Л. В. Ошанин осуществил монографическое описание костных останков, погребенных в мавзолее Гур-Эмир. Работа Л. В. Ошанина «Антропологическое исследование скелетов Тимура и Тимуридов» была напечатана посмертно в 1964 г. вместе со статьей В. А. Шишкина «Гури-мир», посвященной историко-археологическим итогам исследования погребений Тимура, его сыновей Шахруха и Мираншаха и внуков Мухаммед-Султана и Улугбека.

Большой вклад в изучение материальной культуры Средней Азии, в частности Самарканда времени Тимуридов, вносит кафедра археологии исторического факультета Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина (работы М. Е. Массона, Г. А. Пугаченковой, Л. И. Альбаума и др.). На кафедре ведется систематическая работа по изучению исторической топографии и социальной структуры Самарканда. Особняком стоят археолого-картографические работы М. Е. Массона: «План окрестностей Самарканда второй половины XV века», «План-реставрация самаркандского хисара времени Тимура и Тимуридов», «План-реставрация средневекового шахристана Самарканда», «План-реставрация го-

рода Самарканда XVI века», «Диаграммы развития Самарканда, Бухары и Термеза со второй половины I тысячелетия до н. э. и до XIX в. включительно» и др.

Институт истории и археологии АН УзССР осуществил на Афрасиабе разведочные работы, которые велись в 1945—1948 гг. археологом А. И. Тереножкиным — руководителем Самаркандской археологической базы, созданной в 1945 г. названным Институтом и оставившей заметный след в истории изучения древнего Самарканда и его округи (база просуществовала до 1950 г.; с 1948 г. ее руководителем являлся археолог В. Д. Жуков). Тереножкину удалось сделать ценные стратиграфические наблюдения и установить наличие на городище культурных отложений, восходящих примерно к середине I тысячелетия до н. э. (VI—IV вв.); это подтверждало мнение ряда предшествующих исследователей о значительной древности Афрасиаба. Однако вывод исследователя о том, что культурные наслоения этого времени распространены по всему городищу с такой же плотностью, что и в трех обследованных им участках, нуждался, как впоследствии было установлено, в уточнении (работы 1959 и последующих годов, выполнявшиеся С. К. Кабановым, М. И. Филанович, Г. В. Шишкиной, М. К. Пачосом и др.).

Заметной вехой в изучении истории Самарканда явилось опубликование в 1950 г. статьи М. Е. Массона о периодизации древней истории города (до монгольского завоевания). Вопреки мнению В. В. Бартольда, А. И. Тереножкина и других ученых, утверждавших, что Самарканд при Кушанах находился в упадке, Массон выдвинул положение, что «эпоха расцвета города за период рабовладельческого общества по археологическим данным приходится на кангюйско-кушанское время, примерно на первые века до и после н. э. и особенно на I—III вв. н. э.». Затем автор приурочивает к истории Самарканда отдельные этапы раннего периода формирования феодальных отношений, отмечая, что третий из этих этапов (конец первой четверти IX — X в.) — период правления Тахиридов и Саманидов — являлся порой нового, интенсивного подъема экономической и культурной жизни Самарканда. Рост города характерен и для XI — XII вв., когда власть в Мавераннахре перешла в руки тюрок. В этой же статье М. Е. Массон призвал пересмотреть вошедшую в науку условную схему, согласно которой Самарканд, как и все другие среднеазиатские города, якобы состоял из трех частей — цитадели, шахристана и рабада. По мнению автора, путь индивидуального развития городов был более сложным и Самарканд членился не на три, а на большее число частей.

Шир-Дор. XVII в.

Не все положения отмеченной статьи безоговорочно восприняты последующими исследователями истории Самарканда, но именно вокруг них ведутся дебаты относительно уточнения данных о древнейшем прошлом города.

Примечательным явился и опубликованный в 1956 г. краткий историко-топографический очерк М. Е. Массона «Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои» (второй половины XV в.).

В 1958 г. был создан специальный Самаркандский археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР для получения наиболее полных и уточненных данных по истории Самарканда и его округи (руководитель В. А. Шишкин, а с весны 1967 г. — Я. Г. Гулямов). В 1958 — 1959 гг. отряд вел работы на Афрасиабе, заложив здесь несколько раскопок в западной и северной частях. Под слоями X—XIII вв. местами были прослежены культурные остатки, датируемые временем не старше VI—VII вв. На основании этого, по словам В. А. Шишкина, «высказывавшееся ранее предположение о том, что в рабовладельческий период, на рубеже нашей эры, город занимал всю территорию Афрасиаба, пока не получило подтверждения».

В то же время при раскопках в южной, северной и западной частях городища (1958 — 1966 гг.) археологи обнаружили предметы древности VI — IV вв. до н. э. Это подтвердило предположения А. И. Тереножкина (по раскопкам 1945—1948 гг.) о том, что к этому времени на месте Афрасиаба (точнее — на определенной части его территории) располагалось поселение городского типа, видимо, и бывшее столицей Согда.

В 1958 г. была осуществлена также разведка в одной из обширных замкнутых котловин, разбросанных по всей территории Афрасиаба. В шурфах, заложенных в стороне от дороги на аэропорт (недалеко от въезда на Афрасиаб со стороны города), и в шурфе, вырытом в середине котловины, были найдены осколки посуды X — XII вв. и медная саманидская монета. Раскопки не противоречили мнению Вяткина, что такого рода котловины являют собою остатки хаузов. На восточном краю котловины исследователи обнаружили остатки гончарных мастерских.

Были продолжены также раскопки в северной части Афрасиаба (1959 г.), начатые в 1947 г. А. И. Тереножкиным. Раскопками вскрыты остатки зданий примерно середины I тысячелетия н. э. В одном из помещений находился алтарь-жертвенник, сложенный из терракотовых плит. Небольшие работы велись и на территории соборной мечети, остатки которой

обнаружили В. В. Бартольд и В. Л. Вяткин в 1904—1905 гг. При раскопках была выявлена часть выстланного жженым кирпичом пола и часть дверного проема северного входа в мечеть. В местности Баги-Шамал (вне Афрасиаба) археологи осмотрели остатки фундамента монументального здания, по всей вероятности, загородного дворца Тимура «Баги-Шамал» («Сад ветров»).

В 1958 г. появилась публикация З. П. Майсурадзе, посвященная афрасиабской поливной керамике (коллекция Б. Н. Кастальского, хранящаяся в Музее восточных культур в Москве). Издание цветных таблиц с воспроизведением образцов этой керамики явилось полезным вкладом в науку. Однако, по единодушному признанию рецензентов, научный уровень текста книги З. П. Майсурадзе весьма низок и страдает множеством неточностей.

В 1959 г. в западной части городища раскопками были обнаружены остатки большого жилого сооружения с необычайно толстыми (до 3 *м*) стенами из сырцового кирпича (у западной стороны дороги на аэропорт). В последующем была вскрыта часть большого комплекса жилых построек с остатками полов и фитуральной кирпичной выстилкой или выстилкой из специальных шестиугольных плит. Были обнаружены также остатки декоративного убранства помещений: фрагменты резьбы по алебастру и глине, фрагменты стенной живописи. Видимо, эта часть комплекса построек органически связана с той частью построек, которая, как отмечалось выше, была обследована Вяткиным в 1922 — 1930 гг.

Начиная с 1959 г. особое внимание стало уделяться вопросу о городских — внешних и внутренних — стенах Самарканда в различные периоды его существования, что очень важно для понимания процесса развития городской жизни.

В научной литературе нет ясности в этом вопросе (не установлено точно количество стен, их протяженность и т. д.), в связи с чем требуются дальнейшие усилия археологов. Всего в Самарканде выделяется четыре ряда стен разного времени. Предположение археолога М. Пачоса о том, что древнейшая из стен датируется временем не раньше IV в. н. э., нуждается в обосновании. Мнение, что схема развития города как такового может вести начало только с IV — V вв., оспаривается рядом исследователей.

В 1965 г. в процессе раскопок на Афрасиабе последовало открытие замечательной настенной живописи VII в. в руинах большого жилого здания (возможно, дворцового характера).

В 1965—1968 гг. археологом И. Ахраровым были проведены при участии Л. И. Ремпеля раскопки руин купольного зала

X в. с остатками резного штука редкой красоты; попытку реконструкции зала осуществил Л. И. Ремпель, отметивший, что в архитектурном стиле и декоре зала сочетаются традиции местного согдийского наследия и веяний общехалифатского искусства.

В Самарканде ведется строительство постоянно действующей научно-археологической базы Института истории и археологии АН УзССР. В наши дни в археологических раскопках на Афрасиабе принимает активное участие многочисленный отряд советских археологов младшего поколения (А. А. Абдуразаков, Т. А. Агзамходжаев, А. Аскаров, И. Ахраров, Л. Г. Брусенко, Д. П. Вархотова, Г. Дадабаев, М. Д. Джуракулов, Я. К. Крикис, А. Мухамеджанов, Н. Б. Немцева, М. Пачос, Е. Б. Пругер, Ш. Ташходжаев, М. Н. Федоров, М. И. Филанович, Г. В. Шишкина и др.), а также археологи Л. И. Альбаум, Ю. Ф. Буряков, С. К. Кабанов, О. В. Обельченко, В. И. Спришевский и др.

В советское время широкий размах получили работы по дальнейшему изучению остатков обсерватории Улугбека. В 1941 — 1948 гг. здесь велись раскопки под руководством археологов И. А. Сухарева и В. А. Шишкина. Знатоки историко-архитектурных памятников Средней Азии архитекторы Б. Н. Засыпкин, а затем В. А. Нильсен воссоздали примерный общий облик обсерватории. Она представляла высокое и, как тогда предполагалось, круглое в плане трехъярусное, щедро декорированное снаружи здание с большими залами, комнатами, коридорами, переходами и т. д.

В 1966—1967 гг. Институт истории и археологии АН УзССР и Главное управление по охране памятников материальной культуры Министерства культуры УзССР дополнительно осуществили семь раскопов и заложили шесть шурфов на площади внутри круга и за его пределами на холме. Было установлено (работы Я. Г. Гулямова, Ю. Ф. Бурякова и др.), что основанием здания обсерватории служил округлый барабанообразный фундамент, образованный укладкой в котлован рваного чупанатинского камня на кыровом растворе (обкладка фундаментом при толщине 2,6 *м* скального выступа в центре холма). В южной части фундамент достигал толщины 3,3 *м*, как бы переходя в фундамент портала и прерываясь здесь на протяжении 10,5 *м*. Тут, следовательно, находился центральный вход в обсерваторию. Вообще же вход проходил с обеих сторон здания вдоль основного инструмента обсерватории — «судси Фахри». Круглый внешний контур скрывал четко выраженный четырехугольный план здания, причем обе формы были связаны с функциональным его назначением (расположением астрономического инструментария). Сам секстант «судси Фахри» на южном от-

резке, до пересечения с и'тидалом не имел стен, по крайней мере таких монументальных, которые опирались бы на фундамент, и лишь севернее и'тидала был заключен в две параллельные стены, вдоль которых располагались узкие коридорообразные помещения; за ними располагались крестообразные и прямоугольные комнаты. В 1969 г. свой вариант реконструкции здания обсерватории предложила Г. А. Пугаченкова.

Усилилось внимание исследователей и к вопросам, связанным с деятельностью прославленной обсерватории Улугбека. Наряду с брошюрой М. Е. Массона (1941), посвященной в основном истории, устройству и результатам работ обсерватории, и научно-популярными брошюрами Н. И. Леонова (1949), В. П. Щеглова (1958) и других, в 1950 г. появилось капитальное исследование Т. Н. Кары-Ниязова об астрономической школе Улугбека, удостоенное Государственной премии (в 1967 г. вышло второе издание этой работы в собрании сочинений Т. Н. Кары-Ниязова). Намечено также новое научное издание астрономических таблиц, составленных по наблюдениям самаркандской обсерватории Улугбека в середине XV в. Это так называемый улугбековский каталог звезд — колоссальный труд по долготно-широтному определению девятисот звезд.

Дело не ограничилось изучением руин обсерватории Улугбека и ее деятельности.

Начиная с 1961 г. группа научных работников во главе с Н. С. Гражданкиной приступила к систематическому исследованию архитектурного ансамбля Шахи-Зинда с целью изучения наиболее полной и документированной длительной истории сложения этого комплексного памятника. Было установлено, в частности, что под существующими ныне сооружениями расположены остатки жилых строений IX — X вв.

Следует отметить, что если до революции обстоятельные и подлинно научные описания историко-архитектурных памятников Самарканда, принадлежащие перу специалистов, насчитывались единицами, то в настоящее время их существует многие десятки. Изучению этих памятников посвящает усилия большое количество советских археологов, архитекторов, искусствоведов.

Стали появляться монументальные издания отдельных памятников. Примером тому может служить выход в свет коллективного труда ученых «Мавзолей Ишратхана» (1958), книга Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпеля «Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана» (1958) и др.

В послеоктябрьские годы большое значение начали придавать строго научной фиксации и изучению многочисленных ис-

торико-архитектурных памятников Самарканда, поддержанию их в порядке, ремонту и реставрации. Для решения этой задачи правительство отпускает значительные и неуклонно возрастающие суммы. По размаху и высокому научному уровню работы в данном направлении не могут идти ни в какое сравнение с работами предреволюционного времени. В этих работах участвовали и участвуют многие десятки специалистов — археологи, искусствоведы, архитекторы, инженеры, техники, декораторы, художники, народные мастера-строители. С работами по изучению и научной реставрации историко-архитектурных памятников Самарканда связаны имена В. В. Бартольда, И. Ф. Бородиной, Л. Л. Бурэ, Б. В. Веймарна, А. В. Виноградова, В. Л. Вяткина, Я. Г. Гулямова, Н. С. Гражданкиной, Б. П. Денике, В. Д. Жукова, Б. Н. Засыпкина, А. В. Исупова, И. С. Казакова, Б. Н. Кастальского, В. А. Лаврова, М. Е. Массона, М. Ф. Мауера, И. К. Мрочковского, Г. Н. Никитина, В. А. Нильсена, И. И. Ноткина, И. Е. Плетнева, Г. А. Пугаченковой, Ш. Е. Ратия, Л. И. Ремпеля, Д. К. Степанова, О. А. Сухаревой, С. Судакова, А. К. Татевосьян, А. И. Тереножкина, Г. Н. Томаева, А. П. Удаленкова, И. И. Умнякова, Ю. З. Шваб, В. А. Шишкина, С. И. Юренева и многих других. В обширной плеяде народных мастеров-строителей заслуженной известностью и признанием пользуются имена почетного члена Академии наук Узбекской ССР, ныне покойного Усто Ширин Мурадова, Абдухафиза, представителей среднего поколения (братья Кудрат, Мирсаид, Мирумар и Мирусман Саидовы, их молодые ученики Наджим Мирсадиев, Исмаил Хафизов, Харис Файтоев и многие другие). В реставрации мавзолея Гур-Эмир успешно участвовали мастера росписи Турсун Ахмедов и Якуб Рауфов, художница Нина Волкова, искусствовед Ираида Бородина, бригадир реставраторов, воспитанница строгановского училища Валентина Романова и многие другие.

В самом Самарканде возникли и превратились в крупные постоянно действующие предприятия ремонтно-реставрационные мастерские, распространяющие свою плодотворную деятельность на все более широкий круг самаркандских историко-архитектурных памятников.

В наши дни во всем своем блеске, красоте и величии предстает перед глазами посетителей прославленное сооружение средневековых зодчих — мавзолей Гур-Эмир, величественные сооружения на площади Регистан. Много сделано для придания прежнего облика мавзолеям ансамбля Шахи-Зинда. Принято решение о мерах по предотвращению дальнейшей деформации остатков купола и стен грандиозной мечети Биби-Ханым (рабо-

ты ведутся под руководством кандидата технических наук Э. М. Генделя). В этом отношении интересен осуществленный архитектором Ш. Е. Ратия в конце 40-х годов опыт обстоятельной графической реставрации (реконструкции) этого грандиозного сооружения. Реставрация, по отзыву Г. А. Пугаченковой, «надолго во многих отношениях останется образцом монографического историко-архитектурного изучения памятника монументального зодчества Средней Азии».

При изучении историко-архитектурных памятников города стало уделятся большое внимание и вопросам технологии древних строительных материалов (работы Н. С. Гражданкиной и др.).

Для всех интересующихся самаркандской стариной и памятниками города крупными тиражами издаются написанные на высоком научном уровне путеводители по Самарканду, брошюры по его отдельным памятникам (публикации Ю. Н. Алескерова, М. Е. Массона, Г. А. Пугаченковой, И. И. Умнякова и др.), серии художественных красочных открыток, буклеты на различных языках мира и т. д.

Заметное место в истории изучения прошлого и настоящего Самарканда принадлежит состоявшейся в январе 1969 года в Самарканде и организованной Академией наук УзССР и Самаркандским государственным университетом имени Алишера Навои Объединенной научной сессии, посвященной 2500-летию Самарканда. Работы сессии были открыты вступительным словом президента Академии А. С. Садыкова. С докладами и сообщениями по истории, археологии, исторической географии Самарканда выступили академики АН УзССР И. М. Муминов, В. А. Абдуллаев, Я. Г. Гулямов, С. К. Зиядуллаев, Т. Н. Кары-Ниязов, доктора наук Е. А. Давидович, Х. Ш. Иноятов, Б. В. Лунин, Г. А. Пугаченкова и многие другие ученые.

В сентябре 1969 г. в Самарканде состоялся международный симпозиум ЮНЕСКО по искусству эпохи Тимуридов. С основными докладами на нем выступили советские ученые (И. М. Муминов, Г. А. Пугаченкова, Х. Сулейманов и др.) и представители зарубежной науки — Б. Грей (Англия), Е. Грубе (США), Мир Хусейн Шах (Афганистан) и др.

Социалистический Самарканд — город кипучей созидательной жизни. Быстро разрастается его территория, реконструируются его старые улочки, тупики, закоулки, неуклонно множится число новых крупных многоэтажных зданий — административных, культурных, жилых и др. Наряду с этим местные органы Советской власти заботятся о сохранности историко-архитектурных памятников города, неприкосновенности руин Афрасиаба.

Закономерно также, что советские ученые не в пример дореволюционным самаркандоведам изучают историю не только древнего и средневекового Самарканда, но и Самарканда в период после его вхождения в состав Российской империи, а ныне также послеоктябрьскую историю города, историю советского Самарканда. Вооруженные марксистско-ленинской методологией, историки и экономисты не ограничиваются фиксацией внешних фактов истории города, а стремятся глубоко изучать и отображать процесс социально-экономического его развития, реконструкции и преобразования в один из крупных социалистических городов на Советском Востоке. Много внимания советские исследователи уделяют истории революционного движения в Самарканде, борьбы за торжество Советской власти и ее укрепления в этом городе. Красной нитью через все эти работы проходит показ благотворного влияния на всестороннее — экономическое и культурное — развитие города и всей самаркандской округи ленинской национальной политики Коммунистической партии.

На поприще изучения новой и новейшей истории Самарканда плодотворно трудятся С. А. Акрамов, М. У. Аминов, В. И. Ефимов, М. Михайлов, Т. Саидкулов, М. М. Абрамов, М. А. Фаттаев, М. А. Израилов и многие другие историки Самарканда и иных городов страны. Истории развития общественно-философской мысли в Самарканде, начиная с эпохи средних веков, посвятил свои усилия И. М. Муминов, по истории литературы — В. А. Абдуллаев.

Широкий размах получила в годы Советской власти деятельность Самаркандского музея. После Октябрьской революции он был превращен в областной (окружной) музей и стал быстро пополнять свои собрания. В 1920 г. его возглавил М. Е. Массон. В 1930 г. музей был преобразован в Центральный государственный музей УзССР (в настоящее время — Республиканский музей истории культуры и искусства Узбекской ССР). С деятельностью музея связаны имена И. А. Акрамова, М. С. Абдурахманова, В. Л. Вяткина, Т. А. Жданко, Н. Н. Забелиной, А. Я. и М. Ф. Каплуновых, П. В. Лифиренко, М. Е. Массона, З. Ю. Мухамедова, А. К. Писарчик, Л. И. Ремпеля, Г. П. Синесарева, И. А. и О. А. Сухаревых, И. И. Умнякова, Г. Л. Чепелевецкой, М. С. Юсупова и др. Музей хранит до 100 тыс. предметов материальной и духовной культуры Узбекистана, в том числе Самарканда. Особенно богаты археологические, нумизматические и этнографические собрания. В экспозиции музея широко отражено не только богатейшее прошлое, но и замечательное настоящее Самарканда, перспективы его развития. Обширна культурно-просветительная деятельность музея. Ныне он

располагает обширными помещениями для богатой экспозиции, большим научным и вспомогательным персоналом. Намечается строительство нового крупного здания музея. Примечательно, что с 1896 по 1917 г. музей посетило 6783 человека, а уже с 1917 по 1930 г. посещаемость составила 116 740, с 1930 по 1941 г.— 514 004 человека и т. д.

То, что до революции было делом частной инициативы отдельных ученых и любителей старины, немногочисленных и лишенных необходимой материальной базы научных учреждений Центра, благосклонного отношения тех или иных высокопоставленных чиновников-меценатов, стало в наши дни общегосударственным, всенародным делом, пользующимся общим признанием и поддержкой.

Вместе с тем изучение современной жизни Самарканда — одного из крупных экономических и культурных центров советского Востока — требует еще более значительных усилий научных работников.

Впереди большая и напряженная работа ученых — археологов, историков, искусствоведов, экономистов — по еще более глубокому, еще более детальному изучению богатейшей многовековой истории Самарканда.

УКАЗАТЕЛИ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ САМАРКАНДА

Литература по истории Самарканда с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции
Дореволюционная литература

Абаза К. К. Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов в общедоступном изложении. — СПб., 1902, 310 стр.
Самарканд, стр. 135—171.

Адрес-календарь лиц, служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях и установлениях Самаркандской области, Бухары, Чарджуя и Кирки. Сост. М. М. Вирским. — Самарканд, Самаркандский областной статистический комитет, 1896, 64 стр.
В 1894 и 1895 гг. Адрес-календарь входил в содержание «Справочной книжки Самаркандской области», в 1896—1898 гг. выпускался отдельным изданием, в 1899—1914 гг. вновь входил в содержание «Справочной книжки...» (также отд. оттиски).

Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом. — СПб., Переселенческое Управление Главного управления землеустройства и земледелия, 1914.
Города Самаркандской области; стр. 323—325.

Азиатский музей [Получение им двух мраморных плит и надгробия Мухаммеда, сына Абу Саида, найденных в Самарканде]. — Записки Академии наук, т. XIX, СПб., 1871, стр. 234—235.

А. К. От Самарканда до Ташкента и Каршей. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1873, № 5.

Альбовский Ин. и Щербина-Крамаренко Н. Письма в редакцию. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1897, № 72.
О расхищении самаркандских древностей.

Альбом рисунков, помещенных в отчетах Императорской археологической комиссии за 1882—1888 годы. — СПб., 1891, 376 стр.
Самаркандская область; стр. 337.

Антар. В Самарканде. Из моих скитаний. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1912, № 198.

А. П. Поездка учениц Ташкентской женской гимназии в г. Самарканд для осмотра его исторических памятников. — «Среднеазиатская жизнь», 1907, № 96.

Арендаренко Г. Досуги в Туркестане (1874—1889 гг.). — СПб., 1889, 666 стр.
Самарканд.

Армянские предания о библиотеке Тамерлана. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1870, № 14.

Арриан. Анабасис Александра или история походов и завоеваний Александра Великого в семи книгах. Перевод с греческого Н. Коренькова. — Ташкент, Издание А. Л. Кирснера, 1912, 336 стр. (также журн. «Средняя Азия», 1911, VI, стр. 81—145; VII, стр. 5—49; VIII, стр. 5—49; IX, стр. 5—60; X, стр. 5—39; XI, стр. 5—41; XII, стр. 5—90). Также: Арриан. Поход Александра. Перевод с древнегреческого М. Е. Сергеенко. Отв. редактор доктор ист. наук О. О. Крюгер. — М. — Л., Изд-во АН СССР, 1962, 384 стр. (Академия наук СССР. Институт истории. Ленинградское отделение).

Мараканда, столица Согда.

[**Археологические находки** в Самарканде и Самаркандской области по данным ежегодных отчетов Императорской археологической комиссии]. — ОАК за 1889 г., СПб., 1891, стр. 95; ОАК за 1891 г., СПб., 1893, стр. 130; ОАК за 1897 г., СПб., 1900, стр. 71; ОАК за 1898 г., СПб., 1901, стр. 76; ОАК за 1899 г., СПб., 1902, стр. 138—139; ОАК за 1908 г., СПб., 1912, стр. 186; ОАК за 1913—1915 гг., СПб., 1918, стр. 221.

Археологические раскопки на месте обсерватории Улуг-бека. — Известия Имп. археологической комиссии, Прибавление к выпуску 34-му, СПб., 1910, стр. 122 («Далекая окраина», 1909, № 657).

Бартольд В. В. Вместо ответа г-ну Лапину. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1894, № 48 (см. № 36—39). Также в кн: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр 306—309.

Бартольд В. В. Возражение на предположение В. Р. Розена о существовании орхонских надписей в Самарканде. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XII, СПб., 1900, стр. XXIV—XXV.

Бартольд В. В. Джу-и-Арзиз. (К вопросу об истории ирригации в Туркестане). — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1904, № 45 (также в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 274—276).

«Свинцовый проток» для подази воды на Афрасиаб.

Бартольд В. В. Еще о самаркандских оссуариях. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XIII, СПб., 1901, стр. 99—104. (также в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV. М., 1966, стр. 119—123).

Бартольд В. В. Замечание по поводу доклада Н. И. Веселовского «О находке глиняных гробов в Самарканде». — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XIII, СПб., 1901, стр. IV.

[**Бартольд В. В.**]. Из отчета о поездке в Самарканд летом 1904 года командированного Русским Комитетом проф. В. В. Бартольда.—Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 4, СПб., 1904, стр. 21—24 (также: ПТКЛА, год IX, 1904, стр. 60—63; В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 130—133).

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. — СПб., 1911, 182 стр. (издание второе: Л., 1925, 318 стр.).

Бартольд В. В. К вопросу об археологических находках. — «Самарканд», 1904, № 37 (также: В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 126—129).

Подделка древностей в Самарканде.

Бартольд В. В. Культура мусульманства. Общий очерк. — Пгр., Изд-во «Огни», 1913, 112 стр. (также в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. VI, М., 1966, стр. 141—204).

История Самарканда при Тимуридах; стр. 92—98.
Бартольд В. В. Мечеть Биби-Ханым. — «Русский Туркестан», 1899, № 34 (также в кн.: В. В. Бартольд Сочинения, т. IV, М, 1966, стр. 116—118).
Бартольд В. В. Народное движение в Самарканде в 1365 году. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XVII, СПб., 1907, стр. 1—19 (также в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1964, стр. 362—379).
Бартольд В. В. Неизданный самаркандский дирхем. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XII, СПб., 1900, стр. 1—4 (также в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 343—345).
Бартольд В. В. О погребении Тимура. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XXIII, Пгр., 1915, стр. 1—32 (также в кн.: В. В. Бартольд Сочинения, т. II, ч. 2, М, 1964, стр 423—454).
Бартольд В. В. О преподавании туземных наречий в Самарканде. — «Окраина», 1894, № 19 (также в кн.: В В. Бартольд. Сочинения, т II, ч. 2, М., 1964, стр. 303—305).
Бартольд В. В. Ответ г-ну В. Л. Вяткину. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1899, № 42.
Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан (летом 1902 г.). — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XI, СПб., 1904, стр. 173—281.
Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестанский край летом 1916 года. — Известия Имп. Академии наук, Пгр., 1916, стр. 1239—1242.
Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. — Записки Имп. Академии наук, Серия VIII, т. I, № 4, СПб., 1897, 151 стр. (также в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 21—94).
Бартольд В. В. Поездка в Самарканд с археологической целью. Доклад.— Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XVI, СПб., 1906, стр. XXXIV—XXXV (также в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 139—140).
Бартольд В. В. Реферат по топографии и истории города Самарканда. Раскопки городища Афрасиаб. — Известия Имп. археологической комиссии, Прибавление к вып. 14-му, СПб., 1905, стр. 5.
Бартольд В. В. Сообщение «О некоторых самаркандских дирхемах». — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XII, СПб., 1900, стр. XXVII—XXVIII.
Бартольд В. В. Сообщение о содержании письма В. Л. Вяткина о ходе работ в Самарканде и о съемочном плане Самарканда. — Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 2, СПб., 1904, стр. 4—5.
Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Диссертация, ч 1, СПб, 1898, 101 стр.; ч. II, СПб., 1900, 573 стр. (также в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 43—759).
Самарканд.
Бартольд В. В. Чопан-ата (Статья из «Энциклопедии ислама»). — В кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 565—566.
Чупан-ата — холмистая гряда у Самарканда.
[Барщевский Л. С.] Собранная им коллекция древностей из Афрасиаба и других мест Средней Азии — «Археологические известия и заметки», III, М., 1895, стр. 19—20.
Биби-Ханым (Восточная легенда). — «Закаспийское обозрение», Асхабад, 1897, № 142.

Блау О. Восточные монеты и другие предметы музея Общества из Самарканда. — Записки Одесского общества истории и древностей, т. XI, Одесса, 1879, стр. 321—322.

Борзна Д. [Петров-Борзна Д. О.] Курбан хан. Первая певица и танцовщица из Самарканда. —«Всемирная иллюстрация», 1874, № 291.

[Борнс Александр]. Путешествие в Бухару. Рассказ о плавании по Инду до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию Высшего Правительства Индии в 1831, 32 и 33 годах лейтенантом Остиндской компанейской службы Александром Борнсом, ч. III, 1849, 628 стр.
Самарканд.

[Бржезицкий Н. А.] Самаркандский уезд. Статистический обзор. — Сост. Н. А. Бржезицкий. — Самарканд, 1909, 153 стр.

Бродовский М. И. Заметки о земледелии в Самаркандском районе. — Сборник «Русский Туркестан», II, СПб., 1872, стр. 233—261.

Бродовский М. И. Технические производства в Туркестанском крае. Приложение к промысловому альбому Туркестанского края, составленному и изданному по распоряжению туркестанского генерал-губернатора К. П. фон-Кауфмана 1-го. — СПб, 1875, 89 стр.
Самарканд.

Бурдуков Н. Ф. Гончарные изделия Средней Азии. — СПб., 1906, XXIV стр.
Изделия гончаров Самаркандской области.

Вамбери Армин-Герман. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. По восточным обнародованным и необнародованным рукописным историческим источникам. Перевод А. И. Павловского, т. I, II, СПб., 1873, XXXIX+274 стр.; VI+226 стр. Рец.: В. В. Григорьев, ЖМНП, 1873, ч. CLXX, стр. 105—137.

Вамбери Арминий. Очерки Средней Азии. — М., 1868, 2+362+11 стр.
Дополнение к изд.: «Путешествие по Средней Азии», СПб., 1865. Рец.: Известия Рус. Географ. О-ва, IV, 1868, стр. 305—308.

Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркестанскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году Арминием Вамбери, членом Венгерской Академии. Перев. с английского. — СПб, 1865, IX+221 стр.

Вамбери Г. Очерки жизни и нравов Востока. Перев. с немецкого.—СПб., 1877, 546 стр.

Верещагин В. В. Из Ходжента в Самарканд. — «Глобус», 1873, № 8.

Верещагин В. В. На войне в Азии и в Европе. — Воспоминания, М., 1894.
Самарканд.

Верещагин В. В. Обломки гробницы Тимуровой. (По поводу присылки в Академию художеств обломков от гробницы Тимура в Самарканде). — Санктпетербургские ведомости, 1872, № 74.

Верещагин В. В. Очерки, наброски, воспоминания. — СПб., 1883.
Очерк Самарканда; стр. 49—85.

Верещагин В. В. Самарканд в 1868 году. Из воспоминаний художника. — «Русская старина», СПб., 1888, кн. 9.

Веселовский Н. И. Археологические исследования в 1885 г. в Туркестанском крае. — Отчет Имп. археологической комиссии за 1882—1888 гг., стр. XI—XXX.

Веселовский Н. И. Дагбид, гробница Махдуми-аазена (близ Самарканда). — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. III, СПб., 1889, стр. 85—95.

Веселовский Н. И. Ёще об оссуариях. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XI, СПб., 1899, стр. II.

Веселовский Н. И. Заметка о стеклянном производстве в Средней Азии.— Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. VIII, СПб., 1893, стр. 137—138.
Самарканд.

Веселовский Н. И. Рецензия на сочинение Клавихо — Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. — Журнал Министерства народного просвещения, СПб., 1882.

Веселовский Н. И. Мечеть Биби-Ханым. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1899, № 9.

Веселовский Н. И. Надгробный памятник Тимура в Самарканде. — Известия VII археологического съезда, Ярославль, 1887, № 10, стр. 5—7.

Веселовский Н. И. Надгробный памятник Тимура в Самарканде — Труды VII Всероссийского археологического съезда в Ярославле в 1887 году, т. II, М., 1891, стр. 67—72 (также сообщение «О надгробии Тимура», ЗВОРАО, т. XVI, СПб., 1906, стр. XI—XIII, XLVIII).

Веселовский Н. И. О последнем разорении города Самарканда. — Труды XI Всероссийского археологического съезда в Киеве, 1899, т. II, М., 1902, стр. 110 (Протоколы); также: Известия XI АС, Киев, 1899, стр. 117—118.
Вторая половина XIX в.

Веселовский Н. И. Памятник Ходжа-Ахрара в Самарканде. — «Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 321—335.

Веселовский Н. И. Письмо в редакцию (о памятниках Самарканда). — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1899, № 30.

Веселовский Н. И. Предложение об организации в 1904 г. работ по выяснению исторической топографии Самарканда и о поручении этих работ В. В. Бартольду. — Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 3, СПб., 1904, стр. 3—5.

В[еселовский] Н. И. Рамазан в Самарканде и Курбан-Байрам в Бухаре.— «Исторический вестник», 1909, кн. 11, стр. 569—580.

Веселовский Н. И. См. «Самария»...

Веселовский Н. И. Сообщение о мечети Шах-Зинда в Самарканде. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. I, СПб., 1887, стр. IX.

Веселовский Н. И. Сообщение о находке глиняных гробов в Самарканде. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XIII, СПб., 1901, стр. II—IV (также стр. XLVIII).

Веселовский Н. И. Сообщение «О нефритовом надгробии Тамерлана», Известия Имп Археологической комиссии, Прибавление к вып. 6-му, СПб., 1903, стр. 7.

Веселовский Н. И. Сообщение «О первоначальном месте погребения Тамерлана». — Известия Имп. Археологической комиссии, Прибавление к вып. 10-му, СПб., 1904, стр. 8—9 (также: ЗВОРАО, т. XVI, СПб., 1906, стр. XI, XX).

Веселовский Н. И. Сообщение о раскопках в городище Афрасиаб близ Самарканда в 1885 г. — Записки Имп. Русского археологического общества, Новая серия, т. II, М., 1887, стр. XCII—CIV.

Веселовский Н. И. Существует ли в Средней Азии подделка древностей?— Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. I, СПб., 1887, стр. 110—114.
Самарканд, Афрасиаб.

Вирский М. Выставка сельского хозяйства и промышленности в Самарканде в 1894 году. — СКСО[1], вып. III, Самарканд, 1895, стр. 94—133.

[1] Справочная книжка Самаркандской области.

Вирский М. М. Город Самарканд. — СКСО, вып. II, Самарканд, 1894, стр. 1—42.
Вирский М. М. Двадцатипятилетие русского города Самарканда, 1868—1893 гг. — СКСО, вып. II, Самарканд, 1894, стр. 1.
Вирский М. М. Древние глиняные гробы (Из последней раскопки в Самарканде). — ПТКЛА[1], год IV, Ташкент, 1899, стр. 154—162.
Вирский М. М. Древние курганы в Самаркандской области. — СКСО, вып. V, Самарканд, 1897, стр. 245—246.
Вирский М. Землевладение и денежные повинности в Самаркандском уезде. — СКСО, вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 54—93.
Вирский М. М. Летопись Самаркандской области по записи графа И. Л. Ростовцева.— СКСО, вып. V, Самарканд, 1897, стр. 252—265.
Вирский М. Летопись Самаркандской области 1897 и 1898 гг. — СКСО, вып. VI, Самарканд, 1894, стр. 277—300.
Вирский М. М. Медресе и мечети Самарканда и их вакуфы. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, СПб., 1876, стр. 116—117.
Вирский М. М. Обзор хлопководства в Самаркандской области за 1892 г.— СКСО, вып. II, Самарканд, стр. 1—19.
Вирский М. Обзор хлопководства в Самаркандской области за 1893—1894 гг. — СКСО, вып. III, Самарканд, 1895, стр. 9—19.
Вирский М. Об устройстве сартовской могилы и о похоронных обрядах у туземцев Самарканда. — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXXV, вып. 1—3, М., 1880, стр. 146—148 (также: Антропологическая выставка, т. III, ч. 1, М., 1878—79).
Вирский М. М. О Самаркандском крае и его обитателях таджиках. — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXXV, М., 1880, стр. 223 — 226.
Вирский М. М. Поземельно-податные работы Самаркандского уезда.— СКСО, вып. IV, Самарканд, 1896, стр. 121—173.
Вирский М. М. Самаркандская область по переписи 1897 года. — СКСО, вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 302—354.
Вирский М. М. Самаркандский уезд. — СКСО, вып. III, Самарканд, 1894, стр. 42—84.
Вирский М. М. Хлопководство и хлопковая промышленность в Самаркандской области. — СКСО, вып. V, Самарканд, 1897, стр. 63—92.
Вогюэ Е. М. Неделя в Самарканде, «Русское обозрение», М., 1891, № 1, стр. 77—93.
Волошинов В. Экскурсия в Среднюю Азию летом 1914 года. — Киев, 1915, 64 стр.
Самарканд; стр. 20—35.
Воронец Е. Воспоминания о защите Самарканда в 1868 году. — «Военный сборник», СПб., 1872, кн. 5, стр. 25—54.
Воспоминание о Самарканде. — «Живописное обозрение», 1873, № 2.
В степях Средней Азии. Рассказ торговца Абросимова о поездке его в Хиву (записано Михайловым), «Всемирный труд», М., 1870, № 5, стр. 1—40.
О Самарканде.
Вяткин В. Л. Гури-Эмир (Библиографическая заметка). — СКСО, вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 201—202.

[1] Протоколы и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии.

Вяткин В. Л. Еще о книжке г. Лапина. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1896, № 20.
О надписях на памятниках Самарканда.
Вяткин В. Л. Из биографии Ходжа-Ахрара. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1904, № 147.
Вяткин В. Л. Из Самарканда (О необходимости устройства библиотеки и постройки музея). — «Русский Туркестан», Ташкент, 1902, № 36.
Вяткин В. Л. Как арабы овладели Самаркандом (Легенда). — СКСО, вып. IV, Самарканд, 1896, стр. 28—30.
Вяткин В. Л. Как персидский царь Самар овладел Самаркандом (Легенда). — СКСО, вып. IV, Самарканд, 1896, стр. 37—39.
[Вяткин В. Л.] Кандия малая. Перевод В. Л. Вяткина. — СКСО, вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 233—290.
Вяткин В. Л. К вопросу о поддержании памятников древности в Самарканде. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1902, № 85.
Вяткин В. Л. К вопросу о последних христианах в Средней Азии. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1897, № 13.
Вяткин В. Л. К открытию «самаркандской обсерватории». — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1909, № 206.
Вяткин В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета. — СКСО, вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 1—83.
Вяткин В. Л. Науруз в Самарканде. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1897, № 314.
Вяткин В. Л. Об археологических раскопках в Самарканде. — «Самарканд», 1904, № 3.
Вяткин В. Л. О вакуфах Самаркандской области. — СКСО, вып. X, Самарканд, 1912, стр. 95—107 (также: «Туркестанские ведомости», 1912, № 256).
Вяткин В. Л. Отчет о раскопках на Афросиабе в 1905 году. — Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 8, СПб., 1908, стр. 22—36.
Вяткин В. Л. Отчет о раскопках обсерватории Мирзы Улуг-бека в 1908 и 1909 годах. — Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 11, серия 2, СПб., 1912, стр. 76—93.
Вяткин В. Л. Отчет о раскопках, произведенных в октябре 1904 г. в местности Намаз-гох близ г. Самарканда. — Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 7, СПб., 1907, стр. 12—20.
Вяткин В. Л. О Ходжа Ахраре. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1898, № 3.
[Вяткин В. Л.] «Самария», Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда Абу Тахир Ходжи Перевод В. Л. Вяткина. — СКСО, вып. VI, Самарканд, 1899, стр. 153—259.
Вяткин В. Л. Самарканд и его окрестности в прошлом, по описанию Султана Бабур-Мирзы (Перевод из книги Бабур-намы). — СКСО, вып. IV, Самарканд, 1896, стр. 30.
Вяткин В. Л. Самаркандские легенды. Еврейский мудрец. Чупан-ата. Дархан. Шейх Мотырид. Шах-Зинда. Самаркандский вилайет. — СКСО, вып. V, Самарканд, 1897, стр. 224—240.
Вяткин В. Л. Самаркандский вилает. — СКСО, вып. V, Самарканд, 1897, стр. 240—244.
Вяткин В. Л. Случановский. Самарканд и его прошлое. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1916, № 204.
Вяткин В. Л. Ходжа Ахрар. — «Самарканд», 1904, № 83.
Вяткин В. Л. Шахи-Зинда (Легенда). — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1897, № 30, 33.

Гаврилов Н. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г., СПб., 1911, 336 стр.
Самарканд.

Галкин М. Несколько слов о Самарканде. — «Северная почта», 1868, № 112.

Гезе Е. А. Путеводитель по Центральной Азии. — М., Издание книжного магазина Панкова, 1888, 86 стр.
Самарканд; стр. 37—43.

Гейер И. И. Весь Русский Туркестан. — Ташкент, 1908, 308+XXXII стр. (также издание 1909 г.).
Самарканд; стр. 276—295 (в издании 1909 г. стр. 276—296).

Гейер И. Путеводитель по Туркестану. — Ташкент, 1901, 255 стр.
Самарканд; стр. 156—164.

Гейер И. Туркестан. — Ташкент, 1909, 346 стр.
Самарканд, Самаркандская область.

Гетнер А. Россия. Культурно-политическая география. Перевод с немецкого под редакцией Бесчинского. — М., 1909, 267 стр.
Самаркэнд.

Глазенап С. Раскопки обсерватории Улуг-бека в Самарканде. — Известия Имп. Археологической комиссии. Прибавление к вып. 31-му, СПб., 1909, стр 33—35.

Головина Ю. Д. На Памирах. Записки русского путешественника. — М., 1902, 244 стр
Самарканд; стр. 10—23.

Город Самарканд (Из Вамбери). — «Всемирный путешественник», М., 1868, № 21, стр. 332—335 (также «Воскресный досуг», 1868, № 271 и «Русский инвалид», 1868, № 141).

Граменицкий С. М. и Ошанин В. Ф. Отчет о поездке в г. Самарканд учеников Ташкентской учительской семинарии в 1894 году. — Ташкент, б/г, 58 стр.

Гребнер А. Осада и штурмы среднеазиатских крепостей и населенных пунктов. — СПб., 1897.
Самарканд.

Григорьев В. В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан. — Журнал Министерства народного просвещения, СПб., 1881, кн. 9, 10.

Диксон Э. В столице Тамерлана. Мертвый город. У Н. С. Лыкошина. — «Туркестанский курьер», Ташкент, 1916, № 60, 61.
Самарканд

Диксон Элеонора. В столице Тамерлана, Праздник весны. — «Туркестанский курьер», 1916, № 71.

[Дмитриев-Кавказский Л. Е.]. По Средней Азии. Записки художника Л. Е. Дмитриева-Кавказского. — СПб., Издание А. Ф. Девриена, 1894, 120 стр.
Самарканд; стр. 107—112.

Дмитриев-Мамонов А. М., ред. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской. Издание 5-ое. — СПб., 1912.
Самарканд и область; стр. 234 и сл.

Дневник похода Тимура в Индию Гияс-ад-дина Али. Издание Л. А. Зимина под редакцией В. В. Бартольда. — Пгр., 1915 (Тексты по истории Средней Азии, вып. 1). Также: Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. Перевод с персидского, предисловие и примечания А. А. Семенова, М., ИВЛ, 1958, 207 стр.
Самарканд.

Долгоруков В. А. Путеводитель по всей Сибири и Среднеазиатским владениям России. — Томск, 1897, 528 стр.
Самарканд.
Достоевский М. Старина и быт Средней Азии. — М., Изд-во «Образование», 1917, 61 стр.
Памятники Самарканда.
Древние рукописи в Самарканде (Библиотека Тамерлана). — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1870, № 3.
Древности Самарканда. — Известия Имп. Археологической комиссии, Прибавление к вып. 48-му, СПб., 1913, стр. 151—152.
Дудин С. М. Орнаментика и современное состояние самаркандских мечетей. — Известия Имп. Археологической комиссии, вып. 6, СПб., 1910.
Дудин С. М. Отчет о поездке в Самарканд летом 1908 года. — Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 10, СПб., 1910, стр. 54—60.
Дудин С. М. Отчет о работах в мавзолеях Шах-Зинда в Самарканде. — Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 6, СПб., 1906, стр 26—34.
Жижемский З. Э. Ирригация долин р. Зеравшана. — Сборник материалов для статистики Самаркандской области, Самарканд, 1890, стр. 346—353.
Залеман К. Г. Замечания по поводу сообщения В. В. Бартольда «Еще о самаркандских оссуариях». — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XIII, СПб., 1901, стр. X, VIII.
Залусский В. Письмо в редакцию (О расхищении самаркандских древностей). — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1897, № 75.
Заорская В. В. и Александер К. А. Промышленные заведения Туркестанского края. Разработка данных анкеты, произведенной летом 1914 г. экономической организацией изысканий по устройству водохранилищ в верховьях реки Сыр-Дарьи. — Пгр., 1915, 182+556+ +5 стр. (Министерство земледелия. Отдел земельных улучшений. Материалы изысканий по устройству водохранилищ в верховьях реки Сыр-Дарьи, вып. 1)
Самарканд и Самаркандская область.
Записки Бабера. Перевод с джигатайского (узбекского) С. Н. Полякова.— Ежегодник Ферганской области, III, Новый Маргелан, 1904, стр. 113—176.
Самарканд; стр. 165, 175—176 и др.
Иванович С. Самаркандские древности. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1911, № 235.
Из Туркестанской экспедиции (П. П. Фетисова в Самарканд). — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1914, № 61 (также: № 59; доклад П. П. Фетисова «Памятники Тимуридов»).
Иллюстрированный путеводитель по Средне-Азиатской железной дороге. От ст. Красноводск до ст. Ташкент, Андижан, Скобелево, Кушка и Бухара. — Асхабад, Издание Средне-Азиатской железной дороги, 1912, 262 стр.
Самарканд; стр. 95—105.
Каразин Н. В. Среднеазиатские этюды. Чапанатинские высоты. «Иллюстрированная неделя», 1875, № 10.
К-в И. Вакуфы в Самаркандской области. — «Туркестанский курьер», Ташкент, 1913, № 75, 76.
По поводу брошюры В. Л. Вяткина на ту же тему.
Кирпичников Н. А. Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области. — СКСО, 1897 год, вып. V, Самарканд, 1897, стр. 110—162.

Клавихо-Рюи-Гонзалес де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде. 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под редакцией И. И. Срезневского В. Веселовским.— Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, XXVIII, № 1, СПб., 1881, 457 стр.

Коковцев П. К. Замечания по поводу сообщения В. В. Бартольда о самаркандских оссуариях. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XIII, СПб., 1901, стр. XVIII.

Кольдевин Н. Битва русских с бухарцами в 1868 г. и оборона г. Самарканда. — СПб., 1873.

Комаров А. В. Замечания по поводу доклада Н. И. Веселовского «О находке глиняных гробов в Самарканде». — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XIII, СПб., 1901, стр. IV.

Комаров П. А. К вопросу о найденных в Самарканде глиняных гробах.— ПТКЛА, год VI, Ташкент, 1901, стр. 44—45
Оссуарии.

Конопка С. Р. Туркестанский край. Сельскохозяйственный торгово-промышленный адрес-справочник и календарь. Под ред. Г. М. Цвилинга, Ташкент, 1913, VIII+264+62+70+18 стр. (прилож.). Также издания 1910 и 1912 гг.
Самарканд; стр. 124—125.

Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. — Издание Бортневского, 1871, 107 стр.
Самарканд; стр. 19—33.

Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. — Том I, СПб., 1880, 452 стр. Город Самарканд, памятники старины, промышленные заведения, стр. 437—442.

Краснов А. Самарканд. — В кн.: «Азиатская Россия». Сборник, составленный А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. — М., Изд-во Т-ва «Кушнарев», 1903, стр. 182—187.

Крестовский В. В. Самаркандские раскопки. — «Санктпетербургские ведомости», 1884, № 32, 34—37.

Кроненберг-Гершенова А. Мулла Мухаммед. — Джафар. Самаркандское сказание. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1910, № 86.

Крымский А. Е. Археологические раскопки В. Л. Вяткина в Самарканде и новооткрытая им обсерватория Улуг-бека XV в. — «Древности восточные», т. IV, М., 1913, стр. 31.

Куропаткин А. Н. Завоевание Туркестана (Поход в Ахал-Тепе в 1880—1881 гг.) — С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. — СПб., Издание Феоктиста Березовского, 1899, 224 стр.
Поход 1868 г. на Самарканд; стр. 24—34.

Лавров М. В. Туркестан. География и история края. — М., 1914, 188 стр. (Издание второе, М., 1916, 201 стр.).
Самарканд и Самаркандская область; стр. 113—133 (издание второе; стр. 117—136).

Лапин С. А. См. Перевод надписей на исторических памятниках г. Самарканда...

Лапин С. А. Шахи-Зинда и его намогильный памятник. — СКСО, вып. IV, Самарканд, 1846, стр. 39—45.

Логофет Д. Н. Путевые очерки по Средней Азии: Кагистан, Самарканд, Миянкаль и Зеравшанская долина.—«Военный сборник», СПб., 1912, № 1—4.

Логофет Д. Н. Тамерлапская библиотека. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1911, № 24.

Лыко М. Очерки военных действий 1868 года в Зарявшанской долине.— «Военный сборник», СПб., 1871, № 3, стр. 5—40, № 4, стр. 187—221 (Отд. издание, СПб., 1871, 131 стр.).

Лыкошин Н. С. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае, до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии.— ПТКЛА, год I, Ташкент, 1896, стр. 1—58.

Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения.— Пгр., 1916, 415 стр.
Самарканд.

Лянглэ Л. Жизнь Тимура. Перевод с французского Суворова.— Ташкент, 1890, 72 стр.

Маев Н. Джизак и Самарканд.— Материалы для статистики Туркестанского края, вып. II, СПб., 1873.
Самарканд; стр. 269—287.

Маев Н. Туркестанская выставка, 1890. Путеводитель по выставке и ее отделам, Ташкент, 1890, 162 стр.

Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и поступательного движения на него русских.— СПб., 1890, 376 стр.
Самарканд; стр. 262—273 и др.

Марков Е. Памятники Самарканда.— В кн.: Азиатская Россия, сборник, составленный А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым.— М., Издание т-ва «Кушнарев», 1903, стр. 187—196.

Марков Евг. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге, СПб., 1901, XIX+541 стр.
Часть V. Долина Зеравшана, стр. 183—326, Самарканд, стр. 229—316.

Марков Е. Самарканд.— В кн.: Азия. Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером и др.— М., Изд-во «Книжное дело», 1900, стр. 448—453.

Марко-Поло. Путешествие. См.: **Минаев И. П.**...

Маршрут от Самарканда через Петровск до С.-Петербурга.— СКСО, на 1895 год, вып. III, Самарканд, 1895.

Масальский В. Туркестан.— В кн.: Окраины России. Под редакцией З. П. Семенова.— СПб., 1900, 129—210 стр.
Самарканд.

Масальский В. И. Туркестанский край. Сост. В. И. Масальский.— В кн.: «Россия». Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского, т. XIX, СПб., 1913, X+861 стр.
Самарканд; стр. 665—687.

Медресе мирзы Улуг-бека. XV век. Гор. Самарканд.— Известия Имп. Археологической комиссии, вып. 26, Вопросы реставрации, вып. 1, СПб., 1908, стр. 23—24.

[Межов В. И.] Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составляемый по поручению К. П. Кауфмана В. И. Межовым. Систематический и азбучный указатель сочинений и статей на русском и иностранном языках к «Туркестанскому сборнику», т. I—III, СПб., 1878—1888, т. I (к томам сборника 1—150), 1878, 184 стр., т. II (к томам 151—300), 1884, 166 стр., т. III (к томам 300—416), 1888, 134 стр.
Указания на вошедшие в Туркестанский сборник печатные материалы по Самарканду и его округе.

Мечеть Гур-Эмир. Альбом архитектурных рисунков и чертежей.— СПб., 1905 («Самаркандские мечети», вып. 1). Текст+18 многокрасочных таблиц.

Милованов В. Астрономические познания самаркандских астрономов (По поводу раскопок обсерватории Улуг-бека). — ПТКЛА, год XVII, Ташкент, 1913, стр. 42—53.

Минаев И. П. О необходимости раскопки Афросиабова городища лицом, специально знакомым с археологией края. — Записки Имп. Русского археологического общества, Новая серия, т. I, М., 1886, стр. XXV.

Минаев И. П. Путешествие Марко-Поло. Перевод с старо-французского текста. — Известия Русского Географического Общества, т. XXXI, СПб., 1902, 355 стр.
Самарканд; стр. 68—70.

Моисеев И. Самарканд и его достопримечательности (очерк). — «Природа и люди», 1902, стр. 181, 205, 210.

Мордовцев Д. Д. В столице Тамерлана. — «Живописная Россия», М., 1901, № 1.

Музей в Самарканде. — Отчеты Имп. Археологической комиссии, СПб., 1894, стр. 167, 1896, стр. 245.

Мушкетов И. В. Нефрит и его месторождения. — «Горный журнал», 1882, № 6.
Надгробие Тимура в Гур-Эмире.

Мушкетов И. В. О нефритовом монолите на гробнице Тамерлана в Самарканде. — Труды V Всероссийского археологического съезда в Тифлисе, т. I, М., 1887, стр. XXIV—XXVI

Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г.—Т. 1, СПб., 1886 (также: изд. 2-ое, дополн., 1915).
Самарканд; стр. 363—399.

На память 25-летия взятия Самарканда. — Самарканд, 1893.

Наршехи Мухаммад. История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин под ред. В. В. Бартольда. — Ташкент, 1897, 123 стр.
Самарканд.

Находка монет В. Л. Вяткиным на Афрасиябе. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1905, № 82.

Нечаев А. В. По горной Бухаре. Путевые очерки.— СПб., 1914, 107 стр.
Самарканд; стр. 1—6.

Н. С. Последний поход Тамерлана и смерть знаменитого покорителя народов (Легенда, записанная со слов одного бухарца). — «Окраина», 1894, № 90—92.

Об археологических находках в Самарканде. — Известия Имп. Археологической комиссии, Прибавление к выпуску 10-му, СПб., 1904, стр. 59—60 (также: «Самарканд», 1904, № 29).

Оберучев К. Работа поземельно-податной комиссии в Самаркандском уезде. — «Среднеазиатский вестник», Ташкент, 1896, май, стр. 29—46.

Обзор Самаркандской области за 1884 год (Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора). — Самарканд, 1891, 30+44 стр.
(см. также аналогичные обзоры за 1890—1910 гг.).
Самарканд.

Объезд туркестанским генерал-губернатором С. М. Духовским Самаркандской и Ферганской областей в 1898 году. — Ташкент, 1898, 192 стр.

Олденбург С. Ф. [Участие его в прениях по вопросу о существовании известия об орхонских надписях в Самарканде]. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XII, СПб., 1844, стр. XXV.

О раскопках [В. Л. Вяткина] в Самарканде. — Известия Имп. Археологической комиссии, Прибавление к вып. 16-му, СПб., 1905, стр. 44—45 (также: «Закаспийское обозрение», 1905, № 100).

О. С. Самарканд во времена Тамерлана. По описанию очевидца (Клавихо). — Сборник статей по истории завоевания Средней Азии. Приложение к «Русскому вестнику», М., 1875, стр. 689—727.

Освящение музея в Самарканде. — Приложение к газете «Новое время», 1896, № 293.

Осипов М. П. О раскопках обсерватории Улуг-бека. — Известия Русского астрономического общества, вып. XV, № 3, М., 1909.

Островский В. Самарканд по запискам Султан-Бабура. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1895, № 61, 72.

Остроумов Н. В. География Туркестанского края (Родиноведение). — СПб., 1886, 66 стр. (изд. второе, СПб., 1891, 93 стр.).
Самарканд.

Остроумов Н. П. Искандер Зуль-Карнайн (Александр Македонский). Сообщение, читанное в общем собрании членов Туркестанского кружка любителей археологии. — Ташкент, 1896, 22 стр.

Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. Вып. 1. Общий очерк. — Ташкент, 1890, 137 стр. (изд. второе — 1896, изд. третье— 1908).
Самарканд; стр. 202—205 и др.

От Парижа до пределов Индии. Составлено по гр. Шолле, Эдг. Буланжье, Бонвалаго и др.— М., 1840, 404 стр.
Самарканд; стр. 218—264.

Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. — Т. I— XVIII, СПб., 1910—1911.
В различных томах и разделах отчетов содержатся данные по Самарканду и Самаркандской области.

Павловский Е. Н. Очерки Самаркандской области. — В кн.: «Азиатская Россия», М., 1908, стр. 1130—1159.

Павловский Е. Н. Очерки Самаркандской области. — «Исторический вестник», СПб., 1911, № 12, стр. 1118—1143.
Данные по Самарканду.

Павчинский Эр. Самаркандские трущобы. — «Закаспийское обозрение», Асхабад, 1900, № 126.

Памятник Улуг-Беку. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1911, № 231.

Памятник ученому. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1914, № 6 (Прибавление).
Об ассигновании средств на памятник Улугбеку.

Панкратьев Г. А. Исторические памятники Самарканда. — Самарканд, 1910, 21 стр.

П-в И. Самарканд и его население. — «Кавказ», 24 сентября 1888 г., № 311.

Пахомова Е. И. Амбулаторные лечебницы для туземных женщин и детей в Самаркандской области.— СКСО, вып. III, Самарканд, 1895, стр. 55—69.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. LXXXIII, Самаркандская область, СПб., 1905.

Перевод надписей на исторических памятниках Самарканда. Перевод С. А. Лапина.—Самарканд, 1896, 22 стр. (СКСО, вып. IV, стр. 1—21).

Петров И. П. О вакуфах в Самаркандской области. — «Юридический вестник», 1891, № 2, стр. 264—274.

Письмо (в Самарканд) председательницы Императорского Московского археологического общества [гр. П. С. Уваровой]. — СКСО, вып. VI, Самарканд, 1899, стр. 36—38.

План города Самарканда по съемке 1897—1899 гг., Самарканд, Издание Самаркандского областного статистического комитета, 1901, 61×88 см.

План города Самарканда с окрестностями. Приложение к кн.: Н. В. Ханыков. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.

Поддельные древности из Самарканда. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1906, № 101 (также: 1904, № 79).

Покровский М. Н. В поисках внешнего рынка. 1. Средняя Азия.—«История России в XIX веке», т. IX, изд. бр. Гранат, стр. 181—204.
Самарканд.

Покровский Н. В. Археологическая поездка в Самарканд. — «Русский вестник», СПб., 1888, № 3.

Послwoвский И. Т. О глиняных сосудах с коническим дном. — ПТКЛА, год X, Ташкент, 1905, стр. 5—18.
Находки в Самарканде.

Поспелов Ф. Материалы к истории Самаркандской области. — СКСО, вып. X, Самарканд, 1912, стр. 108—131.

Предание о библиотеке Тамерлана. — Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III, СПб., 1874, стр. 405—406.

Программа для составления «Истории 25-летия... города Самарканда (1868—1893 гг.)», б/м, б/г, 4 стр. Составитель М. М. Вирский (?). По сведениям, сообщенным проф. М. Е. Массоном, рукопись работы по данной программе была подготовлена к печати, но впоследствии оказалась утраченной.

Прохорыч [Д. Л. Иванов]. Самарканд. Журнал «Беседа», 1872, кн. VI, VIII, IX.

Путеводитель по Туркестану и Средне-Азиатской железной дороге с историческим очерком сооружения и эксплоатации Закаспийской военной железной дороги и очерком сооружения Оренбург-Ташкентской железной дороги. Под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова.— СПб., 1903, XI+454 стр. (также издания других лет, изд. 7-ое, 1914, VIII+452 стр.).
Самарканд.

Радлов В. В. Евреи в Самарканде. Из отчета о поездке в Зеравшанский край. — Известия Русского Географического Общества, т. V, № 6, СПб., 1869, стр. 253—255.

Радлов В. В. Остатки старинного зодчества (медресе, мечети и могильные памятники) в Самарканде. — Записки Русского Географического Общества по отд. этнографии, т. VI, отд. I, СПб., 1880, стр. 23—35.

Радлов В. В. Средняя Зеравшанская долина. — Записки Русского Географического Общества по отделу этнографии, т. VI, отд. I, СПб., 1880, стр. 1—92.

Раскопки В. В. Бартольда на городище Афросияб в Самарканде. — Известия Имп. Археологической комиссии, Приложение к выпуску 14-му, СПб., 1905, стр. 35—36 (также: «Новости», 1904, № 230; «Русь», 1904, № 266).

Раскопки на Афросиабе в Самарканде под руководством подполковника В. В. Крестовского. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1883, № 42.

Реклю Элизе. Земля и люди. Всеобщая география, т. VI, Азиатская Россия. Перевод под ред. С. П. Зыкова. — СПб., Изд-во «Общественная польза», 1898.
Самарканд: история, промышленность; стр. 482—490.

Реклю Элизе. Россия европейская и азиатская. С дополнениями и исправлениями, т. II, Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства.— СПб., 1884, 11+700+VIII стр.
Самарканд

Реклю Элизе. Человек и земля, т. IV. Новая история. Перевод с французского П. Ю. Шмидта. — СПб., Изд-во «Брокгауз-Ефрон», 1907. Самарканд; стр. 209—212.

Розен В. Р. По поводу предположения Блоше о древне-орхонских надписях в Самарканде. — Записки Восточного отделения Русского Археологического Общества, т. XII, СПб., стр. XXIV.

Розен В. Р. Сообщение: «Возможное указание на существование древнетюркских надписей в Самарканде». — Записки Восточного отделения Русского Археологического Общества, т. XII, СПб., 1899, стр. XXIV.

Ростиславов М. Н. Об археологических раскопках в Зеравшанском округе.— ПТКЛА, год III, 1897—1898, стр. 144—149.

Ростиславов М. Н. Предание о царице Биби-Ханым. ПТКЛА, год III, Ташкент, 1897—1898, стр. 140—144.

Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки, вып. III, Под редакцией В. Н. Троцкого, СПб., 1872.
Документальные материалы о взятии царскими войсками Самарканда (донесения Кауфмана и других генералов).

Рябинин А. Об истинных размерах нефрита на могиле Тамерлана. — В кн.: Памяти И. В. Мушкетова. Сборник статей. — СПб., 1905, стр 65—73.

Самария. Сочинение Абу-Тахир-Ходжи. Таджицкий текст, приготовленный к печати Н. И. Веселовским.— Издание факультета восточных языков С.-Петербургского университета, № 21, СПб., 1904, XII+81 стр.

Самарканд. — Большая энциклопедия издательства «Просвещение», т. XVII, СПб., стр. 17.

Самарканд. Справочный энциклопедический словарь под редакцией А. Стечевского, т. IX, ч. II, СПб., 1855, стр. 291—292.

Самарканд. Хранящийся в Азиатском музее снимок с арабской надписи на гробнице Тимура. — Записки Академии наук, т. XXXVIII, СПб., 1881, стр. 86.

Самарканд. — Энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. XXVIII, СПб., 1900, стр. 181—183.

Самарканд. — Энциклопедия военных и морских наук, СПб., 1883.

Самаркандская область. Работы 1895 г. ученой экспедиции в г. Самарканде под руководством Н. И. Веселовского; изучение мечетей Гур-Эмира и Биби-Ханым; раскопки на Афросиабе — Отчет Имп. Археологической комиссии за 1895 год.— СПб., 1897, стр. 48—49.

Самаркандская область. Статистический комитет. Адрес-календарь Самаркандской области на 1898 г. Вып. VI. Составил и. д. секретаря Стат. комитета М. Вирский. — Самарканд, XIII+148 стр.
Адрес-календарь выпускался в 1894 и 1895 гг. совместно со «Справочной книжкой Самаркандской области», в 1896—1898 гг. — отдельно и в 1898—1914 гг. — вместе со «Справочником Самаркандской области».

Самаркандские мечети. — Известия Имп. Археологической комиссии, вып. 28, Вопросы реставрации, вып. 2, СПб., 1908, стр. 2—6.

Сборник материалов для статистики Самаркандской области за 1887—88 годы. Вып. 1. Под редакцией М. М. Вирского. — Самарканд, изд. Самаркандского областного статистического комитета, 1890, 144 стр.
Самарканд.

Семенов П. П. Туркестан и Закаспийский край в 1888 г.—Известия Русского Географического Общества, т. XXIV, вып. 5, СПб., 1888.

Сенкульский Я. Н. Путеводитель по Самарканду с описанием древних памятников, 2-ое издание книжного магазина «Знание», Борисов, 1916, 53 стр. (первое издание: Самарканд, 1908).

Сиверс Вильгельм. Азия. — Перевод Г. Генкеля под редакцией А. Краснова. — СПб., Изд-во «Просвещение», 1909.
Самарканд; стр. 272—274 и др.

Сикора И. И. О памятнике Улуг-Беку.— Известия Туркест. Отд. Русского Географического Общества, т. IX, Ташкент, 1913, стр. 78—83.

Симаков Н. Е. Искусство Средней Азии. Сборник орнаментов и узоров, снятых с натуры на памятниках гончарных, ткацких, ювелирных и пр. в 1879 г. — СПб., 1883, 6 стр. текста и 50 таблиц в красках.
Таблицы (листы) по Самарканду (внешний и внутренний вид мавзолея Гур-Эмир и др.), выполненные литографским способом с четырех камней по оригиналам Николая Евстафьевича Симакова. Альбом Н. Е. Симакова получил высокую оценку В. В. Стасова: «Вестник изящных искусств», 1883, № 4 (Приложение).

Симонова (Хохрякова) Л. Гадание и лечение в Самарканде.— СКСО, вып. II, Самарканд, 1894, стр. 90—122.

Слуцкий И. М. Очерк хлопководства в Самаркандской области.— СКСО, вып. V, Самарканд, 1897, стр. 1—49.

Слученовский. Самарканд и его прошлое. — Самарканд, Изд. книжного магазина «Знание», 1911, 48 стр. (также: Самарканд, 1916, 48 стр.).

Снаряжение особой экспедиции под начальством А. А. Бобринского по исследованию древних памятников зодчества в Самарканде. — «Археологические известия и заметки», т. III, М., 1895, стр. 331.

Соколов В. Москва — Самарканд. — «Русская мысль», М., 1894, № 10, стр. 154—171; № 12, стр. 159—186.

С. О. Самарканд во время Тамерлана. — В кн.: Сборник статей по истории Средней Азии. — М., 1875, стр. 1—16 (Приложение к «Русскому вестнику»).

Сооружение памятника мирзе Улуг-Беку. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1911, № 258.

Сосуд глиняный с изображением людей и животных, покрытый синей поливой из городища Афрасиаба. — Труды VII Всероссийского археологического съезда, т. II, табл. VII, № 105, стр. 322.

Справочная книжка Самаркандской области на 1893 год. Под редакцией М. М. Вирского. — Самарканд, Издание Самаркандского областного статистического комитета. То же на 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1902, 1906, 1907, 1912 годы.
Самарканд и Самаркандская область.

Спутник «Туркестан — Персия». Под редакцией инженера путей сообщения Б. И. Плеханова. — М., 1916, 244+186 стр.
Самаркандская область; стр. 70—79.

Стремоухов Н. В Средней Азии (Из записок русского путешественника).— «Нива», 1879, № 23—25, стр. 442—443, 462—463.
Самарканд, Ташкент и другие города.

Ступаков И. Е. Адрес-справочник Туркестанского края. — Ташкент, Издание Сыр-Дарьинского областного статистического комитета, 1910, 50+208 стр.
Самарканд.

Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами, т. I—III, СПб., 1906; т. I, XX+510 стр.; т. II, XII+547 стр.; т. III, XII+406 стр.
Ряд данных по Самарканду и его округе.

Терентьев М. А. Карты и планы к истории завоевания Средней Азии.— СПб., 1906.
№ 9, 10, 11 (Самарканд и округа).
Терентьев М. А. От Ташкента до Самарканда. — «Русский инвалид», 1868, № 103.
Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынки. — СПб., 1876, VIII+264 стр.
Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии, СПб., 1875, 361 стр. Самарканд (стр. 27—31, 35—36, 40—41, 51—52, 63).
Типы народностей Средней Азии. — Альбом фотографий, составленный по приказанию туркестанского генерал-губернатора фон-Кауфмана 1-го для Комитета по участию Туркестанского крач на III Международном конгрессе ориенталистов в СПб. — Ташкент, 1876, 168 фотографий на 84 листах.
Туманский А. Г. Из далекого прошлого Самарканда. На память 25-летия взятия Самарканда. Самарканд, 1893 (Приложение к газете «Окраина»).
Туркестанская справочная книга с календарем на 1885 год. Под редакцией В. А. Соколова. Год 1. — Ташкент, 1884, 160 стр.
Самарканд.
Туркестанский коммерческий адрес-календарь 1898 г. Сост. М. Вирский — Самарканд, Издание Самаркандского областного статистического комитета, 1898, 68 стр.
Сведения о торгово-промышленных фирмах Самарканда и Самаркандской области.
Уварова П. С. Губернские и областные музеи. — СПб., 1888.
Самаркандский музей.
Уварова П. С. Поездка в Ташкент и Самарканд. — «Русская мысль», 1891, кн. XI, стр. 6—26; кн. XII, стр. 1—25.
Уварова П. С. Покрытие главы мечети Биби-Ханым в Самарканде. — Материалы по археологии Кавказа, вып. IV, М., 1894, стр. 49.
Умирающий Тамерлан. — «Средняя Азия», Сборник научно-литературных статей по Средней Азии, Ташкент, 1896.
Усов П. С. Зеравшанский край и Самарканд. — В кн.: Живописная Россия. Под общей ред. П. П. Семенова, т. X, Средняя Азия, СПб., 1885, 448 стр.
[**Фаддеева** коллекция древностей из Афросиаба].— «Древности», т. XV. вып. I, М., 1894, стр. 105 (Протоколы).
Федченко А. П. Отчет о Туркестанской ученой экспедиции Общества с 16 апреля 1869 по 15 апреля 1870 г. — Известия Общества любителей естествознания, этнографии и антропологии, т. VIII, вып. 1, М., 1871.
Гл. II. Пребывание в Самарканде.
Федченко А. П. Топографический очерк Заравшанской долины и заметки о соседних бекствах и памятниках Самарканда. — Известия Общества любителей естествознания, этнографии и антропологии, т. VIII, вып. I, М., 1871.
Фетисов П. Поддержка для корана мечети Биби-Ханым в Самарканде.— «Зодчий», М., 1914, № 10.
Филимонов А. И. Землетрясение 8 октября 1907 г. в г Самарканде.— СКСО, вып. X, Самарканд, 1912, стр. 197—210.
Черкасов. Защита Самарканда в 1868 году. — «Военный сборник», СПб., 1870, № 5, стр. 33—58.
Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. — СПб., 1843, 279 стр. Самарканд; стр. 89—105.

Ханыков Н. В. Самарканд. Рассказ очевидца.— «Русский инвалид», 1868, № 161.

Хорошхин А. П. Народы Средней Азии. — Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. III, СПб., 1874, стр. 303—305, 314—324. Руины Афрасиаба и предание о его сокровищах, арабы в Самарканде.

Хорошхин А. Самарканд (Листки из памятной книжки). — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1872, № 8, 11—13, 44—47; 1873, № 11.

Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края.— СПб., 1876, 532 стр.
Самарканд; стр. 184—237.

Художественные произведения В. В. Верещагина. Хронологический перечень произведений. — В кн.: Ф. И. Булгаков. В. В. Верещагин, СПб., 1905, стр. 137—191.
Самарканд.

Художественный памятник Средней Азии (мавзолей Гур-Эмир). — Известия Имп. Археологической комиссии, Прибавление к выпуску 39-му, СПб., 1911, стр. 137—138 (также: «Новое время», 1910, № 12442).

Шкапский Орест. Два документа к истории событий в Средней Азии в 1868 г. — «Средняя Азия», Ташкент, 1896, стр. 168—172.
Прокламация Кауфмана к жителям Самарканда 22 апреля 1868 г. из Джизака, прокламация А. К. Абрамова 6 октября 1868 г.

Шкапский О. Как Самарканд стал русским городом. — «Русский Туркестан», сборник 1, М., 1899, стр. 8—27.

Шкапский О. А. Пояснительный текст к серии «Туркестан (Средняя Азия»). Под редакцией Д. Н. Анучина. — СПб, Изд-во «Свет», 1909, 99 стр.
Самарканд.

Щербина-Крамаренко Н. О результатах работ по исследованию архитектурных памятников Средней Азии. — ПТКЛА, год II, Ташкент, 1897, стр. 1—3 (также «Археологические известия и заметки», М., т. V, 1847, стр. 409—410 и стр. 91—92).

Щербина-Крамаренко Н. По мусульманским святыням Средней Азии (Путевые заметки и впечатления). — СКСО на 1896 г., вып. IV, Самарканд, 1896, стр. 45—60.

Щербина-Крамаренко Н. По развалинам Средней Азии. — Журн. «Зодчий», 1896, вып. V (май), стр. 33—39, вып. VI (июнь), стр. 42—47.

Щербина-Крамаренко Н. Самаркандские памятники после землетрясения 5 сентября 1897 года. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1897, № 68.

Эварницкий Д. И. Археологические исследования в Туркестанском крае.— «Археологические известия и заметки», т. 1, М., 1893, стр. 29 (также: «Московские ведомости», 1892, № 274).

Эварницкий Д. И. К вопросу об учреждении в Самарканде музея. — «Окраина», Самарканд, 1893, № 86.

Эварницкий Д. И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях. — Ташкент, 1893.
Самарканд; стр. 62—112.

Эварницкий Д. И. О коллекции древних вещей из Афрасиаба и других мест Средней Азии. — «Археологические известия и заметки», III, М., 1895, стр. 19—20.

Эспе. Самаркандская обсерватория. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1909, № 252.

Яворский И. А. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству 1878—1879 гг., т. I, II, СПб., 1882.
Самарканд; стр. 14—25, 382—383.

Якубовский Ю. О. Открытие музея при Самаркандском областном статистическом комитете. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1896, № 3.
Якубовский Ю. О. Памяти Л. С. Барщевского [коллекционера древностей Самарканда]. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1910, № 61.
Якубовский Ю. О. Переплетное ремесло туземцев Самарканда. — СКСО на 1896 год, вып. IV, Самарканд, 1896, стр. 61—64.
Якубовский Ю. О. Самаркандские наброски (о памятниках старины). — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1905, № 134 (поправка в № 138).

Советская литература

Абдуллаев Ш. Ш. От неравенства к расцвету (Борьба Коммунистической партии за ликвидацию фактического неравенства народов Узбекистана). — Ташкент, Госиздат УзССР, 1964, 336 стр.
Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (со второй половины XIX столетия до первой мировой войны). Под редакцией М. Ю. Юлдашева. — Ташкент, Госиздат УзССР, 1959, 298 стр.
Аминов А. М. и Бабаходжаев А. Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1966, 208 стр.
Зияев Х. З. Средняя Азия и Сибирь в XVI—XIX вв. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, 342 стр. (на узб. яз.).
Из истории распространения марксистско-ленинских идей в Узбекистане. Сборник материалов. Под редакцией акад. И. М. Муминова. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, 263 стр.
История Узбекистана. Ч. I, С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Указатель советской литературы 1917—1952 гг. Составители: М. П. Авшарова, А. И. Алашникова, С. И. Кейзер. — Ташкент, 1967, 166 стр. (Гос. библиотека УзССР им. А. Навои).
История Узбекской ССР. Том первый. С древнейших времен до середины XIX века — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1967, 770 стр.
История Узбекской ССР. Том второй. От присоединения узбекских ханств к России до Великой Октябрьской социалистической революции. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1968, 640 стр.
Лунин Б. В. В. И. Ленин и народы Средней Азии. — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1967, 248 стр.
Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане. Под редакцией академика АН УзССР И. М. Муминова. — Ташкент, 1957, 348 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Отдел философии и права).
Муминов Ибрагим. Выдающиеся мыслители Средней Азии. — М., Изд-во «Знание», 1966, 47 стр.
Муминов И. М. Идея дружбы народов в произведениях передовых мыслителей Узбекистана второй половины XIX и начала XX в. — В кн.: XXX лет Узбекского государственного университета им. Алишера Навои. 1927—1957, Труды УзГУ, Новая серия, вып. 76, Самарканд, 1957, стр. 31—43 (также в кн.: Первая конференция востоковедов..., стр. 47—50).
Муминов И. М. Из истории общественной и философской мысли Узбекистана конца XIX и начала XX века. Самарканд, 1949. 77 стр. (отд. оттиск из Трудов УзГУ, Новая серия, № 40).

Муминов Ибрагим. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX и начала XX веков. — Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, 218 стр.

Муминов Ибрагим. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX и начала XX вв. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, 291 стр. (на узб. яз.).

Муминов Ибрагим. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии.— Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1968, 45 стр.
Данные по Самарканду.

Пясковский А. В. Революция 1905—1907 годов в Узбекистане. — Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, 254 стр.

Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. — М., Изд-во АН СССР, 1948, 352 стр.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Отв. редактор Ю. А. Рапопорт. — М., Изд-во восточной литературы, 1962, 324 стр.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1948, 327 стр. (Научно-популярная серия).

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857—1868). Отв. редактор А. В. Пясковский. — М., Изд-во восточной литературы, 1960, 272 стр.

Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). — М., Изд-во «Наука», Гл. редакция восточной литературы, 1965, 468 стр.

* *
*

Абдуллаев В. А. Абдурахман Джами в Самарканде. — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1965, № 3, стр. 22—26.

Абдуллаев В. А. Алишер Навои в Самарканде.— Ташкент, Объединенное издательство..., 1967, 35 стр. (серия «Знание», № 25), на узб. яз.

Абдуллаев В. Жизнь и творчество Алишера Навои в Самарканде. Самарканд, 1941, 162 стр. машинописного текста. Рукопись диссертации, защищенной 31 мая 1941 г. в Узбекском государственном университете им. А. Навои.

Абдурахимова М. Положение трудящихся масс дехканства Туркестана во второй половине XIX века (по материалам Самаркандской области). — Автореферат диссертации..., Ташкент, 1955, 14 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).

Абрамов М. М. Из истории производства самаркандской бумаги. «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1968, № 12, стр. 30—32.

Абрамов М. М. Из истории Самарканда начала XVIII века. — Материалы третьей объединенной научной конференции ученых города Самарканда, Самарканд, 1961, стр. 102—104.

Абрамов М. М. Из истории Самарканда начала XVIII века. — Труды СамГУ, Новая серия, вып. 140, Материалы по истории Узбекистана, Самарканд, 1964, стр. 8—22.

Абрамов М. М. Из истории Самарканда 30—40-х годов XVIII века. — Труды СамГУ, вып. 136, Самарканд, 1964, стр. 29—30.

Абрамов М. М. Из политической истории Самарканда второй четверти XVIII века. — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1967, № 3, стр. 36—39.

Авторы XV века о самаркандских событиях 1365 года. — Труды Гос. публичной библиотеки УзССР, т. I, Ташкент, 1935, стр. 32—46.
Шарафутдин Йезди, Абдуразак ас-Самарканди, Мирхванд, Хвандемир, Мусеви.

Авшарова М. П. Русская периодическая печать в Туркестане (1870—1917). Библиографический указатель литературы. Под ред. М. С. Виридарского. — Ташкент, Госиздат УзССР, 1960, 198 стр. Газеты, издававшиеся в Самарканде.

Адалис А. Самарканд. — «Наша страна», М., 1939, № 3, стр. 30—34.

Акрамов С. А. Великий узбекский ученый Улугбек. — Ташкент, 1961, 43 стр., на узб. яз. («Знание»).

Акрамов С. А. Из истории революционной борьбы большевиков Самаркандской области в годы первой русской революции. — Тезисы докладов и сообщений на научной сессии профессорско-преподавательского состава Узбекского государственного университета им. А. Навои в апреле 1956 г., Самарканд, 1956, стр. 62—63.

Акрамов С. А. К истории революционных выступлений трудящихся дехкан Самаркандской области в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). — Труды УзГУ, Новая серия, вып. 83, Исторический факультет, Самарканд, 1958, стр. 229—257.

Акрамов С. Пламенный борец за создание большевистской печати в Туркестане. — «Коммунист Узбекистана», Ташкент, 1960, № 5, стр. 94—95.
М. В. Морозов.

Акрамов С. А. Пропагандистская и издательская деятельность самаркандской социал-демократической организации в годы первой русской революции 1905—1907 гг. — Труды УзГУ, Новая серия, вып. 80, Кафедра политической экономии, Самарканд, 1957, стр. 95—126.

Акрамов С. А. Революционная деятельность М. В. Морозова. — Труды СамГУ, Новая серия, вып. 140, Материалы по истории Узбекистана, Самарканд, 1964, стр. 43—78.

Акрамов С. А. Революционная деятельность социал-демократической организации Самаркандской области в годы первой русской революции (1905—1907 гг.), — Автореферат диссертации..., Самарканд, 1955, 26 стр. (Узбекский государственный университет им. А. Навои).

Акрамов С. А. Самарканд в дни первой русской революции. — К истории вопроса. — Труды СамГУ, Новая серия, вып. 101, История, Материалы по истории Узбекистана, часть вторая, Самарканд, 1960, стр. 23—44.

Акрамов С. А. Самарканд в период столыпинской реакции (1908—1910 гг.). — Труды СамГУ, вып. 136, Самарканд, 1964, стр. 30—31.

Алескеров Ю. Н. Легенды о Самарканде.—А. М. Горький и Узбекистан.— «Узбекистан», Ташкент, 1964, № 11, стр. 7.

Алескеров Ю. Н. Обсерватория Улугбека. — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1965, 28 стр. (на узб и русск. языках).

Алескеров Ю. Н. Обсерватория Улугбека. Издание второе. — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1968, 24 стр (на узб. и русск языках).

Алескеров Ю. Н. По памятным местам Самарканда (Путеводитель). — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1965, стр. 72.

Алескеров Ю. Н. Самарканд. Спутник туриста. — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1965, 36 стр.

Алескеров Ю. Н. Самарканд. Страницы истории. — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1967, 224 стр.
Научно-популярный очерк истории Самарканда с древнейших времен до Октябрьской революции.

Аликулов З. Распространение марксистско-ленинской литературы в Самаркандской области в период первой русской революции 1905—1907 гг. — Труды студенческого научного общества СамГУ, вып. IV, Самарканд, 1963, стр. 3—6.

Альбаум Л. И. О гончарном производстве на Афрасиабе в X—XI вв. — В кн.: Афрасиаб, Вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 256—267.

Альбаум Л. И. Панель Гуримира. Труды САГУ, Новая серия, вып. 49, Гуманитарные науки, кн. 6, Археология Средней Азии, Ташкент, 1953, стр. 131—141.

Аминджанова М. Два сосуда из египетского стекла в собрании Самаркандского музея. Научные сообщения и работы, кн. 2, Ташкент, 1961, стр. 280—283 (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).

Аминджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда. — «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 87—100.

Аминов М. У. К вопросу о характере самаркандского восстания 1868 года.— Тезисы докладов и сообщений на научной сессии профессорско-преподавательского состава Узбекского государственного университета им. А. Навои в апреле 1956 г., Самарканд, 1956, стр. 47—49.

Амиркулов Д. Археологическое изучение городища Афрасиаб в Самарканде. — Труды студенческой научной конференции университетов Средней Азии и Казахстана. — Самарканд, 1960, стр. 41—44 (Узбекский гос. университет им. А. Навои. Сборник студенческих работ).

Амитин-Шапиро З. Л. Верования и обряды среднеазиатских евреев, связанные с материнством и ранним детством. — «Советская этнография», М., 1934, № 3—4, стр. 135—165.
По материалам Самарканда.

Амитин-Шапиро З. Л. Очерк правового быта среднеазиатских евреев. — Ташкент, УзГИЗ, 1931, 103 стр.
Данные по Самарканду.

Амонова М. Палеолитические памятники Самаркандской области. — Сборник студенческих работ УзГУ, Новая серия, вып. 2, Самарканд, 1959, стр. 5—9.

Андреев М. С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году. — Известия Туркестанского отдела Русского Географического Общества, т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 121—140.

Апухтин О. Керамика Афрасиаба. — «Декоративное искусство СССР», М., 1964, № 8, стр. 35.

Арефьев А. Самаркандский жилой дом. — М., 1940 (Машинописный экземпляр диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, защищенной в Московском архитектурном институте).

Арефьев А. Старый жилой дом в Самарканде. — «Архитектура СССР», М., 1940, № 12.

Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919—1956 гг. Указатель. — М., Изд-во АН СССР, 1962, 264 стр.
Самарканд; стр. 11, 16, 90 и др.

Афрасиаб. Вып. 1. Отв. редактор акад. АН УзССР Я. Г. Гулямов. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969, 330 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии. Афрасиабская комплексная археологическая экспедиция).

Афрасиаб (Книжный буклет). — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1966, 4 стр. (на узб., русск. и англ. языках).

Ахмедов Б. А. Улугбек. Отв. редактор Т. Н. Кары-Ниязов. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1965, 38 стр. (на узб. яз.).

Ахмедов Б. А. Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра XV в. — В кн.: Из истории эпохи Улугбека, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1965, стр. 5—66.

Ахраров И. Зороастрийский памятник. — «Фан ва турмуш», Ташкент, 1966, № 10, стр. 29—30 (на узб. яз.).
Раскопки на городище Афрасиаб в Самарканде.

Ахраров И. К истории керамического производства на городище Афрасиаб. — В кн.: Афрасиаб, Вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 301—311.

Бабаханова С. Торговля в Самарканде на рубеже XIX—XX веков. — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1969, № 5, стр. 41—42.

Баженов Л. В. Народы Средней Азии в древнейший период (IV—II вв. до нашей эры). — «Исторический журнал», М., 1938, № 6, стр. 57—71.

Баженов Л. В. Средняя Азия в древний период (между IV—II веками до нашей эры). — Ташкент, Госиздат УзССР, 1937, 80 стр.

Балашова Г. Н. К вопросу о неполивной керамике Средней Азии IX—X веков (крышки со штампованным орнаментом с городища Афрасиаб). — Труды Гос. Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока, т. V, Л., 1961, стр. 202—215.

Бартольд В. В. Археологические работы в Самарканде летом 1924 г. — Известия Государственной академии истории материальной культуры, IV, Л., 1925, стр. 119—132. (также в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 269—279).

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. — Л., Академия наук СССР. 1927, 256 стр. (также: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 169—433).

Бартольд В. В. История Туркестана (Конспект лекций по истории Туркестана с древнейших времен до завоевания края русскими). — Ташкент, Туркгосиздат, 1922, 50 стр. (Труды Туркестанского гос. университета, вып. 2). Также: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 109—168.
Самарканд; стр. 10, 12, 44, 47 и др.

Бартольд В. В. Мир-Али-Шир и политическая жизнь — В кн.: Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения, Л., 1928, стр. 100—164 (также: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2, М., стр. 199—262).
Самарканд; стр. 100—163.

Бартольд В. В. Монеты Улугбека. — Известия Российской Академии истории материальной культуры, II, Пгр., 1922, стр. 190—192 (также в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 362—366).

Бартольд В. В. Новые данные о самаркандских памятниках. — Записки Восточного отделения Русского Археологического Общества, т. XXV, Пгр., 1921, стр. 83—88 (также в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 238—242).

Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан (в 1920 г.,) Известия Российской Академии истории материальной культуры, II Пгр., 1922, стр. 1—22 (также в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 243—261).

Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. Август—декабрь 1920 г. Известия Рос. Академии наук, 6 серия, т. XV, № 1—18, Пгр., 1921, стр. 188—219.

Бартольд В. В. Улугбек и его время. — Пгр., 1918, 160+24 стр.
(Записки Российской Академии наук. Историко-философское отделе-

ние, т. XIII, № 5). Также в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1964, стр. 25—196.

Бачинский Н. М. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. Отв. редактор А. П. Смирнов. — М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, 48 стр.

Беленицкий А. М. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV вв. (во владениях Тимура). — Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 185—201.

Беленицкий А. М. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв. — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, VI, М., 1940, стр. 43—47.

Бетгер Е. К. Роспись статьям и заметкам по истории и археологии Средней Азии, помещенным в газете «Туркестанские ведомости» за время ее существования (28 апреля 1870—15 декабря 1917). — Издание Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, Ташкент, 1927, стр. 481—531 (Отд. оттиск из кн.: В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели). Самарканд: история, древности, изучение, реставрация, раскопки и пр.

Бетгер Е. К. Список трудов Василия Лаврентьевича Вяткина (Род. в августе 1859 г.; скончался 16 июня 1932 г.). — Труды Ташкентского гос. университета им. В. И. Ленина, Новая серия, вып. 172. Исторические науки, кн. 37, Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, стр. 124—127.
Указаны также неопубликованные рукописи В. Л. Вяткина, в том числе по истории Самарканда.

Бетгер Е. К. Туркестанская старина. Тематический сборник из книг, газет и журналов, т. II, Самарканд, 1944, 261 стр. машинописи (Рукопись в научном архиве Музея культуры узбекского народа в г. Самарканде; инв. № 501).

Боброва А. С. Бусы из Афрасиаба. Следы производства глазчатых стеклянных бус в Средней Азии. — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, XXX, М., 1949, стр. 121—123.

Богданова-Березовская И. В. и Наумов Д. В. Результаты анализа монет (городища Пенджикент, Афрасиаб, Мунчак-Чепе). Приложение 3 к кн: О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. — М., ИВЛ, 1963, стр. 168—171.

Большаков О. Г. Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX—X вв. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, 61, М., 1956, стр. 17—23.

Большаков О. Г. Надгробие 541/1146 г. из Самарканда. — «Эпиграфика Востока», XIV, М.—Л., 1961, стр. 9—11.

Бородина И. Ф. Интерьер зданий Самарканда времени Улугбека. «Советская археология», М., 1962, № 2, стр. 185—200.

Бородина И. Ф. Интерьер памятников архитектуры Самарканда рубежа XIV—XV вв. — Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР, Душанбе, 1958, № 2 (17), стр. 11—30.

Булатова В. А. К истории сложения ансамбля Шах-и-Зинда в XV в. — В кн.: Из истории эпохи Улугбека, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1965, стр. 256—273.

Булатова В. А. Медресе Улугбека в Самарканде (Стратиграфия культурных наслоений у южного фасада). «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1969, № 3, стр. 45—48.

Булычев К. Самарканд, Бухара. Приглашение к путешествию. — «Советский Союз», М., 1966, № 2, стр. 28—31.

Бурнашева Ф. А. Глазурная полива керамической посуды Афрасиаба X—XII вв. — «История материальной культуры Узбекистана», вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 137—143.

Бурнашева Ф. А. Опыт технологического исследования глазурей керамической мозаики XV в. из медресе Улугбека. — Научные работы и сообщения, кн. 3, Ташкент, 1961, стр. 265—272 (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).

Буряков Ю. Ф. Научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1969, № 4, стр. 55—56.

Бутов П. И. К вопросу о водоснабжении г. Самарканда.—М.—Л., САОГИЗ, 1932, 64 стр.

Быков В. и Яралов Ю. Ансамбли Самарканда. Ходжа Абди Дарун и Ходжа-Данияр. — «Архитектура СССР», М., 1944, № 6, стр. 34—38.

Вархотова Д. и Шишкина Г. Афрасиаб. Мировое открытие советских археологов. — «Вокруг света», М., 1966, № 1, стр. 3—5.

Памятники древней живописи.

Веймарн Б. В. Искусство Средней Азии. — М. — Л., «Искусство», 1940, 192 стр.

Самарканд.

Веймарн Б. Регистан в Самарканде. — М., Академия архитектуры СССР, 1947, 100 стр. (Сокровища зодчества народов СССР. Под ред. акад. В. А. Веснина).

Рец.: Аронович Д. М. «Советская книга», М., 1948, № 12, стр. 104; Лунин Б. В. «Правда Востока», 12 октября 1949 г.; Северов Б. «Звезда Востока», Ташкент, 1949, № 1, стр. 112—115.

Веселовский Н. И. Греческие изображения на туркестанских оссуариях. — Известия Археологической комиссии, вып. 63, Пгр., 1917 (1918), стр. 59—68.

Виноградов А. Н. Мавзолей восьмигранник в ансамбле Шах-и-Зинда в Самарканде. — В кн.: Материалы по истории и теории архитектуры, вып. 1, М., 1950, стр. 14—24.

В Институте истории и археологии Академии наук УзССР. — Бюллетень Академии наук УзССР, Ташкент, 1946, № 5, стр. 28.

Об организации постоянной археологической базы в г. Самарканде.

Виткович В. Путешествие по Советскому Узбекистану. — М., «Молодая гвардия», 1953, 309 стр.

Самарканд; стр. 165—188.

Волин С. Л. Старейшее письменное известие о Шах-и-Зинде. — Известия Академии наук УзССР, Ташкент, 1940, № 11, стр. 69—70.

Восстание 1916 года в Средней Азии. Сборник документов. Подготовили к печати Ф. Божко и С. Волин. Под редакцией П Г. Галузо. — Ташкент, Госиздат УзССР 1932, 176 стр.

Доклад Самаркандского военного губернатора Н. С. Лыкошина; стр. 13—33.

Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь—декабрь 1905 г. Часть 3, кн. 2. Под редакцией А. Л. Сидорова (отв. ред.) и др — М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 701—1182.

Самаркандская область.

Вяткин В. Л. Архитектура древнего Самарканда. Иллюстрации Ю. Корнякова. — М., Вхутемас, 1929, 35 стр.

Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический очерк. — Ташкент, Издание Главнауки НКП УзССР, 1927, 65 стр.

Рец.: Бартольд В. В. «Иран», II, 1928, стр. 181—185; Корнилов П. Е. Вестник научного общества татароведения, Казань, 1928, № 8, стр. 265—266; Вязьмитина М «Восточный мир», Харьков, 1928, № 5, стр. 265—268 (на укр. яз.). Якубовский А. Ю. Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 326—332.

Вяткин В. Л. Вакуфный документ Ишратхана. — В кн.: Мавзолей Ишратхана, Ташкент, 1958, стр. 109—136.

Вяткин В. Л. Купчая крепость на еврейский квартал г. Самарканда (Перевод). — В кн.: З. Л. Амитин-Шапиро. Очерк правового быта среднеазиатских евреев. — Ташкент — Самарканд, 1931, стр 41—43

Вяткин В. Л. Матрица и штамп из Самарканда. — Известия Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 71—76.

Вяткин В. Л. Мирза Улуг-бек и его обсерватория в Самарканде. — В кн: Мирза Улуг-бек. Туркестанское научное общество при САГУ, Ташкент, 1925, стр. 6—8.

Вяткин В. Л. Памятники древностей Самарканда. — Самарканд, 1927, 32 стр. (Главнаука НКП УзССР. Историческая секция).
Рец.: Денике Б. «Новый Восток», М., 1928, № 20—21, стр. 482—483; Корнилов П. Е. Вестник научного общества татароведения, Казань, 1928, № 8, стр. 265—266; Умняков И. И. Известия Общества изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. I, Ташкент, 1928, стр. 222—224.

Вяткин В. Л. Памятники древностей Самарканда. Издание 2-е. — Самарканд. 1929, 31 стр. (Узкомстарис).

Вяткин В. Л. Памятники древностей Самарканда. Издание 3-е. — Самарканд, 1933, 32 стр. (Узбекский Комитет по делам памятников культуры, Самкомстарис).

Вяткин В. Л. Самаркандская археологическая хроника. — Известия Средазкомстариса, вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 276—279.

Гевелий Ян. Атлас звездного неба. Редакция и вступительная статья академика АН УзССР **В. П. Щеглова, — Ташкент,** Изд-во «Фан» УзССР, 1968, XXXII стр.+56 табл.
Сведения об изданиях основного труда Самаркандской обсерватории «Зидж Улугбека». Деятельность обсерватории и ее руководителя Улугбека

Герасимов М. М. Портрет Тамерлана. — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, XVII, М., 1947, стр. 14—21.

Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. Перевод с персидского, предисловие и примечания А. А. Семенова. — М., ИВЛ, 1958, 207 стр.
Главы о возвращении в Самарканд и о «соборной мечети, которую соизволил построить в столичном городе Самарканде его величество, убежище халифского достоинства» (стр. 175—191).

Гинзбург В. В. О фрагменте бедренной кости из Аман-Кутана. — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, М., 1957, вып. XXVII, стр. 60—63.

Главнейшие выполненные лично М. Е. Массоном схемы городищ, археолого-топографические планы, картограммы, археологические разрезы, археолого-архитектурные чертежи и графические реставрации, в том числе по Самарканду; № 1—12. — В кн.: «Перечень научных работ и публикаций доктора исторических наук Михаила Евгеньевича Массона. 1910—1954. — Ташкент. Изд-во АН УзССР, 1954, стр. 27—28. На стр. 22—26 дан перечень неопубликованных работ М. Е. Массона, в том числе по Самарканду.

Говорков А. А. и Фархади Р. Р. Первые русские женщины-врачи в Самаркандской области. — «Советское здравоохранение», М., 1961, № 11, стр. 61—63.

Голубов Г. Под чужим именем. — «Вокруг света», М., 1955, № 10, стр. 27—32.
Путешествие А. Вамбери в Среднюю Азию, его пребывание в Самарканде.

Голубов Глеб. Улугбек. — М., «Молодая гвардия», 1960, 200 стр. («Жизнь замечательных людей», вып. 12/302).

Города Узбекистана. Указатель литературы. Составитель С. Н. Кейзер. Отв. редактор Г. Н. Чабров. — Ташкент, Госиздат УзССР. 96 стр. Самарканд; стр. 33—40.

Горохов. Саманиды (Хронология самаркандских эмиров). — Известия Курского губернского общества краеведения, Курск, 1927, № 6. стр. 95.

Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу. — Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 87—104.

Григорьев Г. В. Находка мустьерского остроконечника в Самарканде. — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, 8, М., 1940, стр. 89—90.

Григорьев Г. В. Поселения древнего Согда (По данным исследования городищ Самаркандского района). — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института материальной культуры АН СССР, VI, М., 1940, стр. 24—34.

Григорьев Г. В. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда. — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, XIII, М., 1946, стр. 150—153.

Гробница владыки Тимура в Самарканде и древняя медресе Шир-Дор в Самарканде. — «Красная нива», М., 1924, № 21, стр. 492—493.

Гулямов Я. Г. Афрасиаб. — «Нива», Научно-популярный ежемесячник, М., 1967 № 3, стр. 50—55.
Об итогах раскопок 1959—1964 гг.

Гулямов Я. Г. Исторические памятники. — «Социалистическая наука и жизнь», Ташкент, 1939, № 12, стр. 23—25, с рис.
Историко-архитектурные памятники Самарканда и Бухары.

Гулямов Я. Г. К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XII в. — В кн.: Великий узбекский поэт Алишер Навои. Сборник статей. Ташкент, 1948, стр. 146—157 (то же на узб. яз.).

Гулямов Я. Г. Новый блеск древнего Самарканда. — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1965, № 8, стр. 31—35.
Археологические открытия 1965 г. на Афрасиабе.

Гулямов Я. Г. Реставрация минарета (в Самарканде). — «Социалистическая наука и жизнь», Ташкент, 1939, № 11, стр. 32—33, на узб. яз.

Гулямов Я. Г. Чупан-ата. — Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 22—34.

Гулямов Я. Г. и Буряков Ю. Ф. К планировке обсерватории Улугбека по материалам раскопок 1967 года. — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1968, № 2, стр. 69—71.

Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг. — В кн.: Афрасиаб, Вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 268—293.

Гулямов Я. Г., Набиев Р. К. и Вахабов М. Г. История Узбекской ССР (Однотомник). — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, 691 стр. (на узб. яз.).
Самарканд.

Гуревич А. М. О классовой борьбе в Самарканде в 1365—1366 гг. — Труды гос. публичной библиотеки УзССР, т. I, Ташкент, 1935, стр. 25—31.
Рец.: Салиев Пулат. «Литературный Узбекистан», Ташкент, 1936, кн. 4, стр. 124—133.

Давидович Е. А. Два самаркандских кувшина с датой и именем мастера в надписи. — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, 80, М., 1960, стр. 109—113.

Давидович Е. А. К вопросу о размерах мискала и батмана в Самарканде и Бухаре в XV — первой половине XVIII веков. — Доклады Академии наук УзССР, Ташкент, 1951, № 5, стр. 50—54.

Давидович Е. А. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана. — Труды Института истории и археологии, вып. 7, Материалы по археологии Узбекистана, Ташкент, 1955, стр. 155—172. Самарканд (стр. 163—167). Монеты Каффиза I, илекские, чагатайские и др.

Давидович Е. А. Цветное оконное стекло XV в. из Самарканда. — Труды САГУ, Новая серия, вып. 61, Гуманитарные науки, кн. 6, Археология Средней Азии, Ташкент, 1953, стр. 17—97.

Дадабаев Г. Оссуарий из Афрасиаба. — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1968, № 10, стр. 44—46.

Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. — М.—Л., Издание Всесоюзной Академии архитектуры, М., 1939, 228 стр.
Самарканд.

Денике Б. Искусство Средней Азии. — М., 1927, 56 стр.
Памятники Самарканда.

Денике Б. П. Реставрационные работы в Самарканде. — «Красная нива», М., 1925, № 7, стр. 153.

Денисова М. М. Памятник архитектуры эпохи Тимура (Соборная мечеть «Биби-Ханым» в Самарканде). — Труды секции истории искусств РАНИОН, т. V, «Искусство Средней Азии», Сборник статей, М., 1930, стр. 74—80.

Джалалов Г. Д. К вопросу о составлении планетных таблиц Самаркандской обсерватории. — В кн.: «Историко-астрономические исследования», вып. 1, М., 1955, стр. 110—122.

Джалалов Г. Д. Секстант как главный инструмент обсерватории Улугбека. «Астрономический журнал», М., 1947, т. XXIV, вып. IV, стр. 87—92.

Джахангиров В. А. и Засыпкин Б. Н. Исследование мавзолея, приписываемого астроному Казы-заде Руми. — В кн.: Архитектура республик Средней Азии. — М., 1951, стр. 215—228.

Джуракулов М. Д. и Крикис Я. Исследования Самаркандского государственного университета им. А. Навои. — В кн.: Археологические открытия 1968 года, М., Изд-во «Наука», 1969, стр. 412—421.
Раскопки в западном секторе городища Афрасиаб, вдоль дороги Самарканд — аэропорт.

Джуракулов М. Д., Крикис Я. К. Раскопки здания IX—X вв. на городище Афрасиаб. — В кн.: Афрасиаб, Вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 312—316.

Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э. — III в. н. э.), Хрестоматия под ред. Л. В. Баженова. — Ташкент, Гостехиздат УзССР, 1940, 170 стр.
Мараканда—Самарканд.

Дудин С. М. К вопросу о технике изготовления изразцовых мозаик Средней Азии. — Известия Гос. Академии истории материальной культуры, IV, Л., 1925, стр. 183—204.

Дьяконов М. А. Путешествия в Среднюю Азию от древнейших времен до наших дней. — Л., 1932, 93 стр. (Научно-популярная библиотека, вып. 16, Приложение к журналу «Вестник знаний»).
Посещения Самарканда (Клавихо, Хохлов, Вамбери).

Ездаков В. И. Об изготовлении жаростойкой посуды в древнем Самарканде. — «Природа», М., 1951, № 8, стр. 74—75.

Ерназарова Т. С. О монетных находках в Афрасиабе в 1965 году. — В кн.: Афрасиаб, Вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 317—329.

Ефименко П. П. К вопросу о возрасте позднепалеолитической стоянки в Самарканде. Вероятность раннего возраста стоянки. Тезисы. — Труды СамГУ, Новая серия, вып. 135, Археология Узбекистана, Самарканд, 1964, стр. 110—112.

Ефремов Филипп. Девятилетнее странствование. Под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями Э. Мурзаева. Издание пятое.— М., Географгиз, 1952, 88 стр.
«Чем Самарканд изобилен, каков воздух и жители» (стр. 23, 40—41) и другие данные

Жуков В. Д. Кайрак с двуязычной надписью 574/1178 г. в Самарканде.— «Эпиграфика Востока», XI, М.-Л., 1956, стр. 30—32.

Жуков В. Д. Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба.— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1961, № 4, стр. 54—57.

Жуков В. Д. Остатки монументального сооружения XIV в. (Дворцовые сооружения времени Тимура в Самарканде). — Известия АН УзССР, Ташкент, 1949, № 4, стр. 112—113.

Забелина Н. и Ремпель Л. Согдийский всадник.— Ташкент, 1948, 23 стр. (Научно-исследовательский институт искусствоведения УзССР. Памятники искусства древнего Узбекистана).

Зарубин Н. И. Население Самаркандской области, его численность, этнографический состав и территориальное распределение (По материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г., пополненным другими источниками).— Л., 1926, 34 стр., с этнограф. картой (Академия наук СССР. Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, вып. X).

Заславская Ф. А. Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени (По материалам собрания Музея истории УзССР), «История материальной культуры Узбекистана», вып. I, Ташкент, 1959, стр. 22—59.

Заславская Ф. А. Терракотовые статуэтки всадников с булавами из Афрасиаба в собрании Музея истории УзССР. — Труды Музея истории УзССР, вып. III, Ташкент, 1956, стр. 88—117.

Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии.— М., Изд-во Академии архитектуры СССР, 1948, 159 стр.
Архитектурный ансамбль Шах-и-Зинда (стр. 78—88). Соборная мечеть Биби-Ханым (стр. 93—97). Гур-Эмир (стр. 98—100). Архитектура времени Улугбека (стр. 101—104). Мавзолеи Ишрат-хана и Ак-сарай (стр. 105—110). Ансамбль площади Регистан (стр. 130—133).

Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации.— «Вопросы реставрации», II, М., 1928, стр. 207—283.
Самарканд.

Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии (XI—XII вв.) — В кн.: Проблемы исследования и реставрации.— М., 1928, 79 стр
Засыпкин Б. Н. Декоративно-художественные элементы мавзолея Ишратхана.— В кн.: «Мавзолей Ишратхана», Ташкент, 1958, стр. 91—108.
Засыпкин Б. Н. Изучение древних сооружений Средней Азии.— «Новый Восток», кн. 10—11, М., 1925, стр. 257—270.
Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация.— «Вопросы реставрации», М., 1926, стр. 137—178
Самарканд.
Засыпкин Б. Н. Памятники монументального искусства Советского Востока.— В кн.: Художественная культура Советского Востока», М.—Л., «Academia», 1931, стр. 19—49.
Самарканд.
Захидов П. Ш. Архитектурно-декоративные росписи Самарканда XIX — начала XX вв. — Научные сообщения и работы, кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 318—330 (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).
Захидов П. Ш. Из творчества народного узбекского зодчего Абдукадира Бакиева (Мечеть Хазрат Хызры в Самарканде).— Научные работы и сообщения, кн. 2, Ташкент, 1961, стр. 284—295 (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).
Захидов П. Ш. Мавзолей Биби-Ханым.— Архитектурное наследие Узбекистана, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 60—74.
Захидов П. Ш. Мечеть Хазрат Хызра.— Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1968, 14 стр. (на узб. и русск. языках).
Захидов П. Ш. Народные зодчие Самарканда (XIX — начало XX в.). К проблеме самаркандской архитектурной школы.— Автореферат диссертации..., Ташкент, 1962, 20 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт искусствознания им. Хамзы).
Захидов П. Ш. Некоторые сведения о народных зодчих самаркандской архитектурной школы XIX—XX вв.— В кн.: Из истории эпохи Улугбека, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1965, стр. 131—146.
Захидов П. Самаркандская школа зодчих XIX — начала XX века. Отв. редактор Г. А. Пугаченкова.— Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965, 175 стр.
Захидов П. Художественно-композиционные приемы в народной архитектуре Самарканда (XIX — начало XX в.)— Научные работы и сообщения, кн. 7, Ташкент, 1963, стр. 419—433.
Заходер Б. Империя Тимура.— «Исторический журнал», М., 1941, № 6, стр. 78—88.
Зезенкова В. Я. Черепа с городища Кафир-кала под Самаркандом. — История материальной культуры Узбекистана, вып. 6, Ташкент, 1966, стр. 124—138.
Зезенкова В. Я. Черепа Тимура и Тимуридов (XV в.).— Научные труды ТашГУ, вып. 233, Археология и антропология, Ташкент, 1964, стр. 190—196.
Имени Улугбека.— «Вокруг света», М., 1953, № 12, стр. 16—17.
Обсерватория Улугбека в Самарканде.
История Узбекской ССР, т. I, книга первая.— Под редакцией С. П. Толстова, Р. Н. Набиева, Я. Г. Гулямова, В. И. Шишкина.— Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, 544 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии). Также на узб. яз.; 1956, 576 стр.
Самарканд.
История Узбекской ССР, т. I, книга вторая. Под редакцией М. Г. Вахабова, В. Я. Непомнина, Т. Н. Кары-Ниязова. — Ташкент, 1956,

498 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии). Также на узб. яз.; 1957, 511 стр.
Самарканд.

Кабанов С. К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб.— «Советская археология», Москва, 1969, № 1, стр. 183—198

Кабанов С. К. К вопросу о древности канала Иски-Ангар (Самаркандская область). — В кн.: Археологические работы в Таджикистане в 1954 г. Сталинабад, 1956, стр. 116—117.

Кабанов С. К. и Шишкина Г. В. Древнейшие наслоения городища Афрасиаб.— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1968, № 3, стр. 53—55.

Кадырова Т. Из истории крестьянских восстаний в Мавераннахре и Хорасане в VIII — начале IX в.— Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965, 240 стр.
Самарканд.

Казанчанц П. Заметки об архивах и документах (Самарканд). — «Исторический архив», М., 1957, № 4, стр. 240—241.

Калугин А. Ф. К истории завоевания Узбекистана царской Россией.— Труды Узбекского гос. университета, т. XVI, Самарканд, 1939, стр. 109—124.
Самарканд.

Каплунова М. Ф. Этнографические коллекции Республиканского музея истории культуры и искусства Узбекской ССР.— В кн.: Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 251—252.

Кары-Ниязов Т. Н. Астрономическая школа Улугбека. — Отв. редакторы проф. С. П. Толстов и проф. Л. Л. Маткевич.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950, 330 стр.
Рец.: Леонов Н. И. «Советская книга», М., 1951, № 7, стр. 67—69.

Кары-Ниязов Т. Н. Великий узбекский астроном и математик Улугбек.— «Фан ва турмуш» («Наука и жизнь»), Ташкент, 1959, № 4, стр. 7—9 (на узб. яз.).

Кары-Ниязов Т. Н. Обсерватория Улугбека в свете новых данных.— В кн.: Научная сессия Академии наук УзССР 9—14 июня 1947 г.— Ташкент, 1947, стр. 127—136.

Кары-Ниязов Т. Н. О некоторых результатах, полученных обсерваторией Улугбека.— М., 1960, 10 стр. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).

Кары-Ниязов Т. Н. Улугбек — великий астроном XV в.— В кн.: Из истории эпохи Улугбека, Ташкент, 1965, стр. 67—99.

Кары-Ниязов Т. Н. Улугбек — великий узбекский астроном XV века.— «Природа», М., 1952, № 10, стр. 77—82.

Кары-Ниязов Т. Н. Улугбек и последнее слово дотелескопической астрономии. «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1969, № 3, стр. 21—29.

Катанов Н. Ф. О некоторых восточных вещах Казанского городского музея.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXX, вып. I, Казань, 1919, стр. 97—102. Мраморное блюдо из Самарканда.

Катонин Е. Старый Самарканд. Автолитографии. Рис. на камне. Под общ. редакцией акад. И. Э. Грабаря. Худ. редактор И. А. Пастернак. — Издание Всероссийской Академии художеств, 1945, 12 л. илл.

Кесати Р. Деревянная резная дверь из Гур-Мира. — Труды Гос. Эрмитажа, II, Л.—М., 1958, стр. 147—158.

Кнопов Б. И. Интересное сообщение о новых открытиях на Афрасиабе.— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1965, № 9, стр. 50. Доклад В. А. Шишкина 1 июня 1965 г.

Ковалев С .И. Александр и Клит.—«Вестник древней истории», М., 1949, № 3, стр. 69—73.
Убийство Клита в Самарканде.

Кононов В. Н. Анализ ткани савана из детского погребения в склепе Ишратхана.— В кн.: Мавзолей Ишратхана, Ташкент, 1958, стр. 137—141.

Константинова М. «Русский Туркестан» в борьбе за М. Горького. — «Звезда Востока», Ташкент, 1960, № 3, стр. 152—160.

Константинова М. «Самарканд» в борьбе за М. Горького. — «Звезда Востока», Ташкент, 1961, № 6, стр. 140—150.

Кочедамов В. И. Городские водоемы Бухары и Самарканда.— Архитектурное наследство, 8, М., 1957, стр. 165—186.

Краткий справочник об исторических памятниках Самарканда (для членов 1-го съезда ученых Узбекистана).— Самарканд. 1937, 30 стр.

Крикис Я., Пачос, М., Ташходжаев Ш., Федоров М. Жилой комплекс X—XI вв. в западной части Афрасиаба.— Научные работы и сообщения, кн. 7, Ташкент, 1963, стр. 224—236 (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).

Крусман Б. В. К вопросу о стиле архитектурных памятников Самарканда XV в.— В кн.: Искусство Средней Азии, Сборник статей, М., 1930, стр. 28—42.

Крюков К. С. Регистан. Издание третье, исправленное.— Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1968, 24 стр. (на узб. и русск. языках).

Крюков К. С. Реставрация большого тимпана на медресе Шир-Дор в Самарканде.— «Строительство и архитектура Узбекистана», Ташкент, 1962, № 1, стр. 16—17.

Кудрина С. Л. Анализ цветного стекла из мавзолея Ишратхана.— В кн.: Мавзолей Ишратхана, Ташкент, 1958, стр. 143—147.

Кузнецов А. Г. Экономика Самаркандской области в прошлом и настоящем (краткий экономический очерк).— Труды Самарканд. гос. пед. института, т. I, вып. I, Самарканд, 1940, стр. 37—70.

Кузьмина Е. Е. Бронзовый шлем из Самарканда.— М., «Советская археология», 1958, № 4, стр. 120—126.

Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии (с древних времен до второй половины XIX века).— М., Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950, 178 стр.
Тимуридский Самарканд; стр. 98—104 (и другие данные по Самарканду).

Лев Д. Н. Археологические исследования Узбекского государственного университета в 1955 году.— Тезисы докладов и сообщений на научной сессии профессорско-преподавательского состава Узбекского государственного университета им. А. Навои в апреле 1956 г., Самарканд, 1956, стр. 58—59.

Лев Д. Н. Древний палеолит в Аман-Кутане (Предварительное сообщение).— Труды Узбекистанского гос. университета им. А. Навои, Новая серия, № 39, Самарканд, 1949, стр. 47.

Лев Д. Н. Итоги археологических раскопок самаркандской палеолитической стоянки в 1964 г.— Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. Тезисы докладов, Баку, 1965, стр. 45—46.

Лев Д. Н. Некоторые итоги археологических исследований Самаркандского университета в 1965 году. Труды СамГУ, Новая серия, вып. 166, Кафедра всеобщей истории, Самарканд, 1967, стр. 82—99.

Палеолитическая стоянка в Самарканде.
Лев Д. Н. Новая находка древнего палеолита в пещере Аман-Кутан близ города Самарканда.— «Природа», М., 1949, № 6, стр. 66—70.
Лев Д. Н. Новые памятники палеолита в Узбекистане.— Труды комиссии АН УзССР по изучению четвертичного периода, вып. 13, М., 1957, стр. 344—349.
Лев Д. Н. Новые пещерные стоянки эпохи палеолита в Узбекистане.— «Советская этнография», М., 1949, № 1, стр. 200—202.
Лев Д. Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде. Исследования 1958—1960 гг. — Труды САГУ, Новая серия, вып. 135, Археология Узбекистана, Самарканд, 1964, стр. 109.
Лев Д. Н. Поселение древнекаменного века в г. Самарканде. Раскопки 1962 года.— Труды СамГУ, вып. 136, Самарканд, 1964, стр. 23—24.
Лев Д. Н. Раскопки самаркандской палеолитической стоянки в 1959—1960 гг. — Материалы третьей объединенной научной конференции ученых города Самарканда.— Самарканд, 1961, стр. 108—110.
Лев Д. Н. Самаркандская палеолитическая стоянка (Предварительное сообщение).— «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 22—29
Лев Д. Н. Стоянка древнего человека в Самарканде.— «Природа», М., 1960, № 8, стр. 77—78.
Лев Д. Н. Стоянка первобытных людей (в окрестностях Самарканда).— «Фан ва турмуш» («Наука и жизнь»), Ташкент, 1959, № 8, стр. 20—22 (на узб. яз.).
Леонов Н. И. Научный подвиг самаркандских астрономов XV века. — М., Физматгиз, 1960, 117 стр.
Леонов Н. И. По древней Согдиане.— «Звезда Востока», Ташкент, 1956, № 7, стр. 94—101.
Леонов Н. И. Улугбек — великий астроном XV века.— М., Гостехиздат, 1949, 63 стр. (издание второе; М., 1950, 68 стр.).
Леонов Н. И. Улугбек — великий узбекский астроном XV века.— «Природа», М., 1952, № 10, стр. 77—82.
Лившиц В. А. Надписи на фресках из Афрасиаба.— Тезисы докладов сессии, посвященной истории живописи стран Азии (ноябрь 1965 г.).— Л., 1965, стр. 6—7.
Лунин Б. В. Из истории деятельности статистических комитетов Туркестанского края.— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1962, № 6, стр. 30—39.
Деятельность Самаркандского областного статистического комитета. Изданные им материалы по Самарканду.
Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии. Туркестанский кружок любителей археологии. 1895—1917 гг.—Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, 320 стр.
Самарканд.
Лунин Б. В. История и древности Туркестанского края в трудах археологических съездов.— «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 201—220.
Самарканд.
Лунин Б. В. К столетию со дня рождения В. Л. Вяткина.— «Советская археология», М., 1969, № 3, стр. 3—10.
Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, 344 стр.
Самарканд.

Лунин Б. В. Самаркандский любитель древностей и каллиграф Абу Саид Махзум — «История материальной культуры Узбекистана», вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 178—184.

Лунин Б. В. Самаркандский любитель старины и собиратель древностей Мирза Бухари — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1963, № 6, стр. 32—40.

Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении — Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965, 408 стр.
Самарканд.

Мавзолей Ишратхана (в Самарканде). Монографический сборник, под редакцией действительного члена Академии наук Туркменской ССР, профессора М. Е. Массона — Ташкент, Гос. изд-во худож. литературы, 1958, 168 стр.

Мавляни И. М. Михаил Владимирович Морозов — Ташкент, Госиздат УзССР, 1963, 51 стр.
Деятельность М. В. Морозова в Самарканде.

Майсурадзе З. П. Керамика Афрасиаба.— Тбилиси, Изд-во АН ГрузССР, 1958, 30 стр., с 24 цветными таблицами-вклейками.
Рец.: Пишкин В. А. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 319—320; Ташходжаев Ш. С. Неудачная книга.— «Декоративное искусство СССР», М., 1960, № 5, стр. 41—44; Большаков О. Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. I, Душанбе, 1961, стр. 111—113.

Маньковская Л. Ю. Биби-Ханым. Издание 2-е, исправленное.— Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1965, 24 стр. (на узб. и русск. языках).

Маньковская Л. Ю. Биби-Ханым. Издание 3-е, исправленное.— Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1968, 24 стр. (на узб. и русск. языках).

Маслова О. В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к истории изучения Средней Азии. Ч. I. 1715—1856.— Ташкент, Изд-во САГУ, 1955, 83 стр. (Материалы к библиографии, вып. V).

Маслова О. В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к истории изучения Средней Азии. Ч. II, 1856—1869.— Ташкент, Изд-во САГУ, 1956, 102 стр. (Материалы к библиографии, вып. VII).

Маслова О. В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию Ч. III, 1869—1880. Отв. редактор доц. Г. Н. Чабров.— Ташкент, 1962, 181 стр. (Ташкентский гос. университет им. В. И. Ленина. Материалы к библиографии, вып. IX).
Самарканд: ч. I, стр. 14, 24; ч. II, стр. 44, 47, 51, 52; ч. III, стр. 56, 58, 60, 65—66, 69, 70—71, 73

[Массон М. Е.] Археологический и нумизматический рынок в Самарканде по данным отчета М. Е. Массона от 20 февраля 1924 г.— Известия Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 271—272.

[Массон М. Е.] Археологический и нумизматический рынок в Самарканде по данным отчета М. Е. Массона от 2 декабря 1924 года.— Известия Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 272.

Массон М. Е. Археолого-топографический очерк Самарканда времени Навои — В кн.: Сборник авторефератов неопубликованных работ САГУ за 1939—1944 гг., Бюллетень САГУ, вып. 23, Ташкент, 1945, стр. 186.

Массон М. Е. Архитектурно-планировочный облик Самарканда времен Улугбека.— В кн.: Сборник авторефератов неопубликованных работ САГУ за 1930—1944 гг.— Бюллетень САГУ, вып. 23, Ташкент, 1945, стр. 186.

Массон М. Е. Архитектурно-планировочный облик Самарканда эпохи Навои (вторая половина XV века). Краткий историко-топографический очерк.— Труды САГУ, Новая серия, вып. XXXI, Исторические науки, кн 25, Археология Средней Азии, Ташкент, 1957, стр. 57—84.

Массон М. Е. Ишрат-хана и фрагмент ее панели — В кн.: В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели.— Ташкент, 1927, стр. 171—178

Массон М. Е. Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах (По поводу выпрямления северо-восточного минарета медресе Улугбека в Самарканде).— Материалы Узкомстариса, вып. 2—3, Ташкент, 1933, стр. 1—10.

Массон М. Е. Краткое сообщение о результатах исследования фундаментов мавзолея Ходжа Ахмеда в группе Шахизинда в Самарканде в 1922 году — Известия Туркестанского отдела РГО, т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 153—160.

Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда.— «Вестник древней истории», М., 1950, № 4, стр. 155—166.

Массон М. Е. Летопись Самаркандского музея за 1920—23 гг.— 31 стр. (Рукопись в научном архиве Музея культуры узбекского народа в Самарканде; здесь же рукопись М. Е. Массона: «Схематическая карта Самарканда X в.», «Схематическая карта Самарканда XVI в.», инв. № 190).

Массон М. Е. Мавзолей Гур-Эмир, усыпальница Тимуридов. 2-ое издание.— Изд. Узкомстариса, Самарканд, 1929, 32 стр.

Массон М. Е. Мавзолей Гур-Эмир, усыпальница Тимуридов.— Ташкент, изд. Средазкомстариса, 1926, 31 стр. (Культурно-исторические экскурсии по Самарканду, вып. II).
Рец.: Засыпкин Б. Н. «Новый Восток», М., 1927, № 18, стр. 265—266.

Массон М. Е. Материалы по библиографии мавзолея Ишратхана.— В кн.: Мавзолей Ишратхана, Ташкент, 1958, стр. 149—159.

Массон М. Е. Могила с одиночным погребением в сидячем положении в стене «Дивари-Кыямат» в Самарканде.— Известия Туркестанского отдела РГО, т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 161—163.

Массон М. Е. Монетные находки в Средней Азии 1917—1927 гг.— Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 280.
Самарканд.

Массон М. Е. Несколько археологических данных к исторической топографии Самарканда в связи с проведением узкоколейной городской железной дороги в 1923 году. — Известия Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 115—120.

Массон М. Е. Новое в понимании происхождения так называемого Шахзиндинского мавзолея Туркан-ака в Самарканде.— Сборник авторефератов неопубликованных работ САГУ за 1939—1944 гг.— Бюллетень САГУ, вып. 23, Ташкент, 1945, стр. 191.

Массон М. Е. Обсерватория Улугбека, — Ташкент, Издание УзФАН, 1941, 48 стр.

Массон М. Е. О местонахождении сада Тимура «Девлет Абад».— Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 43—58.

Массон М. Е. О происхождении мавзолея Туркан-ака в Самарканде.— Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана, вып. 1, М., 1950, стр. 46—51.

Массон М. Е. Падающий минарет (северо-восточный минарет самаркандского медресе Улугбека).— Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1968, 42 стр.

Массон М. Е. Памятка об экскурсии по Самарканду.— Ташкент — Самарканд, Узб. гос. изд-во, 1929, 14 стр.

Массон М. Е. План окрестностей Самарканда второй половины XV века.— Труды САГУ, Новая серия, вып. 61. Гуманитарные науки, кн. 6. Археология Средней Азии, II, Ташкент, 1953, ненум. стр. (Приложение).

Массон М. Е. План самаркандского хисара XV века.— Труды САГУ, Новая серия, вып. 61, Гуманитарные науки, кн. 6, Археология Средней Азии, II, Ташкент, 1953, ненум. стр. (Приложение).

Массон М. Е. Предисловие «От редакции» к статье «Обследование усыпальницы Чильдухтарон в Самарканде».— «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1936, № 5.

Массон М. Е. Регистан и его медресе.— Ташкент, изд. Средазкомстариса, 1926; 31 стр. (Культурно-исторические экскурсии по Самарканду, вып. III).

Массон М. Е. Регистан и его медресе. 2-ое издание, измененное и дополненное.— Самарканд, Изд. Узкомстариса, 1929, 30 стр.

Массон М. Е. Самарканд времени Улугбека.— «Звезда Востока», Ташкент, 1948, № 5, стр. 89—101.

Массон М. Е. Самарканд (старый) — БЭС, 2-ое издание, т. 37, М., 1956, стр. 648—650.

Массон М. Е. Самаркандский мавзолей XV века, известный под именем Ишрат-хана — Сборник авторефератов неопубликованных работ САГУ за 1939—1944 гг.— Бюллетень САГУ, вып. 23, Ташкент, 1945, стр. 185.

Массон М. Е. Самаркандский мавзолей, известный под названием Ишрат-хана, Историко-археологический очерк.— В кн.: Мавзолей Ишрат-хана, Ташкент, 1958, стр. 7—48.

Массон М. Е. Самаркандский Регистан.— Труды САГУ, Новая серия, вып. II, Археология Средней Азии, I, Ташкент, 1950, стр. 75—90.

Массон М. Е. Соборная мечеть Тимура, известная под именем мечети Биби-Ханым.— Ташкент, Изд. Средазкомстариса, 1926, 16 стр. (Культурно-исторические экскурсии по Самарканду, вып. 2).

Массон М. Е. Соборная мечеть Тимура, известная под именем мечети Биби-Ханым. 2-ое издание.— Самарканд, Изд. Узкомстариса, 1929, 16 стр.

Массон М. Е. Страничка нераскрытых преступлений по отношению к культурному наследию прошлого.— «Восточный мир», Харьков, 1930, № 3 (12), стр. 156—162.
О расхищении в дореволюционное время памятников древности Самарканда.

Массон М. Е. Третий кусок нефритового намогильника Тимура.— «Эпиграфика Востока», II, М.—Л., 1948, стр. 63—75.

Массон М. Е. Рец. Julius Smolik Die Timuridischen Bandenkmäler in Samarkand aus der Zeit. Tamerlans. Wien, 1928, 47 s. Труды Узбекистанской гос. публичной библиотеки, т. I, Ташкент, 1935, стр. 242—247.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской, Туркменской ССР. Часть I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв.— Труды Историко-археографического института и Института востоковедения АН СССР, Л., 1933, 506 стр.
Самарканд.

Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея Каталог древних статуэток и других мелких скульптурных изделий из обожженной глины, хранящихся в Республиканском музее истории культуры и искусства

УзССР в городе Самарканде. — Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962, 109 стр.
[Мидлер В.] Самарканд и Ташкент. Живопись и рисунки худ. А. Нюренберга. Текст В. Мидлера.— Ташкент, «Рисаля», 1922, 20 стр. с 16 репродукциями.
Мирза Абадал Азим Сами. История мангытских государей. Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой. — М., Изд-во восточной литературы, 1962, 179 стр., 150 стр. вост. пагинации. Данные о Самарканде.
Морель М. Города Тимура.— «Семь дней», Ташкент, 1928, № 27, стр. 10—11.
Морель. История по черепам — «Семь дней», Ташкент, 1928, № 6, стр. 16—17.
Об археологических материалах Самаркандского музея.
Москва — Средняя Азия. Железнодорожный путеводитель.— М., Трансжелдориздат, 1962, 207 стр.
Самарканд; стр. 158—163.
Мрочковский И. К. Живопись мавзолея Биби-Ханым — В кн.: Выставка научно-исследовательских работ по изучению материальной культуры Средней Азии.— М., 1927, стр. 4—6.
Мрочковский И. Живопись мазара Ак-Сарай в Самарканде. В кн.: Сборник I, К X-летию Октября.— М., 1928, стр. 54—62 (ГАИМК. Московская секция).
Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме».— Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1966, 354 стр.
Сведения о Самарканде и его пригородах: стр. 79—84.
Мукминова Р. Г. К истории производства самаркандской бумаги в XVI веке — «История материальной культуры Узбекистана», вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 155—160.
Мухамеджанов А. Р. К вопросу о водоснабжении Афрасиаба. — В кн.: Афрасиаб, Вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 294—300.
Наливкина М. В. К изданию каталога терракот домонгольского периода в собраниях Самаркандского музея.— Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 год. Отделение истории и философии АН СССР, М.— Л., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 97.
Натальский С. Самаркандские древности.— «Семь дней», Ташкент, 1922, № 1, стр. 28—31.
Немцева Н. Б. Исследования в «западном» коридоре архитектурного ансамбля Шахи-Зинда.— «История материальной культуры Узбекистана», вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 123—138.
Немцева Н. Б. Раскопки на ансамбле Шах-и-Зинда в Самарканде.— «Советская археология», М., 1964, № 1, стр. 336—338.
Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб.— В кн.: Афрасиаб, Вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 153—205.
Немцева Н. Б. и Шваб Ю. З. Шах-и Зинда.— Ташкент, Госиздат УзССР, 1963, 47 стр. (на узб. и русск. языках).
Немцева Н. и Шваб Ю. Шахи-Зинда. Издание 2-ое, исправленное, Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1965, 53 стр.
Немцева Н. Б. и Шваб Ю. З. Шахи-Зинда Издание 3-е, исправленное.— Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1968 (на узб. и русск. языках).
Нильсен В. А. Архитектурный облик обсерватории Улугбека в Самарканде.— Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. V, Ташкент, 1953, стр. 101—128.
Нильсен В. А. К вопросу о назначении согдийского здания около Кафиркала под Самаркандом.— «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 116—123.

Новоселова К. Ковровщицы (Самарканда).— «Звезда Востока», Ташкент, 1955, № 7, стр. 73—83.

Новоселова К. Хранилище сокровищ культуры.— «Звезда Востока», Ташкент, 1947, № 5, стр. 68—77.
Самаркандский музей.

Новый дворец Тимура.— «Наука и техника». Л., 1929, № 9, стр. 17.
Раскопки В. Л. Вяткина в окрестностях Самарканда.

Носов А. Площадь Регистана в Самарканде — «Архитектура СССР», М., 1938, № 5, стр. 67—73.

Ноткин И. И. Развитие структуры однокупольного сооружения XIV — начала XV в. в ансамбле Шахи-Зинда.— «Архитектурное наследство», XIII, М., 1961, стр. 181—196.

Нугаева М. А. Тактика большевиков в муниципальной кампании 1917 года.— В кн.: Тезисы Первой конференции ученых вузов и научных учреждений города Самарканда, Самарканд, 1959, стр. 345—349.

Нугаева М. А. Тактика большевиков в муниципальной кампании 1917 г. (по материалам Самарканда).— Труды УзГУ, Новая серия, вып. 99, Самарканд, 1960, стр. 27—53.

Нюренберг А. Туркестанские письма.— «Русское искусство», М., 1923, № 2—3, стр. 112—113.
Самарканд.

Обельченко О. В. Погребение сарматского типа под Самаркандом.— «Советская археология», М., 1967, № 2, стр. 181—187.

Обсерватория Улугбека.— «Красная нива», М., 1926, № 28, стр. 18.

Обсерватория Улугбека.— Ташкент, 1953, 128 стр (Академия наук Узбекской ССР. Труды Института истории и археологии, т. V).

Объединенная научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда. Тезисы докладов. Ред. коллегия: К. А. Акишев, Л. М. Ланда, Б. В. Лунин, Г. Р. Рашидов. Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969, 63 стр; ротапринтное издание (Академия наук Узбекской ССР. Самаркандский Государственный университет им. А. Навои).
Содержание: И. М. Муминов. Самарканду 2500 лет. стр. 1—4; Т. Н. Кары-Ниязов. Мировое значение астрономической школы Улугбека в Самарканде, стр. 4—6; Я. Г. Гулямов. Стратиграфия Самарканда в свете новейших раскопок, стр. 6—9; В. А. Абдуллаев. Самарканд — центр научной и культурной жизни, стр. 9—12; Б. В. Лунин. Из истории археологического и историко-архитектурного изучения Самарканда, стр. 12—14; А. А. Аскаров и Д. Н. Лев. Первобытная культура Самарканда, стр. 14—17; М. Пачос. К изучению топографии раннесредневекового Самарканда, стр. 17—19; Л. И. Альбаум. Росписи Афрасиаба, стр. 19—20; Л. И. Рempель. Резной штук Афрасиаба и реконструкция купольного зала, стр. 20—22; Т. Агзамходжаев. Раскопки дворцового сооружения на Афрасиабе, стр. 22—23; А. А. Абдуразаков. Реставрация и консервация настенных росписей Афрасиаба, стр. 24—25; А. Мухамеджанов. Из истории водоснабжения Самарканда, стр. 25—26; Ю. Ф. Буряков. Историческая топография Самарканда тимуровского времени, стр. 26—28; Г. А. Пугаченкова. Архитектурная композиция обсерватории Улугбека, стр. 28—30; Р. Г. Мукминова. Ремесленное производство как основа развития города Самарканда в конце XV—XVI вв., стр. 30—32; М. М. Абрамов. Из истории Самарканда конца XVIII — начала XIX в., стр. 32—34; В. Г. Долинская. Самаркандская школа миниатюристов, стр. 34—36; С. А. Акрамов. Появление социал-демократических организаций в Самарканде и их роль в революционном движении в Туркестане, стр. 36—40; Х. Т. Турсу-

нов. Народно-освободительное движение 1916 г. в Самаркандской области, стр. 40—41; Х. Ш. Ибрагимов. Победа февральской буржуазно-демократической революции в Самарканде, стр. 42—44.

Памятники древностей Самарканда. Альбом фотоснимков — Издание Узкомстариса. 18 фотографий, Самарканд, 1927.

Памятники Самаркандской старины.— «Прожектор», М., 1926, № 14, стр. 30—31.

Паренков А. Самарканд в революции 1905 г. (Воспоминания очевидца).— «Красная летопись Туркестана», Ташкент, 1923, № 1—2, стр. 24—43.

Пачос М. К. К изучению стен городища Афрасиаб.— «Советская археология», М., 1967, № 1, стр. 64—72

Пачос М. К. Новые находки оссуарных захоронений на территории Афрасиаба.— Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы докладов, Л., 1968, стр. 59—60.

Пачос М. К. Оборонительные сооружения Афрасиаба.— Автореферат диссертации .., Ташкент, 1966, 18 стр. (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).

Пачос М. Раскопки здания в восточной части Афрасиаба.— Научные работы и сообщения, кн. 6, Ташкент, 1963, стр. 262—268 (Академия наук Узбекской ССР, Отделение общественных наук).

Пачос М. К. Средневековые погребения на городище Афрасиаб. Научные работы и сообщения, кн 5, Ташкент, 1962, стр. 191—196 (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).

Пачос М. Стратиграфический раскоп в западной части Афрасиаба.— Научные работы и сообщения, кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 282—290 (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).

Пачос М. Три терракоты из Афрасиаба.— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1962, № 10, стр. 67—68.

Пачос М., Крикис Я., Ташходжаев Ш. и Федоров М. Жилой комплекс X—XI вв. в западной части Афрасиаба. — Научные работы и сообщения, 7, Ташкент, 1963, стр. 224—236 (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).

Писарчик А. К. Отчет по научному описанию коллекций среднеазиатской керамики Самаркандского областного музея.— 1940, 36 стр. (Рукопись в научном архиве Музея культуры узбекского народа в Самарканде, инв. № 162).

Плетнев И. Ансамбль Мухаммед-Султана в Самарканде (XVI в.).— Сборник научных трудов зонального научно-исследовательского и проектного Института типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий, вып. VI, Ташкент, 1964, стр. 81—95.

Плетнев И. Архитектурный комплекс у мавзолея Гур-Эмир.— Сборник научных трудов зонального научно-исследовательского и проектного Института типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий, вып. VI, Ташкент, 1964, № 6, стр. 96—105.

Плетнев И. Е. Гур-Эмир. Издание 3-е, исправленное.— Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1968 (на узб. и русск. языках).

Плетнев И. Е. К вопросу о реконструкции мавзолея Биби-Ханым в Самарканде. Сборник научных трудов, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 90—108 (Научно-исследовательский институт по строительству Академии строительства и архитектуры СССР).

Полупанов С. Н. Архитектурные памятники Самарканда.— М., 1948, 34 стр., 72 вкл. л. илл. (Академия архитектуры СССР).
Рец. Алпысбаев Х. А.— Труды САГУ, Новая серия, вып. 49, Гуманитарные науки, кн. 6, Ташкент, 1959, стр. 200—205; Лунин Б. В. «Правда Востока», Ташкент, 12 октября 1949, № 262 (7845).

Полупанов С. Жилой дом в старом Самарканде.— «Архитектура СССР», М., 1937, № 1.

Попов А. Л. Из истории завоевания Средней Азии.— «Исторические записки», IX, М., 1940, стр. 198—242.
Самарканд.

Привальский В. Самарканд. — В кн.: В. Привальский. Путеводитель по Узбекистану, М., 1957, стр. 59—71.

Приключения Арминия Вамбери, описанные им самим. Редакция и послесловие В. Тренина и И. Харджиева.— М., Изд-во «Молодая гвардия», 1931, 192 стр.

Пугаченкова Г. А. Архитектурная композиция обсерватории Улугбека.— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1969, № 3, стр. 30—42.

Пугаченкова Г. А. Архитектурная характеристика мавзолея Ишратхана.— В кн.: Мавзолей Ишратхана, Ташкент, 1958, стр. 49—90.

Пугаченкова Г. А. Архитектурные заметки. I. Три полузабытых памятника монументальной архитектуры Самарканда (Кутби-Чахар-духум, медресе Шейбани-Хана, Чильдухтеран).— «Изобразительное искусство Узбекистана», I, Ташкент, 1962, стр. 178—202.

Пугаченкова Г. А. Зооморфные элементы в тимуридской керамике Самарканда.— Сборник авторефератов неопубликованных работ САГУ за 1939—1944 гг.— Бюллетень САГУ, вып. 23, Ташкент, 1945, стр. 184.

Пугаченкова Г. А. Ишрат-хана.— «Гулистон», Ташкент, 1941, № 4 (на узб. яз.).

Пугаченкова Г. А. Ишрат-Хана и Ак-Сарай. Два тимуридских мавзолея в Самарканде.— «Ars Orientalis», 1963, стр 178—186.

Пугаченкова Г. А. К вопросу о научно-художественной реконструкции мечети Биби-Ханым.— Труды САГУ, Новая серия, вып. 49, Гуманитарные науки, кн. 6, Ташкент, 1953, стр. 99—130.

Пугаченкова Г. А. К итогам полевых исследований искусствоведческой экспедиции 1961 года.— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1963, № 4, стр. 55—58.
Самаркандская область.

Пугаченкова Г. А. Мавзолеи Самарканда — Ишрат-хана и Ак-Сарай.— Сборник авторефератов неопубликованных работ САГУ за 1939—1941 гг.— Бюллетень САГУ, вып. 23, Ташкент, 1945, стр. 181.

Пугаченкова Г. А. Пояснение к таблицам 1—12 — обмерным и реконструктивным чертежам мавзолея Ишратхана в Самарканде и 13—19 цветным таблицам-копиям с работ худ. И. К. Мрочковского, приложенным к книге «Мавзолей Ишратхана».—В кн.: Мавзолей Ишратхана, Ташкент, 1958, стр. 155—156.

Пугаченкова Г. А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов.— Труды САГУ, Новая серия, вып. 23, Гуманитарные науки, кн. 4, Ташкент, 1951, стр. 143—168.

Пугаченкова Г. Самарканд. Бухара. По древним памятникам Самарканда и Бухары. Издание второе, дополненное.— М., Изд-во «Искусство», 1968, 203 стр., с 112 рис.

Пугаченкова Г. А. Самарканд—Бухара. Спутник по древним городам Самарканду и Бухаре.— М., «Искусство», 1961, 213 стр.

Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV века.— Труды САГУ, Новая серия, вып. 11, Гуманитарные науки, кн. 3, Ташкент, 1950, стр. 91—120.

Пугаченкова Г. А. Типы художественной керамики эпохи Тимура.— Сборник авторефератов неопубликованных работ САГУ за 1939—1944 годы.— Бюллетень САГУ, вып. 23, Ташкент, 1945, стр. 181.

Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана.— Ташкент, Гос. изд-во худож. литературы, 1958, 292 стр.
Памятники Самарканда.

Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины двадцатого века.— М., Изд-во «Искусство», 1965, 418 стр.
Самарканд и его округа.

Пясковский А. В. Краткий обзор источников по истории революции 1905—1907 гг. в Туркестане.— «Проблемы источниковедения», IV, М., 1955, стр. 114—165.
Самарканд.

Пясковский А. В. Революция 1905—1907 годов в Узбекистане.— Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, 254 стр.
Ряд данных по Самарканду.

Раскопки в Самарканде.— «Красная нива», М., 1923, № 4, стр. 32.

Раскопки древнего Афрасиаба в Туркестане.— «Наука и техника», Л., 1934, № 24, стр. 8.

Ратия Ш. Е. Мечеть Биби-Ханым в Самарканде. Исследование и опыт реставрации — М., Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950, 108 стр. (Памятники архитектуры народов СССР).
Рец.: Бретаницкий Л. «Советская архитектура», М., 1953, № 4, стр. 129—131.

Рахимов М. К. Художественная керамика Узбекистана.— Ташкент, 1961, 244 стр.
Самарканд.

Рахматуллаев Ю. Р. Выдающийся опыт применения советской инженерной техники (выпрямление минарета медресе Улугбека).— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1963, № 1, стр. 56—60.

Рахматуллаев Ю. Р. и Акрамов С. А. К вопросу о реставрации архитектурных памятников г. Самарканда.— «Известия Академии наук Узбекской ССР», Серия общественных наук, Ташкент, 1960, № 1, стр. 34—40, на узб. яз.

Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. Научная редакция доктора искусствоведения Г. А. Пугаченковой.— Ташкент, ГИХЛ УзССР, 1961, 606 стр.
Самарканд.

Ремпель Л. И. Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба.— Доклады АН ТаджССР, вып. IX, Сталинабад, 1953, стр. 25—30.

Ремпель Л. И. Скульптура древнего Самарканда.— 1945, 30 стр. (Рукопись в научном архиве Музея культуры узбекского народа в Самарканде); здесь же рукопись Л. И. Ремпеля «Шах-и-Зинда и Хазрет-Хызр, как памятники домусульманских культов», 1946, 20 стр., инв. № 512, 513).

Ремпель Л. И. и Забелина Н. Н. Согдийские терракоты из собрания Самаркандского музея.— 1943, 120 стр. (рукопись в научном архиве Музея культуры узбекского народа в Самарканде; здесь же рукопись Л. И. Ремпеля и Н. Н. Забелиной «Ранние терракоты древнего Самарканда», 1945, 25 стр.; инв. № 510, 511).

Реставрация памятников старины (в Самарканде).— «Красная нива», М., 1923, № 40, стр. 24.

Ростопчин Ф. Экспедиция в Бухару и Самарканд.— «Советская этнография», М., 1935, № 1, стр. 123.
Язык и письменность.

Савицкий А. П. Заметки о памятнике Улугбеку.— Труды ТашГУ, Новая серия, вып. 169, Исторические науки, кн. 34. Материалы из истории Средней Азии и Узбекистана, Ташкент, 1960, стр. 40—44.

Савицкий А. П. Чтобы память жила.— «Звезда Востока», Ташкент, 1964, № 3, стр. 158—160.
Об отношении к памяти Улугбека передовых русских ученых и колониальной администрации Туркестана.

Савицкий Г. И. Древняя Согдиана.— Труды Самаркандского гос. пед. института, т. I, вып. I, Самарканд, 1940, стр. 1—34.

Савицкий Г. И. Известия античных писателей о Средней Азии. — Труды Самаркандского гос. пед. института, т. II, вып. I, Самарканд, 1941, стр. 1—24.

Савицкий Г. И. Флавий Арриан как источник по истории Средней Азии. Часть I, биография Арриана и его литературные труды. Труды Самаркандского гос. пед. института, т. 3, вып. I, Самарканд, 1941, стр. 1—36.

Саиджанов М. Ю. Обследование усыпальницы Чильдухтарон в Самарканде (из работ Узкомстариса в 1935 г.).— «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1936, № 5, стр. 92—94.

Саидкулов Т. Из истории крестьянских движений в Самаркандской области в 70—80 гг. XIX века.— Материалы XXIII научной конференции профессорско-преподавательского состава СамГУ им. А. Навои, Секция общественных наук, Самарканд, 1966.

Саидкулов Т. Присоединение Самарканда к России и его прогрессивные последствия.— Автореферат диссертации..., Самарканд, 1966, 35 стр. (Самаркандский государственный университет им. А. Навои).

Саидкулов Т. Рабочее движение в Узбекистане в конце XIX и начале XX века (по материалам Самаркандской области).— Материалы XXIII научной конференции профессорско-преподавательского состава СамГУ им. А. Навои, Секция общественных наук, Самарканд, 1966.

Саидкулов Т. Социально-политические изменения в Самаркандской области после присоединения ее к России.— Труды СамГУ, вып. 136, Самарканд, 1964, стр. 15—16.

Саидкулов Т. Социально-экономическое и политическое положение Самарканда накануне его присоединения к России.— Материалы по истории Узбекистана, Самарканд, 1967, стр. 15—23.

Салахутдинов Ф., Хасанов М. и Иосько М.— Звезды Самарканда.— Ташкент, Изд-во «Еш гвардия», 1968, 203 стр.
Самаркандцы — герои ратных подвигов и Герои Социалистического Труда.

Салиев П. Об ошибках, допущенных А. М. Гуревичем в его статье «О классовой борьбе в Самарканде в 1365—1366 гг.», «Литературный Узбекистан», Ташкент, 1936, кн. IV, стр. 124—133.

Салямов Г. Улугбек — великий ученый XV века.— «Фан ва турмуш» («Наука и жизнь»), Ташкент, 1957, № 3, стр. 9—11, на узб. яз.

Самарканд. Большая Советская Энциклопедия, т. 37, М., 1956, стр. 648—650.

Самарканд. Краткий справочник-путеводитель. Составители: И. И. Умняков, Ю. Н. Алескеров и К. М. Михайлов.— Ташкент, Госиздат УзССР, 104 стр.

Самарканд. Краткий текст и фотографии памятников города.— Ташкент, Госиздат УзССР, 1958, 40 стр.

Сарианиди В. И. Новая матрица Самаркандского музея.— Известия отделения обществ. наук АН ТаджССР, 14, Душанбе, 1957, стр. 105—108 (также «Эпиграфика Востока», XII, М., 1958, стр. 107—110).

Саркизов-Серазини В. В. В стране Тамерлана и жаркого солнца.— М.—Л., Изд-во «Молодая гвардия», 1924, 192 стр.
Самарканд; стр. 113—162.

Семенов А. А. Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гур-и Эмире.— «Эпиграфика Востока», I, М., 1948, стр. 49—62; III, М., 1949, стр. 45—54.

Семенов А. А. Надпись на надгробии псевдо-Сейид Омара в Гур-и Эмире в Самарканде. — «Эпиграфика Востока», I, М., 1947, стр. 23—26.

Симонов А. Февральская революция в Средней Азии.— «Коммунистическая мысль», кн. 3, Ташкент, изд. С. А. К. У., 1927, стр. 234—269.
Самарканд.

Симонов А. В. Восстание против царизма в Самарканде в 1868 году.— Труды УзГУ, Новая серия, № 10, История, вып. I, Самарканд, 1940, стр. 9—16.

Симонов А. В. Завоевание Самарканда царизмом.— Труды УзГУ, Новая серия, № 10, История, вып. I, Самарканд, 1940, стр. 1—7.

Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949—1956 гг.). Отв. редакторы: М. Н. Боголюбов, И. П. Петрушевский.— М., Издательство восточной литературы, 1963, 174 стр.
Монеты самаркандского чекана.

Смирнова О. И. К истории самаркандского договора 1712 г.— Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР, 38, М., 1960, стр. 69—79.

Смирнова О. И. К хронологии Согда VII—VIII вв. н. э.— Бюллетень Академии наук УзССР, Ташкент, 1945, № 6, стр. 27—29.

Смирнова О. И. Новые данные по истории Согда VIII в.— «Вестник древней истории», М., 1939, № 4, стр. 97—102.

Соколов Ю. А. Бухара, Самарканд, Келиф в 1813 году (Публикация отрывка из «Путешествия Мир Изет Уллы в Среднюю Азию в 1812—1813 годах»).— Труды САГУ, вып. XC, Ташкент, 1957, стр. 193—217.

Соколова Н. И. Орнаментика мазаров Туркан-ака и Ширин-бека-ака (К вопросу о стиле).— Труды секции истории искусств РАНИОН, V, «Искусство Средней Азии», Сборник статей, М., 1930, стр. 42—61.

Спришевский В. И. Погребение с конем середины I тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека. — Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. I, Ташкент, 1951, стр. 33—42.

Ставиский Б. Я. «Ампула святого Мины» из Самарканда.— Краткие сообщения и доклады о полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, 80, М., 1960, стр. 101—102.

Ставиский Б. Я. Некоторые вопросы истории и топографии древнего Согда.— Вестник Ленинградского университета, Л., 1948, № 3, стр. 118—126.

Ставиский Б. Я. О датировке ранних слоев Тали-Барзу.—«Советская археология», М., 1967, № 2, стр. 22—28.

Ставиский Б. Я. Самаркандские чернильные приборы IX—X вв. в собрании Эрмитажа.— «Советская археология», М., 1960, № 1, стр. 278—280.

Строева Л. В. Возникновение государства Тимура. — Ученые записки Ленинградского гос. университета, № 128, Серия востоковедческих наук, вып. 3, Л., 1952, стр. 64—87.

Строева Л. В. Сербедары Самарканда. — Ученые записки Ленинградского гос университета, № 98, Серия востоковедческих наук, вып. 1, Л., 1949, стр. 270—281.

Сухарев И. А. Два блюда XV в. из Самарканда. — Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 47—64.

Сухарев И. А. Дворец-сад Тимура Давлят-Абад. — Труды Узбекистанского гос. университета, Новая серия, № 14, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 1—8.

Сухарев И. А. Загадки таджиков г. Самарканда и его окрестностей. Материалы по таджикскому фольклору.— Материалы Центрального гос. музея УзССР, вып. 2—3, Самарканд, 1934, стр. 3—24.

Сухарев И. А. Коллекция В. Л. Вяткина. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», Л., 1934, № 7—8, стр. 173.
Находки на Афрасиабе.

Сухарев И. А. Ранняя поливная керамика Самарканда. — Труды Узбекского гос. университета, Новая серия, № 14, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 9—16.

Сухарев И. А. Рукопись: «Паспорта археологических памятников Самаркандской области», 1935/36, 180 стр. и др. в научном архиве Музея культуры узбекского народа в Самарканде; инв. № 272, 314, 403, 405, 505, 509.

Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства (Историко-этнографические очерки). — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, 146 стр.
Самарканд.

Сухарева О. А. К истории костюма населения г. Самарканда (рукопись в рукописном фонде Института истории и археологии АН УзССР).

Сухарева О. А. Самаркандская декоративная вышивка. — 1944, 210 стр. (Рукопись в научном архиве Музея культуры узбекского народа в Самарканде; здесь же рукописи О. А. Сухаревой: «Состояние художественных ремесел Самарканда и перспективы их развития», 18 стр. и «Ткацкие ремесла в Самарканде», 1944; инв. № 422, 428, 528).

Сухарева О. А. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии. — «Советская этнография», М., 1940, № 3, стр. 172—176.

Ташходжаев Ш. С. К истории изучения средневековой поливной керамики Афрасиаба. — Научные работы и сообщения, кн. 2, Ташкент, 1961, стр. 260—268 (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).

Ташходжаев Ш. С. Поливная керамика Афрасиаба второй половины X— первой половины XI в. — Научные работы и сообщения, кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 298—305 (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).

Ташходжаев Ш. Поливная керамика Самарканда второй половины XII — начала XIII в. — Научные работы и сообщения, кн. 5, Ташкент, 1962, стр. 197—211 (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).

Тереножкин А. И. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г. — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, XVII, М., стр. 116—121.

Тереножкин А. И. Археологические работы в Самарканде.—Бюллетень Академии наук УзССР, Ташкент, 1945, № 11—12, стр. 45—46.

Тереножкин А. И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда.—«Вестник древней истории», М., 1947, № 4, стр. 127—135

Тереножкин А. И. Раскопки на городище Афрасиабе (1948).—Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, XXXIV, М., 1951, стр. 136—140.

Тереножкин А. И. Согд и Чач.— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 152—169.

Тихонов Н. Вамбери.—М., Гос. изд-во географической литературы, 1957, 64 стр.
Вамбери в Самарканде.

Толстов С. П. Древняя культура Узбекистана. — Ташкент, 1943, 36 стр. (УзФАН СССР. Институт языка, литературы и истории).
Рец.: Лукин Б. В. «Исторический журнал», М., 1943, № 10, стр. 80—82.

Толстова Л. С. Материалы этнографического обследования групп «Каракалпак» Самаркандской области Узбекской ССР.—«Советская этнография», М., 1961, № 3, стр. 34—44.

Томаев Г. Н. Резная майоликовая мозаика в архитектуре Средней Азии XIV—XV вв.—М., Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1951, 120 стр.

Тревер К. В. Александр Македонский в Согде (Из истории народов Средней Азии).—«Вопросы истории», М., 1947, № 5, стр. 112—122.

Туркестанская старина. Тематические сборники статей из книг, газет и журналов, посвященные прошлому русского Туркестана и составляемые канд. истор. наук Е. К. Бетгер. Т. II, Самарканд в описаниях путешественников. — Ташкент, 1944, 261 стр. машинописи.

Турсунов С. Революционные события в Самарканде (Воспоминания).— В кн.: Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Сборник статей и воспоминаний, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, стр. 139—140.

Турсунов Х. Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Под редакцией А. В. Пясковского и М. Г. Вахабова. — Ташкент, Госиздат УзССР, 1962, 428 стр.

Узбекская ССР.—Ташкент, Госиздат УзССР, 1963, 484 стр.
Самарканд; стр. 355—358.

Умняков И. И. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в начале XV в.—Тезисы I конференции вузов и научных учреждений г. Самарканда, Самарканд, 1958, стр. 24—26.

Умняков И. И. Международные отношения Средней Азии в начале XV века. Сношения Тимура с Византией и Францией.—Труды Узбекского гос. университета им. А. Навои, вып. 61, Самарканд, 1956, стр. 179—200.

Умняков И. И. и Алескеров Ю. Н. Самарканд. Справочник-путеводитель. 3-е доп и исправл. издание.—Ташкент, Госиздат УзССР, 1962, 160 стр.

Умняков И. И. Алескеров Ю. Н. и Михайлов К. М. Самарканд. Краткий справочник-путеводитель.—Ташкент, Госиздат УзССР, 1956, 103 стр.

Умняков И. И., Алескеров Ю. Н. и Михайлов К. М. Самарканд. Краткий справочник.—Ташкент, Госиздат УзССР, 1958, 108 стр.

Файзуллаев А. Ф. Вопросы познания в «Зидже» Улугбека.— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1969, № 3, стр. 43—45.

Файзуллаев О. Таблицы Улугбека и их роль в развитии науки. — «Фан ва турмуш» («Наука и жизнь»), Ташкент, 1957, № 3, стр. 12—13 (на узб. яз.).

Фаттаев М. А. Видные педагоги Самарканда.— Самарканд. Изд-во Самаркандского гос. университета, 1961, 42 стр.

Фаттаев М. А. К истории развития педагогической мысли в Узбекистане в начале XX в. (По материалам Самаркандской области).—Автореферат диссертации..., Ашхабад, 1962, 21 стр. (Туркменский гос. университет им. А. М. Горького).

Фаттаев М. А. Первые педагоги узбекской и таджикской школ Самар-

канда.— Материалы третьей объединенной научной сессии ученых Самарканда.—Самарканд, 1961, стр. 131—133.

Федоров М. Н. К вопросу о последнем караханидском дворце на Афрасиабе.—«Советская археология», М., 1965, № 3, стр. 239—242.

Федоров М. Клад медных хорезмских дирхемов, обнаруженный на Афрасиабе в 1959 г. — Научные работы и сообщения, кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 291—297 (Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных наук).

Федоров М. Н. Мухаммед Хорезмшах и чекан Самарканда в конце первого и во втором десятилетии XIII в. (Нумизматические данные к истории Самарканда начала XIII в.).—«История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 162—170.

Федоров М. Н. Стратиграфический шурф в восточной части городища Афрасиаб.—В кн.: Афрасиаб, Вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 247—255.

Федоров-Давыдов Г. А. Клад золотых монет X в. из Самарканда. — В кн.: Историко-археологический сборник, М., 1962, стр. 189.

Федченко А. П. Топографический очерк Зеравшанской долины и заметки о соседних богатствах и памятниках Самарканда. — В кн.: А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан.— М., Географгиз, 1950, стр. 120—185.

Филанович М. И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе. — В кн.: Афрасиаб, Вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 206—220.

Филимонов В. М. Древнее резное дерево из комплекса Хусама ибн Аббаса в ансамбле Шах-и-Зинда. «Изобразительное искусство Узбекистана», I, Ташкент, 1962, стр. 267—278.

Халаминский Ю. Столица Тамерлана. — В кн.: Ю. Халаминский. Дорогами легенд.—М., Изд-во «Советский художник», 1968, стр. 83—104.

В склепе Тимура. Дневник испанского посла. Загородний дворец. Пиршества. Гиены. Шахи-Зинда. Легенда о Биби-Ханым. «Могила эмира». Секстант Улугбека. Регистан. Разгадка трагедии.

Хорскьер Э. Путь в золотой Самарканд (Путевые заметки датского писателя).— В кн.: «Глазами друзей», Л., Изд-во «Художественная литература», 1959.

Хубларов В. В глубине столетий.— «Семь дней», Ташкент, 1927, № 37, стр. 8.

Раскопки на Афрасиабе.

Чабров Г. Н. Историко-археологическая периодизация древнего Самарканда.— Бюллетень Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1947, № 3, стр. 28—30.

Чабров Г. Н. Собрание орнаментальных мотивов среднеазиатского искусства в дореволюционном Самарканде. — Научные труды Среднеазиатского гос. университета, вып. 200, Археология Средней Азии, VI, Ташкент, 1963, стр. 139—150.

В статье содержится ряд данных о неопубликованном и частично затерянном альбоме таблиц с акварельными зарисовками облицовок историко-археологических памятников Самарканда и других городов («чистых цветных акварелей с натуры»), выполненных Б. Н. Литвиновым, а также о составленных С. М. Дудиным 57 таблицах по орнаментальному искусству Средней Азии, в том числе по Самарканду и др.

Чабров Г. Н. Страницы истории Самарканда (1868—1916).—Труды ТашГУ им. В. И. Ленина, Новая серия, вып. 194, Исторические науки, кн. 13, Ташкент, 1962, стр. 5—17.

Чернявский Евгений. Блики древнего города. — М., «Московское товарищество писателей», 1928, 100 стр.

Книга о Самарканде.
Чехович О. Д. Вакуфный документ времени Тимура из коллекции Самаркандского музея.—«Эпиграфика Востока», IV, М., 1951, стр. 56—67.
Чехович О. Д. Из документа XIV в. об окрестностях Самарканда и их орошении.—Доклады АН УзССР, Ташкент, 1948, № 6, стр. 48—42.
Чехович О. Д. Из источников по истории Самарканда XV в. — В кн.: Из истории эпохи Улугбека, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1965, стр. 300—361.
Чехович О. Д. Оборона Самарканда в 1454 году. — Известия Академии наук Узбекской ССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1960, № 4, стр. 36—44.
Чехович О. Д. О некоторых актах XVII в. из коллекции Самаркандского музея в связи с задачами среднеазиатской дипломатики.—Бюллетень АН УзССР, Ташкент, 1945, № 11—12, стр. 36—37.
Шаджанов И. Самаркандская типография (Воспоминания). — В кн.: Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Сборник статей и воспоминаний.—Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, стр. 141—142.
Шваб Ю. З. К истории сложения северной группы ансамбля Шахи-Зинда. — «История материальной культуры Узбекистана», вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 139—154.
Шваб Ю. З. Мавзолей «Неизвестный № 2» из ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде.—«Строительство и архитектура Узбекистана», Ташкент, 1963, № 3, стр. 23—26.
Шевердин М. И. Падающий минарет (в Самарканде).—«Семь дней», Ташкент, 1928, № 2, стр. 14
Шевердин М. Турист в Средней Азии.—«Семь дней», Ташкент, 1927, № 18, стр. 12—13.
Самарканд.
«Шейбани-Хан даежаны». Записал Гази Алим Юнусов со слов узбекского народного поэта Мехмед Куль-Джамрат-оглы Полкена. — Издание Комитета узбековедения при Академическом центре востоковедения, Самарканд, 1928.
Легендарное изложение борьбы Шейбани-хана с Тимуридом Бабуром за Самарканд в начале XVI века.
Шишкин В. А. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1966, 36 стр. (также на узб. яз.).
Шишкин В. А. Города Узбекистана (Самарканд, Бухара, Ташкент).— Ташкент, 1943, 36 стр. (Академия наук СССР. Узбекский филиал. Институт языка, литературы и истории).
Рец.: Л у н и н Б. В. Исторический журнал, М., 1944, № 9, стр 103—104.
Шишкин В. А. Гур-Эмир.—Бюллетень АН УзССР, Ташкент, 1946, № 2, стр. 24—27.
Шишкин В. А. Из археологических работ на Афрасиабе (Раскопки В. Л. Вяткина в мае—июне 1925 г.).—Известия УзФАН, Ташкент, 1940, № 12, стр. 63—70.
Шишкин В. А. Кал'а и Афрасиаб. Работы Института истории и археологии АН УзССР по изучению домонгольского Самарканда (1945—1966).— В кн.: Афрасиаб, Вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 122—152.
Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей.—В кн.: Афрасиаб, Вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 3—121.
Шишкин В. А. Обсерватория Улугбека и ее исследование.—Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. V, Ташкент, 1953, стр. 3—100.

Шишкин В. А. О мнимом мавзолее «Улуг-бегим» в Шахи-Зинда. — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1962, № 11, стр. 66—67.
Шишкин В. А. О юбилейной дате Самарканда, о возрасте города. — «Ленинский путь», Самарканд, 22 ноября 1966, № 228 (7500).
Шишкин В. А. Раскопки обсерватории Улугбека в Самарканде в 1948 г.— Известия АН УзССР, Ташкент, 1949, № 3, стр. 36—45.
Шишкин В. А. Раскопки обсерватории Улугбека в Самарканде в 1944 г.— Тезисы научных докладов на сессии Академии наук УзССР 24—28 января 1949 г.— Ташкент, 1949, стр. 87.
Шишкин В. А. Самаркандская обсерватория Улугбека. — В кн.: Из истории эпохи Улугбека, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1965, стр. 200—226.
Шишкина Г. В. Клад медных монет из Афрасиаба. — «История материальной культуры Узбекистана», вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 112—122.
Шишкина Г. В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба.—В кн.: Афрасиаб, Вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 221—246.
Шишкина Г. В. Монетные находки в жилом квартале древнего Самарканда. — В кн.: Из истории культуры народов Узбекистана, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1965, стр. 32—44.
Шишкина Г. В. О датировке некоторых терракот Афрасиаба. — «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 180—184.
Шишкина Г. В. О местонахождении Мараканды. — «Советская археология», Москва, 1969, № 1, стр. 62—75.
Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом.— «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 192—222.
Шмидт А. Э., Субботин М. Ф. и Вяткин В. Л. Мирза Улуг-бек.—Ташкент, УзГИЗ, 1925, 8 стр.
Щеглов В. П. Обсерватория Улугбека в Самарканде.— М., Изд-во АН СССР, 1958, 14 стр.
Щеглов В. П. Самаркандская обсерватория Улугбека. — «Земля и Вселенная», М., 1967, IV, стр. 62—68.
Элизов П. Пляшущие дервиши (Самарканд).— «Семь дней», Ташкент, 1927, № 29, стр. 5.
Юсупов М. С. 50 лет Самаркандского музея. 1896—1946 гг.—Самарканд, 1948, 34 стр. (Музей культуры узбекского народа в Самарканде).
Якубовский А. Ю. Археологическая экспедиция в Заравшанскую долину в 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции).—Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 114—164.
Якубовский А. Ю. Заравшанская археологическая экспедиция 1939 г.— КСИИМК, 4, М., 1940, стр. 48—52.
Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда.— Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 285—337.
Якубовский А. Ю. Краткий полевой отчет о работах Зеравшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. — Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 51—70.
Якубовский А. Ю. Образы старого Самарканда. — «Восток», кн. 5, М.— Л., 1925, стр. 140—163.
Якубовский А. Ю. Самарканд при Тимуре и Тимуридах. Очерк.—Л., Издание Гос. Эрмитажа, 1933, 68 стр.

Якубовский А. Ю. Тимур (Опыт краткой характеристики). — «Вопросы истории», М., 1946, № 8—9, стр. 42—74.

Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.—Труды историко-археологического института и Института востоковедения АН СССР. Материалы по истории народов СССР, вып. III, ч. 1, М., 1932, стр. 1—60.

Ян М. Древняя обсерватория Улугбека — «Всемирный турист», М., 1928, № 7, стр. 208—213.

ДОПОЛНЕНИЯ

Абдуллаев И. и Хикматуллаев Х. Ученые Самарканда.— Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969, 104 стр. (на узб. яз.).

Ахмедов М. Об Улугбеке. — «Шарк Юлдузи», Ташкент, 1969, № 4, стр. 120—128 (на узб. яз.).

Бакланов Н. Б. Три сооружения Тимура. — Труды Всероссийской Академии художеств. I, М., 1947, стр. 51—66.
Мечеть Биби-Ханым.

Библиографический указатель литературы по Самарканду и Самаркандскому краю. Составители: проф. Г. П. Семенов и доц. П. В. Вилькошевский. — Самарканд (Стеклографическое издание 1935 г. и машинописный экземпляр 1937 г.).

Бородина И. Ф. Реставрационные работы в интерьере мавзолея Гур-Эмир в 1965 г. (Информационное сообщение).— Исследование и реставрация памятников архитектуры Узбекистана. Сборник статей. Ташкент, 1966, стр. 37—38.

Брусенко Л. Г. Раскопки квартала гончаров X—XI вв. на городище Афросиаб. — «История материальной культуры Узбекистана», Вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 115—123.

Булгаков П. Г. К биографии Улугбека. — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 99—100.

Буряков Ю. Ф. Коллекция бронзовых художественных изделий XIV—начала XV века из Самарканда. — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 81—86.

Гендель Э. Выпрямление минарета в Самарканде. — «Архитектура СССР», М., 1966, № 2, стр. 59—61.

Гендель Э. М. Выпрямление юго-восточного минарета медресе Улугбека в Самарканде. — Материалы исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана, Вып. 1, Ташкент, 1967, стр. 22—32, с 3 рис.

Джалалов Г. Д. Некоторые замечательные высказывания астрономов Самаркандской обсерватории. — Историко-астрономические исследования, Вып. IV, М., 1958, стр. 381—386.

Кабанов С. К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. — «Советская археология», М., 1969, № 1, стр. 183—198.

Кары-Ниязов Т. Н. Самарканд при Тимуре. — «Фан ва турмуш», Ташкент, 1968, № 3, стр. 20—23 (на узб. яз.).

Лунин Б. В. История, культура и искусство времени Тимуридов в советской литературе (Библиографический указатель). — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 101—145.
Литература по Самарканду.

Лунин Б. В. К историографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана (По архив-

ным данным). — «История материальной культуры Узбекистана», Вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 169—192. Самаркандская область, Самарканд; стр. 187—191.

Лунин Б. В. Самаркандский археолог и востоковед Василий Лаврентьевич Вяткин. Отв. редактор акад. АН УзССР И. М. Муминов. — Ташкент, «Знание», 1969, 48 стр. (на узб яз.).

Муминов Ибрагим. Об исторических корнях возникновения и развития искусства Средней Азии эпохи Тимуридов. Самарканд—Ташкент, 1969, 47 стр., на узб., русск. и англ. яз. (Международный научный симпозиум ЮНЕСКО по изучению искусства эпохи Тимуридов).

Немцева Н. Б. К истории сложения «Средней группы» мавзолеев ансамбля Шахи-Зинда. — Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана, Вып. 1, Ташкент, 1967, стр. 95—115, с 6 рис.

Немцева Н. Б. Раскопки на территории Шахи-Зинда в Самарканде. — В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., Изд-во «Наука», 1969, стр. 425—426.

Никитин Г. Н. Живописное убранство мавзолея Гур-Эмир. — Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана, Вып. 1, Ташкент, 1967, стр. 84—94, с 7 рис.

Пачос М. Две находки из Афрасиаба. — «История материальной культуры Узбекистана», Вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 143—145.

Плетнев И. Е. Анализ построения архитектурных форм мавзолея Гур-Эмир. — Исследование и реставрация памятников архитектуры Узбекистана. Сборник статей. Ташкент, 1966, стр. 16—24.

Плетнев И. Е. Реставрация купола мавзолея Гур-Эмир. — Труды Ташкентского политехнического института, Вып. 2, Ташкент, 1967, стр. 451—458.

Плетнев И. Е. и Шваб Ю. З. К вопросу о формировании группы построек ансамбля Шахи-Зинда. — «Строительство и архитектура Узбекистана», Ташкент, 1967, № 5—6, стр. 87—89.

Плетнев И. Е. и Шваб Ю. З. Формирование сложных архитектурных комплексов у мавзолеев Кусам-ибн-Аббаса и Гур-Эмир. — Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана, Вып. 1, Ташкент, 1967, стр 43—62, с 7 рис.

Ставиский Б. Я. Даргома и два этапа в истории орошения Самарканда.— «Народы Азии и Африки», М., 1969, № 2, стр. 147—149.

Федоров М. Н. Клад монет Улугбека из Самарканда. — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1969, № 8—9, стр. 98—99.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Публикуемый в двух томах настоящего издания библиографический указатель отечественной (дореволюционной и советской) литературы по истории города Самарканда не претендует на исчерпывающий характер. В частности, литература географического, экономического и другого характера по Самарканду и его округе в состав указателя не включалась. Это указатель публикаций именно по истории города (с учетом публикаций по археологии, нумизматике, этнографии и т. п.). В процессе работы над указателем составитель обращался к материалам ставшего теперь редкостью «Библиографического указателя литературы по Самарканду и Самаркандскому краю» проф. Г. П. Семенова и доц. П. В. Вилькошевского.

Указателю советской литературы по истории Самарканда предпослан краткий перечень некоторых сводных работ по Узбекистану и Средней Азии (Туркестану).

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Аббас (VII в.) 97
Аббас (XV в.) 228
Аббас, шах 270
Аббасиды 97, 99, 101, 106
Абду Бакиев Абду Надыр 393
Абдугулам 366
Абдужалил Писанди 345
Абдукадыр Шакури 345, 346
Абдулазиз Самарканди 290
Абдулазиз, сын Улугбека 227, 228, 251, 252
Абдуллали Назмуддин ибн Мухаммед ибн Хусейн Бричанди, мулло 288
Абдулваси 197
Абдулджаббар, зодчий 300
Абдулджаббар, наместник Хорасана 101
Абдулкарим 263
Абдулкарим Сипанджи 345
Абдулкарим, сын Абдуррахмана Хорезми 215
Абдулкасым Самарканди 231
Абдулкаюм Самарканди 292
Абдулкохир Джурджани 231
Абдулла (алид) 100
Абдулла Джаббар Найман Самарканди 292
Абдулла ибн Амр 101
Абдулла ибн Мухаммед ибн Али Насрулла 199
Абдулла ибн Тахир 112, 113, 115
Абдулла ибн Хумейд ибн Кахтаба 102
Абдулла Самарканди 291
Абдулла-хан II 259, 260, 270, 271, 278, 280, 297
Абдуллаев В. А. 6, 406, 407
Абдуллатиф, сын Улугбека 226—228, 230
Абдуллатиф-хан, Шейбанид 259
Абдулмаджид Шавки 344, 345
Абдулмалик ибн Нух 145, 146
Абдулмалик ибн Язид 102, 103
Абдулмумин, сын Абдуллы-хана II 261
Абдульфатов Абдушараб 311
Абдулхайр-хан 230
Абдурашидханов Мунавар Кари 366
Абдурразак ибн Исхак ас-Самарканди 369
Абдурразак Самарканди 208, 214, 252
Абдуразаков А. А. 403
Абдурасулев Усман 359
Абдурахманов М. С. 407
Абдуррахим, сын Абдуррахмана Хорезми 215
Абдуррахман Абу Муслим см. Абу Муслим
Абдуррахман Джами 20, 197, 231—233, 235, 352, 369
Абдуррахман ибн Муслим 80, 81

Абдуррахман ибн Нуайм 86, 91, 93, 94
Абдуррахман Мушфики 290
Абдуррахман Саади 20
Абдуррахман Тали 263, 264
Абдуррахман Хорезми 215
Абдуханиф 292
Абдухафиз 405
Аболин Б. 315
Абрамов А. К. 303, 304, 341, 376
Абрамов М. М. 6, 407
Абруй 76
Абу Абдулла ибн Абу Хафс 117
Абу Али ибн Мухаммед ибн Хусейн Бирджанди 217, 225
Абу Али Чагани 145
Абубекр Келеви 160
Абу Дауд Халид ибн Ибрахим 99, 101
Абу Джа'фар, Аббасид 99, 100, 101
Абу Джафар Мухаммед ибн Джарир, ат-Табари см. Табари
Абулкасым Бабур, сын Байсункара 227, 230
Абулкасым ибн Хаукаль см. Ибн Хаукаль
Абулфайз-хан 262—265
Абулхайр-хан 278
Абу Мансур Муваффак ал-Хереви 271
Абу Музаххим 92, 93, 95
Абу Мулла Фарид Дехлеви 221
Абу Муслим 98—102
Абу Саид Махзум 384
Абу Саид Мирза 172
Абу Саид, Тимурид 208, 230, 253
Абу Саид-хан, сын Кучкунчи-хана 296, 297
Абу Саида 91, 92, 95
Абу Салом-хан 265
Абу Тахир ибн кози Абусаид Ходжаи Самарканди 41, 42, 119, 284, 289, 344, 370, 382
Абу Тахир Тайфур 112
Абу Фатима ал-Аздий 91, 92, 95
Абу Ханифа ад-Динавери 98
Абу Хафс Омар ибн Мухаммед ан-Насафи, см. Насафи
Абу Хашим Абдулла 97
Авез-бий 263
Автан 67
Агзамходжаев Т. А. 403
Адам 102
Азеев 377
Азимбаев 364
Айни Садриддин 20, 344, 346
Айн ад-Давла 149
Акабир Ходжа 366
Акбар-шах 294
Акил Ходжаев Аббас Ходжа 361
Ак-Коюнлу 230
Акрамов И. А. 407
Акрамов С. А. 6, 407
Алак-нойон 156
Алат-хан 157
Алауддин Али ибн Мухаммед Кушчи см. Али Кушчи
Алауддин Самарканди 235
Алауддовла, сын Байсункара 226, 227
Александр Македонский 9, 10, 33—35, 46, 48—57, 59—68, 152, 175, 368, 369, 378
Алескеров Ю. Н. 406
Али Акбар Самарканди 288
Али ибн Иса 107—109
Али ибн Иса ибн Махан 112, 114
Али ибн Муса ар-Риза 111
Али ибн Мухаммед Джурджани 215
Алиды 97
Алике Кукельташ 251
Али Кушчи 217, 223, 224, 231, 288
Алимбай 306
Али Несефи 191, 241
Али-паша 223
Али Тегин 148
Алишер Навои 20, 197, 215, 231, 232, 234—237, 253, 292, 352, 369
Али Эр-хан 156, 157
ал-Кермани см. Джудей ал-Кермани
ал-Тар 86, 88, 89, 91
ал-Хаджжадж 79, 80
Алои Шоши 235
Альбаум Л. И. 5, 399, 403
Альфонс Поэс де Санта Мария 190, 193
Амидулмульк 158
Амин, Аббасид 111, 112
Амин Умари 20
Аминов М. У. 6, 407
Аминта 64
Амир ибн Малик ал-Хаммади 93
Амир Саид Шариф Ракимий Самарканди 289
Аморг 31
Анбас ибн Мухаджир 109

Андреев М. С. 394
Андрианов Ф. Ф. 313, 328
Андромах 57, 59
Аникин 334
Антропов Н. 334
Ануша-хан 261
Арзий Самарканди 290
Аристилл 226
Аристовул 59, 61, 369
Арриан см. Квинт Эпий Флавий Арриан
Арслан-хан 155
Артаксеркс I (Артахшаса) 48, 50
Артамонов 352
Асад ибн Абдулла 91, 95, 96, 125
Асад ибн Ахмед 115
Асад ибн Саман-худат 111, 115
Асим ибн Умейр 93
Асири 344
Аскаров А. 5, 403
Атаджан Хашим 20
Атоий Аваз ибн Мавлано Отакул Самарканди 290
Афзали Самарканди 290
Афшины 114
Афрамович К. М. 315, 352
Ахемениды 46, 48—51, 368
Ахмед ибн Али, Караханид 147, 148
Ахмед ибн Асад 112, 113, 115
Ахмед ибн Исмаил 143
Ахмед ибн Мухаммед ибн Арабшах 167, 199, 201—203, 205, 209
Ахмед ибн Хизр 149
Ахмед Муди 104
Ахмед, сын Арслан-хана 150
Ахмед Ходжибек 253
Ахмедов Б. А. 5
Ахмедов Турсун 405
Ахраров И. 402, 403
Ахурамазда 32
Ашкент 94
Ашки Самарканди 290
Ашрас 91—94, 108
Ашраф ибн Мухаммед ас-Самарканди 150
Аштарханиды 261—263, 284, 297
Ашуров К. 313, 325
Аяз-бий 266

Баба-султан, сын Науруз Ахмед-хана 260
Бабур см. Захириддин Мухаммед Бабур
Бадахши Дурбек 215, 237
Бадриддин Кази-хан 155, 156
Бадриддин Хилоли 290
Базми Самарканди 290
Байсункар-мирза 255
Бакиев Алим 348
Баки Мухаммед 261
Балазури 85, 91
Балаи-хан 156
Бал'ами 86, 102—104
Бар Еврей 106
Бареддин 241
Баркас 99
Бармакиды 106, 112
Барсмас-хан 157
Бартольд В. В. 15, 20, 53, 61, 115, 119—121, 216, 343, 370, 372, 379—384, 388, 395, 396, 400, 402, 405
Барщевский Л. С. 375, 383, 385, 390
Басин 387
Бату 259
Башир ибн Джурмуз Дабий 91, 95
Башир ибн Зунбур Азди 91
Башир ибн Лейс 109, 110
Баурчик 155
Бахретдин 366
Баязед I 173—182, 185, 188—190
Баязед II 224
Бедили Самарканди 289, 290, 352
Бегтузун 145
Бекбуди Махмуд Ходжи 345, 365
Белокопеннов 334
Бенаи 231, 256, 269, 290, 295
Беневени Флорио 262
Бераз 101
Береговой 335
Беруни 12, 106
Бесс 46, 48, 50—53, 61, 67
Бехзад 231
Бильфельд 352
Бирджанди см. Абу Али ибн Мухаммед ибн Хусейн Бирджанди
Бисати Самарканди см. Сираджиддин Бисати Самарканди
Бобо-ходжа Сафо Каландар Самарканди 292
Бобринский А. А. 388, 389
Богдан-Брезовский 352
Богословский Ф. 371

Бодиелдои Самарканди 100
Боки жаррох Самарканди 288
Боки Мухаммед ибн Хафиз Ер Самарканди 289
Боки Хумдонаки Самарканди 290
Болотин Н. 313, 315, 321, 324
Бонвало Габриэл 373
Бонч-Бруевич В. Д. 392
Борнс А. 372
Бородин 321
Бородина Ираида 405
Бородина Н. Ф. 405
Борзенков 376
Брилль Игнат 349
Брусенко Л. Г. 403
Бронштейн А. М. 313
Бутенев К. Ф. 371
Бурак 213
Бур-Затак 138
Бури-Тегин (Тамгач-хан) Ибрахим, сын Илека Насра 148—150
Бурхануддин 230
Бурхануддин Сагарджи 244
Бурэ Л. Л. 405
Буряков Ю. Ф. 403
Бухар-худат 84
Быховский В. В. 316, 333, 341

Вали Мухаммед Аштарханид 261
Валиходжаев В. 6
Валуа 177
Вамбери А. 282. 349, 372
Вардан-худат 79
Вархотова Д. П. 403
Васильев 377
Васильев В. Н. 386
Васильев-Вятский В. 350
Васильчиков Григорий 270
Васифи см. Зайниддин Васифи
Васифи Самарканди 290
Васл ибн Амр 93
Вафон 232, 237
Веймарн Б. В. 405
Вей-Цзе 11, 369
Веньяминов 352
Вербов 393
Веретенников 388
Верещагин В. В. 238, 349, 350, 374
Веселовский Н. И 343, 377—379, 382—384, 386—388, 394
Виноградов А. В. 405
Витте С. Ю. 386
Власов С. 337, 339
Воеводский М. В. 398
Возе 344
Волкова Нина 405
Вяткин В. Л. 20, 42, 119, 121, 124, 134, 219, 343, 379—385, 387, 390—393, 395—398, 401, 402, 405, 407

Гадой-хан, сын Абдуллатиф-хана 260
Газаров 339
Гардизи 101, 115
Гарича (Хариджа) 103
Гаухар-Шад 226, 227
Гендель Э. М. 406
Генрих III 190, 371
Генрих IV Ланкастерский 177, 185, 187, 189, 190
Герасимов М. М. 398, 399
Геродот 48, 368
Герфенштейн 352
Герценштейн 352
Гескет 318, 321
Гефестион 63
Гинзбург В. В. 398
Гиппарх 226
Гитриф ибн Ата 106
Гиясуддин Али Йезди 369
Гиясуддин Джемшид ибн Масъуд 217—219, 221—223
Гладышев 265
Гоголь Н. В. 350
Головачев Н. Н. 303, 304
Гольцев А. 335
Гомес де Салазар 190
Гончарова К. А. 394
Гордеев 334
Гражданкина Н. С. 404—406
Грачев-Горновский С. Б. 352
Гребенкин А. Д. 341, 343
Грей Б. 406
Гретил Пантюк 349
Грибоедов А. С. 350
Григорьев В. В. 61, 64
Григорьев Г. В. 40, 397, 398
Грубе Е. 406
Гулханий Мухаммед Шариф 292
Гулямов Я. Г. 5, 139, 397, 401, 403, 405, 406
Гурек 80, 81, 83—86, 90—92, 94—96
Гурхан 152

Давидович Е. А. 406
Давлат-бий Кушбеги 266, 301
Давлат Қадам Густкаш 275
Давлатшах ибн Бахтишах 232
Давои Самарканди 288
Дадабаев Г. 403
Дададжанов Хасан 352
Данияр-бек 366
Данияр-бий, аталык 265
Дарий I 48, 49
Дарий III 46, 48, 50, 51, 61, 62
Дарья-хан ибн шейх Саъдиддин Мултани 274, 275
Дауд 105
Девалишев А. 315
Дейн 352
Де-Липпе Николай Иосипович 325
Демезон 372
Демуров 313, 315, 323, 330, 337, 339
Денике Б. П. 405
Дервиш Али 295
Дервиш Хашим Самарканди 290
Джабгу 110
Джабраил ибн Яхъя 102—105
Джаван-бий 257
Джавхари 210, 232, 234, 235
Джагра-хан Джалалуддин Али, сын Хасан-Тегина 151
Джалалуддин Али, имам 155
Джами см. Абдуррахман Джами
Джамхур 103, 104
Джаниев 387
Джаррах, наместник Хорасана 81, 83
Джахдан (Хидждуан) 104
Джемшид 32
Дженкинсон Антоний 272
Джон Мандевил 184
Джувонмард-Али 260
Джувейни А. 156, 157
Джудей ал-Кермани 97
Джузджани 157
Джунейд ибн Абдуррахман 92—95, 98
Джунейдулло Махдум Хозик 291
Джурабаев Ходжа Сафо 364
Джураев Тулябай 361
Джуракулов М. Д. 403
Дивашти 66, 84—86, 89, 90
Диодор 57, 60
Добровольский В 352
Дониш Ахмед 344
Дона Мухаммед 199
Дост-Мухаммед 298
Дост Мухаммед Садри Самарканди 291
Дубровина 352
Дудин С. М. 386—388
Дурнов 318
Дусти Самарканди 288

Епифанов 319
Ефимов В. И. 407
Ефремов Филипп 198, 281

Жданко Т. А. 407
Жуков В. Д. 400, 405
Жуковский В. А. 386—388
Жэбэ-Нойон 154, 156

Забелина Н. Н. 407
Забехои Яхудин Самарканди 291
Завалин И. И. 399
Завки Миankали 290
Задунайский 352
Заитбаев Мир-Салих 347
Зайниддин Васифи 197, 204, 206, 208, 259, 272, 280, 287, 290
Зайниддин Мухаммед Амон Садр-и Кашгари 289
Зайцев П. Ф. 325
Залеман К. Г. 386
Замахшари 231
Зарифов Х. Т. 399
Засыпкин Б. Н. 393, 399, 403, 405
Захириддин Мухаммед Бабур 10, 15, 172, 199, 205, 206, 211, 219, 250, 255—258, 267—269, 270, 286, 290, 269, 383
Седлер 352
Зезенкова В. Я. 399
Зенкович М. А. 335
Зияд ибн Абдуррахман ибн Нуайм 86, 88
Зияд ибн Салих 99, 100
Зиядуллаев С. К. 406
Зубайдуллаев Хасан 366
Зубов А. 352
Зу-л-Карнайн см. Александр Македонский

Ибн ал-Асир 109, 157
Ибн Арабшах см. Ахмед ибн Мухаммед ибн Арабшах

Ибн Халикан 101
Ибн Хаукаль 124, 144, 146
Ибн Хордадбех 113, 114
Ибрахим (Авраам) 102
Ибрахим-бий 263
Ибрахим Джурат 345
Ибрахим Додхох 266
Ибрахим ибн Ильяс ибн Асад, Саманид 115
Ибрахим ибн Мухаммед ибн Али 98
Ибрахим ибн Наср 148
Ибрахимов Шамсуддин 364
Иванов 352
Иванов Д. Л. 374
Иззаддин ибн Таджиддин Исфагани 201
Измаилов 336
Израилов М. А. 407
Илек Наср ибн Али 146, 147
Иль-Арслан 151
Ильинский 352
Ильяс ибн Асад 112, 115
Ильяс-ходжа, сын Тоглук Тимур-хана 160, 161
Имам Абулфазл Мухаммед ибн Абдулжалил ибн Абдулмелик ибн Хайдар ас-Самарканди 370
Имам кули-хан, Аштарханид 261, 297, 298
Инанч-хан 155
Иноятов Х. Ш. 6, 406
Иоанн, монах 179—187, 189, 371
Иоанн Палеолог 175, 176
Иосилевич И. 337
Иофан 393
Иса ибн Али 109
Иса (Иисус) 102, 183, 188
Исаак 176
Исахан Кази 366
Исмаил ибн (Самани) 12, 115, 117, 118, 143
Исмаил-шах 258
Исмаил Хафизов 405
Истахри 47, 112, 113, 121—123, 144
Исупов А. В. 394, 405
Исхак ибн Ахмед 115, 143
Ихтиаруддин Кушлу 155
Ишан-Вали 300
Ишчи см. Шакир Мухтар
Йылдырым 175
Кабанов С. К. 5, 400, 403
Кабзам 105
Кабулов Мирза 359
Кабылбаев Мулла Азим 359
Кадырова Т. 5
Кадыр-хан Джабраил 150
Казаган, эмир 163
Казаков И. С. 393, 394, 405
Казан-хан 163
Казанцев 390
Кази-заде Руми (Салахуддин Муса ибн Махмуд) 216—219, 223, 225, 231, 235
Кайс 93
Камилджанов Акрамжан 313, 326, 334
Каминский Б. И. 334, 335
Каппан-кипчак 263
Каплунов А. Я. 407
Каплунова М. Ф. 407
Каразин Н. Н. 350, 374
Каран, гиппарх 57, 59
Караханиды 145—148, 151
Карл IV 174, 177, 179, 182—184, 189, 190
Кармаганун 79
Картасис (Сатракес) 56
Кары-Ниязов Т. Н. 6, 399, 404, 406
Кастальский Б. Н. 349, 384, 385, 390, 391, 393, 402, 405
Катан ибн Кутейба 93
Катен 67
Катта Тюра, сын Сейида Музаффара 305
Каутский К. 338
Кауфман К. П. 303, 340
Квинт Эпий Флавий Арриан 36, 46, 48, 51—55, 57—67, 369
Квинт Курций Руф 9, 36, 46, 48, 49, 53, 55—57, 59—61, 64, 66, 67, 368
Кей-Кавус, сын Кей-Кубада 49
Кемалиддин Бенаи см. Бенаи
Кен 65
Кермани см. Джудей ал-Кермани
Кешуфи Самарканди 288
Кийаки Гузи 103—105
Кир 48
Кирманоли 175
Клавдий Птолемей 47, 49, 52, 53, 368, 369
Клавихо Рюи Гонзалес де 15, 165,

166, 168, 172, 173, 176, 190—195, 198, 199, 206, 209, 211, 371
Клименко Г. Н. 338
Клишин С. 334
Клыч Тамгач-хан (Хасан-Тегин), Караханид 151
Ковальков 321, 322
Кокауридзе Г. 315
Колонтаров 349
Кон Винер 394, 395
Кононов В. Н. 399
Копытовский И. 352
Кори Мухаммед Рахим (псевдоним Тикон) 346, 347
Коры Рахматулло Возех 291
Корчиц Е. В. 328
Косим Шейбани 91
Костенко Л. Ф. 374
Кратер 53, 55, 63, 67
Крачковская В. А. 90
Крачковский И. Ю. 90
Крестовский В. В. 376, 377
Крикис Я. К. 403
Крыжановский 315
Крылов И. А. 341, 345
Крутик 334
Кручинин Н. 350
Ксеркс 48, 49
Кузьмин 377
Куйбышев В. В. 392
Кулар-тегин 105
Кули-хан 155
Кун А. Л. 343
Курбанхон 350, 351
Куропаткин А. Н. 361
Кур-Суль 84
Кусам ибн Аббас ибн Абдул-Муталлиб 79, 241
Кутейба ибн Муслим, наместник Хорасана 11, 12, 79—81, 83
Кутлоев С. З. 348
Кучкунчи-хан 288, 290, 296, 297
Кучлук Найманский 152, 154
Кучум-султан 259
Кушаны 34, 400
Кушевили С. И. 338

Лавров В. А. 405
Лаплас 226
Лахтин 377
Лахури Читгар, сын Лалю 275
Лебедев И. П. 349
Лев Д. Н. 5, 9, 398
Ледзинский Викентий 354
Леман А. А. 371
Лекутин В. 334
Ленин В. И. 22, 163, 207, 308—311, 328, 332, 333, 335, 337—339, 353, 359, 360, 362, 392, 399
Леонов Н. И. 404
Леонтьев А. 315
Лермонтов М. Ю. 341
Ле Стрендж Г. 195
Лившиц В. А. 5, 138
Листунов С. А. 334
Литвинский Б. А. 59
Лифиренко П. В. 407
Лопез Эстрада Ф. 195
Лунин Б. В. 6, 406
Лутф Али-хан 265
Лутфи 295
Лутфулла Хафизи Абру см. Хафизи Абру
Любомиров Д. 315
Лясковский С. А. 20
Лыкошин Н. С. 354, 358, 359

Ма'аз ибн Муслим 104, 105
Мавлано Ашир-калон 288
Мавлано-заде 160—162
Мавлано Кабули Газфуруш 210
Мавлано Кавкаби 295
Мавлано Мир Аргун Хамадуз 210
Мавлано Мири Калон Самаркандн 288
Мавлано Мир Карши 235
Мавлано Нафис 215
Мавлано Саъдулло Согардин Самарканди 288
Мавлано Толиъ Камардуз 210
Мавлано Турсун Фароизи Самарканди 289
Мавлоно Хавафи Портной 210
Мавлано Хасан Самарканди 295
Мавлано Ходжаги 288
Мавлано Ширходжа 299
Мавлано Юсуф Бадеи Андижони 231, 235
Магазин, писарь 352
Магомат ал-Кази 190
Маддуд Газар, сын муллы Мухаммеда Мултани 274
Маджидуддин Масхуд, садр 155
Маев Н. А. 374
Маздак 76
Майсурадзе З. П. 402

Максуд, торговец 272
Малехо Мухаммед Бадиъ ибн Мухаммед Шариф Самарканди 207, 243, 290
Маликшах 149
Мамарайим Мамад Амин 366
Мамонтов 334
Ма'мун 109—112
Мангыты 263—284
Маниах 78
Мансур ибн Омар Абул-Харка 96
Мансур ибн Али 148
Мансур ибн Нух I 145
Мансур ибн Нух II 145
Мансур Қаши, сын Муиниддина 217, 225
Мануил III 174—176
Мануил Палеолог 173, 174
Манунлов К. 337, 339
Мануфехр 75
Марино Санудо 175
Марко Поло 371
Марков Н. М. 338, 339
Маркс К. 164, 173, 210, 211, 218, 275, 316, 338
Мартин 386
Масехо Самарканди 291
Массон М. Е. 204, 374, 390, 392—394, 397—401, 404—407
Мас'уд-хан 149
Мауер М. Ф. 391, 393, 398, 405
Махди, Аббасид 101, 102, 104, 106
Махмуд ибн Мухаммед см: Мерием Челеби
Махмуд ибн Мухаммед ибн Омар ал-Чагмини 223
Махмуд Исхак 295
Махмуд, могольский хан 258
Махмуд Музахиб 280
Махмуд Тегин 150
Махмуд Ялавач 156
Махмудов 364
Махмур 292
Мациевский 317
Медведчиков 311
Мейендорф Е. 374
Менедем 57
Мерием Челеби 217, 218, 223, 224, 288
Микиртычанц 319
Милишников Н. С. 336
Милованов В. Н. 384
Милютин 311
Мир Абдуллои Самарканди 290, 292
Мир Абдулхай Самарканди 292
Мир Абу Тахир Ходжа Садр Самарканди см. Абу Тахир Ходжа Самарканди
Мир Вали Мир Садыков 348
Мир Джамолиддин Хорезми 288
Мир Ибрахим 269
Мир Хусейн Шах 406
Мираншах, сын Тимура 185—187, 189, 193, 243, 247, 399
Мирджамалов 364
Мирек-Лятиф 297
Мирза Абдулла 230
Мирза Абдуррахман 343
Мирза Абу Бекр, сын Мухаммеда Джуки 227
Мирза Акрам Фикри 345
Мирза Барат Мулла Қасымов 343, 344
Мирза Бухари Мирза Абдуллин 343, 390
Мирза Мухаммеджан Қазвини 177
Мирза Шариф Дабири Самарканди 292
Мирзабек 232, 234, 235, 237
Миркулович Н. А. 20
Миронов 20
Мирсаид Береке 243
Миртемир 20
Мирхонд 115
Михаил Федорович, русский царь 282
Михайлов М. 407
Михайлов М. 315
Михр Султан-ханум 205, 269, 271, 273, 295, 371
Молчанов Л. А. 343
Морозов М. В. (псевдоним Муратов) 312—318, 320, 323, 325—331, 333, 334
Морозов Ф. П. 335
Морозова-Худаш А. В. 312, 325, 329, 333
Мошкова В. Г. 394
Мрочковский И. К. 394, 405
Муваффакбиллах 118
Муджаший ибн Хурайс 98
Муджжашир ибн Музахим 92
Муниддин Қаши, Мавлано 217, 219, 225
Муъин Бухори 291
Муканна 100—109, 111
Мукими 344, 352
Мукимий Самарканди 289

Мукминова Р. Г. 6, 371
Мукимхан Самарканди 292
Мулла-зада 206
Мулла Мухаммед 274
Мулла Назар Хурдафуруш 274
Мулла Шади 256, 257
Мулла Шарафуддин Аълам ибн Нуриддин Охунд мулла Фарход Самарканди 289
Муллаев Баба 352
Мульхами Самарканди 291
Муминов И. М. 5, 6, 406, 407
Мунтасир Исмаил ибн Нух 146
Муравин 265
Муратов см. Морозов М. В.
Мурашкинцев Александр 330
Мурашко Р. 315
Муса (Моисей) 102
Мусейяб ибн Зухейр 84, 89, 90, 105, 106
Муслим ибн Саид 91
Му'тасим 112
Мутриби 290
Мухамеджанов А. 5, 6, 403
Мухаммед Алим 344
Мухаммед Ауфи 152
Мухаммед Бадахши 235
Мухаммед Бадеъ Малехо см. Малехо
Мухаммед-бий 266
Мухаммед Вафои Карминаги 266
Мухаммед II 223
Мухаммед Дервиш Самарканди 288, 294
Мухаммед Джуки 226, 230
Мухаммед Замони Самарканди ибн Мухаммед Ризои Фалгарии Потухи 292
Мухаммед ибн Абдулла Хусейни Самарканди 288
Мухаммед ибн Али 97, 98
Мухаммед ибн Али (Арслан-хан) 147, 148
Мухаммед ибн Иззуддин Шейх Хусейн Абдусамад 288
Мухаммед ибн Қлыч Тамгач-хан Масъуд 151
Мухаммед ибн Локман 144
Мухаммед ибн Сулейман ибн Дауд (Арслан-хан) 150
Мухаммед ибн Тахир 116
Мухаммед, Мавлано 204, 216
Мухаммед Мирза Улугбек, см. Улугбек
Мухаммед Мурад Самарканди 280, 294
Мухаммед Надир 294
Мухаммед Обид ибн Мухаммед Захид Самарканди 291
Мухаммед (пророк) 97, 102, 293
Мухаммед Рахим-бий 262, 263, 286
Мухаммед Хаким-бий, Мангыт 265, 283
Мухаммед Салих 257, 268, 271, 290
Мухаммед Сафар-бий 266
Мухаммед Султан, сын Джахангира 242, 243, 399
Мухаммед Хаким-бий, Мангыт 263
Мухаммед Хашим Дахбеди 290
Мухаммед Хорезмшах 14, 152—155, 157, 158
Мухаммед Хусейн-бек 266
Мухаммед Хусейн ибн Мираки Самарканди 288, 294
Мухаммед Хусейн ибн Мирза Мухаммед ибн шах Валад Самарканди 291
Мухаммед Шариф Самарканди 294
Мухаммед шах Гариб Самарканди, мулло 291
Мухаммед Шейбани-хан 15, 197, 199, 204, 255—259, 266, 271, 273, 280, 295, 371
Мухаммед Якуби Бухари 264
Мухамедов З. Ю. 407
Мушкетов И. В. 374
Мясников 334

Набиев Р. Н. 5
Навои см. Алишер Навои
Наджим Мирсадиев 405
Надир-бий 263
Надир Диван-беги 297, 298
Надир Мухаммед-хан 261, 282
Надир-шах 15, 264, 265.
Назриддин Ходи 345
Найза 104
Накибхан Туграл 345
Намаз 18
Наршахи Мухаммед 108, 111
Насафи 100, 119, 125
Насириддин Туси 219, 221, 222, 225
Наср ибн Арслан-хан 150

Наср ибн Ахмед 115, 117, 118, 143
Наср ибн Лейси 104
Наср ибн Сейяр 91, 93, 96, 97, 107—109
Наср ибн Хусейн 151
Насрулла, эмир 266
Науруз Ахмед-хан (Борак-хан) 259, 260, 270, 286
Науруз Мухаммед 276
Нелле Г. О. 349
Немцева Н. Б. 403
Нечкин Д. И. 393
Нидои 237
Низами Арузи Самарканди 231
Низами Ганжавий 232
Низамиддин Шами 159—161
Никитин Г. Н. 405
Никифоров 336
Никулина-Сапетова М. М. 352
Нилан (Билас) 86
Нильсен В. А. 403, 405
Ниматулла 263
Ниматулла ибн Якуб Самарканди 291
Ниязов Шахиржан 348
Ноткин И. И. 405
Нуриддин Басир 238, 244
Нух ибн Асад 112—115
Нух ибн Ахмед 118
Нух ибн Мансур 145
Нух ибн Наср 144—145
Ньютон 223

Обельченко О. В. 403
Огул-хаджиб 155
Ок-бегим, дочь Ахмед-мирзы 273
Оксиарт 66
Омар II 81, 83
Омар ибн Абдулазиз 81
Омар ибн Хубейр 90, 91
Омар Хайям 352
Омар Шейх, сын Тимура 243
Омар Шейх, сын Абу Саида, Тимурид 279
Омейяды 95, 97—99
Осман, сын Ибрагима 152, 153
Остроумов Н. П. 344
Ошик Мавлано Абдулхайр Самарканди 288
Ошанин Л. В. 399

Павлов А. 315
Пален 307
Паренков А. С. 313, 318, 330
Парфенов Г. В. 20
Пахотин 352
Пачос М. К. 400, 402, 403
Певколай 61
Пекун И. Ф. 389
Петр I 262
Петров-Борзна 390
Петров-Водкин К. С. 394
Петров Г. С. 339
Пешерова Е. М. 394
Пир Мухаммед, сын Джахангира 205
Пирамкулов Намаз 332
Писарчик А. К. 394, 407
Плегер С. 315
Плетнев И. Е. 405
Плеханов Г. В. 338
Плиний старший 368
Плутарх 369
Познанский И. К. 311
Позняков П. В. 313, 315, 316, 330, 333
Покрышкин П. П. 386, 387, 394
Поло Марко 379
Пономарев А. И. 363, 364
Пославский И. Т. 385
Преман И. 315
Пржевальский 25
Пругер Е. Б. 403
Прудон 316
Птоломей 52
Птолемей Лаг 226, 369
Пугаченкова Г. А. 6, 10, 203, 397, 399, 404—406
Пушкин А. С. 341, 342

Радлов В. В. 343, 374
Раджаб-султан 263—266
Разакбаев Закирбай 311
Расулев Ходжа Абдулазиз 352
Ратия Ш. Е. 405, 406
Рауфов Якуб 405
Рафи ибн Лейс 12, 18, 107, 109—112
Рахим-бий см. Мухаммед Рахим-бий
Рахимджанов Садыкжан 348
Рахими Самарканди 292
Рахимов М. К. 394
Рахматуллаев Исматулла 347
Рахмини Яхуди Самарканди 291
Рашидаддин 290
Редифранс 177

Рейс 390
Рейхель П. 385
Ремпель Л. И. 402—405, 407
Решетников Н. И. 375
Риёзи Самарканди 232, 235, 237
Риза Эфенди 366
Розанов 394
Розен В. Р. 386, 395
Романов Валентин 405
Романов К. К. 388
Ростиславов М. Н. 376
Рык-Богданенко В. Г. 336
Рудаки 19, 144, 232
Рукнуддин Имам-заде 155
Рукнуддин Махмуд, сын Арслан-хана 151
Рукнуддунья Клыч Тамгач-хан Мас'уд 151
Рустам 111
Руфини-Горнер 223
Рюн Гонзалес де Клавихо см. Клавихо

Сабирова Айдын 20
Сабит ибн Умран Тамими 91
Сабит Иштихани 88
Сабит Кутна 92
Савай-джай Сингх 221
Савельев 20
Савельев, ком. бат. 317
Савицкая Е. М. 352
Саъди 294
Садовин В. 374
Садыков А. С. 406
Садык Самарканди 291
Сажин Павел 330
Саид Азимзаде 345
Саид Али 278
Саид Ахмед Васли 345
Саид Ахмед Сиддики 346
Саид Бурхан-хан 260
Саид ибн Абдулазиз Хузейна 81, 85
Саид ибн Амр ал-Хараши 85, 86, 88, 89, 104, 105
Саид ибн Осман 79
Саид Кутб 237
Саид Шариф Джурджани 231, 232
Саиджанов Муса 397
Саидкулов Т. 6, 407
Саидов Кудрат 405
Саидов Мирсаид 405
Саидов Мирумар 405
Саидов Мирусман 405
Сайид Кураза 235
Сайидо Насафи (псевдоним Фараги) 291, 293
Сайфиддин Бохарзи 292
Саккаки, Мавлано 215, 232, 234
Салиев Пулат 20
Салих ибн Тариф (Абу Саид) 91
Саманиды 12, 112—117, 143—145, 147, 378, 392, 400
Саман-худат 112
Санджар 150, 151
Сапожников Н. 352
Сарафроз Мухаммед Амин Самарканди 291
Сарихама (Сарджама) 103, 105
Сатпбарзан 51
Сафой 237
Саффариды 143
Саффах 99, 100
Саъдиддин Тафтазони 231
Саямов 319
Себук-Тегин 145
Седийо 217
Сейфи Бухари 268, 280
Селевк 56
Селевкиды 10
Семенов А. А. 399
Семенов М. 337, 339
Сергеев 313
Сиба ибн Нуман 99
Сидоров Трофим 330
Силихонович 20
Сильвестр де Саси 177, 179, 186, 187
Симонова-Хохрякова Л. 352
Синесарев Г. П. 407
Сираджиддин Бисати Самарканди 210, 215, 232, 234, 288
Ситников С. 334
Сисимитр 67
Сиявуш 49
Скайлер Э. 373
Слинко 362
Смолик Юлиус 373
Соболев 321
Соболев Л. Н. 343
Солнышкина О. И. 352
Спасский Григорий 283
Спитамен 10, 18, 33, 36, 49, 51—55, 57—60, 63—66
Спришевский В. И. 403
Срезневский И. И. 166, 195, 371
Степанов Д. К. 393, 405

Столыпин П. А. 317
Столяров М. В. 390, 392, 394
Страбон 47, 61, 63, 65, 68, 368
Субудай 156
Субханкули-хан 261, 262, 291
Судаков С. 405
Сукнак-Тегин 155
Сулейман, сын Куч-Тегина Дауда 149
Сулейман, Омейяд 81
Сулейман ибн Абус-Сария 83, 89, 90
Сулейманов Х. 406
Султан Али 288
Султан Али-мирза 255, 256
Султан Али Мешхеди 269
Султан Ахмед, сын Абу-Саида 230
Султан Баркиарук 149, 150
Султан Мухаммед, сын Байсункара 226
Султан туксаба 263
Султан Хавенд-бека, дочь Абу Саида 253
Султан Хусейн Байкара см. Хусейн Байкара
Султанов 377
Сумбад 100, 101
Сурра ибн Хурра 91, 93—95
Суханов 313
Сухарев И. А. 403, 407
Сухарева О. А. 394, 405, 407
Суюн-Ага 242
Суюнч-хан 155
Сюань-Цзянь 125, 126, 369

Табари 66, 75, 85, 86, 88, 90, 91, 93, 98, 99, 125, 127
Тальха ибн Тахир 112, 114
Тамарис 31
Тамгач Богра-хан Ибрахим ибн Сулейман 150
Тамгач-хан Ибрахим ибн ал-Хусейн 152, 154
Тамгач-хан Ибрахим ибн Мухаммед Арслан-хан 151
Тар см. ал-Тар
Тархун 79, 80, 97
Татаринов А. С. 374
Татевосьян А. К. 405
Татевосьян О. 391
Тахир ибн Хусейн 110—112
Тахириды 112—117, 143, 400
Тахшада, бухар-худат 84, 108
Ташходжаев Ш. С. 5, 403
Теввекель 260
Тереножкин А. И. 34, 397, 400, 401, 405
Тимохарис 226
Тимур (Тамерлан, Тимурбек) 8, 15, 16, 42, 160—169, 172—177, 179, 181—185, 187, 189, 190, 192—196, 198, 199, 201, 202, 204, 205, 207—209, 211—213, 221, 231, 232, 237, 243, 249, 254, 284, 285, 349, 369, 371, 373, 382, 385, 389, 399
Тимуриды 42, 163, 167, 172, 173, 184, 202, 213, 231, 232, 237, 243, 253, 254, 256, 258, 285, 295, 373, 381, 399
Тимур Мухаммед Султан, Шейбанид 297
Титов А. М. 20
Тихо Браге 226
Тишаев А. И. 363
Тоглуг Тимур 163
Толстой Л. Н. 345
Томаев Г. Н. 405
Тохтамыш 193
Тохучар-бахадур 156
Тревер К. В. 54, 379
Тугай-хан 156, 157
Туляганова М. 6
Туман-ака 240, 247
Туранташ 138
Турды (Фараги) 291
Турк Хакан 84
Турсун Мухаммед, сын Курбана 276
Турсунов Султанмурад 320, 325, 327, 330
Турсунов Х. Т. 6

Убайдулла ибн Зияд 79
Убайдулла Султан 259, 260, 280
Убайдулла-хан II 262
Увайчи Джахан-атык 292
Удаленков А. П. 394, 405
Уджайф ибн Анбас 109
Узакова Рано 20
Узбек-хан 157
Уйгун 20
Укаба ибн Салим 103

Улдадж-хан 157
Улугбек, сын Шахруха 19, 196, 213—219, 221—228, 231, 234, 235, 243, 244, 249—254, 280, 296, 297, 379, 399
Умарходжа 309, 310
Умняков И. И. 6, 405—407
Урун Ходжаев Мирза-Ходжа 348
Усман ибн Абдулла 84, 95
Усман Насыр 20
Усман Ходжаев Улуг Ходжа 349
Успенский В. А. 20
Уста Абул Хафиз 349
Уста Акрам 349
Уста Мумин (Николаев) 394
Уста Шамси 349
Уста Ширин Бухари 349
Уста Ширин Мурадов 405
Устабаев Д. М. 325, 326, 339
Устад Кули 270
Устад Кучак, сын Устада Джанали 276
Устад Хасан, сын Устада Мухаммеда Хусейна 276
Устимович 358
Ушаков П. 315

Фадл ибн Сахл 111
Фазил-бий 265
Фазлулла Абуллайси 232, 235, 253
Фазлула ибн Рузбехан 197, 268, 269
Фазлулла, сын муллы Рустама Наккаша, мулла 276
Фаик 145
Файез Мулла Абдулла 346
Файзулов Ю. 311
Файтоев Харис 405
Факирий Зулфикор Самарканди 291
Факторович 20
Фараги см. Сайидо Насафи
Фарасман 62
Фарнух 55, 57
Фархад-бий 262, 263
Фаттаев М. А. 6, 407
Фатхулла мулла, сын муллы Якуба Мултани 274
Федор Иоанович, русский царь 270
Федоров М. Н. 5, 403
Федотов А. Т. 394
Федченко А. П. 343, 374
Федченко О. А. 374
Фигельский Ф. Д. 338
Фигори Самарканди 290
Фил 102, 104
Филанович М. И. 400, 403
Фирдоуси 9, 127, 232, 294, 369
Фитраги Зардузи Самарканди 291
Фитрат Абдурауф 20
Фихтнер 352
Фоменко И. П. 363
Франц Ленкорей 349
Франческо 175, 179
Франциск Сатр 180, 186
Франциск Шадер 188, 189
Фратаферн 62
Фридолин 387
Фролов А. И. 334, 363, 364
Фрунзе М. В. 392
Фулат-Султан, Шейбанид 204
Фуркат 343, 344, 352

Хабиба Султан-бегим, дочь эмира Сухраба 201, 253
Хаджжадж см. ал-Хаджжадж
Хаёли Исмати Бухари 235
Хаитов Кабил, уста 361
Хайдар, эмир 266, 268, 292
Халид ибн Абдулла Нахви 91, 93
Халк Хакан 104
Халиль-Султан, сын Мухаммеда Джахангира 227
Хамадани 294
Хамза Хаким-заде Ниязи 20, 344, 346
Хамид Алимджан 20
Хамид ибн Ахмед 115
Хамид-Пур 155
Хан-Султан, дочь Мухаммед Хорезмшаха 153
Ханыков Н. В. 16, 17, 302, 371
Харидж 103, 104
Харими Каландар 237
Харис ибн Сурейдж 94—96
Харламов Н. Г. 398
Харсама ибн Айан 109, 110
Харун ар-Рашид 106—108, 110
Харун Богра-хан, Караханид 145
Харун-Тегин 150
Хасан Самаркандец, см. Ишан-Вали
Хасан Ансори 295
Хасан Шейх 159

Хасанходжаев Абдухалил 365
Хатефи 231
Хаукаль см. Ибн Хаукаль
Хафизи Абру 198, 215, 249
Хафиз Таныш-Нахли 260, 270, 277, 278, 286, 290, 295
Хашим ибн Хаким (Ата) см. Муканна
Хаян ан-Набати 79
Хеляли 231
Хизр-хан, сын Ибрахима 148, 149
Хишам, Омейяд 93, 97
Ходжа Абдулмакарим 271
Ходжа Али ибн Миракайи Самарканди 291
Ходжа Ахрар 230, 235, 256
Ходжа Мир Касим Хереви, сын эмира Дуст Заргара 275
Ходжа Миршах Самарканди 291
Ходжа Мухаммад ибн Абдулхасан Самарканди 295
Ходжа Мухаммед Яхъя, сын Убайдуллы Ходжи Ахрара 256
Ходжа Низам 258
Ходжа Сабир Самарканди 344, 345
Ходжа Согди Самарканди 232, 237
Ходжа Султан Ибрахим 258—259
Ходжа Тура 282
Ходжа Хасан Нисори 290
Ходжа Хаким 274
Ходжа Хашим 298
Ходжа Хисров 235
Ходжа Яхъя 159
Ходжанди 91
Хондемир 257, 280
Хорошхин А. П. 374
Хосров Ануширван 152
Худаш В. А. 313, 333
Хумейд ибн Кахтаба (Абу Нугман) 101, 102
Хумейк (Джамук) Шавкар 89
Хуник-Худат 79
Хурдек-и Бухари 160
Хурзад, хорезмшах 80
Хусанбаев Ходжа Санб 325
Хусейн Байкара 230
Хусейн, мастер 272
Хусейн, эмир 160—162
Хусейн ибн Ало 117
Хусейн ибн Ибрахим 91, 93
Хусейн ибн Ма'аз 102
Хусейн ибн Мулла Мултани 274
Хусейн ибн Мухаммед ал-Хавариджи 117
Хусейн ибн Тахир 116—118
Хусейнов Хаким 348
Хэяли-йи Бухари 215

Чаган, Хорезм-шах 80
Чаис-хан 193
Чань-чунь 156, 158, 285
Чепелевецкая Г. Л. 407
Чернов 313
Черневский Н. И. 315
Черняев М. Г. 375
Чингизиды 163
Чингиз-хан 8, 14, 36, 45, 125, 153—158, 160, 285

Шади 294
Шаджанов Исмаил 325, 327, 331, 339
Шаймарданкул 365
Шакир Мухтар (псевдоним Ишчи) 346, 347
Шаляпин Ф. И. 350
Шамансуров Акабир 365
Шамсибай Максум 366
Шамсуддин 241
Шамсуддин Мухаммед 273
Шамсуддин Мухаммед Мискин 228
Шамсуддин Самарканди 223
Шамсуддинов 330—331
Шапур II 127
Шарафуддин Али Йезди 15, 159, 161, 164, 165, 187, 209, 246, 248, 290, 294, 369
Шарипов Фазыл, уста 348
Шарипов Файзибай 346
Шах Мурад, сын Данияр-бий аталыка 265, 266, 283, 292, 300
Шахрух, сын Тимура 213—215, 226, 227, 243, 251, 399
Шваб Ю. З. 405
Шейбани-хан см. Мухаммед Шейбани-хан
Шейбаниды 15, 205, 255, 259—261, 266—269, 270, 276, 278, 295—297
Шейх ибн Мухаммед Ходжа Бендкари Тугрази 241
Шейх Сухайли 232, 235

Шейх-хан 156
Шермухамедов Атамурад 325, 327, 330, 331, 339
Ширинбаев 364
Шишкин В. А. 10, 14, 134, 397, 399, 401, 403, 405
Шишкина Г. В. 5, 400, 403
Шкапский О. А. 390
Шмидт А. Э. 387
Шовдия Г. И. 338
Шохин 344
Шохий Ходжа Амирокои Самарканди 288
Шумов В. В. 398
Шуруллаев Ходжа Муйин 347
Шухов В. Г. 398

Щеглов В. И. 401
Щербина-Крамаренко Н. П. 387, 388
Щербинин М. И. 318, 335
Щусев А. В. 386, 387

Эварницкий Д. И. 375
Энгельс Ф. 22, 164, 173, 210, 218, 275, 316, 338
Эсхил 49
Эфенди-заде 366
Эш-Мухаммед 294

Юлдашев 364
Юренев С. И. 405
Юсновский 393
Юстин 55, 56, 63
Юсупов М. С. 407
Юсуф, резчик из Шираза 241
Юсуф ибн Али сын Али-Тегина 148
Юсуф-и Қарабаги 289
Юсуф Саккони Хорезми 231

Язид ибн Абдумалик 85
Язид ибн Яхъя 104
Яковлев 371
Яковлева-Пославская А. В. 352
Якуби 110
Якуб ибн Ахмед 115
Якуб ибн Лейс 116, 117
Якуб-Тегин 149
Якубовский А. Ю. 5, 78, 164, 209, 370, 376, 387, 393, 394—398
Ялангтуш Бахадур 261, 298—300
Яр Мухаммед ибн Худой Мухаммед Самарканди 288
Ясавур 156
Ястребов С. 315
Яхъя ибн Асад 112, 114, 115

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абаргар (Абарғар), крепость 66
Аббас (Джуи-Нав, Янгиарык), канал 284
Абди-Бирун, мавзолей 298, 388
Абду-Дарун, мавзолей 252, 388
Абрамов, бульвар (ныне бульвар им. Горького) 349
Абу Саид-хан, медресе 297
Авдани 124
Агалык-тау 16
Азербайджан 31, 124, 209, 371
Азия 33, 34, 50—52, 62, 67, 174, 176, 177, 184, 195, 248
Азия Восточная 380, 382, 384
Азия Западная 34, 184
Азия Малая 174, 177, 184, 195
Азия Передняя 62
Азия Средняя 5, 8—12, 14, 15, 18, 19, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 45, 46, 48—52, 59, 65—69, 77, 106, 121, 124, 126, 129, 139, 142—144, 152, 163, 173, 196, 198, 199, 215, 218, 221, 231, 237, 262, 270—272, 277, 278, 282, 283, 289, 290, 292, 298, 305, 306, 308—310, 312, 321, 332, 337, 340, 343, 359, 360, 372, 373, 375, 377—380, 382, 384, 394, 395, 398—399, 403, 406
Азия Центральная 33, 67
Аймский район 32
Акдарья 295
Ак-Сарай 253, 254, 297, 388, 393, 394
Александрия 171
Александрия в Маргиане 68
Александрия Крайняя (Эсхата) 55, 56, 59, 68
Александрия на Оксе 68
Алика Кукельташ, джума-мечеть 296, 297
Алмалык 155
Аман-Кутан 21, 22
Америка 225, 406
Амударья 27, 47, 50—52, 63, 78, 79, 92, 93, 95, 103, 117, 155, 167, 192, 209, 227, 297
Амул (Чарджоу) 93, 109
Англия 184, 185, 187, 189, 190, 209, 353, 406
Ангорский тумен 284—286
Андижан 235, 260, 278, 329
Анзоб 352
Анкара 183, 187, 190
Аорна (Таш-Курган) 51
Аральское море 32
Арбинджан (Рабинджан) 80, 90
Арея (Герат ская область) 48, 51, 52, 62
Арк-арык 284, 285
Армения 209, 371
Архипелаг, острова 174
Ассирия 48
Астрахань 268
Атбаш, город в Семиречьи 149
Аттарон, базар 206, 267
Афрасиаб 8, 9, 11, 13, 14, 17, 31—38, 40—45, 68—70, 73, 76, 77, 119, 121—126, 128—134,

138, 140—142, 154, 239, 251, 283, 375—380, 385, 392, 396—398, 400—402, 406
Афганистан 25, 34, 51, 269, 277, 406
Ахангаран 167
Аханин (Железные ворота) см. Ворота
Ахарун 89
Ахси 260
Ахсикет 148, 155
Ашхабад 312, 390

Баба-Сухте, мечеть в Исфахане 242
Багдад 15, 100, 101, 113, 168, 185
Баги, укрепление 64
Баги-Амир-заде Шахрух 247
Баги-Баланд 247, 284
Баги-Бехишт 167, 247
Баги-Бульди 247
Баги-Джехан-нумо 247
Баги-Дилькушо 167, 192, 247, 248
Баги-Заган 247
Баги-Майдан 252, 284
Баги-Накши-Джехан 247
Баги-Нау 167, 247
Баги-Чинар 167, 247
Баги-Шамаль 167, 247, 402
Багча 252
Бадахшан 163, 235
Бадхызский заповедник 25
Байсун 309
Байсунская долина 64
Бактрия 10, 34, 46—48, 50—52, 60—64, 66—68, 369
Бактры 49, 60, 62—64
Баку 312, 339
Баласагун 145, 150
Балалыктепа 126, 140
Балканский полуостров 173, 174
Балх 50, 79, 96, 103, 108, 109, 145, 192, 226—227, 259
Бамиан 50
Барбетная улица (ныне Каттакурганская) 348
Баркад 117
Басилейя 57
Басиста (Базайра) 57
Бахилия 84
Белоруссия 312
Берлин 389
Биби-Ханым, мечеть 13, 167, 201, 204, 214, 245—247, 296, 343—344, 372, 380, 386, 387, 394, 399, 405
Бидана-Курук 247
Болгария 173
Большие (южные) ворота см. Ворота
Бомбей 177
Буканские горы 308
Булунгур 145, 230
Бульбульзорсай 21
Бустан-Сарай 238
Буттема 47, 113
Бухара 12, 14—17, 19, 47, 49, 57, 60, 76, 77, 79—81, 91—95, 98, 99, 101, 102, 104—106, 108—110, 116—118, 143, 145, 146, 148, 152, 155, 156, 163, 172, 214, 230, 235, 241, 255, 258—266, 268—270, 278, 281, 282, 286, 289, 290, 292, 295, 297, 299, 347, 372, 400
Бухарские ворота (в Самарканде) см. Ворота
Бухарское ханство (эмират) 8, 264—266, 271, 282, 283, 291, 305, 306, 371

Вабкент 264
Вавилония 48
Варгасар (Варгсар, Раватходжа) 85, 95, 118, 124, 125, 265, 284, 286
Варахша 126, 127
Ватикан 184, 185
Вахш 156
Вена 373
Венгрия 173
Венеция 174, 175, 186, 187
Византия 77, 173, 174, 176, 177
Войкова улица 23
Ворота: Аханин (Шахи-Зинда) 15, 50, 200, 238, 239, 244, 247, 296, 301
Большие (южные) 144, 147
Бухарские 13, 16, 142, 147, 301
Газуристан 15
Каландар 16
Каризгах 238, 285, 301
Кешские 13, 121, 144
Китайские 147
Намазгах 157

Наубехарские 147, 385
Пайкабок 16, 383
Сузангаран 15, 238, 253, 282, 285, 301
Фируза 15, 238, 301
Хайдарабад 301
Ходжа Ахрар 42, 285
Чорраха 15
Чорсу 238
Шахи-Зинда (Аханин) 16
Шейх-заде 15, 238
Восток 11, 15, 137, 142, 167, 173, 174, 181, 182, 184, 185, 190, 212, 221, 232, 235, 240, 250, 251, 267, 277, 283, 314, 351, 369, 371, 374, 377, 407, 408
Восток Ближний 33, 166
Восток Дальний 33, 195, 279, 315
Восток Средний 166, 249

Гавгамелы 48, 50
Газа (Газак, Газак) 54
Газуристан см. Ворота
Галаты 174, 177
Галляарал 145
Гамбург 380
Гатфар, квартал 285
Геллеспонт 62
Гельсингфорс 339
Генуя 174, 186, 187
Герат 104, 105, 112, 198, 213, 215, 226, 227, 230—232, 235, 254, 269, 270, 297
Германия 353
Гертфорд 186
Гиждуван 214, 258
Гиндукуш 47, 51
Гиркания 50
Гиссар 283, 309
Гиссарский хребет 66
Греко-Бактрийское царство 10, 34, 50
Греция 15
Гуржмин (квартал) 152
Гур-Эмир, мавзолей 196, 202, 204, 205, 214, 238, 243, 244, 254, 344, 386, 387, 391, 394, 399, 405

Дабусия 92, 93, 95, 155
Давлет-Абад 247, 248
Дагбит 359
Дагбитская улица 27
Дальний Восток см. Восток Дальний
Дамаск 15, 168, 170, 172
Дарби Каппон, базар 273
Даргом, канал 40, 45, 118, 119, 124, 125, 247, 264, 284, 286, 287
Дари махкамаи кухна, базар 267, 271, 273
Даштак, кишлак, арык, канал 121, 284, 286
Даштхи Искандер 52
Дашти Кипчак 197
Девори Киямат 119
Дели 245
Джар-арык (Маздахин, Наубахчиян) 119—121, 284
Джакардиза (Чакардиза, Шаар-арык), 45, 119—121, 284, 285
Джакардиза, квартал 13
Джам 52
Джамбул 77
Джендеджем 252
Джизак 235, 265, 266, 291, 305, 318, 337, 343, 344, 362
Джуи-Арзиз 13, 15, 121—123, 157, 283
Джуи-Чукур, канал 285—286
Джума-Базар 284
Дили-Афруз, сад 295
Драгиана 51
Драпсаку (Кундуз) 51

Египет 78, 164, 184
Европа 33, 62, 173—177, 184, 185, 187, 190, 210, 212, 222, 224, 225
Евфрат 174
Ездахим, мавзолей 301

Заамин 306
Замм 93
Закавказье 164, 185, 312
Зарафшан 14, 16, 27, 28, 40, 41, 44—46, 48—50, 56—61, 64, 78, 85, 90, 118, 125, 146, 147, 151, 167, 237, 257, 263—266, 284, 286, 287, 295, 369

Зарафшанская долина 60, 67, 79, 107, 108, 126, 287, 303, 304, 343
Зарафшанский хребет 21, 27, 40
Заргарон, квартал 282
Зариасп см. Бактры
Зермен 93
Зернук 155, 156
Зиаддин 59
Зингарон, квартал 282
Зирабулакская улица (ныне ул. Фрунзе) 318
Золотая Орда 209

Ибн Хасана, мавзолей 141
Иваново-Вознесенск 356
Ивановский парк (ныне Комсомольское озеро) 320, 323, 349
Или, река 155
Имам Джафар, могила 250, 299
Индия 33, 34, 48, 62, 78, 164, 166, 171, 173, 184, 195, 208, 212, 221, 269, 270, 277, 278, 282, 283, 294
Индийский океан 27
Ирак 90, 93, 150, 164
Иран 25, 31, 33, 51, 76—78, 88, 112, 126, 164, 174, 185, 192, 195, 208, 212, 230, 241, 261, 269, 277, 278, 282, 371
Иркутск 312
Ирландия 187
Иртыш 155
Искандаргом (Эскидаргом) 119, 121
Искандеровский район 352
Испания 15, 192, 195, 209
Исфара 86
Исфахан 149, 241, 242
Исфиджаб 78, 113
Исфизар (Асфизар) квартал 147, 400
Ихтияруддин, крепость 227, 230
Ишрат-хана, мавзолей 196, 200, 201, 204, 206, 208, 229, 253, 254, 297, 388, 394, 399, 404
Иштихан 81, 109

Кабул 258
Каваля-арык 284
Каварзар-арык 284, 286
Кавказ 47, 337
Казанарык (Караунас), канал 284, 286
Казанское ханство 277
Казахская ССР 155
Казахстан 34
Казы-Заде Руми, мавзолей 171, 251
Калои Афрасиаб 16, 371
Каландар-хана 292
Кангское (Кангюйское) царство 34, 38
Кани-Гиль 161, 172, 210, 248, 284
Карабаг 165
Карадарья 295
Кара-Орда 148
Каракумы 34
Карла Маркса, улица 7
Каризгах, ворота см Ворота
Карши 17, 161, 164—165, 235, 241, 291
Касан 115, 149, 155
Каспийское море 126
Каспийские ворота 46
Кастилия 192, 371
Катванская степь 145, 151
Каттакурган 28, 265, 303, 304, 318, 337, 338, 343, 362
Кафтархана, сел. 284
Кашгар 154, 155
Кашкадарья 27, 48, 50, 52, 80, 101, 105, 107—109, 114
Каялык 155
Кемардж 92
Керман 209
Кермине 95, 259, 263
Кесканджар 284
Кеш (Шахрисабз) 80, 81, 88, 99, 100—103, 106, 108, 113, 114, 148, 192
Кешские ворота см. Ворота
Кира, Кирополь, Кирэсхата (совр. Ура-Тюбе) 55
Кировская область 127
Китай 11, 34, 68, 77, 78, 165, 170, 171, 173, 184, 193, 195, 198, 208, 212, 277, 279, 282, 283, 369
Китайские ворота см. Ворота

Коканд 265, 292, 308, 391
Кокандское ханство 266
Комсомольское озеро (Черная дорога, Ивановский парк) 22, 41
Константинополь 174—177, 184, 192
Кострома 356
Кош-мадраса 371
Кош-хауз 373
Красное море 27
Ксениппа, область 64
Кузаликир 32
Кук-Сарай 156, 167, 204, 238
Кукельташ, мечеть 301
Кукташ 204, 238
Кулагыш, сел. Пермской губернии 127
Кулолонон, квартал 282
Куль-тепа, кишлак 302
Куль-тепа, квартал (ныне ул. Бухарская) 302
Кум 90
Кусам ибн Аббас, гробница 148, 183, 239, 240, 241
Кутаиси 339
Кутби Чахар-Дахум 17, 238, 244
Кухак 167, 219, 237, 383
Кушания 38
Кушанское царство 10, 34, 38, 39, 45, 75, 77
Кызыл-Арват 312, 326

Лейден 232
Ленинабад см. Ходжент
Ленинград 225, 385
Ликия 55
Лондон 195, 222, 225
Лувр 389

Мавераннахр 8, 12, 15, 18, 33, 76, 78—81, 85, 90—92, 95—99, 101, 103—105, 108, 109, 111—115, 118, 125, 143, 146—151, 154, 155, 160, 161, 163, 164, 166, 168, 173, 197, 212, 213, 235, 237, 258—262, 264, 268, 277, 291, 293, 295, 297, 393, 400
Мадрид 195, 371
Мазандеран 227
Мазар, канал 284, 286
Мараканда 8—10, 33, 36, 47, 49, 52, 54, 55, 57, 59—61, 63, 64, 67, 68, 368, 369, 378
Маргиана 47
Масджиди-Мукаттаъ 205, 251
Масъуда, базар 267, 273
Медина 12, 111
Мекка 12, 228
Мерага 219, 221
Мерв 11, 78, 79, 81, 90, 92, 93, 95, 98, 99, 101, 105, 109, 146, 214, 258, 265, 295
Месопотамия 209
Мечеть намадмолон, базар 267, 273
Мешхед 227
Миankаль 77, 263, 265
Мидия 31
Минори-Калан 150
Мирзои, караван-сарай 250
Мирза, баня 252
Мири, баня 17
Мир-Саида Береке, надгробие 243, 244
Миср (Каир) 15, 168, 284
Михр-Султан-Ханум, медресе 296
Моголистан 213
Монголия 78
Москва 204, 278, 282, 313, 356, 385, 402
Московская Русь 277, 278, 282
Мотируд, сад 284
Муг, гора 66, 85, 90
Музахим (Маздахим), канал 119, 284
Мулиян-арык 284
Муминабад 28—30
Мургаб 227
Мухаммед ибн Махмуд Исфахани, ханака 242
Мухаммед-Султан, медресе 202, 243
Мухаммед-Султан, ханака 243, 244

Навкатепа 28
Накши-Джехан 285, 383
Налбандони кадим, базар 273
Намазгох (ворота) см. Ворота Намазгох, мечеть 383, 388
Намич см. Зарафшан
Нарпай 84

Наршах 102
Нау, город 54
Наубехарские ворота см. Ворота
Наутака 52, 64, 66, 67
Нахшаб 101—104, 106
Несеф 80, 81, 94, 108, 109, 113, 114
Николаевская улица 323
Нишапур 105, 227
Новадон (Сангресан), канал 41, 42, 44, 45, 119, 238, 285
Нурата, Нур 155, 156
Нуратау 308

Обимашхат, Обибашарт 16, 41, 42, 44, 45, 121, 285
Обирахмат (Сияхаб), канал 172, 219, 284, 383
Обсерватория в Мераге 222
Обсерватория Улугбека 23, 220, 221, 226, 237, 383, 384, 397, 399
Оксфорд 225
Олияи-Хония, медресе 295, 296
Оренбург 283
Отрар 156, 213

Пайкенд 79, 93
Пайкобок, ворота см. Ворота
Памир 308
Парейтакена 67
Париж 174, 176, 177, 179, 181—183, 186, 189, 223—225, 350
Паропамис (Гиндукуш) 47
Парфия 48, 50, 62
Пеней, река 61
Первомайский гидроузел 118
Персеполь 49
Персидский залив 27
Персия 226
Пера 174—176, 184
Петербург (Петроград) 313—315, 334, 350, 380, 388, 391
Петровская улица 330, 331
Петропавловская крепость 391
Платеи 49
Поволжье 195, 208, 278
По-и расад см. Обсерватория Улугбека
Политимет (Намич) см. Зарафшан
Польша 312
Понт 62
Прибалтика 312
Присредиземноморье 33
Причерноморье 62
Пролонтида 62
Пули сафид, базар 267, 272, 273
Пянджикент 12, 66, 78, 84, 85, 90, 126, 129, 132, 139, 303, 343

Раватходжа, см. Варагсар
Ражаб-амин, кишлак 284
Рамитан 79, 117
Рас ат-ток (Сар-и так) 121, 123
Ревдад 78
Ревель 356
Регистан 7, 13, 205, 230, 239, 249—251, 295—298, 300, 302, 349, 374, 397, 405
Рей 101, 395
Рига 391
Рим 13, 380
Рих, замок 86
Россия 17, 198, 199, 265, 270, 277, 278, 282, 283, 287, 303, 305—308, 311—315, 320, 327, 329, 332, 337, 340, 343, 348, 353, 356, 360, 361, 371, 375, 390, 407
Ростовцево, станция (ныне станция Красногвардейская) 343
Русь (Рушия) 164, 170, 195, 208
Рух-Абад, мавзолей 244, 388

Саганиан, Чаганиан 103, 108, 109, 148
Сазаган 27
Сазагансай 27
Сайрам 78
Саламин 49
Самарканд (Самар, Сивинцзин, Самизкент, Симишкент, Смараканс, Сумарканд, Смарканд, Сумрканд, Смрканд, Сумран) 5—24, 26—28, 30—36, 38—47, 49, 50, 68, 75, 77—81, 83—85, 88—96, 98—105, 107, 109—115, 117—127, 130, 132,

138, 145—163, 165—168, 170, 172, 173, 190, 192, 194—199, 201—217, 220—224, 226—228, 230—232, 234—235, 237—239, 242—245, 247—249, 252—274, 276—298, 300—315, 317—323, 325—331, 334—350, 352, 353, 358—382, 384—406
Самаркандская область 28, 40, 118, 166, 263—266, 283, 284, 286, 296, 303—307, 309—311, 313, 315, 318, 319, 321, 326, 328, 329, 333, 336—338, 340, 341, 352, 354, 355, 358, 359, 363, 374, 385
Самаркандская цитадель 228, 264
Самарра 395
Сангин, канал 119, 121
Сангресан, канал 119
Сарай-Мульк-Ханым, медресе, мавзолей, мечеть 242, 245—247, 296
Сари-Так 123
Сарыкол 155
Саффарун, местность 121
Свинцовый канал см. Джуи-Арзиз
Себзевар 159
Севилья 168, 195, 371
Семиречье 11, 50, 67, 76, 149, 151, 155
Сен-Дени 176
Сербия 173
Серипуль 155, 257
Сиаб, речка 9, 10, 13, 40, 41, 42, 44, 69, 121, 205, 284, 285, 319, 320, 322
Сиабча, ручей 22
Сибирь 33, 195, 208, 278, 305
Сивас (Сабасты, Себасты) 181, 186
Сием 105
Сийам (Санам) 102, 105
Сирия 77, 184
«Скала Хориена» 67
Скифия 47, 64, 369
Скобелев (Старый Маргилан) 391
Согд, река см. Зарафшан
Согд (Сугд, Сугуд, Сгуд, Согду, Сугут, Согдак) 11, 12, 33, 34, 38, 39, 45—52, 57, 61, 63—68, 74, 77, 79—81, 84—86, 90, 91, 96, 97, 102, 104, 105, 113—115, 123, 125—127, 129—130, 132, 139, 140, 148, 369, 401
Согдиана 10, 17, 18, 46, 47, 49, 50, 52, 53, 55, 57—60, 62—65, 67, 68, 368, 369
«Согдийская скала» 66, 67
Союз Советских Социалистических Республик 7
Средняя Азия см. Азия Средняя
Стамбул 220, 223—225
Стокгольм 328
Сузангаран, ворота см. Ворота
Суйаб 86
Султания 15, 168, 174, 184, 185, 243
Сырдарьинская область 305
Сырдарья (Танаис, река Канга) 31, 33, 34, 47, 50, 51—57, 62 68, 86, 114, 155, 167, 213

Табаристан 112
Такалыксай 21, 22
Так-и Кесра, дворец 152
Талды-Курган 155
Талас, долина 99
Талас, река 266
Таликан 156
Талли-Расад 253, 383
Танаис см. Сырдарья
Тараб 79
Тараз 78, 115, 145, 150
Тарнаб 227
Татария 166, 170, 193, 208
Тахта-Карача 21, 52
Ташкент 13, 17, 77, 114, 223, 225, 230, 235, 258, 259—261, 266, 304, 312, 319, 326, 327, 334, 338—340, 344, 360, 366, 375, 377, 393, 394, 399
Ташкент, квартал в Сузангаранской части Самарканда 343
Ташкентский проспект (ныне проспект им. Фрунзе) 348
Тебриз 185, 241
Термез 103, 145, 163, 192, 400
Тибет 109
Тилля-Кари, медресе 250, 300, 301, 372, 388
Тим Тильпак-фурушон 206, 301
Тим (Чор-Су) 301
Тифлис 339
Топрак-Кала 139

Тохаристан 47, 50, 94, 95, 108, 109
Трапезунд 174—177, 192, 371
Трибактра, область 49
Туман-ака, тим, ханака, мавзолей 240, 241, 242, 247, 249, 250
Туран 61, 167
Туркестан 17—19, 167, 255, 277, 282, 303, 305—307, 311—315, 320, 322, 323, 326—331, 333, 334, 336, 338, 340, 343, 344, 347, 354, 356, 360, 361, 363—365, 370, 376, 380, 388, 390, 391
Туркестанская АССР 19, 392, 394
Туркестан Восточный 78, 151, 155
Туркменистан Восточный 34
Турция 164, 170, 172—175, 179, 181, 183, 188, 277, 371
Тус 109
Тым, селение 27

Узбекистан 10, 19, 331, 388, 398—400, 408
Узбекская Советская Социалистическая Республика 5, 7, 19, 196
Узгенд 146
Украина 312
Улугбек, сад, медресе, ханака, караван-сарай 200, 204, 214, 218, 219, 230, 235, 250, 285, 288, 290, 296, 298, 299, 301, 344, 388, 393, 398
Улугбека обсерватория см. Обсерватория Улугбека
Ура-Тюбе 265, 266, 302, 362
Ургут 358
Ургутская улица (ныне ул. Узбекистанская) 348, 349
Урест 115
Усрушана 52—55, 60, 77, 88, 108, 109, 114, 115

Фай (ныне Нарпай), канал 84
Фарс 209
Фергана 12, 32, 67, 80, 84, 85, 91, 108, 109, 112, 113, 115, 117, 155, 167, 255, 291, 391
Фермопилы 49
Фессалия 61
Фируза, ворота см. Ворота
Фирузшах, мавзолей 242
Франция 176, 177, 179, 181, 183—190, 209

Хавас 235
Хазрат-Хызр, мечеть 13, 40, 42, 43, 376
Хайдар, мазар 243
Хайдарабад, ворота см. Ворота
Ханым, медресе 372
Харротон, квартал 282
Харьков 356
Хатырчи 265
Хауз-Санг 366
Хива 17, 261, 265, 347
Хивинское ханство 266
Хисар 199, 258
Ходжа-арык 285
Ходжа-Ахмад, мавзолей в комплексе Шахи-Зинда 241
Ходжа Ахрар, баня 17
Ходжа Ахрар, ворота см. Ворота
Ходжа-Ахрар (Мадраса-и-Сафед), медресе и кладбище 298, 300, 385, 388
Ходжа Данияр, мавзолей 38, 41, 44, 377
Ходжа Мухаммед-Чап, базар 267, 271, 273, 296
Ходжа Мухаммед Сангресан, кладбище 119
Ходжа Темима Ансари, могила 100
Ходжент (Ленинабад) 56, 88, 108, 109, 114, 151, 156, 163, 265, 266, 304, 305, 326, 343, 358
Хония, медресе 295
Хорасан 81, 83, 85, 88, 91, 94—109, 111, 112, 115, 116, 118, 125, 143, 149, 152, 156, 158, 159, 209, 214, 227, 230, 279
Хорезм 31, 32, 44, 48, 62, 80, 109, 113, 152, 153, 158
Хунбун, селение 79
Хурдафурушон, базар 267, 274
Хуттalян 108, 109

Цао, владение 126

Чакардиза, крепость 121
Чарджуй 318
Чармгарон, квартал 282
Чашма-Сиаб (Сиабча) 41, 120, 285
Чельдухтарон, стена 297
Черняево, станция (ныне Урсатьевская) 318, 319, 326, 334
Черняевская улица (ныне ул. Энгельса) 318
Чертак (в комплексе Шахи-Зинда) 301
Чиль-Сутун, дворец 252
Чини-хана 252, 399
Чирчик Робот 32
Чорраха, ворота см. Ворота
Чорсу, тим 301
Чу, река 77
Чупаната 9, 14, 23, 247, 388, 399
Чустский район 32

Шавгар 115
Шавдар, канал 119, 121, 284—286
Шавдарский тумен 284—286
Шади-Мульк-ака, мавзолей 178, 240, 241
Шаммоъон, базар 273
Шарбатдорон, квартал 282
Шахи-Зинда, ворота см. Ворота
Шахи-Зинда, мавзолей, мечеть 13, 43, 68, 79, 100, 135, 154, 167, 171, 191, 196, 214, 217, 239—242, 251, 252, 301, 303, 344, 372, 374, 376, 387, 394, 396, 404, 405
Шах-Мелик, медресе 242
Шахрисабз 163, 167, 237, 247, 259, 263
Шахрухия 228, 230
Шаш (Ташкент) 12, 77, 80, 84, 96, 107—109, 112, 114, 115, 163
Шейбани-хана, медресе 271, 273, 288, 296, 301
Шейх Басир, мазар 42
Шейхзаде, ворота см. Ворота
Шемаха 157
Ширабад 309
Шираз, город в Иране 15, 168, 235, 241
Шираз, селение около Самарканда 15, 168
Ширван 157,
Шир-дор, медресе 201, 298—303, 351, 372, 374, 378, 393
Ширин-бек-ака, мавзолей 240—242
Шубай-Асам, крепость 86
Шуман 89

Эйлатан, городище 32
Экбатан 62
Эллада 62
Эмир Бурундук, мавзолей 240—242
Эмир-заде, мавзолей 240
Эмир-заде Мухаммед Касым, базар 267, 271, 273
Эмир-заде Мухаммед Султан, базар, бани 267, 273
Эмир-Хусейн, сын Туглу-Текина, мавзолей 240

Ягноб 50
Яксарт см. Сырдарья
Янги, канал 286
Япония 314

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Самарканду 2500 лет 7

Глава I. **Древнейшие следы пребывания человека на территории Самарканда** 21

Глава II. **Самарканд в период рабовладельческого общества** . 31
1. Возникновение города . . . . . —
2. Водоснабжение древнего Самарканда . . . 40
3. Согд и его столица Самарканд 46
4. Самарканд в период завоевания Средней Азии Александром Македонским и борьба Согда за независимость 50
5. Архитектура, искусство, религия 68

Глава III. **Самарканд в эпоху раннего феодализма** . . . 75
1. Социальная и политическая обстановка . . —
2. Захват города арабскими завоевателями . . 78
3. Самарканд — центр освободительных войн против халифата 83
4. Роль Самарканда в возвышении Саманидов . 115
5. Водоснабжение Самарканда в период раннего средневековья 118
6. Религия, культура и искусство 125

Глава IV. **Самарканд в период развития феодализма** . . . 143
1. Самарканд в конце IX — начале XIII в. . . —
2. Завоевание города Чингиз-ханом 154
3. Восстание сарбадаров 158

Глава V. **Самарканд конца XIV—XV в.** 163
1. Самарканд — столица государства Тимуридов . —
2. Внешнеполитические связи Самарканда с государствами Западной Европы 173
3. **Ремесло и торговля** 195
4. Самарканд — центр научной мысли Мавераннахра **в XIV—XV вв.** 212
5. Литературная жизнь 231
6. Архитектура в конце XIV—XV в. 237

Глава VI. **Самарканд в XVI — первой половине XIX в.** . . 255
1. Шейбаниды в Самарканде . . . . . —

2. Политическая история Самарканда в XVII—первой половине XIX в. 261
3. Ремесло и торговля в XVI в. 266
4. Ремесло и торговля в XVII—первой половине XIX в. 281
5. Водоснабжение города 283
6. Наука, культура, искусство, архитектура . . 287

Глава VII. **Самарканд в колониальный период** 303
1. Последствия присоединения Самарканда . . . —
2. Революционное движение в Самарканде в годы первой русской революции (1905—1907) . . 312
3. Политическая жизнь в период реакции и нового революционного подъема (1907—1914 гг.) . . . 332
4. Культурная жизнь 340
5. Самарканд в годы первой мировой империалистической войны 353
6. Самарканд в период февральской буржуазно-демократической революции 360

Глава VIII. **Самарканд в отечественной и мировой науке** . . 368

Библиографический указатель литературы по истории Самарканда 409
Указатель собственных имен 459
Указатель географических названий 474

ИСТОРИЯ САМАРКАНДА, т. I

Редакторы *Н. Зиганшина, А. Неволина*
Художник *П. Воронкин*
Художественный редактор *В. Тий*
Технический редактор *А. Шевельков*
Корректор *А. Арзуманова*

Р15681. Сдано в набор 30/X-1969 г. Подписано к печати 9/X-1969 г. Формат 60×90¹/₁₆=15,38 бум. л.—30,75 печ. л. (7 вкл.) Уч.-изд. л. 30,7. Изд. № 2. Тираж 10000. Цена 2 р. 62 к.

Типография Издательства „Фан" УзССР, г. Ташкент, ул. Черданцева, 21. Заказ 227.

Адрес Издательства: ул. Гоголя, 70.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
86	4 сверху	на свои грехи	за свои грехи
171	подпись под рисунком	Ансамбль Шахи-Зинда мавзолея Казы-Заде-Руми	Мавзолей Казы-Заде-Руми в ансамбле Шахи-Зинда
229	подпись под рисунком	Мавзолей Ишрат-хана (вторая половина XV в.)	Медресе Тилля-Кари на Регистане (XVII в.)
238	5 снизу	В. А. Верещагина	В. В. Верещагина
407	9 снизу	Г. П. Синесарева	Г. П. Снесерева

